Министерство образования и науки РФ

Государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
Нижегородский государственный
педагогический университет им. Козьмы Минина

Исследовательская лаборатория НГПУ им. К. Минина
«Воспитательная педагогика А.С. Макаренко»

А.С. МАКАРЕНКО

ШКОЛА ЖИЗНИ, ТРУДА, ВОСПИТАНИЯ

Учебная книга
по истории, теории
и практике воспитания

Часть 7

1938 г.

Нижний Новгород
2014

УДК 371
ББК 74.03(02)
М 15

Макаренко А.С.
М 15 Школа жизни, труда, воспитания. Учебная книга по истории, теории и практике воспитания. Часть 7. Статьи о школе и художественной литературе, «Флаги на башнях», подготовительные материалы к «Путям поколения» и «Ньютоновым кольцам», рассказы, встречи с читателями, «Некоторые выводы из моего опыта», «О моем опыте», статьи, письма, дневниковые записи – 1938 г./ А.С. Макаренко; сост. и коммент. А.А. Фролов, Е.Ю. Илалтдинова, С.И. Аксёнов. – Н.Новгород: Изд-во НГПУ им. К. Минина, 2014. – 368 с.
ISBN 978-5-85219-349-0

Издание содержит произведения А.С. Макаренко, авторские материалы 1938 г., в хронологической последовательности раскрывающие московский период его деятельности, процесс развития социально-педагогических взглядов, литературно-художественного творчества и качеств личности как социального педагога-реформатора.

Вступительная статья о методологии его педагогики (подготовительные материалы) и обширные комментарии составителей отражают результаты проведенных в последние десятилетия макаренковедческих отечественных и зарубежных исследований.

Включает учебно-методический материал, позволяющий с учетом историко-педагогического опыта по-новому ставить и решать современные проблемы воспитания детей и молодежи. Дан именной указатель лиц, причастных к деятельности А.С. Макаренко в 1938 г.

Для специалистов в области педагогики, образования и культуры, социальной психологии и социологии, художественной литературы.

УДК 371
ББК 74.03(02)

ISBN 978-5-85219-349-0

© Фролов А.А., Илалтдинова Е.Ю., Аксёнов С.И., 2014
© Мининский университет, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей …… 11
Педагогика А.С. Макаренко: очерк методологии (подготовительные материалы) …… 41
О содержании данного тома…… 47
Подписи к фотографиям…… 50
Проблемы воспитания в советской школе. (В порядке обсуждения) …… 52
Записи в дневнике, 20 февраля – 15 апреля 1938 г…… 57
Письмо Л.М. Салько, 17 апреля 1938 г. …… 59
Записи в дневнике, 19 – 25 апреля 1938 г. …… 60
Подготовительные материалы к 2-й и 3-й частям «Флагов на башнях» (в описании) …… 61
Разговор с читателями «Книги для родителей» …… 61
Преподаватель словесности …… 66
Из письма А.А. Авдеенко, 3 мая 1938 г. …… 67
Запись в дневнике, 5 мая 1938 г. …… 68
Воспитание характера в школе …… 68
О «Книге для родителей». Встреча с читателями …… 73
Воспитательное значение детской литературы …… 86
Материалы третьей части «Флагов на башнях» (в описании) …… 89
Симфония Шуберта …… 90
Из письма К.С. Кононенко, конец мая 1938 г. …… 94
Премия …… 94
Запись в дневнике, 1 июня 1938 г. …… 99
Письмо Л.Н. Разумовой, 6 июня 1938 г. …… 99
Письмо А. Ромицыну, 8 июня 1938 г. …… 100
Запись в дневнике, 9 и 11 июня 1938 г. …… 101
План киносценария по «Флагам на башнях» …….. 102
Письмо пионервожатому …… 103
Из письма Нейман …… 104
Запись в дневнике, 15-24 июня 1938 г. …… 105
Против шаблона…… 106
Флаги на башнях. Часть первая (фрагменты) …… 111
Письмо А. Рамицыну, 1 июля 1938 г. …… 130
О подписке на заем …… 132
Запись в дневнике, 9 июля 1938 г. …… 132
Беседа с начинающими писателями …… 133
Фрагменты не обработанной А.С. Макаренко стенограммы беседы с начинающими писателями……..…… 139
Запись в дневнике, 14-17 июля 1938 г. …… 144
Письмо Дмитриеву, 17 июля 1938 г. …… 145
О книге «Честь» …… 146
Запись в дневнике, 19-28 июля 1938 г. …… 157
Семья и воспитание детей …… 158
Пути поколения. Действующие лица: главные и вторые (в описании) … 177
Запись в дневнике, 4 августа 1938 г. …… 178
Флаги на башнях. Часть вторая (фрагменты) …… 179
Запись в дневнике, после 4 августа 1938 г. …… 201
Пути поколения. Список действующих лиц и общих судеб …… 201
Телеграмма, 11 августа 1938 г. …… 205
Запись в дневнике, 12 августа 1938 г. …… 205

К вопросу о консультации ……. 205
Письмо Т.В. Турчаниновой, 14 августа 1938 г. …… 208
Письмо А.К. Виноградову, 14 августа 1938 г. …… 208
Письмо Н.Г. Шкляру, 14 августа 1938 г. …… 210
Письмо Ф.С. Борисову, 15 августа 1938 г. …… 210
Письмо С.А. Калабалину, 15 августа 1938 г. …… 213
Письмо С.П. Вельяминовой, 15 августа 1938 г. …… 214
Письмо Н.Д. Соколовой, 15 августа 1938 г. …… 214
Письмо А.М. Доленго, 15 августа 1938 г. …… 215
Письмо Л.Н. Разумовой, 16 августа 1938 г. …… 215
Письмо Ф.А. Дыбиной, 16 августа 1938 г. …… 216
Письмо А.Е. Коломийченко, 16 августа 1938 г. …… 217
Письмо В.Н. Терскому, 17 августа 1938 г. …… 218
Запись в дневнике, 18 августа 1938 г. …… 219
Директору Гослитиздата, 24 августа 1938 г. …… 219
Письмо В.М. Роот, 24 августа 1938 г. …… 219
Письмо Т.В. Турчаниновой, 28 августа 1938 г. …… 220
В поисках героя …… 221
Письмо А. Ромицыну, 31 августа 1938 г. …… 223
Флаги на башнях. Часть третья (фрагменты)…… 224
«Не может быть!» - начальная глава второй части «Флагов на башнях», написанная дополнительно к отдельному изданию этого произведения 238
На всю жизнь – глава третьей части «Флагов на башнях», не вошедшая в отдельное издание этого произведения …… 243
Принципы характеров положительной молодежи …… 246
Письмо Н.Ф. Шершневу, 7 сентября 1938 г. …… 246
Ньютоновы кольца. Роман. Посвящается XX-летию комсомола (в описании)…… 248
Запись в дневнике, 26 и 28 сентября 1938 г. …… 249
Общие замечания к типам первых 10 глав романа «Ньютоновы кольца» 250
Схема персональных отношений заключительных (в «Ньютоновых кольцах»)……. 252
Над чем работает писатель А.С. Макаренко (по интервью) …… 253
Стиль детской литературы …… 253
Запись в дневнике, 3 октября 1938 г. …… 258
Письмо Л.В. Конисевичу, 6 октября 1938 г. …… 259
Письмо С.А. и Г.К. Калабалиным, 6 октября 1938 г. …… 260
Письмо В.Г. Зайцеву, 6 октября 1938 г. …… 261
Письмо Ф.А. Дыбиной, 6 октября 1938 г. …… 263
Письмо Л.Н. Разумовой, 6 октября 1938 г. …… 263
Письмо М. Непорожней, 6 октября 1938 г. …… 264
Письмо Т.В. Турчаниновой, 6 октября 1938 г. …… 265
Письмо А.К. Коломийченко, 6 октября 1938 г. …… 267
Письмо В.М. Роот, 6 октября 1938 г. …… 268
Советские летчицы …… 268
Некоторые выводы из моего педагогического опыта …… 269
Из записной книжки, п.1230 …… 289
О повести «Флаги на башнях» …… 290
Запись в дневнике, 19 октября 1938 г. …… 296
Телеграмма Г.С. Макаренко, 19 октября 1938 г. …… 296
О моем опыте …… 296
Фототелеграмма О. и М. Езерницким, 21 октября 1938 г. …… 324
Письмо А. Ромицыну, 21 октября 1938 г. …… 325

Письмо М.Н. Меклер, 25 октября 1938 г. …… 326
Письмо П.П. Архангельского, 25 октября 1938 г. …… 327
Письма Г.С. Макаренко, 29 октября 1938 г. …… 328
Телеграмма Г.С. Макаренко, 30 октября 1938 г. …… 328
Письмо Г.С. Макаренко, 30 октября 1938 г. …… 328
Письмо Г.С. Макаренко, 2 ноября 1938 г. …… 330
Из письма С.А. Калабалину, 2 ноября 1938 г. …… 331
Письмо Г.С. Макаренко, 5 ноября 1938 г. …… 331
Телеграмма Г.С. Макаренко, 6 ноября 1938 г. …… 332
Полнота советской жизни рождает красочные новеллы …… 332
Письмо Г.С. Макаренко, 8 ноября 1938 г. …… 333
Из письма М.А. Барской, 8 ноября 1938 г. ……...…… 334
Письма Г.С. Макаренко, 11-12 ноября 1938 г. ……..…… 335
Письмо В.Н. Колбановскому, 12 ноября 1938 г. ……..…… 336
Телеграмма Г.С. Макаренко 14 ноября и письмо ей 15 ноября 1938 г….. 337
Письма Г.С. Макаренко, 16 и 18 ноября 1938 г. …… 338
Телеграмма и письма Г.С. Макаренко, 20 и 21 ноября 1938 г. …… 340
Письма и телеграммы Г.С. Макаренко 23-26 ноября 1938 г. …… 342
Ньютоновы кольца, роман. Главы третья-пятая (в описании) …… 343
Доктор …… 344
Именной указатель лиц, причастных к творческой деятельности
А.С. Макаренко в 1938 г. (март-ноябрь)…… 348
Учебно-методический материал …… 349
Макаренковедческие отдельные издания, публикации, сделанные
во 2-й пол. 2012 г., в 2013 г. и начале 2014 г. …… 351

23 марта 1938 г.

Между классным коллективом и советским обществом нет связующего звена - … нет самой школы как единого общественного организма.

… Коллектив учащихся школы не должен превышать тысячи… Каждая школа должна иметь свое лицо… Только создав единый школьный коллектив, можно разбудить… могущественную силу общественного мнения…

Под флагом индивидуального подхода не следует протаскивать мещанское индивидуалистическое воспитание.

Школьник, изображенный драматическим злодеем, разлагает даже учителей… У нас в школе не знают даже выговора… Руководство органами школьного самоуправления должно составить главную заботу директора школы.

Апрель 1938 г.

Государство нам поможет, потому что мы заслужили помощь, … честно делаем то, что нашей стране нужно, - учимся правильно, по-советски жить.

…Методика семейного воспитания не только у нас, но и в буржуазных странах почти не разработана… Английская «средняя семья» сильно отличается от семьи немецкой или французской… Больших [новых] семейных традиций у нас накопиться не могло… Есть тенденции, которые можно наблюдать в нашей семье.

Жизнь есть не только подготовка к завтрашнему дню, но и посредственная живая радость. Сделать эту радость не противоречащей долгу, стремлению к лучшему – это значит решить вопрос об этике большевистского поведения.

7 мая 1938 г.

В школе нужно: единый школьный коллектив преподавателей и учеников, … усиление воспитательного центра, … воспитание воли и ответственности, … большая связь школы с общественной жизнью страны.

…Перегибы в борьбе за успеваемость,… бюрократическое омертвление самой идее соревнования, … почва для глубокого, самого настоящего развращения ученика и целых классных групп… Игнорируют действительно средние и небольшие способности у того или иного ученика.

Борьба за образцовую школу должна быть борьбой… за настоящий советский стиль в нашей школе… В воспитательной работе не хватает… прямой, энергичной целеустремленности, логики в деталях… Содержанием нашей работы должно стать деятельное, целеустремленное, ответственное, политическое воспитание характера.

Безнаказанность в школе обязательно обращается в беззащитность большинства учеников… В моем коллективе считалось, что наказание не унижает, а напротив, доказывает товарищеское отношение к виновному.

9 мая 1938 г.

Советская семья должна быть трудовым коллективом… Я являюсь сторонником большой семьи.

Любовь нужно тоже уметь организовать… Мать, которая ограничивает свои обязанности простым прислуживанием детям, - это уже раба своих детей, а не мать воспитывающая.

Трудно надеяться, что по книге можно научиться воспитанию, но научиться мыслить, войти в сферу мыслей о воспитании, можно.

Правильное воспитание – это организация счастья.

Успех воспитания человека определяется в младшем возрасте до 5 лет…

Главный принцип… - найти середину – меру воспитания активности и тормозов… Это должно воспитываться с первого года… Перевоспитание в семье – дело очень трудное… С 2-х лет ребенок должен быть членом коллектива, разделяя ответственность за счастье и несчастье.

Самочувствие родителей (вообще педагогов, старших – А.Ф.) является… одним из основных методов воспитания.

Должна быть близость [к детям], но должно быть и расстояние… Некоторая такая почтительность, небольшая, неофициальная, должна быть.

Способность ориентировки… С 3-4 лет нужно воспитывать способность разбираться в окружающей обстановке.

Если были случаи счастливого «перелома» личности [при перевоспитании], то только путем «взрыва».

Каждая [литературно-художественная] книга для детей прежде всего должна преследовать педагогические цели… Для заключения об этом требуется очень тонкая педагогическая логика… Цель воспитания цельной человеческой личности…

Книга [для детей] должна быть ярко жизнерадостной…

Особая яркость и полнокровность красок, совершенно явный реализм, точнее разделение светлого и темного.

11 июня 1938 г.

Основная тема «Флагов на башнях»: борьба детского коллектива (советского коллектива) за человека, за культуру, за новую жизнь и одновременно с этим за новую культуру воспитания.

Подтемы: рост и социализация отдельной личности,… рост и изобретение новых педагогических приемов, материализация педагогики, … переделывание взрослых; никаких нервов не нужно.

30 июня 1938 г.

Наша жизнь сплошь новая… Каждый день приносит нам самые новые и неожиданные открытия в самой природе человека, в его красоте, радости, любви и даже в его слабости, страдании, ошибке.

В нашем Союзе более 170 млн. индивидуальностей, совершенно отличных, неповторимых… Эта картина усложнена тем, что все они живут на свободе, для них открыты широкие дороги, они не задавлены эксплуатацией и нищетой.

… Наше счастье ни в какой мере не напоминает райского житья, полного святости и бездеятельности…

Свобода нашей жизни приводит к обнажению конфликта… Секрет и прелесть нашей жизни не в отсутствии [социального] конфликта, а в нашей готовности и умении его разрешать.

11 июля 1938 г.

Алексей Максимович [Горький] моей колонией интересовался исключительно с точки зрения педагогической революции. Его интересовали новые позиции человека на земле, новые пути доверия к человеку и новые принципы общественной, творческой дисциплины.

… Гражданин советской страны… И его характер, и его личность не могут быть описаны, если отбросить те черты характера, которые возникают и развиваются в процессе работы, трудового общения с другими людьми.

Кто хочет быть хорошим советским писателем, тот должен начинать с вопроса о своем отношении к жизни. Он должен активно участвовать в этой жизни, активно ее изучать… Решающим в писательской работе является… культура личности писателя.

Сер. июля 1938 г.

В нашем рабочем классе, в русском народе я видел и всегда вижу богатые силы, сложные личности, тонкие движения ума и сердца. Я знаю свой народ прекрасным, сильным, способным на подвиг и мужество.

То, что видел Ленин [в революции] с высоты своего гения, с марксистских диалектических вершин, то в самой толще народа могло принимать самые разнообразные формы, самые тонкие извилины.

22 июля 1938 г.

Любовь – это самое великое чувство, которое вообще творит чудеса, творит новых людей, создает величайшие человеческие ценности, которые могут быть созданы человеческим духом, - это самое чувство становится… причиной создания негодных людей.

…Я хочу, чтобы человек был способен на подвиг, был настоящий человек, с большой душой, большими страстями, стремлениями, … чтобы это не был раззява, который может все раздать, … добрый очень… Дети должны быть счастливы.

Какую долю самостоятельности, свободы нужно предоставить ребенку… и что предоставить его собственной воле? … Воля – это… желание и остановка, желание и отказ одновременно.

…Я очень счастливый человек… Прекрасные времена, когда и того, казалось, недостает, и другого еще нет, а есть духовное единение, силы в душе и влечет вперед.

Лето 1938 г.

Как только литература переходит к изображению собственно социалистических явлений, ей необходимо пересмотреть свое отношение к конфликту… Конфликт становится более тонким, более глубоким, более нежным, он отражает сокровенные глубины человеческой психики. Это «очеловечивание» конфликта…

14 августа 1938 г.

Писателем может быть только тот человек, который талантливее и острее разбирается в самой жизни, у которого жизненный анализ стремится претвориться в художественной форме, в художественном синтезе, … по-новому, с особым стилем и особым выражением.

15 августа 1938 г.

В социализме идея коллективности выражена в наиболее совершенных формах, … но через несколько тысяч лет будут найдены новые, еще более богатые выражения коллективности.

Я люблю жизнь такой, какой она есть. Она прекрасна именно потому, что не рассчитана по эгоизму, что в ней есть борьба и опасности… Люди научатся жить лучше и дольше, но все равно… с той же полнотой радости и горя, т.е. с полнотой ощущения.

Сентябрь 1938 г.

Наша книга [для детей] не должна строго следовать за возрастным комплексом психики, она должна быть впереди этого комплекса… Ребенок любит движение, события, он горячими глазами ищет в жизни перемен, его воля требует движения…

16 октября 1938 г.

…Я никогда не исходил из элемента правонарушения или беспризорности и считал, что если бы я вырабатывал свои методы по логике, где основной предпосылкой является преступление, … то я уходил бы от нашей советской идеологии и приближался к ломброзовской идеологии… Это проистекает из моей доверчивости к человеку или, скорее, из любви к нему.

Моим основным принципом (а я считаю, что это принцип… всех советских педагогов) всегда было: как можно больше требования к человеку, … как можно больше уважения к нему. В нашей диалектике это, собственно говоря, одно и то же…

…Метод [воспитания] не может быть выведен из представления о паре: учитель плюс ученик, а может быть выведен только из общего представления об организации школы и коллектива.

…Нельзя представить себе коллектив, если взять попросту сумму отдельных лиц. Коллектив – это социальный живой организм, … он имеет органы, там есть полномочия, ответственность, соотношение частей, взаимозависимость, а если этого нет, … есть толпа или сборище.

…Коллектив учителей и коллектив детей – это не два коллектива, а один коллектив, … коллектив педагогический, [воспитательный].

…В детском возрасте есть потребность в игре, и ее нужно удовлетворить… Вся организация детского коллектива должна быть пропитана этой игрой, а мы, педагоги, должны в этой игре принимать участие.

…Право наказания должно быть сосредоточено в одном геометрическом центре, чтобы было какое-то единство, а во-вторых, наказывать необходимо всегда, когда нужно наказывать…

…Воспитательную и хозяйственную власть необходимо объединить…

…Больший риск, по сути дела, часто больше заключается в нашем непротивленчестве, чем в прямой, искренней и открытой борьбе с некоторыми тенденциями в развитии ребенка.

… Мы, учителя, представляем государственное социалистическое учреждение… и естественно, что наши воспитанники – тоже члены этого сектора, они должны вносить в семью нашу правильную культурную и моральную идею.

…Нужно, чтобы коллектив знал, что в наказании тоже проявляется уважение. Это, безусловно, трудная и сложная философия…

…Мы признаем риск, если в нем заложено стремление к правильной советской цели… Отказаться от риска – значит отказаться от творчества.

…Рядом с коллективом нужно поставить мастерство… Нужно воспитывать педагогов, а не только образовывать.

…Хорошо сказанное детям деловое, крепкое слово имеет громадное значение… Нужно уметь сказать так, чтобы они в вашем слове почувствовали вашу волю, культуру, вашу личность.

Я говорю о воспитательном таланте, в отличие от таланта преподавательского.

18 октября 1938 г.

…Мальчики и девочки в [трудовом, воспитательном] коллективе – это прежде всего граждане… Чем больше гражданский долг связывается с их ростом и воспитанием, тем более полноценные воспитываются из них люди.

Все дети любят дисциплину.

Главнейший метод [воспитания] – это была вся колония, все общество, весь коллектив.

Я стою за общественность в педагогике… Я хочу отвечать за свою «продукцию», за воспитанников моих и моих сотрудников, … за всю эту советскую организацию…

…Я все свои 16 лет советской педагогической работы главные свои силы потратил на решение вопроса о строении коллектива, его органов, о системе полномочий и системы ответственности.

20 октября 1938 г.

…Дети из семьи… По извилистости характеров, по их яркости и сопротивляемости они кажутся мне в моем опыте наиболее трудными.

…«Трудных детей» совершенно нет… Расстояние между моральной социальной нормой и моральными социальными искривлениями очень незначительно… Это расстояние надо пройти как можно быстрее.

…Я не видел больше таких коллективов, какой был у меня… И я не один создавал этот коллектив.

Организация коллектива должна начинаться с решения вопроса о первичном коллективе… Это коллектив, который уже не должен делиться дальше, … не может быть меньше 7 и больше 15 человек… Идеальным первичным коллективом является такой, который одновременно ощущает и свое единство…, и в то же время то, что это не компания друзей, а явление социального порядка…

… Во главе первичного коллектива должен быть обязательно единоначальник…, уполномоченный этого коллектива… Это коллектив, наиболее напоминающий семью… Командир отряда выбирался не отрядом, а общим собранием коммуны.

Совет командиров [отрядов, первичных коллективов] – это был орган оперативного управления, который должен был работать по тем задачам и темам, которые возникают каждый день, которые нельзя предусмотреть в плане.

Наша дисциплина – это соединение полной сознательности… с ясной, совершенно точной внешней формой… Дисциплина не может быть условием работы, она может быть только результатом всей работы и всех методов… Все в коллективе в конечном счете принимает форму дисциплины… Этот результат проявляется даже тогда, когда человек, оставаясь наедине, должен знать, как поступать.

Дисциплина – это глубоко политическое явление, это то, что можно назвать самочувствием гражданина Советского Союза.

У нас нет воспитательной педагогики.

…Наша советская государственная школа должна занимать более важное, более блестящее и более величественное место в нашей жизни… Добейтесь, чтобы это было крупное государственное учреждение.

От всех комсомольцев я требовал идеального поведения… Новеньких не наказывал.

18 ноября 1938 г.

…То, что я больше всего уважаю, - ум, который не сам из себя варит и сам из себя плетет, а настоящий, букетный, синтетический, обладающий глазами, торможением, уважением к себе и скромностью.

Товарищам и единомышленникам А.С. Макаренко, писателям, педагогам, журналистам, работникам различных учреждений, в 1938 г. активно участвующим в его деятельности как социального педагога-реформатора, - посвящается эта книга.

От составителей

Педагогика А.С. Макаренко: очерк методологии (подготовительные материалы)[1]

Педагогика А.С. Макаренко: основы методологии

1. Методология педагогики – это уже давно самая «неподъемная» ее часть. А ведь методология – фундамент науки, гарант ее успешного действия.

В «Российской педагогической энциклопедии» (1993 г.) и в «Педагогической энциклопедии» (т.2, 1965 г.) нет специальной статьи о методологии; ей посвящены лишь один-два абзаца в обширных статьях «Педагогика». В словарях по педагогике (2004, 2008 гг.) нет термина «методология»; обозначены различные «подходы», ведущие начало от советского «комплексного подхода».

Создается впечатление, что сейчас проблемой методологии никто не хочет заниматься. Но методологию нельзя «забыть». Она ***реально действует*** в основах современной педагогической теории и практики. Они всецело и последовательно утверждают идеи индивидуализма.

Результаты же таковы, что лучше не вдаваться в содержание этой методологии, ссылаясь на «деидеологизацию» образования и педагогики. Индивидуализм невозможно представить в гуманистическом духе. А отказ от научно-обоснованной идеологии – это создание бездушной педагогики, в ней действуют лишь «технологии», человек превращается в хорошего профессионала, «винтик» социально-экономического механизма.

2. Методологию очень хорошо определяют как «душу» научного исследования, его мировоззренческие, философские предпосылки. В социально-гуманитарном знании это прежде всего то или иное видение путей познания и преобразования мира. Здесь огромное значение имеют этические представления, обращение к материальным и духовным основам жизни человека и общества.

Можно сказать, что в методологии гуманитарных наук присутствует элемент ***веры***, принятой в тысячелетней человеческой истории. Это культура, т.е. социально-унаследованные непреложные этические предписания-заповеди, навыки и привычки, традиции. Они регулируют общественное поведение в преодолении человеческой разобщенности, вражды и эгоизма.

В связи с этим А.С. Макаренко прибегает к понятию «здравый смысл». Он говорит: среди теоретических, «дедуктивных» положений, направляющих педагогическое творчество, необходимо иметь в виду и то, что заложено «в накопленном веками социальном и культурном опыте, концентрируемом в так называемом здравом смысле» [2, Часть 3, с.56].

3. Методология макаренковской педагогики основана на безграничной вере в человека, в неисчерпаемые возможности его развития, в могущество воспитания и в то, что «каждый человек хорош», «каждый человек в чем-то обязательно одарен» [2, Часть 4, с. 269 и Часть 5, с.183]. А.С. Макаренко непоколебимо верит в культуру, в жизнь, общественный прогресс.

---

[1] Продолжение; начало см.: в части 3 данного издания, с. 8-26; части 4, с. 8-29; части 5, с. 9-36; части 6, с.9-40.

Это не просто научная гипотеза. Здесь действует исторический оптимизм, основанный на достижениях человеческой цивилизации. Вера в лучшее будущее, воспринятая не только умом, но и всей силой чувства и воли – базовый компонент макаренковского этико-педагогического принципа: «Как можно больше уважения к человеку, как можно больше требования к нему».

В отношении детей и подростков, юношества этот принцип означает качественно новый уровень ***доверия*** к ним, к их неизмеримо возрастающим возможностям и потребностям. Молодежь, говорит А.С. Макаренко, должны обладать «правам гражданства», активно-творческого участия в общественной жизни.

Это право естественно вытекает из активного участия молодежи в производительном труде. Труд – основа основ человеческого существования и культуры, духовной жизни общества и личности.

«Надо уметь работать [в воспитании] с верой в человека, с сердцем, с настоящим гуманизмом» [2, Часть 5, с.99].

4. Итог сказанному можно подвести в определении: первым признаком макаренковской методологии педагогики является то, что это ***оптимистическая*** методология. Она отражает состояние успешно развивающегося общества, ее породили и поддерживают прогрессивные социальные силы.

Антипод этому – ***пессимистическая*** методология неверия в будущее, простого приспособления к настоящему. Это продукт консервативных сил, стремящихся к сохранению социальных привилегий, общественного расслоения и насилия.

В методологии А.С. Макаренко действует социально-нравственный ***идеал*** – вдохновляющий элемент человеческой и педагогической истории. Это представление об образце общества и личности; он постоянно изменяется в своем высшем смысле и всегда остается «путеводной звездой».

Идеал А.С. Макаренко-педагога – высокоорганизованное общество свободных и сознательных тружеников, высокая производительность труда, всестороннее и гармоническое развитие каждого члена общества. Все его наследие посвящено не просто воспитанию, а ***новому*** воспитанию и педагогике, созидающей нового человека.

Его педагогика – не «детская», она социальная, ее суть: «социальный реконструктивизм – применение педагогических методов к социальным проблемам» [6, p.19]. В этом качестве она далеко отходит от вульгарной трактовки исторического материализма, когда признание первенства производительных сил в общественном прогрессе сводит на нее роль человеческого фактора, воспитания-образования и педагогики как науки.

5. Отсюда второе определение: методология А.С. Макаренко – это методология социально-творческой, ***«целеустремленной»*** *и* ***«ответственной»*** педагогики. В его «педагогике завтрашнего дня» согласуются три функции: охранительно-стабилизирующая (закрепляющая социокультурные достижения прошлого); современно активная (решение педагогических задач своего времени); функция прогрессивно-опережающая (она отражает назревший прорыв к новому качеству жизни общества и человека).

В наследии А.С. Макаренко четко определяется фундаментальная задача педагогики: выявление закономерностей взаимодействия педагогических ***целей, средств и результатов.*** Преодолевается «размытость» предмета педагогики, в ее связи с другими отраслями социально-гуманитарного знания. Устраняются коренные недостатки педагогики: ее беспомощность, разрыв теории и практики, рассогласованность педагогических целей и средств, стремление уйти от проблемы результативности применяемой теории и практики.

В практико-ориентированной педагогике А.С. Макаренко хорошо представлены все четыре ее «этажа»: методологический, теоретический, организационно-педагогический и технологический.

Противоположность этому – педолого-педагогическая методология, отрицающая приоритет идеала и целей в педагогике. Она ограничивается лишь созданием условия для произвольно свободного «проявления» индивидуальной «программы» природного развития личности. Так декларируется; на самом деле здесь идеалом становится человек-индивидуалист.

6. В методологии А.С. Макаренко господствует будущее, ***категория времени***, триада ***«прошлое-настоящее-будущее»***. Первостепенным является понятие «педагогический процесс». Педагогическая система определяется как момент, этап развития процесса.

Это имеет принципиальное значение в отношении детей. Особое внимание к их росту и быстрому развитию, необходимость уже во младенчестве на одно-два десятилетия вперед проектировать физическое, умственное и социально-нравственное воспитание – специфическая особенность педагогики. Обращаясь к ***диалектическому методу***, А.С. Макаренко имеет в виду прежде всего ***развитие*** педагогических явлений. Мудрые говорят: «Развитие – синоним жизни».

В этом плане А.С. Макаренко основательно использует другой главный постулат диалектики: ***противоречия – источник развития***. Противоречия преодолеваются, но не исключаются, т.к. это означает застой. Остановка – «форма смерти свободного рабочего коллектива» [2, Часть 3, с.269].

Основное противоречие: между воспитанием и жизнью – у А.С. Макаренко предстает в совокупности многих первостепенных проблем: педагогика и политика, социальное и природное, общее и индивидуальное, свобода и дисциплина, развитие и стабильность, любовь и долг, уважение и требование, внешние и внутренние предпосылки воспитания, объективные и субъективные и т.д.

7. Включение этих ***дихотомий*** в систему педагогического мышления и действия, преодоление «парных оппозиций» - глубинная основа выдающихся успехов А.С. Макаренко как педагога-теоретика и практика. Ключевое значение здесь имеет понятие «параллельности», т.е. не исключение противоречий, а их согласование, не разделительное ***или-или***, а соединительное ***и-и***.

Это методология ***«педагогики параллельного действия»*** [2, Часть 4, с.209]. Различное и даже противоположное в «парной оппозиции» согласуется так, что то и другое сохраняет свою специфику, при действии приоритетного компонента. Производительный труд может остаться экономически эффективным при безусловном подчинении педагогическим целям. Приоритет коллектива может стать фактором, наиболее благоприятствующим личности, ее воспитанию и индивидуальному развитию.

В русле этой методологии А.С. Макаренко разрабатывает ***«логику педагогической целесообразности»***, «педагогическую логику». В ней обозначаются педагогические закономерности, т.е. устойчивые причинно-следственные связи. Обосновываются векторы педагогического мышления и действия: от целеустремленного жизненного опыта – к его осознанию и продуктивному знанию; от коллектива – к личности; от объективных условий – к развитию человеческих потребностей, интересов.

В итоге можно так определить третью особенность макаренковской методологии: она создает живой, противоречиво развивающийся процесс «параллельного» педагогического действия, в нем превалирует категория времени.

Соперничающая с А.С. Макаренко традиционная методология ставит во главу угла понятие «педагогическая система». При игнорировании категории времени система превращается в окостеневшее, мертвое образование, инструмент насильственного «прямого» педагогического действия.

8. Реализуемые А.С. Макаренко в педагогике базовые философские категории времени и пространства точно соответствуют философскому представлению в едином ***«времени-пространстве»***, первоосновой которого является движение. Это воплощается в макаренковских ***«перспективных линиях»*** коллектива и личности. Здесь выделяемые в аспекте времени перспективы близкая, средняя, дальняя предстают в органическом единстве с действующими в аспекте пространства перспективами индивидуальной, групповой, коллективной, общественной [2, Часть 3, с.38].

Таким образом А.С. Макаренко ввел в научный оборот понятия ***«время педагогической»*** и ***«пространство педагогическое»***, этот факт относится к 1935 г. Для сравнения: в социологии понятия «время социальное» и «пространство социальное» начали применяться в 1970-х гг. [3, с.79, 423-429].

9. Категорию пространства А.С. Макаренко широко использует в определении ***педагогического «поля», предмета педагогики***, его границ в связи с другими науками об обществе и человеке. Исходным является положение: ребенок, каждый гражданин «подвергается воспитанию либо в специально-организованных формах, либо в формах широкого общественного воздействия» [2, Часть 6, первые стр. «Проблем школьного советского воспитания. Лекции»].

Это обычное разделение воспитания в «узком» смысле (специальная педагогическая деятельность) и в «широком» (социальное явление, неподвластное педагогике) макаренковская методология преодолевает. Глубокий прорыв в истории педагогики совершается путем образования ***«воспитательного коллектива»*** как связующего звена жизни детей и «взрослой» жизни общества.

Это единый трудовой коллектив педагогического учреждения, он обеспечивает взаимодействие старшего и младшего поколений. Две функции этого коллектива: оберегать детей от преходящих превратностей сегодняшней общественной жизни; включать детей в творческое совершенствование жизни общества по всем ее основным направлениям.

Так обозначается четвертая особенность макаренковской методологии: ***расширение*** педагогического пространства, воспитание через коллектив педагогического учреждения, тесно связанный с жизнью государства и общества.

Антипод этого – методология, где педагогической «поле» сводится к минимуму, к паре «педагог-воспитанник», к «парной педагогике». И результат ее минимальный, ущербный: «уединенная», социально и нравственно ограниченная личность человека-индивидуалиста.

10. Очень важно, что в пространстве педагогики А.С. Макаренко четко выделяет две главные области: воспитание и обучение.

Содержание воспитания и обучения он определяет не схоластически, а по сфере их действия. Область нового воспитания – социально-коллективистский жизненный опыт, его содержание, мотивация практических действий и их «переживание», волевая и эмоциональная, духовно-нравственная насыщенность. Сфера обучения – знания и навыки умственной и практической, трудовой, профессиональной деятельности.

В макаренковской методологии не только разделяются эти две области (при их диалектически-органическом единстве), но и утверждается ***приоритет воспитания***, им обеспечивается успех социализации, обучения и развития личности. Разработка педагогики как ***науки о воспитании*** – пятый признак педагогической методологии А.С. Макаренко. В этом заключается главный секрет замечательных достижений его педагогической практики и теоретической работы в педагогике.

Его социально-педагогической концепции противостояла при жизни и в дальнейшем, в настоящее время противостоит педолого-педагогическая методология. Ее основа – приоритет природного развития личности и пассивно-потребительское отношение к жизни. Противоречащей является и основанная на первенстве обучения

«дидактическая» педагогика и «школа учебы», технократически и узко профессионально ориентированные. За 5 месяцев до своей кончины А.С. Макаренко констатировал: «У нас нет воспитательной педагогики» [1, т.8, с.179].

11. Шестая особенность его методологии: превращение педагогики в подлинную науку, ***экспериментально-опытную***, приближающуюся к точности естественно-научного знания. С 1920 г., в течение 15 лет А.С. Макаренко целеустремленно проводил опыт практической проверки и развития идей «Декларации Наркомпроса УССР о социальном воспитании детей». Обучение в опытном плане он не затрагивал, оно осуществлялось в обычном, общепринятом порядке.

Это опыт педагогического учреждения в целом, основанный на индуктивном методе, при «направляющем значении» дедуктивных положений, с периодической фиксацией данных опыта и его осмыслением в итоговых материалах разного рода. Апробировалась ***педагогическая система***, противоречиво развивающаяся, открытая, обладающая мощным творческим потенциалом.

Ее ядро – цель воспитания характера, человека сильной воли, глубоких чувств, ясного ума и активного действия. Эта система обеспечивает «свободу в самочувствии воспитанника», он может «более просто и радостно переживать свое детство» [2, Часть 1, с.168]. Воспитание становится «естественным» (по выражению Ж.Ж. Руссо), жизненно ориентированным: оно направляется не чьей-то волей, а исключительно обстоятельствами и потребностями жизни, специально-организованной в педагогических целях.

12. Антипод макаренковской опытно-экспериментальной педагогики – педагогика отхода от развивающейся жизни, педагогика умозрительно-декларативная, «дедуктивная», догматическая. Она не располагает надежной доказательной базой, по существу не стремится быть наукой.

Взятые априори и устаревшие положения реализуются в технологиях, направленных к исполнению. Метафизический способ мышления и действия позволяет оправдывать педагогические цели и средства общества потребления, рыночно-денежных отношений, частно-собственнической психологии, социальной пассивности и безнравственности.

Макаренковская трудовая колония им.М.Горького и трудовая коммуна им. Ф.Э. Дзержинского – это ***взгляд в будущее***. Оно ярко проявилось в следующем: свободный труд, преодоление отчуждения работников от средств производства и результатов труда, «хозяйствование», переход от административно-правового управления к самоуправлению, приоритет морального фактора в социальном управлении, «одухотворение» уклада жизни.

Реальность и эффективность всего этого подтверждаются фиксацией жизненных судеб 400 воспитанников А.С. Макаренко (всего их более 2000) – факт, не имеющий прецедента в мировой истории педагогики.

13. Наконец, седьмая особенность методологии А.С. Макаренко, самая замечательная, связана с его необычайно успешной деятельностью одновременно как педагога-практика, теоретика педагогики и писателя, художника слова. Это уникальное в мировой педагогике явление неразрывного ***единства трех путей познания и преобразования мира***: опытно-практического, рационально-научного и ассоциативно-образного, свойственного искусству.

Значимость этого триединства в педагогике А.С. Макаренко еще просто не замечается. Из его наследия по сей день используется очень небольшая часть, лишь близкая «детской» педагогике школы. В аспекте его деятельности как социального педагога-реформатора предстоит осмыслить весь комплекс его художественных произведений, публицистические выступления, литературные рецензии, литературоведческие работы, различные рабочие записи.

14. В последние 3-4 десятилетия происходит новое возвышение статуса макаренковского наследия, осознается его значимость для развития производства и экономики, социального управления, менеджмента. В этом отношении показательны оценки, данные видными отечественными экономистами Л.И. Абалкиным и Г.Х. Поповым; выясняется связь перспективных идей А.С. Макаренко с отмеченными американским социологом Ф. Фукуямой прогрессивными тенденциями в экономике современных промышленно развитых стран [4, с.62].

Недавно, в сентябре 2012 г., на Международном инвестиционном форуме в г. Сочи И. Адизес, авторитетный в мире американский специалист по менеджменту, говоря о культурном вкладе России в мировое наследие, сказал:

«… Одну книгу я прочел в 10-летнем возрасте, это книга Гайдара «Тимур и его команда». А сегодня книга, которую я знаю до сих пор почти наизусть, - это «Педагогическая поэма» Макаренко. Это две книги, которые сделали меня тем, кто я есть [7].

Наверное, пройдет еще немало времени, когда наше руководство, деятели образования и педагогики, социологии, политологии смогут приблизиться к необходимому уровню понимания и оценки наследия А.С. Макаренко.

Литература

1. Макаренко А.С. Педагогические сочинения: в 8т./сост. А.А. Фролов (по всем томам) Л.Ю. Гордин, М.Д. Виноградова (по отд. томам). – М., 1983-1986.
2. Макаренко А.С. Школа жизни, труда, воспитания. Учебная книга по истории, теории и практике воспитания. Части 1-6. 1921-1938 гг. /сост. А.А. Фролов, Е.Ю. Илалтдинова, С.И. Аксёнов – Н.Новгород, 2007-2013.
3. Российская социологическая энциклопедия /под общ.ред. Г.В. Осипова. – М., 1998.
4. Фролов А.А. Административное управление и самоуправление в педагогике А.С. Макаренко //Педагогика, М., 2009, №5.
5. Фролов А.А. «Человек в системе производства» у Ф. Фукуямы и А. Макаренко //Вопросы экономики, М., 2010, №8.
6. Gehring T., Bowers F.B., Wright R. Anton Makarenko: «The John Dewey of the USSR» //journal of Correctional Education. Lanham: Dec.2005. V.56, Iss.4.
7. Адизес И. Выступление на Международном инвестиционном форуме в Сочи, сент. 2012 г. (синхронный перевод на рус.яз.).

(Автор Фролов А.А. Опубликовано: Педагогика А.С. Макаренко: воспитание и жизнь (достижения и проблемы). Материалы международной научно-практической конференции /сост. Е.Ю. Илалтдинова, С.И. Аксёнов, под ред. А.А. Фролова. – Н.Новгород, 2013. Полно дано в колл. монографии: Педагогическое наследие А.С. Макаренко и современность. – Харьков, 2013, укр.яз.; в отд. Издании: Фролов А.А. Педагогика А.С. Макаренко: основы методологии (в сравнении с другими концепциями педагогики). – Н.Новгорода, 2013)

Педагогическая вера А.С. Макаренко (по «Флагам на башнях»)

«Моя педагогическая вера» – так Дж. Дьюи назвал вышедшую в 1887 г. статью, она стала манифестом его педагогики. Художественно-педагогическим манифестом А.С. Макаренко считается его «Педагогическая поэма». Ее предтечей был «Очерк работы Полтавской колонии имени М. Горького», написан в 1925 г. Тогда вполне определились педагогические достижения этого учреждения, обозначились методологические основы творчества А.С. Макаренко.

«Флаги на башнях» – художественное произведение, завершающее его работу в педагогике, это его «последнее слово» и, можно сказать, завещание и исповедь [6, часть 6, с 8-312]. Концентрированно выразив таким образом глубокое существо своего новаторства и борьбы в педагогике, он вызвал острую критику. Она стала ударом, который привел его к преждевременной кончине в 50 лет, 1 апреля 1939 г.

И до настоящего времени «Флаги на башнях» продолжают восприниматься в основном как «неудачное» произведение, прежде всего в художественном отношении. Но за этим стоит явное отрицание воплощенной в нем макаренковской концепции педагогики. Фактически повторяется то, что в конце 1930-х гг. говорили критики «Флагов на башнях», а аргументы А.С. Макаренко в реакции на нее должным образом не воспринимаются.

Для критика ***Ф. Левина*** (декабрь 1938 г.) повесть А.С. Макаренко «сентиментальна и паточна», это «сказка, рассказанная добрым дядей Макаренко», изображается «неестественно-сладкое счастье». Все это «способно привести в умиление и священный восторг самую закоренелую классную даму института благородных девиц, самую строгую «цирлих-манирлих».

И тут же: описывается «действительно великолепный, замечательный коллектив, его люди интересны и содержательны; устройство колонии и ее распорядок необычайно любопытны и поучительны [3].

Одновременно с этим отзывом появилась пародия ***А. Флита*** на «Флаги на башнях». Фрагмент ее: «Петькины каре-золотистые глазенки смотрели доверчиво, и его розовые ручонки в ослепительно белых манжетах весело тянулись к коллективу» [9].

М. Лоскутов писал: «неудача» произведения связана с тем, что оно «насажено на неправильный стержень» – взгляд автора на особенности детской литературы (повесть первоначально предполагалась для Детиздата. – А.Ф.). «В чудесном саду-колонии, созданном автором, щелкают искусственные соловьи»; это «мечта автора». И другое: показана «чистота моральной атмосферы, благородство человеческих отношений». Родимые пятна прошлого детей «растворяются почти автоматически, в чудесно преобразованной среде, созданной силой человеческого коллектива» [5].

А. Рагозин: это утопия, «сказочная страна чудес». Автор «оборвал все нити, связывающие его произведение с жизнью». О детях: «их нежные и чувствительные сердца так и рвутся к труду». Все недостатки исправляет «добродушная улыбка и мягкая ирония», «демонстративное негодование». Это педагогическая полемика в форме «мечты об идеальной колонии». «Памфлет, направленный против ненавистной автору педагогической теории» [8].

Отклик А.С. Макаренко на эту критику – ***«Открытое письмо товарищу Ф. Левину»*** [7, т. 7, с. 204-208]. Написано 29 января 1939 г., направлено в «Литературную газету». Обращение именно к Ф. Левину вызвано не только тем, что он явился инициатором разноса «Флагов на башнях», но и тем, что еще в его рецензии на «Педагогическую поэму» звучало нечто подобное.

Положительная оценка им этого произведения была сделана, когда успех его был уже несомненным. Но при этом говорилось: «материал, столь несовершенный по своему художественному мастерству», это «фактография», «материал вывозит»; «профессиональные писатели имеют гораздо больше возможности создать исключительные, замечательные книги» [2].

Вывод ***А.С. Макаренко:*** это «намеченная еще в 1936 году линия исключения меня из литературы». (В сущности это линия исключения из литературы плеяды тех, кто в 1920-30-х годах пришел в литературу от жизни, внес в искусство дух революционных преобразований, боевых и трудовых будней, кто решительно обновил содержание и средства художественного творчества, отвергая сложившиеся литературные шаблоны).

Главное, говорит А.С. Макаренко, то, что Ф. Левин в своих претензиях к «Флагам на башнях» исходит из представлений 1920-х годов, когда беспризорность была социальным явлением. Отсюда желание видеть «искалеченных» детей, тяжести их «исправления» и беспомощную педагогику. Критик в своих социально-художественных воззрениях ***отстает от жизни*** на целое десятилетие, видит лишь то, что уже показано в «Педагогической поэме».

«Флаги на башнях» отражают качественно новый этап общественно-педагогического развития. В теории и практике воспитания зародились и укрепляются их новые основы. В трудовой коммуне им. Ф.Э. Дзержинского убедительно заявил о себе «образцовый воспитательный коллектив, растущий материально и духовно, обладающий традицией и совершенной формой, вооруженный тончайшей педагогической техникой» [7, т. 7, с. 204-205].

Это ***реальность***, с ней знакомились многочисленные советские и зарубежные делегации. С 1930 г., в течение более 5 лет коллектив дзержинцев в составе от 150 до 500 подростков и юношей, в условиях интерната, школы и настоящего производства успешно функционировал без штатных воспитателей. В таком коллективе «любой ребенок, в том числе и правонарушитель, легко и просто занимает правильную позицию».

Я бы хотел, говорит А.С. Макаренко, чтобы на «Флаги на башнях» смотрели «с точки зрения не только писателя-профессионала, но и советского ***гражданина***». Писательское мастерство нужно представлять в свете «требований новой, социалистической литературной эстетики». Художественный образ избавляется от «избытка индивидуализма». В новой этике, утверждающей «категории солидарности, сочувствия, координирования и многие другие», коллектив – это социально-культурное явление, не механическая «сумма личностей».

«Открытое письмо товарищу Ф. Левину» пролежало в редакции «Литературной газеты» 3 месяца, опубликовано лишь 26 апреля 1939 г., после смерти А.С. Макаренко.

На фоне возникшей дискуссии 13 февраля 1939 г. в Московском клубе писателей состоялся творческий вечер-диспут, посвященный А.С. Макаренко. Его открыла ***А. Караваева***, сказала вступительное слово. Аудитория тепло встретила А.С. Макаренко. ***В. Ермилов*** сказал: новаторство «Флагов на башнях» заключается в том, что автор «борется с пережитками либеральной педагогики и ратует за педагогику социальную, элементы которой содержит вся наша советская действительность». А.С. Макаренко в своем творчестве «ставит огромной важности и трудности проблемы коммунистического воспитания».

В. Герасимова: А.М. Горький по достоинству оценил социалистический гуманизм и философское звучание макаренковских произведений. «Отрицательные образы писать легче, чем положительные».

Одобряя творчество А.С. Макаренко, выступили ***Ю. Либединский, Н. Петров, М. Барская, В. Колбановский, Пугачев, Бирюков, Немлихер***. Педагог-методист ***Карпыч*** отметил воспитательное значение книг А.С. Макаренко. Это «настоящий педагог-новатор и педагог-писатель» [1].

До этого И. Либединский написал рецензию: «Последняя повесть Макаренко». В ней говорится: статья Ф. Левина «построена на грубых передержках, умолчаниях и искажениях самого смысла произведения». Оно «в целом является удачей советской литературы». Бросается в глаза чванливо-небрежный и поучающий тон статьи Ф. Левина. Она написана человеком, «слабо разбирающимся в том, что вокруг него происходит. Ему пристало не столько учить Макаренко, сколько учиться у него» [4, с. 51]. Рецензия не опубликована.

Критику «Флагов на башнях» А.С. Макаренко счел столь показательной для характеристики основ своей концепции педагогики, что при подготовке журнальной публикации этого произведения к отдельному изданию написал еще одну главу,

поставил ее в начало второй части повести. Книга вышла посмертно, в 1939 г., под редакцией и с предисловием ***Ю. Лукина*** (сдана в набор 11 апреля, подписана к печати 8 июля).

А.С. Макаренко использовал прием, примененный в «Педагогической поэме», – введение в художественное повествование «теоретических глав» (там это «На педагогических ухабах», «У подошвы Олимпа»). Здесь заголовком такой статьи он сделал главный тезис критиков «Флагов на башнях» – ***«Не может быть!»*** [7, т. 6, с. 98-102].

А.С. Макаренко глубоко проник в смысл этого «аргумента», раскрыл его методологическое значение в системе педагогики, противостоящей своей педагогике. Он понял: ее отвергают те, кто в основу педагогики положил философию ***пессимизма***.

Это не просто неверие в то, что была такая трудовая колония. Это и неверие в воспитание вообще. Более того, это ***неверие в будущее*** общества и человека, в изменение мира к лучшему, в социально-гуманитарный и культурный прогресс. А.С. Макаренко видит здесь и еще нечто большее: отход от того, что характерно для менталитета русского народа, запечатленного в его исторической судьбе.

«Захаров (один из главных персонажей «Флагов на башнях», с чертами А.С. Макаренко, заведующий колонией им. Первого мая. – А.Ф.) обладал талантом, довольно распространенным на восточной равнине Европы, – ***талантом оптимизма***, прекрасного порыва в будущее,… это богатство русского человека,… народная вера в разум, истину и правду.

… В 1917 году… очистилось место для новой эстетики и нового оптимизма… Советский человек показал себя не только в усилиях волевого взрыва, но и в терпеливой невиданной работе, когда будущее начинает просвечивать в таких неуловимых, тонких явлениях, что заметить их может только тот, кто стоит у их источника…» [7, т. 6, с. 98-99].

Это фундаментальное в педагогике А.С. Макаренко: ***вера*** в народ как творца истории, признание объективных закономерностей общественно-исторического развития, которые должны выявляться наукой и направляться к благу людей.

И в рецензиях А.С. Макаренко на литературно-художественные произведения доминирует взгляд, ярко выраженный при осмыслении «Петра первого» А.Н. Толстого: «Роман переполнен оптимизмом, в нем в каждой строчке дышат богатые силы народа, который еще сам своей силы не знает, но который верит в себя и в лучшую жизнь» [6, часть 6, с. 230].

В творчестве жизни создается и новая педагогика, ее «не выдумывают», она действует как ***объективная реальность*** – таков исходный пункт макаренковской методологии педагогики.

«Новая педагогика рождалась не в мучительных судорогах кабинетного ума, а в живых движениях людей, в традициях и реакциях реального коллектива, в новых формах дружбы и дисциплины. Эта педагогика рождалась на всей территории Союза, но не везде нашлись терпение и настойчивость, чтобы ***собрать*** ее первые плоды» [7, т. 6, с. 100].

«Педагогика общества», как и вся социально-экономическая действительность, творится и развивается в противоречиях. «Новое рождалось в густом экстракте старого: старых бедствий, голода, зависти, озлобления,… старой воли, старых образцов счастья. Старое… становилось на пути, наряжалось в новые одежды и новые слова,… сочиняло законы воспитания,… становилось на защиту советской педагогики» [7, т. 6, с. 99-100].

Уже в «Педагогической поэме» А.С. Макаренко заявил: свои педагогические идеалы и идеи он «логически и художественно выводил из всех событий и всей философии революции» [6, часть 4, с. 115]. Он видел, как новые социально-нравственные ценности рождаются и подтверждаются в конкретных явлениях,

процессах и лицах. Апробация и развитие этого нового – главная задача осуществленного им 15-летнего ***социально-педагогического опыта***. На этой широкой и доказательной базе формировалась педагогическая ***теория*** А.С. Макаренко.

«…Невзирая на надуманные «педагогические теории», делалось педагогическое дело… Силами самого воздуха нашего общества. Ибо, что такое педагогическая теория? Это формулировка стремлений, напряжений, принципов и взглядов, которые существуют в области требований к личности (проблемы морали, личности и коллектива, дисциплины и пр.).

Та теория, с которой я боролся и теперь борюсь, есть теория чуждого нам общества, а новой теории нет. Все же, несмотря на то, что ее нет, требования общества действуют и создают практику через голову теории» [6, часть 4, с. 81]. Написано осенью 1935 г.

Макаренко – это педагогика ***оптимизма***, общественного и человеческого прогресса. Ее основа – интересы и чаянья передовых сил обществ. В ней закрепление культурных достижений прошлого и служение актуальным современным задачам органически сочетаются с функцией «опережения общества в его человеческом творчестве». Это ***«педагогика завтрашнего дня»***, социально активная, «целеустремленная» и «ответственная».

Образование, воспитание, школа, педагогика здесь выступают как **«социальная лаборатория»** (по выражению Дж. Дьюи), где старшее поколение и молодежь сообща вырабатывают «новые формы жизни», создают более совершенную систему труда, социального управления и быта, человеческих взаимоотношений. Это становится реальностью в условиях трудового ***«воспитательного» коллектива***, единого для детей и взрослых, всех сотрудников педагогического учреждения в целом.

А.С. Макаренко в 1936 г. уклонился от участия в подготовке нового учебника педагогики, убедившись в том, что пишется «педагогика сегодняшнего дня». Жизнь вас обгонит, говорил он, и это будет «педагогика вчерашнего дня», тормоз общественного развития.

Антипод макаренковской педагогической концепции – педагогика ***пессимизма***. Она не выходит за рамки сегодняшнего дня, выражая интересы консервативных слоев, они не хотят потерять свои привилегии. Они настолько боятся воспитания (всегда устремленного в будущее), что готовы его «ликвидировать» и «закрыть» педагогику как науку.

Наиболее ярко и последовательно это представлено в ***педолого-педагогической*** системе педагогики. В 1928 г. она стала господствовать в теории и практике советского образования, а в 1936 г. сама была «ликвидирована» по простой причине: «педологи не хотят строить социализм». Они создавали в обществе «второй сорт», в сети школ пониженного типа, где оказывались дети, наиболее нуждающиеся в полноценном образовании.

Но остался «педологический уклон» в педагогике, говорит А.С. Макаренко, он продолжает активно действовать. (Сейчас он стал основой «личностно-ориентированной педагогики»).

«Каждый человек в чем-то ***обязательно одарен***», – утверждает А.С. Макаренко [6, часть5, с. 183]. Нужно в каждом человеке «видеть личность», «проектировать» ее, т.е. относиться к каждому молодому человеку так, как будто он уже обладает определенными качествами. Тогда они у него появятся, если потребность в них вызывается обстоятельствами коллективной трудовой жизни.

«***Счастливый коллектив*** в счастливом обществе» – так А.С. Макаренко определил тему «Флагов на башнях». Романтика, элементы идеализации в жанре «идиллии», свойственные этой повести, вполне объяснимы в свете его новаторских литературоведческих, этических и эстетических представлений. Они раскрываются в

статьях: «О личности и обществе», «Литература и общество», «Счастье», «Судьба», «Детство и литература», «Стиль детской литературы», «О коммунистической этике», «Коммунистическое поведение и воспитание».

«У этих людей никогда не было оптимизма» – такими словами заканчивает А.С. Макаренко дополнительную главу «Флагов на башнях», имея в виду не только чванливых критиков этого произведения, но всех, кто всю жизнь противодействовал его педагогическому и литературно-художественному творчеству, горой вставал на «тяжелом пути оптимизма».

Жизненные неурядицы, противоречия, негативные явления в среде старшего поколения и молодежи – тема макаренковских произведений «Ньютоновы кольца» (пьеса и материалы к роману), «Командировка» (киносценарий), двух незавершенных пьес.

Литература

1. В московском клубе писателей // Вечерняя Москва, 14 февраля 1939 г. и Литературная газета, 1 марта 1939 г.
2. Левин Ф. Педагогическая поэма (рецензия) // Литературное обозрение, 1936, №2, с. 9-10.
3. Левин Ф. Четвертая повесть А. Макаренко // Литературный критик, 1938 г., № 12, с. 133-154.
4. Либединский Ю. Последняя повесть Макаренко // Г. Хиллиг. Opuscula makarenkiana, 39. – Марбург, ФРГ, 1989 г., 160 с.
5. Лоскутов М. Два писателя // Литературная газета, 1938 г., 15 декабря.
6. Макаренко А.С. Школа жизни, труда, воспитания. Учебная книга по истории, теории и практике воспитания. В 6 частях/ сост. А.А. Фролов, Е.Ю. Илалтдинова, С.И. Аксенов. – Н.Новгород, 2008-2013.
7. Макаренко А.С. Педагогические сочинения. В 8 т. / Сост. А.А. Фролов (по всем томам), Л.Ю. Гордин, М.Д. Виноградова (по отд. томам). – М., 1983-1986.
8. Рагозин А. Флаги на башнях. (Рецензия) // Литературное обозрение, 1939 г., № 1, с. 9-14.
9. Флит А. А. Макаренко. Детки в сиропе. (Фрагменты «медового романа») // Литературный современник, 1939 г., № 12, с. 226-227.

(Автор Фролов А.А., дано в сб. материалов конференции по истории педагогики и образования. – С. Петербург, 2014)

Джон Дьюи и Антон Макаренко: две вершины социальной педагогики XX века

Имена Д. Дьюи и А.С. Макаренко впервые связал немецкий историк и педагог-компаративист О. Анвайлер. В 1971 г. он выступил с заключением: «Педагогика XX столетия имеет немного деятелей, чье значение выходит далеко за рамки их родины. Может быть, их только четыре: американец Джон Дьюи, итальянка Мария Монтессори, немец Георг Кершенштейнер и – украинец и советский гражданин Антон Семенович Макаренко. Среди них в мире наиболее популярен Макаренко». [1, с. 3]

Как «Джона Дьюи советского союза» Антона Макаренко охарактеризовал С. Грейвер в 1983 – 1984 гг. (США). В этом плане ему дали общую, предварительную характеристику американские специалисты по коррекционной педагогике Т. Геринг, Ф.Б. Бауэрс, Р. Райт (Калифорнийский и Питсбургский университеты, 2005 г.). Их вывод: такие герои воспитания, как А. Макаренко, - это «хроника современной борьбы человечества за улучшение жизни. Его история впечатляет,… огромна глубина его влияния,… его труды могут помочь нам в работе по многим направлениям». [2, с. 5 рус. пер., в сокр.]

Т. Геринг, Ф.Б. Бауэрс, Р. Райт выразили согласие с Дж. Боуэном (автором первого в США докторского макаренковедческого исследования, 1962 г.), который сказал: Дж. Дьюи и А. Макаренко «полагались на социальный реконструктивизм – применения педагогических методов к социальным проблемам», они видели в образовании и педагогике огромную общественно-творческую силу. [2, с. 4]

Дж. Боуэн так определил социально-педагогическую сущность макаренковского наследия: «Значение Макаренко в том, что он более энергично и страстно, чем многие из нас, пытался сделать мир более привлекательным местом для жизни. И мы на Западе… не можем не признать величие этого вклада». [цит. по: 3, с. 173 – 174]

Проблема «Дьюи и Макаренко» рассмотрена в статье М. Пикар, опубликованной в сборнике «Школа и нация», № 138, 1965 г. (Франция). О сходстве педагогических взглядов Дж. Дьюи и А. Макаренко говорится в книге Д. Спринг «Воспитание рабочего-гражданина», 1978 г. (США).

По проблеме «Дьюи и Макаренко» Н.К. Чапаев в докторской диссертации по педагогике высказался так: это «соратники единого культурно-педагогического полифонического целого, они в такой же мере близки друг к другу, в какой различны между собой». В «целостном и непрерывном потоке философско-историко-педагогического знания» существует «огромное богатство форм его проявления, дополняющих друг друга». А.С. Макаренко принадлежит «пальма первенства» в разработке «новой человеконаправленной педагогики», «реального, оптимистического гуманизма»; их основа – разрешение противоречий индивидуального и социального в высокоорганизованном коллективе. [4, с. 14, 25 - 26]

Джон Дьюи (1859 – 1952 гг.), американский педагог и психолог, ведущий представитель прагматического направления в философии, старше Антона Семеновича Макаренко почти на 30 лет. В 1889 г. (когда Антону был лишь один год) вышел в свет труд Дж. Дьюи «Школа и общество». В 1896 г. (тогда А. Макаренко начал учебу в школе) он стал директором «школы-лаборатории» при Чикагском университете, будучи заведующим кафедры философии, психологии и педагогики этого университета; деятельность лаборатории продолжалась 8 лет.

В 1897 г. опубликован его манифест-статья «Моя педагогическая вера». В 1916 г. издано его главное педагогическое произведение – «Демократия и образование», оно вызвало огромный интерес во многих странах мира.

Ученик и главный последователь Дж. Дьюи в США – У. Килпатрик, в 1909 – 1938 гг. он профессор педагогического колледжа Колумбийского университета (Нью-Йорк); Дж. Дьюи был профессором философии этого колледжа.

А.С. Макаренко (1888 – 1939 гг.), советский педагог и писатель, по национальности украинец, свое «кредо» изложил в 1925 г. в «Очерке работы Полтавской колонии им. Горького». В нем он подвел итог своего успешного педагогического опыта, начавшегося в 1920 г. Этот успех стал несомненным уже в 1923 г., он опирался на предшествующую 9-летнюю практику работы в школе, железнодорожном училище и «трудовой школе» (1914 – 1917 гг. – время учебы А.С. Макаренко в учительском институте, с 6-месячной воинской службой).

Его целенаправленный социально-педагогический эксперимент на базе учреждения интернатного типа для беспризорных детей и несовершеннолетних правонарушителей продолжался с конца 1927 г. в трудовой коммуне Ф.Э. Дзержинского, затем расширился в «Трудовом детском корпусе Харьковского округа» (октябрь 1927 – февраль 1928 гг.), применялся при работе А.С. Макаренко в отделе трудовых детских колоний НКВД Украинской ССР (1935 – 1936 гг.).

Практическая педагогическая деятельность А.С. Макаренко длилась 28 лет, фактически в течение всей его трудовой жизни, с 17 лет. Из них 18 лет он был

заведующим педагогическим учреждением (в том числе 3 года в качестве пом. нач. коммуны дзержинцев).

Ему не удалось написать «капитальный» (как он выражался) труд по педагогике, о советском воспитании. Желание «обработать научным образом» свой опыт, «вызвавший множество вопросов», А.С. Макаренко проявил уже в августе 1922 г. Он сделал несколько попыток расширения своего опыта и его переноса в условия «нормального» детства.

Началом обобщающего научного труда стал «Опыт методики работы детской трудовой колонии» (к. 1932 – н. 1933 гг.). К этому замыслу можно отнести и «Методику организации воспитательного процесса» (к. 1935 г.), а также лекции в Наркомпросе РСФСР (январь 1938 г.) и некоторые доклады (осень 1938 г.). Важные научные положения содержатся в деловой и личной переписке А.С. Макаренко, его рабочих записях.

Характерная особенность А.С. Макаренко как теоретика педагогики – представление существа его педагогической концепции в художественных произведениях. Сначала это документальные книги-очерки «Марш 30 года» и «ФД – 1» (сентябрь 1930, весна 1932 г.), пьесы «Мажор» и «Ньютоновы кольца» (лето 1933 г., к. 1934 г.). Работа над ними велась параллельно с созданием главного художественно-педагогического произведения – «Педагогической поэмы» (работа началась в 1925 г.; 3 части книги завершены в сентябре 1933 г., 1934 г., 1935 г.). Педагогическая направленность его художественного творчества хорошо обозначена в «Книге для родителей» (лето 1937 г.), в двух пьесах и двух киносценариях (1932 г., 1938 – 1939 г.), многих публицистических выступлениях.

«Педагогическая поэма» еще при жизни автора получила всеобщее признание и мировую известность, стала «художественным манифестом» новой педагогики.

Деятельность ***Дж. Дьюи*** привела к фундаментальному реформированию образования в США и к возникновению на рубеже XIX – XX вв. многообразных новаторских педагогических направлений. В 1918 – 1926 гг. он выступал с лекциями в Японии, Китае, Турции, Великобритании, Мексике, встречался с общественностью, консультировал правительства. Педагогика Дж. Дьюи содействовала утверждению культа бизнеса и успеха в США, многих странах мира.

После Второй мировой войны педагогика и школа в странах западной Европы взяли за образец североамериканскую «педагогику социального партнерства», во многом основанную на идеях Дж. Дьюи.

Они в настоящее время отражаются в распространенной педагогической парадигме: «от ребенка – к миру, от мира – к ребенку».

«Мое педагогическое кредо» Дж. Дьюи было опубликовано ***в России*** в журнале «Свободное воспитание», 1912 – 1913 гг., № 12. В этом же журнале, 1916 – 1917 гг., № 11 – 12, напечатаны «Школы будущего» (в соавторстве с Э. Дьюи). Многие его идеи отразились в первых новаторских программных документах Наркомпроса РСФСР, в деятельности его опытно-показательных учреждений. Изданы труды Дж. Дьюи: «Демократия и образование» (1921 г. в сокращении), «Школа и общество (1924 г.). Под влиянием его и У. Килпатрика в советской школе с 1923 г. стала массово применяться «комплексная система обучения» (в опыте А.С. Макаренко с к. 1922 г.), а с середины 1920-х гг. практика «метода проектов».

Летом 1928 г. Дж. Дьюи во главе группы американских педагогов посетил СССР по приглашению наркома просвещения А.В. Луначарского. В вышедшей 1919 г. в Нью-Йорке небольшой книге он рассказал об этом. Примечательны ее главки: Страна в постоянном движении, Сотворение нового мира, Новые школы для новой эры, Великий эксперимент и будущее.

Сущность русской революции Дж. Дьюи увидел в «освобождении отваги, энергии и уверенности в жизни»; революция «высвободила человеческие силы в таких беспрецедентных масштабах… это совершенно новые условия для образования и воспитания»; здесь жизнь «пропитана энтузиазмом создания нового мира»; глубинная проблема состоит в том, чтобы «поставить коллективистское мышление на место индивидуалистской морали и психологии»; «главная конструктивная работа является по сути образовательной и культурнической». [5, с. 1 – 7, 9 - 10]

Дьюи с удовлетворением цитирует В.И. Ленина: «Школа вне жизни, вне политики – это ложь, лицемерие. Буржуазное общество погрязло в этой лжи… мы должны открыто провозгласить то, что оно скрывало, а именно политическую функцию школы». [5, с. 15]

О советской системе образования и воспитания Дж. Дьюи говорит: впервые в истории удивительно быстро возникла система, официально созданная на базе связи школы с общественной жизнью, при «ключевом значении экономической и производственной стороны общественной жизни». В США это делается «лишь в немногочисленных, разрозненных школах, в результате частной инициативы». «Великое преимущество дала революции педагогам-реформаторам в России в отличие от остального мира». [Там же]

Идея «трудовой школы» стала в России центральной в образовании, и не только в педагогическом, но и в «широком социальном аспекте»: производительный труд – это не просто «инструмент приспособления к существующему общественному порядку», но и «средство создании нового общественного строя». Не допускается «чисто профессиональная направленность труда», он отождествляется «с общей культурой, присущей коллективно управляемому обществу». [5, с. 16]

И если ранее Дж. Дьюи «чисто теоретически пришел к убеждению, что тупость и бездуховность обычной, заурядной школы является результатом ее изоляции от жизни», то он еще больше убедился в этом, «увидев в русских школах прямо противоположное». [5, с. 17] Все происходящее в России – это «гигантский психологический эксперимент по трансформации мотивов, управляющих человеческим поведением»; это «самое интересное, из того, что сегодня имеет место на земном шаре». [5, с. 20]

«… Существует очень большое число людей, особенно молодых, столь преданных гуманистическому и нравственному идеалу сделать свободное развитие [человека] всеобщим достоянием, что они не обращают внимания на нужду, не расценивают весьма стесненные условия как жертву». [5, с. 21]

Дж. Дьюи познакомился с расположенной под Ленинградом школой-колонией «Красные зори» (рук. И.В. Ионин). «Нигде в мире я не видел так много разумных, счастливых, умно занятых делом детей…, они занимаются садоводством, пчеловодством, ремонтом зданий, теплицей для цветов… изготовлением несложных инструментов, сельскохозяйственных орудий и т.д. … Впечатление не столько от того, что они делали, сколько от их поведении, отношения ко всему происходящему, - я не могу его передать, просто не хватает литературного мастерства, но впечатление сохранится навсегда… Ни с чем подобным я еще не сталкивался». [5, с. 5]

Этот новый педагогический опыт «подтверждается, хотя, может быть, не столь полно, в каждом детском и юношеском учреждении, которые я посетил». [5, с. 6] Дж. Дьюи ознакомился с работой Первой опытной станции по народному образованию, ее сельское отделение в Калужской губернии. «…Нигде в мире нет ничего подобного». [5, с. 22]

Социально-экономические условия деятельности Дж. Дьюи и А. Макаренко не только существенно отличаются, но и имеют много общего. И в

содержании, направленности их социально-педагогического творчества есть не только важные различия, но и принципиально общие черты.

Дж. Дьюи действовал, когда в индустриальном обществе и либерально-демократической системе США возникли кризисные явления. Время деятельности А.Макаренко – слом самодержавной власти в России, переход к демократии и резкий поворот к государству и обществу социалистически-коммунистического типа.

Первый работал в условиях эволюционного совершенствования общества; второй – в обстановке войны и революционных преобразований. Оба вполне сознавали объективную необходимость в коренной перестройке педагогики и школы. В решительном повышении их социального статуса они видели важнейшее средство решения актуальных проблем социально-экономического и культурного развития страны и мира.

Дж. Дьюи обосновал свою концепцию педагогики, разрабатывая проблемы смежных наук – философии, психологии. У А.С. Макаренко эта линия творчества не получила должного отражения в специальных трудах. Она появилась в материалах о развитии этики, в выступлениях на общественно-политические и литературные темы, особенно в «Книге для родителей». Им подняты важные вопросы эстетики.

Все педагогические работы А.С. Макаренко так или иначе, в той или иной мере обращены к проблематике связанных с педагогикой отраслей социально-гуманитарного знания. Особенностью является его глубоко заинтересованное отношение к истории (отечественной и зарубежной), великолепное ее знание и применение к педагогике.

Исследователями отмечен его весомый вклад в развитие общей, педагогической и социальной психологии, этики, литературоведения, юриспруденции, даже медицины (психотерапии). Труды А.С. Макаренко широко использованы в процессе становления во второй половине 1960-х гг. основ советской военной и исправительно-трудовой педагогики. В последние 4 десятилетия выясняется значимость его идей и опыта для развития производства, экономики и социального управлении, менеджмента.

В сравнении методологических основ педагогики Дж. Дьюи и А. Макаренко первостепенное значение имеет проблема ***трех путей познания и преобразования мира***: опытно-практического, рационально-научного и ассоциативно-образного (свойственного искусству). Педагогика А.С. Макаренко основана на неразрывной связи его деятельности одновременно как педагога-практика, теоретика педагогики и писателя, художника слова.

Это триединство путей педагогического мышлении и действия – специфическая черта научной методологии и всей системы его педагогики. Это уникальный факт педагогической истории. В деятельности Дж. Дьюи отсутствует связь научного познания и литературно-художественного творчества. Невелик его личный опыт экспериментально-опытной работы.

Благодаря А.С. Макаренко педагогическая наука обогащается внесением эстетически-эмоционального начала в педагогическую теорию и практику. В связи с этим мощно развивается их нравственная основа.

Дж. Дьюи замечает: «Наука слишком молода, чтобы войти в образные и эмоциональные установки человека». [6, с. 189] Художественная литература «с огромным успехом представляет человеческий опыт так, что он становится жизненно важным для других»; наука «выражает смысл опыта в терминах и символах, известных лишь тем, кто изучал данную дисциплину». [6, с. 192] Разграничение научного и художественного творчества здесь не дополняется определением их глубинной связи.

Примечательна общая установка Дж. Дьюи: «Образование, не способное использовать поэзию как учебник жизни, - плохое образование». Поэзия, уходящая корнями в религию и мораль, помогает проникновению «в таинственную суть

вещей». [6, с. 195] В этом отношении наименование главного труда А.С. Макаренко: «Педагогическая поэма» - особенно значимо.

Научные разработки А.С. Макаренко отличаются не только четкостью формулировок, обоснованностью выводов и практических решений. Его труды прочувствованы, полемичны, полны образно-поэтических выражений, парадоксов и афоризмов. Научный анализ и художественное видение слиты воедино, глубоко отражая суть его педагогической концепции в единстве интеллекта, воли и воодушевления творческой личности.

Благодаря А.С. Макаренко в педагогику вводится такая огромная доказательная база: 15-летняя целеустремленная, динамично развивающаяся и необычайно успешная деятельность педагогического учреждении в целом, она изучается в ее протекании и результатах. Более 2-х тысяч воспитанников охватывает опыт этого педагога [7, т. 7, с. 151, цифра уточнена по источнику]. «За 12 лет, - говорит он, - передо мной прошло около 2500 молодых людей»; это к 1933 г., имеются в виду колонисты-горьковцы и коммунары-дзержинцы. [8, Часть 3, с. 42]

Уникальным в науке о воспитании является учет «отсроченных» педагогических результатов, жизненных судеб выпускников колонии-коммуны А.С. Макаренко. Некоторые данные об этом отражены в его записях 1934 – 1937 гг. [9]

В книге П.Г. Лысенко показаны судьбы 240 воспитанников [10], в брошюре Л. Чубарова – около 100; там же дается список журналов, газет (37 наименований, в основном 1980-х гг.), где говорится о других воспитанниках; не учтены данные периодической печати 1950 – 1970-хх гг. [11] Жизненные судьбы горьковцев и дзержинцев показывает документальный фильм «400 биографий».

При работе в дореволюционной школе, говорит А.С. Макаренко, он «выпустил в жизнь человек 500». [8, Часть 6, с. 50] В январе 1938 г. он констатировал: «Я сделал 15 выпусков», - имея в виду, видимо, выпуски лишь его колонии-коммуны. [8, Часть 6, с. 285] Он дает и такие сведения: «провел 10 организованных выпусков», выпустил более 2-х тысяч молодых людей. Выпуски «организованно» обычно проводились весной – летом – осенью, они совершались и в течение года, по необходимости, малыми группами и индивидуально (устройство на работу, выпуск на разные курсы, возвращение в семью, устройство на патронат, перевод в другую колонию-коммуну).

Специальное исследование (зарубежное) показало: в Великую Отечественную войну предателей среди воспитанников А.С. Макаренко не было (нашелся лишь один – из его дореволюционных учеников).

Главная предпосылка и основа всей научно-педагогической деятельности А.С. Макаренко – это реализация, практическая проверка, критический анализ и творческое развитие идей ***«Декларации Наркомпроса УССР о социальном воспитании детей»***, опубликованной 1 июля 1920 г. [15, т. 2, с. 274 - 282]

Он ушел с заведования полтавской «единой трудовой» школой № 10, считая, что при работе с «трудными» детьми можно основательно убедиться в новой педагогике, менее всего подвергаясь давлению стереотипов «массовой школы». Это естественно: прорывы в педагогической науке всегда совершались на основе школы нового типа.

Но работа А.С. Макаренко с беспризорными детьми и несовершеннолетними правонарушителями оказалась серьезным препятствием для признания ее общепедагогического значения. Должным образом до сих пор не учитывается, что в 1920-х гг. и до середины 1930-х гг. эти учреждения не были «закрытыми», они входили в общую системы Наркопроса, действовали в соответствии с общепринятыми педагогическими целями и средствами, отвергая задачу «перевоспитания». (Привлечение к судебной ответственности несовершеннолетних по отдельным статьям УК началось в о второй половине 1920-х

гг., с направлением осужденных в ДТК; они тогда начали поступать и в колонию им. М. Горького).

А.С. Макаренко стремился иметь состав детей «смешанного» типа. Летом 1938 г. он отмечал: в его коллективе всего было 400 – 500 «семейных детей». [7, т. 7, с. 146] Осенью 1926 г. он говорит, что к этому времени из 700 прошедших колонию им. М. Горького воспитанников было «действительно трудных более 200», т.е. примерно одна треть. [8, ч. 1, с. 197 - 198] В целом в этой колонии «действительно тяжелых, запущенных ребят едва ли было больше 5%». [8, ч. 2, с. 251]

В коммуне им. Ф.Э. Дзержинского в конце 1930 г. их было не более 20%: 25 – 30 из 150 человек. [Там же, с. 252] «С воровским стажем – единицы», отмечалось осенью 1934 г. [8, ч. 3, с. 332] В последние годы коммуна «мало отличалась по характеру детского общества от обычной школы». [7, т. 4, с. 364]

В колонии, коммуне поощрялись случаи приглашения детей, их добровольного поступления; здесь воспитывались дети сотрудников этих учреждений. Пофамильный список состава колонии горьковцев, относящийся к концу лета 1922 г. с указаниями причин определения в нее (у большинства весьма незначительных), - 69 человек, см.: 8, часть 1, с. 32 – 35.

Среди горьковцев, дзержинцев девочки составляли не более одной четвертой общего состава. Пребывание в учреждении – от 1-2 до 4-5- лет. Общая численность воспитанников – от 50 – 150 до 400 – 500 человек, в основном в возрасте подростков и ранней юности, 14 – 17 лет.

Главное, что объединяет Дж. Дьюи и А. Макаренко в педагогике, заложено в первом пункте ***«Моей педагогической веры» Дж. Дьюи***: «Воспитание совершается путем участия личности в социальном созидании человечества… Истинное воспитание достигается путем побуждения способностей ребенка требованиями, предъявляемыми к нему теми социальными условиями, в которых он находится». [6, с. 46] И далее: «Школа прежде всего – социальное учреждение и воспитание – социальный процесс. Школа должна представлять такую форму общественной жизни, в которой сосредоточены все факторы, наиболее действительным образом позволяющие ребенку черпать из наследственного капитала человечества и направлять свои способности на служение общественным целям… Само воспитание есть уже жизнь, а не подготовка к ней». [6, с . 48]

«Воспитание – это основной метод социальных преобразований и прогресса… Такой метод в должной мере индивидуалистичен, т.к. признает необходимость развития нормальной личности, образования известного характера как общественной основы нормальной жизни. Он и социалистичен. т.к. признает, что выработка этого нормального характера обуславливается не столько правилами личного поведения, примером и увещеваниями, сколько влиянием форм общественной жизни». [6, с. 54]

Такова фундаментальная установка Дж. Дьюи в педагогической науке. Это настолько глубоко и точно соответствует духу и букве педагогики А. Макаренко, что нет надобности ссылаться на множество аналогичных положений, цитат из его произведений. Это полное единство в утверждении педагогической науки как ***социальной педагогики***, решительный отход от чисто «детской» и «школьной» педагогики («в коротеньких штанишках») и лишь «обучающей» («дидактической», готовящей главным образом к получению высшего, профессионального образования).

Этот прорыв к педагогике, как ***науке о воспитании***, к школе жизни, труда, воспитания. Дж. Дьюи и А. Макаренко в огромной мере расширяют сферу педагогики, ее предмет и задачи, она рассматривается как важнейший фактор общественной жизни и социального прогресса. Всеобщим становится интерес к

педагогике, неизмеримо укрепляется ее авторитет в сфере науки и культуры, общественной практики.

А.С. Макаренко отмечал «великий разрыв между величием педагогики и теми мизерными практическими формами, в которые эта педагогика выливается». [12, с. 714]

Весьма примечательно общее и в том, что «нормальная личность» у Дж. Дьюи – это «нормальный характер», основа «нормальной жизни». Как и у А. Макаренко, в цели воспитания доминирует воля, сфера действия личности, ее реального поведения.

Поэтому и в средствах воспитания Дж. Дьюи и А. Макаренко единодушно утверждают приоритет опыта перед знанием. Эта позиция является ключевой в макаренковском противостоянии не только с официальной советской педагогикой, но и до сих пор действующей маниакальной верой в могущество словесно-книжного знания. Дж. Дьюи исходит из того, что «воспитание надо понимать как постоянное переделывание, пересозидание опыта». [6, с. 52]

Это не значит игнорирование или умаление роли знания в воспитании. Наоборот, качественно изменяя сам характер знания, отвергая его проявление в форме отвлеченного «мертвого» знания, превращая его в «инструмент действия», - Дж. Дьюи поднимает знание на уровень великой жизненной силы. «Способность учиться у самой жизни и делать ее условия такими, чтобы все учились в процессе жизни, есть наилучший результат обучения в школе». [6, с. 101]

И в педагогике А. Макаренко реализуется ***«новая концепция человеческого разума»***, как выражался Дж. Дьюи. Ум – это не нечто «само по себе», он проявляется и формируется «в деятельности, сочетающей цели (ожидаемые результаты) с отбором средств для их достижения». Отвергается интеллектуалистическая, «знаниевая» трактовка сознания, сознательности человека.

Разумное, говорит Дж. Дьюи, - значит «целенаправленное взаимодействие с объектом… Ум неотделим от воли. Она означает «активное отношение к будущему». [6, с. 139 - 143] «Свободный гражданин, посвятивший себя общественной жизни, участвует в управлении делами общества, живет разумной жизнью, с помощью разума». [13, с. 233]

Опыт деятельности и поведения в среде представляется Дж. Дьюи далеко не как обучение (воспитание) в процессе простого «делания», не в сугубо технологическо-обучающем плане. Важно не столько приращение знания в развивающемся опыте, сколько «проживание опыта, связь целесообразно предполагаемого и реальных последствий сделанного». Понимание взаимодействий – это «восхождение к тому, что имеет смысл».

Связь действия с его осмыслением, преодоление дуализма физического и умственного (духовного), природного и социального – главный путь достижения педагогического успеха. Так воспитывается ответственность за свои действия. [См. 6, с. 143 - 148] Первостепенное значение имеет «жизненный смысл опыта», его социальное содержание, разумная целенаправленность и мотивация. [6, с. 153]

Этот приоритет категории целесообразности в педагогике глубоко свойственен и А. Макаренко. Для него педагогика – наука «практически целесообразная», социально активная. Методологию педагогики он направляет в русло «логики педагогической целесообразности», ее соответствия жизненным потребностям.

У Дж. Дьюи «делание», практическое действие не ограничивается «делом» в узко практическом смысле, оно органически входит в область социальных связей, общения и сотрудничества. «Непрерывная созидательная деятельность», общая работа, игра должны стать основой создания в школе «подлинно социальной атмосферы». «Полнота жизненного опыта» определяется его «наполненность социальным духом». [См. 6, с. 199, 217]

Взгляд на деятельность, жизнь школы в целом как главный фактор воспитания – замечательная черта общего в педагогике Дж. Дьюи и А. Макаренко. Нет ограниченной установки на отдельные, разрозненные «виды деятельности» (и «мероприятия»), что характерно для современного «деятельностного подхода». Ведущая идея отношений в воспитании, не отрывается от деловой практики не ограничивается персональными взаимоотношениями учителя и ученика, т.е. «па́рной педагогикой», как обозначал это А. Макаренко.

Глубокое родство обнаруживается и в его несомненном согласии с тезисом Дж. Дьюи: «Нравственное и социальное качество поведения в конечном счете идентичны друг другу». Отсутствие в школьной работе условий для возникновения «социального духа» – это «самый страшный враг эффективного нравственного воспитания».

Первейшим условием его успешности является: «Школа должна во всех отношениях жить жизнью общества», стать «обществом в миниатюре», одной из «форм социальной жизни» и ее развития. Непрерывная деятельность школы должна иметь «социальное значение», включать «типичные социальные ситуации», находиться во взаимодействии «и с другими субъектами совместного опыта вне школьных стен». [См. с. 217 - 219]

«Бесполезно стремиться к формированию нравственности как объединяющей и высшей цели образования», если не решается проблема «отношений знания и поведения», воспитания характера, привычного поведения. Нравственное воспитание лишь в рамках специального учебного предмета неспособно превращать знание в «побудительную причину действий, взглядов на жизнь». Это лишь нравоучение, «перечень изолированных добродетелей». [с. 219]

Дж**.** Дьюи и А.С. Макаренко ***едины*** в успешном решении проблемы ***соотношения общего, социального, общественного – и индивидуального, природного***. Преодолевается жесткое разграничение этих двух фундаментальных начал воспитания и развития личности и индивидуальности. Личность вне социальных связей, говорит Дж. Дьюи, – это «миф или чудовище».

«Концепция образования как развития врожденных способностей… игнорирует взаимодействие врожденного с существующей средой, … необходимо постоянно использовать широкий спектр взаимозависимых видов деятельности». «Тщательное изучение врожденных способностей и недостатков индивида необходимо лишь в качестве предварительного условия», следующий и более важный шаг состоит в том, чтобы создать среду, которая положительно воздействовала бы на любые имеющиеся задатки». [См. 6, с. 103, 108]

При этом неизбежно встает проблема свободного проявления личности и «естественного», ненасильственного воспитания. Социальная эффективность как цель образования «должна состоять в развитии способности свободно и полно участвовать в общей деятельности». В полноценном образовании соединяются три цели: «развитие в согласии с природой, социальная эффективность, приобщение к культуре». [См. 6, с. 133] Не «полная свобода «спонтанного развития», а необходимость организовать благоприятную для развития детей среду». [с. 126]

«Человек как личность есть именно то, что он собой представляет в связи с другими людьми, т.е. в свободном взаимодействии с ними». Дьюи восклицает: «А обществу, состоящему из индивидов, не являющихся личностями, и служить-то не стоит!» [См. 6, с. 132]

Как и А. Макаренко, Дж. Дьюи в мотивации деятельности и отношений особое внимание уделяет интересу и дисциплине. Они характеризуются как «взаимосвязанные аспекты целенаправленной деятельности»: в интересе преобладает эмоциональное отношение к ее результатам, а в дисциплине – волевые качества, «твердая и сознательная установка на осуществление задуманного». Если считать, что идея – это «ум в действии», то «предполагаемая противоположность между

свободой и дисциплиной отпадает». Интерес проявляется и как «забота». Подмена интереса развлекательностью – это атрибут «дешевой педагогики». [См. 6, с. 134 – 136, 142, 212]

Свобода личности в ее развитии и воспитании неотделима от педагогического управления ими. «Образование как руководство» – так называется одна из глав «Образования и демократии», она включает параграф «Направляющая роль среды». Дж. Дьюи отвергает «противопоставление свободы учения и управления им со стороны других людей». [См. с. 81, 214]

«Общее представление о средствах и целях действия составляет суть социального управления. Оно – косвенное, т.е. воздействует на эмоции и разум не напрямую… Оно – внутреннее по отношению к его установкам, а не внешнее или принудительное. Добиться внутреннего управления посредством приобщения человека к интересам и представлениям сообщества и есть цель образования». [с. 92 – 93] Этот принцип Дж. Дьюи можно считать отправным моментом в разработке А. Макаренко «педагогики не прямого, а параллельного действия». [См. 3, ч. 4, с. 209]

«Труд и досуг» – наименование одной из глав «Образования и демократии». Многообразная деятельность, образующая повседневный быт и среду воспитания, сводится к этим двум сферам.

При этом речь идет о свободном, т.е. разумном труде, сознательно определяемом целями. По Платону, раб не может «определять цели, направляющие его поведение», они принадлежат хозяину. И при отсутствии рабства в правовом смысле оно всюду «проявляется там, где люди, занятые трудом, не понимают, в чем его польза и не имеют личной заинтересованности в нем». Рабочие должны понимать «технический, интеллектуальный и социальный смысл своей работы». [См. 6, с. 116]

«Революция… создала более или менее организованный класс фабричных рабочих, осознавших свои политические права и претендующих на ответственную роль в управлении промышленностью». [с. 210]

Этот основополагающий тезис Дж. Дьюи действует в макаренковской педагогике, она строится на «трудовом хозяйствовании» и системе «перспективных линий». Такая организация труда – основа нового воспитания, это согласуется с Дж. Дьюи: «Обыденный опыт людей… всеми корнями переплетен с производственными процессами. [6, с. 208]

Целевую направленность образования Дж. Дьюи органически связывает с ***идеалом демократии***. «Разделение общества на привилегированные и обездоленные классы сковывает социальную динамику». У тех, кто управляет промышленностью и определяет ее цели, нет «разносторонних и сбалансированных социальных интересов», отсутствует внимание к «человеческому фактору и производственным отношениям». [См. 6, с. 115 - 116]

«Демократия – нечто большее, чем просто определенная форма правления. Прежде всего это форма совместной жизни, взаимообмена опытом». Барьеры класса, расы, национальной территории «не дают людям осознать до конца смысл своих действий». Общие интересы должны стать «фактором управления обществом». [См. 6, с. 117 - 118] «… Периоды беспорядочной индивидуальной активности вызывают потребность в подчинении индивида обществу как цели образования». [с. 123]

«Прогрессивное образование должно стремиться внести свой вклад в исправление жизненного уклада, когда одни несправедливо пользуются привилегиями, а другие лишены всего…». [6, с. 130] «Демократия не может процветать там, где на отбор содержания для массового образования влияют преимущественно узкопонимаемые практические цели, а для высшего образования – представления культурной элиты». Демократические идеалы образования «считаются недостижимыми», как будто и в будущем, как и в прошлом, остается

лишь «зарабатывание на жизнь», когда большинство людей должны выполнять работу, которую они свободно не выбирали». [с. 184]

«Если общество хочет стать истинно демократическим, ему необходимо преодолеть различные противостояния в образовании», освободиться от «интеллектуального рабства», от «приспособления масс к жизни в обществе, где большинство не имеет собственных целей или идей, а лишь исполняет приказы немногих облеченных властью». [6, с. 210 - 214]

Демократия не сводится к политическим партиям и всеобщему избирательному праву, это «образ жизни и общества, и личности». Демократия ведет к удовлетворению «потребности каждого зрелого человеческого существа участвовать в создании ценностей, регулирующих его совместную с другими жизнь, что необходимо и для общего социального благополучия, и для полного развития любой из индивидуальностей… Все люди, испытывающие на себе действие социальных институтов, должны участвовать в создании их и управлении ими…

Основанием демократии является вера в мощь человеческой природы, в разум человека и объединенный, коллективный опыт… Требование равенства:… все должны иметь равные возможности для развития своих дарований, как скромных, так и великих,… иначе возникает повод для угнетения людей менее одаренных». [6, с. 220 - 222]

Отношение к идеалу демократии – основа для деления образования на «консервативное и прогрессивное». [с. 103] Школа должна стать «социальной лабораторией», целенаправленно устанавливающей новые, более совершенные формы жизни, труда и культуры, социального управления.

Все это основательно ***согласуется с педагогикой А.С. Макаренко, «опережающей общество в его человеческом творчестве»***, это «педагогика завтрашнего дня». [7, т. 7, с. 196; 8, ч. 6, с. 235] В то же время она активно служит современности. Одновременно ей свойственен «маленький инстинктивный консерватизм хорошего типа, т.е. доверия к завтрашнему дню» [8, ч. 6, с. 251], оно выражается в необходимости закрепления и развития традиций культуры.

Здесь диалектически взаимодействуют две социальные функции педагогики и образования: охранительно-стабилизирующая и прогрессивно-опережающая.

Уже летом 1925 г. А.С. Макаренко мог сказать: в колонии им. М Горького создана дисциплина, «не связанная с гнетом»; в управлении нет «командной касты»; найдены «совершенно новые формы трудовой организации, которые могут понадобиться и взрослым». [8, ч. 1, с. 142] Единство административного управления и самоуправления вело к господству в педагогическом учреждении законов и норм нравственности. Тесно связывались общее и индивидуальное в развитии личности.

При работе по всем этим направлениям А.С. Макаренко приходилось преодолевать влияние действующих в обществе и образовании форм и средств организации труда, управления и быта, человеческих взаимоотношений, не соответствующих новым целям воспитания. Сталкивались педагогически целесообразно организованные и «стихийные» влияния процессов, происходящих в экономике, социальном управлении, общественной жизни.

Дж. Дьюи отмечал: «на сегодняшний день демократические методы взаимодействия с учениками развиты более, чем подобные же методы взаимодействия с членами преподавательского коллектива школы», в нем нет «целостного участия». «Отлучение от участия в управлении» ведет к снижению не только инициативности и самостоятельности, но и «ответственности за свои дела и результаты». [6, с. 224 - 226]

А.С. Макаренко нашел, испробовал средства организации педагогического коллектива, позволяющие сообществу педагогов и всех сотрудников педагогического учреждения вместе с его воспитанниками стать специфической социальной

организацией – ***единым трудовым «воспитательным коллективом»*** (наряду с коллективом предприятия, учреждения, организации, воинским коллективом). Его назначение – быть базой социального воспитания, общего образования детей и молодежи. В этом коллективе действую все основные направления общественной жизни: производственно-экономическое, социально-политическое, культурно-просветительное, оздоровительное, досуг, отдых. Но они полностью подчиняются целям воспитания – образования, трансформируются в соответствии с ними. Две функции этого коллектива: оберегать детей и молодежь от пагубных, преходящих социальных явлений; включать молодое поколение в процесс формирования нового качества жизни.

Управление педагогическим процессом здесь осуществляется не прямо, непосредственно, а «параллельно» жизнедеятельности коллектива, т.е. так, что педагогическая целесообразность выступает как потребность жизни. Сохраняются специфические черты общественной деятельности: труд, например, остается производительным, экономически эффективным, не становится сугубо «детским» и не ограничивается обучением труду.

Таким образом в воспитании полностью исключаются элементы искусственности и принудительности. «Свобода в самочувствии воспитанника, более простое и радостное переживание им своего детства» гарантируются созданием условий для педагогически целесообразного проявления многообразных качеств личности и индивидуальности. Таков глубокий смысл макаренковской ***«педагогики параллельного действия».*** [См. 8, ч. 4, с. 209]

В отличие от Дж. Дьюи, А.С. Макаренко в своем творчестве не обращается к проблемам обучения. Он воспринял общественную потребность в развитии ***теории и практики воспитания*** как первостепенную, во многом определяющую решение и проблем обучения. Он упорно отстаивал идею принципиального ***различия воспитания и обучения*** в едином, целостном педагогическом процессе. Борьба за ***педагогику как науку о воспитании*** составляет суть его противостояния с официальной советской педагогикой и школьной практикой.

«… Нужно разделить школьную педагогику работы в классе и педагогику воспитания… Разделить эти две педагогики и определить их главные методы». [8, ч. 5, с. 69] За 5 месяцев до своей кончины А. Макаренко говорил: «У нас нет воспитательной педагогики». [7, т. 8, с. 179]

И педагогика Дж. Дьюи – это, несомненно, наука о воспитании. Оно трактуется им в своих основах так же, как и у А. Макаренко, но без четкого обозначения специфики процессов воспитания и обучения. То, что Дж. Дьюи различает эти понятия, видно по широкому использованию термина «воспитание» (наряду с «образованием») в его трудах.

Решение проблем воспитания преимущественно средствами обучения, путем реконструкции учебных планов и программ – существенный недостаток педагогики Дж. Дьюи. Возникает неясность в специфике обучения. Обучение, взяв на себя основную функцию воспитания, не может хорошо определиться в своих особых целях и средствах.

А.С. Макаренко не только согласуется с Дж. Дьюи в методологии воспитания, но и проводит огромную творческую работу в сфере воспитания (в его отличии от обучения). Он глубоко и всесторонне исследует проблемы организации, методики и технологии воспитания на уровне педагогического учреждения в целом.

Он открыл новую форму организации воспитательного процесса – трудовой «воспитательный коллектив»; воспитание в «труде» ввел в русло

«хозяйствования»; самоуправление «детское» (ученическое) поднял на уровень единого административного управления и самоуправления.

Превращение коллектива педагогического учреждения в главный фактор воспитания позволило освободиться от штатных воспитателей. Коммуна им. Ф.Э. Дзержинского в составе 150 – 400 – 500 воспитанников, в условиях интерната и сочетания школы, производства, многообразной клубной, спортивно-оздоровительной работы последние 5 лет (при А.С. Макаренко) успешно действовала без воспитателей, убедительно демонстрируя достижения данной педагогической концепции. Это уникальное явление в истории педагогики.

А.С. Макаренко – единственный классик педагогики, целиком посвятивший свою деятельность разработке специфической области воспитания. В его понимании база ***воспитания*** – социальная практика, жизненный опыт, его содержание, целенаправленность и мотивация, «переживание», волевая и эмоциональная насыщенность. Предмет ***обучения*** – знания и навыки умственной и практической, профессиональной деятельности

Воспитание и обучение предстают в их «параллельности», относительной самостоятельности, диалектически-органической взаимосвязи. Это в точности соответствует общей методологии «педагогики параллельного действия».

А. Макаренко ***пошел дальше*** того, на чем остановился Дж. Дьюи. Это яркий образец научной «эстафеты», плодотворного ***единства преемственности и новаторства в педагогике***.

Их общей точкой отсчета стало возникновение серьезных проблем на пути развития демократии, среди которых главная – отстранение «массы» от социального управления, отчуждение человека от средств и результатов труда. Дж. Дьюи и А. Макаренко указывают, что в решении этих проблем первостепенное значение приобретает новое образование–воспитание. Его необходимо сделать «основным методом социальных преобразований и прогресса».

А. Макаренко в этих целях максимально использовал возможности «советской демократии», ее переход от демократического принципа представительства к демократии «низовой», непосредственного участия людей в управлении делами государства и общества. Действуя в этом направлении, он значительно опережал свое время, вводил в трудовом коллективе своей колонии-коммуны новые ***более совершенные демократические принципы*** и средства управления.

Именно это стало залогом выдающихся успехов А.С. Макаренко как педагога-практика и основой огромного интереса к его социально-педагогическим и этическим воззрениям. Но одновременно это явилось и главной причиной его конфликта со своим временем, отторжения многих его идей и практических решений. Он преодолевал извечное противоречие свободы и целесообразности, централизации и автономности, коллективного и личного, уважения и требовательности к человеку.

В этом он опирался на тенденции развития советского общества. «Новая педагогика, - говорит А.С. Макаренко, - рождалась… в живых движениях людей,… в новых формах дружбы и дисциплины,… рождалась на всей территории Советского союза, но не везде нашлись терпение и настойчивость, чтобы собрать ее первые плоды». [7, т. 6, с. 100]

Таков основополагающий методологический принцип его социальной педагогики: педагогические явления и процессы формируются, действуют и развиваются в жизни общества, это ***объективная реальность***. Педагог-ученый должен это видеть, осмысливать, делать предметом экспериментально-опытной работы. Необходимо отказаться от педагогики умозрительно-декларативной, рожденной «в мучительных судорогах кабинетного ума», в дебрях «кабинетных рассуждениях».

Будучи социальной, педагогика А.С. Макаренко обращается к основам материальной жизни общества, к общественному производству, хозяйственно-трудовым отношениям, социальному управлению. Личность предстает как «человек общественный», выводится на уровень поколений. Их взаимодействие и закономерная смена становится одной из движущихся сил исторического развития. «Для каждого поколения цель воспитания должна быть установлена диалектически». [8, ч. 2, с. 35] Соответственно должны возникать его новые аспекты, изменяться его база, средства, критерии результативности.

Необходимо искать, применять «наиболее советскую форму участия взрослых в воспитательном процессе». [8, ч. 2, с. 84] Формируется «детское общество», еще «нет его образца, возможны многие варианты», но они «должны как можно дальше стоять от нынешней практики воспитания потребителей». [8, ч. 1, с. 198] В практике А.С. Макаренко соотношение числа воспитанников и взрослых (включая работников производства), обычно составляло 3:1 (до 1934 г.).

Его педагогика устремлена в будущее, где свободный труд становится основой духовно-нравственного благополучия и счастья. Это движение к общественному идеалу: «Не человек для производства, а производство для человека», для его «радости существования» и счастья.

Дж. Дьюи в атмосфере тотальной неопределенности перспектив «свободного общества», при господстве частнособственнических отношений и категории прибыли, оказался ограниченным в социально-педагогическом прогнозировании. Отсутствие трудового коллектива как социального явления не позволило ему подойти к технологическому решению проблемы взаимодействия общества и личности, к проблеме «воспитательного коллектива». Воспитание в широком общественном аспекте и в узком смысле, как специфическое педагогическое явление, им еще не обозначилось в необходимости преодоления этой дилеммы (о ней ему говорил С.Т. Шацкий). [См. 3, с. 13]

А.С. Макаренко, видя воспитание «в формах широкого общественного воздействия» и «в специально организованных формах», [8, ч. 6, с. 241] ввел в педагогику действие ***«связующего звена»*** между обществом и формирующейся личностью, определив его как ***трудовой коллектив особого типа и назначения – «воспитательный коллектив»***. Это педагогическая трансформация новой «формы жизни» общества: оно функционирует и развивается как система коллективистская.

У А.С. Макаренко этот коллектив – «главный воспитатель», средство осторожного, тактичного, не прямого «прикосновения к личности», а «параллельного», «через коллектив». Он становится «главным «объектом воспитания» (но не его целью, как иногда представляется).

Дж. Дьюи не мог обозначить «параллельность» общества и личности, воспитания и жизни, воспитания и производительности труда, воспитания и обучения. Этого не предполагала социально-экономическая система США. Труд, разные виды деятельности у него остаются разрозненными, не объединяются социально, на основе производственных отношений.

Но Дж. Дьюи предчувствовал то, что стало явно проявляться в настоящее время: усиление роли морального состояния работника в системе производства, развитие потребности в широком жизненном смысле труда и в новом образе жизни, в творческом приобщении человека к достижениям культуры и цивилизации, физического и духовного развития личности. Эти явления, например, хорошо показаны Ф. Фукуямой в книге «Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию» (М., 2004), что позволило поставить ее содержание в связь с педагогикой А.С. Макаренко. [14]

Литература

1. Антон Макаренко. Собр. соч. Марбургское издание (буклет). – Марбург, 1976.
2. Thom Gehring, Fredalene. B. Bowers, Rondal Wiight. Anton Makarenko: The «John Dewey of the USSR» // journal of Correctional Education. Lanham: Dec. 2005.V.56,iss4,pg.327,19pgs.URL:http://proquest.umi.com/pqdweb?did=956758781&sid=3&Fmt=3&clientld=42744&RQT=309&VName=PQG Пер. на рус. яз. Е.Ю. Илалтдиновой.
3. Кваша Б.Ф. Педагогическое наследие А.С. Макаренко. – Санкт-Петербург, 1998.
4. Чапаев Н.К. Теоретико-методологические основы педагогической интеграции. Автореф. дисс. на соиск. н. степ. доктора пед. наук. – Екатеринбург, 1998.
5. Дьюи Дж. Впечатления о Советской России и революционном мире / Пер. с анг. М.Г. Иващенко, под ред. Н.С. Юлиной. – URL:http://log-in.ru/books/openchatlenya-o-sooetskoyrossii-dyui-dzhon-filosofiya/
6. Педагогика Джона Дьюи / Авт. – сост. Г.Б. Корнетов. – М., 2010.
7. Макаренко А.С. Педагогические сочинения. В 8 т. / Сост. М.Д. Виноградова, Л.Ю. Гордин, А.А. Фролов. – М., 1983 – 1986.
8. Макаренко А.С. Школа жизни, труда, воспитания. Учебная книга по истории, теории и практике воспитания. Части 1 – 6 / Сост. и коммент. А.А. Фролов, Е.Ю. Илалтдинова, С.И. Аксёнов. – Н.Новгород, 2007 – 2013.
9. РГАЛИ, ф. 332, оп. 4. ед. хр. 415 – 416.
10. Лысенко П.Г. Судьбы воспитанников А.С. Макаренко. Документально-биографические очерки. – Полтава, 1994.
11. Чубаров Л. Макаренковцы. Что сталось с тем, кого воспитывал Макаренко. Часть 1. – М., 1994.
12. Макаренко А.С. Педагогическая поэма / Сост., вступ. ст., коммент. С. Невская. – М., 2003.
13. Дьюи Дж. Демократия и образование. – М., 2000.
14. Фролов А.А. «Человек в системе производства» у Ф. Фукуямы и А. Макаренко // Вопросы экономики, М., 2010, №8.
15. Хрестоматия по истории социальной педагогики и воспитания. В 2 т. Т. 1. Зарубежная история/Сост. А.А. Фролов, Ю.Х. Трушина. – М., 2007. (фрагмент книги Д.Дьюи «Школа и общество»).
16. Колбановский В.Н. Проблемы общественной психологии. – М., 1965.
17. Фролов А.А., Аксёнов С.И. Антон Макаренко Джон Дьюи Советского союза? Мировое признание педагогического наследия А.С. Макаренко. Сб-к научных трудов российских и зарубежных макаренковедов. - Народное образование. - Москва: РАО, РПО. – 2010. – С.97-103.

(Автор Фролов А.А., опубликовано: Народное образование, 2013, №6. Вариант: Джон Дьюи и Антон Макаренко: преемственность и новаторство //Историко-педагогическое знание в начале III тысячелетия… Материалы девятой междунар.науч.конф. – М., 2013. Значительно расширенный материал: Джон Дьюи и Антон Макаренко – две вершины социальной педагогики XXвека – в отдельном издании. – Н.Новгород, 2014).

Идеи свободы и «трудового хозяйствования» в педагогической работе с несовершеннолетними правонарушителями (наследие А.С. Макаренко и современность)

Самая главная трудность в освоении и разработке наследия А.С. Макаренко применительно к педагогической работе с несовершеннолетними правонарушителями состоит в том, что современная колония для них – это учреждение уголовно-исправительной системы, лишения свободы, изоляции от общества, строгой охраны и жесткой регламентации режима, с решетками на окнах.

Эта базовая особенность, к сожалению, очень слабо учитывается, когда решается вопрос об использовании макаренковских идей и опыта в современной работе с несовершеннолетними правонарушителями. В результате очень многие положения А.С. Макаренко, плодотворные и новаторские, оказываются малоэффективными и даже приобретают искаженный характер.

Встает вопрос: как же тогда быть с творческим использованием и развитием этого наследия в современным условиях? Ответ: Ни в коем случае ***не отступая от тех фундаментальных основ***, которые в первую очередь обеспечивали необычайный успех А.С. Макаренко как педагога-практика и теоретика. Иначе будет подмена его чем-то другим, механическое «пристегивание» к общепринятому сейчас, по целям, средствам и результатам весьма далекому от существа этого наследия.

Лишь в последние годы некоторые исследователи пришли к убеждению, что основополагающее значение в творчестве А.С. Макаренко имеет великая идея свободы [1, 2]. В неразрывной связи с коллективизмом и солидарностью она является одним из главных факторов прогресса общества и человека, истории культуры и цивилизации.

На первый план в макаренковедении сейчас выходит тезис о том, что колония им. М. Горького, коммуна им. Ф.Э. Дзержинского были ***открытыми учреждениями***, хотя и предназначались для несовершеннолетних правонарушителей и беспризорных детей. И это не является педагогическим достижением А.С. Макаренко; такими были все учреждения подобного типа в СССР в 1920-х годах и первой половине 1930-х годов.

Они входили в систему Наркомпроса, действовали в соответствии с ***общепринятыми*** в ней педагогическими целями и средствами, отвергая задачу и методы перевоспитания. Привлечение несовершеннолетних к судебной ответственности по некоторым статьям Уголовного кодекса началось во второй половине 1920-х годов, с направлением осужденных в открытые детские трудовые колонии. Тогда этот сравнительно небольшой контингент стал поступать и в колонию им. М. Горького.

Колонии и коммуны для беспризорных с самого начала действовали в полном соответствии с наказом Ф.Э. Дзержинского: нужно всецело полагаться на «организацию труда, доверие и помощь самих детей». В этом направлении строилась организация трудовых коммун и для молодежи 18-20 лет, осужденной на небольшие сроки. Молодежные коммуны функционировали на основе принципов: добровольность, самообеспечение, самоуправление коллектива учреждения в сочетании с административно-правовым регулированием.

Такие организационные решения были приняты в русле общего отношения советской власти к преступности. Оно закрепилось в руководящей идее: от тюрем и «кары» - к воспитанию и перевоспитанию. Государство и общество осознали свою причастность к явлению преступности, взяли на себя долю ответственности на него.

Перевод учреждений для беспризорных детей и несовершеннолетних правонарушителей в систему НКВД произошел летом 1935 г. Тогда завершилась деятельность А.С. Макаренко в коммуне им. Ф.Э. Дзержинского, он был переведен

на работу в Киев, помощником начальника отдела трудовых колоний для несовершеннолетних НКВД УССР.

В 1925 г. А.С. Макаренко говорил: «Колония [им. М. Горького] организована как открытое учреждение. Кому в ней не нравится – может свободно уходить» [3, Часть 1, с.142]. Позднее он утверждал: «Наша колония представляла собой свободное объединение людей – здесь никого не заставляли жить насильно…. Одним из моих основных педагогическим принципов было уничтожение всяких стен и заборов» [4, т.7, с.96].

Таким образом у него начинал действовать главнейший принцип: «Как можно больше требовательности к человеку, как можно больше уважения к нему». Это было морально-этическое требование, возбуждающее у несовершеннолетнего личную ответственность за свою судьбу. Вместе с тем это и проявление высокого уважения, доверия к молодому человеку. Формирование жизненной самостоятельности – высшая цель воспитания.

В педагогике А.С. Макаренко отношение человека к себе «на фоне требований коллектива», ***уважения к себе, чувство личного достоинства*** – это «ядро» личности нового типа. Система коллективных и личных перспективных линий завершается у него «самой радостной перспективой – ощущением ценности человеческой личности» [4, т.3, с.398], собственной личности, ее свободы и веры в себя.

Добровольное пребывание детей, подростков в макаренковской колонии, коммуне сочеталось с полным согласием соблюдать порядок и основные правила ее жизнедеятельности. Новички до принятия решения остаться в колонии или уйти имели возможность детально ознакомиться с ней в течении 1-2 дней. Одновременно действовал принцип добровольного принятия их коллективом учреждения.

Применялись также морально-психологические средства «удержания личности в коллективе», но главным фактором являлись, конечно, благоприятные условия, привлекательность жизни этого педагогического учреждения. Те, кто не убегал в первые дни пребывания, обычно оставались. В первоначальный период деятельности убегали из колонии 12-15 человек в год (в других таких учреждениях убегало 15-40 % детей). Убежавшие имели право вернуться; при этом в колонии им. М. Горького необходимо было снова обратиться к общему собранию с заявлением о приеме. В коммуне им. Ф.Э. Дзержинского уходов практически не было. Коллектив, добровольно принявший молодого человека, имел полное право на исключение его из своего состава (с определением какой-то другой формы его жизнеустройства).

Общие, свойственные и «нормальному» детству педагогические цели и принципы в макаренковской практике работы с несовершеннолетними правонарушителями и беспризорными сочетались с применением ***элементов перевоспитания*** на начальном этапе их пребывания в коллективе. Тогда первостепенной была индивидуальная работа с наиболее «трудными». Общим для новичков был принцип ***доведения их до «нормы»*** в течение 2-4-х месяцев. Это совпадало с их готовностью перейти из «воспитанников» в ранг «колонистов», «коммунаров», т.е. полноправных членов коллектива («воспитанники» имели ряд морально-правовых ограничений). Звание «старший колонист» означало готовность к выпуску из колонии и равенство с педагогом-воспитателем.

Практика «доведения до нормы» и прогрессирующего стимулирования личности в ее социально-нравственном развитии вела к тому, что, как говорит А.С. Макаренко, в 1924-1926 гг. в его колонии и далее в коммуне был уже не «правонарушительский коллектив», а обыкновенный, «нормальный коллектив», начался период «нормальной работы» [3, Часть 6, с.259].

Этому в огромной мере способствовала также система комплектования детского состава. Целеустремленно и последовательно А.С. Макаренко проводил принцип ***смешанного состава***, то есть совместной жизнедеятельности детей

«трудных» и «нормальных», детей из семьи и просто приглашенных в колонию (взятых с улицы), мальчиков и девочек вместе, детей разного возраста (включая «малышей»).

Вместе с тем А.С. Макаренко при создании Трудового детского корпуса Харьковского округа (30 учреждений интернатного типа, в том числе 18 колоний, около 10 тыс. человек; руководил этой работой с августа 1927 г. по февраль 1928 г., одновременно будучи заведующим колонией им. М. Горького, а с конца октября 1927 г. и коммуной им. Ф.Э. Дзержинского) планировал организацию трех ***колоний «специального назначения»***. Это: «первичная» колония (принимающая), «выпускающая» и «реформаториум», для временно нуждающихся в «принудительном воспитании», с выпуском в первичную колонию и в исключительных случаях в обычную колонию [3, Часть1, с.211].

Неотъемлемой частью создания «свободы в самочувствии» несовершеннолетнего правонарушителя и его максимального приближения к «нормальным» условиям жизни А.С. Макаренко считал «организацию [педагогического] такта». Выступая с докладом на Всеукраинском совещании комиссий по делам несовершеннолетних в октябре 1924 г., он предложил в этом направлении к всеобщему применению такие меры:

«а) полное и совершенно искреннее игнорирование прошлого воспитанников и их правонарушений;

б) полный отказ от всех судебных и карательных органов, в том числе и от комиссий по делам несовершеннолетних;

в) полный отказ от принудительного держания в колонии и формальной борьбы с побегами;

г) обязательный прием в определенном числе детей, не совершавших правонарушение, по их просьбе и по постановлению общего собрания колонии;

д) полный отказ от термина «правонарушители» и «несовершеннолетние» в официальных сношениях с Наркомпросом и его органами…» [3, Часть 1, с.123].

В 1925 г. А.С. Макаренко показал, что в его колонии не только достигается «нормальное» жизненное самочувствие несовершеннолетнего правонарушителя и беспризорного, но и обеспечивается необходимая вообще в новом воспитании ***«свобода от педагогической нарочитости»***, когда ребенок, подросток не чувствует себя «объектом воспитания», может «более просто и радостно переживать свое детство» [там же, с.168].

Максимальное приближение педагогического учреждения к «нормальным», реальным условиям жизни, устранение опасности превращения его в некое искусственное социальное образование, побуждение воспитанника к правильному поведению преимущественно силой жизненных обстоятельств, устранение принудительности, возможность «свободного проявления» личности – основа основ макаренковской концепции воспитания.

Это ***«педагогика не прямого, а параллельного педагогического действия»*** [3, Часть 4, с.209], опосредованного потребностями и требованиями жизни; тогда воспитание становится «естественным» и «свободным» (по определению Ж.Ж. Руссо). «Воспитывает не воспитатель, а среда» (прежде всего среда, в которой живет и действует ребенок); «воспитание ни в коей мере не может характеризоваться как влияние одного человека на другого»; непосредственное влияние педагога на воспитанника – «фактор узкий и ограниченный»; «воспитывать – значит руководить жизненной практикой человека» [3, Часть 1, с.168, 30].

Применительно к коммуне им. Ф.Э. Дзержинского такую педагогическую методологию А.С. Макаренко объяснял весной 1934 г.: «Мы решительно отказались от индивидуальной инструментовки воспитательного процесса, положившись на организующее влияние коллектива [коммуны], а еще больше на организующее влияние всей советской жизни, работы, на влияние сложных, широких впечатлений

жизни и – самое главное – влияние собственных активных движений, упражнений и переживаний коммунара» [3, Часть 3, с.217].

«Объектом воспитания» в новой педагогике становится коллектив педагогического учреждения в целом, особый, «воспитательный» (наряду с коллективом производственного предприятия, организации, воинским коллективом и т.д.). Главный фактор воспитания – условия для превращения каждого подростка, юноши, девушки в социально и нравственно полноценную личность, для удовлетворения их возрастных потребностей, развития индивидуальных склонностей.

Научную обоснованность и практическую эффективность такой методологии А.С. Макаренко доказал ***успешной 5-летней*** деятельностью коммуны им. Ф.Э. Дзержинского вообще ***без штатных воспитателей***. С октября 1930 г., коллектив воспитанников в основном 14-17 лет, численность от 150 до 500 человек (при периодическом пополнении и выпусках), плодотворно функционировал и динамично развивался в условиях интерната, при ежедневной 4-часовой работе на производстве, частичной самоокупаемости, широком самоуправлении и самообслуживании, сочетая школьную работу (общеобразовательную и индивидуально избирательную) с многообразными занятиями по интересам и большой оздоровительно-спортивной работой (в дальнейших педагогических проектах А.С. Макаренко ограничивал производительный труд ежедневно 2 часами).

Этот педагогический комплекс действовал слаженно и целеустремленно на материальной основе ***экономически эффективного труда***, в соответствии с социально-этическим принципом А.С. Макаренко: «Труд всегда был основанием для человеческой жизни и культуры», он становится «основной формой проявления личности и таланта», главным условием самостоятельности человека, свободы и достоинства личности [3, Часть 6, с.105-106].

Это не труд батрака, наемного работника, лишь профессионально обученного, отчужденного от средств производства, результатов труда и управления им при «командной касте» управленцев-профессионалов. «…Для мальчика в 16 лет нашей жизни самой дорогой квалификацией является квалификация борца и человека» [3, Часть 3, с.269]. Начальное профессиональное обучение в возрасте подростка и ранней юности – задача «дополнительная»; приоритетным является воспитание, формирование основ личности и характера.

В макаренковской педагогике это прежде всего воспитание «***хозяйственной позиции*** по отношению к окружающему миру» [3, Часть 1, с.167]. Основа воспитания этого генерального качества личности – не «труд-работа», а «труд-забота», «хозяйственная (экономическая) забота» [3, Часть 1, с.41, 167], готовность «распорядиться своей и чужой работой», общее стремление к повышению производительности труда.

Не просто труд, а ***«трудовое хозяйствование»*** - так нужно обозначать новаторство А.С. Макаренко при воспитании в труде. «Все формы нашей жизни и организации [коллектива] мы вывели из хозяйства и хозяйствования»; «Параллельно материальному развитию колонии происходило и ее педагогическое развитие»; Хозяйственной заботой «логически оправдываются нормы поведения личности в коллективе», здесь всюду превалирует «логика хозяйствования» [там же, с.167, 126, 173].

«…Улучшение морального состояния воспитанников происходит параллельно развитию хозяйства и ***внедрению коллектива в управление*** этим хозяйством» [3, Часть 3, с.193].

Огромным педагогическим достижением А.С. Макаренко является то, что его система воспитания впервые в педагогической истории утверждается на новом базовом направлении - воспитании «социально-экономическом», на превращении трудового коллектива в «хозяйственный коллектив» [3, Часть 1, с.128, 129].

И это не лишь «детский коллектив», где дети в идеале «все делают сами». «Воспитательный коллектив» - это детско-взрослое сообщество, трудовое и духовно-нравственное содружество молодого и старшего поколения. Соотношение воспитанников и взрослых (квалифицированных рабочих, мастеров производства, инженерно-технических работников, педагогов) в макаренковской колонии, коммуне выражалось в соотношении 3:1. В 1934 г. оно превратилось в 1:3, это стало подрывать основы педагогической системы А.С. Макаренко.

В 1935-1936 гг., когда колонии для несовершеннолетних правонарушителей переходили в систему НКВД, превращались в закрытые учреждения, А.С. Макаренко с октября 1936 г. по январь 1937 г. был инспектором-консультантом ОТК НКВД УССР, исполнял обязанности начальника ***колонии №5 в Броварах***, под Киевом (300 мальчиков). Там он снял решетки в помещении, где располагалась большая группа «дезорганизаторов» и отменил закрытую зону для близких к этому состоянию.

Отстаивая и далее принцип открытого учреждения для несовершеннолетних правонарушителей, он в условиях колонии для получивших срок по приговору суда так мотивировал социальное положение колонистов: «Ты осужден, … тебя осудили морально, тебе сказали: ты заслуживаешь по своему проступку 3 года тюрьмы, но фактически ты живешь в свободной трудовой колонии, ты носишь очень почетное звание колониста – члена колонии, ты работаешь на производстве, как и всякий трудящийся, ты учишься в школе, как и каждый ребенок или юноша, ты пользуешься всеми правами гражданства. Проживешь здесь 3-4 года, мы тебя выпустим и снимем с тебя эту судимость» [3, Часть 5, с.81, см. также с.80].

Жизненной основой для такого положения, как и в колонии горьковцев и в коммуне дзержинцев, стало привлечение коллектива к делу, имеющему большое общественное значение: был получен и начал выполняться производственный заказ на изготовление арматуры для шлюзов канала Москва-Волга. Точно так А.С. Макаренко поднимал до этого Таганчанскую колонию: в ней было организовано производство кассовых аппаратов, ранее закупаемых за границей.

Материалы проведенных на базе ***Канской*** воспитательной колонии четырех «Макаренковских чтений» свидетельствуют о том, что в ней инновационно применяются некоторые базовые элементы педагогики А.С. Макаренко. Это соответствует общему направлению современного реформирования системы исполнения наказания.

А именно: расширение меры свободы во взаимодействии осужденных и социума; развитие в колонии социально и педагогически приемлемых условий жизни; мотивированное и дифференцированное ослабление режима; укрепление духовно-нравственных начал жизни и деятельности колонии, содействии в определении осужденными достойного места в жизни, в сфере труда; развитие способности к самоутверждению личности.

Дальнейшие, радикальные преобразования требуют, несомненно, серьезных изменений ***уголовного законодательства***, усиления его направленности на взаимодействие права и нравственности, юридических и педагогических условий отбывания наказания.

Более глубоко должно быть представлено различие между уголовным правом для несовершеннолетних и взрослых. От принципа «кары» для несовершеннолетних необходимо все более отступать в сторону воспитательного воздействия, максимально возможного соответствия условий исполнения наказания «нормальному» образу жизни. Актуальной становится проблема «на грани свободы и не свободы».

Работая в этих направлениях, А.С. Макаренко уже в начале 1920-х гг. опирался на труды ***Л.И. Петражицкого***, теоретика права и социального психолога [3, Часть 1, с.40, 42]. Проблема расхождения административно-правовых и

педагогических установок занимает очень важное место в макаренковской теории и практике, относящейся и к ***«нормальному» детству***.

5 апреля 1939 г. А.С. Макаренко должен был выступать в ***Юридическом институте*** Прокуратуры СССР по вопросу о воспитании. А 1 апреля его не стало. Так мы лишились возможности узнать то, что он мог бы сказать по проблеме, которой мы сейчас занимаемся.

Литература:

1. Фролов А.А. Идеи свободы и целесообразности в методологии педагогики А.С. Макаренко //Педагогика. – 2013. - №2.

2. Гриценко Л.И. Социальное воспитание и свобода личности в педагогике А.С. Макаренко //Педагогика. – 2013. - №2.

3. Макаренко А.С. Школа жизни, труда, воспитания. Учебная книга по истории, теории и практике воспитания в 6 частях (томах) /сост. и коммент. А.А. Фролов, Е.Ю. Илалтдинова, С.И. Аксёнов. – Н.Новгород, 2007-2013.

4. Макаренко А.С. Пед.соч. в 8т./сост. М.Д. Виноградова, Л.Ю. Гордин, А.А. Фролов. – М., 1983-1986.

(Автор Фролов А.А., доклад на v международных Макаренковских чтениях, проведенных на базе Канской воспитательной колонии, Красноярский край, 2014 г. Полный текст – в сб. материалов этой конференции, Красноярск, 2014).

А.С. Макаренко как социальный педагог-реформатор (к вопросу о социализации)

«А.С. Макаренко – социальный педагог-реформатор» - такая характеристика, предложенная в начале 2000-х М.В. Богуславским и А.А. Фроловым, - подтверждена в Итоговом документе международной научно-практической конференции «Педагогика А.С. Макаренко: воспитание и жизнь (достижения и проблемы)». Она прошла в Нижегородском государственном педагогическом университете им. К. Минина 28-29 марта 2013 г., посвящена 125-летию со дня рождения А.С. Макаренко [1, с.249].

В работе конференции приняли участие К. Кувабара (Япония, Хоккайдский педагогический университет, Саппоро), Н. Сицилиани де Кумис (Италия, Университет Ля Сапиенца, Рим), Э. Меттини (Италия, Пиза), Р. Райт (США, Калифорнийский университет, Сан Бернардино), Г. Хиллиг (Германия, Марбургский университет), А.В. Ткаченко (Украина, Полтавский национальный педагогический университет им. В.Г. Короленко), Б.Н. Наумов (Украина, Харковский национальный педагогический университет).

В январе 2014 г. в исследовательской лаборатории «Воспитательная педагогика А.С. Макаренко» НГПУ в собеседованиях с Т. Халворсеном (Норвегия, Университет Нордланда) обсуждено сделанное лабораторией еще в 2005 г. заключение: макаренковское творчество в педагогике – это «социально-культурное явление большого масштаба»; его значение точно соответствует положению: «классика всегда современна».

Признание А.С. Макаренко классиком педагогики началось в западном мире (преимущественно в Федеративной Республике Германия) во 2-й половине 1950-х годов. Высок его авторитет в мире. Его необычайно успешный и длительный опыт педагогического учреждения в целом, научные труды, художественно-педагогические произведения ярко представляют отечественную педагогику в международном педагогическом сообществе.

История освоения и разработки наследия А.С. Макаренко с 1939 г. по 2005 г. в СССР, России и мире освещена в нашей книге [2]. В ней дан конкретный материал по 20 зарубежным странам, показаны важные работы 1500 человек, в том числе 570 зарубежных специалистов.

Предыстория макаренковского социально-педагогического творчества прослеживается в «Хрестоматии по истории социальной педагогики и воспитания», в 2-х томах [3]. В ней представлены 30 авторов по зарубежной истории и 45 по отечественной истории, включая и тех, кто «не вписывается» в современный общественно-политический контекст. Это первая хрестоматия по истории «собственно-воспитания», в его принципиальном отличии от обучения-образования.

Нижегородская лаборатория «Воспитательная педагогика А.С. Макаренко» (действует с 2003 г.), представляя эту педагогику как науку о воспитании (в отличии от «дидактической педагогики») и как социальную педагогику (в отличии от индивидуалистической), - в 2007 г. приступила к изданию ***нового собрания макаренковских трудов.***

Оно должно соответствовать современному состоянию макаренковедения, отражать прошедшие в последние 4 десятилетия качественное преобразование макаренковедения и кардинальные социально-экономические изменения в стране и мире [4]. Издание существенно дополняет изданный ранее 8-томник [5] многочисленными выявленными в последние десятилетия работами А.С. Макаренко, подготовительными материалами, различными записями, деловыми и личными письмами. Опубликованное ранее сверяется с первоисточниками, дается в полном виде, с устранением необоснованной редакторской правки. Уточнены датировка и наименования материалов.

Характеризуя А.С. Макаренко как социального педагога-реформатора, издание в едином комплексе и в общей хронологии представляет его педагогические и художественные произведения, публицистические выступления, этические и литературоведческие разработки, рецензии, конспекты. Впервые широко дана документация его колонии-коммуны и связанных с ней различных государственных и общественных организаций. Его теоретические и практические разработки не отделяются.

Все это обозначается на фоне происходящих в стране в 1920-1930-х годах общественно-политических событий и главных изменений в системе образования и педагогической науки. Макаренковская педагогика предстает в «общем потоке жизни», в неразрывной связи с «педагогикой общества», с государственной и общественной историей. Содержащийся в каждом томе обширный именной указатель свидетельствует о широких и многообразных общественных связях А.С. Макаренко. Обнаруживаются основы его научной биографии и личные качества как человека и профессионала-педагога.

Таким образом придается должное, фундаментальное значение сказанному А.С. Макаренко за 22 дня до своей кончины: «Я чувствую себя педагогом не только прежде всего, а везде и всюду педагогом» [5, т.4, с.343]. Исследуя его творчество как социального педагога, необходимо активизировать рассмотрение его наследия в полном объеме, во всей необычайной многогранности, сложности, органической цельности и в очень динамичном развитии.

Новое издание содержит элементы «учебной книги». Каждый том имеет: Предисловие, включающее некоторые современные макаренковедческие публикации теоретико-методологического характера; развернутые комментарии, отражающие современные достижения макаренковедения (комментарии даются не в конце книги, а сразу за публикацией каждого текста А.С. Макаренко); Учебно-методический материал – к содержанию каждого тома: тематика рефератов и исследований, список макаренковедческих публикаций, произведенных за 1-2 года до издания тома. В его начале в виде эпиграфов отмечены идеи, мысли А.С. Макаренко, имеющие ключевое значение.

Издание производится в 9 томах, изданы первые 6 томов; 7-й том готовится к печати, 8-й том в компьютерном наборе. Художественно-педагогические произведения А.С. Макаренко (широко доступные читателям) даются лишь в

наиболее существенных фрагментах. Это позволило насытить издание множеством новых материалов, не допуская его «разбухания».

Существо ***социальной педагогики*** А.С. Макаренко можно обозначить в его словах (сер.1934 г.): «…Мы решительно отказались от индивидуальной инструментовки воспитательного процесса, положившись всецело на организующее влияние коллектива [учреждения], а еще больше на организующее влияние всей советской жизни, на влияние сложных, широких впечатлений жизни и – самое главное – влияние собственных активных движений, упражнений и переживаний коммунара. Это метод создания нового [социально-нравственного] опыта». [4, Часть 3, с.217].

А.С. Макаренко совершил исторический прорыв в педагогике, преодолев традиционное разделение воспитания «в широком смысле», как социального явления (выходящего за пределы предмета педагогики), - и воспитания «в узком смысле» (как «педагогической деятельности», целенаправленной, гарантирующей какой то воспитательный результат). Это основа основ его блестящего успеха как педагога-практика и теоретика.

Концепция социально ограниченной «педагогической деятельности», изначально обреченная на иллюзорные и мизерные результаты, в форме «па́рной педагогики» (лишь персональных отношений «воспитатель-воспитанник»), - сейчас убедительно демонстрирует полную неспособность решать проблемы воспитания. Это, правда, вполне удовлетворяет тех, кто стремится «ликвидировать» воспитание вообще или подменить его «развитием личности» по якобы природой заданной «программе».

Социально-педагогическая концепция А.С. Макаренко ***доказана*** 5-летним опытом работы коммуны им. Ф.Э. Дзержинского вообще без штатных воспитателей. С 1930 г. коллектив коммунаров в составе 150-500 человек, при организованных выпусках и приеме новых воспитанников, успешно функционировал и развивался в условиях интерната, самоуправления, самообслуживания, частичного самообеспечения, сочетания производственной и школьной работы, многообразной клубной и спортивно-оздоровительной деятельности. Этот коллектив мог в полном составе совершать длительные летние походы предельной сложности.

В колонии им.М. Горького и коммуне им.Ф.Э. Дзержинского действовал не просто «детский коллектив» с «детским самоуправлением», а ***трудовой «воспитательный коллектив»*** педагогического учреждения в целом – подростков, юношества и педагогов, администрации, квалифицированных рабочих, мастеров, инженерно-технических работников. Материальной и мотивационной основой этого единого коллектива был производственный труд, его богатейший духовно-нравственный смысл, насущные потребности и огромные возможности для полноценного воспитания и развития личности и индивидуальности.

Это не «труд-работа» профессионала-батрака; было «трудовое хозяйствование»: воспитанники включались в управление производством. Соединение воедино административно-правового регулирования и самоуправления вело к господству в коллективе нравственных принципов и норм, общественного мнения, традиций, личных убеждений, мотивов долга и чести, достоинства, стыда и позора.

«Одухотворение труда» как «основы человеческой жизни и культуры» [4, Часть 6, с.105] ведет к кардинальному преобразованию всей системы педагогики и воспитания.

«Воспитательный коллектив» А.С. Макаренко – это, как он выражался, «одухотворенный коллектив», в своей жизненной практике воодушевленный реальным участием в закреплении достижений культуры, в решении современных социально-экономических задач и созидании лучшего будущего для всех и каждого.

В этом смысле исследователи устанавливают преемственную связь творчества А.С. Макаренко и американского педагога, психолога, реформатора образования ***Дж.Дьюи***, который стремился превратить школу в творческую «социальную лабораторию». Как определено в первом североамериканском докторском макаренковедческом исследовании (Дж. Боуэн, 1962г.), Дж.Дьюи и А. Макаренко «полагались на социальный реконструктивизм – применение педагогических методов к социальным проблемам» [цит. по 6].

Методологическая позиция А.С. Макаренко может быть поставлена в непосредственную связь с положениями Дж.Дьюи: «Воспитание – это основной метод социальных преобразований и прогресса»; «Школа должна представлять такую форму общественной жизни, в которой сосредоточены все факторы, наиболее действительным образом позволяющие ребенку черпать из наследственного капитала человечества и направлять свои способности на служение общественным целям… Само воспитание есть уже жизнь, а не подготовка к ней» [7, с.48, 54].

Американские профессора ***Т.Геринг, Ф.Б. Бауэрс, Р. Райт*** провели специальное исследование: «Антон Макаренко – Джон Дьюи Советского Союза?» [6, его фрагментарное изложение – в ж. «Народное образование», М., 2011, №5]. Эта тема рассматривается в нашей публикации [8].

Американский социолог ***Ф. Фукуяма*** при изучении экономического состояния некоторых современных стран, тесно связывает их успехи с сокращением роли административно-правовых регуляторов. Усиливается значимость «социального капитала», он «вырастает из приоритета социальных добродетелей над индивидуальными». Экономическая эффективность возрастает при развитии доверия и коллективности в обществе, активизации нравственных обязательств, в процессе привлечения работников к исполнению хозяйственно-управленческих функций [8, с.26, 54 и др.]. Об этом говорится в наших публикациях [10, 11].

Ведущие советские экономисты ***Л.И. Абалкин*** и ***Г.Х. Попов*** в конце 1980-х гг. рассматривали вопрос о значимости макаренковского наследия в аспекте экономического развития страны [12, с.166-167; 13].

Социально-педагогический смысл объединения административного управления и самоуправления в опыте А.С. Макаренко раскрывается в нашей статье [14].

Жизненно-ориентированная социальная педагогика А.С. Макаренко является глубоко ***природосообразной.*** Это творческое развитие выдвинутой ***Ж.Ж. Руссо*** концепции «естественного», «свободного» воспитания. Подчиняя влечения воспитанника лишь жизненной необходимости и побуждая к разумно-целесообразным, полезным действиям, она устраняет в воспитании искусственность и принудительность, открывает возможность «свободного проявления» личности [15, с.93]. А.С. Макаренко изгоняет из воспитания «педагогическая нарочитость»; нужно обеспечить «свободу в самочувствии воспитанника», чтобы он мог «более просто и радостно переживать свое детство» [4, Часть 1, с.168].

Э. Зауэрман (Германия, бывш.ГДР) творчество А.С. Макаренко показал в параллели с трудами бразильского социального педагога ***П. Фрейри***, получившего в 1986 г. премию ЮНЕСКО за деятельность по «воспитанию в духе мира» [16, с.144-198]. Отрицая официально действующие системы образования, П. Фрейри обосновал и апробировал программу «нового воспитания», превращения народа из объекта просвещения в субъект своего развития [3, с.288-301]. Об этом – в нашей публикации [17].

В 1941 г. «Педагогическая поэма» издана на иврите на территории Палестины (государство Израиль с 1948 г.) в издательстве движения кибуцев «Библиотека рабочего». ***Кибуцы***, сельскохозяйственные поселения социалистического типа, еще в догосударственный период истории Израиля сыгравшие важную роль в освоении новых земель и их защите – в своей

организации, управлении, духовной жизни опирались на социально-педагогические идеи и опыт А.С. Макаренко [18, с.280-288]. Слово «кибуц» означает: коллектив, общество, собрание.

Кибуцкое движение, пережив кризис в 1980-х гг. и реформирование в 1990-х гг., нашло пути своего развития в современном израильском государстве. Кибуцы освоили заводское производство, активно включились в финансовую и инновационную техническую деятельность. Во многих случаях они по производительности труда успешно конкурируют с частным сектором. В израильской экономике на кибуцы сейчас приходится более 30% сельскохозяйственного производства и 10% экспорта промышленных изделий [19, см. также 2, с.375].

История кибуцев может показать, каким образом мог бы развиваться социально-педагогический опыт А.С. Макаренко в дальнейшем.

Известна и нуждается в изучении, обобщении практика молодежных трудовых самообеспечивающихся коммун, действующих в разных странах по принципу: «По-новому трудиться, по-новому жить, по-новому воспитывать детей». Среди них – организации по преодолению наркозависимости несовершеннолетних и молодежи. Возникает «альтернативная педагогика», в ней отражаются идеи и опыт А.С. Макаренко, кибуцкого движения, лево-радикальной и религиозной идеологии [2, с.276, 372].

Не так давно, в сентябре 2012 г. на Международном инвестиционном форуме в г.Сочи ***И. Адизес***, авторитетный в мире американский специалист по менеджменту, сказал: «… Одну книгу я прочел в 10-летнем возрасте, это книга А.Гайдара «Тимур и его команда». А сегодня книга, которую я знаю до сих пор почти наизусть, - это «Педагогическая поэма» Макаренко. Это две книги, которые сделали меня тем, кто я есть» [20; «Педагогическую поэму» он читал на сербском языке].

История возникновения и освоения, разработки этого наследия может рассматриваться как конкретный материал для исследования ***явления «социализации»***. В этой работе нужно отказаться от абстрактно-схоластического подхода, выйти на уровень педагогики как науки общественно активной, результативной, «практически целесообразной» (А.С. Макаренко). Чтобы преодолеть размытость понятия «социализация», необходимо четко обозначить его специфику в связи с другими базовыми педагогическими понятиями: воспитание, обучение, развитие личности.

Появившееся не так давно в нашем лексиконе под влиянием западно-европейской (преимущественно американской) социологической мысли и практики, понятие «социализация» имманентно содержит отрицание воспитания как такового. В становлении личности абсолютизируется влияние социальной среды и задача адаптации молодого поколения к существующему. До этого «ликвидация» воспитания шла путем подмены его «развитием» личности, в русле «педологического уклона в педагогике», как выражался А.С. Макаренко.

Плодотворное утверждение понятия социализации в отечественной педагогике может произойти на основе решительного перехода от «детской», «школьной» педагогики («в коротеньких штанишках») и «школы учебы» к педагогике социальной, где молодое и старшее поколения взаимодействуют, образуя «школу жизни, труда, воспитания».

Хорошим ориентиром в этом движении может стать мысль А.С. Макаренко: «воспитанию подвергается не только ребенок, школьник, а каждый гражданин на каждом шагу»; это воспитание совершается «либо в специально организованных формах, либо в формах широкого общественного воздействия» [4, Часть 6, с.241].

Список литературы

1. Педагогика А.С. Макаренко: воспитание и жизнь (достижения и проблемы): материалы международной научно-практической конференции, посвященной

125-летию со дня рождения А.С. Макаренко (28-29 марта 2013 г.) /сост. Е.Ю. Илалтдинова, С.И. Аксёнов, науч.ред. А.А. Фролов. – Н. Новгород, 2013. – 250 с.
2. Фролов А.А. А.С. Макаренко в СССР, России и мире (1939-2005 гг., критический анализ). – Н.Новгород, 2006. – 417 с.
3. Хрестоматия по истории социальной педагогики и воспитания: в 2 т./сост. А.А. Фролов, Ю.Х. Трушина, Г.Н. Козлова, А.М. Кушнир. – М., 2007. – 304 и 400 с.
4. А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания. Учебная книга по истории, теории и практике воспитания. Части (тома) 1-6 /сост. и коммент. А.А. Фролов, Е.Ю. Илалтдинова, С.И. Аксёнов. – Н.Новгород, 2007-2013 гг.
5. А.С. Макаренко. Педагогические сочинения. В 8 т./сост. и коммент. А.А. Фролов (по всем томам), Л.Ю. Гордин и М.Д. Виноградова (по отдельным томам). – М., 1983-1986.
6. T. Gehring, F.B. Bowers, R. Right. Anton Makarenko: «The John Dewey of the USSR?» journal of Correctional Education. Lanham: Dec. 2005, v.56, iss.4-327c.
7. Дж. Дьюи. Моя педагогическая вера //Педагогика Джона Дьюи /авт.-сост. Г.Б. Корнетов. – М., 2010. – с.46-54.
8. Фролов А.А. Джон Дьюи и Антон Макаренко – две вершины социальной педагогики XX века //Народное образование. – 2013. - №6.
9. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию /Пер. с англ. – М., 2004. – 730 с.
10. Фролов А.А. «Человек в системе производства» у Ф. Фукуямы и А. Макаренко //Вопросы экономики. – 2010. - №8.
11. Фролов А.А. Человек в системе производства: новое в мировой практике организации труда и опыт А.С. Макаренко //Народное образование. – 2012. - №2.
12. Абалкин Л.И. Обоснована ли тревога? Ответы экономиста на трудные вопросы //Звезда, 1989, №2, с.162-167.
13. Попов Г.Х. Взрослые болезни детского труда //Советская Россия, 1988, 12 марта.
14. Фролов А.А. Административное управление и самоуправление в педагогике А.С. Макаренко //Педагогика. – 2009. - №5.
15. Фролов А.А. Идеи свободы и целесообразности в методологии педагогики А.С. Макаренко //Педагогика. – 2013. - №2.
16. Sanerman Э. Anton Makarenko und Paulo Freiri. Makarenko-Forschung und Betreiungspedagogik //Makarenko in Ost und West, т.1/Hriy. S.E. Weitz, A.A. Frolov. – Marburg, 1992. - 283c.
17. Фролов А.А. А.С. Макаренко и П. Фрейри (Бразилия): сравнение основ социально-педагогической деятельности //Историко-педагогическое знание в начале III тысячелетия. Матер. VIII нац.науч.конф. /сост. – ред. Г.Б. Корнетов. – М., 2011.
18. Stand und Perspektiven der Makarenko-Forsching /Herig G.Hillig, S.Weitz. – Munchen, 1994. – 402 c.
19. Дубсон Б.И. Кибуци. Путешествие в светлое будущее и обратно. – М., 2008. 336 с.
20. Адизес И. Выступление на Международном инвестиционном форуме в г.Сочи, сент. 2012 г. (запись синхронного перевода на русс.яз.)

(Автор Фролов А.А. и Аксенов С.И., дано в сб. материалов конференции по проблеме социализации личности. – Набережные Челны, 2014).

О содержании издания, данного тома

Данная Часть 7 издания «А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания.....» – это продолжение издания нового собрания его сочинений, в виде «учебной книги». Начало этому положила книга А.А. Фролова «А.С. Макаренко в СССР, России и мире: историография освоения и разработки его наследия (1939–2005 гг., критический анализ)», издана в Н.Новгороде в 2006 г.

Так возникла серия из 9 ежегодно выпускаемых книг (1-я часть нового издания макаренковских трудов вышла в 2007 г.; 9-я часть, последняя, выйдет в 2015 г.). Завершить серию предполагается книгой «Педагогика А.С. Макаренко: очерк методологии, социально-гуманитарных основ». В Части 3 началось печатанье подготовительных материалов к ней, в форме вступительной статьи, на основе уже опубликованного в разных изданиях. Это продолжено в 4–7-х частях и будет закончено в Части 9.

Задуманный итоговый труд отражает исследовательскую работу, проведенную исследовательской лаборатории «Воспитательная педагогика А.С. Макаренко» НГПУ им. К. Минина в ходе нового издания макаренковских трудов, в процессе обобщения и критического анализа результатов изучения, теоретического и практического использования макаренковского наследия в СССР, России и других странах в течение уже 75 лет.

О возможности и необходимости макаренковедческого исследования с высоким уровнем обобщения свидетельствует проведенный в январе 2008 г. в Федеральном институте развития образования симпозиум «Современный Макаренко: методология, теория и практика педагогики». Его материалы опубликованы в сборнике под этим названием (М., ФИРО, 2008) и в издании: Макаренко: альманах, М., 2008, №1.

Далее начался выпуск брошюр «Наследие А.С. Макаренко: современная разработка и перспективы (в аспекте методологии педагогики)». Сделано 3 выпуска (Н.Новгород, 2009, 2010 гг.). В выпуске 2 помещены тезисы 14 специалистов; в выпуске 3 – 23, авторы из России, Украины, Германии, Польши, Беларуси, доктора и кандидаты наук, специалисты по педагогике, философии, социологии, психологии. Выпуск 4 – это брошюра: Фролов А.А. Педагогика А.С. Макаренко: основы методологии (в сравнении с другими концепциями педагогики). – Н.Новгород, в печати.

Макаренковедческая лаборатория НГПУ им. К. Минина (действует с 2003 г.) 28-29 марта 2013 г. при поддержке Российского гуманитарного научного фонда провела международную научно-практическую конференцию «Педагогика А.С. Макаренко: воспитание и жизнь (достижение и проблемы)». Под этим названием выпущен сборник материалов конференции, она посвящена 125-летию со дня рождения А.С. Макаренко.

Конференция поддержана участием в ней сотрудников Российской академии образования, Института истории и теории педагогики. В конференции приняли участие специалисты из Японии, Италии, Германии, Украины, США, из 20 городов и районов Российской Федерации, в том числе 12 докторов педагогических наук.

Принятый конференцией Итоговый документ отражает состояние современного макаренковедения, его успешное развитие и проблемы, направления дальнейшей работы.

Посвященные юбилейной дате научно-практические конференции прошли в Москве (Российском гос.социальном университете и Московском гос. областном университете – с аспирантами), Волгограде (Волгоградской гос. академии повышения квалификации работников образования), в Украине (Полтавском национальном пед.институте и Сумском гос. педагогическом университете) – с изданием материалов конференции. Юбилейная конференция проведена в

Воронежском гос. университете.

Итоговый макаренковедческий труд по методологии педагогики лабораторией НГПУ им. К. Минина задуман как приближение к осуществлению замысла А.С. Макаренко, которого ему не удалось осуществить. Он хотел написать «книгу по педагогике», «важный и капитальный труд о воспитании». Он приступал к этой работе, заявлял о ней несколько раз: в 1928 г., в конце 1932–начале 1933 гг., в феврале 1935 г. А еще гораздо раньше, осенью 1922 г., он намеревался «огромный опыт двух лет, вызвавший множество вопросов, обработать научным образом» (А.С. Макаренко. Школа жизни, труда воспитания..… Часть 1, с. 39).

В новом издании трудов А.С. Макаренко он предстает как социальный педагог-реформатор, классик педагогики, органически совмещающий качества педагога-практика, мыслителя и писателя, художника слова, публициста, общественного деятеля.

Новое издание необычно, имеет характерные особенности. Материалы даются в строгой хронологической последовательности (от первой части до последней). Нет разделения материалов «по жанрам». В общем потоке представлены многообразные авторские материалы А.С. Макаренко: лекции, статьи, выступления, литературные рецензии и отзывы, деловые и личные письма, художественно-педагогические произведения, различные подготовительные материалы, конспекты, записи.

Все написанное и сделанное им предлагается к восприятию в общем «потоке жизни». Это соответствует его концепции педагогики, генеральной идее «школы жизни, труда, воспитания». Таким образом можно приобщиться к его методологии педагогики, видеть и осмысливать педагогические явления и процессы в их масштабности, многообразии и единстве, постоянном и противоречивом развитии.

К этому ведет и нераздельность материалов, относящихся к педагогической теории и практике. Жизненно-ориентированная педагогика А.С. Макаренко примечательна согласованностью теории и практики. Границы его педагогики, ее методология и задачи четко ограничены выявлением закономерностей в сфере взаимодействия педагогических целей, средств и результатов.

В издании предусматривается и общий социальный «фон» деятельности и идей А.С. Макаренко. В рубрике «Дополнения» приводятся сведения и факты, сопутствующие появлению тех или иных макаренковских материалов и действий. Даны многочисленные документы его колонии им. М.Горького, коммуны им. Ф.Э. Дзержинского, отдела трудовых колоний НКВД УССР, различных государственных и общественных организаций, деятельности А.С. Макаренко в Союзе советских писателей.

Издание претендует на полноту представления известных исследователям к настоящему времени произведений, различных авторских материалов А.С. Макаренко, документов о его деятельности. Среди них много неизвестных ранее и малоизвестных, не вошедших в предыдущее, 8-томное собрание его сочинений (М., 1983–1986 гг.).

Таким образом издание предстает и как научная биография А.С. Макаренко, где социально-гуманитарная направленность его жизни и деятельности неотделима от личных качеств, культуры его личности. Стремление обратить внимание прежде всего на эти новые материалы побудило составителей к публикации макаренковских художественно-педагогических произведений лишь в их фрагментах, имеющих преимущественно научно-теоретическую ценность. (Отдельные издания этих произведений многочисленны и доступны). Таким образом удалось удержать издание в целесообразном объеме.

Издание трудов А.С. Макаренко в виде «учебной книги» – еще одна его уникальная особенность. Эта учебно-познавательная направленность реализуется в материале «От составителей» (где даны методологически значимые публикации последних лет), в расширенных комментариях, «Учебно-методическом материале» и

списке публикаций (включая авторефераты диссертаций), сделанных в последние годы по макаренковедческой и близкой к ней проблематике. Методическую направленность имеют данные в начале каждого тома эпиграфы-цитаты, ключевые идеи данного тома. В комплекс учебно-методических материалов входят Именные указатели.

Комментарии в учебных целях не только содержат многоаспектный материал (отражающий современные трактовки и многочисленные попутные сведения), но и печатаются не в конце книги (там их обычно не читают), а сразу после текста А.С. Макаренко, побуждая читателя к вдумчивому его восприятию, сравнению с предыдущими и последующими текстами.

Объективность комментариев может быть проверена повторными обращениями к макаренковским авторским материалам.

Начиная с Части 2 издания в каждой из них в конце книг дается «Дополнительный материал». Это тексты А.С. Макаренко и документы, выявленные позднее, они хронологически дополняют содержание 1-й и последующих частей (томов). К сожалению, этот материал не отражается в Именных указателях.

Часть 5 издания значительно отличается от предыдущих: в ней уже нет привычных материалов о непосредственной работе А.С. Макаренко в его колонии-коммуне. Новым и ценным является отражение его продолжающейся социально-педагогической деятельности: в отделе трудовых колоний НКВД УССР, в Киеве (сначала в качестве пом. нач. ОТК, затем консультанта). Ранее о «киевском периоде» его творчества было практически неизвестно, что приводило к разного рода домыслам и инсинуациям.

Начало этого периода освещается в Части 4, со с. 70. Часть 5 охватывает его до конца, а также начало жизни А.С. Макаренко в Москве, когда он целиком занят литературной, публицистической, общественной деятельностью. Это еще очень слабо изученный, новый этап его творчества как социального педагога-реформатора - «московский период».

В это время он выходит на новый уровень своих обобщений, все теснее связывая педагогику с развитием общественной жизни, различными областями социально-гуманитарного знания. Центральное место в Части 5 занимает подготовка и публикация «Книги для родителей».

Часть 6 охватывает период с лета 1937 г. до весны 1938 г. Книга включает: статьи, рецензии, рассказы, «Лекции о воспитании детей», «Честь», «Проблемы школьного советского воспитания», выступления, письма, записи.

Данный том, как и том 6, хорошо представляет педагогику А.С. Макаренко «в широком смысле», с включением в нее «педагогики всего общества», действующих социально-экономических явлений и процессов, событий в сфере культуры, печати, художественной литературы, искусства.

С большой полнотой обнаруживается активно-творческая связь макаренковской педагогики с другими социально-гуманитарными науками, особенно с этикой и эстетикой. При обращении к опыту колонии горьковцев и коммуны дзержинцев производятся новые обобщения, расширяется педагогическая проблематика, понятийно-терминологический аппарат.

В части 7 московский период жизни и деятельности А.С. Макаренко отражается с марта по ноябрь 1938 г. Включены статьи о советской школе, материалы о художественной литературе (включая детскую), повесть «Флаги на башнях», подготовительные материалы к «Путям поколениям» и «Ньютоновым кольцам», планы киносценария о школе, «Некоторые выводы из моего опыта», «О моем опыте», записи встреч с читателями, рассказы, статьи, письма. Дневниковые записи не только хорошо отражают хронологию напряженной творческой деятельности А.С. Макаренко в это время, но и показывают ее активную социально-педагогическую востребованность.

Комментарии к текстам А.С. Макаренко, как и во всех томах данного издания, начинаются с указания на источник, по которому печатается текст. Публикуемые впервые материалы обозначаются ссылкой на архивный источник.

Хронологически тексты располагаются по времени их написания или публикации, если время написания неизвестно. В наименовании материалов дата ставится, когда это наименование имеют несколько текстов. В комментариях биографические сведения об отдельных лицах даются лишь в рамках рассматриваемого периода. Фамилии причастных в это время к деятельности А.С. Макаренко писателей, педагогов, журналистов, работников различных учреждений, воспитанников колонии горьковцев и коммуны дзержинцев выделяются курсивом.

О проведённой составителями работе над текстами: устранении купюр, уточнении текста, дат и т.д. – не сообщается (за исключением наиболее значимых случаев). Введённые составителями в текст слова (пропущенные или уточняющие) даются в квадратных скобках. Сокращение отдельных мест (обычно при общем сокращении текста источника) отмечается отточиями. Не сообщается о первой и последующих публикациях, о имеющихся разночтениях, а также о переводе с украинского языка (обо всём этом обычно говорится в комментарии к источнику, по которому сделана публикация).

В разных томах издания в макаренковских текстах повторяются идеи, понятия, факты, лица, требующие пояснений. Это ведёт к некоторым повторам в комментариях по томам. Тогда отмечается и нечто новое, соответствующее иным обстоятельствам, логике развития социально-педагогических явлений и процессов. Так отражаются и более точные определения, которые дают составители издания в ходе изучения и комментирования дальнейших публикуемых материалов.

Ссылки на издание Пед. соч. А.С. Макаренко в 8 томах (М., 1983–1986) делаются в том случае, если тот или иной материал еще не включен в наше издание, выходит за хронологические рамки его частей. После опубликования в них ссылки делаются на наше издание.

Подписи к фотографиям

На форзаце в начале книги:

1. Педагогическая поэма. Часть третья, изд.1937 г.
2. А.С. Макаренко за письменным столом (предположительно 1934 г.)
3. «Уважаемому человеку А. Макаренко. М. Горький. 17 марта 1928 г.» - фото в письме А.С. Макаренко
4. А.С. Макаренко, фото 1938 г.
5. Г.М. Поликсенова, см. часть 4 данного издания, с.241-245, ее один из первых откликов на публикацию первых двух частей «Педагогической поэмы»
6. А.С. Макаренко, рис. по фото, Москва
7. М.А. Барская – см. Именной указатель в данной книге
8. А.С. Макаренко в школе №91 г.Москвы, на заседании родительского комитета (или литературного кружка)
9. «Педагогическая поэма» - «Дорога в жизнь», изд. на франц.яз., Париж, кон. марта 1939 г.

На стр.

1. Л.М. Салько, сын Г.С. Салько от первого брака, студент, 1937 г.
2. З.С. Клямер, выпускник коммуны дзержинцев. 1937 г., курсант Орловского бронетанкового училища
3. Е.О. Ройтенберг, см. часть 6 данного издания, с.215, 1941 г.
4. С.А. Калабалин (в «Педагогической поэме» Карабанов), 1941 г.
5. Выпускники коммуны дзержинцев К. Наливайко, С.Торский, кон. 1930-х гг.

На стр.

1. А.Н. Швед, см. Именной указатель в части 3 данного издания

2. Д.Г. Белоус, выпускник коммуны дзержинцев, студент Харьковского университета, доброволец Красной Армии (1941 г.)
3. Е. Вехова, в коммуне дзержинцев, нач. 1932 г., см. Именной указатель в части 3 данного издания
4. М. Семенова, в коммуне дзержинцев, лето 1935 г.
5. Б. Пенкин, в многодетной семье Пенкиных, 1942 г. (в «Книге для родителей» Веткины)
6. Е. Лиф, «Жан» и А. Гуляев, выпускники коммуны дзержинцев, см. Именной указатель в части 4 данного издания. Е. Лиф затем моряк Черноморского флота, защищал Одессу, Кавказ, награжден орденом Красной Звезды. А. Гуляев погиб в Великую Отечественную войну

На форзаце в конце книги

1. Ваня Гальченко, иллюстрация к «Флагам на башнях»
2. «Флаги на башнях», изд. 1939 г.
3. Игорь Чернявин, иллюстрация к «Флагам на башнях»
4. Орденская книжка А.С. Макаренко (награжден орденом Трудового Красного Знамени, «за выдающиеся заслуги в области литературы»)
5. Соломон Борисович и Петька Кравчук, иллюстрация к «Флагам на башнях»
6. Пожар на производственном участке, иллюстрация к «Флагам на башнях»
7. «Премия» - публикация рассказа А.С. Макаренко в ж. «Молодой колхозник», 1938 г.

На 4-й стр. обложки:

Составители и комментаторы данной части издания С.И. Аксёнов, А.А. Фролов, Е.Ю. Илалтдинова, сотрудники исследовательской лаборатории «Воспитательная педагогика А.С. Макаренко» Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина

Проблемы воспитания в советской школе

В порядке обсуждения

Обычно, если какой-нибудь школьник огорчит семью, учителей, а то и органы милиции каким-либо неблаговидным поступком, начинаются неизменные пререкания:

- Ну конечно, комсомол плохо помогает школе.

- А пионерская организация? Не умеет работать...

- Позвольте, а чем занимается директор? Он ведь только старший завхоз. Хозяйственные заботы — финансы, отопление, ремонт — целиком поглощают его день. Кто же отвечает за дисциплину?

- Родители тоже хороши! Ничем не помогают.

- Помилуйте, а педагоги разве помогают? Уткнулись носом в тетрадки и совершенно не занимаются воспитанием.

Необходимо, однако, реабилитировать советскую школу, освободить ее от совершенно незаслуженных обвинений в немощи.

Без всякого преувеличения можно сказать, что вопросы воспитания всплывают обычно на поверхность только при каких-нибудь досадных происшествиях, когда на «помощь» привлекается Уголовный кодекс. Если же происшествий нет — школьник не сорвался с подножки трамвая под колеса, стрелок из рогатки не вышиб глаз товарищу, — о проблемах воспитания не вспоминают. Ни один раздел школьной педагогики так слабо не разработан, как методика нормальной воспитательной работы. Теоретики видят в воспитательных мероприятиях лишь подсобное вспомогательное средство к повышению успеваемости — и только.

Практики-педагоги теряются среди множества эмпирических приемов, не связанных в стройную воспитательную систему. Лучшие наши учителя знают чрезвычайно ценные приемы воспитания воли, выработки внутреннего кодекса поведения советского ребенка, предлагают в этой области своеобразные изобретения, интересные начинания. Но такое опытничество слабо поощряется органами народного образования и крайне слабо изучается.

Неопределенность воспитательного процесса в школе, распыленность педагогических сил, боязнь смелого почина снижают эффективность труда даже талантливых учителей. Тем хуже дела у тех классных руководителей, - а их у нас сотни тысяч, — которые, не обладая выдающимся педагогическим мастерством, работая в одиночку, не находят нужной линии, не овладевают своими воспитанниками.

А неповоротливые молчальники-теоретики, с постной миной «изживающие» педологические ошибки, покаянно выгребающие псевдонаучный мусор из педагогической литературы, до сих пор не оплодотворили школьную практику положительными мыслями, несмотря на то, что общие педагогические идеи марксизма-ленинизма, высказывания Ленина дают в области воспитания совершенно ясную установку и открывают большой простор педагогическому творчеству.

Учителям до сих пор не помогли понять, что нормальная работа школы немыслима без сплоченного педагогического коллектива, придерживающегося единой методики и коллективно отвечающего не только за «свой» класс, а за всю школу в целом.

Наша школьная сеть, которой вправе гордится страна, представляет собой в педагогическом секторе распыленную массу одиночек-учителей и в ученическом — массу разрозненных классов, лишь механически связанных соседством в общем школьном здании. Школы как единого коллектива, как целостного учреждения не знают у нас ни педагоги, ни дети, ни семья, ни советская общественность. И именно в этом таится корень многих бед.

Если, например, ребенок учится в московской школе № 575, то этот астрономический номер без индивидуального названия не рождает в нем никаких эмоций. Учащийся теряется в огромной толпе сверстников (ведь вместе с ним в школе часто учится до двух тысяч детей). Ученик знает только свой класс. Между классным коллективом и советским обществом нет связующего звена — более широкого коллектива, нет самой школы как единого общественного организма.[1]

Педагогическая теория, размениваясь на мелочи, не удосужилась заняться этим кардинальным вопросом. Между тем совершенно очевидно, что каждый ученик должен жить не только интересами своего маленького классного кружка, а должен воодушевляться общими школьными целями, переживать общие школьные радости.

Как правило, коллектив учащихся школы не должен превышать тысячи. Школы-гиганты следовало бы разукрупнить, чтобы каждая имела свое лицо, чтобы дети были знакомы друг с другом, чтобы учителя узнавали в коридоре тех, кого они воспитывают, чтобы весь школьный коллектив дружески общался на школьных праздниках, на литературно-художественных вечерах, в кружках, чтобы крепли дружба и уважение друг к другу в совместной творческой работе всего коллектива. Только создав единый школьный коллектив, можно разбудить в детском сознании могущественную силу общественного мнения как регулирующего и дисциплинирующего воспитательного фактора.

Индивидуальный подход к детям не означает возню с уединенной капризничающей личностью. Под флагом индивидуального подхода не следует протаскивать мещанское индивидуалистическое воспитание. Беспомощен тот педагог, который потворствует недостаткам ученика, слепо следует его капризу, подыгрывается и сюсюкает вместо того, чтобы воспитывать и переделывать его характер. Надо уметь предъявлять бескомпромиссные требования к личности ребенка, имеющего определенные обязанности перед обществом и отвечающего за свои поступки. Индивидуальный подход к ребенку в том и заключается, чтобы применительно к его индивидуальным особенностям сделать его преданным и достойным членом своего коллектива, гражданином Советского государства.[2]

Вздыхая по хорошей дисциплине, у нас боятся процесса дисциплинирования. По сути дела, мы недалеко ушли от веры в пресловутую самодисциплину. Школа должна с первого же дня предъявлять к ученику твердые, непререкаемые требования советского общества, вооружать ребенка нормами поведения, чтобы он знал, что можно и чего нельзя, что похвально и что наказуемо.

Контроль общественного мнения большого авторитетного и любимого школьного коллектива закаляет характер ученика, воспитывает волю, прививает общественно полезные навыки личного поведения, гордость за школу и за себя как члена этого славного содружества. И тогда ребенок ведет себя не в зависимости от внешней обстановки, — в обществе хороших ребят он хорош, а среди драчунов и сам хулиган, — он знает, как себя вести: за что его одобрит уважаемый им коллектив и за что осудит. Так рождается в ребенке твердость, несгибаемость закаленного характера, так воспитывается чувство гражданской чести, долга, сознание обязанности по отношению к другим людям.

Сила общественного мнения в детском коллективе — совершенно материальный, реально осязаемый фактор воспитания. Когда я руководил коммуной НКВД, то не побоялся, например, послать пятьдесят воспитанников — бывших воришек и беспризорников — на праздник открытия Краматорского завода. Я знал, что они не уронят достоинства коммуны, оказавшей им доверие и честь. Наши коммунары приняли за правило в трамвае не садится, потому что всегда найдется в вагоне человек, которому следует уступить место. И каждый коммунар просто провалился бы от стыда сквозь землю, если бы его уличили в том, что он нарушил этот пункт этической заповеди коммуны — вежливость к старшим, помощь слабым.

Только отсутствием в школе организованного общественного мнения можно объяснить беспомощность воспитателей, позорящих себя подобными, например, характеристиками непослушных питомцев:

«Мешает, сорит, бьет стекла, выражается, мажет краской лица товарищам, своим хулиганским поведением разлагает не только учащихся, но и учащих...»

Такие аттестации звучат клеветнически. Школьник, изображенный драматическим злодеем, разлагает даже учителей.

Воспитатели, по существу, пишут приговор, себе, расписываясь в своей никчемности. А теоретическая педагогика не осмеливается разработать проблему взаимодействия в школьном обиходе воспитательных мер и репрессий, имеющих при должном применении не менее воспитательное значение.

Странная вещь, педагоги боятся даже самого слова «наказание». У нас в школе не знают даже выговора. Маниловы от педагогики мечтают о таком идеальном положении: вот хорошо бы было, если бы дисциплину поднять и никаких мер воздействия для этого не требовалось!

Подобный ложный гуманизм считается до сих пор у теоретиков хорошим тоном. А школе это беспринципное сюсюканье наносит большой вред. Страх педагогов перед наказанием истекает из боязни возродить нравы старой школы. Но кто сказал, что разумно применяемое разумное наказание грозит нам ужасами царской школы? Ведь у нас нет социальной пропасти, антагонизма между учителями и учениками, между школьниками и школьным начальством. Если в старой школе наказание превращалось в насилие и не разрешало конфликта, а только усиливало его, загоняя язвы внутрь, то у нас система наказаний, по характеру своему отличная от жестокого и унизительного оскорбления человеческого достоинства школьника, несомненно, сыграет положительную воспитательную роль.

Разумная система взысканий не только законна, но и необходима. Она помогает оформиться крепкому человеческому характеру, воспитывает чувство ответственности, тренирует волю, человеческое достоинство, умение сопротивляться соблазнам и преодолевать их.

Активизация общественных начал школьного коллектива и сочетание воспитательных мер и системы взысканий требуют обязательного усиления воспитательного центра в школе. Таким центром может быть только директор, как самое ответственное в школе лицо, как уполномоченный государством руководитель. Наши директора непомерно много уделяют внимания хозяйству, а между тем директор должен, прежде всего, быть единоличным и абсолютно правомочным воспитателем школы. Все остальные школьные работники должны действовать под его непосредственным руководством и по его прямым указаниям.

Но педагогическое мастерство директора школы не может заключаться в простом администрировании. Мастерство в том именно и состоит, чтобы, сохраняя строгое соподчинение, ответственность, дать широкий простор общественным силам школы, общественному мнению, педагогическому коллективу, школьной печати, инициативе отдельных лиц и развернутой системе школьного самоуправления.

Имеющиеся сейчас — и то лишь в старших классах — старосты не могут обеспечить действенного участия школьников в организации школьного быта. Между тем самоуправление может сделаться самым эффективным воспитательным средством.

При наличии школьного общественного мнения, общешкольной дисциплины, поддерживаемой общешкольными органами самоуправления, воспитательная работа педагогов существенно облегчается.

Руководство органами школьного самоуправления должно составит главную заботу директора. Нужно отбросить старую педагогическую хмурость, излишнюю «взрослую» серьезность. Это тем легче сделать, что наши пионерские организации давно уже придумали много хорошего, общественно целеустремленного и отвечающего естественной потребности детей украшать жизнь элементами игры, внешними атрибутами парадности — значками, знаменами, музыкой. Для изобретательного воспитателя здесь большое и благодарное поприще.

Наша Родина вправе требовать от советской школы больших усилий к закреплению сознательной дисциплины среди миллионов учащихся.

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т. / сост., коммент.: А.А. Фролов по всем томам, Л.Ю. Гордин и М.В. Виноградова по отд. томам. – М., 1983 – 1986; т.4., с. 203 – 207. Впервые опубликовано в газ. «Правда», орган Центрального Комитета и МК ВКП (б), 23 марта 1938 г.

Судя по тексту статьи, редакция газеты заявила тему школьной дисциплины, укрепления руководства школой. А.С. Макаренко ее основательно расширил, показал свое, качественно новое понимание сути воспитания.

Он заявил, что воспитания как такового в школе нет (к нему прибегают обычно при «досадных происшествиях»). «Теоретическая педагогика» не выдвинула плодотворных идей воспитания. Методика воспитания – самый слабый «раздел школьной педагогики».

А.С. Макаренко определяет главный воспитательный фактор: «школа как единый общественный организм», трудовой коллектив. В нем необходимо пробудить «могущественную силу общественного мнения», духовно-нравственную силу. Ее источник – «чувство гражданской чести, долга, сознание обязанности», моральные «нормы поведения» и меры «взыскания» при их нарушении. Нужно устранить «ложный гуманизм» в стиле и тоне воспитания.

В руководстве школой недопустимо «простое администрирование». Директор должен «дать широкий простор общественным силам школы», инициативе отдельных лиц и «развернутой системе школьного самоуправления», отбросить казенную «педагогическую хмурость».

Отсутствие производительного труда в тогдашней школе не позволило А.С. Макаренко объяснять, что все указанное им может естественно возникать и развиваться на объективной основе общественной, хозяйственно-трудовой деятельности. Использование предложенных им идей и решений в нетрудовой школе вело в дальнейшем к их искажению, порождало искусственность, формализм, авторитарность и в результате – отторжение. Наблюдалось лишь некоторое улучшение воспитательной практики и развитие теории воспитания, преимущественно в направлении порядка в школе, внешней дисциплинированности.

Позже он заявлял: «Я являюсь сторонником производственных процессов в школе…»; «Я теперь буду бороться за то, чтобы в нашей школе было производство» (март 1939 г.).

[1] В организационной структуре коллектива А.С. Макаренко выделяет два «связующих звена»: 1) Первичный коллектив, он связывает отдельную личность и весь коллектив педагогического учреждения; 2) Этот общий коллектив – «связующее звено» между первичным коллективом и «советским обществом». Отсутствие единого коллектива школы ведет к отрыву воспитания от жизни общества.

[2] А.С. Макаренко отмечает типичную ошибку в методологии, «логике» педагогики: педагогическое средство (не только индивидуальный подход) воспринимается и применяется как самоцель, в отрыве от общепедагогических целей. Это «искривление идеи целесообразности» он назвал «ошибкой типа уединенного средства» (Макаренко А.С. Школа жизни, труда, воспитания. Учебная книга по истории, теории и практике воспитания. – Н.Новгород, 2013, Честь 6, с. 234 – 235, 243 – 244.

Дополнения. *Стороженко Н.П. Вредные советы родителям о воспитании детей. «Книга для родителей» А. Макаренко //* **«Педагогика». Орган Наркомпроса РСФСР (основан в 1937 г., отв. ред. А.С. А.С. Лихачев, зам. отв. ред. Н.К. Гончаров), №3, 1938 г.**

Данная книга – это «попытка оспорить права педагогики в семейном воспитании, опорочить учителя и советскую школу». Выпад против педучилищ и вузов. В духе антинаучных «теорий», осужденных в Постановлениях ЦК ВКП

(б) нач. 1930-х гг. о школе. В противоречии с положением Программы партии о роли школы в коммунистическом строительстве.

Природа человека и воспитание: в духе антимарксистских, педологических представлений; установка на «саморазвитие заложенных в ребенка качеств». Неправильный принцип «ограничения потребностей, интереса и стремлений детей». Дискредитация педагогики как «науки о детях».

Стороженко Н.К. **– тогда сотрудник отдела школы и семьи Гос. НИИ школ Наркомпроса РСФСР. Его статья показывает, сколь глубока пропасть между педагогикой «школы учебы» и макаренковской социальной педагогикой, наукой о воспитании.**

Куфаев В.И. (Научно-практический ин-т спецшкол и детдомов Наркомпроса РСФСР) **о «Книге для родителей»: «Эту книгу мы разбирали в стенах нашего института очень подробно и не с тех позиций, с которых разобрал ее журнал «Советская педагогика». Мы отнеслись с возмущением к рецензии Стороженко».**

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 180, л. 23, без даты.

Проф. С. Советов. «Книга для родителей» А.Макаренко (заметки педагога) **// «Литературный критик», №3, 1938 г. Главная ошибка автора книги: он «отождествляет педагогику с политикой». Громадная роль школы, классного руководителя «осталась забытой». Воспитание любви к Родине, партии, природе, интернациональное и антирелигиозное воспитание, пропаганда педагогических знаний, влияние школы на семью – все это осталось без усмотрения. Воспитание потребностей – «разве это главное?»**

Неправильный тезис: воспитание – «математически могучий корректив» к природе человека. Педагогика не является «точной» наукой. «Приходится, прежде всего, учитывать индивидуальные особенности «природы» человека». Иначе – стихийность воспитания. Неверно о корнях педологии, о Ломброзо. О единственном ребенке в семье – «с антинаучных, педологических позиций». «Необходим только чуткий и внимательный подход к ребенку и правильная организация воспитательной работы». Положительно: о взаимоотношениях родителей и детей, об авторитете, дисциплине, половом воспитании. Все «слишком схематично». Ряд примеров – «явно патологического характера».

Н. Жданов. «Книга для родителей» А. Макаренко // «Звезда», Ленинград, №3, 1938 г. **Нужный жанр художественной публицистики, трактат о воспитании в семье. Ценно и в литературном, и в художественном отношении. О «новой нравственности и бытовой, семейной культуре». С показом повседневной жизни семейных детей.**

Как и Д.И. Писарев, Н.А. Добролюбов: сочетание свободного, всестороннего развития ребенка и авторитета взрослого. «Мораль прошлого» в семье. Но отражается в основном фактор внутриколлективной жизни. Нужно: о значении государственного, общественного воспитания, о влиянии общественной жизни.

Сообщение в *«Литературной газете» 5 марта 1938 г.:* **об обвинительном заключении по делу** *Бухарина Н.И., Рыкова А.И., Ягоды Г.Г., Гринько Г.Ф., Крючкова П.П.*: **обвинены в действии «антисоветского, право-троцкистского блока».**

Гринько Г.Ф. **– нарком просвещения УССР в 1919-1922 гг., посетил колонию им.М.Горького во время ее перебазирования в бывш. имение Трепке, оказал ей материальную помощь, предложил ее преобразование в дальнейшем во «всеукраинскую». Примерно в сер.1922 г. А.С. Макаренко писал: «…Мы являемся теми людьми, которых Гринько называет «подвижниками соцвоса» (часть 1 дан.изд. с.304). «Подвижники соцвоса» - название одной из глав «Педагогической поэмы».**

Крючков П.П. **– секретарь А.М. Горького с 1922 г., см. по Именному указателю в частях 3, 4 и в части 5, с. 356-358, 363-364.**

Записи в дневнике, 20 февраля – 15 апреля 1938 г.

20 февраля 1938 г. Закончил «Честь» и сдал в «Октябрь» и в отдельное издание. Договор обещал Трусов через несколько дней. По-хамски у них это делается. «Вот одобрит Юрий Борисович[1], напишем договор». А если бы я подписал договор раньше и даже аванс получил? А то обстоятельство, что роман печатается в «Октябре»? Предлагают по 800 рублей за [печатный] лист и сами говорят, что мало. Обстановка в «Гослитиздате» скучная, бюрократическая, нудная, не располагающая.

В «Октябре» не лучше. Панферов[2] температурит, мысли его где-то отсутствуют. У других тоже внутренний холод. Интересуется журналом только молодежь. Чайковский плачет, что нет публицистики. Уговаривают меня дать статью о судьбе.

Вечером пришел Шкляр. Невероятный болтун. Все толкует о нашем с ним сборнике рассказов о детях. Я не имел силы отказать.

Вечером звонили из «Правды», Красина. Говорит, что моя речь – стенограмма[3] – очень понравилась редколлегии. Заказала мне «подвал» по воспитанию в школе.

Звонили из Детиздата. Тоже: «Просят зайти 22-го», не зайду.

29 марта 1938 г.

«Честь» отредактирована и принята редактором.

Вчера возвратился из Малеевки, выступал довольно удачно на вечере в Политехническом музее[4]. В Малеевке сделал 15 п.л. «Ворошиловцев»[5] – почти только половину. Сегодня целый день разбирал бумаги, ничего не писал.

Со всех сторон накинулись – доклады. Уже завтра должен дать что-нибудь в «Дружные ребята». К 11-му рассказ в «Молодой колхозник» и кое-кому отказал.

В ЦК [ВКП (б)] идет интересное собрание по вопросам литературы. Ожидают выводов.

Красина сегодня звонила, что статья вызвала много писем, большею частью положительных.

Сейчас должен ехать на собрание оканчивающих московские школы[6]. Для выбора профессии.

30 марта. Целый день отнял Авдеенко[7] со своим романом. Талант у него есть, но никакого чувства меры.

Ничего не писал, только послал одну главу из романа в «Дружные ребята». Предложил им большую серию истории похода коммунаров.

Запись по первой части «Флагов на башнях»: Беспризорность, одиночная борьба за существование: Ваня Гальченко, Игорь Чернявин, Ванда Стадницкая, Григорий Рыжиков. «Добрая бабушка». Педологический кабинет. В трудовой колонии им. 1 мая: первые впечатления, события. Захаров, Николай Иванович, Блюм, Штевель, Воленко, Нестеренко, Зырянский, Грингауз, Зорин, Торский, Гонтарь, Бегунок, Таликова, Оксана Литовченко, Горохов и др.

12 апреля.

«Честь» принята и печатается в майском и июньском номерах «Октября», но отзывов никаких о романе не слышал, хотя и был в редакции. Парфенов – таки влепил меня заместителем редактора «Октября». Подозреваю, что хотят меня использовать как чернорабочую силу для читки рукописей.

5-го числа сдал «Детиздату» первую часть «Флагов на башнях» и тогда же - Ермилову[8]. До сегодняшнего дня ни от кого не слышал ни одного слова. Никитин из Детиздата не отзывается. Ермилов говорит: еще не читал. Начинаю сомневаться в качестве этого романа, сам ничего не разберу. Отрывок послал в «Дружные ребята» - не идет, говорят, композиционно не закончено.

Обещал всем сдать вторую часть 11 – 14, но за 6 дней вместо 200 страниц сделал только 66. Хорошо, если закончу вторую часть к 18-му. Замораживает немного молчание о первой части.

Писать не дают. Диспуты, доклады, Союз [писателей]. Пришлось написать рассказ «Премия» в «Молодой колхозник», тоже не первого сорта, но приняли. 15-го обещал главу из «Флагов на башнях» журналу «Смена».

На статью в «Правде» много отзывов. Пришлось написать вторую статью, завтра сдам, не знаю, пойдет ли?

В журнале «Советская педагогика» какой-то профессор написал погромную статью о «Книге для родителей». Я не читал, звонил Колбановский[9] неделю назад, но до сих пор и он молчит, - не сдрейфил ли?

15 апреля

Статью Стороженко в «Советской педагогике» читал. Злобно, мелко, не скрываясь, враждебно. Надо писать ответ. Где печатать, у Ермилова?

Статья в «Правде» понравилась[10], обещали печатать, но, вероятно, не будут, - я так думаю.

Ермилов звонил, говорят, «Флаги на башнях» понравилась, почему-то не верно. В «Детиздате» молчат, даром что прошли все сроки.

Вообще педагогическое одиночество продолжается, стоишь, как перед стеной. Статья в «СП» характерна, как показатель наркомпросовских настроений.

В «Октябре» был два дня. В общем, там тоска. Не очень надеюсь, что удается расшевелить.

Вторая часть «Флагов на башнях» подвигается, сделал еще 46 страниц, всего 111, осталось до конца страниц 140. Когда сделаю? Ближайшие дни заняты. Сегодня уезжает в Киев Галя. Вечером нужно сделать главу для «Смены».

Разговаривал с художником, иллюстрирующим «Честь». Кажется, хотят хорошо издать. Иллюстрации должны быть готовы к 15 апреля.

Воспитание гражданина в педагогике А.С. Макаренко. В 2 ч. / Авт. монографии, примечаний, ред. – сост. С.С. Невская. – М., 2006, с. 829 – 831. Запись по первой части «Флагов на башнях» - РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 18.

[1] *Лукин Ю.Б.* **– редактор в Гос. изд-ве художественной литературы, ранее редактировал макаренковский «Марш 30 года», рекомендовал к печати «ФД-1».**

[2] *Панферов Ф.И.* **– писатель, тогда гл. ред. ж. «Октябрь».**

[3] **Об этом выступлении А.С. Макаренко, стенограмме, исследователям еще неизвестно.**

[4] **Об этом выступлении исследователям неизвестно.**

[5] **Наименование по договору с издательством, в действительности «Колонисты», потом «Флаги на башнях».**

[6] **Об этом событии исследователям еще неизвестно.**

[7] *Авдеенко А.О.* **– писатель, автор повести «Утро» (укр. – «Ранок»), о Прилукской трудовой коммуне НКВД для осужденной молодежи им. В.А. Балицкого. Его роман «Я люблю» (1930 г.) высоко оценил А.М. Горький.**

[8] *Ермилов В.В.* **– литературный критик и литературовед, тогда чл. редколлегии ж. «Красная новь», активный сторонник А.С. Макаренко как писателя и педагога (вместе с А.А. Фадеевым и др.).**

[9] *Колбановский В.Н.* **– психолог и педагог, в 1931 г. директор гос. ин-та психологии, педологии и психотехники. В 1935 – 1936 гг. единственный из педагогов-ученых, выступивший в защиту «Педагогической поэмы».**

[10] **Говорится, видимо, о второй статье, см. далее в этом томе: «Воспитание характера в школе».**

Дополнение. **Из письма Г.С. Макаренко Л.М. Салько, 9 апреля 1938 г.: «Пишу тебе письмо на машинке, которую отец решил выменять на свою… Достоинства этой машинки в том, что она портативная.**

Опускула макаренкиана (Макаренковские работы) № 24 / Сост. С. Невская, Г. Хиллиг. – Марбург, 2001, с. 236.

Письмо Л.М. Салько[1], 17 апреля 1938 г.

Москва, 17 апреля, 1938 год

Дорогой, милый Лева!

Нашел минутку написать тебе, не потому нашел, что есть свободное время, а буквально от отчаяния: кажется, свободного времени не будет до 1 января 1939 года. Работаю по-прежнему много, а толку по-прежнему мало. Заедают всякие доклады, диспуты, совещания.

Вот и сейчас возвратился из Дома учителя. Целый месяц приставали как собаки эти проклятые шкрабы[2]. Придите и придите в наш литературный кружок, помогите нам наладить творчество. Пришел, увидел и стошнило! Откуда берутся такие идиоты! Какой черт их нарожал тысячами на нашу голову? Самые обыкновенные старые шкрабы и шкрабихи, ничего они не пишут и не могут писать, все, на что они способны, - это отстаивать «педагогические принципы» вроде таких: пить водку - вредно, курить вредно, дышать вредно и любить вредно. А я вот с ними целый вечер должен был тереть бузу, ни себе ни людям.

Галя в Киеве, возвратится 23 числа, без нее скучно, а без тебя, и говорить нечего, получился у нас такой женский монастырь! В первые дни я порадовался, что патефон не играет, а теперь согласен, черт с ним, пускай себе, а только с тобой лучше.

Заканчиваю вторую часть «ФЛАГОВ НА БАШНЯХ» (заглавие-то, заглавие!), интересная работа, горячая, но только я один знаю, на сколько процентов я ее изгажу только оттого, что делаю без свободы времени.

Вклеили меня в редакцию «Октября», чувствую, что много пользы там не принесу, а время тратится. В журнале людей нет, планов нет, писателей нет и нет огонька такого, чтобы подмывало работать. Но, видно, придется потянуть лямку.

Думаем все-таки с Галей десятого мая выехать в Крым через Одессу. Рассчитываем приехать в Одессу двенадцатого, а четырнадцатого выехать пароходом на Севастополь. Чувствую настоятельную потребность списаться с тобой, как будет дальше? Поживем ли мы в Севастополе день другой - в таком случае, где жить? - или двинемся в Ялту прокатиться на машине втроем далеко не плохо. Я думаю, что второй план лучше.

Ты напиши, способен ли ты будешь его реализовывать, то есть, отпустит ли тебя начальство на несколько дней? В Ялте ты мог бы остановиться и в нашем доме отдыха, а, в крайнем случае, и в гостинице, пожить там дней пять, а потом укатить к себе в Севастополь. Если же тебе не удастся удрать на несколько дней, будет, разумеется, план другой. Ты напиши об этом заранее, в таком случае и мы сможем выехать раньше.

Что еще в Москве нового? А спроси ты меня, каждый день похож на другой. У нас новостью считается, если лифт остановился на двухнедельный ремонт. Каждый день звонят разные женские голоса и страшно удивляются, когда узнают, что ты еще в марте уехал в Севастополь. В расстроенных тонах спрашивают твой адрес, я им сообщаю его леденящим душу голосом. Приходил [и], как-то Вася и Ада, я вытащил у нее твою открытку, в которой ты сообщаешь, что поезд в Курске стоит 15 минут, и в которой ты страшно беспокоишься, благополучно ли она добралась домой. Просил, просил у нее открытку для музея, не дала. Ройтенберг[3] звонит часто и беспокоится о твоих делах. Остальные где-то скрылись, наверное, там же, где и ты.

Воображаю, какая тоска в Севастополе. Осматривать там нечего, водку пить не с кем, а ухаживать моряки не дают. Для вашего брата, студента, нельзя найти город менее подходящий. Между прочим, я тебе советую: а) посмотреть братское кладбище, б) посмотреть Балаклаву, в) покататься всласть на лодке. От всех троих удовольствия будет не так много, но время пройдет незаметно.

Читал ли ты мою статью в «ПРАВДЕ» от 23 марта? Сия статья сделалась причинной многих моих мучений, главным образом, в смысле переписки и

разговоров с педагогами. Как было бы хорошо, если бы не нужно было школ и педагогов! Ты представляешь себе такую счастливую страну?

Будь здоров и жизнерадостен.

Целую.

Твой Антон.

Опускула макаренкиана, №24, с. 237 – 239.

[1] *Салько Л.М.* **– сын Г.С. Салько (Макаренко) от первого брака. Принят в коммуну им. Ф.Э. Дзержинского осенью 1928 г., поступил в Московский авиационный институт в авг. 1933 г.**

[2] **Школьные работники (сокр.), так назвали в 1920-х гг. школьных работников.**

[3] *Ройтенберг Е.О.* **– коммунар-дзержинец с 1933 г. В 1939 г. окончил Ленинградский политико-просветительный ин-т, служил в Политуправлении Юго-Западного фронта. Погиб, спасая командира роты, 18 мая 1942 г.**

Записи в дневнике, 19 – 25 апреля 1938 г.

19 апреля.

Ермилов подтверждает высокий отзыв о «Флагах на башнях». Говорит, что книга лучше «Педагогической поэмы». О «Чести» поначалу Ермилов отзывался слабо. Лежнев[1] вчера сказал, что на днях может выйти мой «подвал» в «Правде». Колбановский говорит, что «Правда» ответ Стороженко будет печатать[2]. Ермилов обещал печатать вторую статью[3].

Вторая часть «ФнБ» подвигается по-прежнему слабо, - не хочется. Прочитал Слезкина[4] – плохо.

Затеваю ежемесячный литературный обзор, не знаю, примет ли Панферов. Нужно привлекать молодых.

25 апреля.

Писать почти не дают. За 5 дней сделал 37 листиков. (всего175). Все-таки вторая часть приближается к концу. Впечатление у меня – неразборчивое.

Много времени отнимает «Октябрь», ну его к черту. Там торчишь три-четыре часа, а потом с рукописями.

Ответа Стороженко не написал.

Связался со статьей «Судьба» для «Октября». Она не получается. Для таких статей требуется время.

«Правда» заказала для первомайского номера какую-то юмористику о <…> - сейчас усаживаюсь писать.

Много писем, на которые надо ответить. С Авдеенко скандал настоящий.

Думаю, что для конца второй части нужно еще 35 листиков, собственно говоря, два хороших дня, если бы было время. Только боюсь – не дадут. Посмотрим. Очень досадно: 26 – 27 у меня заняты целиком. Как дорого нужно ценить каждый вечер! Нельзя их раздавать направо и налево.

Воспитание гражданина в педагогике А.С. Макаренко… - М., 2006, с. 831 – 832.

[1] *Лежнев И.Г.* **– тогда редактор отдела литературы и критики в редакции газ. «Правда».**

[2] **Говорится о предполагаемом отклике А.С. Макаренко на статью Н.П. Стороженко.**

[3] **Речь идет, вероятно, о второй статье В.В. Ермилова об А.С. Макаренко.**

[4] *Слезкин Ю.Л.* **– писатель. Говорится, видимо, о его романе «Отречение» (изд. 1935 – 1937 гг.), повествующем о событиях предреволюционного времени.**

Подготовительные материалы ко 2-й и 3-й частям «Флагов на башнях» (в описании)

2-я часть. Индивидуальные пути развития героев в успешно работающем, культурном, высокоорганизованном коллективе, «вооруженном высочайшей педагогической техникой», где «дети, прежде всего граждане».

«Колония Первого мая заканчивает седьмой год… Сейчас у нас на счету 300 тысяч рублей. Государство нам поможет (в строительстве завода – А.Ф.), потому что мы заслужили помощь, … честно делаем то, что нашей стране нужно, - учимся правильно, по-советски жить»[1].

Сотрудники, шефы коммуны: Крейцер, Воргунов, Комаров, Баньковский, Григорьев, Вершнев, Маленький. Стадницкая в колонии. Каширина, Шарий, Левитин и др.

Эпизоды 3-й части, 1 – 46, некоторые с пометами: по «Маршу 30 года», «ФД-1», «Ласточкин хвост», Бегство с шофером, Энтузиазм, Кража радиоприемника, Симфония Шуберта, Пожар, Масло Вани, Постройка лагерей и др.

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 18, лл. 20 – 21. По 3-й части запись 5 – 12 мая.

[1] Отмечено главнейшее в содержании, целях воспитания: «учимся правильно жить». См. выше норма новой морали: «государство помогает тому, кто помогает государству», взаимопомощь, не благотворительные подачки.

Разговор с читателями «Книги для родителей»

Приступая к «Книге для родителей», я всегда отдавал себе отчет в трудности этой задачи. Собственно говоря, книга имела практическую цель: помочь советской семье в постановке и решении воспитательных задач, но я хотел, чтобы это цель была достигнута художественными средствами. Я знал о небольших методических брошюрах для семьи и знал, что эти брошюры до семьи почти не доходили, а если и доходили, то производили слабое и малодейственное впечатление.

Неудача их объясняется многими причинами, главным образом неглубоким политическим охватом вопросов воспитания и сухостью методических советов. Мне казалось, что художественные образы должны гораздо сильнее воздействовать на широкого читателя - отца и мать, должны гораздо более возбуждать активную мысль и гораздо сильнее привлекать внимание родителей к проблемам советского воспитания.

Но в то же время я очень боялся, что художественный образ, низведенный до значения прямого примера, потеряет всякую художественность, сделается слишком дидактическим и спорным. Боялся я и другого: методика семейного воспитания не только у нас, но и в буржуазных странах почти не разработана. Обыкновенно домашнее воспитание идет по пути сложившихся в обществе традиций, поэтому, например, английская «средняя семья» так сильно отличается от семьи немецкой или французской.

Наше общество — общество очень молодое, при этом очень быстро движущееся вперед. Больших семейных традиций у нас накопиться не могло. Впереди у нас стоят великие цели коммунизма, каждый сознательный гражданин Советского Союза видит эти цели в своей практической жизни, в своей морали, в своем отношении к людям старается по ним равняться. Накопление социалистических традиций и традиции коммунистического поведения в области семьи у нас не приобрело еще широкого опытного характера.

Я должен был поэтому не столько подытоживать семейный советский опыт, сколько предсказывать, предвосхищать, основываясь на тех тенденциях, которые сейчас можно наблюдать в нашей семье.

Есть в нашем обществе очень много талантливых и активных родителей, которые дают своим детям прекрасное советское воспитание. Такие родители являются пионерами советской семейной педагогики, у каждого из них есть свои находки, до сих пор нигде не сведенные в какой-нибудь общий опыт. Из уважения к этим находкам, из сознания большой важности нашего дела я не мог рассматривать многие вопросы семейной методики как вопросы, мною решенные, не мог рекомендовать определенные приемы и методы. Это было тем более невозможно, что каждая семья представляет явление особое, индивидуальное, и воспитательная работа в одной семье вовсе не должна быть точной копией такой же работы в другой.

По этим причинам я должен был ограничиться указанием на общие тенденции нашего педагогического развития, прямо вытекающие из особенностей нашего социалистического общества. Я рассчитывал на единственный результат моей книги: возбуждение педагогического и этического мышления в среде родителей, приближение проблем воспитания вплотную к семье. Я об этом прямо сказал в конце книги и просил родителей помочь мне в продолжении моей работы.

Вышел только первый том «Книги для родителей», посвященный исключительно вопросу о семейном коллективе как явлении целостном. Во втором и третьем томах я рассчитывал приступить к рассмотрению некоторых деталей семейной педагогики, пользуясь не только моим опытом, но и опытом читателей-родителей, которые отзовутся на мою просьбу.

Я получил очень много писем от читателей и продолжаю получать их в большом количестве. К сожалению, незначительный тираж книги —10 тыс. — не позволил ей сделаться предметом внимания широкого читателя. Письма, получаемые мною, принадлежат, поэтому главным образом читателю, который получает книгу в первую очередь, читателю-интеллигенту.

Приблизительно половина писем говорит не о самой книге, а о тех педагогических затруднениях, которые возникли в данной семье; об этих письмах я здесь говорить не буду, Авторы остальных писем говорят о моей книге, одобряют или осуждают ее положения, указывают на недостатки, выдвигают те или иные проблемы семьи и воспитания.

Отзывы о книге чрезвычайно разнообразны. Автор, назвавший себя старым врачом, пишет:

«Книга для родителей», вернее «О родителях», производит глубокое впечатление. В ней затронуты вопросы, далеко не разрешенные, правильнее сказать, даже не поставленные семьей. Художественное оформление оставляет глубокий след у читателя и заставляет прочувствовать и продумать наше отношение к детям».

Подобные положительные отзывы имеются во многих письмах. Но есть и отзывы прямо противоположные. Товарищ Г. из Ленинграда в пространном письме доказывает, что моя книга очень слаба и фальшива (о «Педагогической поэме» он чрезвычайно высокого мнения): «История Веткиных не советская, а библейская история», «Рассказ о Евгении Алексеевне — мещанская повесть, рассказ о так быстро исправившейся дочери библиотекарши неубедителен». Товарищ Г. указывает и на причины моей неудачи. По его мнению, я задумал написать книгу о том, как нужно воспитывать детей, а такая тема у нас вообще невозможна, так как воспитывают у нас не родители, а все общество. Автор почему-то не заметил моей основной установки, что «главный секрет» хорошего воспитания обусловлен прежде всего чувством гражданского долга родителей и их политическим поведением.

Товарищ Г. пишет:

«Разве нужно быть педагогом, чтобы воспитывать? Педагоги, к сожалению, очень отсталая каста».

В своих замечаниях (многие из них вызывают мою благодарность) товарищ Г. касается очень важного вопроса, но решает его совершенно неправильно. Он рассматривает воспитание как процесс стихийный, повторяя утверждения многих

моих педагогических противников, достаточно напутавших в организации нашей школы. По мнению этих людей, не нужно никакой педагогической техники, а нужно положиться на прямое влияние широкой жизни[1]. Отсюда родились многие завиральные идеи «свободного воспитания»[2], самоорганизации и самодисциплины.

Как педагог, я с товарищем Г., конечно, согласиться не могу. Я убежден, что призыв партии и правительства «восстановить в правах педагогику и педагогов»[3] имеет в виду не только образовательный процесс в школе, но и процесс воспитания. В этом процессе также необходима правильная и целеустремленная организация влияния на ребенка, направляемая большим педагогическим знанием. В семью организация влияния на ребенка должна прийти через широкую педагогическую пропаганду, через пример лучшей семьи, через повышение требований к семье.

Очень много отрицательных отзывов вызывает повесть о семье, брошенной мужем - алиментщиком, повесть о Евгении Алексеевне. Авторы писем указывают, что я слишком горячо набросился на отца я тем самым набросился на свободу брака. В одном письме написано:

«Неужели вы добиваетесь, чтобы была восстановлена старая крепостная семья, когда двое людей принуждены были страдать всю жизнь, не любя друг - друга?»

Я, конечно, этого не добивался. Я только высказался в том смысле, что даже в стремлении сохранить «свободу любви» нельзя забывать о своем долге перед страной и о судьбе ребенка.

В первой книжке «Литературного обозрения» за 1938 год напечатано письмо супругов Пфляумер[4]. О них многие знают в Москве, знают в связи с большим человеческим подвигом: в своей жизни они дали воспитание пятерым детям, взятым из детских домов. Товарищи Пфляумеры в общем положительно относятся к моей книге. Они берут, между прочим, под защиту молниеносное исправление Тамары в рассказе о библиотекарше. Одобряют они и идиллию о Веткиных, но ставят мне в упрек, что я не описал веткинских методов. Кстати, в этом же меня упрекают и другие товарищи.

Я с этим не совсем согласен. В книге я вообще избегал описывать какие бы то ни было воспитательные методы отдельных лиц[5]. Я полагал, что гораздо полезнее дать более или менее яркий пример крепкой, хорошей советской семьи, и если родители захотят следовать атому примеру, то они уже без особого труда найдут и соответствующие методы. По моему мнению, гораздо полезнее подражать результатам, чем копировать методы, которые в различных семьях могут сильно отличаться друг от друга.

Наиболее серьезный упрек бросают товарищи Пфляумеры моему «менторскому» тону в публицистических отступлениях. Очень возможно, что авторы письма и правы, хотя, разумеется, менторский тон получился нечаянно. Я просто хотел выражаться как можно короче и точнее, но, работая над следующими томами, я должен буду серьезно подумать над стилем оформления публицистической части.

Наибольший интерес для меня как для автора представляют те письма, которые помогают мне в работе над вторым и третьим томами.

В этом отношении я особенно должен отметить письмо товарища Д. из Горького. Этот товарищ воспитал десять детей. К моей книге он относится положительно. Вместе с письмом товарищ Д. прислал мне очень богатый и интересный материал: записки, дневники, сводки, переписку с педагогами. В этих материалах отражается замечательная работа настоящего большевика-отца (кстати, товарищ Д. — рабочий).

До сих пор ко мне обратилось восемь читателей, которые обогатили меня не только своими короткими мнениями, но и присылкой подробных материалов о своей воспитательной работе. Я надеюсь, что по мере продвижения книги число таких читателей будет увеличиваться.

Особый интерес представляют письма молодежи, авторы которых хорошо относятся к моей книге и просят дать ответы на отдельные вопросы, их волнующие. Между прочим, товарищ К. из Москвы, ученик X класса, пишет:

«Что надо делать, самим детям, чтобы исправлять ошибки отцов, чтобы стать достойными сынами Родины? Ведь не секрет, что Вашу книгу читают наряду со взрослыми и подростки, причем, я бы сказал: они воспринимают ее содержание очень близко, иногда ближе, чем многие из родителей. Я одни из таких».

Письма родителей и письма, молодежи не только дали мне богатейший фактический материал, но и обогатили мой педагогический опыт. Я глубоко признателен моим корреспондентам за помощь и уверен, что благодаря им следующие тома моей работы будут совершеннее.

Второй том я рассчитываю посвятить вопросам воспитания активного, целеустремленного большевистского характера формирующегося молодого советского человека. Это очень трудный вопрос; я не могу назвать ни одной книги, где бы этот вопрос был разработан методически. Я имею для руководства общие принципы философии марксизма и указания глубочайшего смысла, указания товарищей Ленина и Сталина. Передо мной стоит ответственная задача перевести эти указания на язык семейного быта и семейного поведения.

Третий том я посвящаю вопросам, которые мне хочется назвать вопросами потребления[6]. Жизнь есть не только подготовка к завтрашнему дню, но и непосредственная живая радость[7]. Сделать эту радость не противоречащей долгу, стремлению к лучшему - это значит решить вопрос об этике большевистского поведения.

А.С. Макаренко. Пед. соч., в 8 т., т. 7, с. 142 – 144. Впервые опубликовано: «Книга и пролетарская революция», 1938, № 4 (вышел во второй половине мая).

Указывая на главный недостаток педагогической литературы для родителей: «неглубокий политический охват вопросов воспитания», - А.С. Макаренко отмечает характерные черты своей социальной педагогики: новое «педагогическое и этическое, философское мышление»; опора на советский общественный опыт и его тенденции; «предвосхищение» социально-педагогического развития; созидание новых «традиций поведения»; опытная работа; обращение к вопросам, еще «даже не поставленным» в воспитании.

И в семейном воспитании главное – «целостный» коллектив взрослых и детей, его повседневный быт, новая «этика поведения», взаимоотношений.

[1] Говорится об идеях и опыте кон. 1920 – нач. 1930-х гг., направленных на решительное укрепление связи школы с жизнью, современным производством. Это наиболее ярко проявилось в деятельности В.Н. Шульгина и М.В. Крупениной. Созданное ими педагогическое направление признано в постановлении ЦК ВКП (б) о школе 25 авг. 1932 г. как «антиленинская теория отмирания школы».

Шульгин В.Н. **– деятель народного образования в 1920 – 1930-х гг., социальный педагог, историк. В 1922 – 1932 гг. возглавлял Институт методов школьной работы. Статьями 1927 – 1928 гг. вызвал дискуссию по проблемам связи педагогики с социальной средой и производством, боролся с возрождающейся тогда «школой учебы». В этом же направлении работали** *В.А. Ваганян, В.Я. Струминский, С.Е. Гайсинович.*

Крупенина М.В. **– в 1926 и 1927 – 1931 гг. зам директора Института школьной работы. В 1931 – 1932 гг. руководила опытно-показат. школой им. П.Н. Лепешинского, станцией социалистического воспитания Трехгорной мануфактуры. Редактор сб-ка «От школы учебы к школе общественно полезного труда» (М., 1927).**

[2] **О «свободном воспитании» см. комментарий: часть 6 данного издания, с. 74.**

[3] **Цитируется постановление ЦК ВКП (б) «О педологических извращениях в системе наркомпросов» от 4 июля 1936 г. О педологии см. комментарий: часть 6 данного издания, с. 69 – 70.**

[4] **О Д. и Н. Пфляумер и их отзыве о «Книге для родителей» см. комментарий: часть 6, с. 319 – 320.**

[5] **А.С. Макаренко в своей концепции педагогики избегает понятия «методы воспитания», полагаясь на целостное влияние педагогически организованной жизненной практики. Тема «Методы воспитания» (в лекциях «Проблемы школьного советского воспитания», см. часть 6, с. 240 – 256), видимо, взята по данной Наркомпроссом заявке. Рассматривая эту тему, А.С. Макаренко говорит об «основах методики воспитания», о педагогической целесообразности, организационной форме воспитания (коллектив), традициях и др.**

[6] **В последнее время А.С. Макаренко так определил тематику следующих томов «Книги для родителей»: т. 2 – политическое и этическое воспитание; т. 3 – трудовое воспитание и выбор жизненного пути; т. 4 – воспитание счастливого человека, вопросы советской эстетики поведения.**

[7] **Говоря о сегодняшней «непосредственной живой радости» в ее соединении с «завтрашней радостью» на основе новой этики поведения, А.С. Макаренко вносит важный корректив в его теорию и практику «перспективных линий».**

Дополнения. *Зелинский К. (литературовед, литературный критик). «Честь», повесть А. Макаренко* // **«Литературное обозрение» («двухнедельник» при ж. «Литературный критик», отв. ред. М. Розенталь), 1938, № 7. Высокая оценка «Педагогической поэмы». Отмечается публицистический характер «Книги для родителей». «Ряд художественно описанных сцен». Автор учит труднейшему искусству воспитания.**

«Честь»: авторская идея доказывается «подходящими жизненными иллюстрациями». Схематизм, изображение людей «по их социальной роли». Рассуждения о чести, о России: «политически они всегда туманны». «А где большевистская линия на пораженчество во время империалистической войны?»

Есть много мест, «которые с очевидностью свидетельствуют, что в Макаренко живет подлинный художник, умеющий видеть мир именно так, как видит его художник». О двух типах писателей: Н.А. Добролюбове и И.А. Гончарове.

Астахова Н. (учительница). «Книга для родителей» А. Макаренко // **«Литературное обозрение», 1938, № 8. Актуальная книга, ее надо переделать, углубить содержание, сделать более художественной. Мало анализа, нет примеров из жизни знатных людей страны, как воспитывать элементы коммунистической морали, уважение к труду и др. Как беседовать обо всем этом? Надо – «проще, понятнее».**

«За пышными, цветистыми фразами не видно большой мысли. Эти «моралитэ» мало кого волнуют и едва ли кого заставят задумываться». «Неприятен менторский тон автора».

Заречная С. «Книга для родителей» А. Макаренко // **«Общественница», 1938, № 4. Произведение, в котором показаны «общие принципы педагогики советской семьи».**

Преподаватель словесности

С юношеских наших дней отдельная, какая-то особенная, светлая и тревожная память осталась о «Слове». Существовал некий «законный» Парнас: русская литература в нашем представлении начиналась с конца XVII в., а до того — многовековое однообразное протяжение несчастья, нищеты и косноязычия. И вдруг вспоминали о «Слове», вспоминали с неожиданным, непонятным удивлением, с необъяснимой теплотой и благодарностью неведомому чудесному поэту, полному страсти и очарования, искренности и красоты, мужества и торжественности.

Собственно говоря, в то время мы не могли различить, объясняется наше впечатление могучей силой самого «Слова» или силою души Мефодия Васильевича Нестерова, нашего преподавателя словесности.

Был это преклонных лет человек, блестел лысиной и серебром в бороде, и борода у него была спутанная, милая, стариковская. Но отличался он от всех преподавателей удивительным выражением достоинства и человеческой простоты, и мы любили в нем это выражение и прощали старику и строгий взгляд поверх очков, и суровость требований.

Доходили до нас слухи о тяжелой и неудачной его карьере, об одиноком его учительском демократизме, но сам он никогда о себе не говорил. Мы в то время ещё не вполне ясно различали за его фигурой великие тени революционных демократов, страстных патриотов своей родины — Чернышевского, Добролюбова, Некрасова.

Старик читал всегда стоя за кафедрой, предпочитал простую, точную речь, в которой редко встречалось открытое горячее слово. Но зато в его мимике было столько эмоций и правды, столько ума, то восхищенного, то осуждающего, то сомневающегося, столько сдерживаемой силы души, что мы не способны были оторваться от его лица. Читая нам, он сам жил горячо и глубоко, хотя и не хотел показывать нам эту свою настоящую, человеческую жизнь. Не хотел почему-то показывать и сдерживался, может быть, еще и потому, что уже сорок лет читал он литературу юношам, и уже неловко было ему волноваться перед ними.

Но все-таки мы два раза видели, как он плакал во время лекции. Первый раз это было, когда он говорил о «Песне про купца Калашникова», но тогда он плакал скромно и старался показать, будто у него глаз засорился. А передавая «Слово о полку Игореве», он плакал свободно и доверчиво, и мы одновременно преклонились и перед его стариковской слезой, и перед силой «Слова». Он умел так рассказывать о нем, что его слезы глубоко волновали нас.

Начинал говорить о «Слове» Мефодий Васильевич неожиданными словами:

- Мы с вами уважаем гражданскую литературу, такую литературу, когда к нам обращается не только поэт, но и гражданин, когда он зовет нас, волнует, побуждает к действию... Представьте себе, такой поэт, великий поэт, страстный, настойчивый, жил в XII в. и оставил нам свой горячий призыв, призыв гражданина! Юноши, если кто-нибудь когда-нибудь перед вами начнет поносить гражданскую поэзию, напомните ему «Слово о полку Игореве». Впрочем, давайте читать.

Он поправлял очки, подносил книгу к близоруким глазам и, уже волнуясь, приступал к чтению. Читал он просто, без приемов декламаторских, но он умел незаметно вложить в каждое слово столько чувства, такую убежденность, что древнее слово неожиданно хватало за сердце.

«А мои ведь куряне опытные витязи: под трубами повиты, под шлемами укачаны, концом копья вскормлены; дороги им известны, овраги им знакомы; луки у них натянуты, колчаны открыты, сабли отточены...»

Мефодий Васильевич опускал книжку, смотрел на нас строго поверх очков и говорил глухо, сберегая старые силы.

- Видите, были люди, доблестные люди, сильные, воспитанные для борьбы... Юноши, эти люди были мужественны, и они знали, что за ними стоит Русская земля.

Знали, семь веков назад знали, знали, может быть, не хуже, чем мы с вами. Смотрите, как они умирали.

Он читал дальше:

- «С утра до вечера, с вечера до рассвета летят стрелы каленые, гремят сабли о шлемы, трещат копья харалужные...

...На третий день к полудню пали стяги Игоревы!»

Читая это, старик уже плакал, плакал странно: в его голосе не было слышно слез, они сбегали из-под очков и терялись в спутанной седой бороде.

Он снова опускал книгу, снова смотрел на нас, и мы не могли оторваться от его лица. Он спрашивал у нас сурово, как будто и мы виноваты в чем-то:

- Отчего? Отчего погибли эти доблестные сильные люди, любящие свою Русскую землю?

Так же сурово, с неотразимым осуждением он читал дальше: «...ибо говорил брату: «Это мое и то мое же».

«Не победоносным ли брежием себе волости вы расхитили? К чему ваши золотые шлемы, и копья польские, и щиты?!»

Старик уставал от горя и сдержанности, он опускал голову и говорил тихо:

- Юноши! Много страдания у этого поэта. Это было трудно видеть, как погибает Русская земля, как погибают доблестные люди от эгоизма, от жадности, от разделения: «Это мое и то мое же». Так погибала красивая, богатая, мужественная Русь. Может быть, и сам поэт погиб где-нибудь в половецких степях.

Он отдыхал снова, потом говорил сухо и спокойно последние слова:

- Видите: более семисот лет тому назад так сильно, с убеждением, с чувством поэты призывали русских людей к единодушию, к защите родины. А против них стояли не только половцы, стояли и свои хищники, грабители, насильники — Гориславичи и другие. Видите? Ну вот. Вы все поняли? Вы поняли, как это было?

Мы отвечали ему, преодолевая волнение:

- Поняли, Мефодий Васильевич! Спасибо вам.

Тогда он улыбался просто, по-домашнему:

- Ну и хорошо. Я так и думал, что вы поймете, юноши!

Написано, вероятно, в апреле-мае 1938 г., в связи с 750-летием «Слова о полку Игореве». При жизни А.С. Макаренко не опубликовано.

В образе Мефодия Васильевича Нестерова, возможно, отразились черты *Г.П. Каминского*, **учителя Кременчугского городского училища, которое А.С. Макаренко окончил в 1904 г.**

Отмечены важные качества педагога: глубина и сдержанность чувств, воспитание «для борьбы», против «эгоизма, жадности и разделения».

Из письма А.А. Авдеенко, 3 мая 1938 г.

…Я перед Вами виноват, как самая захудалая свинья. Виноват, честное слово, не по злой воле.

Я человек – несчастный. Меня загоняли, и я похож на угорелую лошадь. У меня на плечах мой роман – «Флаги на башнях», - на него все сроки пропущены, все деньги, взятые под роман, давно прожиты, неловко перед людьми, а писать некогда.

Москва для меня – гибель. В час пятнадцать телефонных звонков, пять посетителей. Бездельные люди, сами лодырничают и мне не дают работать.

Роман мой растянулся, конца не видно, и я принужден пойти на последнее средство – печатать (на машинке – А.Ф.) прямо вчистовку. Так и делаю, сердце кровью обливается, что поганю свою работу, а никаких других выходов нет.

Меня, как Вы знаете, почти не издают, во всяком случае, не переиздают, нужно эти самые презренные средства к жизни зарабатывать горбом.

Дальше – сейчас меня пристроили заместителем редактора «Октября», я там провожу целый день, и тоже пользы от моей работы нуль – читаю жалкие рукописи, скучные, пресные, бесталанные…

Воспитание гражданина в педагогике А.С. Макаренко / Авт. монографии, ред. – сост. С.С. Невская. – М., 2006, с. 970. См.: ж. «Знамя», М., 1989, № 4, с. 100.

Запись в дневнике, 5 мая 1938 г.

5 мая. Вторую часть «Флагов на башнях» сдал 4 мая Ермилову и в Детиздат - Никитину. Ермилов по-прежнему выражает восторги, которым я по-прежнему не верю. В Детиздате ничего не выражают, но как будто собираются печатать, во всяком случае, разговаривают о художнике. В общем, впечатление у меня от редакторов рябенькое, а у них о романе.

Посмотрим, что будет дальше. Вчера начал 3-ю часть. Ее растягивать не нужно, но все равно ничего не успею сделать. 13-го собираемся в Ялту. Писать здесь не дают.

В «Октябре» по-прежнему хмуро и скучно. Мне там делать нечего, кроме чтения убийственных рукописей. И денег у них нет, и любой почин они встречают сонным морганием. И видно на глаз, что каждый занят собственными делами. А вообще сидят и ждут: может быть, кто-нибудь что-нибудь принесет, хороший роман.

В Одессу к 20-му нужно еще отвести сценарий. Что это будет. Во всяком случае, я сегодня под «Флаги на башнях» у Ермилова выпросил полторы тысячи [рублей].

Воспитание гражданина в педагогике А.С. Макаренко…, с. 832.

Дополнения. *Письмо Л.М. Салько А.С. Макаренко 5 мая 1938 г.,* **из Севастополя: «Здравствуйте, дорогой отец!... Писать о заводе я не могу, прошу поверить мне на слово [почему не приехал на праздники]… Работа на заводе срочная, повседневная и отлучиться нельзя…**

Остальное время до занятий [в институте] я угроблю на курсовой проект. Все расчеты по курсовому я сделаю, тут, и мне останется только дочертить на листах. Собираю материал для дипломного проекта (у меня он производственный) и поэтому мне нужна технология процесса изготовления с [амолет]а и моя работа на заводе позволяет хорошо это делать. Параллельно я понемногу занялся расчетом крыла для курсового… Вот мои планы на лето...»

Одновременно Л. Салько лечится в Центральном НИИ физических методов лечения, на базе вечернего физпрофилактория, по льготной путевке завода (болезнь сердца). На заводе – практикант.

Опускула макаренкиана, № 24, с. 239 – 241.

Воспитание характера в школе

Статья «Проблемы воспитания в советской школе», напечатанная «Правдой» 23 марта в порядке обсуждения, вызвала множество откликов. Письма и статьи продолжают еще поступать. Пишут главным образом родителя и учителя, партийные работники, директора школ.

Только профессора педагогики, те люди, которые в первую очередь должны интересоваться вопросами воспитания, не прислали ни одного отзыва. Чем можно объяснять это весьма странное молчание, само по себе заслуживающее пристального внимания? Трудно представить себе, чтобы в какой угодно области принципиальные вопросы, поднятые в центральном органе, не вызвали отклика прежде всего со стороны самых высоких специалистов в данной области. Полбеды, если это молчание объясняется презрительным высокомерием ученых-олимпийцев, не желающих проблемы своей науки отдавать на растерзание толпе родителей и учителей. Не так

страшно, если молчание есть результат трусости, непривычки к смелой мысли и к искренности.

Но очень печально, если молчат просто потому, что ничего не понимают в вопросе, так далеко отошли от жизни, что она уже перестала быть областью, доступной их разумению. Последнее допущение, между прочим, очень вероятно.

Приходится, очевидно, помириться с этим положением и предоставить любителям подобных удовольствий предаваться им с прежним воодушевлением.

Не отозвалась на статью и «Учительская газета». О причинах тоже гадать не будем, но вот что пишет об «Учительской газете» преподаватель химии в средней школе № 40 в г. Иванове тов. Ильин:

«Для «Учительской газеты» характерно замалчивание недостатков в школе и описывание однообразных чудес по одному и тому же плану: ученик Х. хулиганил, срывал уроки, бил учеников, разрушал имущество, оскорблял учителей. Учительница познакомила его с лейтенантом, когда узнала, что он любит военное дело. Мгновенно ученик превратился в отличника и по успеваемости и по поведению. Бедная редакция. Она и не замечает, что такие сообщения с удовольствием и с раскрытыми ртами могут слушать только незадачливые газетные работники и работники Наркомпроса…»

Нужно порадоваться тому, что люди, для которых дороги судьбы нашей школы и наших детей, откликнулись на вопрос, поднятый «Правдой», со всей искренностью и честностью советского гражданина. В этих откликах нужно, прежде всего, отметить их полное единодушие, глубокое понимание воспитательных вопросов, знание нашей школьной действительности и замечательное умение в ней разобраться. В тех многочисленных замечаниях, которые высказывают авторы писем, больше здравого смысла и советской мудрости, чем во многих литературных упражнениях педагогических журналов.

Судя по этим письмам, можно прямо утверждать: в нашем обществе нет двух мнений по вопросам школьного воспитания. Все единодушно признают и подчеркивают, что нашей школе предоставлены все возможности для прекрасной работы, что наши дети представляют благородный, даже исключительный материал для педагогической работы, что, несмотря на эти счастливые условия, в нашей школе воспитательная работа часто поставлена очень плохо.

Положение в школе авторы иногда характеризуют очень резко:

«Состояние дисциплины в школе внушает серьезные опасения за успешный ход формирования детской личности…»

«Вредители нарочно, а олухи от педагогики по недомыслию насаждают в школе обстановку безответственности…»

«Школа по сей день для озорничающего ученика является чем-то экстерриториальным…»

(Т. Аксов, директор средней школы, Екатериновка, Р. – У. ж.д.).

«Не одна детская жизнь исковеркана в результате слабого внимания к этим вопросам».

«Наше государство нуждается в здоровых, честных, воспитанных гражданах, уважающих старших, слабых, достойных граждан».

«Только на руку врагам народа та политика по отношению к хулиганам - школьникам, которые есть сейчас».

(Восемь родителей школы г. Харькова).

«Дальше терпеть такое положение – преступление перед делом Ленина. Сердце горит тревогой за воспитание детей…»

(Гвоздова, Севастополь)

« В области собственно воспитания положение отчаянное. Дело ограничивается только разговорами о воспитании (Рябцов, Днепропетровск).

«В школе сейчас у нас, в Ленинграде, да и в других местах, из которых у меня имеются сведения, трудно работать. Преподаватели изнемогают, изнашиваются, теряют вообще радостное, творческое отношение к работе, лучшей из возможных работ…» (Соловьевич, Ленинград).

Будучи столь единодушны в оценке положения, все авторы согласны с теми требованиями, которые они предъявляют к школьному воспитанию в утверждении тех методов, которые естественно напрашиваются в результате нашей самокритики: единый школьный коллектив преподавателей и учеников, разукрупнение школ – гигантов, усиление воспитательного центра, бескомпромиссное требование к ученику, воспитание воли и ответственности, твердый режим и дисциплина, система наказаний, активизирование общественного мнения в школе и самоуправление, большая связь школы с общественной жизнью страны.

В письмах находится очень много ценнейших мыслей по отдельным деталям школьной работы, привести которые полностью в настоящей статье мы не имеем возможности, но многие из них требуют самой серьезной и внимательной проработки.

Между прочим, многие авторы указывают на явные перегибы в деле борьбы за успеваемость. Перегибы эти заключаются в бюрократическом омертвлении самой идеи соревнования, в увеличении исключительно цифровыми результатами и сводками, создающими почву для развития очковтирательства, для глубокого, самого настоящего развращения ученика и целых классных групп.

Другие обращают внимание на то, что боязнь педологии иногда принимает нелепую форму: отрицают возможность лени у ребенка, боятся говорить об изучении ребенка, игнорируют действительно средние или небольшие способности у того или у другого ученика, не допуская даже мысли о том, что в некоторых случаях полезно и необходимо оставить ребенка на второй год.

Эти замечания совершенно справедливы. Нет более диалектичной науки, чем педагогическая наука. Никакое дело не требует от работника такой оперативной гибкости, как работа учителя. Поэтому какие бы то ни было шаблоны по отношению к отдельному ученику совершенно недопустимы. Это, конечно, вовсе не обозначает, что школа должна обратиться в распыленное собрание «индивидуальных подходов», ничем не объединенных, как это часто наблюдается в настоящее время. Борьба за образцовую советскую школу должна быть борьбой не за шаблонный «неукоснительный метод», а за настоящий советский стиль в нашей школе.

Как это ни печально, а приходится констатировать: наша педагогическая мысль до сих пор не удосужилась применить в школьной работе формулу товарища Сталина о новом стиле работы.

В чем состоит характерная черта этого стиля? Каковы его особенности? Этих особенностей две: русский революционный размах и американская деловитость.

В согласии со всеми многочисленными лицами, отозвавшимися на статью в «Правде», мы утверждаем, что раздумье над формулой т. Сталина, проведение ее в жизнь, в каждом нашем педагогическом движении, в каждом нашем организационном мероприятии этого программного положения позволит нам поставить нашу школу на высоту, совершенно недосягаемую, в сравнение с которой не может идти никакое буржуазное школьное новаторство:

«Русский революционный размах является противоядием против косности, рутины, консерватизма, застоя мысли, рабского отношения к дедовским традициям. Русский революционный размах – это та живительная сила, которая будит мысль, двигает вперед, ломает прошлое, дает перспективу. Без него невозможно никакое движение вперед».

Но он имеет все шансы выродиться в пустую, «революционную» маниловщину, если не соединить его с американской деловитостью в работе. Примеров такого вырождения хоть отбавляй.

Мы убеждены, что наибольшее число примеров этой маниловщины можно найти как раз в области воспитания, причем у нас эта маниловщина не только «революционного» происхождения, но и всякого другого.

Русский революционный размах должен отличать нашу школу от всякой другой. Наше отношение к человеку, великие цели, которые обязана ставить перед собой наша воспитательная работа, полнокровный и свободный гуманизм, воспитание активного деятеля социалистического общества, воспитание целых поколений закаленных, преданных революции, радостных и суровых деятелей, разве этого можно достигнуть без революционного размаха?

В воспитательной работе не хватает серьезности, солидности, основательности, прямой, энергичной целеустремленности, логики в деталях. Именно поэтому в свое время в порядке «фантастического сочинительства» придумана пустая и вредная формула: «Наказание воспитывает раба». И ни разу никто не потрудился проверить ее на деле, где никакие рабы не воспитываются.

Рабов воспитывает не наказание, а самодурство, не ограниченная ничем беспардонность, позволяющая у нас некоторым педагогам воспитывать хулиганов, стоящих всегда в близком соседстве с рабом.

Вопрос о наказании – самый трудный вопрос в представлении многих педагогов. Трудным он кажется потому, что вспоминается старая школа, а нового опыта в области педагогической репрессии мы не знаем.

Мне посчастливилось в этом отношении больше, и я обязан настаивать на моих выводах, как обязан настаивать каждый гражданин Советского Союза, если он нашел что-то полезное.

Надо решительно отбросить, с одной стороны, всякую трусость в вопросе о наказаниях, с другой стороны, всякую попытку в той или иной форме протащить старый стиль царской школы.

Наша трусость перед наказанием имеет несколько мистический вид, и это обстоятельство приносит наибольший вред нашему делу, так как исключает возможность, какой бы то ни было деловой логики. Стоит заговорить о наказании, как у слушателей дыбом встают волосы, холодеет в желудке, разговор приходится прекращать.

В лучшем случае, хотя и с трепетом в сердце, соглашаются с тем, что наказание уместно в школе, но тут же наговорят столько примечаний, что, в сущности, все остается по-прежнему: наказывать нужно в исключительных случаях, 99 % учеников нельзя наказывать, настолько они хороши, и, наконец, у нас сейчас есть наказания, например замечание, выговор, вызов родителей.

Последнее утверждение правильно, только в несколько неожиданном смысле. Вот несколько отрывков из писем читателей.

«Вызываются в срочном порядке родители и начинается:

- Ваш сын хулиган, играет в перышки, дергает девочек за косы, придется исключить.

Несчастный родитель уходит домой со зловещим видом.

Через несколько дней:

- Ну, как мой сын?

- Ничего, знаете, притих.

Родитель наклоняется к уху учителя и сообщает о «внушении». Педагог виновато улыбается. Все в порядке» (Л. Блащик, г. Омск).

«Откровенно говоря, система безнаказанности существует только для нарушителей порядка из среды учеников. Лучшую часть учеников руками отсталых мы без стеснения наказываем слишком грубо (плевки, толчки, оскорбления, создание невозможных условий для нормальных занятий, шум, крики, ругань за уроками), и притом без всякого повода, без всякой вины. Этого не хотят видеть педагогические Маниловы» (В. Ильин, г. Иваново).

«Моя дочь четвертый год из четверти в четверть идет отлично. А в текущем году ее изводят ученики и периодами проявляют «дружеские рукоприкладства», чем я и заинтересовался. Разговаривал с педагогом и зав. учебной частью. Они, вместо того, чтобы увидеть в этом нарушение дисциплины и снижения сплоченности в школе среди учащихся, заявили мне, что напрасно я беспокоюсь, раз дочь у меня отличница» (Тимохин, станция Янаул Казанской железной дороги).

Таким образом, у янаульских педагогов считается нормой за отличную учебу нести некоторую натуральную повинность.

А между тем, давно нужно было знать: безнаказанность в школе обязательно обращается в беззащитность большинства учеников. Неужели это положение составляет такую непосильную мудрость?

Я в своей практике применял такую шкалу мер воздействия, которые, впрочем, всегда и мною, и моими воспитанниками назывались попросту наказаниями: замечание наедине, перед классом, перед общим собранием школы, наряд, выговор в приказе по школе, «арест», выговор перед строем, лишение [коммунарского] значка, занесение на «черную доску», исключение[1].

Вообще в моем коллективе считалось, что наказание не унижает, а, напротив, доказывает товарищеское отношение к виновному. Поэтому я никогда не вел учета наказаний и никогда не вспоминал прошлых проступков. В воспитательной работе я считаю необходимым: ученик должен отвечать только за последний проступок.

Наказание – настолько тонкое дело, что оно не может быть поручено каждому педагогу. Право наказания должно принадлежать только директору. В моей школе мог накладывать наказание только я один.

Разумеется, это очень большая нагрузка, но сама авторитетность такого правила, несомненно, чрезвычайно полезна.

Вообще, наказанию должно предшествовать нерепрессивное воздействие — беседа наедине, беседа в присутствии товарищей, требование объяснений на общем собрании, причем общее собрание может ограничиться постановлением — виноват или не виноват товарищ.

Основной принцип, который определял мою систему наказаний, был такой: как можно больше уважения к человеку, как можно больше требования к нему.

Не приходится, конечно, доказывать, что никакая система наказаний не принесет пользы, если не обеспечена правильная организация коллектива — точное взаимоотношение частей, единоначалие директора, общественное мнение, активная работа органов самоуправления, внешкольная работа, — если ученики не гордятся своей школой и не дорожат ее добрым именем. Не в наказании, а именно в этом заключается секрет успеха, но в наказании проявляется стиль самого требования.

Соблюдение всех этих условий только и может дать простор тому содержанию нашей работы, которое называется: деятельное, целеустремленное, ответственное, политическое воспитание характера.

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 4, с. 207 – 210. Впервые опубликовано в «Правде», 7 мая 1938 г., значительно сокращенный авторский вариант, с дополнением редакции. В т. 8 дано с включением некоторых фрагментов полного текста (РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 130 – 9 стр.).

В газетной публикации опущено, что на статью от 23 марта не прислали ни одного отзыва «профессора педагогики» и «самые высокие специалисты» в области педагогики и школы, сотрудники «Учительской газеты», - хотя статья имела подзаголовок «В порядке обсуждения» и отклики на нее могли приходить в течение полутора месяцев.

Авторы более 2 тысяч откликов – родители, учителя, партийные работники, директора школ. Приведенные в ответной статье А.С. Макаренко выписки из писем читателей в газетной публикации сведены к минимуму.

В нашей публикации дается полный текст. Снято редакционное дополнение, сделанное в конце статьи.

Поразительный и уникальный факт: игнорирование принципиально важной статьи, опубликованной в центральном органе партии, руководящей страной. Это, несомненно значит, что не только в редакции газеты, но и в ЦК ВКП (б) решили уклониться от вопросов, прямо и резко поставленных А.С. Макаренко в области школьного воспитания. Он говорит о «высокомерии ученых – олимпийцев», их «трусости, непривычке к смелой мысли и искренности», отрыве от жизни, она «недопустима их разумению» (в публикации «Правды» этих слов нет).

Отклики читателей показывают, что оригинальные идеи и предлагаемые решительные маары А.С. Макаренко по улучшению дела воспитания как следует не осознаны.

Сказалось общее представление о неком «благополучии» в воспитании школьников. Макаренковские теоретические и организационно-методические решения в области воспитания оказались недооцененными и непонятыми, отражая общую слабость теории «собственно воспитания», непонимание его специфических задач и средств. Беспокойство вызывали в основном лишь вопросы порядка и дисциплины в школе.

Откликаясь на это, А.С. Макаренко в новой своей статье уделил большое внимание проблеме наказания. Он органически включил ее в характеристику главной цели воспитания – формирование характера, воспитание воли, которая вырабатывается в преодолении жизненных трудностей и недостатков поведения, в доведении его до необходимого уровня нравственности, достоинства и самосознания личности.

Обозначая в названии статьи проблему воспитания характера, А.С. Макаренко употребляет этот термин лишь в конце статьи. Он не мог здесь развернуто изложить свой взгляд на этот центральный пункт в его понимании цели воспитания. За 2 месяца до кончины статью «Воля, мужество, целеустремленность» (не принята к публикации газетой «Рабочая Москва»). О воспитании воли, характерах, чувств он хотел написать в последующих томах «Книги для родителей».

[1] О применяемых в колонии им. М. Горького и коммуне им. Ф.Э. Дзержинского формах, содержании и методике наказания см.: часть 6 данного издания, с. 273 – 278.

О «Книге для родителей». Встреча с читателями

Вступительное слово

Товарищи, я никогда не думал раньше, что мне придется писать « Книгу для родителей», так как детей собственных у меня нет[1] и вопросами семейного воспитания, мне казалось, я заниматься не буду.

Но по своей работе в трудовых колониях и в коммунах за последние годы мне приходилось получать детей от родителей, детей правонарушителей, уже не беспризорных, главным образом из семей. Как вы сами знаете, в настоящее время у нас беспризорных нет, но дети, нуждающиеся в особом воспитании, в колониях имеются, и в последние годы мне главным образом присылали таких детей.

Поэтому я подошел вплотную к тем явлениям, какие имеются в нашей семье. Мне пришлось сталкиваться с такими случаями, когда в том, что ребенок вступил на преступный путь, виновата семья, но в большинстве случаев мне приходилось встречаться с другими вариантами, когда трудно было даже разобраться — виновата семья или нет, когда как будто и семья хорошая, и люди в семье советские, и ребенок

неплохой, настолько неплохой, что у меня он становился хорошим на другой день после прибытия. А вот он страдает и семья — их жизнь испорчена.

Таким образом, я поневоле должен был задуматься над вопросом о семейной педагогике.

Последние два года мне пришлось исключительно уже работать по вопросам воспитания в семье и заняться исследованием путей помощи семье в ее воспитательной работе. И вот у меня накопилось очень много впечатлений, наблюдений, опыта, мыслей, и я с большой, правда, робостью, прямо скажу, приступил к этой книге.

Книга задумана в четырех частям. Пока вышла только первая часть.

Почему мне захотелось написать книгу в художественной форме? Казалось бы, чего проще взять и написать — воспитывайте так, дать определенные советы. В небольшой такой книжонке очень много можно сказать. А если возьмешься писать художественное произведение, приходится давать иллюстрации, много времени и бумаги тратить на описание детских игр, всяких разговоров и т. д. Почему я это сделал?

Умение воспитывать — это все-таки искусство, такое же искусство, как хорошо играть на скрипке или рояле, хорошо писать картины, быть хорошим фрезеровщиком или токарем. Нельзя научить человека быть хорошим художником, музыкантом, фрезеровщиком, если дать ему только книжку в руки, если он не будет видеть красок, не возьмет инструмент, не станет за станок. Беда искусства воспитания в том, что научить воспитывать можно только в практике на примере.

Со мной работали десятки молодых педагогов, которые у меня учились. Я убедился, что, как бы человек успешно ни «кончил педагогический вуз, как бы он ни был талантлив, а если не будет учиться на опыте, никогда не будет хорошим педагогом. Я сам учился у более старых педагогов, и у меня многие учились.

Так и в семье учатся сыновья и дочери у родителей будущей работе воспитания, часто даже для себя незаметно, так что педагогическое искусство может передаваться с помощью образца, примера, иллюстрации. Поэтому я пришел к убеждению, что и «Книга для родителей» должна быть написана в виде таких примеров, в виде художественного произведения.

Почему я боялся этой темы? Потому что ни в русской, ни в мировой литературе нет таких книг, так что не у кого поучиться, как такую книгу писать. А взять эту совершенно новую тему с уверенностью, что вот я с ней справлюсь, у меня такой смелости не было. И все-таки я написал книгу, думал — от нее хоть маленькая польза будет. Я постоянно встречаюсь с родителями и получил около полутора тысяч писем, причем в этих письмах родители очень мало занимаются критикой моей книги, хвалят или ругают ее, а все пишут о своих детях — плохие у них дети или хорошие. И почему такие. Задают разные вопросы; собственно, это не переписка советского читателя и писателя, а переписка родителей с педагогом.

И вот, по всем этим письмам и моим многочисленным встречам с родителями я вижу, насколько этот вопрос глубок и важен, и чувствую свою обязанность не оставлять его. Плохо будет дальше написано или хорошо, читатели скажут, может быть, я начну плохо, но лиха беда — начало, другой сделает потом лучше.

В первом томе я ничему не поучал, я хотел только коснуться вопроса о структуре семьи. У нас в педагогике этого вопроса просто никто не затрагивал, а по тем многочисленным примерам, которые я наблюдал, в особенности изучая детей, поступивших ко мне в коммуну, я вижу, что вопрос о структуре семьи, о составе ее, о характере имеет кардинальное значение.

Я уже писал в своей книге и сейчас скажу, — через мои руки прошло таких семейных детей, вероятно, человек 400 — 500, и это редко были дети из многодетных семей, а в большинстве случаев — единственные дети. Поэтому для меня уже нет сомнения, что единственный ребенок является более трудным объектом

воспитания. Конечно, есть случаи, когда и единственный ребенок прекрасно воспитан, но если взять статистику, то такой единственный ребенок в наших условиях — трудный объект для воспитания. Я и решил коснуться этого вопроса.

В первом томе я еще ни о какой педагогике, собственно, не говорю и поэтому решительно отвожу обвинения, почему о школе я не сказал, о чтении, о культурном воспитании и т. д. Не сказал потому, что это у меня будет сказано в других томах, не мог сказать все в первом томе. Здесь я хотел сказать о структуре семьи.

Что я пытался сказать? Прежде всего, я пытался сказать, что семья есть коллектив, то есть такая группа людей, которая объединяется общими интересами, общей жизнью, общей радостью, а иногда и общим горем. Я хотел доказать, что советская семья должна быть трудовым коллективом.

Во-вторых, я хотел коснуться нескольких тем, относящихся к структуре этого коллектива.

Что меня в этой структуре заинтересовало? Прежде всего, величина семьи. Я являюсь сторонником большой семьи. Изображая семью Веткиных, исключительно сложную, я ничего не выдумывал, все это взято из тех многочисленных примеров, которые я наблюдал. Семья Веткиных - это действительные события семейной жизни одного из моих друзей, правда, фамилия изменена, так как он не дал разрешения писать о его семье[2].

Большая семья, переживающая борьбу и всякие лишения и неприятности, все-таки очень хороша, в особенности если отец и мать здоровые, трудящиеся люди, если никто не пьянствует, никто никому не изменяет, нет всяких таких любовных происшествий, если все идет нормально, то большая семья — это замечательное явление, и, сколько я таких семейств не видел, люди из них выходят хорошие. В такой большой семье, где 12 — 13—14 ребят, бывает шумно, ребята шалят, трудности, огорчения, а все- таки к 17 – 18 годам дети вырастают хорошие.

Я и описал такую большую семью вовсе не с той целью, чтобы сказать: вот как Веткин воспитал, учитесь у него, а только для того, чтобы кое-кого, может быть, увлечь желанием иметь большую семью. Это была моя цель возбудить интерес к большой семье, а показывать, как нужно эту большую семью воспитывать, я буду в других томах, а не в этом.

Точно так же я изобразил семью, где единственный ребенок, не для того, чтобы показать, как неправильно его воспитывают, а для того, чтобы осудить стремление иметь только одного ребенка. У нас это еще распространено: «родится один ребенок, и стоп!» Говорят — будет лучше одет, обут, лучше будет питаться. А это неверно. Он одинок, у него нет настоящего общества. Я показал, что происходит от этого. Это тоже вопрос структуры семьи.

Вопрос о структуре семьи встает и в том случае, когда семья распадается. Наиболее болезненные явления — это, конечно, уход одного из супругов из семьи в другую семью. Я прекрасно понимаю, что мы не можем возвратиться к старой норме, когда родители должны были жить всегда вместе, независимо от их отношений, как говорят украинцы: «Бачили очі, що купували». На этом я не настаиваю. Но все-таки по отдельным примерам очевидно, что уход из семьи иногда происходит легкомысленно. Если бы люди посерьезнее, построже к себе относились, если бы у них было больше тормозов, может быть, не уходили бы. Посмотришь, и любовь возвратилась бы. Любовь нужно тоже уметь организовать, это не то, что с неба падает. Если талантливый организатор, то и любовь будет хорошая. Нельзя любить без организационных усилий.

Это отдельный вопрос, о нем можно отдельно говорить, но вот, например, мои коммунары так относились к «Ромео и Джульетте» Шекспира. Они говорили: «Плохие организаторы. Подумаешь, девушке каких-то порошков дать — потом хоронить, что это за организаторы? Потом кого-то послали с известием, не пустили в

город. Плохие организаторы, вот и любовь плохая. А у нас такого Лоренцо так отдули бы на общем собрании, чтобы он таких фокусов не устраивал».

Коммунары были совершенно правы. У нас большая общественная ответственность, и поэтому мы можем организовать наши чувства и нашу любовь.

Я получил писем сорок от мужей, платящих алименты, которые обрушились на меня со страшным гневом, как это я смел сказать, что алиментщик иногда враг по отношению к своему ребенку: «Что же вы хотите эту свободу — сегодня люблю одну, а завтра другую — зачеркнуть?»

Это я не хотел сказать. Я хотел сказать, что там, где отец или мать уходят из семьи, там семья как коллектив разрушается и воспитание ребенка затрудняется. Так что если вы чувствуете долг перед своим ребенком, то перед тем, как уйти, вы серьезно подумайте! Я всего не сказал в книжке, но вам по секрету скажу, что, если у вас есть двое ребят и вы разлюбили вашу жену и полюбили другую, потушите ваше новое чувство. Плохо, трудно, но вы обязаны потушить. Останьтесь отцом в вашей семье. Вы это обязаны сделать, потому что в вашем ребенке растет будущий гражданин, и вы обязаны пожертвовать в известной мере своим любовным счастьем.

К структуре семьи я отнес вопрос и о родительском авторитете. Я вовсе здесь не хотел говорить о том, как этот авторитет делать. Хотелось только показать, что если у вас нет авторитета или авторитет ложный, придуманный, фокусный, то у вас в семье идет все немного кувырком.

К структуре семьи относится отчасти половое воспитание.

Я не считаю, что должны быть особые методы полового воспитания. Половое воспитание есть отдельная отрасль дисциплины и режима. С этой точки зрения я и ввел главу о половом воспитании в этом томе.

Наконец, к структуре семьи я отношу также неправильное расположение семейных сил, когда мать превращает себя в прислугу своих детей - эта структура семьи неправильная. Можно было больше сказать по этому вопросу, но я не хотел чересчур увеличить книгу. Можно было сказать, что если мать превращает себя в прислугу, то дочь или сын живут как господа на основе труда матери, а с другой стороны, мать теряет прелесть своей личной жизни, полнокровной своей личной жизни и поэтому как потерявшая эту полнокровность жизни становится матерью уже неполноценной.

Настоящей матерью, воспитывающей, дающей пример, вызывающей любовь, восхищение, желание подражать, будет только та мать, которая сама живет настоящей полной человеческой, гражданской жизнью. Мать, которая ограничивает свои обязанности простым прислуживанием детям, — это уже раба своих детей, а не мать воспитывающая.

Я коснулся еще одного вопроса, относящегося к структуре семьи, вопроса о солидарности в семье и хотел показать, что эта солидарность иногда из-за пустяков начинает разрушаться. В новелле о семье Минаевых говорится о том, что отец не съел пирога, сын этот пирог стащил. В этом мелком факте — а жизнь складывается из мельчайших явлений — уже трещинка в семейной солидарности. У сына нет ощущения, что он и отец — члены одного коллектива и нужно думать не только о себе, но и об отце. Я хотел показать, что на такие трещинки в семейной солидарности нужно обращать серьезнейшее внимание, потому что в последнем счете неудачи в семейном воспитании объясняются забывчивым отношением к мелочам. Думают люди — крупное хорошо сделаем, а если сын, как в этом примере с пирогом, не подумал об отце, это мелочь, ее не замечают и много теряют.

Повторяю, в этой первой книге я хотел только коснуться вопроса о структуре семьи и о тех причинах, которые эту структуру в той или иной мере нарушают, иногда катастрофически, как уход одного из родителей в новую семью, а иногда и по мелочам, как история с этим пирогом.

Второй, третий и четвертый тома посвящаются вопросам воспитания воли и характера, воспитания чувства, устойчивых нервов, воспитания чувства красоты, причем под этим я понимаю не только воспитание чувства красоты неба, картины, одежды, а и красоту поступков, эстетику поступков. Поступки могут быть красивыми или некрасивыми.

Все это, вместе взятое, по моему мнению, составляет фундамент большого, настоящего, гражданского политического воспитания.

В следующих томах я, вероятно, не буду делать никаких таких поучений от себя, - это может читателя раздражать и злить, - а буду давать только картину, а пусть читатель как хочет, так и думает, потому что навязываться, поучать, как показал опыт этой книги, не всегда удачно, читатель иногда как бы отказывается от поучений.

Еще раз скажу, трудно надеяться, что по книге можно научиться воспитывать, но научиться мыслить, войти в сферу мыслей о воспитании, мне кажется, можно. Я только на то и рассчитывал, что эта книга поможет читателям самим, на примерах, задуматься над вопросами воспитания и прийти к тем или другим решениям.

Вот все, что хотелось сказать во вступительном слове. Теперь я послушаю вас и, если будут вопросы или замечания, в заключительном слове отвечу.

Заключительное слово

Я очень благодарен всем за указания и говорю это не для комплимента, а по существу. Дело в том, что это первое обсуждение моей книги на заводе. До сих пор мне приходилось разговаривать с педагогами главным образом и со случайными читателями, перед которыми я выступал в Политехническом музее.

Я очень рад, что моя книга вызвала справедливое отношение: не хвалебное, а деловое, что для меня наиболее важно.

Собственно говоря, я хотел написать книгу, рассматривая ее исключительно с точки зрения пользы, и поэтому не думал о ней как о художественном произведении, которое принесло бы мне славу. Я прекрасно понимаю, что на такой теме писательской славы не заработаешь и, как ни напишешь, все равно будут ругать. Чтобы приобрести популярность, для этого есть много легких тем, где можно развернуть свои писательские склонности. Эта тема острая, деловая, и я к ней так и подхожу.

Очень рад, что вы высказываете желание дальше продолжать работу вместе, и даже призываю вас к этому. Давайте при вашем заводе начнем постоянную работу по организации воспитания в семье. Будем хотя бы каждую шестидневку собираться. Эта работа будет иметь большое значение и может помочь не только вам, а всему советскому обществу, прежде всего московскому. Это вопрос чрезвычайно важный политически и жизненный. Неудачно воспитанный ребенок — это, прежде всего, сам человек несчастный и несчастные родители. Это — горе, а правильное воспитание — это организация счастья. Поэтому необходимо потратить на такое дело какие угодно силы.

Начну с того, что отвечу на ваши пять вопросов.

Могут ли родители написать книгу под моей редакцией? Не знаю. Книгу надо написать для широкого читателя. Проще всего было бы сказать: конечно, можно, давайте напишем. Но нужно написать книгу так, чтобы читатель читал с интересом, увлекся, а как написать, какой будет язык книги, все будет зависеть от вашего таланта. Если найдутся люди, которые способны написать хорошо, ярко, интересно, книга получится, но, чтобы я стал писать вместо вас, не годится. Так что если есть у вас литературный кружок, если будет подходящий материал, я готов отдать силы на редактирование и помощь, и уверен, что Гослитиздат в печать такую книгу примет.

Насчет обсуждений моей рукописи. Дело в том, что хороший сценарий и тот содержит 70—80 страниц, а в моем втором томе будет 300—400 страниц. Я готов отдельные выдержки у вас прочесть, но думаю, что всю книгу читать невозможно.

Теперь следующий важный вопрос. Почему, в самом деле, я должен писать в книге о том, что нехорошо ругаться, а вы на заводе здесь молчите? Вы должны и обязаны поднять кампанию. Я уверен, что у вас на заводе найдется процентов девяносто таких людей, которые эту кампанию поддержат.

Следующий вопрос о детской литературе. Завтра в два часа дня в редакции «Литературной газеты» состоится совещание совместно с Детиздатом о том, какой должна быть книга для детей, где я делаю доклад. Приходите завтра, требуйте от имени завода, и ваш голос прозвучит лучше, чем голос любого писателя, потому что вы будете говорить от имени многотысячного коллектива вашего славного завода.

Теперь о других вопросах, затронутых вами. Я не стану оправдываться, отрицать отдельные указанные здесь недостатки, особенно художественные. Тут нельзя оправдываться. Я получаю сотни писем, и нет ни одного места в моей книге, о котором бы все одинаково говорили: один говорит — это лучше всего, другой — это. Здесь читатель пусть судит как хочет, а я буду говорить по педагогическим вопросам.

Коснусь несколько тех тем, которые я разрабатываю во втором томе. Его вы прочтете, когда Гослитиздат издаст, а он не очень быстро издает: «Педагогическую поэму» полтора года издавал. А пока давайте будем говорить о педагогике.

Здесь я, прежде всего, остановлюсь на вопросе, поднятом одним из ораторов, о том, что успех воспитания человека определяется в младшем возрасте до 5 лет. Каким будет человек, главным образом зависит от того, каким вы его сделаете к пятому году его жизни. Если вы до 5 лет не воспитаете как нужно, потом придется перевоспитывать. Казалось бы, какие могут быть события в жизни ребенка до 5 лет. Родителям кажется, что все идет очень хорошо. А в 10 —11 лет все неожиданно изменяется к худшему и начинает расцветать полным цветом. И родители ищут, кто испортил мальчика. Сами они его регулярно портили от первого до пятого года.

Этой теме я посвящаю половину своего второго тома. У меня не было «собственных» детей, но «чужих» я в своей семье воспитал все-таки как своих, так что известный опыт у меня есть, но не обязательно писать о своем опыте, я писал, как другие воспитывают — хорошо или плохо.

Нельзя думать, что до 5 лет должны быть какие-то особые принципы воспитания, отличные от принципов воспитания в десятилетнем возрасте. Принципы те же самые.

Главный принцип, на котором я настаиваю, — найти середину — меру воспитания активности и тормозов. Если вы эту технику хорошо усвоите, вы всегда хорошо воспитаете вашего ребенка.

С первого года, даже с первых месяцев ребенка нужно так воспитывать, чтобы он не просто спал спокойно и был доволен своим спокойным состоянием, а чтобы он мог требовать, кричать, добиваться – в то же время так нужно воспитывать, чтобы у него постепенно образовывались тормоза для таких его желаний, которые уже являются или уводящими его дальше, чем это можно в его возрасте. Найти это чувство меры между активностью и тормозами – значит решить вопрос о воспитании. Это можно доказать примером из сегодняшних выступлений.

Вот говорили, что не нужно давать деньги детям, потому что они будут развращаться и тратить как угодно и куда угодно. Да, конечно, в том случае, если вы дадите детям деньги и позволите тратить как угодно, сколько угодно, вы воспитаете только активность, а тормозов не воспитаете. А вот надо так давать детям деньги, чтобы они могли тратить куда хочу — юридически, а на самом деле, чтобы на каждом шагу тормозили свое желание.

Только при таких условиях карманные деньги принесут свою пользу.

«Вот тебе рубль, трать куда хочешь», — и тут же рядом воспитывать такое чувство, что, хотя можно купить мороженое, взял и купил что-нибудь другое.

Это воспитание активности и тормозов должно начинаться с первого года. Если ваш мальчик что-нибудь делает, а вы говорите на каждом шагу — не бегай туда, там травка, не иди туда, там мальчики тебя побьют, вы воспитываете только одни тормоза. В каждой детской шалости вы должны знать, до каких пор шалость нужна, выражает активность и здоровое проявление энергии и где начинается плохая работа тормозов и силы тратятся впустую. Каждый родитель, если захочет, научится видеть эту середину.

Если вы этого не увидите в своих детях, вы никогда их не воспитаете. Нужно только начать искать это чувство меры; и опыт в течение месяца вас научит находить. Вы всегда поймете границу, где активность должна быть остановлена тормозами самого ребенка, воспитанными вами.

Сюда же относится вопрос, который вызвал сомнение у многих читателей, в особенности у педагогов. Как это так, говорят, Тамара была плохая, потом вдруг пришел фрезеровщик, и она стала хорошая. А я говорю, что именно так и бывает. Если человек растет так, что ему удержу никакого нет, его можно затормозить только таким образом. Я как раз являюсь сторонником такого быстрого торможения. Я на своем веку перековал много сот, даже до двух тысяч людей[3]. Это можно делать взрывом, атакой в лоб, без всяких обходов, без всяких хитростей, решительным категорическим потоком требований. Это не значит, что надо брать человека за шиворот и его вертеть.

Пока я был молодым педагогом, я старался каждого беспризорника обходить, разговаривать, изучать, думать за него. Он отвечал и сейчас же крал, убегал, и все приходилось начинать сначала.

Вот возьмите Вершнева[4]. Он сейчас главный врач в больнице Комсомольска – на – Амуре. Он меня три раза обкрадывал, пока я догадался поступить гораздо круче - поставил вопрос ребром. Моя такая медленная забота о нем проявилась в том, что он поступил на рабфак медицинского факультета, но и оттуда убегал. Я поймал его в Ростове, привел к себе, кулаками стучал, потом крыл, извините за откровенность, хотя никогда не ругаюсь. Я решил здесь, решил его крыть матом, потому что другие слова на него не действуют. Я преследовал его до тех пор, пока не добился того, что он только меня боялся, и больше ничего. (Голос с места, слово «боялся» - случайное?). Нет, иногда бояться неплохо. Дело в том, что он боялся не моих побоев, а моего негодования, осуждения.

В дальнейшем я уже понимал, что нужен взрывной метод. В Харькове мы применяли этот метод к группе новичков в 30 – 50 человек, беспризорников.

Я их оставлял на ночь под стражей, оставлял двух-трех ребят для разговоров, и им говорили: за вами завтра придут.

На следующий день в 12 часов я приводил к вокзалу всю коммуну, с оркестром в 60 человек, выстраивал их против вокзала, и когда беспризорные выходили, не зная ничего, мы салютовали и играли марш – так встречали 30 новых товарищей. Им это – как «колом по голове». Потом их строили в пары и через весь город провожали с маршем. На тротуарах ревут женщины…

Потом их ведут в баню, и пока они купаются, мы ждем. Они выходят стриженные, бритые, в таких же костюмах, становятся рядом. Мы перед ними всю их одежду поливаем керосином, устраиваем костер. Потом приходит дворник, все это заметает, а я говорю: вот все, что унесли, это все, что осталось от их прежней жизни.

Это было взрывом, производило страшное впечатление. Из них ¾ с этого часа становились хорошими мальчиками – ласковыми, вежливыми, приветливыми. Они считались со всяким словом, которое потом им говорили, принимая это как нерушимый закон, потому что оно шло от той организации, которая таким парадом, оркестром, салютом 2-тысячной толпы встречала их на Харьковском вокзале.

Так и в индивидуальном порядке. Если были случаи счастливого перелома личности, то только путем взрыва[5], но никогда не постепенно.

Потом иногда бывало, что если воспитанник украл 3 рубля, пришел с душком, выпил, я делал вид сначала, что ничего не замечаю, как будто все благополучно. Я жду, пока соберется основательный материал, и тогда поднимаю шум на всю коммуну. На общем собрании он выходит на середину, все требуют его выгнать немедленно, перед ним стоит опасность, что его выгонят, а потом его немного накажут, и он считает, что счастливо отделался.

Так и с Тамарой. Такие случаи я наблюдал и в семейной жизни. Если ребенок разболтается, не думайте, что вы его постепенно исправите. Нужно как-то умеючи накопить материал и потом поднять настоящий крепкий процесс, такой, что бы мальчик или девочка понимали, что вы в гневе, доведены до крайнего возбуждения, что вы решили прекратить это, и вы увидите, как ваш сын или дочка станут на ноги. Многие в это не верят, но попробуйте!

Но, конечно, я говорю, что такой способ — это крайняя мера, и вообще перевоспитание в семье дело очень трудное. Я смог перевоспитывать 500 человек один, в коллективе, а в семье перевоспитать ребенка очень трудно. Поэтому в семье чрезвычайно важным является воспитание до 5 лет.

Теперь второе положение, на котором я настаивал. Многие думают, что воспитание состоит в цепи мудрых и хитрых приемов, а я решительно возражаю против этого. Я считаю, что приемов мудрых и хитрых нет. Если кто-нибудь долго пользуется такими приемами, он часто воспитывает очень плохо.

Я недавно натолкнулся на одном совещании пионервожатых на такую картину. Несколько звеньев пионерских отрядов соревнуются между собой в том, кто составит лучший альбом об Испании. Все пионервожатые в восторге, что они делают хорошее педагогическое дело. Я посмотрел на эту работу и сказал: кого вы воспитываете? В Испании ужас, трагедия, смерть, геройство, а вы заставляете ножницами вырезывать картинки «жертвы бомбардировки Мадрида» и устраиваете соревнование, кто лучше наклеит такую картинку. Вы, воспитываете так хладнокровных циников, которые на этом страшном деле испанской борьбы хотят подработать себе в соревновании с другой организацией[6] .

Помню, как у меня возник вопрос о помощи китайским пионерам. Я сказал своим коммунарам: хотите помочь, отдайте половину заработка. Они согласились. Получают они 5 рублей в месяц, стали получать 2 рубля 50 копеек. Так они отдали сознательно свой труд в пользу пионеров без фасона, без шика, как здесь, когда этот альбом делали. А им казалось, что они делают замечательное педагогическое дело. Дают политическое воспитание. Казалось бы, у них педагогическая логика есть. Я видел девчонок, которые дома говорят матери: почему у Лиды крепдешиновое платье, а у меня нет? Почему вы идете на «Анну Каренину», а я нет, вы все видели, а я ничего не видела. Эта девочка, наверное, вырезывает картинки «жертвы бомбардировки Мадрида», и там получает политическое воспитание. И там, и там она просто хищник.

Эта самая «мудрая» педагогическая логика, когда думают, что вот это средство хорошо, потому что такое рассуждение можно применять, часто подводит.

Между прочим, если родители получают удовольствие, ходят в театры, ходят в гости, шьют себе хорошее платье, то это хорошее воспитание для их детей. Родители на глазах у детей должны жить полной радостной жизнью, а родители, которые сами ходят обтрепанные, в стоптанных башмаках, отказывают себе в том, чтобы пойти в театр, скучно добродетельно жертвуют собой для детей, — это самые плохие воспитатели. Сколько я ни видал хороших веселых семейств, где отец и мать любят пожить, не то, что развратничать или пьянствовать, а любят получить удовольствие, там всегда бывают хорошие дети. У вас растет мальчик. Ему 3 — 4 года, 5 — 6 лет, он каждый день видит перед собой счастливых, веселых,

жизнерадостных отца, мать, к которым люди приходят в гости, и, если тут же в присутствии вашего пятилетнего вы поставите графин, не напивайтесь пьяным, но чтобы было весело, никакого вреда от этого нет. Самочувствие родителей является, с моей точки зрения, одним из основных методов воспитания.

Я в коммуне применял этот метод. Я был веселым или гневным, но не был никогда сереньким, отдающим себя в жертву, хотя много отдал здоровья и жизни коммунарам, из-за них не женился до сорока лет. Но никогда не позволил себе сказать, что я собой для них жертвую. Если вы будете такими счастливыми, это очень хорошо. Я чувствовал себя счастливым, смеялся, танцевал, играл на сцене, и это убеждало их, что я правильный человек и мне нужно подражать. Если вы будете такими счастливыми, это очень хорошо. Ведь метод подражания в воспитании имеет большое значение. Как же ребенок будет вам подражать, если вы будете все время с кислой физиономией, с таким видом, будто вы жертвуете вашей жизнью.

Если вы будете жить полной, радостной жизнью, в таком случае вы найдете правильные приемы, особенно если будете помнить, что вы должны найти меру между активностью и тормозами. Если вы веселы, жизнерадостны, не скучаете, не тужите, даже если трудно, то вы так же весело скажете — нет, стоп, этого делать нельзя. Вы не позволите себе сесть и сказать:

- Детка, я тебе расскажу, как нужно жить, вот ты этого не делай.

А нужно прямо сказать:

- Этого больше не делай, баста.

- Почему?

- Вот потому, что я не позволяю.

Это будет сильнее действовать, весь авторитет вашей жизни будет поддерживать ваши требования.

Тут разрешается и другой вопрос, который задавали, — вопрос о жене и муже. Я сознательно стараюсь их не разделять, потому что если они как-то расходятся между собой, то весь процесс воспитания становится под удар. Если у вас жена отсталая, женились случайно на отсталой, то вы сами виноваты, почему вам не выбрать было жену по себе, по своим запросам. Вы уже отвечаете за воспитание детей, когда выбираете жену. Я от своих коммунаров настойчиво требовал: влюбился, этот человек будет матерью твоих детей, если будет хорошей матерью, влюбляйся дальше, а если ты видишь, что она неспособна воспитать детей, — тормози назад!

Допустим, вы уже выбрали себе жену отсталую. Прежде всего, что такое отсталая? Вы читаете газеты быстро, а она медленнее. Научите ее грамоте. Но вопрос не в этом. Для воспитания детей не так важно, насколько ваша жена развита по сравнению с вами. Надо, чтобы ваша жена, мать ваших детей, была тоже довольна жизнью.

Пусть она радуется своей жизни. Если вы поднимаете жену до себя, то поднимайте так, чтобы это ей доставляло удовольствие, а если вы будете, что я самый высокий, а ты поднимайся, никакой воспитательной работы не будет. Пускай она поднимается весело, пускай это будет для нее радостью, а если вы не можете это сделать с радостью, то не поднимайте, то пускай она останется на этом узком уровне, она живет полной человеческой жизнью. В таком случае тот, кто выше, пускай найдет в себе мужество не очень гордиться своей высотой и не показывать ее на каждом шагу. Пускай он всем своим поведением доставит своей жене радость, и в этой радости она будет расти.

У меня есть новелла, которая называется «Секрет воспитания[7]». Секрет заключается в том, что муж всегда хотел дать жене счастье, и поэтому дети у них были прекрасные. Везде, где муж хочет жене счастья, а жена мужу, там дети хорошие, — конечно, если дело идет о двух толковых людях.

Есть известный предел интеллекта у родителей, ниже которого опускаться нельзя. Какой угодно счастливый дурак едва ли воспитывает хорошего ребенка. Известный интеллект — ум, рассудок, активность, внимание должны быть.

И вот я снова вернусь к тому утверждению, которое некоторые неправильно поняли, — насчет жены «второго сорта». Я не покажусь вам отсталым человеком, если скажу, что мать, которая не работает на заводе или в конторе, но воспитывает четырех детей дома, делает большое, хорошее дело, и говорить о том, что она не занимается общественной деятельностью, что она — «второй сорт», нельзя. У нас в литературе, даже в отрицательной литературе, в газете, даже во всяких постановлениях партии ясно было сказано, это преступление. Мать, воспитывающая 2 – 3 детей дома, совершает большое государственное и общественное дело, и упрекать ее в том, что она не работает на заводе, никто не имеет права, но нужно, чтобы она жила общественной жизнью.

Пусть она читает книги, работает в домкоме. Вот идет кампания по выборам в Верховный Совет. Здесь обширное поле деятельности. Пусть найдет такой кружок, где она будет работать.

Не обязательно, чтобы она была на производстве, потому что здесь она будет общественницей. Какая общественная работа, если она детей дома не видит, на заводе сидит 8 часов за станком, знает только свое дело, а потом приходит домой, моет посуду и стирает белье. Все, здесь она не общественница.

Я называю женой «второго сорта», ту жену, которая дома обращается в прислугу.

Тут мы переходим к вопросу о трудовом воспитании.

В моей теореме об активности и тормозах без трудового воспитания обойтись нельзя. Здесь затронули вопрос о мальчике, который говорил: ты мне игрушек не покупаешь, ты плохая мать. Мальчик говорит правду, это плохая мать, потому что у хорошей матери мальчик так говорить не будет. Не надо стесняться сказать:

- Да, мы меньше зарабатываем, не можем купить. Вырастешь, поможешь, или я стану больше зарабатывать, купим. Ты помоги, помой посуду, а я книжку почитаю, поступлю [на учебу], подготовлюсь.

Надо, чтобы это было общее семейное дело, и тогда ребенок не скажет: ты плохая мать.

Если вы знаете вашего мальчика и любите его, вы найдете слова, чтобы объяснить ему:

- Мы с тобой живем вместе, у нас общие дела, общие радости, ты не думай, что если я тебе не купила лошадку, это только для тебя горе. Это наше общее горе. Поэтому давай добиваться лучшей жизни, помоги мне, чтобы я хотя бы нервы не трепала.

С двух лет ребенок должен быть членом коллектива, разделяя ответственность за счастье и несчастье.

Очень нетрудно с ребенком об этом поговорить, а не отталкивать, как здесь говорили:

«Отстань, я читаю, а ты мне мешаешь».

Я согласен с одним из товарищей, который говорил, что как можно ближе должны быть родители к детям, но не допускаю бесконечной близости.

Должна быть близость, но должно быть и расстояние. Приблизиться совершенно вплотную к ребенку, чтобы не было никакого расстояния, нельзя. Чем-то в глазах ребенка вы должны быть выше. Он должен в вас видеть что-то, что больше его, выше, отлично от него. Такое расстояние, некоторая такая почтительность небольшая, неофициальная должна быть.

Именно поэтому я не допускаю слишком откровенных разговоров о половых вопросах. Вот я — твой отец, ты — мой сын, но об этом я с тобой стесняюсь

говорить. Простое чувство стеснения в некоторых вопросах необходимо. Без этого вы будете приятелем, собутыльником, но не отцом. Это расстояние должно быть, и в некоторых случаях ребенок должен это понимать. Если он не будет этого понимать, у вас не будет авторитета и ваши приказания не будут иметь никакой действенности.

Чувство расстояния необходимо воспитывать с первых дней. Это не разрыв, не пропасть, а только промежуток. Если ребенок с 3 лет будет в вас видеть какое-то высшее существо, авторитетное по отношению к нему, он будет выслушивать каждое слово с радостью и с верой. Если он будет уверен в 3 года, что между вами никакой принципиальной разницы нет, все ваши слова он будет принимать с проверкой, а какая у них проверка, вы знаете. Он убежден, что он прав. Нужно, чтобы иногда правота приходила без доказательств, потому что вы сказали. Тот ребенок, которому все доказывают, может вырасти циником. Во многих случаях ребенок должен принимать на веру ваше отцовское утверждение, здесь у него вырабатывается то качество, по которому мы верим нашим вождям. Не всегда мы проверяем все. Если нам говорят, что Донбасс перевыполнил программу, мы верим этому, потому что есть какой-то авторитет, которому мы безоговорочно верим, и это уважение к авторитету нужно у ребенка воспитывать с самых малых лет.

Вот ответы на заданные мне вопросы.

Что касается ключа от квартиры, то, если хорошее, правильное воспитание, я не знаю, почему нельзя дать детям ключа. В коммуне все ключи были на руках у ребят, причем не обязательно у старших. (Голос: «У него вытащить легко».) Воспитайте так, чтобы нельзя было вытащить. Голос: «У вас у самого вытащат»). Очень не трудно воспитать это чувство ответственности. Это идет наряду с воспитанием очень важной способностью, без которой успеха воспитания быть не может, и о чем как раз в педагогике нигде не говорится. Это способность ориентировки. В 5 лет ваш мальчик должен иметь эту способность: пришла гостья, он должен знать о чем можно говорить, о чем нельзя. Он должен ухом чувствовать, что за спиной делается.

А у наших детей в школе этой способности ориентировки совершенно нет. Они кричат, вопят и не видят – сзади свой или чужой сидит. Это ощущение своего или чужого нужно воспитывать с 3—4 лет. Нужно воспитывать способность разбираться в окружающей обстановке и знать, что где происходит. Если вы это воспитаете, тогда ключ можно дать.

И еще один вопрос, который я ставлю во втором томе, кстати сказать, поднятый сегодня одним из наших читателей. Вопрос о том, как родители любят детей для себя. Вы, наверное, наблюдали такую картину: по улице идут отец с матерью, ребенок разряженный, и по выражению глаз родителей видно — ребенка вывели, чтобы похвастать. Для них это игрушка, которой можно похвастать. Разве отец, который вызывает ребенка при гостях, чтобы заставить его остроумно отвечать на вопросы, не из тщеславия делает это? Особенно часто это у матери бывает: похвалиться своим ребенком, доставить себе удовольствие. А на самом деле ребенок ничего не стоит, потому что избалован.

Я недавно ехал в Минск, и в одном купе со мной ехала мать. Ей захотелось похвастать своим ребенком. Ему 2 года, он даже еще не говорит, а она его тормошит, чтобы он плакал. Она кричит: «Черт, такой – сякой почему ты плачешь? Ребенок смотрит с удивлением: что это за идиотка. Ей удается заставить его улыбнуться. Она своего ребенка два года держит для себя, чтобы в купе поезда мне, совершенно случайному, не нужному ей человеку, показать способность ребенка улыбнуться после ее мудрых приемов. Такая мамаша до 18 лет будет воспитывать ребенка на показ. Он выйдет босяком, хулиганом, шкурником, а она будет им гордиться. Такое воспитание ребенка для собственного тщеславия — это не педагогика.

Мне остается ответить на записки.

Почему не показаны положительные женщины? Как не показаны?

Там, где положительный отец, там и положительная женщина. Вообще, товарищи, вы меня простите, я люблю счастливые концы. Я чувствую, что без этого читатель будет обижен, и я всегда даю счастливый конец. Пусть он будет как-нибудь привязан, но все-таки счастливый, я знаю, что читателю это приятно. (Голос: «Значит, несчастные родители не могут воспитывать детей и у них не могут быть хорошие дети?») Да, но ведь от вас зависит быть счастливой. (Голос: «Не всегда».) Всецело от вас. Я не представляю себе такого случая, который мог бы сделать вас несчастной. У вас уже возраст счастливый. Сколько вам лет? (Голос: «Тридцать восемь лет».) Замечательный возраст! А мне пятьдесят лет. Я охотно меняюсь с вами, со всеми моими литературными заслугами, беру ваш возраст со всеми вашими несчастьями. То, что вам кажется несчастьем, - просто нервы, дамская, болезнь.

Дальше, насчет единственного ребенка. Бывают случаи, когда один ребенок вырастает хороший. Я не говорю, что обязательно нужно тринадцать. Я хотел показать, что если тринадцать хорошо, то как же будет хорошо, если только шесть. Все-таки шесть – легче. Я вовсе не настаивал – имеете чертову дюжину детей.

Затем, товарищи, здесь говорили, что в «Книге для родителей» не нужно публицистики, а вот в этой записке женщина пишет, что как раз нужна публицистика; иллюстрация иллюстрацией, но скажите, как нужно делать? Она спрашивает: стоит ли воспитывать чувство любви к отцу, оставившему семью? Я считаю, что здесь не может быть никакого вопроса. Отец ушел из семьи, надо забыть о нем раз и навсегда, прекратить о нем разговоры. Если мальчик спросит — плохой отец или хороший, — не знаю, не интересуюсь.

Другое дело, если отец помогает в полной мере, как-то дружба сохраняется. Но если только издали следит, не отвечая ни за что, я бы таких отцов судил уголовным процессом, они страшный вред приносят своим детям. Во всяком случае, если появится новый отец и мальчик будет называть его отцом, я считаю, что это единственный выход из положения. Почему дети должны отвечать за своих любвеобильных отцов?

Не отражаются ли квартирные условия на воспитании?

Конечно, отражаются, но не обязательно в дурную сторону. Там, где у ребенка отдельная комната, иногда воспитание идет хуже.

Была книга задумана как художественное произведение или нет? Нет, просто была задумана как книга для родителей. Как вышло, так и вышло. Затем это не имеет значения.

Если отец арестован, нужно ли у ребенка вызывать чувство ненависти к отцу?

Если ребенок маленький, он забудет, но если он сознательный и политически разбирается, нужно чтобы он считал этого отца врагом своим и своего общества. Нужно воспитывать логику, что не только он хорошо, потому что он отец. Конечно, воспитывать специально чувство ненависти не нужно, потому что это может расстроить ребенку нервы и измочалить его, но вызывать чувство отдаленности, чувство, что это враг общества, нужно, иначе быть не может, иначе ваш ребенок останется в таком разрыве: с одной стороны враг, с другой стороны — отец. Тут нельзя никаких компромиссов допускать.

Одна мать пишет: не такое большое дело, если отец оставил семью. Я сама могу воспитать. Пожалуйста. Если появится второй отец, тоже совсем не плохо.

Как быть с ребятами, которые предоставлены самим себе? Я видел много таких случаев: мать и отец на работе — и все-таки ребенок растет хорошо. Это потому, что до 5 лет его воспитывали правильно. Я склоняюсь к такому положению. После 5 – 6 лет ему можно уже позволить службу отца и матери, но до 6 лет лучше, что бы кто-нибудь с ним был. Если до 6 лет ребенок воспитывается правильно и в нем воспитаны определенные привычки активности и торможения, тогда уж это не страшно, на такого ребенка никто не подействует дурно. В таких случаях обычно

говорят: за ним не смотрим, а он хорошо развивается, наверное, наследственность. На самом деле, не наследственность, а 5 лет хорошего воспитания[8].

Последний вопрос: «Около половины жизни вы отдали воспитанию детей. Профессия это или ваша большая любовь к человеку?» Вот человек работает на токарном станке, работает бухгалтером, хорошо делает свою работу — это любовь к своему делу или профессия? Не может быть профессии без любви. Но это не значит, что каждый родится бухгалтером или педагогом. Конечно, я сначала был плохим педагогом.

Между прочим, воспитание детей — это легкое дело, когда оно делается без трепки нервов, и в порядке здоровой, спокойной, нормальной, разумной и веселой жизни. Я как раз видел всегда, что там, где воспитание идет без напряжения, там оно удается. Там, где идет с напряжением и всякими припадками, там дело плохо.

Спасибо вам за внимание, надеюсь, что мы с вами продолжим нашу работу.

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 7, с. 145 – 157. Стенограмма вступительного и заключительного слова на читательской конференции по «Книге для родителей» на Московском станкостроительном заводе им. С. Орджоникидзе 9 мая 1938 г. (машинопись с пометами Г.С. Макаренко). При жизни А.С. Макаренко не публиковалось.

В данном издании в стенограмму внесены дополнения и уточнения по ее публикации в книге: А.С. Макаренко. Публичные выступления (1936 – 1939 гг.). Аутентичное издание / сост., авт. коммент. Г. Хиллиг. – Елец, 2012, с. 219 – 241.

Выступление А.С. Макаренко предварялось вступительным словом Макарова, зам. глав. редактора газеты – многотиражки «Большевик Станкозавода». После вступительного сообщения А.С. Макаренко соображения о «Книге для родителей» высказывали Дортман (рук. «совета содействия школе»), Березнев, Свиридов (в семье трое детей). Их высказывания: желательно знать «как каждый родитель должен подойти [к ребенку] в том, или ином случае»; трудно в устройстве на работу подростков; «огромный интерес общественности к книге». Высказаны разные суждения о семьях Бабича, Кетовых, Жуковой, Назарова, Коробовой; о согласии родителей в семье; о необходимости больше аргументировать яркими образами, а не рассуждениями.

Очень важно, что в разговоре о семейном воспитании А.С. Макаренко обращается к объяснению основ воспитания вообще, вносит качественно новое в теорию и методологию воспитания (что имеет значение и для воспитания в школе). Его общепедагогическая установка: «научиться воспитанию» - это значит, прежде всего «научиться мыслить, войти в сферу мыслей о воспитании», т.е. приобщиться к пониманию логики педагогической целесообразности.

Тут мало что-то просто знать, нужно научиться осмысливать реальный опыт, конкретные факты педагогической действительности. Это существенно важно не только в педагогическом образовании, но и в системе педагогики как науки, в ее практике и экспериментально – опытной работе.

Выдвигая и в семейном воспитании на первый план проблему коллектива, А.С. Макаренко продолжает ее разработку. Закрепляется понятие коллектива как трудового, «хозяйственного» объединения, акцентируется внимание на «структуре коллектива»: его численность, положение в нем педагогов и воспитанников, «расположение семейных сил», авторитет педагога.

Педагогическая теория обогащается: в содержание, цели воспитания вводятся понятия «способность ориентировки» и «мера активности и торможения»; отмечается «мера близости и расстояния» во взаимоотношении педагогов и воспитанников; подчеркивается значение «самочувствия» взрослых и детей, их морально-психологического состояния, эмоционального восприятия

жизни (говорится о ее «стиле» и «тоне»), объясняется «взрыв» как элемент перевоспитания.

Усиливается тема радости и счастья в содержании воспитания. «Правильное воспитание – это организация счастья».

Высказаны другие очень важные положения: «С 2-х лет ребенок должен быть членом коллектива, разделяя ответственность за счастье и несчастье»; исключительная важность воспитания детей с 2-х до 5 – 6 лет. «Тот ребенок, которому все доказывают, может вырасти циником».

[1] В семье А.С. Макаренко с осени 1928 г. воспитывались Л.М. Салько (сын его жены, Г.С. Салько – Макаренко, от первого брака) и О.В. Макаренко (племянница, дочь брата, В.С. Макаренко, белоэмигранта).

[2] Прототип семьи Веткиных – семья *Николая Тимофеевича Пенкина* **(13 детей), в коммуне им. Ф.Э. Дзержинского был подсобным рабочим.**

[3] И в других местах А.С. Макаренко говорит о «двух тысячах», а также «более тысячи». Не учитывается его работа в дореволюционной школе с 1905 г., в том числе руководство Крюковским «соединенным» высшим начальным железнодорожным училищем (более 1 тыс. детей) в 1917 – 1919 гг.

[4] *Шершнев Н.Ф.* **– в «Педагогической поэме», «ФД-1» и «Флагах на башнях» Н. Вершнев. Воспитанник колонии им. М. Горького с марта 1921 г., затем врач в коммуне им. Ф.Э. Дзержинского.**

[5] «Взрыв» А.С. Макаренко рассматривает как возможный и необходимый момент перевоспитания в процессе воспитания, как факт душевного потрясения, «эмоционального внушения» - см.: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания… часть 3, с. 190 – 192. Ссылка на вариант «взрыва» в виде «огневой церемонии» - см. там же, часть 5, с. 206 – 207 (художественное изображение этого – часть 6, с. 100 – 101). Мысль о «теории взрывов» - часть 1, с. 147. Один из примеров применения «взрыва» - часть 3, с. 219 – 220.

[6] Это характерный пример того, как воспитание подменяется обучением, осуществляется в логике лишь получения знаний и использования «наглядности». Не придается должного значения мотивации деятельности воспитанников. А.С. Макаренко, основывая воспитание на их поведении, мотивации действий и поступков, показывает в данном случае, сколь несовершенна еще теория воспитания в ее применении к практике. Корень этого – в педагогической методологии, логике целесообразности.

[7] Текста этой «новеллы» в архивных макаренковских материалах не обнаружено. Он органично вошел в подготовительные материалы к другим томам «Книги для родителей». Главная мысль «новеллы»: каких-либо специальных «секретов воспитания» не существует; воспитание – это действие разумно организованной жизни, в ее перспективном устремлении к лучшему.

[8] В данном случае А.С. Макаренко подчеркивает ведущую роль воспитания в развитии личности. Он признает, что наследственная природа человека, его возрастные, половые и индивидуальные особенности – это очень важный фактор развития и воспитания личности.

Воспитательное значение детской литературы

Каждая книга для детей, прежде всего, должна преследовать воспитательные цели. К сожалению, мы еще не имеем исследований о воспитательном влиянии литературы, и в каждом отдельном случае нам приходится опираться главным образом на наш опыт — педагогический и литературный.

В жизни очень трудно бывает определить, какие поступки детей являются следствием чтения. Мне приходилось очень часто наблюдать неожиданный воспитательный результат чтения — совершенно не тот, на какой можно было

надеяться, судя по содержанию книги. Неопытному человеку очень трудно предсказать, какое — положительное или отрицательное — влияние она произведет на молодого читателя. Вообще, надо прямо сказать: для такого заключения требуется очень тонкая педагогическая логика. И конечно, такая логика должна быть и у тех людей, которые руководят изданием детских, книг, и у тех, которые пишут для детей.

Нашей целью, целью советской детской литературы, должно быть воспитание цельной коммунистической личности.

Художественная литература не должна развивать в ребенке только воображение или ставить перед собой узкопознавательные задачи.

Точно так же нельзя выделять и какую-нибудь специальную политическую цель, потому что каждая наша книга должна быть книгой политической. Но как раз в области политического воспитания у нас часто грешат «толстой» логикой[1], не замечая всей ее неповоротливости и вредоносности.

Я знаю, что в пионерских звеньях у нас иногда занимаются соревнованием в составлении альбомов, посвященных событиям в Испании. Руководители при этом уверены, что делается дело очень полезное для политического воспитания. Пионеры разыскивают во всех иллюстрированных журналах картинки, вырезают их, наклеивают в альбомы, снабжают надписями и с гордостью посматривают на своих менее удачливых соперников.

Испанская борьба, ее напряжение, ее ужасы, мужество, героизм очень близки нам, они непреложно утверждают для каждого советского гражданина единство фронта трудящихся, и именно поэтому нужно со всей серьезностью подойти к интернациональному воспитанию ребенка. Поручая составление альбомов детям, не воспитываем ли мы в них хладнокровных наблюдателей, способных с ножницами в руках «препарировать» какое угодно общественное явление.

Конечно, это вовсе не значит, что каждая книга или каждая строчка должны ставить перед собою такую грандиозную цель, как воспитание цельной личности и достигать немедленно этой цели. Воспитательный процесс — процесс очень длительный и сложный, одна литература вообще не способна справиться с этой задачей. Но каждая книга должна видеть перед собой эту цельную советскую личность как общую нашу цель, к которой следует стремиться.

Рассеянный с улицы Бассейной»[2] на первый взгляд просто веселое детское стихотворение, но в нем содержится синтетический образ молодого советского читателя, который не просто зубоскалит, а смеется здоровым смехом.

Мы находимся в исключительно благоприятных условиях, потому что настоящая художественная литература всегда была литературой гуманистической, всегда отстаивала лучшие идеи человечества. Поэтому мы можем давать нашим детям и Марка Твена и Жюля Верна и других. На первый взгляд, что особенно ценного заключается в «Томе Сойере»? И взрослые плохие, и дети шалуны, а иногда даже хулиганы. Но в книге так много человечески цельного, проникнутого радостным и деятельным чувством бытия, что она принципиально созвучна с нашей эпохой.

Только книги, преследующие цель создания и воспитания цельной человеческой личности, несомненно полезны для наших детей. И не всякая книга, написанная на прекрасную тему, сама по себе прекрасна. Трудно представить себе, например, книгу о товарище Кирове, если в ней не будут ярко изображены его характер, его воля в политической борьбе.

Этому основному требованию, которое нужно предъявить к каждой детской книжке, больше всего противоречит очень распространенная у нас добродетельная манера наших авторов. Часто писатели хотят быть «лучше», чем это требуется для наших детей. Источниками этой добродетели являются не советские идеи и не идеи гуманизма, а идеи христианской морали. Это скучная, серенькая, бездеятельная,

прибранная христианская добродетель, «доблесть» воздержания, «героизм» умеренности и непротивленчества. Очень живучи эти силы, они еще находят себе место и на страницах нашей книги, и в работе некоторых педагогов.

В нашей книге должно быть очень много энергии, смеха, проказливости — все это прекрасные детские черты, определяющие силу характера, его мажорность, его устойчивость и коллективизм. Наша детская книга должна быть ярко жизнерадостной.

Несколько слов о стиле нашей детской книги.

Критики любят вопить: «Детская книга должна быть высокохудожественной книгой!» Подобные заявления кажутся настолько похвальными, что никому в голову не приходит возражать.

В самом деле, как можно возражать против высокой художественности? Но что вкладывается в эти слова? Честное слово, ничего. Никакого конкретного значения такие заявления не имеют. Мы хорошо знаем, что все дети раньше или позже начинают читать Толстого и Горького. У одних это происходит в 15 лет, у других в 13. В известном возрасте детям становится доступной настоящая «взрослая» литература, высокохудожественная. Но до тех пор детям нужна специальная детская литература.

В чем отличие ее стиля, ее письма? Этой литературе должна быть присуща художественность в особом смысле. Простота рассказа, его строгая логическая последовательность, отсутствие каких бы то ни было словесных изощрений — это еще не все. В детской литературе должны быть особая яркость и полнокровность красок, совершенно явный реализм, точное разделение светлого и темного.

Здесь неуместен никакой импрессионизм, не должно быть никаких эстетических оттенков. Та прямая борьба светлого и темного, какая есть в сказке, должна быть и в каждой детской книжке, в ней не нужны тонкая психологическая игра, слишком детальный анализ. Еще менее уместны в ней пассивно созерцательная лирика, старческие, грустные размышления над природой.

Общее различие стиля детской литературы по сравнению с литературой «взрослой», мне кажется, должно определяться некоторым, самым незначительным (повторяю, самым незначительным!), приближением ее к лубку. Такое приближение есть и у Купера, и у Жюля Верна, и у многих других.

В нашей литературе наблюдалось всегда сопротивление такой тенденции, и, прямо нужно сказать, это не принесло особенной пользы. В лубке есть тоже своя необходимая эстетика, которую нельзя просто игнорировать. Такое приближение к лубку требует от авторов и таланта, и изобретательности, и, самое главное, яркости чувства.

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 7, с. 157 – 159. Публикация в «Литературной газете», 13 мая 1938 г. – по докладу, сделанному А.С. Макаренко 9 мая с.г. в редакции «Литературной газеты» на совещании совместно с сотрудниками Изд-ва детской литературы.

А.С. Макаренко говорит о детской художественной литературе как предназначенной для подростков, детей 13 – 15 лет. Он считает, что в возрасте ранней юности вполне приемлемо чтение литературы для взрослых. Так реализуется общепедагогическая идея: воспитание должно опережать, стимулировать развитие личности, а не просто «соответствовать» возрасту.

Его соображения о детской литературе опираются на огромный опыт наблюдения над детским чтением и руководства им. Чтение занимает важное место в педагогике А.С. Макаренко. В своей колонии-коммуне он руководил литературным кружком, театральными постановками разного рода.

В выводах о детской литературе он сталкивался с литературоведческими предубеждениями, устоявшимися бездоказательными шаблонами. И в данной области науки о воспитании он обращает внимание на

педагогическую логику, которой должен владеть автор художественного произведения для детей.

В трех взаимосвязанных функциях художественной литературы: познавательной, воспитательной и эстетической – А.С. Макаренко в детской литературе выдвигает на первый план функцию воспитания. Оно должно находить воплощение в особенностях стиля, эстетики художественного произведения для детей, отвечать насущным потребностям развития личности в период детства и отрочества.

В докладе по существу впервые сформулирована общая педагогическая цель: «воспитание цельной человеческой личности», т.е. не знающей разлада между умом (знанием), чувством, волей. Такое представление А.С. Макаренко вкладывает в понятие «характер». Цельный характер, активно и творчески действенная личность – это то принципиально новое, что он вносит в содержание педагогических целей.

В статье особо выделяется гуманистическая направленность детской литературы, ее соответствие стилю и «тону» нового воспитания: жизнелюбие, оптимизм, «радостное и деятельное чувство бытия». Нужно преодолеть распространенные в детской литературе «добродетельные» намерения и созерцательное, пассивное отношение к жизни, мораль «непротивленчества».

Специфика «художественности» детской литературы: простота рассказа, «особая яркость и полнокровность красок, точное разделение светлого и темного», что свойственно сказке и искусству типа лубка.

[1] «Толстая» педагогическая логика, т.е. прямолинейная, грубая. Ранее – «тонкая», т.е. не явная, скрытая в контексте и жизненных «деталях», в «параллельном педагогическом действии».

[2] Широко распространенное стихотворение С.В. Михалкова.

***Дополнения.* 13 мая: договор с издательством «Советский писатель» о** *сборнике рассказов под условным названием «Дети»* **(«Дети двух эпох»), совместно с Н. Шкляром, срок сдачи в издательство – 30 ноября.**

Хиллиг Г. Опускула макаренкиана, № 9. – Марбург, 1989, с. 16.

Публикация *2-й части повести «Честь»* **в ж. «Октябрь», №№ 5, 6.**

С сер. мая *А.С. Макаренко в Ялте*, **Доме творчества Литфонда СССР (до 12 июня)**

Материалы третьей части «Флагов на башнях» (в описании)

19 – 22 мая и далее. «Первый (в СССР – А.Ф.) завод электроинструмента трудовой колонии им. 1 мая». Накопление средств, строительства, оборудование, наладка производства – от конца марта до 1 декабря 1934 г.

Для нужд армии, танковых войск и авиации, освобождение страны от импорта. Участок «великого фронта социалистического наступления». «Исторические бригады тридцатых годов». Энтузиазм – это «честность, любовь, душа». Романтика труда, борьбы, дисциплины. Гуманизм, достоинство и красота личности.

Юношеская любовь, личные судьбы молодых. Инженерно-технические работники.

О новаторстве, предательстве, умении распознать врага. Он будет «в самую душу проникать, … постарается вам понравиться, он захочет кое-что сделать за вас, чтобы вы считали его своим товарищем». Убийство С.М. Кирова.

Заключительная глава: «Будем помнить».

«Флаги на башнях в солнечный день. Победа. Счастье победителя. Строй победителей. Законы победы. Диалектика радости». Маэстозо[1]. Гимн. Торжественная проза. Проза о торжественном. Мажор».

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 18, лл. 22, 9. Развернуто на последних страницах «Флагов на башнях».

[1] **Величественный, торжественный характер исполнения музыкального произведения.**

Дополнение. **22 мая: выступление** *А.С. Макаренко в городском Доме учителя, Ялта.*

Симфония Шуберта

Ужин, как обычно, был в шесть часов.

За ужином секретарь совета бригадиров Виктор Торский прочитал приказ:

«Несмотря на героическую штурмовую работу колонистских бригад, остается еще много дела. Поэтому совет бригадиров постановил: сегодня время с восьми часов вечера до трех часов ночи считается как рабочий день с перерывом на обед в одиннадцать часов. Рапорты бригадиров — в три часа пятнадцать минут, спать — в три двадцать. Завтра встать в девять, построиться к первомайскому параду в десять часов.

Заведующий
колонией — Захаров,
ССК[1] — Торский».

Производственный корпус новенький, двухэтажный, с балконом... На свежеокрашенном полу ничего нет, кроме блеска, у порога распростертый мешок приглашает вытирать ноги. Под левой стеной выровнялись в длинном шеренге токарные «красные пролетарии», а справа во всю длину цеха протянулись солидные фрезерные «цинциннати» и «вандереры», перемежаемые высокими худыми сверлильными станками. А между этими рядами разместилась сложная семья зуборезных и долбежных станков. Четыре ряда фонарей, еще без абажуров, заливают ровным светом стены, потолки и станки. Колонисты по одному, по два пробираются на балкон и любуются этим великолепным итогом многолетних своих трудов — новым советским заводом, настоящим заводом, который завтра будет торжественно открыт.

Зато в самой колонии не управились. И в главном здании и в литере «А», где расположились спальни, успели побелить, но не успели устроиться. В колонии сейчас, точно после погрома. По всем комнатам, по коридорам разбросана мебель, валяются клочки бумаги, куски фанеры, стоят у стены рамы, лестницы, щетки...

Торский в кабинете Захарова. В кабинете, как в боевой рубке. Против Торского сидит садовник и просит:

- Это ничего, что ночь, вы же все равно будете работать... А цветы кто приготовит? Вы же мне обещали давать по десять человек, а давали по пять.

Торский смотрит на садовника и бурчит:

- Днем вам дал сорок человек, днем мы решили все кончить, а ночь оставили для себя. А теперь вы опять просите. Это же ночь, поймите, это — наше время!

- Товарищи, так и розы ваши и гвоздики ваши... Я же не успею...

- Сколько вам?

- Десять человек.

- Три. Похожай, дашь из твоей бригады троих?

- Виктор... Да откуда же я возьму? У меня театр!

- У тебя все комсомольцы. Управишься. Давай.

- Ну, есть, — недовольно тянет Похожай и вытаскивает из кармана блокнот, чтобы выбрать для садовника самый слабый рабочий комплект. Садовник все же облизывается от удовольствия. Торский напоминает ему:

- Только с восьми! Алексей Степанович сказал: до восьми — полный отдых.

Дирижер оркестра толстый краснолицый Левшаков прослушал этот драматический отрывок и исчез потихоньку. Через пять минут откуда-то донесся

слабый сигнал. Заведующий колонией Захаров, подняв голову от бумаг, спросил удивленно:

- Почему сигнал?

Дежурный бригадир маленький Руднев сорвался со стула:

- Да кто же это играет?.. Сигналка — вон лежит!

На маленьком столике лежала длинная труба с белой лентой. Никто в колонии не имел права давать сигнал, кроме дежурного трубача по приказу дежурного бригадира.

- Это они сами... сами играют... Нахально играют «сбор оркестра»! Руднев смеется и вопросительно смотрит на Захарова:

- Разогнать?

- Жаль... Знаешь что... пусть они... поиграют, ведь у них завтра концерт.

* * *

Захаров вышел в коридор. У окна стоял главный инженер Василевский, сухой, строгий, прямой, как всегда. Еще осенью он не верил ни в колонию, ни в колонистов… По коридору пробегали озабоченные малыши: они спешили закончить личные дела к восьми часам. Увидев Захарова, Василевский отошел от окна:

- Пойдемте послушаем музыкантов, они разучивают прекрасную вещь, я уже два раза слушал: симфонию Шуберта.

В будущей физической аудитории, где уже стоят стеклянные шкафы, за столами музыканты. Кажется, что их страшно много. Дирижер отделывает симфонию Шуберта. Захаров и Василевский присели в сторонке.

Захаров устал, но нужно приготовиться к еще большей усталости, и поэтому хорошо прислониться головой к холодной стене и слушать. Он различает в сложном течении звуков то улыбки, то капризы, то восторженную песнь, то заразительный хохот, то торжествующий звон. Пять лет назад он создавал этот замечательный оркестр, который считается теперь одним из лучших в стране.

Сорок мальчиков, сорок бывших бродяжек, играют Шуберта. Они подглядывают на Захарова и, вероятно, волнуются...

Дирижер кривится и бессильно опускает руки и голову - музыка нестройно обрывается.

Дирижер смотрит на Головина — большой барабан. Захаров еле заметно улыбнулся: он знает, сколько мучений испытал дирижер, пока нашел охотника на этот инструмент.

- Сколько у тебя пауза? — страдальчески вяло опрашивает дирижер.

- Семь, — отвечает Головин.

- Семь! Понимаешь, семь? Это значит шесть плюс один, или пять плюс два, но не три, не три, понимаешь, не три! Надо считать!

- Я считаю.

- Наконец, надо на меня смотреть.

- И на вас смотреть и в ноты смотреть... — говорит Головин недовольным баском.

- Чего тебе в ноты смотреть? Написано семь, сколько ни смотри, так и останется семь.

- Вам хорошо говорить, а мне делать нужно.

Мальчики хохочут, смеется дирижер, смеется и Головин.

Чем вы его накормили сегодня? Сначала!

* * *

В восемь часов вышел на площадку лестницы Володька Бегунок и проиграл сигнал на работу. С лестницы спускаются девочки в красных косынках. Сегодня у них геройская задача — навести блеск на все окна, на все стекла шкафов, на все ручки.

Первая бригада Зырянского развешивает по аудиториям, спальням и залам портреты и зеркала — этой работы хватит на всю ночь. Не меньше работы досталось и третьей бригаде: на всех дверях надо прикрепить стеклянные голубые таблички, на которых золотом написаны названия комнат. Шестнадцатая бригада девочек приводит в порядок столовую. Шестая натирает паркет. У каждой бригады своя задача и — задача большая.

По всем коридорам и залам рассыпала свою агентуру четвертая комсомольская бригада, пользующаяся сегодня монопольным правом переносить мебель из помещения в помещение. Уже в начале вечера бригаду назвали «Союзтрансом». «Союзтранс» доставляет грузы по указанию дежурного бригадира и об их дальнейшей участи не заботится. Вот принесли из столярной огромные шкафы для химической лаборатории, вот притащили из подвала несколько зеркал, доставили в классы десятки столов… И вот уже весь «Союзтранс» отдыхает в кабинете, и бригадир Скребнев говорит, усмехаясь:

- Биржа труда!..

В кабинете же сидят пять-шесть малышей, несущих службу связи. Этим сегодня придется побегать. Для связи малыши незаменимы.

- Володька, — говорит Захаров, — срочно Зырянского!

Володька очень хорошо знает, насколько было бы неприличным спросить, где может находиться Зырянский. Володька дрыгает рукой (это значит салют), шепчет «есть» и вырывается в коридор. В коридоре он нюхает воздух и бросается к дверям «тихого» клуба, потом останавливается и вдруг летит в противоположную сторону, перескакивает по ступенькам лестницы, проносится по коридору второго этажа, перелетает через мостик, съезжает на перилах, и вот он уже в спальне № 39 дергает за рукав Зырянского:

- Алешка, в кабинет!

Алеша спешит в кабинет, а Володя не спеша бредет за ним, и по дороге его зоркие, памятливые глаза замечают, где расположились бригадиры и другие нужные люди.

В «тихом» клубе сосредоточены главные силы малышей. Здесь они под руководством учителя Маленького устраивают уголки: Ленина, 1 мая…

Ах, сколько здесь дела, сколько дела! Сколько метров материи, сколько картин, рамок, портретов, букв, гвоздей, кнопок, картона, золотой, серебряной и красной бумаги. Весь «тихий» клуб в обрезках бумаги, везде стоят банки с клеем, стучат молотки и стрекочут ножницы. Малыши то сосредоточенно работают, то щебечут и спорят, то в мире с Маленьким, то в конфликте, но дело все же подвигается.

Здесь же работают и два пацана из Кролевца: Волончук и Коленко. Они прибыли в наш город неделю назад, специально в колонию имени 1 Мая. В совете бригадиров они заявили, что желают жить в колонии. Совет бригадиров долго расспрашивал их о разных семейных обстоятельствах, но мест в колонии все равно нет. Дежурный накормил кролевецких парнишек обедом, а после обеда они поплакали и куда-то исчезли. На другой день малыши снова явились, сидят на крыльце и ждут. Захаров, увидел их и сказал Торскому:

- Чего сидят? Отведите их в приемник.

- Они уже там были.

- И что же?

- Да вот опять пришли...

- Идите в приемник, вас в колонию не приняли.

Они скрылись, а сегодня к вечеру снова пришли, улыбнулись Торскому и отправились прямо на работу в «тихий» клуб. Один из них — курносый, круглоголовый, с умными серыми глазами, второй — дурашливее и похитрее. В «тихом» клубе они что-то прибивают маленькими молоточками и рассказывают:

- Батьки и мамы давно нет... Ни... Мы городяны. Та у мене бабка есть, а у Волончука никого, так вин пас... коровы. Там коровы у городян у кажного... Про колонию давно прочулы, наши плотныки тут робылы... Чого бабкы жалко? Бабка не пропадэ, ей люды помохуть...

Малыши к этой паре относятся сочувственно, иначе не дали бы молотков в руки.

К обеду много работы было уже сделано, и Захаров с Торским пошли проверять. Зашли и в «тихий» клуб. Уголки почти готовы, остались последние мазки, по полу уже прыгают члены шестой бригады: натирают полы. Кролевецкие парнишки что-то вырезывают ножницами.

- А эти чего здесь?

Кролевецкие задрали головы и молчат. Только у Коленко в одном глазу задрожала маленькая слеза. Торский взял Захарова за пуговицу:

- Да пусть они уже остаются... для праздника.

Захаров положил руку на круглую голову мальчугана:

- Добре. Тащи их к доктору.

- Да доктор спит, наверное.

- Ничего не спит. Колька в больничке пол натирает.

В коридоре заиграли сигнал на обед. Колонисты потянулись в столовую. «Союзтранс» пронес на плечах несколько спящих малышей...

* * *

В десять часов утра отдохнувшие, розовые, в парадном блеске, с вензелями на рукавах колонисты выстроились против цветников. За цветниками сверкали вымытые окна их колонии. Площадка перед новым заводом была посыпана песком.

- Под знамя смирно!

Вытянулись, подняли руки в салюте.

Оркестр загремел знаменный марш. Взволнованные и строгие вышли из главного входа знаменщики. Еще через минуту пятьсот членов колонии имени 1 Мая, по восьми в ряд, играя на солнце всеми красками радости и молодости, маршем пошли в город. Сейчас у них нет никаких долгов перед людьми: все сделано, все поставлено на место.

Вышли на шоссе. Справа строятся к параду рабочие машиностроительного завода. Люди уступают дорогу колонистам. Между рядами мужчин и женщин, разрывая воздух вздохами оркестра, гордо проходят пятьсот юношей.

- Машиностроительному заводу салют!

Пятьсот рук вспорхнули над головами. Лица у рабочих розовеют под солнцем. Они смеются и аплодируют.

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 2, с. 209 – 213. Опубликовано в ж. «Смена», 1938 г., № 5. Это главка 25 книги-очерка «ФД-1» (при жизни автора не опубликовано).

Художественно изображается жизнь трудовой коммуны им. Ф.Э. Дзержинского в период окончания строительства коммунарского завода электроинструмента (осень 1931 г., к празднику 7 ноября).

Фамилии коммунаров изменены. Под своей фамилией дан дирижер оркестра *В.Т. Левшаков. А.С. Макаренко* **– Захаров. Учитель Маленький –** *В.Н. Терский*, **инженер Василевский –** *П. Силаков* **или** *Н. Горбунов*.

Показан эпизод высокого напряжения, духовного подъема в жизни коллектива, определенный момент воспитательного процесса. В его развитии закономерно сменяются периоды напряжения и расслабления, «покоя» (см. часть 1 данного издания, с. 198). Так проявляется действие жизненного ритма в педагогике «школа жизни». Действует категория времени.

[1] **Секретарь совета командиров коммуны, ее «центрального органа самоуправления», правительства коммуны. Ее общее собрание – «главный орган самоуправления», законодательный орган.**

Из письма К.С. Кононенко[1], конец мая 1938 г.

«Флаги на башнях» закончил и отправил в Москву. Что в общем получилось, - толком и сам не знаю.

Ермилов очень хвалит, говорит: лучше «Поэмы», но я не очень верю. В Детиздате отношение сдержанное. Думаю, что в этой книге все-таки есть хороший юношеский колорит.

«Флагами на башнях» надеюсь совершенно разделаться с опасностью «рантье»[2], о которой ты говоришь. Жизнь дает и теперь достаточно материала. Надеюсь, что не потеряюсь в нем.

Самое главное, что мне сейчас нужно, - не спешить. Я почувствовал особый смак[3] в хорошей медленной работе. Надеюсь, что через полгода я получу возможность работать не торопясь.

Очень хочу пожить в Харькове и по душам говорить с тобой. Скорее всего, это случится в августе или сентябре, когда ты сможешь закончить свои летние дела и начнешь сладостный стариковский отдых…

Опускула макаренкиана, № 20, изд. Г. Хиллиг, В. Марочко. – Марбург, 1997, с. 23.

[1] *Кононенко К.С.* **– зав. финансовой частью коммуны им. Ф.Э. Дзержинского с марта 1932 г.; нач. коммерч. сектора Управления объединенными предприятиями коммуны с августа 1933 г. Друг А.С. Макаренко, принимал участие в создании «Педагогической поэмы» как художественного произведения, активизировал ее публикацию. См. об этом ниже: «Беседа с начинающими писателями».**

[2] **В данном случае: опасность писать только на темы прошедшего, о колонии горьковцев и коммуне Дзержинцев.**

[3] **Особое удовольствие, приятное, острое.**

Дополнение. *Малахов К. Война и революция в кривом зеркале* // **Литературный критик, 1938, № 5. О 1-й части повести А.С. Макаренко «Честь»: это искажение истории.**

«Коллекция чудаков, тяжело ушибленных идеей чести». Центральный герой порочен, характеры умозрительны. Расхождения с заключениями В.И. Ленина, И.В. Сталина о войне 1914 – 1917 гг. и русской революции.

Рецензия К. Малахова – проявление грубейшего политизации в литературно-художественной критике. Явное презрение к этической категории чести в ее отношении к «простому народу». Фактическое отрицание самой этой темы в художественном творчестве. «Убийственная аргументация», основанная на цитатах из авторитетных источников, притом не по главной теме произведения.

Ответ А.С. Макаренко: «Против шаблона» и «О книге «Честь» см. далее в этой книге.

Премия

1

За городом через речку переброшен железный мост, а потом прямая как стрела устремилась к лесам на горизонте новая асфальтированная дорога. Леса на горизонте вовсе и не леса, а небольшие посадки по сторонам дороги.

За ними снова степь, а в степи совхоз им. X Октября. В совхозе много построек, и все каменные, а самая лучшая постройка — свинарня, в которой работает

Евдокия Петровна Погорелко. Есть еще в совхозе маленький флигель, обсаженный кустами акации. Там в одной из комнат сидит новый директор, Семен Иванович, о деятельности которого разные люди в совхозе выражаются по-разному. Главный бухгалтер говорит:

- Это вам не старый директор! Этот покажет работу!

Кладовщик вертит головой и произносит с восхищением:

- Ох, и жмет! Ох, и жмет!

А старый сторож Василий Нестерович и раньше никогда не восхищался, и теперь спокоен:

- Новые начальники, они всегда хорошие. Я-то при чем? Пускай себе новый, пускай себе старый.

Евдокии Петровне Погорелко некогда выражать свое мнение о директоре. Она стоит перед его столом и вытирает глаза уголком старенького фартука. Нельзя сказать, что она плачет, просто слезы сами собой появляются в глазах. А глаза у нее тоже не молодые, они внимательно и доверчиво смотрят на нового директора Семена Ивановича, они ожидают от директора справедливости:

- Пришли и взяли, говорят: «недоразумение». Разве ж может быть такое недоразумение? А потом говорят: директор приказал.

Семен Иванович, молодой, с ежиком на голове, неумело морщит лоб и старается отвернуться.

- Говорят: «директор сказал», — а я им говорю: «Врете, не может быть такого закона — премировали, а потом отнимать». И не отдаю. А они схватили и давай тащить. А я говорю: «Бандиты вы, а не товарищи». Так еще, говорят, ответишь за оскорбление. Есть такой закон, товарищ директор?

Семен Иванович — новый директор, и поэтому на его плечах лежит тяжелое бремя ликвидировать все несправедливости и беззакония, бывшие при старом директоре. И он говорит Евдокии Петровне спокойным, рассудительным голосом:

- В том-то и дело: закон! Вы присвоили государственного поросенка, это, по-вашему, — закон?

- Да не присвоила я, что вы батюшка? Премировали меня, под самое Первое мая премировали! Три месяца у меня поросенок живет, и кормила его, и все знали про это.

- Кто знал?

- Все знали, весь совхоз знал.

- А документы где? Написано где-нибудь, что вас премировали?

- Да где-нибудь, может, и написало! Разве я знаю?

- Приказ где? В приказе сказано, что вас премировали? Не сказано, и не знает никто.

- Был приказ, батюшка, при мне, на моих глазах приказано. Приехали они, директор Николай Александрович и начальник городской... тот... как его... Никитин товарищ, приехали, посмотрели все, и так им понравилось, так понравилось, чистота какая, и поросята какие! Никитин товарищ и сказали: премировать этого работника за его образцовую работу этим поросенком. И показали на поросенка. А директор Николай Иванович засмеялись даже и меня так по плечу, говорят: «Она у нас лучшая ударница».

Евдокия Ивановна даже улыбнулась директору, рассказывая об этом случае накануне Первого мая. Но директор не улыбнулся. Директор снова наморщил лоб помолчал и крикнул в другую комнату:

- Товарищ Ракитин!

Евдокия Ивановна доверчиво оглянулась. Вошел Ракитин, главный бухгалтер, толстый, с глазами подслеповатыми, недовольными. Он сразу догадался, в чем дело.

- Это насчет поросенка?

- Что здесь у вас делалось? - возмущенным голосом сказал директор и с укоризной посмотрел на Ракитина. — Вы знали, что она премирована поросенком?

- Боже сохрани! — сказал главный бухгалтер. — Никто ничего не знал. Когда вы были премированы?

- Да под самое Первое мая. Помните, еще, как на митинг собирались, вы меня еще поздравляли, сказали: «Видишь, при Советской власти ударную работу награждают!

- Я вас поздравлял? Бред, совершеннейший бред!

- Как вы сказали, батюшка?

- Бред, говорю, сон приснился!

Чего-то не поняла Евдокия Ивановна в этих словах, опять засмотрелась на директора, ожидая от него справедливости.

- Всё, — сказал директор, — идите.

- А поросенка забрать можно?

Директор пожал плечами, главный бухгалтер сочувственно просиял улыбкой, товарищеским голосом сказал Евдокии Ивановне:

- Товарищ Погорелко! Не может быть такого премирования. Нужно акт составить было, в приказе написать.

- Так вы напишите, товарищи, написать всегда можно: так и так, за ударную работу...

Главный бухгалтер все свои зубы показал директору, и директор ответил ему вежливой гримасой, которая обозначала только одно: как мало понимает Евдокия Ивановна в деле бухгалтерской законности.

А в это время открылась дверь, и целая тройка деловых оживленных мужчин ввалилась в кабинет директора. Евдокия Ивановна отступила к холодной печке, долго стояла, думала, и слез у нее теперь уже не было. Никто не заметил, как она вышла из кабинета и побрела через двор к своей свинарне.

2

Евдокия Ивановна живет в старенькой избе у самого въезда в совхоз. А рядом с избой крытый соломой сарайчик, и в нем осиротевшая загородка, где еще так недавно жил веселый чистенький поросенок. Зовут поросенка Шалуном. Он и теперь живет на свете, только эта жизнь протекает в большой теплой и светлой свинарне совхоза. Он и теперь отзывается на свое имя, и теперь считает, что имеет к Евдокии Ивановне особое отношение. Когда она подходит к станку, он небрежно расталкивает толпу своих сожителей, таких же четырехмесячных красавцев, как и он, и задирает к ней оживленную благодарную мордочку. Его маленькие глазки способны выразить очень многое, и понимать их умеет только Евдокия Ивановна. Она читает в глазах Шалуна и любовь, и ребячью шутку, и память о разных деликатесах, которыми иногда баловала его Евдокия Ивановна. Она напоминает ей те счастливые четыре месяца, когда Шалун был не простым поросенком, а премией за ударную работу, когда она могла с гордостью рассказывать всем о случае накануне Первого мая, когда люди слушали этот рассказ с интересом, а если и завидовали немного, то зависть у них была хорошая. Все хорошо знали, какая замечательная работница Евдокия Ивановна, как она знает и любит свое дело, какие образцовые поросята из месяца в месяц выходят из ее питомника. Все знали еще и другое: Шалун никогда не станет обыкновенной свиньей, которую можно зарезать и съесть, он всегда будет другом Евдокии Ивановны и всегда будет первомайской премией за ее ударную работу. И так было потому, что и сама Евдокия Ивановна не могла иначе смотреть на Шалуна.

Теперь стало иначе. Скоро Шалун перейдет в отделение для взрослых свиней, а премией он перестал быть две недели назад. И вставало перед ней трудным вопросом: были ли в ее недавней жизни эти четыре месяца, когда она считалась

премированной ударницей и когда ей все немного завидовали, когда живым доказательством ее успеха был веселый чистенький Шалун?

Евдокия Ивановна работала по-прежнему. В ее отделении и теперь было что показать: и бело-розовые животики поросят, и сухой пол в проходе, и свежую солому в станках, и тишину, и даже приятный запах во всем отделении. И, наверное, в бумагах было написано, а если не в бумагах, то в памяти людей, что не было у Евдокии Ивановны никаких скандалов, ни повальных смертей, ни голода, ни холода. Все шло по-прежнему, только глаза у Евдокии Ивановны стали грустные да иногда посмеивались над ней мужчины:

- Премировали, значит, тебя! Ха!

В этих словах, может быть, было и сочувствие. Не было сочувствия только у разных начальников. Кладовщик — тот прямо говорил:

- Нахально премию себе приспособила. А Семен Иванович — человек такой: прижал моментально.

И завхоз чего-то радовался:

- Не каждый может вообразить себя ударником. Для этого постановление нужно.

Директор Семен Иванович часто заходил в отделение, одобрительно посматривал на поросят, разговаривал вежливо и даже хвалил иногда Евдокию Ивановну, а один раз сказал с досадой:

- Эх, Евдокия Ивановна! Как же так можно: получить премию и не оформить. И никто ничего не знает: ни бухгалтер, ни завхоз, ни кладовщик, разве так можно?

Евдокия Ивановна ничего на это не ответила, пожалуй, лучше было забыть обо всем этом.

3

В конце августа приехал в совхоз новый городской начальник, товарищ Голубченко. Другие здорово волновались, когда узнали о его приезде, а Евдокия Ивановна была спокойна: все у нее в порядке, придраться не к чему. В отделение зашли целой кучей: и Голубченко, и Семен Иванович, и главный бухгалтер, и завхоз с кладовщиком. Голубченко сказал весело:

- Ну, здравствуй, хозяюшка! Как дела?

Евдокия Ивановна скромно ответила:

- Обыкновенно дела, живем.

Голубченко хорошо осматривал, зашел в каждый станок, многих поросят просто руками попробовал, за ушами посмотрел, за хвостики подергал. Сначала молчал, а потом улыбался, а когда дошел до конца, обернулся ко всем и засмеялся даже:

- Прямо скажу: класс! Настоящая работа, квалифицированная! Гордиться можете таким поросятником. Как вас зовут?

- Погорелко.

- Имя и отчество! Для таких работников мало Погорелко. Имя и отчество все должны знать, весь совхоз!

Завхоз зашел сбоку и ответил убежденно:

- Так и делаем, так и делаем: Евдокия Ивановна зовут!

- Евдокия Ивановна? Давно работаете, Евдокия Ивановна?

- А девять лет.

- Сколько раз премированы?

Испугалась Евдокия Ивановна, даже побледнела, косо глянула на главного бухгалтера. Но главный бухгалтер дрыгнул одобрительно головой, и глаза у него сделались довольными:

- Недавно была премирована за ударную работу поросенком.

- Это работа образцово ударная. Единственное отделение в совхозе. Продолжайте, Евдокия Ивановна, продолжайте. Я пришлю к вам из других совхозов посмотреть. Покажите им...

Уходя, Голубченко пожал руку Евдокии Ивановне и пожелал ей дальнейших успехов. А когда он уехал, директор Семен Иванович молча посмотрел на главного бухгалтера и ушел к себе.

4

- Ну, — строго произнес Семен Иванович, — как вы смели врать, что она не была премирована! Бред, говорили, сон! Немедленно составьте акт! Главный бухгалтер пожевал сухими губами и сказал:

- Акт вот у меня. Можете получить.

Евдокия Ивановна взяла в руки бумажку, посмотрела на директора внимательно и доверчиво улыбнулась:

- Спасибо.

- И поросенка можете сегодня взять. Сейчас же.

5

Через неделю Семен Иванович, когда зашел в поросятник, спросил:

- Взяли вашего поросенка?

- Да... пускай здесь живет. Ему и здесь хорошо.

- Не годится, Евдокия Ивановна, не годится. Раз премировали, нужно получить.

- А у меня бумажка есть, Семен Иванович. Называется «грамота».

А он пускай здесь живет. И подрос к тому же, уже перевели его.

- Так как же... надо же получить премию.

- Я бы вот этого: маленького взяла, Семен Иванович. Вот этого. Семен Иванович посмотрел на копошащееся в соломе розовое существо, пожал плечом: плечом:

- Хорошо... Я скажу.

6

Главный бухгалтер стоял перед столом директора и застенчиво говорил:

- Как же она может взять маленького, если акт составлен маем месяцем, а сейчас август месяц? Это невозможно будет провести.

Директор встал за столом, приблизил свой ежик к подслеповатым глазам главного бухгалтера и прошипел:

- Знаете что? Черт бы вас побрал! Переделайте май на август! Поняли? Главный бухгалтер прошептал, удаляясь:

- Попробуем.

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 6, с. 335 – 340. Опубликовано: ж. «Молодой колхозник», 1938, № 5.

Рассказ проникнут глубочайшим уважением к человеку труда, «рядовому» работнику. Показано столкновение административно-бюрократического, «правового» отношения к людям и высокой нравственности человека, утверждающего в труде свое достоинство, честь и справедливость.

Видимо, в основу рассказа положен известный А.С. Макаренко эпизод из жизни совхоза «Красные зори», переданного в пользование коммуны им. Ф.Э. Дзержинского по постановлению Малого Президиума ВУЦИКа 17 авг. 1928 г. (см. часть 2 данного издания, с. 32).

Этот рассказ кажется стоящим как бы особняком в художественно-педагогическом творчестве А.С. Макаренко. На самом деле это произведение отражает глубокий смысл всей его деятельности и педагогики, основанной на любовном отношении к жизни, к ее человеческом «измерении» в труде.

Изображенный эпизод связан с содержанием незавершенной пьесы А.С. Макаренко «Забота о человеке» (условно «пьеса о Даше»; подготовительные

материалы к ней: РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 56, л. 1 – 4). В пьесе запечатлены наблюдения, полученные им во время пребывания в одном из «домов творчества» (возможно, в Малеевке). В рассказе, несомненно, присутствует воспоминание об образцовой свиноводческой ферме Полтавской колонии им. М. Горького.

Запись в дневнике, 1 июня 1938 г.

1 июня. Ялта.

Времени истекло порядочно, и дела сделано много, а событий нет.

В Ялте за 15 дней сделано много. Написал последние шесть листов «Флагов на башнях» и отправил Ермилову и Никитину в «Детиздат[1]». От Никитина еще до отправки получил похабную телеграмму: «Высылайте конец, в противном случае издание переносится на 39 год». Либо это следствие планового психоза, либо они вообще против книги. Так и написал Никитину: «На консервирование не согласен, в крайнем случае, не возражаю против расторжения договора». Рукопись и письмо отправил 27 мая. Числу к 10-му жду ответов.

«Флаги на башнях» в общем получились ничего, есть хорошие главы, и есть, кажется, колорит. Здесь для сценария читает рукопись М.А. Барская[2] и хвалит.

В «Литературном обозрении» Зелинский написал статью о «Чести». Объявляет роман моей неудачей, не ожидая второй половины. Это небывало оригинально и доказывает особенное ко мне внимание.

Сейчас нужно в пожарном порядке написать сценарий для Одессы, который писать не хочется и который уже не соответствует тематическим припадкам сегодняшних соображений. Буду все-таки писать и сегодня хочу начать – самое трудное дело.

Договор с Советским писателем подписал и Шкляр выслал сюда аванс – 2000, срок 1 декабря. Я должен сделать 10 печатных листов рассказов. Есть для этого только «Случай в походе».

Воспитание гражданина… / Сост. С.С. Невская, с. 832 – 833.

[1] В Издательстве детской литературы предполагалось издать «Флаги на башнях» отдельной книгой. Это издание не состоялось. Книга вышла в Гос. изд-ве художественной литературы после кончины А.С. Макаренко, ред. Ю. Лукин (подп. к печ. в нач. авг. 1939 г.).

[2] *Барская М.А.* **(псевдоним) – актриса, режиссер, известна как сценарист и постановщик популярного фильма «Рваные башмаки» (1933 г.), о жизни детей немецких рабочих в дофашистской Германии. Погибла в кон. 1938 – нач. 1939 гг.**

Дополнение. **2 июня – заседание Президиума правления Союза советских писателей в связи с реорганизацией издательства «Советский писатель» (ликвидация его как кооперативной организации, передача в ведение ССП).** *А.С. Макаренко избирается в редакционный совет издательства* **(15 чел., писатели и сотрудники).**

Письмо Л.Н. Разумовой, 6 июня 1938 г.

6 июня 1938, Ялта

Уважаемая Лидия Никитична!

Ваше письмо переслано мне в Ялту с некоторым опозданием. В нем затронуто много интересных вопросов. Но трудно ответить на них в письме, а кроме того, трудно заглазно судить о Вас и Вашей семье. И наконец, еще одно важное обстоятельство: я посылаю письмо по тому адресу, какой вы сообщили, в нем нет названия улицы. Напишите, как называется Ваша улица, я Вам отвечу подобно, а

может быть, повидаюсь с Вами, когда буду в Ленинграде в июне – июле. Еще лучше было бы, если бы Вы сообщили Ваш телефон.

Из Ялты я скоро возвращаюсь в Москву. Мой адрес: Москва, 1. Лаврушинский пер., 17 / 19, кв. 14. Антону Семеновичу Макаренко.

Привет.

А. Макаренко.

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 8, с. 81. Ответ на письмо читательницы «Педагогической поэмы» и «Книги для родителей».

Л.Н. Разумова **– бухгалтер, 34 лет, мать двоих детей (сын 13 лет, дочь 10 лет), без мужа уже 9 лет, алиментов не получает. Дочь «ответственного работника»; дети на попечении бабушки, живут в одних условиях, а дети разные: сын эгоистичен, дочь чуткая, добрая; в учебе и быту оба «неохотны». За «отл.» и «хор.» мать дает соответственно 1 руб. и 50 коп. – «на карманные расходы». «Душа болит за ребят».**

Опускула макаренкиана, № 15 / сост. Г. Хиллиг, С. Невская. – Марбург, 1995, с. 2 – 6.

Дополнения. *Малахов К. По проторенной дорожке Иловайских*[1] **– Правда, 7 июня 1938 г. Примеры «подлинно художественной и подлинно исторической литературы» - А. Толстой, Шолохов, Чапыгин, Тынянов. Нужно «оградить читателя от буржуазного опошления истории» и «квасного патриотизма».**

Критический анализ киносценария «Русь» Павленко и Эйзенштейна, сочинения «Суворов в Европе» К. Осипова, романа «Пугачев» В. Шишкова (идет «по колее Салиас, «автора бульварных романов и пошляка», повторяет «мемуарные книги Дашковой»).

А. Макаренко в ж. «Октябрь» показывает, что «империалистическая война была встречена в рабочем поселке жаждой победы». Это противоречит В.И. Ленину: «рабочий класс России оказался иммунизированным в отношении шовинизма»; подлинный патриотизм выразился в превращении этой войны в войну гражданскую. «Громкая отрыжка кадетским патриотическим квасом прозвучала в ж. «Октябрь»… Буржуазное опошление нашего прошлого».

[1] *Иловайский Д.И.* **– русский историк, автор учебников по всеобщей и русской истории для средней школы (2 – пол. XIX в.), написанных с монархических позиций.**

Дополнение. **9 июня в «Правде» о «врагах народа»; «якиры балицкие, любченки, затонские и другие сволочи».**

Балицкий В.А. **– предс. общест. совета по организации коммуны им. Ф.Э. Дзержинского (кон. 1927 – нач. 1928 гг.), предс. совета по делам коммуны первого и последующего составов, покровитель А.С. Макаренко. В 1931 – 1932 гг. зам. предс. ОГПУ СССР, затем предс. ГПУ Украинской ССР, с 1934 г. нарком внутр. дел УССР. 27 ноября 1937 г. расстрелян как участник «военно-фашистского заговора». Реабилитирован в нач. 1950-х гг.**

Затонский В.П. **– советский гос. и партийный деятель, в 1923 – 1933 гг. предс. ЦКК КП(б) и нарком РКИ Украины, в 1922 – 1923 и в 1933 – 1938 гг. нарком просвещения УССР. Покровительствовал А.С. Макаренко; земляк Г.С. Макаренко по Каменец-Подольску.**

Письмо А. Ромицыну, 8 июня 1938 г.

Ялта, 8 июня 1938 г.

Дорогой товарищ Ромицын!

К величайшему моему душевному сожалению, я должен Вас огорчить: сценарий на школьную тему, в настоящее время но крайней мере, я выслать Вам не могу, хотя совершенно честно выполнил свои обязательства и сценарий написал. Вероятно, Вы уже догадались, в чем дело: сценарий меня не удовлетворяет, и я не

хочу подвергать свою работу ничьим разгромным анализам, и не хочу вообще выступать с вещью, по меньшей мере, посредственной.

Причины те самые, которых я боялся, когда Вы предложили мне договор: в школьной нашей действительности, несмотря на известное Вам утверждение украинского Наркомпроса, я не мог найти ничего интересного, а лакировка содержания не моя специальность[1]. Поэтому в моем сценарии получилось так: есть наводнение, есть дети, есть семья, но школа надумана и без своего лица — работа, в общем, чрезвычайно средняя.

В этой «честной» неудаче едва ли можно найти основания для угрызений совести, и ничего у меня не угрызается, хотя положение и печальное. Жаль не только Вас, жаль и своего потраченного напрасно времени. Можно было бы прямо говорить о возвращении аванса, но я предлагаю Вам иной выход.

По моему новому роману «Флаги на башнях», который сейчас печатается в журнале «Красная Новь», московским режиссером и сценаристом М.А. Барской, с моей помощью, конечно, сделан сценарий, по моему мнению, очень хороший. Это настоящая советская идиллия на юношеском материале, поданная на темах борьбы за человека, борьбы с врагом, на теме мобилизации готовности всего нашего общества. Сценарий уже готов и находится в стадии последней правки текста. По своей теме эта работа гораздо ближе стоит к темам сегодняшнего дня, а по качеству и свежести красок она гораздо лучше сделана, чем моя работа о школе.

Теперь о «но» ...«Но» заключается в том, что я не представляю себе, чтобы «Флаги на башнях» [могли] быть поставлены не т. Барской, а другим режиссером. Здесь вопрос не только в авторском праве т. Барской, но и в моем непременном желании работать вместе с нею — больше всего я боюсь «развесистой клюквы[2]», а у т. Барской я нашел удивительное понимание материала.

Вот теперь и решайте. Насколько мне известно, т. Барская еще не прикреплена ГУКом к определенной студии. Сама она, кажется, предпочитает Ленинград. Во всяком случае, мое желание, чтобы фильм, делать в Одессе, может иметь решающее значение и для т. Барской.

Прошу Вас сообщить Ваши соображения по всем этим вопросам.

В случае Вашего согласия и реальных согласований вопроса о постановщике сценарий я Вам вышлю. В противном случае придется возвратить аванс и договор ликвидировать.

Привет. *А. Макаренко*

Отвечайте в Москву:
Лаврушинский 17 / 19, кв. 14

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 7, с. 159 – 160.

[1] Неудовлетворенность А.С. Макаренко школой 1930-х обусловлена ее отступлением от воспитания на основе производительного труда. Это вело к отрыву школы от жизни, принижало роль школы в социально-гуманитарном прогрессе общества. Школа не могла превратиться в трудовой «воспитательный коллектив», а он в макаренковской педагогике – главный фактор и «объект воспитания».

[2] Представление о чем-то до нелепости неправдоподобном.

Ромицын А. **– режиссер Одесской киностудии.**

Запись в дневнике 9, 11 июня 1938 г.

9 июня, Ялта

Ермилов прислал письмо — совершенно исключительный, пространный отзыв о «Флагах на башнях». «Детиздат» молчит. О «Чести» Ермилов отзывается очень плохо.

Ромицын из Одесской студии прислал телеграмму — требует сценарий. Думал, думал и сценарий даже не начал. Ответил письмом, в котором предлагаю

сценарий «Флаги на башнях» с непременным режиссерством Барской. Просил ответить в Москву.

Беспокоит «Детиздат». При той растерянной безвкусице и самодурстве, которая у них существует, можно ожидать чего угодно.

12-го должен уехать отсюда, чтобы заехать на вечер в Каче.

Сценарий по «Флагам на башнях» идет хорошо, сегодня, вероятно, будет закончен.

Пора приступать к роману «Пути поколения». Что это за роман будет? Кроме общей темы ничего нет.

11 июня, Ялта

Завтра уезжаю. Сценарий закончил и перепечатал в чистовку до сцены «Соломон Давыдович у диаграммы». Ромицын снова телеграммой требует сценарий.

В «Правде» от 7 июня какой-то неудачный поэт в статье «По стопам Иловайского» между прочим передернул — «рабочие жаждут победы». Самая безвкусная и развязная гадость. Написал в отдел Литературы протест. Конечно, из него ничего не выйдет.

Воспитание гражданина… / Сост. С.С. Невская, с. 833.

План киносценария по «Флагам на башнях»

Основная тема. Борьба детского коллектива (советского коллектива) за человека, за культуру, за новую жизнь и одновременно с этим за новую культуру воспитания.

Подтемы: а) рост и социализация отдельной личности разной степени сопротивляемости; б) рост и организация коллективных связей, новой дисциплины, новых стремлений; в) рост общественной ценности коллектива; г) рост и упражнение — изобретение новых педагогических приемов, материализация педагогики[1]; д) общий мажор, радость советской жизни; е) рост материального богатства и культуры; з) никаких нервов не нужно.

Сюжет. Сюжет заключается в переплетении нескольких лиц, которые в конце концов находят свою личность в коллективе[2]. Эти лица составляют основную группу взаимно сталкивающихся людей, тянущихся друг к другу и взаимно отталкивающихся.

Центральные сюжетные линии. А, Б, В, Г — группа всех четырех встречается на небольшой станции.

Г чистит сапоги. Он ушел из дома от мачехи и побоев отца, но не хочет быть вором, а в детских домах ему не нравится. Он умный, веселый, уважает труд людей. Ящик он сделал сам, а 15 рублей ему дал дядя. Но чистить сапоги ему не нравится. Он готов искать лучшего. С ящиком он приходит в колонию.

А на этой же узловой станции получает по переводам. Это человек, прежде всего беспринципный, но веселый и умный. Энергии у него много, но работать он не умеет. Терпеть не может грязи.

Б — самый испорченный, лживый, осторожный и хитрый вор. От воровства избавиться не может. Крадет даже у беспризорных.

15 действующих лиц. Центральная сюжетная группа. А — тип Захожая-Огнева: бодрый, умный; Б — тип Иванова-Ужикова; В — тип Веры Березовской; Г — тип Вани Зайченко: активный, боевой.

Центральная внесюжетная группа. Д — тип Лаптя; Е — тип Наташи Петренко; Ж — тип Ужикова Марка; З — тип Маруси Левченко; И — тип Зырянского; К — тип Федоренко; Л — тип Синенького; М — тип Марка Шейнгауза.

Центральная внесюжетная группа. Д — тип Лаптя: юмор, ум; Е — тип Зырянского: страсть; Ж — тип Наташи Петренко: спокойствие, душа; З — тип Синенького; ясное детство; И — тип Романова Петра: острый, умный, проказник.

Оттеняющая группа. К — тип Шейнгауза: мечтательный, задумчивый; Л — тип Сатина: правдолюб, страсть; М — тип Боярчика: техник, друг; Н — тип Миши Овчаренко: балда; О — тип Галатенко: лентяй; П — тип Перца: хулиган[5].

Взрослые. Завкол, Отченаш, Коган, Воргунов, Белоконь, Воробьев — шофер, Сильвестров — телеграфист, Торская — воспитательница, Перский — воспитатель, Троян – инженер.

Дополнительные. Лаптенко – беспризорник.

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 6, с. 363. Закончено 11 июня 1938 г.

В сценарии, как и в книге «Флаги на башнях», отражается глубокое существо педагогики А.С. Макаренко: созидательная, творческая природа воспитания; его основа – борьба «детского коллектива» вместе со взрослыми и всей страной за «новую жизнь», новую культуру, за человека – и «одновременно за новую культуру воспитания». Одновременно происходит и «переделка взрослых».

[1] «Материализация педагогики» - фундаментальный принцип А.С. Макаренко, означающий перенос педагогической теории и практики с действия их субъективных предпосылок на создание объективных, жизненных условий, педагогически целесообразных.

Цели и средства воспитания воплощаются в обстоятельствах жизни и труда коллектива, в его реальной общественной ценности. Это педагогика «параллельного действия» жизни и воспитания.

Тем самым кардинально изменяется субъективный фактор воспитания, оно становится легким делом, т.к. вполне соответствует объективным педагогическим закономерностям, совершается «незаметно для глаза» (часть 5 данного издания, с. 206). Воспитание – «легкое и счастливое дело», если оно вполне сообразуется с характером нового общества (см. далее в данной 7 части издания, на первых страницах «Коммунистического воспитания и поведения»).

[2] Положение о том, что личность и индивидуальность могут «найти» себя, полноценно определиться и развиваться в своих природных способностях только при социальных связях, в деятельности и общении, в коллективе – еще один фундаментальный принцип макаренковской педагогики: «параллельное действие» коллектива и личности.

[3] В этом списке действующих лиц, их многообразной характеристике хорошо виден масштаб индивидуализации воспитания в педагогике А.С. Макаренко.

Виден и его методологический подход к решению проблемы индивидуализации: выделение определенных «типов» (хотя здесь и без их сущностной характеристики) и «групп», по особенностям их положения и действия в коллективе. Группа представляется как совокупность «взаимно сталкивающихся людей, тянущихся друг к другу и взаимно отталкивающихся» (см. выше, в рубрике: «Сюжет»).

Письмо пионервожатому

Уважаемый т. Гринберг!

Сегодня я возвратился из Ялты и распечатал Ваше письмо. Вероятно, Вы уже перестали ждать ответа, а может быть, он и вовсе Вам не нужен, так как Вы оканчиваете десятый класс и вместе с ним окончите и Вашу деятельность вожатого.

Тем не менее, Ваше письмо поднимает несколько очень важных вопросов, о которых я давно раздумываю.

Самый важный вопрос о том, как работать пионервожатому. Давно уже все спрашивают, где методика этой работы. Между нами говоря, я всегда нахожусь в уверенности, что такую методику — список правил для уединенного, оставленного в одиночестве юноши — написать нельзя. А между тем я сам был организатором

работы большого юношеского коллектива, который управлялся с воспитательной работой почти без помощи педагогов.

Вы пишете, что Вы сами не знаете, что такое воспитание. К сожалению, и многие педагоги этого тоже не знают. Вам неоткуда было узнать, а нам тоже. Они учились для того, чтобы быть преподавателями, а учиться воспитывать совсем отдельное дело.

Я всегда полагался на коллектив. И до тех пор, пока мы не научимся создавать хорошие коллективы, положение пионервожатого всегда будет трудным.

Вы убеждаете меня написать хорошую книгу о том, как нужно работать юношам-пионервожатым. По соображениям, высказанным выше, я за такую работу не возьмусь. Но книгу о том, как должен работать юношеский и детский коллектив и как старшие должны воспитывать младших, я, конечно, написать должен. Для этого вовсе не нужно поступать учителем в школу — жизнь нашей школы я знаю прекрасно.

Может быть, придется писать не одну книгу, а несколько — это дело очень трудное, как Вы уже и сами знаете.

Ответить сейчас на Ваши вопросы я не в состоянии: просто времени не хватит и места в письме. Да я и не уверен, нужно ли это для Вас сейчас.

Во всяком случае, если такие вопросы будут Вас интересовать, прошу Вас прочитать мою последнюю книгу «Флаги на башнях», которая печатается в журнале «Красная новь». На некоторые вопросы Вы там найдете ответ, только прошу Вас всегда иметь в виду, что вне условий крепкого, дружного коллектива я вообще не могу представить себе советское воспитание.

Крепко жму Вашу руку. *А. Макаренко*

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 4, с. 210 – 211. По содержанию датируется 15 июня 1938 г. Письмо М. Гринберга, из Одессы, школа № 35, был пионервожатым в начальных классах.

Высказывание А.С. Макаренко о том, что он не может писать о «правилах» работы «уединенного» пионервожатого (вообще педагога), позволяет предположить, что в педагогической деятельности такого рода он не усматривал каких-либо существенных закономерностей, следование которым позволяет получить необходимый результат. Говорится, несомненно, не о «коллективе» пионерского звена, отряда, класса, а о социально значимом коллективе, каким является школа в целом.

Из письма Нейман, читательнице «Книги для родителей»

Я очень благодарен Вам за внимание. Действительно, я еще очень мало сказал о настоящей советской семье, о настоящей матери. Это, знаете, от чего? Лучшее все откладываем на дальше, а «Книга для родителей» задумана в 4-х томах.

Морозова Н.А. А.С. Макаренко. Семинарий. Изд 2-е, переработанное. – Ленинград, 1961, с. 119.

Дополнения. *Лаврова К. «Педагогический стиль» советской семьи (А.С. Макаренко. «Книга для родителей»)* / **Книга и пролетарская революция, 1938, № 5 – 6.**

«Советская педагогика для него (автора книги – А.Ф.) неотделима от всей системы норм поведения гражданина социалистического общества,.. от самой «философии» социалистической революции». Ребенок здесь «живая творческая личность, потенциальный гражданин и член нового общества», он приобретает «первоначальные навыки общественной практики».

Это «пропаганда нового морального сознания в наиболее косной и отягощенной предрассудками области – в сфере семейных отношений… Ведущая идея книги - очищение представлений от идеологических предрассудков, от инерции буржуазной нравственности в семье, строящейся на

иной экономической и правовой основе». Преодолевается старое, «наиболее упорное именно в отношениях взрослых с детьми». Проецируются «важные будущие события, выходящие далеко за пределы семьи».

Книга дает немало материала «для суждений в области принципиальных проблем социалистической этики». Интимный разговор с читателем приобретает характер общественного выступления, «полон гражданской принципиальности», основан на «горячей убежденности». В половом воспитании автор против не только радикального «срывания покровов», но и «наивно-ригористического пуризма».

«Спорные образцы морального поведения»: о единственном ребенке, «концентрации родительской любви», о разводе, положении отца в семье.

Художественные достоинства книги. Все дается «экономно, выпукло, выразительно, тонко». Разнообразие детских характеров, реакций детей на события в жизни взрослых, «поразительно прозрачный реализм детского мышления». Детская проницательность, корректировка действий взрослых. Мельчайшие нюансы в накоплении детского опыта, на пустяковых якобы делах – «лучшие по изобретательности страницы книги».

17 июня: решение бюро ЦК ВЛКСМ **о плане детского календаря. А.С. Макаренко введен в редакцию этого издания.**

Записи в дневнике, 15 – 24 июня 1938 г.

15 июня, Москва

Сегодня возвратился из Ялты. Сразу же позвонил мне Лукин по поводу статьи Малахова. Оказывается, сей критик в «Лит. крит.» напечатал целую статью против «Чести», в которой без всякого стеснения требует от меня стандартных рабочих и стандартных офицеров. Лукин, кажется, не очень испуган, но в общем желает каких-то совещаний. Из Одессы ничего не слышно. Получил видимо-невидимо писем — отклики на статью в «Правде». Еще не читал.

18 июня, Москва

На днях должен выйти № 6 «Красной нови» с первой частью «Флагов на башнях». Видел Ермилова. На словах он по-прежнему высокого мнения о «Флагах на башнях», но мне показалось, что особенных чувственных восторгов у него уже нет. Хотя видно, что доброе мнение о книге он распространяет по городу. Об этом говорил Колбановский и Лукин. По словам Колбановского — и Ступникер очень высокого мнения, но сам Ступникер выражается сдержанно:

- Хорошо, но я прочел только 1 и 2 части. Мне показалось — легко, мало напряжения.

По телефону говорил с Никитиным из «Детиздата». На словах он хорош:

- Я только поторапливал. Все благополучно! Книга идет в работу. И художник! И все. Мы позвоним.

Но никакого мнения о книжке он не выразил, и в тоне я почувствовал что-то тайное. Уверен, что они ничего еще не решили или готовят какую-то гадость.

Статья Малахова, видно, производит на всех впечатление. Надо отвечать, только кто напечатает.

Случайно попал в «Альманах », там как будто просят что-нибудь дать.

Предложил роман о любви на 1 марта. Тоже обещали позвонить.

Вчера и сегодня выступаю на вечерах, посвященных Горькому. Я не совсем доволен, хотя публика принимает хорошо.

«Книга и пролетарская революция» напечатала мою статью о переписке с читателем[1]. Получилось хорошо.

Сценарий еще не кончен. Объявлен конкурс на лучший сценарий[2]. Интересно, пригласят ли меня в закрытую часть конкурса. Из Одессы ответа нет.

В «Литературку» взяли главу «Вам письмо».

24 июня, Москва

Все стоит на месте. Как я и ожидал, в «Детиздате» еще ничего не решили, еще кто-то читает, и будет читать «сам Андреев ».

Предчувствую резкие разговоры и требования, например, почему нет пионерской организации. Обещали к 28 сообщить результат.

В «Литературной газете» просили написать статью о характере нашего героя. Написал, они звонили, что им понравилось, но в статье я резко тронул Малахова и боюсь, что печатать не будут[3].

Из «Альманаха» звонили — согласны на роман о любви, но когда я сказал о договоре — замялись.

В доме художественного воспитания просили написать две пьесы, обещали прислать договор — посмотрим.

Сценарий еще не кончен. Мне он сейчас не нравится. Из Одессы ни звука. «Детфильм» звонил, звонил и бросил. Этот самый Федор Левин[4] в разговоре с кем-то радовался, что меня выругал Малахов.

Объявлен конкурс на сценарий.

Вчера умер Огнев[5].

«Флаги на башнях» в «Красной нови» печатают, но особого энтузиазма не вижу. Не перехвалил ли Ермилов эту книгу?

Воспитание гражданина… / сост. С.С. Невская, с. 833 – 835.

[1] Говорится о «Разговоре с читателем», см. ранее в этой части издания.

[2] Речь, вероятно, идет о конкурсе, объявленном «Детфильмом».

[3] Говорится, видимо, о статье А.С. Макаренко «Против шаблона», опубликована в «Литературной газете» 30 июня (см. далее в этой книге).

[4] *Левин Ф.М.* **– литературный критик, литературовед, см. далее его статью «Четвертая повесть А. Макаренко» в «Литературном критике», 1938, № 12.**

[5] *Огнев Н.В.* **– писатель, в повести «Дневник Кости Рябцева» хорошо отразил атмосферу и быт советской школы 1923 – 1924 гг. А.С. Макаренко об этой книге – см. часть 5 данного издания, с. 247.**

Дополнения. *Публикация «Флагов на башнях»*, **первой части в «Красной нови», 1938, № 6.**

Июнь: выступление *А.С. Макаренко на родительском собрании* **в московской образцовой школе № 23 (бывш. № 2) им. К.Е. Ворошилова, при обсуждении «Книги для родителей».**

Незабываемая встреча

Текст см.: часть 1 данного издания, с. 316 – 317.

Впервые опубликовано: ж. «Дружные ребята», 1938, № 6.

Против шаблона

Статья т. О. Войтинской[1] «Стандарт и жизнь» (Литературная газета, 1938, № 34) поднимает вопрос чрезвычайно важный, гораздо более важный, чем может показаться с первого взгляда. Давление стандарта на часть нашей литературы – одно из самых печальных явлений нашего «литературного» сегодня. Однако т. О. Войтинская очень ошибается, если думает, что стандарт художественного образа вытекает из прямой воли писателя или из его творческой никчемности. Поговорите с любым писателем, и вы увидите, что сложная, напряженная, многообразная жизнь советского общества, ее многокрасочность, здоровье, оптимизм, богатство и новизна перспектив всем видимы, все живут в этой жизни, она просится на полотно и требует изображения. И каждый писатель (разумеется, мы говорим о настоящем писателе, обладающем талантом и синтетическим умом) хорошо знает, что показать нашу

жизнь в богатом блеске, пожалуй, даже легче, чем выводить добродетельные и скучные типы.

Но писателям известно и другое. Попробуйте написать картину настоящих живых движений наших людей, попробуйте выйти из стандарта. На вас со всех сторон набросятся по какому-то недоразумению существующие в нашей жизни мертвые души, окололитературные мелкие жители, присвоившие себе право судить о литературе. Ваши живые краски невыносимы для них, гибельны для их существования, принципиально, а еще более практически неприемлемы. Чтобы разобраться в живых красках, нужно знать и любить нашу жизнь, нужно уметь в ее сложных и тонких проявлениях находить общие законы и животворные идеи советской эпохи. Для того чтобы все это увидеть, узнать и определить, нужно иметь аналитический талант, богатый художественный вкус и положительное отношение к новому. **А** если ничего этого нет?

Наша жизнь сплошь новая. Все в этой жизни: единство, строительство, борьба, победы — все по-новому богато, по-новому радостно и по-новому трудно. Каждый день приносит нам самые новые и самые неожиданные открытия в самой природе человека, в его красоте, в его радости, любви и даже в его слабости, страдании, ошибке.

Художественная литература потеряет смысл, если писатель не будет открывать это новое, если он не способен показать наше общество в движении, если он не способен предчувствовать завтрашний день. Для этого требуется не только острый глаз и выразительное слово. Для этого требуется и смелость, и умение с товарищеской прямотой сказать новое слово.

И необходимо сказать правду: наша критика давно уже отбила у писателей охоту к смелости и к активному проникновению в жизнь. Я не хочу обвинять всю нашу критику в целом. У нас появляются иногда живые и искренние критические статьи. Но гораздо чаще «в обычном порядке» в роли критиков у нас выступают люди, ничем не вооруженные, кроме шаблонов, и шаблонов этих у них немного. На глазах у всех, при явном попустительстве редакций, эти критики открыто предаются своему ужасному делу.

С безмятежной хладнокровностью они расправляются с любым художественным произведением, расправляются коротко и безапелляционно. Бывает, авторские образы не лезут ни в какие шаблоны, и критик насильно впихивает их, в его руках все обращается в сплошной перекос, но критик не замечает этого. Он работает с завидной добросовестностью: выбирает словечки и цитаты, передергивает, подшабривает и то, что противоречит шаблону, пропускает и отбрасывает. Эта своеобразная композиционная работа с внешней стороны чем-то напоминает критический анализ, а такого отдаленного сходства достаточно, чтобы статья печаталась и вызывала подражание и зависть других таких же владельцев двух-трех шаблонов.

Я сам недавно подвергся такой «критической» операции. В «Литературном критике» т. Малахов поработал над моим романом «Честь»: Критик с таким увлечением набросился на меня, что даже не заметил, что напечатана только первая половина романа, — все равно! В его руках имеется «два шаблона для провинциального рабочего эпохи 1914 года: «рабочий пораженец», «рабочий шовинист». Критик вертел, вертел моих героев, тискал их в свои шаблоны, и сначала ему даже показалось, что они ни в какой шаблон не лезут. Потом-таки втиснул и объявил, что они шовинисты. Все это сделано с самым невинным выражением лица и даже сопровождено подходящими поучениями.

Я не хочу защищать свой роман. Я допускаю, что «Честь» — слабая вещь. Я готов принять с самой искренней покорностью от читателя и критика отрицательный отзыв, даже без доказательств, в самой простой форме: «Не нравится». Если одному не нравится, другому не нравится, третьему, — что же, значит, роман плохой и

нужно с этим считаться. Но если критик пускается в доказательства, то это уже касается не одного меня, а является установкой для всей литературы. В таком случае я хочу уважать своего критика, я не люблю, когда он меня смешит, мне тяжело, когда он размахивает перед моими глазами своими двумя шаблонами. Я замечаю, как во мне зарождаются отвратительные наклонности: невольно в своей работе я начинаю примериваться к тем двум шаблонам, которые мне предъявлены, я начинаю работать на критика.

В моем романе сказано, что женщины, провожая мужей на немецкий фронт, «не кричали, а тихонько плакали». Критик совершенно серьезно вывел отсюда заключение, что женщин этих нужно причислить к шовинистам.

Т. О. Войтинская протестует против стандарта. И я протестую. Протестует и читатель. Но, дорогие товарищи, почему же в таком случае свободно пишут и свободно печатаются владельцы немногочисленных стандартов, которые среди бела дня открыто требуют от меня именно шаблона, которое делают погоду в литературе, которых я должен бояться и, признаюсь... уже боюсь?

Надо иметь большое мужество, чтобы игнорировать подобные явления. Но если даже у писателя найдется это мужество, то оно не всегда найдется у редактора или издателя. Я еще готов, например, отстаивать «тихо плакали», но редактор всегда может сказать на это:

- Стоит ли из-за такого пустяка переживать? Давайте зачеркнем «тихо» и напишем «громко». Все-таки спокойнее!

И вот я уже сдался, я начинаю изучать шаблоны, часто даже бессознательно. Я делаю преступление, и вместе со мной делают преступление многие мои коллеги. И я вижу, как замолкают порой талантливые критики, как они уступают дорогу мелким налетам схематиков, у которых так мало вкуса и ума, но зато так много развязности, самоуверенности и странной, ничем не объяснимой безответственности.

Т.О. Войтинская подняла важный вопрос, но он не может быть разрешен без ревизии той системы измерителей[2], которая зачастую у нас практикуется. На любом правильно организованном советском заводе решающую роль играют отделы контроля. Контрольное хозяйство заводов — это богатейшее и сложнейшее дело. Это научно организованная система точности, это не только шаблоны — это микрометры, допуски, знание материала, инструментов, приспособлений.

Жизнь советского общества неизмеримо более сложна, чем работа самого прекрасного завода. В нашем Союзе более 170 млн. индивидуальностей, совершенно отличных, неповторимых, каждая в своей мере исключительная[3]. Эта сложнейшая картина усложнена тем важнейшим обстоятельством, что все эти индивидуальности живут на свободе, что для них открыты широкие дороги, что они не задавлены эксплуатацией и нищетой.

Мы, писатели, обязаны показать эту богатую многокрасочность нашей жизни. И мы хотим показать ее, но мы требуем, чтобы наша работа измерялась и оценивалась с таким же уважением к советскому миру, какое требуется и от нас, писателей. И нас и нашу жизнь оскорбляет применение кустарных критических шаблонов.

Идеологическим источником стандартизации наших литературных героев является упрощенное, представление о нашем советском человеке и вообще о нашем трудящемся. Между нами говоря, критики его упростили до последней степени, его раздели донага, его снабдили стандартными добродетелями, от которых за сто километров несет христианством. Его научили кротко умирать от чахотки, его научили произносить непогрешимопрописные речи, в которых, конечно, не бывает ни одного грамма риска. Этого самого нашего героя освободили от всех конфликтов и радуются: какое счастливое бесконфликтное существо! Наш герой давно отвык раздумывать, мучительно решать, страдать от неудобства. У нашего героя нет лирики,

юмора, сарказма. Это какое-то облегченное существо, у которого все решено, все известно и которому неизвестен только грех.

Разве наши люди таковы, разве так скучна и однообразна их жизнь?

И счастье нашего человека вовсе не заключается в свободном и безоблачном существовании, наше счастье ни в какой мере не напоминает райского житья, полного святости и бездеятельности.

И прежде всего, наш, советский человек вовсе не бесконфликтен. Напротив, характерной особенностью нашей жизни является ее конфликтный характер. Как раз свобода нашей жизни, прежде всего, приводит к обнажению конфликта, к возможности атаки на конфликт. Наша жизнь именно потому прекрасна, что мы способны бороться, т. е. разрешать конфликты, смело идти им навстречу, смело и терпеливо переживать страдания и недостатки, бороться за улучшение жизни, за совершенствование человека[4]. Только человечество, задавленное эксплуатацией, способно прийти к бесконфликтному прозябанию, к покорности судьбе и фатуму, к затушевыванию противоречий жизни, к остановке.

Жизнь в Советской стране строится по диалектическому принципу движения и совершенствования. Мы избавлены от проклятия безвыходных социальных конфликтов, но как раз именно поэтому сделалась более выразительной наша борьба с природой. Разве полет Громова и Чкалова, разве подвиг папанинцев не представляют собой преодоление конфликтов? Разве так проста и примитивна проблема советского героизма? Разве это такое легкое и логически прямое действие? Советская отвага, советская смелость — это вовсе не бесшабашное, бездумное, самовлюбленное действие. Это всегда служба советскому обществу, нашему революционному делу, нашему интернациональному имени. И поэтому всегда у нас рядом со смелостью стоит осторожность, осмотрительность, не простое, а страшно сложное, напряженное решение, волевое действие не безоблачного, а конфликтного типа.

Характер нашего героя отнюдь не бесконфликтностью должен отличаться, а готовностью к конфликту, способностью идти ему навстречу. Эта готовность проистекает из идеологической вооруженности, из мужественной ориентировки, из общих эмоциональных и интеллектуальных установок, но вовсе не проистекает из бытовой упрощенности или бесчувственности нашего человека.

И поэтому наша литература должна быть литературой конфликта и его разрешения. Мы, писатели, должны искать цельность наших характеров не в натуре, данной от бога, как это, допустим, делает Джек Лондон, а в социальном самочувствии гражданина СССР, большевика, участника великой нашей борьбы. И поэтому наша литература не должна бояться конфликтных положений. Секрет и прелесть нашей жизни не в отсутствии конфликта, а в нашей готовности и в умении его разрешать[5].

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 7, с. 160 – 164. Опубликовано в «Литературной газете», 1938 г., 30 июня, с подзаголовком «В порядке обсуждения».

Это одно из самых блестящих выступлений А.С. Макаренко – писателя, публициста и литературного критика. Оно органически включается в его деятельность как социального педагога и реформатора. Здесь проблемы: «литература и жизнь» и «воспитание и жизнь» - неразрывны.

А.С. Макаренко продолжает полемически заостренное изложение своих социально – педагогических воззрений, начатое в статьях «О личности и обществе», «Радость творческого труда», «Писатели – активные деятели советской демократии», «Сила советского гуманизма» (См. часть 5 данного издания), «О темах для писателей», «Счастье», «О счастье», «Выборное право трудящихся», «Судьба» (см. часть 6 данного издания) и далее в этой, 7-й части – «Литература и общество», «Предстоит большая работа над собой».

Он утверждает: новое качество жизни предъявляет новые требования к литературно-художественному творчеству. Главное – необходимость «активного проникновения в жизнь»; нужно «любить нашу жизнь, … находить общие законы и животворные идеи новой эпохи», производить «открытия в самой природе человека, в его красоте, радости, любви и даже в его слабости, страдании, ошибке». Требуется «смелость и умение с товарищеской прямотой сказать новое слово, нужно показывать «общество в его движении».

Этому противостоит литературная критика, она требует неукоснительно соблюдать в художественном творчестве некоторые «кустарные» шаблоны.

Их основа – «упрощенное представление о советском человеке, о нашем трудящемся». Его превращают в «счастливое бесконфликтное существо», отвлекают от «противоречий жизни» и борьбы.

В педагогике А.С. Макаренко даже дети, молодежь становятся активными участниками жизни, вместе со всей страной они строят новую культуру, свою судьбу - и новую педагогику; см. ранее в этой книге: «Симфония Шуберта», «Материалы третьей главы «Флагов на башнях»», «Планы сценария» и далее – «Флаги на башнях».

Борьба «против шаблона» - это и суть борьбы А.С. Макаренко в педагогике, за ее новую методологию, максимально приближенную к жизни, в ее диалектической противоречивости и постоянном развитии.

Он борется с умозрительно – декларативной педагогикой, где логика педагогической целесообразности строится на некоторых, разрозненных, надуманных и бездоказательных, «дедуктивных» стереотипах, положениях вроде: «наказание воспитывает раба», безусловная полезность коллектива и труда «вообще», отдельных «педагогических приемов» и т.д. (см. часть 6, с. 234 – 235, 243 – 245). Предельно конкретно это показано в «Замечаниях к акту обследования коммуны им. Ф.Э. Дзержинского»: часть 3 данного издания, с. 214, 217 – 225.

[1] *Войтинская О.С.* **– тогда редактор «Литературной газеты».**

[2] **Говоря о «системе измерителей» в художественном творчестве, А.С. Макаренко вводит в него технологический подход, как и в педагогическую деятельность. Затрагивается проблема свободы творчества, вопрос о соотношении науки и искусства в педагогике.**

[3] **Данное положение показывает исключительное внимание А.С. Макаренко к отдельной личности и индивидуальности в его социально-ориентированной педагогике.**

[4] **А.С. Макаренко отмечает зарождение губительного явления «бесконфликтности» в литературе, оно в полную меру развилось в кон. 1940 – нач. 1950-х гг. Нечто подобное произошло и в педагогике, практике воспитания.**

Конфликт, противоречия и их преодоление; творчество нового, всегда связанное с борьбой и некоторым риском, - существенное в макаренковском представлении о жизни и в его концепции педагогики, наиболее неприемлемое для ее оппонентов. Их идеал: жизнь и школа, «полные святости» и социальной «бездеятельности», нечто мифическое и лицемерное.

[5] **Об изменении характера конфликта в новых общественных условиях: см. далее: Запись в дневнике, лето 1938 г.**

Дополнение. **Конец июня 1938 г.** *– публикация первой части романа «Флаги на башнях»* **(в посмертном издании 1939 г. «повесть»).**

Флаги на башнях. Часть первая (фрагменты)

…9. Козлы

Целый месяц прошел после этих происшествий.

Рано утром милиционер, человек молодой, подтянутый и добросовестный, разбудил Игоря в приемнике и сказал ему:

- Трогаем, товарищ! Ты потом выспишься, в колонии, а мне до девяти нужно назад вернуться[1].

Игорь быстро натянул на плечи свой пиджак, под которым уже имелась рубаха. Хотя это была короткая и бязевая рубаха, но Игорь умел ее желтоватый воротник кокетливо разбрасывать над воротником пиджака.

Дворники сухими метлами подметали улицы, но пыль еще неохотно взлетала над тротуарами. Утро стояло над городом ясное, прозрачное, здоровое. Игорю было приятно в такое утро идти «в новую жизнь».

Игорь не очень интересовался новой жизнью. Это у Полины Николаевны, в Комиссии по делам несовершеннолетних, за каждым словом: новая жизнь, новая жизнь! Игорь любил вообще жизнь, а какая там она, новая или старая, он не привык разбирать. Он никогда не задумывался ни над завтрашним днем, ни над вчерашним. Но сегодняшний день всегда привлекал его внимание, как еще не раскрытая страница, и ему нравилось не спеша перевертывать ее и любопытным глазом присматриваться к новым рассказам[2]. Сегодня это тем более было приятно, что в течение всего минувшего месяца ему пришлось переворачивать очень однообразные страницы, и он начал даже привыкать к этому однообразию.

В Комиссии по делам несовершеннолетних он и раньше бывал, и в этот раз не встретил там ничего существенно нового. Давно ему известная Полина Николаевна, женщина маленькая, остроносая, казавшаяся очень умной и доброй, с грустной вежливостью расспрашивала его о родителях, об учебе и вообще о том, как он дошел до такой жизни. Расспрашивая, она уже не заглядывала, как в прошлом году, в большой лист с заглавием: «Порядок опроса», но задавала все те же вопросы, что и в прошлом году. Игорь отвечал ей тоже вежливо. Он понимал, что Полина Николаевна честно обслуживает таких, как он, получает за это небольшое жалованье, что ей будет приятно, хотя изредка, поговорить с приличным человеком. Игорь Чернявин любил доставлять людям радость, поэтому и с Полиной Николаевной он разговаривал в джентльменском тоне, тем более что это было вовсе не трудно. Полина Николаевна постукивала тупым концом карандаша по столу и спрашивала:

- Ваш отец профессор?

- Да.

- В Ленинграде?

- Да.

- Почему вы не хотите к нему возвратиться?

- Мне не нравится его характер. Он — грубый, черствый, он изменяет моей маме, я с ним жить не могу.

- Вы с ним часто ссорились, крупно говорили?

- Нет. Я с ним не желаю разговаривать.

- Вы могли бы мать пожалеть, Игорь.

- Мне очень жаль, но мать не хочет от него уйти.

- Вы, Игорь, такой культурный мальчик, до каких же пор вы будете заниматься всеми этими... приключениями?

- Полина Николаевна! Иначе не выходит. Уже два раза меня силой возвращают к отцу. Я все равно жить у него не буду.

- А если мы вас не отправим к отцу?

- Я надеюсь, что это будет очень хорошо.

- Вы бросите ваши фокусы?

- Я надеюсь.

- Почему вы надеетесь?

- А вот вы со мной поговорили.

Полина Николаевна посмотрела на него с благодарностью:

- Поможет ли вам это... мои разговоры?

- Я думаю, что ваши разговоры хорошо помогут.

- Что мне с вами делать, Игорь? Неужели только с вами одним и говорить? И другие ведь есть!

Полина Николаевна показывала карандашиком на дверь, за которой, в узком коридоре, другие мальчики ожидали своей очереди. На бледном остреньком личике Полины Николаевны, в беленьком, узком кружевном воротничке, даже в ловком, юрком карандашике, которым она действовала, — во всем чувствовалось искреннее сожаление, что не может она взять Игоря за руку и повести по трудной дороге жизни. И Игорь понимал и сочувствовал: ей нужно заняться и другими сбившимися с пути объектами. Вероятно, это сочувствие довольно сильно выражалось на лице Игоря, потому что Полина Николаевна страдательно опустила глаза, и ее карандашик застучал по столу несколько нервно.

К ним подошел человек в белом халате. У него была беспорядочная шевелюра, начинавшаяся чрезвычайно низко, почти от самых бровей. Глазные яблоки этого человека были очень велики, они были покрыты мелкими красными жилками и почти целиком выкатывались наружу. Казалось, что этот человек в чистом белом халате везет что-то очень тяжелое и везти ему трудно. Полина Николаевна сказала устало:

- Вы, Чернявин, идите в кабинет[3], Товарищ должен произвести некоторые исследования относительно ваших трудовых предрасположений...

Игорь Чернявин раньше уже подвергался подобным исследованиям, только тогда в белом халате был какой-то другой человек. Игорь покорно поднялся со стула, и ближайший отрезок жизненного пути (он так и не разобрал, нового или еще старого) он прошел за человеком в халате. Идти было недалеко. В небольшой комнате, обставленной белой крашеной мебелью, Игоря усадили на стул, а человек в халате сказал другому человеку в халате:

- Лабиринт Партеуса!

По спине у Игоря пробежали неприятные холодные иголочки, он притих за белым столом и начал думать о том, что действительно надо начать более спокойную жизнь. Но когда перед его глазами на столе расположился широкий картон с какими-то клетками и ходами, Игорь оживился.

Лупоглазый оперся руками на стол и сказал сухим, немного дрожащим голосом:

- Вы находитесь в центре этого лабиринта, понимаете? Вам нужно из него выйти. Вот вам карандаш, покажите, как вы будете выходить.

Игорь еще раз оглянулся на этих людей, но в общем не протестовал. Он взял карандаш и с улыбкой наклонился над лабиринтом. Повел карандаш к выходу, но скоро очутился в тупике и остановился. За большим окном что-то начало сильно хлопать. Игорь посмотрел и увидел девушку на балконе. Она тонкой палочкой колотила по развешанному на веревке ковру. Игорь снова подумал, что нужно все-таки... черт его знает. В этот момент лупоглазый вытащил картон у него из-под руки, а на место его положил другой, Это был тоже лабиринт. В одном его углу был изображен козел, вкушающий какие-то запрещенные плоды, а в другом углу — девушка с прутиком в руке. Было у нее что-то общее с той девушкой, которая работала на балконе. Игорь улыбнулся, глянул на балкон, потом сообразил: пока девушка доберется до козла, пройдет очень много времени и козел успеет полакомиться как следует. Игорь поднял лицо к человеку в халате:

- Неудобное устройство!

- Что неудобное?

- Да вот... Зачем такие дворы? Козлу тут раздолье!

- Если вы будете оглядываться, вы ничего не сделаете.

Игорь сосредоточился над картоном. У козла был очень добродушный вид. Игорю не захотелось его прогонять.

- А знаете что? Пускай себе пасется!

- Как это так? — вскрикнул лупоглазый.

- Я думаю, что вреда будет немного. Какие-то кустики.

- Представьте себе, что там малинник.

- Не думаю. Вы напрасно беспокоитесь.

- Почему вы так разговариваете? — человек в халате с силой дернул картон.

- С флейтой будем исследовать? — спросил другой.

Старший ответил сухо:

- Нет.

Он пошел к умывальнику, а потом долго вытирал каждый палец отдельно.

Потом он вышел в дверь и уже из коридора пригласил:

- Идемте.

У столика Полины Николаевны он устало опустился на стул:

- Как? — спросила Полина Николаевна.

- Слабо. Очень слабо. Результаты нулевые. Рассеян, безынициативен, воображение отсутствует.

- Что вы говорите? У него инициативу нужно уменьшить вдвое, а вы говорите: безынициативен! Прочтите.

Она протянула довольно толстую папку. Человек в халате поднес ее к самым глазам и стал быстро вертеть головой вправо и влево, бегая по строчкам.

- Это ничего не значит, Полина Николаевна. Мы не знаем, инициатива это или подражание. Такие штуки, — он потряс папкой в руках, — вообще ничего не доказывают.

- А я вам говорю, что вы ошибаетесь. Я вас очень прошу посмотреть еще раз. Вы увидите, что вы ошибаетесь.

Лупоглазый поднялся со стула обиженный и двинулся к дверям своей комнаты.

- Хорошо!

- Что же вы сидите? — сказала Полина Николаевна Игорю.

Игорь посмотрел вслед белому халату и, когда закрылась за ним дверь, спросил доверительно:

- А для чего это, Полина Николаевна?

Она подняла на него глаза:

- Значит, нужно.

- Я не понимаю, для чего.

- Это исследование ваших способностей.

- А для чего им мои способности?

- Идите, Игорь, не спорьте.

Игорь снова вошел в комнату, молча стал у стены. Пока люди в халатах перебирали какие-то папки, ящики, карты, у него в душе скопилась густая обида. Кто-то сильной рукой подчеркнул в ней одиночество, чреду последних скудных дней, брошенного на товарных путях симпатичного Ваню, отошедшие в вечность светлые дни детства, и мать, и старые обиды: вздорный, неверный, сумасбродный отец и другие люди, жестокие и холодные.

На столе стояла длинная коробка с отделениями. Старший предложил:

- Садитесь.

Обо всем этом вспомнил Игорь Чернявин, шагая рядом с милиционером по просторным, освещенным утром тротуарам. Нет, истекший месяц был печальным месяцем. Это было скучное и глупое время. Полина Николаевна убеждала его начать

новую жизнь, люди в халатах раскладывали перед ним разные картоны. Особенно стало скучно после того, как Игорь примирился со своей участью и научился выходить из всех лабиринтов, научился продевать веревку через дырочки флейты. Все эти занятия он сначала сопровождал насмешкой над самим собой, над козлами, над человеками в халатах, а потом он все упражнения проделывал с угрюмой технической серьезностью. От скуки, сделав небольшое усилие, он даже сумел понравиться людям в халатах и помогал им исследовать других ребят. Только записывать и высчитывать он не научился. Его наставники не посвящали никого в свои тайны и прятали их значение за непонятными словами: «тесты», «корреляция».

Все-таки в кабинете было занятнее, чем в приемнике. Игорь не любил беспризорную, шумную и ржавую толпу, дешевое ее остроумие и низкую культуру. В кабинете же он говорил новичку с высокомерием жреца:

- Вот, синьор, пока щука не поймает эту жалкую рыбешку, вы отсюда не выйдете!

- Видите: куда мяч закатился? Доставьте его к волейбольной сетке. Перекинуть нельзя. Несите в руках. Через забор перелезть? Забудьте эти ваши уличные привычки.

Он стоял за плечом новичка и холодным взглядом наблюдал неудачные попытки исследуемого субъекта. Субъект разочарованно тянул:

- Если так играть, никогда не выиграешь.

- Вы, мистер, и не должны выиграть. Выигрываем в таком случае только мы.

Досадно только было, что в сравнении с хозяевами кабинета он выигрывал до смешного мало: бесплатный бутерброд во время завтрака. По сравнению с таким заработком предприятие на почте было все же выгоднее, хотя оно было и гораздо проще оборудовано, чем кабинет.

Сейчас Игорь с внутренним смущением вспоминал о своих легкомысленно-позорных действиях в кабинете, на которые его подвинуло дикое невезение с деньгами бабушки. Но... страницы этого прошлого были перевернуты. Сегодняшний день быстро бежал навстречу: сначала промелькнули хорошо знакомые улицы центра, потом пошли и новые места, узкая, грязная набережная, запруженная подводами базарная площадь, потом широкая, щедро накрытая небом Хорошиловка. Домики на Хорошиловке маленькие, между ними цветут сады, мимо домиков бегает трамвай, бегает хлопотливо, быстро, весело. Но вот и Хорошиловка кончилась, мостовая пошла среди молодой зелени, а трамвай побежал по шпалам, как будто это не трамвай, а поезд. И зеленые полосы, и шоссе, и трамвай — все направляются к дубовой рощице. К этой рощице пришли милиционер и Игорь. В сторону ведет просека, в просеке тоже мостовая, а через нее сетчатая с золотыми буквами вывеска:

К о л о н и я и м. П е р в о г о м а я…

…11. *Беседы культурных людей*

Игорь Чернявин вошел в вестибюль и попятился. Молнией блеснула у него мысль, что случилось недоразумение: он сюда попал по ошибке. Растерянно оглянулся он на Воленко, потом снова глянул вперед. Перед ним был марш широкой лестницы, покрытой бархатной малиновой дорожкой. В конце марша — просторная площадка, дубовые двери, на них золотом на стекле написано:

Театр

А рядом с дверями в театр огромное квадратное зеркало, оно отражает следующий марш лестницы, и еще площадку, и еще зеркало, а самое главное, оно отражает бесконечную и щедрую ленту ярко-красных цветов, уставленных по всему барьеру в особых, длинных ящиках.

- Вытри ноги,— сказал Воленко и показал на большую темную тряпку, лежащую на кафельном полу.

Игорь посмотрел на свои ботинки. Никакой грязи на них не было:

- У меня чистые.

Подошел часовой с винтовкой.

- Они у тебя не чистые, а совсем грязные. Вытирай, когда тебе говорят.

Игорь пробормотал:

- Черт его знает...

Все-таки он зашаркал подошвами по темной тряпке, и только теперь понял, что тряпка потому и кажется темной, что она влажная.

- Теперь здесь, — часовой показал на трехстороннюю щетку и внимательно и строго нахмурил лицо, пока Игорь исполнял его приказание. Воленко терпеливо ожидал, стоя на третьей, верхней, ступеньке, ведущей в более высокую часть вестибюля. Игорю стало интересно:

- Синьоры, у вас все такие серьезные?

У Воленко чуть-чуть вздрогнул уголок строгого рта, он завертел вокруг пальца шнурок с ключиком на конце.

Игорь, обчищая ботинки в щетках, разглядывал часового. У того из-под тюбетейки выбегал на выпуклый лоб небольшой чубчик и закручивался крутой спиралью.

- Сколько же тебе лет?

Часовой пошевелил губами, сдержал улыбку, еще строже глянул на ноги Игоря:

- Это не твое дело, вытирай себе!

Игорь иронически дернул плечом.

- Идем, идем, — сказал Воленко.

Он двинулся влево по коридору. Вправо коридора не было, а на такой же дубовой двери таким же нарядным золотом было написано:

Столовая

Дверь эта открылась, из столовой выглянула девочка лет четырнадцати в белом халате, спросила:

- Воленко, ты ведь еще не завтракал?

- Нет. Ты мне оставь, Лена. И вот... новенькому.

- А как же, — ответила девочка и спряталась за дверью.

С одной стороны коридора были большие окна, а с другой несколько дверей и между ними в больших рамах не то стенгазеты, не то что-то другое. В конце коридора тоже дверь, и на ней тоже надпись:

Тихий клуб

Но они вошли не в эту дверь. Последняя дверь слева:

Совет бригадиров[4]

Воленко именно эту дверь и открыл и взглядом пригласил Игоря войти. Игорь переступил порог. Солнечное сияние в двух огромных окнах ослепило его. Он прищурился, но сразу отметил особенности этой комнаты: в ней у всех четырех стен проходил неширокий диван, мягкий, но узкий. В углах комнаты он заворачивал по кривой. В правом углу на диване сидел Володя Бегунок, на голом колене держал свою трубу, натирал ее суконным обрезком. Бегунок быстро глянул на Игоря, но сказал в другой угол:

- Когда же мази купят? Говорили, говорили, аж надоело! Это бес-хозяйственность, правда, Витя?

В другом углу дивана стоял маленький письменный столик, и за ним сидел тот, кого Бегунок назвал Витей. Витя поднялся за своим столиком и ответил:

- Сейчас денег мало.

- Сколько там нужно денег? Тридцать копеек. — Володя с большей силой начал натирать свою трубу и на Игоря больше не посмотрел. Очевидно, для Володи Бегунка Игорь представлял сейчас явление малозанимательное и особенно в сравнении с вопросом о мази. Но тот, кого называли Витей, заинтересовался Игорем, вышел из-за своего столика и подошел вплотную к Игорю. Он был тоже в трусиках и

в парусиновой рубашке. И у него трусики были стянуты узким черным пояском. Но Витя был уже не малыш. Ему было не меньше шестнадцати лет, это был человек серьезный и бывалый, — опытный взгляд Игоря это сразу почувствовал.

У Вити быстрый, острый, сдержанно-насмешливый взгляд. Он взял из рук Воленко большой пакет и бросил его на стол:

- Из комиссии?

- Из комиссии.

Игорь вежливо ему поклонился. Витя ответил таким же вежливым поклоном, но в этом поклоне просвечивало очень тонкое передразнивание. Бегунок громко засмеялся, завалившись на диван и задирая босые ноги. Игорь оглядел всех. Витя присел к столику, взял в руки конверт, прочитал то, что было на нем написано:

- Игорь Чернявин? Много про тебя понаписывали...

Но в конверт не заглянул, снова подошел к Игорю. Последнему захотелось как можно скорее отделаться от разных вопросов:

- Написано там много, а дело пустое. Маленькая неправильность при получении денег.

Витя сказал ему в глаза, улыбаясь одними ресницами:

- Вот что, друг. Какая там у тебя неправильность, это никому не интересно. Понимаешь, не интересно. А вот другой вопрос: будешь бежать или останешься?

Бегунок поднял лицо, медленно улыбнулся. Игорь огляделся. Бежать ему не хотелось, но нельзя было и сдаваться так легко. Он ответил:

- Там видно будет.

- Это верно, — сказал Витя весело. — Ну, идем к Алексею Степановичу.

Только теперь Игорь увидел, что в одном месте диван прерывался узкой дверью, и на ней тоже надпись:

Заведующий колонией

Эту дверь Витя распахнул, и Игорь неожиданно для себя очутился в кабинете. За ним прошли Витя и Воленко, а за ними и Бегунок, бросив свою трубу на диван, прошмыгнул в кабинет; прошмыгнул ловко, во всяком случае. Игорь увидел его уже возле письменного стола. Володя поставил локти на стол, на ладошках пристроил голову, глядел на заведующего.

Заведующий сидел за письменным столом и перелистывал книгу. В этом человеке не было ничего особенного: подстриженные усы, стеклышки пенсне, под машинку стриженная голова. Он поднял на Игоря глаза, и глаза у него были обыкновенные: серые, чуть-чуть холодные.

- Вот, Алексей Степанович, новичок, — Витя показал рукой на Игоря.

Игорь вежливо поклонился, и Володя Бегунок не смог удержать улыбки, да уж так и оставил улыбку надолго. По всему было видно: Алексей Степанович заметил улыбку Володи и знал ее причину, но сделал такой вид, как будто он ничего не заметил.

- Как тебя зовут?

- Игорь Чернявин.

- Ты учился в школе?

- Да. Окончил семь классов.

- Почему так мало?

Алексей Степанович с недовольным видом откинулся к спинке кресла. Его глаза холодно, осуждающе смотрели на Игоря. Но Игорь всегда был убежден, что его образование превышает среднюю необходимость в жизни, и поэтому ему показалось сейчас, что заведующий шутит. Игорь оживленно удивился и даже руками дернул вперед:

- Мало? Семь классов — это мало?

- А ты разве не знаешь? Есть восьмые группы, девятые, десятые.

- Конечно, есть, так это не для всех.

Алексей Степанович не обратил внимания на ответ Игоря. Он начал перелистывать книгу, помолчал, потом протянул скучновато:

- Та-ак... Днепрострой, что это такое?

- Как?

- Днепрострой... ты знаешь, что такое Днепрострой?

- Днепрострой? Это... это станция.

- Какая станция?

- Станция... мост и... там станция.

Бегунок восторженно пискнул в ладошки, которыми прикрыл рот...

- Виноват... там, кажется, нет моста...

Игорь видел, с каким трудом Бегунок прикрывает ладонями губы, чтобы не засмеяться. На лице Воленко не было улыбки, но еле заметно вздрагивала нижняя губа.

Алексей Степанович кивнул головой над книгой:

- Стыдно! Просто стыдно! Культурный человек! Окончил семь классов — говорит такие глупости. Надо себя больше уважать, товарищ Чернявин.

- Я забыл, товарищ заведующий...

- Что забыл?

- Забыл... вот... Днепрострой.

- Днепрострой — такая вещь, о которой нельзя забывать. Понимаешь, нельзя! А кроме того... ты сказал... старшие классы не для всех. Это тоже... не блещет остроумием.

- Я в том смысле сказал...

- Смысла мало. Такое количество смысла меня не устраивает. Мало смысла, понимаешь?

Алексей Степанович глянул Игорю в глаза, и Игорь увидел, что у заведующего нет ничего холодного, ничего скучноватого: у него было живое, требовательное лицо. Игорь ответил:

- Да, понимаю, товарищ заведующий.

- Ага! Это уже лучше. Это гораздо умнее сказано. Теперь еще один вопрос: ты хороший товарищ?

Глаза Алексея Степановича смотрели сейчас иронически, как будто в его вопросе был нескрываемый подвох. И поэтому Игорь переспросил:

- Хороший ли я товарищ?

- Да. Хороший товарищ или... так себе?

Этот вопрос, в сущности, был для Игоря легким вопросом, он ответил уверенно и охотно:

- Да, я могу сказать: товарищ я неплохой.

Алексей Степанович улыбнулся вдруг просто и дружески, и в его улыбке было что-то такое задорное, почти мальчишеское, только у детей так свободно, беззастенчиво открываются губы, у них не остается никаких узких щелей и углов.

- Молодец! Нет, знаешь, ты далеко не глупый человек, это очень приятно. Ну... хорошо. Ты познакомишься с нами ближе. Витя, у нас где место?

- Есть место в восьмой бригаде.

- Хорошо. Будешь в восьмой бригаде. Бригадир Нестеренко — человек основательный. Ты немного зубоскал, правда?

Игорь чуть-чуть покраснел.

- Немножко.

- Это ничего, а то в восьмой бригаде много серьезных. Отдохни, а там и за дело. Бежать не будешь?

Почему-то Игорю не захотелось сказать «там будет видно», но он помнил свой ответ и посмотрел на Витю. Свободно, просто и уверенно Витя ответил за Игоря, чуть-чуть улыбаясь одними глазами:

- Нет, Алексей Степанович, он бежать не собирается.

- Добре. Значит... Воленко, действуй.

Воленко вытянулся.

- Есть!..

…17. *Приятный разговор*

После обеда Игорь Чернявин был в школе. Его принял старик учитель. Или он здесь назывался как-нибудь иначе?

Учительская была красивая, большая и тоже с огромными окнами. Но здесь были приспущены тяжелые гардины и на полу лежали ковры. Старик учитель выбрал для разговора затененный угол, где стояли большой диван, два кресла и маленький столик.

Учитель Игорю понравился. Пиджак его застегнут на все пуговицы, очень чистый воротник рубахи, щеки гладко выбриты и седые усы привычно умело, несколько даже кокетливо подкручены[5]. Он напоминал Игорю профессора из американской картины. Больше всего понравился вежливый склад речи учителя. Он сказал:

- Вы Игорь Чернявин? Я вас жду. Садитесь, прошу вас.

Он тронул рукой спинку кресла, а когда Игорь сел, он расположился рядом с ним на диване и, немного склоняясь вперед, сказал:

- Меня зовут Николай Иванович. Надо с вами выяснить. Алексей Степанович говорил мне, что вы окончили семь групп, но это было, вероятно, давно: некоторые жизненные обстоятельства, так сказать, мешали вам.

Он остановил взгляд на Игоре с молчаливым вопросом. Игорь сидел прямо в кресле, сложа руки на коленях, внимательно слушал.

- Да, я два года не занимался.

- Скажите, пожалуйста, товарищ Чернявин, вы хорошо учились?

- Иногда хорошо, иногда плохо.

- Я думаю, это зависело от разных посторонних причин, способности вам не мешали?

- Да, у меня были способности...

- Разрешите, я вам предложу кое-что написать. Очень важно узнать, как у вас с грамотностью. Пожалуйста. Вот вам бумага, чернила и перо.

Чтобы вам такое предложить? Ну вот, если вы не возражаете? Напишите коротко, очень коротко — вы ведь из Ленинграда? — напишите, что вам больше всего нравится в Ленинграде — улицы, мосты, может быть, парки. Это вы можете?

- Да, попробую.

- Пожалуйста, а я займусь своим делом.

Николай Иванович улыбнулся, чуть-чуть кивнул головой и присел за большим столом посреди комнаты. Игорю понравилась тема. Действительно, Ленинград было чем вспомнить. Игорь часто думал о родном городе и грустил. В Ленинграде живет мать... Да и вообще Ленинград — шикарный город, больше всего соответствующий его вкусам.

Через полчаса Игорь вручил Николаю Ивановичу исписанный лист. Николай Иванович достал большие черные очки и, вытянув губы, стал читать работу Игоря. Прочитал один раз, улыбнулся, прочитал второй раз.

- Очень хорошо. Очень грамотно и интересно. Одна ошибка, и то незначительная: колонна пишется через два эн.

- Разве?

- Да, через два, но этого в седьмом классе вы могли и не знать. А вот с математикой как?

Игорь покраснел. Ничего не ответил. Так же вежливо Николай Иванович попросил Игоря разделить дробь на дробь. Целую минуту Игорь рассматривал написанное выражение, но карандаша в руки не взял.

Николай Иванович от своего стола посмотрел на Игоря через плечо.

- Что же вы? Забыли?

- Забыл. Представьте себе, совершенно забыл.

Игорь поднялся с кресла. Он мог тоже показать пример вежливости.

- Я не буду больше затруднять вас, Николай Иванович. Писать я могу, а все остальное забыл, алгебру забыл, биологию, всякую политику. Я думаю, что... мне уже поздно учиться.

Николай Иванович зашарил по карманам, нашел очки на столе, надел их и сквозь очки посмотрел удивленно на Игоря:

- Как вы странно говорите, товарищ Чернявин! Как это можно так говорить? Какая там особенная премудрость! Забыли, это вполне естественно. Будем вспоминать. Да садитесь, чего вы вскочили.

Он снова усадил Игоря в кресло, придвинул стул, сел прямо против него и, поглаживая свои колени, поглядывая вкось на яркие окна, заговорил:

- Я вам предложу такую программу. Учебный год кончается. Сейчас нет смысла зачислять вас в школу. Мы сделаем просто: запишем вас на следующий год прямо в восьмой класс. Только летом нужно будет позаниматься. Я вам очень советую, У вас хорошие способности, нужно учиться. Вы согласны со мной?

- Я мог бы согласиться с вами. И даже... я вам благодарен, понимаете? Но, может быть, я не останусь здесь до осени. Может быть, мне в колонии не понравится.

- То есть... вы уйдете из колонии?

- Да.

Николай Иванович посмотрел на него поверх очков:

- Куда же вы уйдете?

- Там будет видно куда.

- У нас никогда не было случая, чтобы уходили. Отсюда может уйти только очень глупый, совершенно запущенный субъект. Я уверен, что вы не уйдете, товарищ Чернявин.

Этот старик, на румяных щеках которого уютными завитками шевелились седые усы, был просто прелесть. Он говорил с живым огоньком в глазах, иногда делал паузу, чтобы найти более точное выражение, и в это время его глаза быстро бросались в сторону. Он не просто болтал, он задумывался, соображал, но все это выходило у него без натуги и очень симпатично. Главным образом он говорил о значении образования, о том, какие пути лежат перед молодым человеком в Союзе, какое достоинство заключается в том, чтобы идти по этим путям, как растет личность человека в учебной работе. Он думал сейчас об Игоре Чернявине и ни о ком другом. Он уважал Игоря Чернявина и с особым удовольствием высказывал это уважение. И именно поэтому Игорь не захотел покончить с ним разговор как-нибудь формально, хотелось и самому с такой же искренностью и честным вниманием отнестись к собеседнику. И Игорь сказал:

- Николай Иванович! Я не привык работать. Я никогда не работал.

Николай Иванович спокойно улыбнулся:

- Да, это может быть. Вы еще так мало жили, и привычек у вас мало.

- А если не привыкну?

Николай Иванович скрестил на животе пальцы и добродушно рассмеялся:

- Почему же? Это такая приятная привычка.

- Приятная?

- А как же? Очень приятная. Я вот работаю сорок лет, и, знаете, мне до сих пор нравится.

- Ну, да, так вы учитель!

- О, пожалуйста! Если вы хотите быть учителем, это очень хорошо. Но многие думают, что труд учителя самый неприятный. Это, конечно, чепуха. Всякий труд очень приятная вещь. Вот вы увидите.

- Попробую, — сказал Игорь и снова поднялся.

- Попробуйте. Вам здесь помогут. У нас хорошие ребята.

- Спасибо, Николай Иванович.

- Все-таки, когда вы можете начать подготовку?

- С первого июня?

- Хорошо. Давайте с первого июня. Я вас запишу.

Игорь поклонился Николаю Ивановичу. Николай Иванович радушно, внимательно ему ответил. Володи Бегунка здесь не было, и некому было скалить зубы по поводу обычной вежливости двух воспитанных людей.

Игорь шел по двору и беспомощно оглядывался. Ему захотелось, до зарезу захотелось встретить что-нибудь такое, что его возмутило бы, вызвало бы злобу, протест, или хотя бы такое, над чем подмывало бы пошутить. Нельзя же в самом деле: с утра, с самого утра он был предоставлен самому себе, а против него стояла непонятная, уверенная и вежливая сила. В пять часов он будет принят бригадой. Неужели и бригада с таким же спокойствием будет его обрабатывать?

18. ***Разговор, не для всех приятный***

В пять часов в «тихий» клуб пришел Воленко в сопровождении высокого массивного юноши с лицом чрезвычайно добродушным, какие бывают только у очень мягких, покладистых людей.

Воленко сказал:

- Товарищ Чернявин! Это твой бригадир Нестеренко.

Только теперь Воленко позволил себе некоторую шутливость тона и движения. Он немного иронически повел рукой и взглядом:

- Сдаю его в полном порядке: остриженный, чистый и вполне оборудованный. Спецовка вот лежит. Парадный костюм заказан. Пожалуйста!

Видимо, Воленко надоело уже возиться с Чернявиным, и он с облегчением передавал новичка бригадиру. Бригадир, понимая это, с такой же сдержанной игрой склонился перед дежурным:

- Очень благодарен, товарищ дежурный. Вы понимаете, следующий раз и я вам приготовлю.

Воленко отдал салют[6] и удалился.

В этой церемонии, торжественной и чуть-чуть шутливой, Игорь почувствовал большую теплоту. Не вызывало сомнений, что Воленко и Нестеренко были очень дружны между собой, а сейчас в шутливых, чуть-чуть церемонных поклонах они что-то играючи подчеркивали. Нестеренко в этой игре вовсе не казался уже таким добродушным. У него был симпатичный голос, мягкого баритонного оттенка, но слышно было, что этим голосом он умеет владеть. В его обращении был небольшой привкус замедленного, украинского юмора. Но ту же выправку, какая была у Воленко, Игорь заметил и у Нестеренко.

Впрочем, как только ушел Воленко, Нестеренко оставил всякую игру.

- Ты назначен в восьмую бригаду. Бригада сейчас в сборе. Пойдем.

Он направился к двери. Игорь остановил его:

- Товарищ бригадир!

- Что такое?

Игорь взял в руки свою спецовку, так же, как и во дворе, беспомощно оглянулся на окна, не вытерпел, растянул в улыбку свой ехидный рот:

- Товарищ бригадир, вы учитесь?

- В школе?

- Да, в школе учитесь?

- Во-первых, учусь в десятом классе. А во-вторых, не называй меня на вы, товарищем бригадиром. Это у нас не нужно. Меня зовут Васей.

- Разве? А я слышал, как обращаются к Воленко: товарищ дежурный бригадир!

- Это другое дело. Дежурный бригадир — у нас большая власть. Он ведет день. Если он в повязке, с ним без салюта нельзя разговаривать.

- А зачем это нужно?

- Видишь ли?.. Вот с тобой сегодня сколько он повозился? Ты заметил? Сколько у него дела! Если каждый будет с ним рассусоливать, так он ничего не успеет. А кроме того... какие же могут быть споры с дежурным?

- А с тобой можно спорить?

Нестеренко пожал плечами:

- Со мной, конечно, можно. Только у нас это не в моде.

- К тебе не нужно с салютом?

- Иногда нужно. Потом узнаешь. Идем, бригада ждет.

Они прошли мимо часового (стоял уже другой) и поднялись по лестнице между цветов. На втором этаже проходил такой же светлый коридор, только здесь на полу был не кафель, а паркет, он так же блестел, как и в «тихом» клубе. Они остановились у двери, на табличке которой было написано:

8-я бригада

Нестеренко взялся за ручку двери, но раньше, чем открыть ее, он объяснил:

- У нас две спальни по восемь человек. Вторая спальня рядом.

Спальня была большая. В ней стояло восемь кроватей, добротных, красивых, окрашенных розовато-желтой краской. На кроватях лежали одеяла вишневого цвета. Все постели находились в идеальном порядке. На кроватях никто не сидел, никто даже не стоял рядом. Больше десятка мальчиков собралось вокруг большого стола. У стены Игорь заметил диван, очень длинный и тоже, видимо, имеющий претензию быть бесконечным, — очевидно, такие диваны в колонии любили.

При входе Игоря и Нестеренко все повернули к ним головы. Нестеренко остановился у дверей и сказал несколько торжественным голосом, в котором Игорь все же услышал оттенок сдержанной шутливости:

- Принимайте нового товарища. Рекомендую: Игорь Чернявин.

Все задвигали стульями, но не встали, а еще плотнее уселись за столом, заботливо оставляя рядом два места для вошедших. Нестеренко сел на один стул, хлопнул рукой по другому, приглашая Игоря:

- Садись.

Все вдруг притихли и с интересом ожидали, что будет дальше. Глаза у Нестеренко вспыхивали иронически:

- У нас такой обычай: когда приходит новенький, вся бригада собирается и бригадир знакомит. Так у нас в колонии пошло издавна, годков пять тому будет. И в это время бригадир должен всю правду сказать о товарищах, как он думает, брехать нельзя. Когда и ты, Чернявин, будешь бригадиром, тоже так будешь делать. Так вот видишь, они на меня и смотрят, потому знают: пощады не будет.

Все это Нестеренко говорил не спеша, добродушно, чуть-чуть окая и растягивая слова.

- Да начинай уже, Василь, довольно мучить!

Это сказал самый младший в бригаде, беленький мальчик лет четырнадцати, с тем аккуратным, чистеньким и умным лицом, какие часто бывают у природных отличников по учебе.

- Рогову невтерпеж, знает, что ругать буду.

- Ругай, только, пожалуйста, скорее.

- И еще у нас обычай, никто не должен спорить и обижаться. Какое бы слово ни сказал бригадир — каюк! А новенький, вот, скажем, ты, Чернявин, не должен воображать, а должен учиться, как правду говорить и как правду слушать нужно. Понимаешь?

Игорь Чернявин даже рот приоткрыл, и его лицо потеряло последнее выражение остроумной ехидности[7].

Нестеренко начал. Он показал на взрослого юношу, которому было не меньше восемнадцати лет. У него был низкий лоб и жесткие волосы, не признающие никакого пробора. Лицо расплывчатое, губошлепистое, а в то же время и энергичное в движении, боевое.

- Это Миша Гонтарь, слесарь по ремонту, хороший слесарь, только в школе учиться не хочет. Дошел до пятого класса, а теперь выдумал, что он уже ученый. Сдурел, приходится силой заставлять. Товарищ он хороший, прямо скажу, хоть бы и все были такие товарищи, а только неряха — никакого спасения. Ты у него с этой стороны ничему не научишься доброму. Куда ни повернется, или поломает что-нибудь, или набросает, пойдет и забудет. Ему каждый день бриться нужно, а он три дня не брился. А живет в детской колонии... Через него наша бригада по чистоте никак не может на хорошее место выйти, а бригада хорошая. Он как наденет спецовку с утра, да еще в цехе задержится, известно — слесарь по ремонту, так и в столовую в спецовке прется, а там, конечно, ДЧСК[8] скандал устраивает, и все на бригаду. Видишь? Если Миша дежурит по бригаде, так мы к нему буксир назначаем, как к маленькому. Еще у него недостаток: строя не любит, в ногу ходить не умеет, да и костюм парадный на нем сидит, как на сундуке. Это нам, всей бригаде, конечно, очень грустно, потому что, собственно говоря, пустяк, а он никак не справится. А слесарь он хороший и товарищ тоже. Добрый и работать любит, самые пустяки остались, чтобы человеком стать. Он хочет шофером стать, а каждый шофер образованный человек должен быть. А теперь еще у него новая напасть: влюбился. Как же ему можно влюбляться, когда прическу ему всей бригадой делаем — сделать не можем.

Нестеренко все это проговорил сочно, основательно, поглядывая на товарищей, а товарищи смотрели на Мишу. Очевидно было, что в характеристике Миши все с бригадиром согласны, пожалуй, согласен и сам Миша. Он даже не протестовал против информации о влюбленности.

- Теперь дальше: Петр Акулин.

Петр Акулин не улыбнулся. Как сидел боком, так и остался сидеть. У него было худое простецкое лицо, покрытое густым деревенским румянцем. Казалось, что лицо это не способно к улыбке.

- Акулин у нас лучший токарь в колонии и в восьмом классе лучше всех учится. И аккуратист, и дисциплину знает, и комсомолец первый сорт. Будет летчиком по прошествии времени. Само собой, будет. Только корзину у нас каждый имеет, и у него есть корзина. И никто никогда не запирает, такого обычая нет в колонии. Акулин же три дня назад замок повесил, — некрасиво. Либо ты воров боишься, либо тайну какую собираешься завести, кто тебя знает, а только замки в колонии заводить не следует. Другое дело на заводе, государственное имущество должно быть заперто для порядка, а в бригаде товарищи живут, к чему здесь замок?

Акулин не обернулся к Нестеренко, одну руку положил на спинку соседнего стула, сказал невыразительно, тихо:

- Я не от товарищей замок...

- Знаем. Думаешь, у нас место свободное, новенького пришлют, а он к тебе в корзинку полезет. Конечно, полезет, если замок висит. А зачем так думать: как новенький, так и вор. Мало ли чего там у каждого было — в старой жизни! Чернявин тоже новенький, видишь, сидит с нами, так и по нему ж видно: он к товарищу в корзинку не полезет.

Акулин убрал руку со спинки стула, прохрипел:

- Сниму.

В бригаде, притаившейся в ожидании, как будто все вздохнули. На самом деле не вздохнули, а просто пошевелились.

- Дальше: Александр Остапчин — помощник бригадира восьмой бригады трудовой колонии им. Первого мая.

Уже по тому, как торжественно произнес бригадир название должности Остапчина, можно было заключить, что Остапчина в бригаде любят и относятся к нему немножко насмешливо. И сам Александр Остапчин, услышав свою фамилию, мигнул, повернулся к бригадиру, положил голову на кулаки, поставленные один на другой. У Остапчина большие карие, красивые глаза, чуть-чуть подернутые веселой, маслянистой влагой.

- Совсем человек как человек — и токарь неплохой, и в десятом классе, и помбригадира, и прочее. Настоящий человек, а только одна беда: трепач. Ох, и трепаться же любит, прямо хлебом не корми, а дай поговорить. И хоть бы дело говорил, а то язык говорит, а он за языком бегает, остановить не может и на правильную линию пустить тоже не может. И по сторонам не смотрит: свой, чужой, совсем посторонний — ему все равно; он говорит и непременно загнет куда-нибудь. Всей бригадой удержать не можем. Мечтает: прокурором буду. Так разве можно, чтобы прокурор за собой не смотрел? Прокурор если что скажет, так все к делу, да перед этим два раза подумает. А нашему Александру всегда нянька нужна, чтоб его за полы хватала.

Остапчин не смутился, не обиделся, его глаза по-прежнему смотрели на Нестеренко, улыбались дружески, но в какой-то, еле заметной степени и нахально. Он как будто был даже доволен, что у него есть такой интересный недостаток, и тоном полудетского каприза возразил:

- А что я такое когда говорил?

- А помнишь, приехала к нам женщина из Наркомпроса. А ты ей такого натрепал, что она чуть не плакала.

- Правду говорил.

- Правду? Правду говорить тоже к месту нужно. Она приехала познакомиться с нашей жизнью, может, и поучиться хотела, значит, у нее где-то там натерло, а ты речь... прямо с горы: ничего вы, наркомпросовцы, не понимаете, все путаете, даром хлеб едите. Она потом спрашивает, кто это такой? А я ей, конечно, ответил: не обращайте внимания, так себе, новенький, еще не отесался.

Колонисты расхохотались. Остапчин смущенно отвернулся, но глаза его даже в этот момент не потеряли своей влажной улыбки.

- Санчо Зорин, во! Он — сам видишь, какой!

И действительно, Санчо был виден, как бывает виден насквозь ясный апрельский день. Услышав свое имя, он немедленно взобрался с ногами на стул. А бригадир сказал ему с добродушной строгостью:

- Чего ты с ногами на стул залез? Чернявин, он назначается твоим шефом, давно тебя ждет. Будет твоим шефом, пока ты получишь звание колониста. Будет тебя всему учить и на общем собрании докладывать на звание колониста. Человек он горячий, а только не всегда справедливый бывает. Если ему вожжа попадет под хвост, так никакого удержу нет. Ты на это не обращай внимания.

Игорь кивнул и засмотрелся на Зорина. А Зорин уже кивал ему, и моргал, и всем лицом рассказывал о чем-то. Лицо у него было острое, живое, быстрое. В течение одной секунды он успевал отозваться на все впечатления, всем ответить и у всех спросить. И сейчас каким-то чудом он успел показать бригадиру, что он благодарен ему за правду и постарается поменьше горячиться, что он видит любовь к себе всей бригады и отвечает ей такой же любовью, что он поможет Чернявину сделаться хорошим колонистом и что Чернявин не должен робеть. Это лицо больше рассказывало о Зорине, чем мог о нем рассказать бригадир.

Нестеренко перешел к другим, их было еще шесть человек, все юноши шестнадцати — восемнадцати лет. Нестеренко всех их признал хорошими мастерами, прекрасными товарищами и колонистами, но в каждом отметил и недостатки, отметил в упор, улыбаясь сдержанно, выбирая и округляя слова, но в то же время не скрывая и досады, требовательной и въедливой. Лиственному Сергею он

приписал слишком большую любовь к чтению, послужившую причиной того, что Лиственный ходит «как сумасшедший». Широкоскулому, белобрысому, нескладному Харитону Савченко — вялость характера. Борису Яновскому, кучерявому брюнету, — наклонность к запирательству и брехне. Всеволоду Середину — пижонство, Данилу Горовому — неуязвимость характера и излишнее хладнокровие.

Все слушали бригадира молча, никто ничего не возражал, но когда он кончил, все загалдели, засмеялись, напомнили друг другу самые вредные детали характеристик и напали даже на Нестеренко с разными дополнительными вопросами. Но Нестеренко не долго их слушал:

- Чего крик подняли? Дайте же кончить. Познакомьтесь вот с Чернявиным, забыли, что ли?

Александр Остапчин закричал:

- Ты про нас можешь рассказывать, а про себя ничего не сказал? Когда я буду бригадиром, я про тебя расскажу.

- Вот я и подожду, когда ты будешь бригадиром, тогда и про меня скажешь, хотя я так полагаю, что ничего умного не скажешь. Принимайте Чернявина!

- Да уж приняли[9]! Чернявин, руку! — Остапчин размахнулся своей рукой. — Санчо, довольно тебе там, бери человека в работу. Смотри, какой хороший материал для комсомольца.

Все посмотрели на Игоря, и этим моментом Игорь воспользовался:

- Синьоры! Вы понимаете, я очень благодарен вам, что приняли меня к себе. Только вы понимаете... про вас вот товарищ бригадир все рассказал[10], а про себя я сам должен рассказать, правда?

Кое-кто улыбнулся. Акулин посмотрел подозрительно, Гонтарь с осуждением, Нестеренко сказал:

- У нас нет такой моды, чтобы новенький о себе рассказывал. Да тебе и нечего рассказывать. Какой ты человек, мы и сами увидим. А кроме того, не нужно говорить «синьоры». Понял?

- Понял, товарищ бригадир, виноват, товарищ Нестеренко.

- Иди сюда, Чернявин, — Санчо Зорин ожидал его в углу комнаты. — Вот твоя кровать, вот твоя тумбочка, все хозяйство. Мыло и зубной порошок получишь у помощника бригадира Остапчина. Два дня будешь отдыхать, а потом за дело. Вечером я тебе что-нибудь расскажу. Ты в каком классе будешь?

- В восьмом.

- Здорово. И я в восьмом. А вообще — ты свободный гражданин! Куда хочешь!

Санчо широким жестом показал на окно. За окном было поле, а на самом горизонте виднелись постройки города…

30. *Славная, непобедимая четвертая бригада*

Виктор спросил:

- Тебе что нужно?

Ваня осмотрел всех, и ему все понравилось — такой знакомой была длинная улыбка Игоря, так тепло ощущалось соседство Володи Бегунка и девушки в красной повязке. Ваня не затруднился с ответом:

- Чего мне нужно? Я, знаете, что? Я буду здесь жить.

- Это еще посмотрим, будешь или нет.

Но Ваня был уверен в своем будущем:

- Буду. Уже целый месяц все сюда иду и иду.

- Ты беспризорный?

- Нет... я еще не был беспризорным.

- Как тебя зовут?

- Ваня Гальченко.

- Родители у тебя есть?

Ваня на этот вопрос не ответил, а только головой завертел, не отрываясь от Виктора взглядом.

- Нету, значит, родителей?

- Они... они были, только взяли и уехали.

- Отец и мать? Уехали?

- Нет, не отец и мать.

- Разбери тебя. Рассказывай по порядку.

- По порядку? Отец и мать умерли, давно, еще была война, тогда отец пошел на войну, а мать умерла...

- Значит, родители умерли?

- Одни умерли, а потом были другие. Там... дядя был такой, и он меня взял и я жил, а потом он женился, и они уехали.

- Бросили тебя?

- Нет, не бросили. А сказали: пойди на станцию, купи один фунт баранины. Я пошел и все ходил, а баранины нигде нету. А они взяли и уехали.

- Ты пришел домой, а их нет?

- Нет. Ничего нет. И родителей нету, и вещей нету. Ничего нету. А там жил хозяин такой, так он сказал: ищи ветра в поле.

- А потом?

- А потом я сделал ящик и ботинки чистил. И поехал в город.

- Та-ак, — протянул Виктор.— Как скажете, товарищи бригадиры?

Сказал Нестеренко:

- Пацан добрый, да и куда же ему деваться? Надо принять.

Кто-то несмело:

- Но у нас же мест нет?

Володя стоял у дверей:

- Вот я скажу, Торский!

- Говори.

- Мы с ним вместе будем. Вместе! На одной кровати.

Зырянский перед этим долго рассматривал Ваню, а теперь одобрительно притянул его к себе:

- Правильно, Володька, давайте его в четвертую бригаду.

Игорь встал:

- А я прошу, если можно, в восьмую. Я тоже могу уступить пятьдесят процентов жилплощади.

Володя обиженно закивал на Игоря головой:

- Смотри ты какой! Ты еще сам новенький! В восьмую! А твой бригадир молчит! А ты за бригадира?

Виктор на Володьку прикрикнул:

- Володька, это что за разговоры!

Володя отошел к дверям, но на Игоря смотрел сердитым, темным глазом, и полные губы его шевелились, продолжая что-то шептать, видно, по адресу Игоря.

Из бригадиров коротко высказывалось несколько человек, каждый не больше, как в десяти словах:

- Пока еще не разбаловался, нужно взять.

- Мальчишка правильный, видно. Берем.

- Это хорошо. Он еще не познакомился с разными там тетями, так из него человек будет. А нам отгонять его от колонии, рука ни у кого не повернется.

Клава Каширина недовольно сказала:

- И чего вы все одно и то же? Конечно, нужно принять, а только пускай Алексей Степанович скажет, как там по правилам выходит.

Ее поддержали, обернулись к Захарову, но Володя Бегунок предупредил слово заведующего:

- Вот постойте! Вот постойте! Вот я расскажу. Алексей Степанович, помните, в прошлом году пришел такой пацан, да этот, как же, Синичка Гришка, он у тебя в десятой бригаде, Илюша. А его тогда не хотели принимать. Сказали: места нету и закона такого нету. И не приняли. А он две недели в лесу жил. И опять пришел. И опять его не приняли. Сказали: почему такое нахальство, его не принимают, а он в лесу живет. И взяли его и повезли в город, в спон[11], еще ты возил, помнишь, Нестеренко?

- Возил, — Нестеренко улыбнулся и покраснел.

- Возил, а он от тебя из трамвая убежал. Помнишь, Нестеренко?

- Да отстань, помню.

Убежал и начал опять в лесу жить. А потом вы, Алексей Степанович, взяли и сказали: черт с ним, давайте его возьмем. И еще тогда все смеялись.

И видно было, что тогда все смеялись, потому что и теперь по лицам заходили улыбки. А только нашелся голос и против Володькиной сентенции. Голос принадлежал бригадиру третьей, некрасивому, сумрачному Брацану:

- Много у нас воли дали таким, как Володька. Он трубач, с дежурством шляется целый день, так теперь уже и речи стал говорить на совете бригадиров. По-твоему, всех принимать? Ты знаешь, какая у нас колония?

- Знаю... Правонарушительская?

- Такая она и есть.

- И вовсе ничего подобного.

Виктор прекратил прения:

- Довольно вам!

Но Воленко считал, что вопрос поднят важный:

- Нет, Виктор, почему довольно? Брацану нужно ответить.

- Ты ответишь?

- Надо ответить. Брацан давно загибает.

- Чего загибаю?

- Говори, Воленко.

- И скажу. Ты, Брацан, так считаешь: правонарушитель — человек, а все остальные — шпана. Я не знаю, кто ты такой, правонарушитель или нет, и знать не хочу. Я знаю, что ты хороший товарищ и комсомолец. Ты что? Гордишься, что под судом был? В твоей бригаде Голотовский не был под судом, а я Голотовскому все равно не верю. И вы ему не верите: скоро год, как в третьей бригаде, а до сих пор не колонист.

Воленко кончил речь, но, видно, Брацана не убедил. Брацан, по-прежнему сердитый, сидел на своем месте.

- Слово Алексею Степановичу.

Ты, Филипп, нехорошо сделал, напрасно этот вопрос зацепил. Правонарушители - это дети, которым прежде всего нужна помощь. Советская власть так на них и смотрит. И правонарушителям этим гордиться нечем, разве можно гордиться несчастьем! И вот пришел мальчик. У него тоже несчастье, и ему тоже нужно помочь.

- А почему нашу колонию приспособили?

- Потому что в колонии прекрасно работаете и прекрасно живете. Теперь в споне кричат: «Это наша колония!» — и в комонесе[11] кричат: «Это наша колония!» А если бы наша колония была плохая, так кричали бы другое: «Это ваша колония!» А на самом деле эта колония...

Петька Кравчук, стоящий возле дверей, закричал:

- Наша!!

Покрывая общий смех, Виктор возмутился:

- Ну что ты скажешь! Он опять здесь! Вопрос выяснен. Голосую: кто за то, чтобы принять Ваню Гальченко в четвертую бригаду?

Душа у Вани Гальченко замерла, когда поднялись руки. Только один его глаз покосился на Брацана, и поразился: Брацан улыбался ему, и лицо у него было красивое и вовсе не сумрачное.

- Единогласно. Алешка, бери его. Стойте, чего загалдели? С Чернявиным, значит, остается по-старому — сборочный цех. А кроме того, он слово дал. Закрываю совет бригадиров.

Вечером в спальне четвертой бригады весело. Алеша Зырянский поставил Ваню между коленями, расспрашивал, шутил, пугал. Потом все уселись за стол и выслушали рассказ Алеши о том, какая славная, непобедимая, боевая существует на свете четвертая бригада трудовой колонии им. Первого мая и какие в ней замечательные пацаны! Этот самый Алеша Зырянский, которого боялась вся колония, в дежурство которого все вставали на полчаса раньше, чтобы лучше приготовиться к поверке, сейчас сверкал глазами, с трудом сдерживал улыбку и откровенно рассыпал восторженные слова о четвертой бригаде.

- Не бригада, а просто пирожное! А пацаны у нас какие, Ванька! Ой, и пацаны ж, не знаю даже, кто лучше, даром что у нас самые малые собрались[12]. На кого ни посмотри: вот тебе Тоська Таликов, ты на него только глянь: вот будет бригадир, да у него уже и сейчас сестра бригадиром одиннадцатой. А Бегунок! А Филька Шарий! А Кирюшка Новак! А Федька и Колька Ивановы! И Семен Гайдовский, и Семен Гладун! И еще Петька Кравчук!

На Ваню смотрели разные лица: то смуглые, то румяные, то красивые, то не очень красивые, то открыто доверчивые, то доверчивые с иронией, то веселые, то забавно-серьезные, то нахмуренные просто, то нахмуренные через силу, но все одинаково счастливые, гордые своей бригадой и бригадиром, довольные, что живут они на советском свете с честью и умеют за эту честь постоять.

Потом Алеша сказал, что он будет перечислять недостатки. Алеша заявил, что он скажет только по одному недостатку на каждого, но зато этот недостаток очень важный. И сказал, что Володька важничает, Петька Кравчук задается, он там где-то был дезорганизатором, Кирюшка думает, что он самый красивый, Гайдовский думает... одним словом, недостатки у всех были одинаковые: все воображали, думали и задавались. Алеша закончил:

- Никогда не нужно себя хвалить, потому что это очень глупо и для четвертой бригады не подходит. Лучше я вас похвалю, когда придется к слову. Дежурный по бригаде!

Володя выскочил из-за стола и вытянулся перед бригадиром:

- Есть, дежурный по бригаде!

- Барахло Ванюшино!

- Есть, Ванькино барахло!

Володя торжественно поднес:

- Получи, Гальченко! Вот трусики, голошейка, тюбетейка. А это мыло. А это пояс. А это простыни, а это полотенце. А школьный костюм завтра. Идем! Там душ горячий. А кто будет Ванькиным шефом?

- Ты и будешь шефом.

- Есть! Алеша, дай машинку, мы его сейчас... — Володя показал пальцами.

В дверь заглянул Игорь Чернявин.

- К вам в гости можно?

- Можно.

- Хоть ты меня и собирался выгнать, а я на тебя не обижаюсь.

- У нас нет такой моды — обижаться.

Ваня воззрился на Игоря:

- Выгнать? За что?

- Он большой барин. А может, наследство от кого получил.

Ваня захохотал:

- От бабушки? Да?
Игорь поднял Ваню на руках:
- Смотри, Ваня! А скажи, где твой ящик?
Он поставил его на пол.
- А тот украл... Рыжиков. И десять рублей.
- А Ванда?
- Не знаю.
Володя нетерпеливо дернул Ваню за рукав.
- Идем!
Мальчики побежали по коридору. Зырянский улыбнулся Игорю:
- Не обижайся, Игорь. Это называется: горячая обработка металлов.

А.С. Макаренко. Пед. Соч. в 8 т., т. 6, с. 26 – 30, 34 – 38, 53 – 61, 93 – 97. Текст сверен с первоначальной публикацией (в ж. «Красная новь», № 6, 1938 г.), результаты – в комментарии.

По содержанию «Флаги на башнях» следуют за «Маршем 30 года» (см. часть 2 данного издания), освещая жизнь и деятельность трудовой коммуны им. Ф.Э. Дзержинского в 1931 г. и в начале 1932 г. (время открытия коммунарского завода электроинструмента). Хронологически «Флаги на башнях» совпадают с периодом, описанном в повести «ФД-1» (см. там же). История этих трех произведений показывает путь педагога - писателя в изображении его коммуны от жанра документального очерка к роману, повести, т.е. к более значимым художественно-педагогическим обобщения.

«Флаги на башнях» - литературный памятник коммуне дзержинцев. Как и предшествующие произведения А.С. Макаренко, книга основана на документальном материале и имеет автобиографический характер. Здесь есть типизация, обобщения, художественный вымысел.

Среди подготовительных материалов к произведению есть составленный А.С. Макаренко список персонажей и воспитанников (по 10 отрядам), с указанием прототипов: Воленко – Ермоленко, Родченко – Грушев, Левитин – Локтюхов, Поршнев – Салько, Горский – Торский, Брацан – Працан, Зырянский – Землянский, Кравчук – Одарюк, Шарий – Куслий, Каширина – Борискина, Ротштейн – Красная, Литовченко – Брегель, Мятникова – Сыромятникова, Круксов – Куксов, Грингауз – Швед, Нестеренко – Федоренко, Гонтарь – Чарский, Зорин – Сопин, Савченко – Харченко, Горовой – Долинный, Синицын – Соколов, Гриф – Лиф.

Чернявин значится как Огнев, прототипом которого был Агнивцев. Рыжиков, Иванов, Гальченко даются без указания на прототипы (РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 18, лл. 4 – 6, с об.). Огнев – Агнивцев: см. часть 1 данного издания, с. 344). Есть также сведения, что в образе Огнева отразились черты Захожая; прототип Ужикова – один из Ивановых (Российский архив литературы и искусства, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 45, л. 4).

В отличие от «Педагогической поэмы», где отражается творческий поиск, трудное рождение коллектива как объекта воспитания и его главного фактора, - во «Флагах на башнях» этот коллектив предстает в его совершенстве и новых возможностях развития «педагогической техники». Акцент на этом, видимо, и побудил А.С. Макаренко отказаться от повествования от первого лица, как это было в «Педагогической поэме».

Изображение трудового коллектива как новой «формы жизни», замечательного инструмента воспитания, полнокровного и свободного развития личности и индивидуальности – породило у критиков «Флагов на башнях» характеристики: это «мечта» Макаренко, оторванная от жизни утопия, «надуманность и фальшь», воплощение сомнительных педагогических и художественных принципов. Не воспринималась новая реальность:

противоречия жизни и конфликты смещаются в область духа, нравственных взаимоотношений, различных аспектов взаимодействия личного и общего.

К тому же А.С. Макаренко полагал, что в художественной литературе необходимо возродить жанр идиллии, изображения «радости существования», нового «образа счастья»; нужно отойти от литературы как «бухгалтерии человеческого горя» (см. часть 6 данного издания, с. 149 – 150). Это очень важно в смысле воспитательной функции литературы. Она всегда испытывала потребность в создании образцов подлинно человеческого существования.

«Идиллия или социализм?» - так называется главка в макаренковском очерке о коммуне дзержинцев (1933 г., см. часть 3 данного издания, с. 100 – 102). «Счастливый детский коллектив в счастливом обществе» - так резюмировал А.С. Макаренко содержание «Флагов на башнях».

Первая часть этого произведения посвящена начальному этапу перехода его главных героев из состояния их житейской бесприютности, одиночной борьбы за существование к осознанию иных жизненных обстоятельств и себя в этом мире. Каждый идет к этому своим путем, в соответствии с характерными особенностями данной личности.

«Флаги на башнях» - живая картина «нормального» воспитания, без серьезных «срывов», в условиях хорошо организованного трудового «воспитательного коллектива» в учреждении образования, при новой системе общественных отношений.

Для сравнения: описание действующего в это же время, в первой половине 1930-х гг. в Дании воспитательного заведения «Радость Шеллида». О нем рассказано в романе Кнута Беккера «Мир ждет» (издан в пер. на рус. яз. в 1937 г.). Это колония для беспризорных детей и несовершеннолетних правонарушителей, «приют для малолетних рабов». Его кодекс: изоляция от внешнего мира, беспрекословное подчинение взрослым, изнурительный сельскохозяйственный и бытовой труд, безрадостная судьба батрака в будущем. (Дается по кн.: Балабанович Е.З. А.С. Макаренко, Человек и писатель. – М., 1963, с. 448 – 450).

[1] Далее в журнальной публикации следует: «Игорю Чернявину не нравилось в приемнике: народ здесь был случайный, кормили плохо, было скучно» (Красная новь, № 6, с. 58). Говорится о приемнике – распределителе, где временно содержались несовершеннолетние (до 18 лет), взятые с улицы по разным причинам.

[2] Далее в «Красной нови»: «Эту вечно новую жизнь он приветствовал улыбкой своего большого рта и веселым ироническим взглядом» (с. 58).

[3] Имеется в виду «педологический кабинет». Далее А.С. Макаренко с явной насмешкой описывает работу этого кабинета: «обследование» детей с помощью тестов, позволяющих якобы выявлять «предрасположенности» ребенка. О педологии см. в части 5 данного издания, с. 78 – 79, 93, 193 – 194. Бурное теоретическое развитие и практическое применение педология получила в СССР в конце 1920 – пер. пол. 1930-х гг.

Столкновение социально-педагогического направления (ярко представленного в творчестве А.С. Макаренко) и педолого-педагогического – главное противоречие в историческом развитии советской педагогики и школы (таково его заключение, см.: часть 4 данного издания, с. 271). Это противоречие характерно и для современного отечественного образования. В практике А.С. Макаренко педологические «обследования» не допускались, должности педолога не было.

[4] В действительности совет командиров и не «бригады», а «отряды». По содержанию следующей главки видно: отряд строился по производственному принципу бригады.

[5] Прототип – зав. Школой – Е.С. Магура, учитель украинского языка. В школе к ученикам обращались на «вы».

[6] Салютование в макаренковской колонии – коммуне являлось формой деловых отношений, обязательного распоряжения и согласия, готовности к исполнению. Деловые отношения выражались также в обращении «товарищ».

[7] Далее в журнальной публикации: «Жизнь показалась вдруг страшно интересной. Игорь представил себе – вот он будет бригадиром и ему надо принимать новенького. Хватит ли у него силы сказать правду в глаза?» (с. 84).

[8] Дежурный член санитарной комиссии.

[9] Добровольность пребывания в коллективе и добровольность принятия в него – первостепенный принцип воспитания в макаренковском коллективе «свободного воспитания».

[10] Эпизод с представлением бригадиром (командиром) каждого члена этой группы показывает: избранный общим собранием коммуны по предложению отряда его командир являлся по существу полноправным воспитателем. Ему подчинялись на основе добровольности, как авторитетному лицу; он переизбирался через несколько месяцев (не более 6).

[11] Социально-правовая охрана несовершеннолетних (работающих).

[12] «Малыши», примерно 10 – 13 лет, составляли обычно отдельный отряд.

Письмо А. Ромицыну, 1 июля 1938 г.

Москва, 1 июля 1938 г.

Уважаемый товарищ Ромицын!

Сценарий «Флаги на башнях» я Вам выслал, о чем и сообщил телеграммой. А что к нему прибавить? Я не вполне понимаю, что происходит у Вас в кинематографии, не понимаю, почему ограничены темы, почему так узко разумеется содержание интересов нашего общества. Если рассмотреть темы с точки зрения интересов обороны, что вполне правильно, то при помощи какой логики можно исключить темы о воспитании? Неужели воспитание нашей молодежи не имеет никакого отношения к обороне? Как видите, я многого не понимаю.

Сценарий, который я Вам послал, все-таки ближе стоит к современной теме, чем тот «школьный», который мы намечали по договору. В самом сценарии возможны какие угодно поправки и переделки, роман для этого дает большой простор.

Что касается вопросов о режиссере, то спорить, очевидно, не приходится. У т. Барской я нашел понимание темы и чувство той воспитательной концепции, которая представлена в сценарии. Мне казалось, что это может обеспечить успех работе. Какие-то обстоятельства, находящиеся также в сферах выше моего понимания, не позволяют вместе сделать работу. Ничего не поделаешь, возможно, что у Вас есть более подходящий режиссер.

Во всяком случае, если «Флаги на башнях» будете снимать, мне придется принять более близкое участие, чем это обыкновенно принято, гак как вся композиция деталей в сценарии не выдумана, а взята из жизни.

Очень прошу Вас сообщить, как пойдут дальше дела.

Привет. *А. Макаренко*

Лаврушинский, 17/19, кв. 14

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 7, с. 164.

Дополнение. *2 июля – заседание Президиума Союза советских писателей* **совместно с активом СП, посвященное методам работы СП, порядку приема в него, работе Литературного института. Вступительное слово П. Павленко, К.**

Федина, В. Герасимов: десятки, если не сотни значатся в членах ССП, «а почему, неизвестно».

А.Макаренко: «Если считать писателем каждого человека, умеющего написать статейку, очерк, ... то наш Союз надо превратить в обычный профсоюз… Союз писателей – это союз художников, союз творцов литературных ценностей. Между тем членами его состоят люди, даже не имеющие никакого отношения к литературе».

А. Караваева: «Освободится от балласта, заниматься решением творческих вопросов». Н. Погодин: «Освободиться от халтурщиков». В. Катаев – анализ опубликованного; «нужны рекомендации 2 – 3 писателей». Выступили также: О. Войтинская, Б. Левин, В. Гоффеншефер, Г. Шенгели, А. Сурков, А. Зуев, О. Перовская, В. Перцов, Л. Сейфуллина, К. Тренев.

Опускула макаренкиана, № 9, с. 7. Публикация в «Литературной газете» 5 июля.

Запись в дневнике, 3 июля 1938 г.

3 июля

Одесса ответила в том смысле, что сценарии присылайте, а Барская не в их власти.

Сценарий закончен и сегодня отправлен. Полная уверенность в том, что ничего из этого сценария не выйдет.

Вышел № 6 «Красной нови» с первой частью «Флагов на башнях», Кто читает, нравится, Из литературного агентства звонили дважды. Требуют перевода на какой-то язык. Но за переводы «Педагогической поэмы» никто ни копейки не уплатил.

Говорил по телефону с Никитиным из «Детиздата». Все кто-то читает, но совершенно очевидно, что они готовят какую-то гадость, потому что отвечают:

- Приедем к Вам, поговорим.

«Литературная газета» напечатала-таки статью «Против шаблона» почти без изменений. Она произвела впечатление, особенно ... «я уже боюсь». Ожидаю после этой статьи всяких неприятностей.

«Альманах » приглашает меня на завтра зачем-то.

Предложил «Детиздату» для отдельного издания «Пути поколения». Никитин ответил уклончиво:

- Поговорю с Андреевым.

Все это завлекательно интересно.

За это время написал статью-рецензию о сборнике «Горький о молодежи»[1] дал отрывок «Флагов на башнях» в «Труд». «Литературная» отрывка моего до сих пор не напечатала.

В «Октябре» еще не был, и они молчат. Видно, у них нет денег.

Начинается более горячая работа в Бюро секции прозы.

Воспитание гражданина… / сост. С.С. Невская, с. 835.

[1] Эта статья исследователям неизвестна.

Дополнение. *Из письма В.Н. Колбановского А.С. Макаренко,* **4 июля 1938 г., из Анапы (на отдыхе, с семьей):**

… Надеюсь, что смогу писать и лето у меня будет продуктивным. Тогда осенью непременно подымем флаги на башнях! Клянусь честью – не отступлю.

Видите, я даже в письмах не могу обойтись без цитат из одного хорошо Вам известного автора. Таково его благотворное влияние на меня.

Желаю Вам удачи на Волге и Белой…

РГАЛИ, ф.332, оп.4, ед.хр.320.

О подписке на заем

Я с горячим одобрением встречаю Государственный заем третьей пятилетки. Я ощущаю в нем новые победы социалистического строительства и новый подъем военной мощи моей Родины. Приветствую этот заем и как увеличение моего личного участия в нашем великом деле.

Уверен, что подписка на заем будет проведена с таким же общественным единодушием, с каким мы только что провели выборы в Верховные Советы союзных и автономных республик.

Подписываюсь на заем в сумме 3 000 рублей.

А. Макаренко

А.С. Макаренко. Теория и практика коммунистического воспитания (из архивных материалов) / сост. А.А. Фролов. – Киев, 1985, с. 218 – 219. Опубликовано в «Литературной газете», 5 июля 1938 г., под общим заголовком: «Писатели – подписчики нового займа». Публикуются такого же рода сообщения: В. Гусев – 3 тыс. руб.; В. Катаев – 10 тыс. руб.

Речь идет о долгосрочном госзайме, внутреннем инвестировании плановой экономики, что имело не только экономическое, но и воспитательное значение. Подписка на заем была массовой (начиналась обычно на общем собрании трудового коллектива), но в индивидуальном порядке, с учетом возможностей каждого (включая семейные обстоятельства). Плата по займу производилась в рассрочку, обычно путем вычета некоторой суммы из зарплаты. Выплаты по облигациям займов затем производились с учетом изменений курса рубля.

В этом же номере газеты *статья К. Малахова «Отклик на окрик»*, **по поводу статьи А.С. Макаренко «Против шаблона».**

5 июля 1938 г.: издательский договор А.С. Макаренко с редакцией альманаха «Год XXI» о *повести «О любви»*, **8 печ. листов. Представление – 15 февраля 1939 г.**

Запись в дневнике, 9 июля 1938 г.

9 июля

Договор с «Альманахом» подписал на роман о любви. Поставили мне 8 листов. Срок 15 февраля. Ермилов говорит, что «Альманах» скоро закроется.

«Честь» окончательно отредактировали с Лукиным. В общем она выходит в отдельном издании[1].

Малахов в «Литературной газете» разогнался перепечаткой своей статьи. Оригинально со стороны газеты. Нужно отвечать, теперь бросать нельзя.

Из «Детиздата» - полное молчание. Ермилов вчера подтвердил: читал еще третью часть – очень хорошо.

Приехал Авдеенко. Привез свой роман. Растянуто и слишком страстно, но в общем хорошо. Отдал первую треть Ермилову.

«Флаги на башнях» - Авдеенко первая часть очень нравится, вторая не очень, третьей не читал.

«Труд» отрывок отказался поместить – о воровстве. «Л.Г.» тоже спрятала. Черт с ними.

Воспитание гражданина… / Сост. С.С. Невская, с. 835.

[1] В отдельном издании «Честь» не была издана.

Беседа с начинающими писателями

Товарищи! Я себя причисляю к начинающим писателям, и поэтому вам будет особенно полезно обменяться со мной опытом. Называя себя начинающим, я говорю совершенно искренне. Успех «Педагогической поэмы» дела не меняет. В этой книге заключен богатый жизненный материал; очень часто этот материал и делает погоду, а вовсе не мое писательское мастерство. С другой стороны, я и скромничать не хочу: я очень много над собой работал и, собственно говоря, всю жизнь готовился к писательской работе.

Давно, в 1915 г., я написал рассказ, который назывался «Глупый день». Мне тогда было 27 лет, но я имел очень слабое понятие о писательском мастерстве и вообще о законах художественного творчества. Я взял интересный случай из жизни и просто о нем рассказал. Отправил рассказ А. М. Горькому, который тогда издавал «Летопись». Через две недели получил от Алексея Максимовича письмо, которое помню дословно:

«Рассказ интересен по теме, но написан слабо: не написан фон, диалог не интересен, драматизм переживаний главного героя не выяснен. Попробуйте написать что-либо другое».

Из этого письма я очень хорошо понял, что я писать не умею и что нужно учиться. Очень может быть, что в глубине души остался неприятный след, но учился я основательно и долго. Тринадцать лет я не повторял писательских попыток, даже старался не думать о них, но все-таки завел себе записную книжку, в которую заносил все, что казалось мне достойным. В первое время в этой записной книжке преобладала афоризмы и сентенции, а потом я привык записывать детали жизни, пейзажи, сравнения, диалоги, портреты, темы, словечки. К концу 1927 г. у меня собрался богатейший материал, но я все не решался приступить к книге, все мне казалось, что я не готов быть писателем. Очень часто вспоминал письмо Алексея Максимовича. Фона я не боялся, но интересный диалог и теперь казался мне недоступным.

Интересно вот что: я работал в трудовой колонии им. Горького, мимо меня проходила сложная и напряженная жизнь нескольких сот молодых людей, но я считал, что эта жизнь настолько обыкновенна и проста, что она не может быть предметом художественного изображения. В моих записных книжках ничего не было записано именно об этой жизни, которую я лучше всего знал. Мне все казалось, что если я когда-нибудь напишу роман, то он будет на самую важную тему — о человеке, о любви, о великих революционных событиях[1]. А беспризорщина - это обыкновенная жизнь, о которой и писать нечего, которую все знают.

В 1928 г. у меня в колонии три дня гостил Алексей Максимович. Ему очень понравилась и сама колония, и тот стройный комплект педагогических приемов, который в ней выработался. Я очень много беседовал с Алексеем Максимовичем о колонии и о своих педагогических находках, о принципах воспитания. Темы нашей беседы совершенно не касались вопросов художественного творчества. Мои старые мечты быть писателем я старался не шевелить, я не напомнил Алексею Максимовичу о посланном ему в 1915 г. рассказе «Глупый день», а он, конечно, забыл о нем.

Беседуя с Алексеем Максимовичем, я чувствовал себя только педагогом, чувствовал тем более остро, что в эти дни меня занимали довольно трагические переживания, связанные с моей педагогической борьбой, с настойчивыми атаками наркомпросовских бюрократов на мою колонию.

И Алексей Максимович моей колонией интересовался исключительно с точки зрения педагогической революции. Его интересовали новые позиции человека на земле, новые пути доверия к человеку и новые принципы общественной, творческой дисциплины. Алексей Максимович сказал:

- Вы должны писать обо всем этом. Нельзя молчать. Нельзя скрывать то, к чему вы пришли в вашей трудной работе. Пишите книгу.

Я этот завет Алексея Максимовича принял как директиву и немедленно, как только он уехал, начал писать. Первую часть «Педагогической поэмы» я написал очень быстро, в два месяца, несмотря на чрезвычайно тяжелые условия работы в колонии, несмотря на то, что мои враги выгнали-таки меня из колонии. Работая над первой частью поэмы, я все же был уверен, что пищу педагогический памфлет, что никакого отношения эта работа к художественному творчеству не имеет. Тем не менее, я придал ей беллетристическую форму, руководствуясь при этом исключительно таким соображением: для чего мне доказывать правильность моих педагогических принципов, если жизнь лучше всего их доказывает, буду просто описывать жизнь. В то время еще очень сильна была педология, выступавшая под знаменем «марксистской» науки. Я боялся педологии и ненавидел ее. Но прямо напасть на все ее положения было все-таки страшно. Мне казалось, что в беллетристической форме удобнее будет если не развенчать, то хотя бы начать атаку на нее.

Когда первая часть была написана, я продолжал находиться в уверенности, что это не художественное произведение, а книга по педагогике, только написанная в форме воспоминаний. Книга мне не понравилась. По-прежнему я был убежден, что жизнь колонии беспризорных никого особенно занимать не может, что о беспризорных уже много написано, и написано неплохо. Поэтому я не послал книгу Алексею Максимовичу, а подержал ее несколько месяцев в ящике стола, потом еще раз прочитал, печально улыбнулся и отправил на чердак, где у меня лежали разные ненужные вещи, чтобы они не загромождали мою тесную комнату.

Через 4 года, когда я не только забыл об этой книге, но забывать начал и о своей мечте сделаться писателем, когда цвела и славилась на весь мир во всех отношениях замечательная коммуна им. Дзержинского, где я работал, и, когда меня в наибольшей степени увлекали проблемы производства «ФЭДов», один из моих приятелей, начальник финансовой части коммуны[2], в какой-то служебной папке нашел несколько страниц «Педагогической поэмы», прочитал их и заинтересовался. Он настойчиво потребовал от меня, чтобы я дал ему почитать книгу, которая в то время не имела даже названия. Я не особенно сопротивлялся, в самом деле, пусть читает! Я был очень удивлен его читательскими восторгами, но они не вскружили мне головы. Я думал: провинциальный читатель, да еще бухгалтер, что он там понимает в литературе. Неожиданно я получил письмо, а потом и телеграмму от Алексея Максимовича с требованием немедленно представить книгу. Делать было нечего, я собрался в Москву и повез с собой названную уже «Педагогическую поэму»[3].

Алексей Максимович прочитал книгу в течение одного дня и немедленно отдал ее в печать.

Я очень благодарен своему терпению и своей неторопливости. Моя книга вышла в 1933 г., когда мне было уже 45 лет. За 45 лет я накопил богатый опыт жизни и борьбы, я сделался специалистом в области воспитания, я создал две колонии и выпустил из них более тысячи человек, которые сейчас работают как настоящие честные граждане страны трудящихся.

И самое интересное - я научился писать о жизни. Тот самый диалог, который в первом моем рассказе был просто неинтересен и которого я всю свою жизнь больше всего боялся, благодаря моей упорной работе над собой составляет в настоящее время наиболее доступную для меня форму письма.

Незаметно для себя, в течение всех 13 лет моего писательского молчания, я работал над диалогом. В этом деле огромную роль сыграли мои записные книжки.

Я и сейчас веду их очень аккуратно и считаю, что это очень важная часть писательской работы. К сегодняшнему дню в записных книжках у меня собралось около 4 тыс. заметок[4]. Каждому писателю, и в особенности начинающему, я очень рекомендую записную книжку.

На записной книжке я остановлюсь подробнее. При этом я не думаю, что нашел какой-нибудь секрет. Наверное, все писатели ведут такие книжки, и каждый делает это по-разному. Мой опыт — только незначительная часть общего опыта.

Записная книжка писателя не должна быть дневником. Собственно говоря, в ней не нужно записывать ничего такого, что составляет основание жизни, ее главный ход. Записывать нужно только то, что способно держаться в памяти очень короткий миг, а потом может исчезнуть. Что я записываю? Чье-нибудь интересное слово, чей-нибудь рассказ, детали пейзажа, детали портрета, характеристики, маленькие спешные мысли, соображения, кусочки темы, сюжетные ходы, обстановку жилища, фамилии, споры, диалоги, прочие разнообразные мелочи.

Записная книжка важна даже не в качестве поправки к памяти. В сущности, когда пишешь роман, в записную книжку почти не заглядываешь. Книжка эта важна как арена, на которой обостряется внимание к мелочам жизни, воспитывается умение видеть и замечать, способность не зевать, не проходить мимо мелких, но выразительных и всегда важных деталей[5]. Поэтому такая книжка приносит пользу только в том случае, если она ведется регулярно, если вы ни по лени, ни по занятости, ни по забывчивости не пропускаете ни одного дня в работе над записной книжкой.

Разумеется, неудобно и часто невозможно пользоваться такой записной книжкой в присутствии многих людей, пожалуй, и некрасиво и неделикатно при всяком случае ее вынимать и записывать. Поэтому свою записную книжку я держу дома и при посторонних никогда в ней ничего не записываю. Но при мне всегда есть миниатюрный блокнот, в котором я очень коротко, одним словом, отмечаю то, что потом более подробно вношу в записную книжку.

Работа с такой книжкой интересна еще вот в каком отношении. В процессе самой записи родятся дополнительные, созданные воображением ходы, образы, усложнения. Это та черновая работа, которая не связана еще ни договором, ни строгим планом романа, ни боязнью критики. Это совершенно интимная лаборатория, в которой ваше воображение имеет полный простор и в которой вы можете упражнять свои силы, как в гимнастическом зале.

Такую книжку вести довольно трудно. Очень часто устаешь, хочется отложить на завтра. В первое время нет навыка работать с книжкой продуктивно. Нужно заставлять себя производить эту работу. Потом она становится совершенно необходимой потребностью, образуется привычка к такой работе, умение выбирать самое интересное и нужное.

Записная книжка вплотную подводит нас к вопросу об отношении материалами и литературного изображения. Приходится встречать молодых людей, которые во что бы то ни стало хотят изображать революцию 1905 г., или гражданскую войну, или старый режим. Недавно я прочитал роман одного начинающего писателя. Он изображает поповскую семью. Мальчик, сын попа, спит на диване. Почему-то автору; вероятно, для создания определенного колорита, захотелось укрыть мальчика не одеялом, а ризой. И автор серьезно, даже красочно, описывает, как перекосился накладной крест на ризе, повторяя изгибы тела мальчика. Тот же автор пишет: «гнусавое пение дьячков перемежалось дробным чтением евангелия» — это во время обедни. Этого автора можно упрекнуть только в том, что он выбрал материал, совершенно ему неведомый. Только поэтому он свободно представляет себе, что в поповском доме мальчики укрываются ризами, что церковная служба состояла в чтении евангелия.

Если бы автор наблюдал поповскую жизнь, он хорошо знал бы, что ризы никогда не находились в поповской квартире и что евангелие читается во время обедни только один раз, и при этом никогда не читается «дробно», а всегда торжественно, протяжно, с особыми, специально для этого дела придуманными завываниями.

Записная книжка помогает организовать знания жизни, но она никогда не заменит их. Не может быть писателем тот человек, который не знает хорошо никакой реальной жизненной среды, который не знает никакой работы, никакого быта. В особенности в нашей советской литературе это очень важно.

Тургенев мог описывать охоту, чувства людей, привыкших к безделью, их разговоры, мечты, судьбы. В нашей стране нет таких людей. Каждый гражданин Советской страны обязательно что-нибудь делает, непременно участвует в производительности труда. И его характер, и его личность не могут быть описаны, если отбросить те черты характера, которые возникают и развиваются в процессе работы, в процессе трудового общения с другими людьми[6].

Кажется, у нас все хорошо понимают этот закон, но иногда делают из него неправильные выводы. Полагают, что можно просто со стороны присмотреться к трудовой жизни и увидеть все ее детали. Находятся люди, которые прямо утверждают, обращаясь к писателям:

- Не сидите на месте, путешествуйте, наблюдайте, смотрите.

Многие так и делают. Путешествуют, наблюдают, смотрят и при этом глубоко убеждены, что они изучают жизнь, собирают материалы для литературного произведения. Мне хочется всегда возразить на подобные призывы, хочется сказать:

- Наоборот: не передвигайтесь, не путешествуйте, сидите именно на месте.

Представьте себе, что вы решили описать коллектив завода. Вы жили рядом с заводом месяц или два месяца, вы беседуете с рабочими или с инженерами, вы запоминаете или записываете их портреты, события на заводе, рассказы, ситуации. Вам кажется, что вы узнали все, что вам нужно, — вы собрали материал.

Я утверждаю, что ничего вы не собрали и что никакого материала в вашем распоряжении нет. Только тогда, когда вы сами участвуете в работе завода, когда вы переживаете все его удачи и неудачи, когда вы отвечаете за них перед советским обществом, только тогда вы по-настоящему узнаете то, что вам нужно, узнаете не в качестве холодного, хотя и пристального наблюдателя, а в качестве участника. Вы можете сколько угодно беседовать с рабочим, но пока вы не поспорите с ним, пока вы не порадуетесь вместе, не помиритесь на чем-нибудь, до тех пор вы не узнаете ни его характера, ни характера тех идей, которые им руководят. В то же время только в качестве участника вы можете приобрести тот эмоциональный накал, который совершенно необходим для художественного произведения[7].

Мои слова вовсе не обозначают, что необходимо писателю обязательно работать в каком-нибудь предприятии или учреждении. Может наступить момент, когда воспитанный в работе жизненный опыт позволит писателю более или менее свободно разбираться в человеческом коллективе соседнего ряда, но накопить такой человеческий опыт все же необходимо.

Я лично убежден, что советский писатель должен пройти какой-то рабочий жизненный стаж перед тем, как начать писать. Прелесть «Танкера «Дербента» Юрия Крымова заключается в глубоком знании не только людей на каспийском пароходстве, но и вещей, техники этого пароходства. Не зная техники, нельзя представить себе силу того сопротивления, которое испытывает каждый трудящийся со стороны природы, со стороны вещей и предметов, со стороны технических условий труда, в таком случае нельзя представить и психику этого человека.

Кто хочет быть хорошим советским писателем, тот должен начинать с вопроса о своем отношении к жизни[8]. Он должен активно участвовать в этой жизни, активно ее изучать.

Только правильно разрешив вопрос, о материале, можно приступить к разговорам и о писательской технике[9].

К сожалению, у нас нет свода этой техники. В особенности плохо обстоит дело с прозой. Каждый писатель только по мере прохождения своего авторского пути

постепенно разбирается в таинствах этой техники. Даже терминологии, в той или иной мере определяющей эту технику прозы, у нас нет.

В своей работе я до сих пор часто испытываю технические затруднения, и мне приходится их заново преодолевать.

Наиболее трудными отделами этой техники я считаю следующие:

Композиция.

Диалог.

Портрет.

Тон.

В настоящей беседе я не имею в виду изложить свои технические выводы или мысли. Я только касаюсь для примера некоторых вопросов, чтобы показать, какие затруднения встречает писатель в своей работе и как с этими затруднениями нужно бороться.

В композиции меня больше всего затрудняет вопрос о плотности рассказа. Под плотностью я понимаю количество содержания на единицу текста, например на страницу или на главу. Всякий читатель знает, что на немногих страницах описываются иногда события чрезвычайно подробно, с перечислением самых мелких деталей, самых неуловимых движений, не только внешних, но и внутренних — психических. Этот случай и будет случаем наибольшей плотности, С другой стороны, сплошь и рядом автор описывает на странице целый период, характеризуя его приблизительно такими словами: «В течение двух месяцев Иван Иванович познакомился с товарищами и увидел...» Такие места мне хочется назвать местами наименьшей плотности.

Нет никаких законов, позволяющих прийти в этом вопросе к каким-либо выводам. Мы знаем писателей, которые не любят большой плотности и почти все повествование ведут большими, крупными мазками, их произведения от этого не делаются менее ценными. В известной мере к таким писателям относится Эренбург. С другой стороны, мы знаем писателей — мастеров наибольшей плотности, например Леонов. Обычно же у каждого писателя свои законы композиции и свое индивидуальное отношение к вопросу о плотности. В каждой книге вы можете встретить различные типы чередования мест большой плотности и малой, иногда это получается удачно, иногда менее удачно. Наибольшим недостатком повести Первенцева «Кочубей» я считаю нелогичное распределение плотности.

Каждый автор должен серьезно учиться этому, должен найти свои законы композиций, достаточно стройно и прямо соответствующие содержанию и общему стилю. Во всяком случае, я пришел к таким правилам для себя:

а) нельзя показывать второстепенные лица в прозе большой плотности;

б) нельзя держать читателя более или менее долго на плотности одного и того же напряжения;

в) нельзя разнообразить плотность в пределах одного эпизода;

г) в пределах одной главы желательно наибольшую плотность иметь в конце главы.

Можно еще много и более пространно сказать о плотности, но я думаю, что этого не следует делать в такой короткой статье.

Диалог — один из самых трудных отделов прозы. Нужно знать диалог в жизни. Выдумать интересный диалог почти невозможно. У наших молодых писателей слабее всего выходит именно диалог.

Диалог должен быть очень динамичным, он должен показывать не только духовные движения, но и характер человека. Он никогда не должен обращаться в болтовню, в простое зубоскальство, и он никогда не должен заменять авторского текста. Многие у нас так и думают: то, что хочет сказать автор, пускай говорят герои, будет интереснее. Это ошибка. То, что должен сказать автор, никому из героев поручать нельзя. В таком случае герои перестают жить и обращаются в авторский

рупор. И наоборот, те слова, которые уместно произносить героям, автор не должен брать на себя и говорить от третьего лица.

Портрет я считаю самым трудным отделом прозы, так как этот отдел меньше всего разработан в русской литературе. В нашей литературе, безусловно, лучше всего разработан пейзаж. Движения же лица, глаз, рук, описание всех движений тела у нас еще не достигли настоящей культуры, и поэтому нам очень трудно хорошо описывать все это.

В области тона[10] автор должен находиться в постоянном напряжении. Очень важно для определенной вещи найти соответствующий тон и держаться в этом тоне до конца произведения или, по крайней мере, до конца главы. Что такое тон? Это определенное количество таких явлений, как юмор, ирония, сарказм, торжественность, холодность, точность, грусть, печаль, радость, пессимизм, оптимизм. В пределах одной главы, а еще лучше целой вещи, нельзя произвольно менять соотношения этих элементов в языке. Если, например, в определенных печальных обстоятельствах, отраженных в стиле, происходит перелом, совершается радостное событие, лучше на нем и оборвать главу, чтобы следующую начать в другом тоне. Следить за тоном очень трудное дело, но без умения руководить своим тоном не может быть хорошего прозаика.

Я коснулся нескольких отделов техники прозы, чтобы показать, что эта техника требует напряженной работы, требует раздумья, анализа. Все это очень важная работа, которую каждый должен проделать.

В заключение скажу следующее: решающим в писательской работе является все-таки не материал, не техника, а культура собственной личности писателя. Только повышение этой культуры может привести к повышению качества писательской продукции. Чтение книг, и не только художественных, учеба, знание — знание по возможности разностороннее, чтение научных книг, развитие слуха, глаза, осязания, музыкальное развитие и развитие техническое — все это совершенно необходимо писателю. Не может быть хорошего прозаика, если человек не знает на память лучших наших поэтов, если он не слышит, как звучит слово, как чередуются в нем звуки.

Во всём этом лучшим образцом для нас всегда был и будет Максим Горький.

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 7, с. 177 – 184: обработанная автором стенограмма «беседы», прошедшей 11 июля 1938 г.; опубликовано в ж. «Литературная учеба», 1938, № 9. Не обработанная автором стенограмма дана в кН.: А.С. Макаренко. Публичные выступления (1936 – 1939 гг.). Аутентичное издание / сост., авт. коммент. Г. Хиллиг, - Елец, ЕГУ им. И.А. Бунина, 2012, с. 245 – 256.

Активное отношение к жизни, мысль о «педагогической революции», тщательное изучение и утверждение «новой позиции человека на земле», всемерное повышение «культуры собственной личности» - к этому сводит А.С. Макаренко качества, необходимые современному писателю. Они даются, несомненно, в параллели с главным, что требуется и от педагога – теоретика и практика: всегда видеть проблему «педагогика и жизнь».

[1] Планы этого романа см. в части 1 данного издания, с. 319 – 327. Как отмечено в конце «Педагогической поэмы», работу над этим произведением он начал в 1925 г.

[2] Говорится о К.С. Кононенко.

[3] Речь идет о первой части «Педагогической поэмы», ее А.С. Макаренко дорабатывал и передал А.М. Горькому 21 сентября 1933 г. Ответ получил 26 сентября.

[4] Записи А.С. Макаренко нумеровал, делал их тематические подборки. См., например, часть 5 данного издания, с. 159 – 171 и далее в этой 7 части: Из записной книжки, п.1230.

[5] **«Внимание к деталям» - важнейшая черта творчества А.С. Макаренко и в педагогике.**

[6] **Коренное изменение характера взаимоотношений людей, их труда, быта, морали и психологии в советском обществе – это основа основ педагогического новаторства А.С. Макаренко.**

[7] **К писательской деятельности А.С. Макаренко применяет общепедагогический принцип: первостепенное значение жизненной практики, трудового «человеческого» опыта. Только таким путем достигается истинное «знание жизни», новых общественных отношений и характеров.**

[8] **«Отношение к жизни» у А.С. Макаренко является главным в целях воспитания. Личное отношение педагога к жизни он рассматривает как фундаментальный фактор воспитания.**

[9] **Это в полной мере относится и к педагогике: приоритет содержания воспитания, подчиненное значение педагогических средств и их относительная самостоятельность, возможность использования в воспитательных системах разной направленности. «…Для воспитания строителя – большевика и убежденного буржуазного деятеля может пригодиться один и тот же список приемов… Вопрос решается их естественным содержанием…» (часть 3 данного издания, с. 55).**

[10] **«Стиль» и «тон» воспитания, жизнедеятельности и отношений людей – открытый А.С. Макаренко новый отдел педагогической теории и практики, особенно значимый в педагогике коллектива. По данному тексту видно, что «тон» - это эмоциональное состояние жизнедеятельности.**

Фрагменты не обработанной А.С. Макаренко стенограммы беседы с начинающими писателями

…Я не думаю, чтобы вам было бесполезно узнать о моем опыте, потому что я убежден, что настоящее художественное произведение может возникнуть и родиться только из опыта…

Когда я работал над «Педагогической поэмой», я не только не думал о том, что я что-то в литературном отношении знаю, но не сомневался в том, что у меня получится очень плохое произведение, и даже не читал его жене, близким людям.

Тем не менее, «Педагогическая поэма» была напечатана, издана, понравилась читателям, вызвала много хороших отзывов. Если и были отрицательные отзывы, то они заключались в том, что меня ругали за мои педагогические ереси, но не за художественную часть…

Главное достоинство художественных произведений - это сделать [так], чтобы они не были скучными. Когда я писал свою «Педагогическую поэму», мне казалось, что она должна быть скучной: кому нужны беспризорные, кому нужны мои педагогические страдания? Вопрос материала в художественном произведении всегда является решающим. Многие молодые писатели думают, что нужно только придумать тему и можно написать на эту тему рассказ. Тему можно придумать самую разнообразную: помещик, у которого красивая жена и красивая крепостная; помещик влюбляется в крепостную и женится на ней.

Можно написать рассказ или роман на эту тему, но можно и не написать ничего.

Я не представляю себе, чтобы можно было написать рассказ без специального научного изучения эпохи (в данном случае без изучения эпохи Александра II). Я не представляю себе, чтобы можно было написать рассказ о революционном движении 1905 г., не изучив этой эпохи. Материал должен быть совершенно знаком и изучен.

В Союзе писателей Украины председатель этого союза, враг народа[1], требовал от писателей — не сидеть па месте, ездить, путешествовать, собирать впечатления. Было много сторонников этого мнения. Я неоднократно вступал с ними в спор и утверждал, что нужно сидеть на месте и знакомиться с жизнью, с людьми; как это можно из командировок узнавать жизнь. Вы приехали в какой-нибудь город, поговорили с человеком на работе, записали, что он вам сказал, - и уехали. Можете ли вы о нем написать рассказ? - Не можете.

Если же вы с человеком сталкивались на работе (допустим, даже, что он рабочий, а вы - начальник планового отдела), если вы с ним не один раз, а раз 5-6 поссорились, из одной рюмки водку пили, помирились с ним, побывали с ним в одном доме, - тогда совершенно ясно, что он стоит в вашей памяти как живое существо.

Тема эта - очень интересная. Когда с человеком бываешь, живешь мирно, а иногда и поспоришь, и поработаешь вместе, вместе и отдохнешь - тогда только можно описать человека, нужно пережить с человеком и неприятности, и радости, чтобы не написать шаблона.

Я лично во многом рассчитываю на свою память. Я сравниваю людей, с которыми я теперь работаю, с людьми, с которыми я встречал [ся] прежде, — иначе я не представляю себе творчества. Но спорить с людьми, которые представляют себе творчество по-другому, я не могу.

Я считаю, что мало только наблюдать за жизнью и участвовать в ней, - нужно и записывать все впечатления жизни…

С 1915 года по сегодняшний день я веду записную книжку, и это дело организовано у меня очень хорошо (солидно). У меня большая книжка, куда за определенным порядковым номером (сейчас идет 4000-й номер) я записываю отдельной короткой строчкой те или другие свои мысли и впечатления[2]…

Самое трудное дело в романе - это портрет, лицо. Много лет пишет писатель, описывает людей, не обезьян, Ассортимент - очень небольшой. Лицо человека, по современному состоянию нашей литературы, можно описывать только в движении, нужно научиться изображать мимику лица. Только по движению мы можем себе представить физиономию героев художественного произведения.

Описание может происходить в 2-3 словах, если я вижу занятное лицо - красивое или безобразное — с красивыми движениями, когда я замечаю, как дрожат мускулы рта, складки на лбу - я свои впечатления заношу в свою записную книжку.

Такая запись в книжке нужна не только для того, чтобы написать роман, но и для того, чтобы научиться наблюдать и видеть. Если вы не научитесь заносить свои впечатления в книжку, вы не научитесь наблюдать и видеть. Прожив на свете 27 лет, я научился наблюдать и видеть только тогда, когда стал заносить свои впечатления в записную книжку.

Отсюда вывод, что талант писателю не обязательно иметь от природы, можно его воспитать напряженной и кропотливой работой…

Пейзаж описывать очень трудно. Я не говорю только о ландшафте, — описаний ландшафта я в свою книжку не заносил. Я научил свой глаз видеть рождение и умирание красок, их образование…

Не надо записывать в записную книжку всякий разговор, нужно записывать только диалог интересный, который несет ясное ощущение эмоции, юмора, колорита…

Продемонстрирую перед вами записи в мою записную книжку, которую я купил несколько дней тому назад: «Страсть, большая страсть и большой талант, но нет вкуса». — Чтобы это записать, нужно было рассмотреть человека. Это было усилие, которое я производил над собой. Для того чтобы занести эту запись, нужно было произвести над собой известное усилие.

Другая запись (иногда я допускаю грубые выражения): «Девушка, обтянутые бедра, стонет у телефона, стесняется своего разговора». - Вы видите, что эта девушка представляется в моем воображении признаком несимпатичного существа, и когда-нибудь я воспользуюсь этим образом. - Опять повторяю, что важна не самая запись, а то усилие, которое я делаю над собой, когда заношу эту запись в книжку.

Вот еще одна запись в книжке: «Гости на даче. Он и она тают от голодного восторга, у этого человека всегда восторг». Эта моя запись изображает приживальщика, тип приживальщика, который тает от восторга перед своим хозяином.

Сейчас меня очень интересуют дураки, которые рядом с нами живут и работают, которые мыслят и высказывают свои мнения, иногда решают чужую судьбу[3]. Для меня интересен дурак - не как существо ненормальное, а как живущее в обществе, действующее, работающее. Когда я слышу грубые слова, вижу грубые действия, я их записываю у себя в книжке, потому что они представляют для меня очень большой интерес.

Здесь важно не то, что записано в книжке, важен тот метод, при помощи которого воспитываешь свой организм, чтобы лучше мыслить и понимать.

В моей «Педагогической поэме» одним из действующих лиц является Калина Иванович. Я записал очень много слов для него; теперь я могу говорить его языком, могу произносить речи, которых он никогда не произносил. Его язык звучит у меня как язык живого человека.

Нет никаких трудностей в том, чтобы записать диалог детей. В течение 32 лет я его записывал и в книжке, и в действительности. Записывал в многообразных оттенках, нюансах, - разговор детей на любую тему, я не поправлял ни одной буквы.

Чрезвычайно важное значение имеет длительность той среды, в которой вы живете. Если вы будете готовить себя к писательской деятельности в течение 15 лет, будете все это время учиться, вы будете прекрасно писать, но вы не хотите писать через 12 лет, вы хотите писать сейчас, чтобы вас хвалили критики. Вы думаете, что если вы напишете рассказ, то вас будут хвалить и чествовать — рассказ будет хороший, но, если вы этот же рассказ напишете не сейчас, а через 5 лет, он будет еще лучше…

В работе писателя есть своя своеобразная техника.

Как я работал над своей «Педагогической поэмой»?

В начале работы у меня не было никакой техники. Если бы не Алексей Максимович, произведение было бы плохим. Когда стали «Педагогическую поэму» печатать, больше 10 печатных листов печатать не разрешили[4]. Три четверти материала было выброшено. Нужно писать произведение так, чтобы ничего не приходилось выбрасывать. Я тогда находился в ужасных условиях, заведовал трудовой колонией, вставал в 6 часов, дожился в 2 часа, иногда выбирал 15 минут для того, чтобы пообедать, иногда даже и не обедал; когда я шел обедать, меня возвращали опять на работу.

Я не могу писать в тишине и сейчас, потому что, когда я писал, кругом было движение, и эта привычка писать в сплошном шуме сохранилась у меня и сейчас.

Для того чтобы написать роман, мне нужно 15 дней, но подготовка к этому роману у меня занимает 7-8 месяцев. Такое продолжительное время мне нужно на собирание материалов, обдумывание плана, выработку характера героев. В результате такого собирания материалов получается огромная папка, где все готово для писания романа. Самая приятная работа - планирование романа. Потом начинается самая тяжелая пора - когда роман нужно написать, роман этот нужно написать быстро, я начинаю ворчать, ругаться, рычать.

Я считаю, что нельзя написать роман, не составив хорошего плана. Я поэтому и составляю план очень подробно и разработанно, прежде всего, я выписываю все замечания из моей записной книжки в отдельную книжку. Затем вырабатываю

список действующих лиц, числа описания, подробно выписанные из моих записей в записную книжку. Нахожу прототипов своих героев, записываю общее направление их мысли, - кому эти люди являются врагами, кому друзьями, с кем они находятся в столкновениях, в каких комбинациях встречаются с другими людьми, в каких комбинациях моих героев интереснее осветить. Такая запись занимает у меня примерно 2 часа.

Затем я строю план фабулы, событий романа и сразу перехожу к плану глав; в каждой из глав намечаю, кто из действующих лиц участвует, по 5-и балльной системе. Если мой герой является главным действующим лицом, он получает оценку на 5 баллов, если он только упоминается, а не участвует - он получает оценку «на единицу». Стараюсь, чтобы действующие лица были распределены равномерно. Когда план готов, можно легко писать.

Говорят, что хорошо собственное произведение положить на полгода, а затем его вычитать. Я был сторонником такого мнения: когда я написал роман «ФД-1», я спрятал его на полгода, но когда я затем снова прочитал его, он мне до такой степени не понравился, что я совершенно выбросил его[5]. Свое произведение я не могу читать, мне противно это. Править свой роман я не могу.

Я совершенно не могу работать над слогом. У меня эта привычка, неумение работать над слогом компенсируется напряженной работой над планом, у меня складывается текст, и поправить его очень тяжело…

Обладать чувством меры в изображении - чрезвычайно трудное искусство. Не знаю, кто им владеет в совершенстве. Большой насыщенностью и искусством проникнуты произведения Л. Толстого, Чехова. Не совсем достигнута насыщенность у наших северных авторов. В рассказе достигнуть чувства меры гораздо легче, в романе же оно очень трудно достигается.

Для примера: я закончил роман, план которого преодолевал очень долго. Мне нужно описать события, которые происходили в течение 3-х лет. Могу ли я совершенно одинаково описывать все дни в течение 3-х лет? Могут ли они описываться одинаково плотно? Конечно, нет, потому что некоторые дни будут описываться либо очень коротко, либо совсем не будут описываться. Такое описание для меня представляет наибольшую трудность.

Еще одним наиболее трудным вопросом, который приходится решать при составлении плана, является композиционная работа над планом.

Что меня еще затрудняет в моей работе над художественным произведением? Я говорю о затруднениях, потому что не знаю, чем похвастать. Очень плохо получается, если в описаниях отсутствует лирика. В лирическом описании жизни много прелести, много движения и столкновений.

Мне очень трудно уловить это звучение жизни, очень трудно затронуть язык. Не знаю, как происходит это у других писателей. Для меня очень сложно улавливание со стороны движения, как будто у меня не хватает слов; приходится употреблять слова, которые надоели, стали обыденными, ищешь новых слов для выражения своей мысли.

Редактор не пропускает новых слов, выбрасывает и вместе с этим меняет смысл выражений. Очень неприятна эта боязнь редактора. Я себя утешаю только чтением больших авторов, вроде Льва Толстого, который не боится повторяться, повторять одни и те же выражения и не боится редактора. Когда читатель читает наше произведение, ему и в голову не приходит мысль о наших неприятностях и невзгодах. Очень мало слов для описания движения человека, выражения тона, голоса, нее имеющиеся выражения заезжены, а новых слов нет.

Гораздо легче при описании пейзажа, массового движения; гораздо больше слов, чем при описании человеческого движения.

О сравнениях. Я стыжусь писать красивые сравнения. Мне кажется, что так люди не говорят. Если у меня и появляются весьма редкие сравнения, я их

немедленно вычеркиваю, в моей книге сравнений не найдете. Может быть, такая стыдливость необходима, она заключается и болезни лезущих в глаза выражений.

Несколько слов о юморе, который украшает книгу.

Говорят, что у меня есть юмор. Когда я пишу, я этого юмора не замечаю. Один профессор-литературовед сказал, что юмор в моих произведениях напоминает юмор произведений Диккенса - его сантименты по отношению к грустным типам. Когда профессор мне об этом сказал, я был несколько оскорблен, так как очень не люблю Диккенса[6].

Я написал роман «Честь», в котором, по мнению критиков «Литературного обозрения», нет юмора; в другом моем произведении юмор составляет его неотъемлемую часть. Это говорит о каком-то подсознательном процессе, который руководит нами и который нужно организовать, когда составляешь план романа. В некоторых произведениях юмор говорит о любви писателя к своим героям, его любовании ими.

Последнее, что я хотел сказать о себе: моим недостатком является то, что я не люблю грустных сценок, не выношу печальных событий. Я люблю красивых людей. Мне все люди кажутся красивыми, я не нахожу некрасивых физиономий. Когда начинаю описывать людей, они мне все кажутся красавцами. Все это происходит из-за моего отношения к жизни.

Как возникает тема? Я мог бы назвать темы, миллион тем в течение двух часов подряд.

Ответы на вопросы

Если не читать, не повышать свой культурный уровень, никакая запись в книжку не поможет. Нужно читать не только беллетристику, но и научные книжки. Горький знакомился со всеми отраслями знания, и его примеру нужно следовать всем начинающим писателям. Писатель должен ориентироваться не только на записную книжку, но и на собственные знания, на собственное миросозерцание. Нужно читать историю, такое чтение познакомит вас с очень серьезным и интересным материалом.

Тема должна возникать из синтеза чувств. Сейчас меня интересует проблема любви. Недавно мне одна очень красивая девушка рассказывала о своих отношениях с мужем, который после отъезда не писал ей в течение 2-х месяцев, несмотря на пламенную любовь и беспокойство о ней, сквозившие в его первой после отъезда открытке. Эта невыясненность отношений в любви, психика их мне очень интересна.

Юмор нельзя запланировать, сатира - это нечто совсем другое.

Несомненно, печальные события в жизни существуют, но к ним нужно уметь мужественно относиться. Недавно я выступал по педагогическим вопросам перед рабочими Электрозавода. Ко мне обратилась женщина с вопросом, как ей быть, ее бросил муж, оставив на руках двоих детей. Несомненно, это тяжелое обстоятельство, но к нему нужно мужественно подходить. Я и предложил молодой красивой женщине поменяться: я возьму ее детей и ее возраст (27 лет), а ей оставлю свой пятидесятилетний возраст.

Очень важным в языке является музыкальное ощущение. Для этого нужно ходить на концерты, читать наших великих поэтов. Я не выношу некоторых слов, которые употребляются нашими начинающими писателями: они заменяют, например, слова: «мальчик», «юноша», словами «парень», «парнишка». Это - упрощенческие слова. Если писатель не знает музыки, не читает Пушкина, то не дотянется до поэзии.

Я очень люблю Козина, в произведениях которого звучит музыка[7]. Сейчас я задумал роман из эпохи Владимира Мономаха, с которым я живу, когда читаю книги о нем, вместе с ним живу в Переславле, в Киеве, живу его жизнью[8].

Я кончил 3 класса городского училища[9]. В высшей начальной школе был один год, затем учился на педагогических курсах, кончил эго училище,

учительствовал 13 лет, получал жалование 40 р. в месяц, которые я тратил только на книги, за исключением 10 руб. в месяц на питание[10]…

Данный материал и представленный выше показывает, что А.С. Макаренко существенно доработал стенограмму, вышел далеко за пределы скромной задачи: поделиться личным опытом «преодоления трудностей» в своем литературно – художественном творчестве. К более полному освещению своего мастерства как писателя – прозаика, вероятно, его побудила редакция «Литературной учебы».

[1] Говорится, видимо, о А.Г. Сенченко; освобожден от должности председателя СПУ в ноябре 1936 г.

[2] Сохранились лишь записные книжки А.С. Макаренко 1929 – 1939 гг.: РГАЛИ, ф. 332, оп. 5, ед. хр. 20 – 35.

[3] Замысел произведения относится к осени 1935 г. (см. часть 4 данного издания, с. 163). Этой темой интересовался также А.М. Горький: о людях, выпадающих из обычной жизни.

[4] Говорится о принятом тогда предельном объеме публикации в литературном журнале, при публикации 1-й части произведения.

[5] Некоторые страницы «ФД-1» А.С. Макаренко использовал в других произведениях. Публикация этого произведения – в части 2 данного издания.

[6] «Терпеть не могу Диккенса» - см. часть 1 данного издания, с. 40.

[7] Рецензию А.С. Макаренко на «Рассказы о просторе» В. Козина см.: часть 6 данного издания, с. 56 – 59.

[8] Какие-либо материалы, относящиеся к замыслу этого произведения, исследователями не известны.

[9] А.С. Макаренко «окончил полный курс учения в Кременчугском 4-классном городском училище», затем был «слушателем Педагогических курсов» при этом училище – см. аттестат и свидетельство в т. 8 пед. Соч. А.С. Макаренко, 1986, с. 116 – 117. 13 лет учительства он дает без учета года работы в советской «единой трудовой школе» и с включением учебы в трехгодичном Полтавском учительском институте (прервана военной службой «ратником ополчения», окт. 1916 г. – апр. 1917 г.).

Городские училища – тогда начальные школы повышенного типа, с 6-летним сроком обучения. Преобразованы в высшие начальные училища: 4-летний срок обучения, с 11 лет, после окончания начальной школы. В аттестате А.С. Макаренко об окончании училища значатся 9 учебных предметов (включая геометрию, физику), а также «пение, гимнастика и предметы дополнительные». Это, можно сказать, соответствует советскому 7-летнему образованию.

[10] Далее – *«Заключительное слово тов…»* **(фамилия отсутствует, возможно, по причине причастности к репрессированным). В заключении отмечается: полезные советы А.С. Макаренко: «Нужно вынашивать свой материал; «Если писать о прошлом, нужно видеть это прошлое». Сила «Педагогической поэмы» состоит в том, что «автор осветил огромное событие, имеющее великое значение в нашей жизни – воспитание и перевоспитание людей». «Макаренко живет пафосом любви, и в его представлении все люди - красавцы». Он «видит только положительные черты людей, исходя из своего отношения к жизни» (с. 252 – 253).**

Записи в дневнике, 14 – 17 июля 1938 г.

14 июля

Все стоит на месте. Много работаю в ССП по проверке состава [секции] прозаиков. Читаю Ленина для статьи о критике в «Литературной критике». «Детиздат» молчит. Ермилов говорит, что еще раз прочитал третью часть «Флагов на

башнях» и она ему по-прежнему нравится. «Комсомольская правда» затребовала отрывок. Н.В. Петров читал первую часть, говорит, что это лучше после поэмы.

Одесса прислала телеграмму, что сценарий получен.

Писать некогда, а роману «Пути поколения» приходят сроки.

Много работаю в ССП по проверке состава прозаиков. **(Списки лиц, свои соображения, итоговая докладная записка в Союз писателей, по заданию СП, см.: РГАЛИ, ф. 332, оп. 1, ед. хр. 51 – А.Ф.)**

17 июля

Вчера провел с экскурсией милиции на «Московское море». Придется писать повесть о милиции, - мандатами они снабжают.

Без меня звонили из «Детиздата». Просили позвонить. Уверен, что они готовят какую-то гадость, звонить не хочу.

О «Флагах на башнях» - 1-я часть – слышу пока только хороший отзыв.

Воспитание гражданина… / сост. С.С. Невская, с. 836.

Письмо Дмитриеву, 17 июля 1938 г.

17 июля 1938, Москва

Дорогой тов. Дмитриев!

Ваше письмо меня очень взволновало. Часто приходится видеть горестные коллизии, происходящие от человеческой слабости. А Вы — это совершенно очевидно — личность незаурядно сильная, и поэтому Ваше горе ощущаешь по-настоящему тяжело.

Трудно советовать людям за глаза, не будучи с ними знакомым и не видя их жизни, их лица, их души. Но по отношению к Вам у меня все-таки преобладает впечатление от Вашей силы и мужественности. Может быть, поэтому я в вашем положении не вижу двух выходов, а только один: Вы должны уйти к той женщине, которую любите, и вообще я не понимаю, как это можно жить вместе людям, не любящим друг друга. В своей книге я и не думал рекомендовать что-либо подобное. Совершенно особый вопрос о том, как нужно сохранять любовь и как определять ее. Но если она утеряна, ничего поделать нельзя, даже оглядываясь на детей: в этом случае дети все равно страдают и очень часто страдают больше, живя в насильственно сохраняемой семье.

Я думаю, что Ваше решение вполне точно определяется Вашим чувством к N, Вашим уважением к себе и Вашей любовью к дочке. Все эти три основания приводят к одному выводу: Вы должны мужественно отказаться от отцовских радостей (по отношению к этому ребенку), оставив себе только отцовский долг. Как вы это сделаете, я не могу сказать, все зависит от Вашего характера, ума, натуры, от силы Ваших тормозов.

Конечно, Вы должны оставить дочку матери, не сомневаясь в праве матери и уважая это право, как бы несимпатична ни была эта мать. Вы не должны этой матери как-нибудь мешать, нарушая единство воспитательного процесса, Вы не должны стремиться к тому, чтобы девочка стала участницей Вашей распри. Если при этом Вы сумеете сохранить некоторую близость к дочери — хорошо, если не сумеете, нужно и от этой близости временно отказаться. Уверяю Вас, в этом есть много кажущихся бед, увеличенных воображением и чувством. В общем, Вам нужно создавать новую семью.

Примите это решение со всеми последствиями — приятными и неприятными.

Простите за поучительный тон, иначе — трудно.

Привет

А. Макаренко

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 8, с. 81 – 82. Ответ на письмо одного из читателей «Книги для родителей». Этот ответ вносит важные уточнения в

сказанное в этом произведении о семейном разводе: приорат любви при невозможности ее «притушить», с безусловным сохранением долга по отношению к детям.

Письмо показывает глубину проникновения А.С. Макаренко в психику другого человека, особенно страдающего.

О книге «Честь»

30 июня в «Литературной газете» в статье «Против шаблона» я мимоходом коснулся выступления критика т. Малахова в журнале «Литературный критик» с разбором первой книги моего романа «Честь». Я обвинил критика в том, что он требует от меня шаблона, побуждает к стандартному изображению жизни.

Критик ответил очень оригинально: он заявил, что мое обвинение — неправда, и в доказательство ...перепечатал свою статью почти полностью в «Литературной газете».

Можно еще несколько раз перепечатать статью, и все же она останется прежней статьей. Может быть, повторение одних и тех же текстов произведет на читателя гипнотическое действие: критик настолько уверен в своей правоте, что и спорить не хочет, а повторяет все одно и тоже. Читатель в таком случае возьмет и подумает:

- Наверное, правильно пишет: и в журнале, и в газете одно и то же напечатано.

К сожалению, я не имею возможности перепечатать свой роман в «Литературной газете», чтобы использовать метод внушения, и тем не менее я продолжаю обвинять критика в том, что он требует от меня и, разумеется, от других писателей следования шаблонам.

Описанное происшествие совершенно выбило из моей души последние остатки авторского самомнения. Сейчас у меня такое настроение, которое обычно характеризуется формулой «Быть бы живу». Я не мечтаю ни о каких похвалах моему роману, не вспоминаю никаких его достоинств. Для простоты я готов признать, что «Честь» — плохой роман, неудачный.

Меня интересует уже не роман и его качества. Меня страшно заинтересовали критические методы критика, его публицистические высказывания и тот самый шаблон, из-за которого он на меня напал. О романе можно и забыть, а высказывания критика есть в некотором роде поучение, директива, педагогика — о них забыть нельзя. Кроме того, критическая статья есть еще и литературный быт, отражение литературных нравов.

В чем заключаются главные удары критика? Он обвиняет меня в том, что я неправильно, неправдиво изобразил рабочее общество в уездном городе в начале империалистической войны. Он утверждает, что в моем изображении рабочие вышли шовинистами. Он старается доказать это цитатами из моего романа и такими невинно вопрошающими абзацами:

«Но действительно ли требовала рабочая честь и войны до победы, и поддержки царя? Может быть, семья Тепловых так восторженно исповедует такой исступленный шовинизм потому, что это редкостно отсталая и темная семья? Может быть, только поэтому старик Теплов говорит такие вещи, до которых редко в то время договаривались даже самые откровенные ренегаты и социал-шовинисты».

Могу одно сказать: повезло моему герою, старому Теплову! Он восторженно исповедует исступленный шовинизм! Не какой-нибудь просто шовинизм, а «исступленный», и не как-нибудь, а восторженно. Если мне удастся показать, что старый рабочий Теплов есть самый обыкновенный, так сказать, скромный шовинист, то и в таком случае я могу обвинить критика в совершенно необъяснимом пристрастии, в нарочитом искажении моего романа. Я не сомневаюсь в том, что каждый сколько-нибудь вдумчивый читатель не увидит в Теплове никакого

шовинизма. Спрашивается в таком случае: при помощи каких приемов критик обратил старого Теплова в шовиниста? И потом еще спрашивается: для чего он это сделал?

Что такое шовинизм? Во всяком случае, это совершенно определенное, активное национальное самомнение, это неприязнь к другим народам, это стремление к порабощению других народов или, по крайней мере к победе над ними.

В моем романе нет ни одного слова, в котором бы старый Теплов или другой какой-нибудь рабочий выражал свое пренебрежение к другим нациям. Ни в одном слове он не высказывает стремления к победе, ни в чем не проявляется его оправдание империалистической войны. Критик не нашел такого слова, и все-таки он доказывает, что Теплов — шовинист. Интересно, как это он делает?

Получается это следующим образом. Критик выписывает такой текст:

«А когда уезжал Алексей на фронт, отец вышел на двор, холодно миновал взглядом неудержимые, хоть и тихие слезы жены, позволил Алексею поцеловать себя и только в этот момент улыбнулся необыкновенной и прекрасной улыбкой, которую сын видел первый раз в жизни.

- Ну, поезжай, — сказал Семен Максимович радостно, — когда приедешь?

Алексей ответил весело, с такой же искренней, простой и благородной улыбкой:

- Не знаю, отец, может быть, через полгода.

- Ну, хорошо, приезжай через полгода. Только обязательно с «Георгием».

Я сейчас подчеркнул те слова, которые подчеркнул критик. Только одно слово я подчеркнул по собственной инициативе, ибо оно действительно пахнет шовинизмом: «благородной» (улыбкой). Только это слово не моё, а критика. У меня написано «благодарной улыбкой». Я не обвиняю в сознательной замене одного слова другим. Это сделано нечаянно, только потому, что критику страшно хочется так читать. Получается действительно букет: сын шовиниста отправляется на фронт и благородно улыбается!

Подача этого отрывка, даже после произведенных над ним манипуляций и подчеркиваний, может быть, не достигнет цели. Читатель может подумать, что же тут особенного, старик ни слова не сказал о победе над немцами, ничем не выразил своего квасного патриотизма, может быть, это и не шовинизм? Может быть, это что-нибудь другое?

Критик не даст читателю опомниться. Перед тем как процитировать отрывок, он напишет:

«Ликование достигает своего наивысшего предела, когда старик Теплов провожает на фронт сына».

Раньше, чем познакомиться с отрывком, читатель уже знает, что в нем изображается ликование (никак не меньше!). Читатель уже ошеломлен. Критик не оставит его в покое. После цитаты он пускается в такие критические» восторги:

«Что их так обрадовало? Ведь не «Георгий» же, которого требует отец от сына. И неужели можно найти хотя бы одну рабочую семью, в которой проводы единственного сына на империалистическую войну воспринимаюсь как радостное событие. Едва ли пресловутый герой... Козьма Крючков столь бодро вел себя, отправляясь на фронт».

После такого напутствия любой отрывок может показаться сомнительным. Критик имеет право надеяться, что цель достигнута и можно подавать на стол второй отрывок, с таким же усилием препарированный. Все делается очень просто, уединенная цитата, без указания на места предыдущие и последующие, оглушительный подбор «критических» словечек: «ликование», «обрадовало», «радостное событие», «всплакнувшая мать Алеши тоже поддается общей радости».

Мне хочется объяснить поведение критика. И как бы я ни хотел быть к нему снисходительным, объяснения напрашиваются самые печальные: и критик не способен, элементарно не способен разобраться в художественном произведении, или он сознательно, нарочито искажает мою работу. Какая из этих двух возможных причин заставила, например, скрыть от читателя страницу, предшествующую сцене прощанья. На этой границе совершенно ясно объясняется отношение старика Теплова к войне.

« - Поехали воевать, значит?.. Напрасно на немцев поехали. Надо было на турок.

- А что нам турки сделали?

Семен Максимович редко улыбался, но сейчас провел рукой по усам, чтобы скрыть улыбку.

- На турок надо было. Война с турками легче. Смотришь, и победили бы.

- И немцев победят.

- На немцев и кишка тонка, и царь плохой. С таким царем нельзя на немцев. У них царь с какими усами, а наш на маляра Кустикова похож. Сидел бы уж тихо...»

Я отдаю себе отчет в том, что такое высказывание старого рабочего удовлетворить критика не может. Он, конечно, потребует, чтобы в словах рабочего были на местах все формулы политического определения империалистической войны, чтобы старик в 14-м году высказывался в тех самых словах, в которых мог высказываться только Ленин. Но все-таки... хотя бы миниатюрное внимание на это место критик обратить должен. Разве в этих словах выражается шовинизм? Разве здесь не высказано глубокое презрение к царю, к войне, к дипломатии?

Критик не хочет замечать и других мест, расположенных буквально по соседству со сценой прощанья. Я принужден привести из этих абзацев несколько отрывков. Они расположены на левом столбце страницы, а сцена прощанья на правом:

«Война тяжелой, неотвязной былью легла на дни и ночи людей, былью привычной, одинаковой вчера, сегодня и завтра. Дни проходили без страсти и люди умирали без подвига...

Тихо плакали на Костроме матери в своих уединенных уголках, ожидая прихода самого радостного и самого ужасного гостя того времени, — почтальона, ожидали, не зная, что он принесет, письмо от сына или письмо от ротного командира. Иногда переживания матерей становились определеннее, это тогда, когда приезжал сын, искалеченный или израненный, но живой, и матери не знали, радоваться ли тому, что хоть немного осталось от сына, или плакать при виде того, как мало осталось».

Пропускает критик и изображение сурового горя отца перед отъездом сына, и даже в приведенном отрывке не видит, не читает и не понимает простых и ясных слов:

«...Отец вышел на двор, холодно миновал взглядом неудержимые, хоть и тихие слезы жены, позволил Алеше поцеловать себя и только в этот момент улыбнулся необыкновенной и прекрасной улыбкой, которую сын видел первый раз в жизни».

Трудно представить себе читателя, который не понял бы, что в своей улыбке, в своем поведении отец преследовал только одну цель: поддержать мужество сына, не смущать его выражением горя, не унизить и свое человеческое достоинство. Читатель тем более должен это понять, что он уже знаком с гордой и независимой натурой Теплова. Как может критик не разобраться в самом характере диалога, в котором нет ни одного слова прямого:

«- Поезжай! Когда приедешь?

- Не знаю точно, отец. Может быть, через полгода.

- Ну, хорошо, приезжай через полгода».

Отец говорит не о войне, а о возвращении сына. Неужели критик так-таки и не замечает в этом диалоге мужественной, суровой, ободряющей шутки. Неужели критик не понимает, что так именно должны были или могли разговаривать уважающие себя люди в минуты тяжелого, но неотвратимого горя. И неужели ничего не открывают критику последние слова отца:

«Хорошего сына вырастили мы с тобой, мать. Умеет ответить как следует».

Отец требует от сына мужества, совершенно необходимого в те времена, и сын это мужество обнаруживает. И если бы критик слово «благодарный» не переделал на слово «благородный», даже из его статьи читателю было бы ясно, за что сын благодарит отца.

Что я могу поделать? Я могу изображать жизнь такой, какой вижу ее.

Я не выдумал своих героев. В нашем рабочем классе, в русском народе я видел и всегда вижу богатые силы, сложные личности, тонкие движения ума и сердца. Я знаю свой народ прекрасным, сильным, способным на подвиг и мужество. И таким я изобразил старого Теплова. Он суровый, гордый, умный человек. Он, правда, не знает того, что знает критик в 1938 г., но он умеет проводить своего сына на войну, в которую сам не верит, но которую принужден признать как явление неизбежное. Критик нечаянно или нарочно объявляет старого рабочего «исступленным шовинистом», а проводы сына — «ликованием и радостным событием». Что я могу поделать?

Так же удачно и так же основательно критик находит шовинизм и в других случаях. Он, например, выписывает и, конечно, подчеркивает:

«Прянский полк развертывался в два полка военного времени. Рядом с безусыми кадровиками выстраивались люди постарше, усатые и бородатые, с лицами и шеями, обожженными на жатве, с волосами, выгоревшими на солнце. Они с испуганным вниманием выслушивали командные слова. Распорядительные, пружинные, упоенные властью унтера покрикивали на них без злобы, больше радуясь и кокетничая, чем беспокоясь. Прапорщики запаса в новеньких погонах, в свежих ремнях и «шарфах» гуляли по тротуарам, женские и мальчишеские взгляды со всех сторон провожали их, и им не хотелось думать о будущих боях, которых, может быть, и не будет».

«Теперь уже офицеры шли по тротуарам, окруженные грустными женщинами, улыбались и шутили. Когда солдаты допели до рискованного места, капитан крикнул высоким радостным тенором:

- Отставить!

Солдаты поправили винтовки на плечах и ухмыльнулись на веселого капитана».

В этой сцене критик тоже нашел шовинизм. Критик готов утверждать, что дело происходило не так. А как? Солдаты не могли ухмыльнуться, капитан не мог командовать радостным тенором, унтера не могли кокетничать? А как же было?

Что я могу поделать? Я попытался нарисовать картину первых дней войны, дней мобилизации. В эти дни можно было увидеть самую сложную смесь из остатков патриотизма, ошеломленности, мужества, страха, бездумья, покорности, игры... Как умею, я нахожу краски для этой сложной картины. Красная Армия не пойдет на войну с похабной песнью, а царская армия могла их петь. Красные командиры, отправляясь на войну, будут думать о предстоящих боях, о победе, стремиться к победе, царские прапорщики старались не думать о боях, которых, может быть, и не будет. Но и тогда и солдаты и офицеры все же оставались мужчинами, они могли улыбаться и шутить, они могли прятать страх. Откуда у критика взялось такое пренебрежительное мнение о нашем народе: «Едва ли даже пресловутый «герой»... столь бодро вел себя, отправляясь на фронт!» В этой фразе

высовываются весьма сомнительные рожки настоящего презрения к народу, которому критик отказывает даже в бодрости.

Но, как бы я ни изобразил дни мобилизации, все же в моем изображении нет ни одной черточки шовинизма. Наоборот, есть строчка, утверждающая нечто противоположное.

«А потом солдаты запели песню горластую и вовсе не воинственную».

Эту строчку критик предусмотрительно выбросил из цитаты. Он вообще чрезвычайно вольно обращается с моим романом: подбирает слова «радостный», «весело», «ухмыльнулись», не замечает слов противоположного оттенка — «испуганно», «грустные», пропускает строчки, которые противоречат его утверждениям, не читает текстов соседних, не замечает общего тона рассказа. В моем романе проводы полков заканчиваются такими словами:

«А потом полки запаковали в вагоны, сделали это аккуратно, по-хозяйски, так же аккуратно проиграли марш, свистнули, и вот уже на станции нет ничего особенного, стоят пустые составы, ползают старые маневровые паровозы, из окна аппаратной выглядывает усатый дежурный и приглядывается к проходящим девицам... По кирпичным тротуарам потекли домой говорливые потоки людей, среди них потерялись покрасневшие глаза жен и сестер и склоненные головы матерей. Матери спешили домой, спешили мелкими шажками слабых ног и смотрели на щербины и ямки тротуаров, чтобы не упасть».

Дорогие читатели, критики, люди понимающие! Скажите, разве в этих словах не снимается улыбка мужчин, разве теперь не видно, что прикрывала эта улыбка, разве не понятно, что все это событие было не шовинизмом, а горем.

В художественном произведении я имею право на определенный прием, сообщающий моим глазам те или другие тоны и окраски. И конечно, я беззащитный стою перед самоуправством критика, который игнорирует прием, разрушает его, выхватывает отдельные его элементы и размахивает ими перед глазами читателя, а другие элементы прячет в тайной надежде, что никто этого не заметит. По отношению к только что приведенному отрывку это сделано особенно грубо — бесцеремонно грубо. Начало и конец цитаты сведены критиком в один отрывок. В романе между началом и концом цитаты помещается небольшая сценка, в которой изображается беседа молодежи о переходе войны (империалистической) в войну гражданскую. Именно эту беседу критик игнорирует. Почему? Все-таки интересно: почему?

Еще оригинальнее такой... анализ, что ли: в романе есть две строчки, буквально две:

« - Здорово бабы кричали?

- Нет, тихонько...

- Поехали воевать, значит...»

А посмотрите, какой отклик критика:

«Даже матери и жены, провожавшие своих сыновей и мужей, понимали, насколько неудобно им нарушать общее веселье, и старались плакать тихонько. Об этом рассказывает отцу Алеша, а он врать не будет, он юноша честный, такая у него в повести должность».

Не правда ли, сколько в этих словах остроумия, милой развязности и еще чего-то... похожего на вульгарность! В романе есть много мест, посвященных матерям и их слезам, критик десятой дорогой обходит эти места, но зато с какой экспрессией и с какой, можно сказать, критической квалификацией набрасывается на этот тихий плач. А почему? Потому, что по шаблону, принятому в некоторых литературных канонах, полагается матерям плакать громко. Что я могу поделать? Собственно говоря, вопрос стоит о культуре критики.

Я остановился на некоторых местах статьи, чтобы выяснить сущность критического приема. Я не буду говорить о всех остальных высказываниях: прием везде одинаков.

Меня все же интересует не технология «критики», а другое. Чего хочет от меня критик, как он сам представляет себе рабочих людей в уездном городе в начале империалистической войны?

Ответ ясен. Критик никак и ничего не представляет, всякие там люди, в том числе и рабочие, для него просто безразличны. Вместо людей у критика есть шаблон. Ничуть не стесняясь, он открыто предъявляет мне этот шаблон, он настойчиво требует, чтобы я за ним следовал. Он решительно отказывается предоставить мне некоторое право... нет, не право на изображение живых людей, а хотя бы право на шаблон № 2. Что? Уездный город? Реальное училище есть? Женская гимназия тоже есть? Даже река имеется? Несколько заводов? Никаких разговоров — требуется шаблон номер один: обыкновенный сознательный рабочий!

Раз определен номер шаблона, критик действует уверенно, как по справочнику: по шаблону № 1 полагается:

а) все рабочие с первого дня войны были пораженцами,

б) все рабочие читали легальные и нелегальные издания большевиков,

в) всякие там понятия о чести — это понятия офицерски-шляхетные,

г) никакой бодрости, никакого мужества людям не полагается,

д) женщины должны плакать г р о м к о .

Для критика все просто, ясно, определенно. В своей статье он несколько раз требует от меня «типичного» поведения героев, а у него типичный значит — удовлетворяющий шаблону № 1.

В доказательство своей правоты критик приводит цитату из Ленина:

«Единственным классом в России, которому не удалось привить заразы шовинизма, является пролетариат. Отдельные эксцессы в начале войны коснулись лишь самых темных слоев рабочих... В общем и целом рабочий класс России оказался иммунизированным в отношении шовинизма» (Соч., 5-е изд., т. 26, с. 331).

Интересно, что и по отношению к Ленину критик также применяет свой любимый прием выбрасывания отдельных предложений. Пропущено: «Участие рабочих в московских безобразиях против немцев сильно преувеличено». Пропущено нарочно, чтобы исказить действительное мнение Ленина. Для чего это нужно критику? Для того чтобы на свободе могла существовать его собственная концепция, ничего общего с ленинской не имеющая.

По т. Малахову, в России с шовинизмом было замечательно благополучно. Никакого шовинизма просто не было, не с чем было бороться, уже в 14-м году все было готово, все сделано; для товарища Ленина, для большевиков оставалось прийти на готовое и сделать Октябрьскую революцию. Вот некоторые высказывания критика:

«В ряде городов (в первые дни войны. — *А. М.)* происходили стачки протеста. В самый канун войны в Петербурге и в других городах, как известно, дело доходило до баррикадных боев. В повести нет намека на такое отношение к войне».

«Неправильно было также представлять себе, что начало войны, разгром, который учинило царское правительство большевистским организациям, закрыв «Правду», сослав депутатов, что все эти репрессии вырвали рабочий класс из-под влияния партии».

«Суд над депутатами-большевиками показал, что депутаты... после начала войны до своего ареста успели объехать в целях пропаганды почти всю Россию...»

«Ничего этого не существует для героев повести».

«Совершенно неправдоподобно, чтобы почти до февраля 1917 г. старый рабочий ни от кого не слышал большевистского определения войны как войны империалистической».

Вот как, по т. Малахову, все у нас было прекрасно, вот как замечательно был воспитан рабочий класс в самом начале войны, как все было подготовлено, все определенно, все настроено пораженчески. Интересно в таком случае, как себе представляет критик гениально-напряженную работу Ленина и большевиков с начала войны и в особенности после Февральской революции? Даже рабочему в уездном городе, в котором кое-как прозябают 2—3 кустарных заводика, критик предлагает иметь то самое широко политическое и глубоко точное отношение к событиям, которое имеется у него через 20 лет после Октября.

Так ли было на самом деле?

Всем хорошо известно, что Ленин с первых дней войны главное внимание уделил борьбе с социал-шовинистами. Он именно потому придавал этой борьбе такое большое значение, что знал цену спекуляции на худших и, вместе с тем, самых прочных предрассудках (Соч., т. 26, с. 25). Всем хорошо известно, что до самой Октябрьской революции Ленин требовал неустанной работы в этом направлении. Именно поэтому он придает такое большое значение суду над депутатами-большевиками:

«В-третьих, — и это самое главное, суд над РСДРП. Фракцией впервые дан открытый, в миллионном числе экземпляров распространенный по России, объективный материал по важнейшему, основному, существеннейшему вопросу об отношении к войне...» (т. 26, с. 174).

Признавая большие успехи большевистской пропаганды и точно указывая, что подавляющее большинство сознательных рабочих России стоит в русле большевистской партии, Ленин никогда не успокаивался и всегда трезво указывал на необходимость дальнейшей работы. Уже в сентябре 1916 г., отвечая Мартову, Ленин пишет:

«В России организованная кампания борьбы против войны до сих пор не начата»... Во-первых, это неправда. Она начата хотя бы в Питере прокламациями, митингами, стачками, демонстрациями. Во-вторых, если она где-либо в провинции не начата, *ее надо начинать*...» (т. 30, с. 233).

Не было никакого успокоения в этом вопросе, так как на глазах у Ленина протекал сложный общественный процесс. То, что видел Ленин с высоты своего гения, с высоты марксистских диалектических вершин, то в самой толще народа могло принимать самые разнообразные формы, самые тонкие извилины. Внешний вид этих форм очень часто мог слабо напоминать строгое содержание ленинских формулировок. Рабочий Теплов мог ненавидеть царизм, презирать войну и в то же время мог уважать георгиевский крест как доказательство силы и мужества — качеств, далеко не безразличных и в рабочем классе. Важно, конечно, было не строгое поведение рабочего по букве широкой политической формулы, а те тенденции, стремления, чувства, которые все время вели рабочего вперед, все время открывали перед ним новые возможности и новые перспективы жизни.

Начальная стадия этого диалектического процесса условно может быть обозначена любой хронологической датой. Во всяком случае, это время, близкое к началу войны. С замечательной точностью Ленин определяет эту стадию не словом «пораженчество», а словами «иммунизированы в отношении шовинизма». В то же время Ленин видел и возможность самых разнообразных форм этого иммунитета, видел, куда он направляется, и поэтому требовал от большевиков постоянной работы, постоянного направляющего влияния.

Ни в какой мере критик не понимает этой диалектики Ленина, Допуская в среде рабочих даже остатки шовинизма, Ленин никогда не смешивал рабочих в одну кучу с социал-шовинистами, никогда не презирал их и всегда видел те причины, которые задерживали или искривляли развитие правильного отношения к войне. Уже после Февральской революции мы слышим из уст Ленина такие слова:

«Ввиду несомненного наличия оборонческого настроения в широких массах, признающих войну *только по необходимости*, а не ради завоеваний, надо особенно обстоятельно, настойчиво, терпеливо разъяснять им, что кончить войну не насильническим миром нельзя без свержения капитала. Эту мысль необходимо развивать широко, в самых широких размерах» (Соч., т. 31, с. 105).

И тогда же Ленин сказал:

«Когда рабочий говорит, что хочет обороны страны, — в нем говорит инстинкт угнетенного человека» (там же).

Можно привести очень много примеров такого тонкого, такого точного, такого динамического отношения Ленина к данному вопросу.

Пристраиваясь к цитатам из Ленина, мой критик не понимает ни этих цитат, ни их диалектического движения. У критика ярко выраженный цитатный идеализм: рабочие должны быть пораженцами потому, что на такой-то и на такой-то странице сказано о пораженчестве. Рабочие должны страдать, стенать, стонать, плакать, в этом критик и видит признаки типического поведения. Уезжая на войну, они должны разрываться от горя, должны... трудно даже сказать, сколько уже раз на этом «должны» срывалась наша художественная литература. Разве не надоел всем такой штамп: солдаты уезжают на фронт, жены кричат, поп говорит паскудно-елейные речи, офицеры кроют матом и вообще угнетают, а большевики под шумок говорят речи, составленные тоже из цитат. При этом все глубоко понимают, в чем дело, все отрицают войну, все преисполнены не только революционного настроения, но и революционного понимания, и только одного нет у этих людей: жизни, ощущения своей личности, бодрости, мужества, силы.

Стоит ли повторять такой штамп, стоит ли критику так горячо беспокоиться о его сохранении? Мой рабочий Теплов говорит: «Жизнь всегда хороша, плохая жизнь у вора и у нищего». Критик пришел в негодование: как смеет рабочий так говорить, как он смеет любить жизнь, как он смеет прекратить стон, если стон полагается по шаблону! В том, что рабочий любил жизнь, ценил ее, в том, что он презирал попрошайничество, — во всем этом заключались действительные силы жизни и культуры, те самые силы, которые только и могли привести рабочий класс России к победе. Разве не это принципиальное признание жизни имеет в виду Ленин, когда говорит:

«Мы полны чувства национальной гордости, и именно поэтому мы особенно ненавидим свое рабское прошлое... и свое рабское настоящее...» (т. 26, с. 108).

Рабочие люди старой России тоже любили жизнь и способны были переживать гордость, именно поэтому они стремились к свободе. Люди, не обладающие чувством достоинства, не способны и на борьбу.

Перед тем как писать свою книгу, я перечитал Ленина и еще раз был поражен его знанию русской жизни, несмотря на то, что Ленин был оторван от России в течение многих лет. Формулировки Ленина в моем представлении совершенно не расходились с тем знанием рабочей жизни, которое я вынес из своего детства и молодости. Руководствуясь своим жизненным опытом и проверяя себя словами Ленина, я посчитал себя вправе отказаться от шаблона, который был мне давно известен и который никогда не вызывал моего уважения. Я прекрасно понимал, что вызову протесты со стороны критиков, для которых отступление от шаблона просто невыносимо.

Я взял участок рабочей жизни, наиболее мне известный, — провинциальный, запущенный уездный городок, в котором хотя и есть реальное училище, но нет промышленности, за исключением слабых кустарного типа заводиков. В такие места большевистская литература совершенно не доходила, но большевистские идеи просачивались через сотые руки и создавали не столько изменения в мыслях, сколько изменения в чувствах.

Если уже говорить прямо, я мог и имел реалистическое право изобразить даже рабочего-шовиниста, активного и слепого, созданного многочисленными листами социал-шовинистических газет и собственной неспособностью разобраться в событиях. И такие рабочие были, и довольно много. Они должны были интересовать меня и вас в особенной степени, ибо из них было замечательно ярко видно значение классового чутья, на их жизни можно было проследить и великолепное революционное влияние большевиков. Но я не изобразил таких рабочих только потому, что в этом месте моя смелость дошла до пределов; я все-таки боялся вас, «критик».

Я теперь вижу, что мой страх имел серьезные основания. Я хорошо сделал, что ограничился тем комплексом средних настроений, который у Ленина называется иммунитетом к шовинизму. Как нужно представлять себе этот иммунитет? Это еще не пораженчество, вообще это не активный свод убеждений, это прежде всего безразличие к завоевательным лозунгам, это отсутствие национального самомнения и национальной ненависти. Таковы и мои герои. Даже Алеша, студент, потом офицер, не проявляет никаких захватнических намерений, собственно говоря, стоит на позиции оборончества.

Оборончество могло происходить не только из шовинистических переживаний. Не приходится теперь говорить о том, было отечество у пролетариата или не было, это неизвестно. Но родина была, была та самая национальная гордость, о которой говорит и Ленин. И, во всяком случае, было желание иметь родину, была тоска по родине, вполне естественная даже и у рабочего человека, не говоря уже о юноше, получившем образование. У Алеши эта тоска по родине была выражена сильнее, у отца — слабее, у рабочего Павла она и в начале войны близка уже была к большевистским выражениям. В то же время идеи пораженчества были исторически неожиданны, они не могли так легко быть усвоены людьми, как это кажется критику. Ведь только в эти дни Ленин впервые бросил эти идеи в широкие массы.

Вся эта ситуация не была простой, она всегда проходила конфликтный период, период прояснения и становления, и у разных людей этот процесс был поразному мучителен и был разной длительности. Реальной ареной, на которой разрешался конфликт, была, конечно, война. Критик чрезвычайно просто представляет себе проблему отношения к войне: пораженчество — и все! Из текстов критика очень трудно представить себе, как он сам относится к войне.

«Мы — патриоты своего народа, но это не значит, что всякую войну, какую только ни вела в прошлом Россия, надо стремиться оправдать».

Это, конечно, поучительно сказано. И это легко сказать за письменным столом, через 20 лет после войны. Интересно, в каких бы выражениях эта самая мысль была сказана моим критиком во время войны, в тот момент, когда он находится в действующей армии. Что значит оправдать войну или не оправдать войну, если война не стоит, как подсудимый перед письменным столом, а если война обрушилась на голову? Я приведу несколько мыслей Ленина, из которых видно, с какой глубочайшей диалектикой Ленин мыслил о войне:

«Не саботаж войны, а борьба с шовинизмом...» (т. 49, с. 14).

«Отказ от военной службы, стачка против войны и т. п. есть простая глупость, убогая и трусливая мечта о безоружной борьбе с вооруженной буржуазией...» (т. 26, с. 41).

«Но обещать людям, что мы можем кончить войну по одному доброму желанию отдельных лиц, — политическое шарлатанство» (Соч., т. 31, с. 105).

«Войну нельзя кончить «по желанию». Ее нельзя кончить решением одной стороны. Ее нельзя кончить, «воткнув штык в землю»...» (т. 31, с. 161).

Можно без конца продолжать этот список страниц — Ленин никогда не имел в своей программе тот пацифизм, которым так пахнет от шаблона критика.

Стоит прочитать у критика такой абзац:

«Война воспринимается как неожиданное несчастье, внезапно обрушившаяся катастрофа, развалившая в общем приемлемый строй жизни. Отсюда особенно ощутимой становится идея, что дело все в том, что войну плохо вели.

А если бы офицеры умели не только красиво умирать, а и побеждать, тогда что же? Судя по приводимому выше замечанию Алеши, пролетариат, очевидно, удовлетворился бы и не стал бы совершать никакой революции?»

Видите, с какой издевкой спрашивает мой критик, в каком глупом виде он выставляет и меня, и моих героев. Этот глубоко самоуверенный тон разве не раскрывает всех идеалистических карт критика? Победа или поражение — все равно: ведь революция произошла в 1917 г., значит, она была предопределена.

Чтобы не долго спорить по такому ясному вопросу, приведу несколько слов Ленина:

«Крайние бедствия для масс, создаваемые войной, не могут не порождать революционных настроений и движений, для обобщения и направления которых должен служить лозунг гражданской войны» (т. 26, с. 163).

«Поражение правительственной армии ослабляет данное правительство, способствует освобождению порабощенных им народностей и облегчает гражданскую войну против правящих классов.

В применении к России это положение особенно верно. Победа России влечет за собой усиление мировой реакции, усиление реакции внутри страны и сопровождается полным порабощением народов в уже захваченных областях» (т. 26, с. 166).

Какая диаметральная противоположность с концепцией критика! Эта противоположность производит такое яркое впечатление, что приходится удивляться не только критику, но и редакции журнала, для которой знание ленинских положений о войне, во всяком случае, обязательно.

Ленин знал диалектическую сложность обстановки. Это сложность движения, сложность революции, запутанность психологических этюдов эпохи, их взрывной характер. Так же запутана могла быть и духовная жизнь отдельных героев. Сохраняя общую свою направленность к революции, они могли и должны были переживать острые изломы мысли и чувства. Именно поэтому Алеша мог болезненно задуматься над вопросом о своей верности товарищам, погибающим рядом с ним на фронте, мог искать оправдание смертному подвигу, искать очень долго, до тех пор, пока не нашел. Именно поэтому старый Теплов мог некоторое время думать, что немцев пускать нельзя. Не имеет никакого значения, как думали эти люди, важно только одно: к чему они шли и к чему пришли. Алеша нашел для себя решение вопроса, старый Теплов нашел самого себя, нашел место для своей суровой гордости. Они все это нашли в революции, в революции они нашли и родину, о которой тосковали.

Революционный процесс можно представлять только как процесс предельной сложности, так, как представлял его Ленин. На с. 251 тома 21 Ленин говорит, что война вызывает в массах самые бурные чувства, главные из которых: ужас и отчаяние, усиление религиозных чувств, ненависть к «врагу», ненависть к своему правительству, к буржуазии.

Если художник захочет описать этот процесс, он, прежде всего, должен отказаться от шаблона. Та идеалистическая концепция, которую предлагает критик, — концепция вредная. Готовый, неизменный тип рабочего- пораженца, способного произносить только непогрешимые речи, препарированный по всем правилам литературного штампа, — для кого это нужно? Это нужно только для тех, кто хочет преуменьшить значение Ленина и партии большевиков в творчестве нашей революции.

В заключение все-таки хочется спросить: почему критик пристрастно, так исторически ошибочно на меня напал, почему ему померещились шовинисты в моих скромных героях?

Может быть, для этого имеются очень серьезные причины, но есть и причины, так сказать, менее серьезные. Мысль о них вызывается следующими интересными обстоятельствами:

П е р в о е . В моей книге есть абзац, который начинается так:

«До немецкой войны люди жили спокойно, и каждый считал себя хорошим человеком...»

Критик по поводу этих строк и себя не помнит:

«Представление о довоенной России как об идиллической стране, в которой собственно «всем живется хорошо...»

В моей книге очень много мест, в которых подробно говорится, как плохо жилось в старой России. А этот абзац — ирония! Ирония — известный литературный прием. В старых учебниках теории словесности было сказано: «Ирония есть намек на противоположность». Пора все-таки нашим критикам знать, что такое ирония. Нельзя же упрекать Лермонтова в том, что его герои из «Бородино» — изменники. Нельзя, например, написать в критической статье:

«Лермонтов неправильно изобразил солдат. Один из солдат говорит: «Угощу я друга». Куда это годится! Не угощать нужно французов, а стрелять в них. И ни в коем случае нельзя француза называть другом. И наши солдаты это понимали, а Лермонтов на них наклеветал».

Это первое обстоятельство, которое наводит меня на некоторые размышления.

В т о р о е о б с т о я т е л ь с т в о . Критик невнимательно читал мой роман. Благородный вместо благодарный — мы уже видели. На одной из страниц критик ехидно замечает:

«...Рассчитывались полки. Не будем придираться к тому, что для уездного города полков что-то многовато».

А через пять строчек сам же цитирует:

«Прянский полк развертывался в два полка военного времени».

Два полка — это и будет «полки». Чего ж тут придираться, просто нужно быть более внимательным.

Такие обстоятельства могут много повредить в критической работе. Они могут подвигнуть критика на некоторые странности. Я, например, утверждаю, что Алешу отправили в военное училище, а критик мне не верит. Не может быть, говорит, это он добровольцем пошел, потому что я хорошо знаю: студенты пользовались отсрочкой до середины 1916 г. Это он, безусловно, добровольцем...

И последние два слова: почему нельзя было подождать второй половины романа? Почему такая спешка?

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 7, с. 165 – 177. Написано в сер. июля 1938 г. (вероятно, с 14 до 26 июля), с заголовком: «Обратите внимание на мое бедственное положение» (имеется в виду «совершенно необъяснимое пристрастие, нарочное искажение моего романа»). Адресовано в редакцию ж. «Октябрь», где была напечатана «Честь». Не опубликовано. Напечатано в собр. соч. А.С. Макаренко в 7 томах, т. VI. – М., 1952, под заголовком: О книге «Честь».

А.С. Макаренко вскрывает методологию литературной критики («педагогику», как он говорит), обращается к «культуре критики» и ее «технологии». В этом он видит отражение «литературного быта, литературных нравов». Это образец полемики, обращенной к глубинным основам спорной проблематики. А.С. Макаренко обнажает приемы недобросовестной, предвзятой, «самоуправной и вульгарной» критики.

Ее корень – «пренебрежительное мнение о нашем народе», неспособность видеть в рабочем классе «богатые силы, сложные личности, тонкие движения ума и сердца». И неспособность понимать художественные особенности изображения живой сложности жизни и психологии человека в литературном произведении.

А.С. Макаренко не только доказывает соответствие содержания романа ленинскому пониманию «предельной сложности революционных процессов», их «динамики». Он показывает, что «концепция критика» противоположна ленинской трактовке изображаемого периода отечественной истории. Материал показывает также, как точно и тонко он понимает мысли В.И. Ленина, воспринимает его «глубочайшую диалектику».

Во всем этом видны замечательные качества А.С. Макаренко не только как писателя, литературного критика, полемиста, но и ученого-историка. Он объясняет типичную ошибку в важнейшей сфере литературы и искусства – в явлении художественной типизации, когда оно механически подгоняется под некоторые социологизированные, безжизненные схемы и стандарты. Эту тему он ранее затрагивал в рецензии на книгу «Чапаев» Д. Фурманова (см. часть 6 данного издания, с. 141 – 148).

Позднее О. Войтинская на одном из заседаний в Союзе писателей говорила: «Мы были единственным органом печати, который предоставлял свои страницы для дискуссий т. Макаренко со статьей Малахова в «Правде», …поддержал Макаренко в трудную для него минуту» (цит.: Опускула макаренкиана, № 9, с. 19).

Макаренковские выписки из трудов В.И. Ленина: РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 99, л. 4.

Записи в дневнике, 19 – 28 июля 1938 г.

19 июля

Литературные дела в том же положении. Время почти все целиком уходит на дела чужие, чужие рукописи и пустые разговоры.

Был в «Октябре». Там скучно, никого нет. Кажется, из «Октября» я вырвался. «Комсомольская правда » возвратила отрывки — к газете не подходят.

На 20-е вызывают меня в Комиссию Партконтроля. Почему?

26 июля

Звонил Андрееву из «Детиздата » и он мне звонил. Не захотел сказать Гале, хочет завтра со мной поговорить. О чем? Посмотрим. Никитин просто уехал в отпуск.

Ермилов об Авдеенко страшно плохого мнения. Там все инспирирует Либединский[1], человек не очень грамотный и без вкуса. Начинаю подозревать, что и у Ермилова со вкусом не очень и очень не важно вспоминать, как он расхвалил «Флаги на башнях».

Сегодня сдал в «Детскую литературу» статью о стиле детской книги. Вышло немного куцо, но формулы правильные!

«Октябрь» мой ответ Малахову, кажется, печатает, просили только согласиться на уменьшение рукописи[2].

Сегодня заканчиваю стенограмму о том, как я работаю[3]. Пойдет в «Литературной учебе». Назавтра тоже нужно сдать отзывы о сборнике начинающих[4].

«Детиздат», вероятно, печатать «Флаги на башнях» не будет. Придется обратиться к Лозовскому[5].

Плохо без дачи. Галя очень страдает.

28 июля

Стенограмму беседы с начинающими сегодня сдал. В «Детиздате » начинает проясняться. В общем, они требуют от меня некоторых приспособлений к «детскому

пониманию». Почти уверен, что эти ханжы потребуют от меня выбросить Ванду[6]. 1-го августа пойду разговаривать с редактором Воробьевой.

Вчера в ССП директор «Гослитиздата» Лозовский говорил, что нет книг к XX-летию Комсомола. Я промолчал о «Флагах на башнях». Эта книга, вся наполненная атмосферой советской молодежи, была бы лучшим подарком к юбилею комсомола. Так же думает и Ермилов. Он обещал сегодня поговорить с Серебрянским[7]. Во всяком случае, если «Детиздат» будет сокращать, само собой станет вопрос об отдельном издании в «Гослитиздате». Неужели заговор будет продолжен, и сошлются на отсутствие бумаги.

«Молодая гвардия» вспомнила о «Путях поколения». Я просил было к 1 сентября – никак не выходит. Требуют к 20 августа. Сегодня начал работать. Пока привожу в порядок материалы. Черт знает что! Сюжета еще не знаю, а через 23 дня надо дать, по крайней мере, половину. Просто безобразие.

Очень мешает загрузка в секции прозаиков и в консультации[8].

В. Катаев[9] говорит, что ему очень понравился рассказ «Премия».

Воспитание гражданина… / сост. С.С. Невская, с. 836 – 837.

[1] *Либединский Ю.Н.* **– писатель, автор романов, повестей о формировании высоких моральных качеств советских людей.**

[2] **«Ответ» не был напечатан.**

[3] **Говорится о стенограмме «Беседы с начинающими писателями».**

[4] **Об этой работе А.С. Макаренко исследователям неизвестно.**

[5] *Лозовский А.* **– в 1921 – 1937 гг. генер. секр. Профинтерна; в 1937 – 1939 гг. директор Гослитиздата.**

[6] **Говорится об образе Ванды Стадницкой (прежде малолетняя проститутка) во «Флагах на башнях».**

[7] *Серебрянский М.И.* **– литературный критик, литературовед.**

[8] **Консультации с молодыми авторами литературно-художественных произведений. См. далее материалы об этом.**

[9] *Катаев В.П.* **– писатель, автор популярной повести «Раскинулось море широко» (о причастности подростков к событиям русской революции 1905 – 1906 гг.).**

Дополнение. **27 июля писатель Ю. Крымов на заседании Президиума ССП (при приеме в члены в СП) сказал: «…Если литконгультант будет в таком положении, как т. Макаренко, когда его заставляют просматривать чуть ли не 200 рукописей в месяц, то из этого ничего не выйдет».**

Опускула макаренкиана, № 9, с. 21.

Крымов Ю. **– писатель; отзыв А.С. Макаренко о его повести «Танкер Дербент» см.: часть 6 данного издания, с. 155.**

Семья и воспитание детей.

Товарищи, я не совсем понимаю, как можно по этому важнейшему вопросу — воспитание детей, уложившись в какой-нибудь час, затронуть все самое главное. Люди работают над этим вопросом века, и каждый из вас этому вопросу посвящает в известной мере свою жизнь, и я посвятил жизнь этому вопросу. Мне нужно написать книгу для родителей, она задумана в четырех томах; я один том написал, а второй все пишу, пишу. Вы знаете — очень трудная задача — разработка педагогических проблем. А мне, вот, говорят — в течение одного часа все принципы изложить, подсчитать, подчеркнуть, подвести итоги, и все будет хорошо: «Вы, тов. Макаренко, прочтете лекцию, а родители пойдут домой и начнут правильно воспитывать».

Как видите, даже в самой организации лекций по этим вопросам много еще всяких недоумений, потому что, если перечислить только названия тем, касающихся воспитания детей в семье, и то я в час едва ли уложусь. Поэтому мне хотелось в этой короткой беседе поговорить о главнейших вопросах, какие нас всех беспокоят, и в

этом смысле, в смысле постановки некоторых основных вопросов воспитания, наша беседа может принести пользу в определении отправных позиций для ваших размышлений в этой важнейшей области. Почему? А вот почему. После того как вышла «Педагогическая поэма», ко мне стали ходить педагоги, молодые люди и люди постарше, различного общественного положения, которые ищут новых советских моральных норм, хотят следовать им в своей жизни и спрашивают меня, как нужно поступить.

Представьте себе, пришел ко мне однажды молодой ученый-геолог и говорит: «Меня командируют для научной работы на Кавказ или в Сибирь, — что мне выбрать?» Я ему ответил: «Поезжайте туда, где наиболее трудная работа». Он уехал на Памир, и недавно я получил от него письмо, в котором он благодарил меня за совет.

Но после «Книги для родителей» стали ходить родители-неудачники. Зачем ко мне пойдет родитель, у которого хорошие дети? А приходят вот какие родители, приходят отец и мать:

- Мы оба члены партии, общественники, я – инженер, она – педагог, и у нас был хороший сын, а теперь ничего с ним сделать не можем. И мать ругает, и из дому уходит, и вещи пропадают. Что нам делать? И воспитываем его хорошо, внимание оказываем, и комната у него отдельная, игрушек всегда было сколько хочешь, и одевали, и обували, и всякие развлечения предоставляли. А теперь (ему 15 лет): хочешь в кино, театр — иди, хочешь велосипед — вот велосипед. Посмотрите на нас: нормальные люди, никакой плохой наследственности быть не может. Почему такой плохой сын?

- Вы после ребенка постель убираете? — спрашиваю у матери. — Всегда?

- Всегда.

- Ни разу не пришло вам в голову предложить ему самому убрать постель?

Пробую отцу задать вопрос:

- А вы ботинки вашему сыну чистите?

- Чищу.

И я говорю:

- До свидания, и больше не ходите ни к кому. Сядьте на бульваре, на какой-нибудь тихой скамеечке, вспомните, что вы делали с сыном, и спросите, кто виноват, что сын вышел такой, и вы найдете ответ и пути исправления вашего сына.

Действительно, ботинки сыну чистят, каждое утро мать убирает постель. Какой сын может получиться?

Я много возился с ребятами, не то что с беспризорными, а хуже — из семей избалованных и большей частью из семей интеллигентных и сплошь и рядом из семей ответственных работников[1]. Дети таких родителей, самых лучших семей, какие только могут быть, через три-четыре года будут такими, как я рассказывал. Здесь дело не в каких-то педагогических законах, не в каком-то таланте воспитания, а в здравом смысле. Здравый смысл[2] — это так~~ая~~ обыкновенная штука, которая есть у каждого человека, а у родителей начинает почему-то исчезать.

Второй том «Книги для родителей» я посвящу этому вопросу, почему люди здравомыслящие, которые могут хорошо работать, учиться, даже получившие высшее образование, — значит, с нормальным разумом и способностями, общественники, которые могут руководить целым учреждением, ведомством, фабрикой или каким-нибудь другим предприятием, которые умеют с очень разнообразными людьми поддерживать нормальные отношения, и товарищеские, и дружеские, и какие угодно,— почему эти люди, столкнувшись со своим собственным сыном, делаются людьми, не способными разобраться, в простых вещах?

Потому, что они в этом случае теряют тот здравый смысл, тот жизненный опыт, тот самый разум, ту самую мудрость, которую они накопили за свою жизнь.

Перед своими детьми они останавливаются как люда «ненормальные», не способные разобраться даже в пустячных вопросах.

Почему? Оказывается, единственная причина — любовь к собственному ребенку. Любовь — это самое великое чувство, которое вообще творит чудеса, которое творит новых людей, создает величайшие человеческие ценности, которые могут быть созданы только человеческим духом, — это самое чувство становится причиной брака, т. е. причиной создания негодных людей и, естественно, приносящих вред всему обществу, и прежде всего семье.

Если точно обозначить наш вывод, то придется просто и прямо сказать: любовь требует какой-то дозировки, как хинин, как пища. Никто не может съесть 10 килограммов хлеба и гордиться тем, что он так хорошо поел. И любовь требует дозировки, требует меры.

За что бы мы не ухватились в деле воспитания, мы везде придем к этому вопросу — к вопросу меры, а если сказать точнее — к середине. Это слово для нас неприятно звучит. Что такое середина, что такое средний человек? Многие педагоги, которые всегда так «восхищенно» живут и мыслят, указывали мне на это как на мою ошибку: если вы рекомендуете середину, то будете воспитывать среднего человека: ни злого, ни доброго, ни талантливого, ни бесталанного, ни то ни се.

Такие возражения меня не смущали. Я начинал проверять, не ошибаюсь ли я, не воспитаю ли я таких средних людей, и если я говорю, что в моем педагогическом методе должна быть середина, то не выйдут ли из-под моей воспитательской руки люди средние, люди неинтересные, скучные, могущие благополучно жить, но не способные ни создать великое, ни пережить настоящие высокие человеческие душевные переживания? Я проверил это на деле, и за мои тридцать два года учительской и педагогической деятельности и последние восемь лет в трудовой коммуне им. Дзержинского я пришел к выводу, что этот метод правилен и приложим к семейному воспитанию.

Слово «середина» может быть заменено другим словом, но как принцип это необходимо иметь в виду при воспитании детей. Мы должны создать настоящего человека, способного на великий подвиг, на великие дела и великие чувства, способного, с одной стороны, стать героем нашей эпохи, с другой стороны, вовсе не «шляпу» и не человека, который все может раздать, без всего остаться и хвалиться — вот я какой добрый человек. Даже в нашем идеале, против которого никто не может спорить, присутствует принцип какой-то середины, какой-то меры, какой-то дозы. И я понял, почему слово «середина» меня не смущает. Конечно, если сказать, что «середина — это смесь белого и черного, тогда — правильно, смешайте черную краску с белой, и получится краска серая. Такая середина как будто бы и убийственна.

Но если вы не будете гнаться за словами, а просто подумаете о человеке, то вы сразу увидите, какого человека мы считаем самым лучшим, самым идеальным человеком, таким, какими должны быть и наши дети, и если мы не будем ни в какую сторону уклоняться, если мы не будем увлекаться никакой излишней словесной «философией», мы всегда скажем, какими должны быть наши дети. Каждый скажет: я хочу, чтобы сын был способен на подвиг, чтобы это был настоящий человек, с большой душой, с большими страстями, желаниями, стремлениями, и в то же время я хочу, чтобы это не был раззява, который может все раздать, потому что, видите ли, добрый очень, [может] остаться нищим и в нищете оставить жену и детей и растерять от такой доброты даже духовное богатство.

То человеческое счастье, которое завоевала наша Великая пролетарская революция и которое будет увеличиваться с каждым годом, — это счастье должно принадлежать всем, и я — отдельный человек — на это счастье имею право. Я хочу быть героем и совершать подвиги, как можно больше дать государству и обществу, и в то же время я хочу быть счастливым человеком. Такими должны быть наши дети.

Они должны отдать себя, когда это нужно, не оглядываясь, не подсчитывая, не имея никакой бухгалтерии действий, или счастья, или горя, а с другой стороны, они должны быть счастливыми.

Я, к сожалению, не вполне проверил, но вот что я вижу: самые лучшие дети бывают у счастливых родителей. Счастливые люди – и дети прекрасные, несчастные люди – и дети плохие. Причем счастливые родители — это не значит, что квартира с газом, и ванна, и все удобства. Вовсе нет. Я вижу много людей, у которых квартира в пять комнат и с газом, и с горячей водой, и холодной водой, и две домашние работницы, но неудачные дети. То жена бросила, то муж бросил, то на службе не так, то хочется шестой комнаты или дачи отдельной. И я много вижу счастливых людей, у которых многого не хватает. Это я вижу и в моей собственной жизни, а я очень счастливый человек, и мое счастье не зависело ни от каких материальных благ. Вспомните свои самые прекрасные времена, когда и того, казалось, недостает, и другого еще нет, а есть духовное единение, силы в душе и влечет вперед.

Необходимый аксессуар счастья — это уверенность, что живешь правильно, что за спиной не стоит ни подлость, ни жульничество, ни хитрость, ни подсиживание, ни какая-нибудь другая скверна. Счастье такого открытого, честного человека дает большой процент не только этому человеку, а прежде всего его детям. Поэтому позвольте сказать вам: хотите, чтобы были хорошие дети, - будьте счастливы. Разорвитесь на части, используйте все свои таланты, ваши способности, привлеките ваших друзей, знакомых, но будьте счастливы настоящим человеческим счастьем. А бывает так, что человеку хочется счастья, и он хватает какие-то камни, из которых потом счастье будет строиться.

Я и сам одно время так ошибался. Мне казалось, что вот, если я возьму эту штуку, это еще не счастье, а на этой штуке потом счастье построится. Ничего подобного. Эти камни для фундамента, для того, чтобы потом на этих камнях построить дворец счастья, — эти камни потом очень часто обрушиваются на голову и оказываются просто несчастьем.

Нетрудно представить себе, что у счастливых родителей, которые счастливы своей общественной деятельностью, своей культурой, своей жизнью, которые умеют этим счастьем распоряжаться, — у таких родителей всегда будут хорошие дети, и они всегда их правильно воспитают.

В этом корень этой формулировки, о которой я сказал с самого начала: и в нашем педагогическом действии должна быть середина. Середина лежит между нашей большой, отдающей себя обществу работой и нашим счастьем, тем, что мы берем от общества. Какой бы метод сёмейного воспитания вы ни взяли, нужно найти меру, и ПОЭТОМУ нужно воспитывать в себе чувство меры.

Возьмем самый трудный вопрос (я так вижу, что у людей это считается самым трудным) это вопрос о дисциплине. Строгость и ласка — это самый проклятый вопрос. Прямо хоть в Америку посылать за нормой строгости и ласки; может быть, американцы нормировали это дело.

По многим глазам я вижу, что у вас прекрасные дети. Но в большинстве случаев люди не умеют нормировать ласку и строгость, а это умение в воспитании совершенно необходимо. Очень часто наблюдается, что люди разбираются в этих вопросах, но думают: это правильно, строгости должна быть норма, ласке должна быть норма, но это нужно тогда, когда ребенку шесть-семь дет, а вот до шести лет можно без нормы. На самом деле главные основы воспитания закладываются до пяти лет, и то, что вы сделали до пяти лет, — это 90% всего воспитательного процесса, а затем воспитание человека продолжается, обработка человека продолжается, но в общем вы начинаете вкушать ягодки, а цветы, за которыми вы ухаживали, были до пяти лет[3].

И поэтому до пяти лет вопрос о мере строгости и ласки — самый важный вопрос. Даже в первый день жизни вашего ребенка вопрос о норме строгости и ласки, т. е. вопрос о дисциплине и вашей нежности, должен быть поставлен в порядок дня.

Мы часто можем наблюдать, что ребенку то очень много позволяют плакать, и он кричит целый день, то совсем не позволяют плакать. И здесь вы прямо можете наблюдать отсутствие нормы строгости и ласки. Конечно, и в пять, и в шесть, и в семь лет эта норма, эта золотая середина, какая-то гармония в распределении строгости и ласки должны быть всегда.

Мне на это возражали: вы говорите о мере строгости, а можно воспитать ребенка без всякой строгости. Если вы будете все делать разумно и ласково, так и жизнь проживете и никогда не будете строги с ребенком.

Я под строгостью не понимаю какой-нибудь гнев или какой-нибудь истерический крик. Вовсе нет. Строгость хороша только тогда, когда она не имеет никаких признаков истерики.

И в своей практике я научился быть строгим при очень ласковом тоне. Я мог сказать совершенна вежливо, ласково и спокойно слова, от которых бледнели люди — мои колонисты. Строгость не предполагает обязательно крик или визг. Это лишнее. А вот ваше спокойствие, ваша уверенность, ваше твердое решение, если вы его ласково выразите, оно производит еще большее впечатление. «Пошел вон» — это производит впечатление, а сказать «будьте добры уйти» — тоже производит впечатление, может быть, даже большее.

Первое правило — это правило какой-то нормы, особенно в вопросе о степени вашего вмешательства в жизнь ребенка. Это чрезвычайно важный вопрос, который в семье часто решается неправильно. Какую долю самостоятельности, свободы нужно предоставить ребенку, в какой мере нужно «водить его за ручку», в какой мере и что можно ему разрешать, и что запрещать, и что предоставить собственной воле?

Мальчик вышел на улицу. Вы кричите: не бегай туда, не ходи сюда.

В какой степени это правильно? Если представить себе безмерную свободу для ребенка, это пагубно. Но если ребенок должен обо всем спрашивать, всегда к вам приходить, всегда получать ваше разрешение и поступать, как вы сказали, то у ребенка не остается никакого простора для своей инициативы, для собственной находчивости и собственного риска. Это тоже плохо.

Я сказал слово «риск». Ребенок в семь-восемь лет должен уже в своем поведении иногда и рисковать, и вы должны видеть этот риск, и вы должны допускать известную долю риска, чтобы ребенок был смелым, чтобы он не приучился все на вашу ответственность складывать: мама сказала, папа сказал, они все знают, им и книги в руки, а я буду поступать так, как они скажут. При такой предельной степени вашего вмешательства сын не вырастет настоящим человеком.

Иногда из него вырастет безвольный, не способный ни на какое решение, не способный ни на какой риск и дерзания человек, а иногда бывает наоборот, он подчиняется, подчиняется вашему давлению до какого-то предела, но силы, бурлящие и требующие исхода, иногда взрываются, и дело кончается домашним скандалом: «Был хороший мальчик, а потом что-то с ним сделалось». А на самом деле с ним делалось это все время, когда он подчинялся и слушался, но силы, заложенные в нем природой и развивающиеся по мере роста и учебы, производили свое действие, и сначала он тайно начинает сопротивляться, а потом явно.

Дать точный рецепт в такой короткой лекции я не могу, да и никогда не смогу. Я пишу об этом второй том «Книги для родителей».

Если вы внимательно присмотритесь к таким явлениям, вы найдете тот предел, дальше которого идти нельзя.

Бывает и другая крайность, тоже часто встречающаяся, когда считают, что ребенок должен проявлять полную инициативу и поступать как хочет, и совсем не

обращают внимания на то, как дети живут и что они делают, и они приучаются к бесконтрольной жизни, мышлению и решениям. Многие думают, что в таком случае у ребенка развивается большая воля. Как раз нет. Никакой воли не развивается в таком случае потому, что настоящая большая воля - это вовсе не умение чего-то пожелать и добиться. Большая воля — это не только умение чего-то пожелать и добиться, но и умение заставить себя отказаться от чего-то, когда это нужно.

Воля — это не просто желание и его удовлетворение, а это и желание и остановка, и желание и отказ одновременно. Если ваш ребенок упражняется только в том, что он свои желания приводит в исполнение, и не упражняется в тормозе, у него не будет большой воли. Без тормоза не может быть машины, и без тормоза не может быть никакой воли.

Мои коммунары очень хорошо были знакомы с этим вопросом. «Почему ты не затормозил себя, ты знал, что здесь нужно остановиться?» — спрашивал я у них. И требовал в то же время: «Почему ты успокоился, почему ты не решился, ждал, пока я скажу?» Тоже виноват.

В детях нужно вырабатывать умение остановить, задержать себя. Конечно, это не так просто. В своей книге я подробно об этом напишу.

Наряду с этим нужно вырабатывать чрезвычайно важную способность, которую не так трудно выработать: это способность ориентировки. Она проявляется сплошь и рядом в пустяках, в мельчайших деталях. В раннем детстве обращайте внимание вашего ребенка, как нужно ориентироваться. Он что-нибудь говорит. В это время кто-то пришел чужой или, может быть, не совсем чужой, но дополнительный элемент вашего общества, вашей семьи: посетитель, гость, тетя и бабушка. Дети должны знать, что нужно и чего не нужно сейчас говорить (например, не нужно говорить при пожилых людях о старости, так как им это неприятно. Сперва выслушать человека, а потом разговаривать самому и пр.). Умение детей чувствовать, в какой они обстановке, и чувствовать моментально, — это умение чрезвычайно важно воспитывать и нетрудно воспитать. Достаточно остановить внимание на двух-трех случаях и поговорить с сыном или дочерью, как ваш толчок произведет полезное действие.

Способность ориентировки очень полезна и приятна и для окружающих, и для того, кто ею обладает. Но оно усложняет человеческую жизнь.

Для меня в коммуне это было более трудное дело, чем в семье. В коммуне было много детей, и обстановка была гораздо сложнее. Всегда на людях: приходили и свои, и посторонние, инженеры, рабочие, строители; коммуну постоянно посещали гости, экскурсии и т. д. И то я добивался в этом деле довольно хороших результатов, а в семье таких результатов можно добиться еще быстрее. Это — умение ощущать вокруг себя изменяющуюся обстановку — проявляется везде: мальчик перебегает улицу, он должен видеть, где кто идет или едет; и на работе он должен видеть, где самые опасные и благополучные места. Такая способность ориентировки помогает ему выбрать, где нужно пустить в ход свою смелость и волю, а где нужно пустить тормоз. Все это я сегодня поясняю в грубой форме, на самом деле ориентировка нюансируется, утончается, когда дело доходит до жизни.

Возьмите такой пример. Ваши дети вас любят, и им хочется эту любовь выразить. И вот тут то же: выражение любви — это тот же закон о действии и тормозе. Как неприятно видеть девочек (это у них большей частью бывает) — подруг: одна в восьмом классе одной школы и другая — в восьмом классе другой школы, они виделись два раза в жизни, на даче, а при встрече они уже целуются, они уже стонут от любви друг к другу. Вы думаете, что они на самом деле любят друг друга? Очень часто это воображаемое чувство, игра в чувство, а иногда это уже делается привычной формой такого любовного цинизма, неискреннего выражения чувств.

У нас есть знакомые семьи, где есть дети, вы знаете, как выражают дети любовь к родителям. В некоторых семьях это постоянные лобзания и нежные слова, постоянное проявление чувств, постоянное настолько, что возникает подозрение, есть ли за внешними проявлениями какая-нибудь любовь, или это привычная игра.

В других семьях какой-то холодный тон, как будто бы все живут отдельно. Мальчик пришел, довольно холодно обратился к отцу или к матери, ушел по своим делам, как будто нет никакой любви. И только в редких приятных случаях вы можете видеть, как при внешне сдержанных отношениях мелькнет любовный взгляд и скроется. Это настоящий сын, который любит отца и мать. Умение воспитывать, с одной стороны, чувство любви откровенное, искреннее, от души, а с другой стороны — сдержанность в проявлении любви, чтобы любовь не подменялась внешней формой, не подменялась лобзаниями,— это чрезвычайно важная способность. На этой способности, на проявлении любви к отцу и матери можно воспитать прекрасную человеческую душу.

Коммунары любили меня так, как можно любить отца, и в то же время я добивался того, чтобы никаких нежных слов, нежных прикосновений не было, Любовь вовсе не страдала от этого. Они учились проявлять свою любовь в естественной, простой и сдержанной форме. Они находили способ проявить любовь ко мне без всяких лобзаний и нежных слов. Я думаю, что вы прекрасно понимаете, о чем я говорю. Это важно и не только потому, что воспитывает человека внешним образом. Это важно и потому, что сохраняет силу искреннего движения, закладывает тормозы, которые пригодятся в каком угодно деле.

Здесь мы опять подходим к основному принципу: это — норма, чувство меры.

Это же чувство меры проявляется и в такой сложной, трудной области, как вопросы деловых, материальных отношений. Недавно ко мне пришла группа женщин из одного дома. В доме произошла драма. Две семьи дружили, и в той и в другой семье были дети. Мальчика Юру (он учился в седьмом классе) подозревали, что он взял что-то у себя дома без спросу, какую-то вещь или деньги. Друзьям этот случай был известен.

И вот у этих друзей пропала дорогая готовальня. Юра был частым гостем и своим человеком в этой семье. Никого чужого, кто мог бы взять готовальню, в доме не было, кроме этого мальчика. Подозрение пало на него. И эти две семьи, очень культурные, вполне отвечающие за свои поступки люди, как-то вдруг, неожиданно для себя, увлеклись процессом следствия. Им нужно было во что бы то ни стало установить: украл Юра готовальню или не украл. Они три месяца занимались этим делом. Правда, они не вызвали собаку, не вызвали никакой посторонней помощи, но они проверяли, допрашивали, подсылали и находили каких-то свидетелей, вели тайные разговоры и довели Юру до болезни. Наконец они стали требовать:

- Скажи, мы тебя не будем наказывать.

Отец бил себя кулаком в грудь.

- Пожалей меня, я хочу знать, вор у меня сын или не вор!

Про мальчика забыли. Отец стал главным объектом, его нужно было спасать от страданий.

Пришли ко мне:

- Что дальше делать? Мы так не можем жить!..

Я с ворами имел много дела, и для меня воровство давно перестало быть самым страшным делом. В коммуне ежедневно общие собрания[4], на которых разбирались разные проступки.. Опоздал на час из отпуска старый коммунар:

- Что это такое? Что за дисциплина? Как ты смел опаздывать? На пять часов под арест!

Все:

- Правильно!

- Виноват. Есть пять часов под арест!

И следующий выходит: украл. Украл три рубля у товарища.

- Ну что же, еще раза два украдет. Можешь идти.

Никакого гнева, знают, привык человек красть. Все прекрасно знают и уверены, что он перестанет красть.

Воровство — это не такая страшная вещь. Это предрассудок, который идет от тех пор, когда собственность была священной и неприкосновенной.

Я попросил привести мальчика ко мне. Я не всегда по глазам вижу, украл он или не украл, но я сказал ему:

- Ты ничего не украл. Готовальни ты не брал и не позволяй больше задавать себе вопросов о готовальне. И вы бросите об этом разговаривать.

Они меня чуть не избили, но я сказал:

- Бросьте об этом разговаривать. Готовальни нет, исчезла, кто бы ее ни украл. Вас мучит вопрос, вор у вас сын или не вор. Вы как будто читаете детективный роман, и вам хочется знать, чем кончилось, кто — вор. Отбросьте это любопытство. Дело идет о жизни вашего ребенка. И раньше мальчик что-то крал, и теперь, может быть, он украл. Эта наклонность есть у него, воспитывайте его. Но этот случай забудьте и не мучайте себя и мальчика.

В некоторых случаях как раз чрезвычайно важно, если вы проследите, что ребенок что-то украл, а если вы можете доказать это и чувствуете, что нужно поговорить,— поговорите. Но если у вас ничего нет, кроме подозрения, когда вы не уверены, что он украл, защищайте его от всех посторонних подозрений. Но сами будьте бдительны и усильте внимание к вашему ребенку[5].

Одна девочка в трудкоммуне, взятая мною из проституток, действительно украла. Я вижу, что украла. Я вижу, что и ребята все уверены в этом, и она смущается. Оставалось мне последнее слово сказать. Я знаю, что она так привыкла красть, что для нее это так обычно, что если мы скажем ей — как тебе не стыдно, на нее это не произведет впечатления. И я в совете командиров — а это серьезные люди — сказал:

- Чего вы к ней пристали? Я убежден, что она не крала и у вас нет доказательств.

Они кричали, кричали, но мое взяло верх. Отпустили ее.

И что вы думаете? Эта девочка сначала страшно заволновалась, посматривала на меня серьезно, с расстроенным видом. Она тоже человек неглупый. Ведь дело ясное — как я так поверил, и неужели я поверил ей, как я мог так поверить? Я играл или я так глубоко убежден? И когда я должен был давать ответственные поручения, я давал ей.

Так продолжалось месяц. Девочка переживала боль моего доверия. Через месяц зашла ко мне, заплакала:

- Какое вам спасибо, как меня все обвиняли, вы один защищали меня. Все думали, что я украла, а вы один думали, что я не украла.

Я ей тогда сказал:

- Это ты украла, именно — ты, я прекрасно знаю это и знал. Вот теперь ты больше не украдешь. Я никому не скажу, и ты не украла, разговор между нами «замнем».

Конечно, она после этого вовсе не крала.

Такие ходы — это тоже ходы нелживые, они исходят из чувства меры, и они должны найти применение в семье. Не всегда в семье нужно злоупотреблять правдой. Всегда детям нужно говорить правду, в общем это правильный закон, но в некоторых случаях приходится детям говорить неправду. В тех случаях, когда вы знаете, что он вор, но уверенности нет, скройте. А в некоторых случаях, когда вы убеждены и доказательства есть, сыграйте на вашем доверии. Это только чувство

меры. Там, где вы касаетесь личности ребенка, там вы не можете выражать ваши чувства, ваше негодование, вашу мысль без меры.

Я уверен, что среди ваших детей нет воров. (Смех в зале.). Не видно, чтобы у вас это было. Но в других семьях это очень часто происходит.

И очень часто родители думают: отчего наши дети крадут?

Я убежден, что это самый легкий вопрос.

Так воспитать детей, чтобы они не крали, — это наиболее легкое дело.

Гораздо труднее воспитать характер: смелость, тормоз, умение руководить своими чувствами, умение преодолевать препятствия. А воспитать уважение к вещам (не брать) — это легче всего. Если у вас в семье постоянный порядок и отец и мать знают, где что лежит, никогда в вашем доме воровства не будет. А когда вы сами не знаете, где что положили, бросили деньги на шкаф или буфет или положили кошелей под подушку и забыли, у вас дети могут начать красть. Раз в семье вы держите в беспорядке ваши вещи, то ясно, что и ребенок этот беспорядок видит. Он видит, что вся система вещей не находится в центре вашего внимания, и он уверен, что если он какой-нибудь пустяк из этой беспорядочной системы возьмет, вы не заметите.

Первый случай детского воровства — это не воровство, это «взял без спросу». А потом это делается привычкой — воровством. Если ваш ребенок точно знает, что он может взять без спросу, а о чем должен предварительно спросить, то это значит, что ребенок никогда не будет красть. Простая штука, какое-нибудь пирожное, оставшееся от обеда или после приема гостей, которое стоит в буфете, и не заперто, и никто не запрещает его взять. Но если ребенок взял его тайно, взял без спросу, это уже воровство. И если постановлено в доме так, что дети этого пирожного без спросу не возьмут, это хорошо. Хорошо, если они не будут выпрашивать у вас, а просто поставят вас в известность. В таком случае не разовьется и воровство.

Если же вы все запрещаете и пирожное ребенок будет просить с самочувствием человека, которому могут дать, а могут и не дать, и от этого иногда, развивается воровство. Если вы позволяете все брать и выносить, или если он ничего не может взять в доме, когда у него никакой воли нет, на все должно быть дано разрешение, и в том и в другом случае может развиваться воровство.

Кроме того, очень важно, чтобы в доме были порядок и чистота, отсутствие пыли, отсутствие лишних, изломанных, разбросанных вещей. Это все чрезвычайно важно, гораздо более важно, чем кажется. Если в доме много вещей, которые мешают жить, но которые жалко выбросить, либо потому, что они чего-то стоят, либо потому, что они что-то напоминают, и поэтому торчат и обрывки старых платьев, и ковер, который только потому лежит, что куда вы его денете, то в таких случаях воспитывается беспорядочность, отсутствие ответственности за вещи.

Если в вашем доме только необходимые вещи, которые нужны действительно, которые чем-нибудь полезны и приятны, если не торчат старые, истрепанные, изношенные края, тогда воровство развивается с большим трудом. Эта ответственность, выражающаяся в вашем внимании к вещи, которую вы поставили или выбросили, когда она не нужна,— эта ответственность за вещь воспитывается и у ребенка, и принимает форму уважения к вещи, и служит иммунитетом воровства.

Я сказал о самом главном, что я считаю важным в нашей воспитательной работе: это чувство меры в любви и строгости, в ласке и в суровости, в вашем отношении к вещам и хозяйству. Это один из главных принципов, на которых я настаиваю.

Я подчеркиваю, что именно при таком воспитании можно вырастить людей, способных и к большому терпению, без жалоб и без слез, и к большому подвигу, потому что таким воспитанием вы будете вырабатывать волю.

Ответы на вопросы

Голос с места. К тов. Макаренко очень много вопросов. Все мы читали его книгу, и у всех нас есть наболевшие вопросы, и нам всем интересно поговорить с т. Макаренко в другой обстановке. Можно ли с ним лично посоветоваться или написать письмо?

Относительно воровства. У меня это наболевший вопрос. По этому поводу я два месяца тому назад написала Вам письмо, но отправить не решилась. Я просила в «Правде» указать Ваш адрес. Мне сказали, что Вы на даче и что Вы никого не принимаете.

У меня два мальчика. Условия воспитания одинаковые, а ребята разные. Одного не интересуют деньги, а другой не может видеть денег, чтобы не взять. Никакие замки не помогают. Трудовая обстановка в семье, родители живут дружно. Но если оставить варенье, он обязательно съест. Если оставишь кошелек с 30—40 рублями, возьмет последнее.

Старший парень хороший. У чужих не возьмет, свое отдаст. К младшему не знаешь, как к нему подойти. Отец возмущается, когда об этом говоришь. Мальчику шестнадцать лет, а физически развит, как в восемнадцать. Старший в комсомоле, а этого комсомол не интересует. Очень красив собой. Девочки нравятся ему. Учиться не хочет и учился плохо с первого класса. Переходит из класса в класс на «посредственно». Труд ему ненавистен, но он за все хватается.

- Что, ты хочешь учиться?

- Да.

- Почему же не учишься?

Молчит.

- Не хочешь учиться — иди работать. Чего ты вообще хочешь в жизни?

- Не знаю.

Футбол любит. Приходит домой в три часа ночи.

- Где ты был?

- Где был — там нет.

Чужим не грубит, а в семье грубит. И вот это воровство.

Как быть с ним? Отец говорит — он не брал, а я говорю — брал. Отец играет на этом доверии, но никакого толку от этого нет.

Сейчас перешел в 9 класс. Я думаю – может быть, отдать его в военную школу. Но берут только в кавалерийские школы. Я считаю, что это очень ограниченная область, у которой нет ни будущего, ни настоящего.

Тов. Макаренко. На Ваш вопрос дать ответ невозможно. Если бы я познакомился с мальчиком, я мог бы поговорить и дать совет, но заглазно, не зная вашей обстановки, не зная Ваших ошибок, ошибок в тоне [воспитания] и других, не зная Ваших знакомств и быта, не могу взять на себя ответственность дать какой-либо совет.

Но вообще должен сказать – неутешительная штука. В «Книге для родителей» я стараюсь говорить на эту тему, а как нужно воспитывать [в отдельных], я ни в «Книге», ни сегодня не пытался говорить. Для семьи это чрезвычайно трудная вещь.

Чтобы воспитывать, необходимо изменить весь тон коллектива, в котором [ребенок] живет. Ваш мальчик в коммуне [им. Ф.Э. Дзержинского] был бы самый легкий мальчик, поскольку он и грамотный, и нормальный, и красивый, а вы в семье действительно растерялись, что можно с ним сделать.

Вы бросаетесь из стороны в сторону, вы то одно попробуете, то другое попробуете. Но я уверен, что если мы с вами побеседуем, то мы придем к какому-нибудь результату, если вы пригласите меня в гости. У меня много таких домов, где я бываю в качестве «ходячего» педагога – консультанта. Это мой хлеб, это для меня важно: я расширяю сферу наблюдений. Это никакое не одолжение, вы не стесняйтесь

со мной, я никогда не выезжал и не выезжаю. Всегда звоните по телефону: В-1-78-96. Звонить лучше утром до 11-ти или в час ночи. Причем прошу не стесняться и не думать, что вы обращаетесь ко мне как к ученому – педагогу, а я оказываю вам какое-то содействие. Вы мне поможете, а я вам помогу[6].

С места. У меня девочка, ей шесть лет. Я хотела бы воспитать из нее смелую хорошую девочку, но, несмотря на все мои усилия, а я избегала запугивания ребенка, все-таки у меня ребенок несмелый, боязливый. Когда ложится спать, всегда спрашивает: «Какие мне будут сниться сны?» Как будто бы она боится и просыпается, когда видит сны.

Каким образом воспитать смелость в ребенке? Я много старалась, но результатов нет.

Тов. Макаренко. Здесь вам нечего бояться. У девочек в шесть лет сплошь и рядом бывает нервность. Девочка в шесть–семь лет несмелая, а в одиннадцать станет таким буяном, что не удержите.

Тут вам нужно обратиться к врачу. Нет ли у вас домашней работницы, которая рассказывает о чертях?

Я не представляю себе, что это за тип страха. А может быть, это воображение? Иногда это очень сильно развитое воображение.

Здесь врач больше поможет. Вы никаких данных для определения поведения девочки не даете. Не познакомившись с девочкой, было бы халтурой с моей стороны говорить о ней. Вы разрешите зайти к вам, а сами лучше поговорите с врачом, не с психиатром, а с самым обыкновенным врачом по нервным болезням. Может быть, здесь какие-нибудь гланды или что-нибудь такое.

С места. Как быть в таком случае? Дома с мальчиком беседуешь, что можно, чего нельзя. Прививаешь ему хорошие навыки. И отпускаешь его к ребятам, т.е. не ограничиваешь его в том, чтобы он был среди ребят. Знаешь, с какими детьми он находится, знаешь, что он может научиться ругаться, знаешь, что разговаривает с ними и о воровских делах. Дети старше его на 2 – 3 года, не отпускать ребенка тоже нельзя, тогда его нужно засадить дома, смотреть за ним и лишить его всяких удовольствий. Отпускать его опасно потому, что от этой группы получишь много всяких неприятностей.

Тов. Макаренко. Вы задаете мне такие вопросы… Мне нужно заболеть зазнайством. Я не египетский мудрец. Вопрос страшно трудный.

Эррио приезжал в Союз, приехал и к нам в коммуну[7], коммуна ему очень понравилась. Он плакал, пока оркестр коммунаров играл Бетховена. Он не мог себе представить, что бывшие «уличные мальчишки» играют ему Бетховена. Решил познакомиться ближе.

- Все было хорошо, - сказал он, - но с одним я не согласен: как вы допускаете, что нормальные, хорошие дети воспитываются вместе с ворами, фальшивомонетчиками и шпионами. (С границы нам прислали всяких перебежчиков).

И завели спор в присутствии [работников] Наркоминдела.

Меня дергают за рукав – кончай! Тогда я сказал коротко:

- А в жизни как – хорошие люди живут рядом с плохими? Смотришь – мошенник, получил то, что не полагается, а живет среди нас.

Готовить детей, чтобы они могли жить только в обществе идеальных людей, мы не можем. Такого мальчика воспитаете – он скиснет, как только попадет в общество. Ваш мальчик должен приучаться к обществу самых различных людей. Он должен и к таким типам приспособляться. И чем он больше окружен всеми условиями жизни, тем лучше. Изолировать его, не пускать – это может принести большой вред. Он так приучится к семейному инкубатору, что каждый его сможет обмануть и провести.

Нужно воспитывать сопротивление. Для этого есть единственный способ: это тон вашей семьи. Если в вашей семье настоящий хороший тон, если вы имеете авторитет, если мальчик верит, что его мать самая красивая, самая справедливая, самая аккуратная, самая веселая и в то же время самая серьезная, то не нужно его убеждать, если вы то высшее существо, авторитет которого для него самое главное. А раз вы начинаете уговаривать и убеждать, он думает: ты, значит не такое высшее существо, раз ты меня убеждаешь. А вы скажите: «Ты должен знать, что этого делать нельзя». Если он все-таки поступил дурно, скажите ему: «Объясни». Пусть он вам объясняет, а не вы ему. Этот момент распоряжения, не подлежащего сомнению: «Нельзя»,— уже будет первый шаг сына к умению сопротивляться.

Если мальчик, с которым ваш сын играет, плохой, вы не запрещайте сыну с ним играть, но подойдите поближе к этому мальчику, узнайте, чем он нехорош, и узнайте, в чем, когда проявляется это дурное. Сделайте так, чтобы не убеждать этого мальчика, а произведите на него впечатление вашей уверенностью, вашим спокойствием, чтобы сын видел, что вы не трепещете, что и он таким же дурным сделается. Здесь дело не только разума и души, но и глаза, умения помочь своему сыну и чужим детям, если это нужно. И сын уверенно пойдет за вашей силой, тогда вредные влияния не страшны, он будет легко преодолевать их.

С места. Как объяснить ребенку, что тебе рано некоторые книжки читать, тебе рано читать Мопассана или Драйзера?

Тов. Макаренко. Я Вам отвечу, а Вы никому не говорите. Если в Наркомпросе узнают, что я сказал – мне и так жизни нет. Все можно читать. Вы Мопассана запрячете, а то, чем он интересуется в Мопассане, он найдет в гораздо худшей форме. У Мопассана это подано художественно, красиво, и это облагораживает, а в другом месте он найдет эти вещи гораздо хуже.

С места. У меня мальчик, учится в четвертом классе. К родителям относится идеально. В каком смысле? Если он заболеет, то не разрешит себе ночью позвать мать:

- Ты устала, я сам встану.

Ребенок дисциплинированный. В школе педагог периодически подсаживает к нему детей недисциплинированных. Я не имела ничего против этого. Но у ребенку развивается какая-то неприятная черта. Он приходит домой и говорит:

- Знаешь, а сегодня мой «питомец» получил уже отлично. Так его, вероятно, пересадят, а ко мне Петрова или Иванова подсадят. Надо будет и его вытягивать.

Я не знаю, насколько это полезно для него или вредно и как ему объяснить, что все-таки он не педагог еще, а такой же мальчик.

Другой случай. В семье, которую мне пришлось наблюдать, рос мальчик. Я знаю его с полутора лет. Рос хороший мальчик. Задатки были хорошие. Отец был артистом. Мать — домашняя хозяйка. Отец умирает, мальчику двенадцать лет. Он остается некоторое время таким же хорошим. Сестра — очень хорошая девочка; когда она была маленькой, брат ее очень жалел. Сейчас он не жалеет ни мать, ни сестру. Почему так получилось, что после смерти отца из хорошего мальчика вдруг получился грубый, дерзкий шестнадцатилетний парень? А ведь мать очень любила детей и последнее им отдавала, она и сейчас сама не съест, а сына накормит.

Тов. Макаренко. Если мать отказывает себе во всем, отдает сыну свою пищу, — это наибольшее преступление. Сын должен матери отдавать пищу, сын должен отказывать себе для матери. Пусть мать начинает борьбу. Это трудная борьба.

Слышал я, что в Англии есть правило, чтобы в трамваях дети уступали место взрослым. Это правильно.

По этому поводу приходится часто спорить с родителями. Я убежденный сторонник того, чтобы в семье все лучшее было, прежде всего, родителям. Если у вас

есть шелк, надо шить платье матери. Если у вас есть сто рублей и стоит вопрос, кому поехать прокатиться по каналу «Волга — Москва»— родителям или детям, то самое лучшее решение — в первую очередь родителям, а потом уже детям. Это вовсе не значит, что вы о детях перестанете беспокоиться. Вы можете о них заботиться, но так, чтобы они были убеждены, что в первую очередь должна быть забота о родителях.

Я часто слышу такие рассуждения. Комсомолки, да еще отличницы, говорит матери, когда решается вопрос, кому шить новое платье:

- Да что тебе нужно? Тебе тридцать восемь лет, сколько тебе осталось жить, а я молода, мне нужно жить!

У меня дочери нет, но племянница у меня жила и воспитывалась[8]. Если у жены четыре платья, а у племянницы два, я настаиваю, чтобы жена сшила себе пятое платье, а девочка пусть подождет третьего. Я предложил бы девочкам до шестнадцати лет шить только ситцевые платья. А окончит десятилетку — получай простенькое шелковое. Имей два-три ситцевых платья, а еще сама их зашивай, и гладь, и перешивай, если нравится, и это норма. А если подруге сшили такое-то платье, так и мне нужно — это не годится. Так нужно сделать, чтобы дочь гордилась ситцевым платьем и гордилась тем, что матери уступила.

Что же касается вашего сына, мальчика-«педагога», то раз здесь вмешались школа и учитель, что я могу сделать? Там ведь понимают, что делают, люди ученые.

Я сам поручал своим коммунарам наблюдение за более слабыми. Но это нужно инструментировать иначе. Другая инструментовка должна быть[9]. То есть я не говорил, что ты лучше, а тот хуже, а я говорил:

- Ты того-то не сделал, так я тебе даю нагрузку: повозись с этим отсталым человеком. А если не сделаешь, я тебя взгрею, что плохо сделал. Когда человеку помощь оказал, то не чувствуй себя педагогом. Он исполняет данное ему поручение.

В вашем случае плохо то, что и другим мальчикам в классе не поручают того же, что и вашему сыну. Если одни другим помогают, то никто не будет воображать себя педагогом. Все это зависит от стиля учительской работы. Общего закона здесь придумать нельзя. Вредно, если ваш сын зазнается, очень вредно. Ему нужно сказать: «Учитель немножко ошибся, тебя самого нужно еще подтягивать».

Если учитель делает ошибку — что я могу поделать? Это очень грубый, дешевый метод.

Выступления по докладу

Тов. Любимова. Сегодня я с большим нетерпением сюда шла послушать т. Макаренко о воспитании детей, и все то, что сказал тов. Макаренко, полностью совпадает с воспитанием моих ребят. Это, очевидно, потому, что у меня не один ребенок, а трое.

Как понимать родительское счастье? Конечно, оно заключается не только в любви к детям и какой-то особой комфортабельности наших помещений, а в том, чтобы родители работали, и дети видели и ценили эту работу.

Мой муж работает, я тоже работаю — общественной работой занимаюсь.

Я нахожу моральное удовлетворение в этой работе. Я счастлива, что мне ясна цель воспитания моих ребят.

Как я начала их воспитывать? Почему такое сходство с тем, что сказал т. Макаренко? Действительно, с пеленок, все трое ребят у меня с рождения никогда не были на руках. Ребенок лежит в коляске, его нужно кормить — беру, кормлю. Спать с собой никогда не кладу. Сажусь обедать или пить чай, ребенка не беру, в гости с собой никогда не беру. Проснулся ребенок, играет в кроватке. Если заплачет, я выясню причину и устраню ее. И дети до года совершенно на руках не были. Сейчас тоже режим дня. Бывают и отклонения.

Старшему одиннадцать, второму восемь и третьему четыре года, три мальчика. Своих детей я очень люблю, все для них делаю: одеваю, кормлю. Приятное доставляю. А наказание заключается в том, если ребенок что-нибудь плохо сделал, я лишаю какого-то [удовольствия].

Я вожу в театр, в кино, иду с ними в лес, собираю ягоды.

Мы, родители, должны прежде всего воспитывать своих детей, а у нас зачастую бывает так: сегодня режим нарушили, а завтра по-другому. Это очень отражается на детях. Мне трудно бывает, но я не отклоняюсь от режима дня, всегда привожу его в исполнение.

Если я куда-нибудь ухожу, я даю детям указания, что они будут делать без меня, а когда прихожу, то я премирую тех, кто лучше себя вел. Премирую хорошей конфеткой или игрушкой.

Родители должны иметь авторитет. А для этого мы должны свое слово всегда приводить в исполнение.

Один маленький пример. Я вела общественную работу в школе. Был такой случай. Своих ребят, ребят школы, где учится мальчик, я водила неоднократно в театр. Я шефствовала над одним классом. Мне говорят, что там пять хулиганов. Я спрашиваю:

- Ребята, кто пойдет из вас в театр? Кто будет хорошо вести себя, всех в следующий раз возьму в театр.

Раз я говорю, я должна привести в исполнение.

На следующий раз, когда я прихожу в класс, обращаюсь к одному из тех мальчиков, которые считались хулиганами:

- Ну как, Сироткин, вел себя хорошо?

Он вел себя хорошо.

- Деньги есть?

Вынимает деньги.

Когда вела ребят в театр, мне говорят:

Он убежит от вас. Каждый педагог говорит, что хулиган, хулиган — никто не сказал ему ласкового слова.

Когда приехали в детский театр, мне говорят — вы его одного не отпускайте. А я ему говорю:

- Иди и гуляй, но только знай свое место.

Когда в антракте я стала подходить к своему месту, я увидела позади себя мальчика: он ходил за мной и смотрел, куда я пойду.

Я на него не обращала внимания, но здраво говорила с ним, и он великолепно встал в пару и хорошо себя вел, а когда мы доехали на трамвае и стали расходиться по домам, он сказал мне:

- До свидания, тетя!

Индивидуальный подход к ребенку и ласка, прежде всего, должны быть.

В отношении своих ребят. Я довольна, что частица того, что сказал тов. Макаренко, отражается в моей жизни. Но мне кажется, я бываю строга. Нужно ли эту строгость продолжать в таком духе?

Тов. Макаренко. У меня впечатление, что к своим вы очень строги, а к чужим, вероятно ласковы.

Тов. Любимова. Иногда ребенку чего-нибудь хочется, я отказываю, или ему хочется пойти, а я говорю: «Без меня не можешь пойти, не можешь самовольно уходить» и т. д. Может быть, я не предоставляю такого широкого права. Ему одиннадцать лет.

В отношении воровства. Недавно был такой случай. Я взяла новую прислугу. Когда бабушка высыпала сахар и ребята его не таскали, она удивилась и говорит:

- У той хозяйки дети всегда таскали сахар.

У меня ничего не запирается и нет того, чтобы ограничивать ребят, но если ребенок что берет, он ставит меня в известность: я взял то-то.

С места. Ваш муж вам помогает или подрывает вашу дисциплину?

Тов. Любимова. Мой муж большой авторитет для ребят. Недавно был такой случай. В выходной день утром он говорит:

- Ребята, одевайтесь, поедем на лыжах.

А старшему (он провинился):

- Ты на лыжах не поедешь с нами.

Больше ничего не было сказано. Мы собираемся выходить. Сын подходит ко мне:

- Я пойду?

Я ничего не знаю, спрашивай папу.

Отец сказал: «Нет». Сын кричал: Мама, не берут меня на лыжах! Но мы его так и не взяли. Свое слово нужно всегда приводить в исполнение.

Тов. Макаренко. Это чрезвычайно интересно.

С места. Многие матери, в том числе и я, к чужим детям более ласковы, чем к своим, т. е. к своим строже. И сын делает мне замечание:

- Ты как будто бы того больше любишь.

Я отвечаю:

- У него нет папы и мамы (на этот раз это было так), а у тебя есть мама. Хоть я тебя и поругаю, все-таки я твоя мама.

А по отношению к другим детям, не знаю, что ответить.

Тов. Макаренко. Потому что я тебя больше люблю, поэтому я строже.

С места. А у меня девочка четырнадцати лет. Она растет замкнутой. У нее нет подруг. Второй год она работает в кружке собаководов, она дрессирует собак. А мы с отцом смотрим на это так: ну что девочка с собаками возится. Когда начинаешь говорить девочке, когда ты кончишь гонять собак, она отвечает: или я собак буду дрессировать, или по задворкам буду гулять. Но отец и я смотрим, что это пустяковое занятие. Мы это очень переживаем.

На туалеты не обращает внимания, лишь бы было чистое. Перешла в седьмой класс, «посредственно» имеет только по русскому письменному.

Она хочет быть собаководом, работать по биологии.

Тов. Макаренко. Я удивляюсь вашему беспокойству. Такой шикарный случай. До чего неприятна та молодежь, которая ничем не интересуется, лишь бы только вечер провести. Это самый несчастный случай. А если девочка увлекается собаками и заинтересовалась биологией, это шикарно, и пусть увлекается. Собаки — это прекрасные существа, их общество никогда не вредно.

С места. Одна из товарищей, говоря о воспитании своих детей, сказала, что она премирует ребят за хорошие поступки. Правильно ли это?

Тов. Макаренко. Я это записал. Что касается премирования шоколадкой, я против этого. В семье одно премирование должно быть: «Ты поступил правильно». Вы можете дать шоколадку независимо от поступков.

Мои коммунары жили богаче, чем многие дети в семье. Они делали фотоаппараты. Мы построили прекрасное здание: паркет, зеркала, прекрасные картины. Вы можете прочитать «Флаги на башнях», печатается в «Красной нови». Этот вопрос о премировании меня всегда занимал. Как это просто — подкупить ребенка: сделаешь это — получишь премию. Я всегда сопротивлялся. Никакой премии. Самая большая премия: «Правильно поступил». Еще большая премия — благодарность в приказе. Это высшая награда, и никто из коммунаров никакой другой награды не получал.

Если какой-нибудь мальчик поступил безобразно, некрасиво, я его накажу. Как я мог наказывать? Под арест или в наряд[10], но лишить его пищи или сладкого, не дать чего-нибудь — этого я себе не позволял. Шоколад всем полагается, и ты получи,

как бы ты ни был плох. Ни премирование, ни наказание при помощи сладостей недопустимы.

Это небольшая опасность, но это приучает к бухгалтерии, расчету. До одиннадцати лет эти «бухгалтеры» себя не проявляют, а когда им будет 18—20 лет, вы увидите неприятные последствия. У вас прекрасная норма строгости и ласки, но в шоколадках что-то есть, что надо пересмотреть.

Тов. Любимова. Я не премирую их каждый день. Мне нужно идти на собрание, домработница отпустила.

Я им говорю:

- Ребята, будете вести себя хорошо, я вам вкусных вещей принесу.

Тов. Макаренко. В этом случае вы поступаете, как старомодная мамаша.

Вы такая сильная мать, вы можете без этого обойтись. У вас это, может, вреда не приносит, потому что у вас и без того хорошо, а у кого слабовато, это может быть и вредно.

Тов. Любимова. Ведь лучших стахановцев на заводе премируют, и дети знают, что и папу премируют. Вот папа получил премию, а почему мне нельзя?

Тов. Макаренко. Если вы дадите длительное задание детям на год вперед,— за перевыполнение плана — премия. Но при этом должна быть не конфетка, не шоколадка, не велосипед, а что-нибудь такое, что ему нужно для работы: инструмент или молоток. Тут выбирать не так легко. А это — «будешь хорошо вести — дам конфетку»— я не применял бы.

И часто вы хвалите? А если редко хвалишь, то похвала действует очень сильно. Иногда я приглашал того или другого коммунара официальной запиской: «Прошу прибыть в 11 часов». Когда он приходил, я вставал и говорил в таких случаях! «Ты поступил правильно»,— и это для всей коммуны было событием. Я признал его поступок правильным.

И в семье это легко.

Я остановлюсь в этом разрезе еще, на таком вопросе. Муж и жена. Семья состоит не всегда из двух одинаковых компонентов: иногда жена мягче, муж строже, а иногда наоборот: муж такой сахарный, ласковый, что никакого спасения, а жена зато все в руках держит. Я прихожу к такому заключению: это как-то нужно упорядочить — в семье должны быть две инстанции — низшая и высшая. Кто больше в этой семье уделяет внимания детям? Если «жена», то «муж» должен быть в запасе. Он должен посматривать, не вмешиваясь, ничего не говорить или говорить очень редко. Такой разговор в «высшей инстанции» должен иметь вид маленького «скандала». Когда ребенок плохо поступил – лучше мужу не говорить, а когда мальчик «перебрал» в своем поведении, тогда можно звать на помощь «тяжелую артиллерию» — папу. Это необходимо.

А когда одновременно «набрасываются» и отец и мать, это непосильная нагрузка детям. И здесь нужно распределить, кто будет апелляционной инстанцией, кто кассационной, а кто постоянно действующей[11].

С места. Я хочу, чтобы ребята были хорошие, и воспитываю их в другом духе (чрезмерная любовь портит ребенка), но муж подрывает мое воспитание.

Я материально обеспечена, я неплохая хозяйка. Ребенок может пойти в кино, в театр, а завтра еще куда-нибудь, может купить мороженого. Я считаю, что имею возможность это делать, но не делаю. Я не покупаю каждый день конфет, потому что я его порчу. У него имеется возможность всегда купить и иметь.

И еще: развинчивает ребенка, если мы не работаем вместе с детьми. Если я сказала: будем стелить постели, и они стелют, и я стелю. Если я уйду на огород, и они вместе со мной работают. А если я скажу: сделайте одни, и уйду, то они делать не будут. Нужно лучше вместе с детьми работать, тогда и ребенок научится работать. Не одна любовь портит детей, а все это вместе.

С места. У меня детей нет, и я страшно люблю их. У нас в доме 36 ребят, с которыми я занимаюсь. Эти дети не так слушают родителей, как меня.

У меня детство было тяжелое, воспитывали не так, как сейчас, и я все это учитываю. Несмотря на то, что мы жили в большой строгости, родителей мы очень любили. Они оказали мне много внимания, и условия были другие. Я все это учла и подхожу к детям по-иному. Когда я прохожу по двору, то мне дети всегда кричат: «Здравствуйте, тетя Маня». И если они сотворили что-нибудь, они приходят ко мне, как к судье: «Тетя Маня, он сделал то-то, что ему будет за это? Я не стану на него кричать, а скажу, что он ошибся, плохо сделал, но не надо его отталкивать, ребята.

Я бы сказала, что за 17 лет я от детей (многие из которых подросли и стали комсомольцами) чувствовала очень большое внимание, и просила бы матерей, что к детям надо относиться бережно, надо учиться не слишком крепко ласкать их, но и не быть суровыми, а главное – нужно создать себе авторитет.

С места. Я попала на конец [лекции], ухватила лишь последние слова Макаренко и о них буду говорить.

Вы сказали, что очень большое значение в воспитании имеет домашняя обстановка. Что вы считаете излишним в семейной обстановке и что не считаете лишним? Если я буду воспитывать ребенка в «голой» обстановке, правильно ли это? Допустим, много вещей не нужно, и все они должны лежать в строго определенном месте. Каждый из нас старается это делать, потому что непорядок в доме — это значит непорядочно воспитывать ребят.

И вот у меня висят картины. Не скажу, чтобы у меня была скудная обстановка. Я сама художница. Завесить всю комнату картинами — это может быть негигиенично, и не лучше ли будет, если бы я сняла картины?

Но мой сын попал на квартиру к преподавателю математики. В классе этот преподаватель детям кажется сухим педантом, придирчивым, бездушным человеком. И какое же впечатление произвела на сына (мальчику восемнадцать лет) домашняя обстановка этого преподавателя!

- Я думал, что он сухой, неинтересный человек, а когда я к нему зашел, мне стало так приятно сидеть у него. У него висят хорошие картины, стоят старинные диваны, старинный стол, все это ласкает глаз — не хотелось уходить, а в классе ждешь не дождешься, когда он уйдет.

Другой случай. У меня для мальчиков ширмами выделена комната. Я старалась, чтобы в их комнате не было картин. А недавно, в пушкинский юбилей, один знакомый художник подарил нам портрет Пушкина со старинной картины. Я вставила его в раму и повесила у мальчиков в комнате.

- Как приятно — Пушкин!— сказали они.— Нельзя ли еще что-нибудь повесить? Так создается настроение.

Хорошая обстановка, хорошие вещи облагораживают ребят, а вы сказали — лишних вещей не нужно. Я боюсь, что я не так поняла. Что считать лишними вещами?

Тов. Макаренко. На этот вопрос лучше всего художник может ответит. Лишние вещи — это вещи, которые лишние. Портрет Пушкина нравится, производит впечатление — это не лишняя вещь. Лишняя вещь — это та вещь, которая не нужна, никакого впечатления ни на кого не производит, торчит в комнате. Разве вы не знаете квартир, которые похожи на мебельный магазин. Кажется — роскошь, а на самом деле мебельный склад. Если вы просто завесите вашу комнату картинами, то из них половина будет лишними.

Не должно быть вещей, пришедших в изношенность. Не должно быть книг, которых никто не читает, не должны лежать прошлогодние журналы, не должны стоять диваны, на которых никто не сидит и которые только загромождают комнату. Если вы повесите один портрет Пушкина, а затем второй, третий, пятый, десятый, то как бы Пушкин не был велик, девять его портретов нужно снять. Лишнего, пыльного,

истрепанного быть не должно, а вообще красивая богатая обстановка — почему же, это не так плохо!

С места. Я педагог. Мне приходится сталкиваться с детьми по линии учебной. Вызываешь родителей, говоришь, что ребенок несистематически готовит уроки. Родитель рвет и мечет. Но добиться, чтобы родители следили за дневником ребенка, чтобы ребенок регулярно садился за уроки, не удается. Один из важнейших принципов – не действовать наскоками на ребят, а проводить в отношении ребенка определенный метод, предъявлять к ребенку требования и постоянно соблюдать их.

У т. Макаренко именно этот принцип. Я была у него в колонии, когда была еще студенткой, и на всю жизнь вынесла яркое впечатление. Я видела, что ребята отлично знают, что они могут делать, чего не могут. Такой образцовый порядок, дающий возможность воспитывать ребят, должен быть в семье. Больше всего мешает эта несистематичность, когда мать то кричит на ребенка, то бьет его, то позволяет ему делать, что угодно. То, что обещания не выполняются, это тоже чрезвычайно важный момент.

Тов. Макаренко. Я заключительного слова говорить не буду. Этот вопрос закончить никогда нельзя, и мы долго можем об этом разговаривать.

На один только вопрос мне хочется ответить: это насчет материальной обеспеченности и необеспеченности семьи. Насчет карманных денег. Это корректив чрезвычайно важный в семье, когда вы не сами покупаете, а даете детям смету, и в эту смету они должны укладываться. Конечно, деньги нужно давать не в излишнем количестве.

Иногда говорят, что трудно воспитывать детей, когда нет материальной обеспеченности. Я не скажу, что среди бедных семей я видел худшее воспитание, чем среди богатых. Процент брака [в воспитании] одинаковый. Все это зависит от родительской заботы и родительского внимания. Мой коллега правильно заявил, что нужно систематически воспитывать детей, а не то, что раз в месяц воспитывать. Систематическое воспитание очень важно.

Что же касается школы и семьи, то этого вопроса я не касался и не хочу касаться, потому что мы с вами не сойдемся. Я никогда не вызывал родителей. Я шестнадцать лет учительствовал, я педагог. Я считал, что если мальчик у меня воспитываются, я - квалифицированный воспитатель, так я не только не буду вызывать родителей, но я мальчика заставлю вносить положительное влияние в семью[12].

Попробуйте стать на эту точку зрения, и вы увидите, как будет легко, когда вы мальчика научите чувствовать ответственность за семью. Нужно детей в школе так воспитывать, чтобы они вносили в семью какую-то дополнительную здоровую струю, не то, чтобы перевоспитывали семью, а чтобы они шли в семью как представители государственной школы.

Вопрос страшно дискуссионный. До следующего раза. Спасибо вам за внимание, крепко жму руку.

[Аплодисменты]

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 4, с. 211 – 229. стенограмма лекции А.С. Макаренко и выступлений слушателей в редакции ж. «Общественница», 22 июля 1938 г. При жизни А.С. Макаренко не публиковалось.

В данном издании в стенограмму внесены дополнения и уточнения по ее публикации в книге: А.С. Макаренко. Публичные выступления (1936 – 1939 гг.). Аутентичное издание / сост., авт. коммент. Г. Хиллиг. – Елец, 2002, с. 257 – 278.

Как и в «Книге для родителей», повести «Честь», литературно-критических выступлениях, А.С. Макаренко в этой лекции продолжает углубляться в основы педагогики как науки о воспитании, опираясь на масштабный опыт своей колонии – коммуны и дореволюционную педагогическую практику.

Продолжается начатая на встрече с читателями «Книги для родителей» 9 мая 1938 г. разработка имеющей методологическое значение проблемы: «мера» различного и даже противоположного и в целях воспитания, и в его средствах. Рассматривается сущность процесса воспитания, его источник – противоречие. Целостность личности и процесса воспитания достигается путем преодоления «парных оппозиций», дихотомий: активность – и «торможение»; личное – и «способность ориентировки» в окружающем; организованное – и стихийное («мера вмешательства» в жизнь ребенка); уважение – и требование («мера строгости и ласки») и т.д.

В педагогическом мышлении и действии традиционное разделительное «или – или» сменяется соединительным «и – и», диалектически – органическим единством.

«Норма», «степень» сочетания противоположного, «гармонизация» - путь воспитания характера, деятельной и волевой личности, духовно богатой, способной воспринимать диалектику и «нюансы» морали и психологии человека. Здесь присутствует мысль о человеческом счастье.

Так разрабатывается далее «педагогики параллельного действия». Много внимания уделяется психологическому аспекту воспитательного процесса.

Материал интересен и с точки зрения восприятия идей А.С. Макаренко слушателями и стиля его общения с ними, сочетания педагогической теории с рассмотрением конкретных случаев воспитательной практики.

[1] Это относится к последним годам работы А.С. Макаренко в коммуне им. Ф.Э. Дзержинского и особенно в Броварской колонии (под Киевом, при работе в ОТК НКВД УССР, см. части 4 и 5 данного издания). Отмечается факт влияния на детство начавшейся в сер. 1930-х гг. бюрократизации социального управления, ее последствий в воспитании «привилегированного» молодого поколения.

[2] Разумное осмысление происходящего в общественной и личной жизни, основанное на длительном социальном опыте и закрепленное в традициях, общественном мнении. («социальное наследование»). «Здравый смысл» А.С. Макаренко рассматривает как важное понятие педагогической теории и практики, идентичное понятию «культура».

[3] В своем педагогическом опыте имея дело обычно с детьми после 12 лет, А.С. Макаренко добивался замечательных воспитательных результатов. При этом он отмечал наличие у новичков определенных «комплексов», отрицательных черт, которые до конца не преодолеваются за несколько лет пребывания в его колонии – коммуне (см. часть 3 данного издания, с. 216 – 217, 232).

[4] Ежедневной была вечерняя сдача рапортов командирами отрядов, она периодически соединялась с общим собранием колонистов – коммунаров, с объявлением очередного приказа по колонии – коммуне.

[5] Это тот случай, когда воспитание необходимо перенести на дальнейшее развитие жизненно-педагогического опыта ребенка.

[6] Это одно из проявлений педагогического принципа А.С. Макаренко: не унижающая человека и ослабляющая его благотворительность, а взаимопомощь. «Не помощь, а организация»; «благотворительность нужно заменить деловыми отношениями».

[7] *Эррио Э.* **– тогда экс-премьер Франции, председатель Комиссии по иностранным делам Палаты депутатов Франции.**

[8] *Макаренко Олимпиада Витальевна* **(в замужестве Васильевна) – дочь Виталия Семеновича Макаренко, младшего брата А.С. Макаренко (белоэмигрант с ноября 1920 г.). Воспитывалась в семье А.С. Макаренко с 1928**

г. Он переписывался с братом с кон. 1922 г. до осени 1929 г., переписка не сохранилась.

[9] **Инструментовка (музык. термин) – изложение музыкального произведения в его исполнении оркестром, оркестровка. В терминологии А.С. Макаренко – трансформация педагогического средства при его включении в определенную педагогическую систему, внимание к мотивации деятельности педагога и воспитанника.**

[10] **«Арест» - заимствованная из военной педагогики привилегированная форма наказания (только для офицеров), типа «домашнего ареста» (на несколько часов, в кабинете заведующего колонией – коммуной). «Наряд» - на краткосрочную работу бытового характера, в свободное время, при необходимости, по распоряжению дежурного по коммуне командира.**

[11] **Здесь на семейное воспитание переносится идея о структуре воспитательного коллектива и его «центре управления», об «инстанциях».**

[12] **Влияние на семью через школу и ученика – факт, имевший место в предшествующей педагогической истории, особенно в советский период. А.С. Макаренко усиливает эту тенденцию в своей педагогике, основанной на взаимодействии поколений, значительном усилении роли школы и педагогики в социально – экономическом развитии.**

Пути поколения. Действующие лица: главные и вторые (в описании)

Предварительный список: фамилия, имя, отчество; условное обозначение лица одной-двумя буквами; сколько лет (не везде), иногда указание на реальный прототип или персонаж другого произведения (ниже дается в скобках); иногда со знаком минус; связь между некоторыми лицами, пунктиром.

«Леонид Викторович Арканов, студент-медик (Федя Борисов); Валентина Николаевна Осипова, машинистка (Валя из романа); Дарья Васильевна Савченко, библиотекарь (Даша из поселка); Дмитрий Иванович Гусак, шофер (Судак из пьесы); Сережа Данилов, Волковский - студент, авиаконструктор (Лев, Конисевич, Волков); Лидия Ивановна Ходикова - дочь (Лиля); Троян Володя – сын; Евдокия Павловна Комарова, сборщица (Брегель)... Хромова Елена Павловна; Орхидея Кузьма Гаврилович (из пьесы); Ходиков Иван Прокофьевич (Перфильев); Матильда Ходикова (из Н. К.); Батурин Алексей Васильевич, зам. директора; Троян Петр Петрович, нач. мех. цеха (Воргунов); Супиков Семен Несторович, нач. ОТК (из романа); Арканов Виктор Андреевич (Ахматов)… Куперман Осип Соломонович (Кочубиевский, Коган); Хромов Павел Иванович (Горбунов); Анна Петровна (уборщица).

В итоге: «Мужчин - 18, женщин - 10, молодежи - 12, стариков - 13, средних - 3. Положительных -, отрицательных –.

Фролов А.А. А.С. Макаренко: московский период творчества (1937 – 1939 гг.). Хроника дел и мыслей. – Н.Новгород, 1997, с. 58. Полный текст: РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 28 и далее.

Ссылки в скобках: на персонажей незавершенного романа «Человек», незавершенной пьесы «Забота о человеке», пьесы «Ньютоновы кольца» (см. данное издание, часть 5, с. 220 – 227; часть 3, с. 296 – 315). Прототипы: ИТР производства в коммуне им. Ф.Э. Дзержинского: Перфильев, Воргунов, Кочубиевский, Коган, Горбунов. Прототипы молодежи: Л.М. Салько, Л.В. Конисевич, О.В. Макаренко, Брегель и др. А также Ахматов.

Дополнения. **Конец июля: пребывание А.С. Макаренко** *в г. Истра (Подмосковье).*

30 июля, статья в «Литературной газете»: **«Велик интерес к Советскому Союзу» (автор – П.). О внимании зарубежного читателя к советской художественной литературе. «…Едва ли какая-либо литература мира вызывает такой интерес». На иностранные языки переведены произведения М. Шолохова, А. Толстого, Вс. Иванова, А.С. Новикова - Прибоя, А. Фадеева, Ф. Парфенова, Н. Островского, П. Павленко, Ю. Тынянова, В. Вишневского, Н. Погодина и др.**

«Чрезвычайно популярна за рубежом *«Педагогическая поэма» А. Макаренко.* **Советская книга прочно завоевывает свое место в мировой литературе». СССР – как подлинный оплот защиты мира и культуры.**

«Красная новь», 1938, № 7 – *публикация второй части «Флагов на башнях».*

Запись в дневнике, 4 августа 1938 г.

4 августа. Наконец, откровенно поговорил в Детиздате о «Флагах на башнях». Какая-то сплошь серая, маленькая, неопределенного возраста редакторша Воробьева, кажется, главная вдохновительница всей этой истории, с довольно очевидным озлоблением заявила мне, что роман нужно «переработать». Потом оказалось, что переработка требуется очень большая. Претензии такие:

1. Воспитательное учреждение, а не видно, как перевоспитываются.
2. Лучше усилить роль Руслана - перековку.
3. Не видно вообще отдельных лиц, а все коллектив и коллектив.
4. Герои не запоминаются.
5. Скучно и длинно.
6. Рыхло.
7. Это не роман, а ряд очерков.
8. Говорите о заводе, а не видно, как работают отдельные лица.

Я поднял настоящий крик. Протестовал, что мне навязывают тему перековки, что меня принуждают показывать коллектив, как простую сумму членов[1]. Потребовал рукопись обратно. Но пришел Андреев - директор Детиздата - и заявил, что сам берет читать и 7-го мая позвонит.

Совершенно очевидно, что там засели люди, которые меня не выносят еще из Наркомпроса. Это было видно уже во время первых разговоров по взглядам, по отдельным словечкам. Воробьева и Никитин, по всему заметно, ненавидят каждую мою строчку.

При таких обстоятельствах ожидать что-либо от Андреева не приходится. Детиздат – это гнездо моих принципиальных противников, идеалистов и слюнтяев, сентиментальных индивидуалистов. Андреев, если бы даже захотел, побороть эту братию не сможет.

Кажется, это «педагогическое» сопротивление проникло в Гослитиздат. Во всяком случае, Ермилов с 28-го июля молчит об отдельном издании, хотя тогда обещал с кем-то разговаривать. Очень вероятно, что первая часть романа[2] кого-то уже задела за живое. Роман в большой опасности, и я не буду удивлен, если и «Красная новь» приостановит его печатанье. Замолкли что-то и об английском переводе.

Одним словом, на меня идут походы с двух сторон: по «Чести» на литературном фронте, по «Флагам» на педагогическом. Страшно интересно.

Все-таки завтра подаю заявку в Гослитиздат. И все-таки пишу «Пути поколения» условно. Для этой вещи хорошо перебрал материалы записных книжек и список действующих лиц. Из тумана вырисовывается какая-то интересная ситуация. Сегодня вечером буду работать над ее прояснением.

Воспитание гражданина… / Сост. С.С. Невская, с. 837 – 838.

[1] «Коллектив – не простая сумма его членов» - одна из основополагающих идей А.С. Макаренко. В хорошо организованном

объединении возникает социальная сила, далеко превосходящая простое «суммирование» индивидуальных сил».

А.С. Макаренко возражает тем, кто в представлении о коллективе не может освободиться от концепции обособленной личности и понять, что в социальном объединении индивидуальное приобретает черты данной общности, социально-типичные, т.е. таки образом «особь» становится личностью определенного типа. Придание человеческому объединению педагогически целесообразных свойств, «воспитание коллектива» - главное в решении проблемы личности и индивидуальности.

[2] Говорится о «Флагах на башнях».

Флаги на башнях. Часть вторая (фрагменты).

…2. ***Ваня***

Только один месяц прошел после совета бригадиров, памятного для Вани на всю жизнь. Над колонией стоял июнь – жаркий, солнечный. Школьный костюм Вани лежал в тумбочке. Бригадир четвертой никому не разрешал надевать школьных костюмов.

- Вам, пацанам, только и погулять теперь в трусиках, вроде как солнечная ванна... — говорил он.

И Ваня и другие члены четвертой бригады ходили в трусиках и голошейках, а в парадных случаях добавочно к трусикам наряжались в просторную, блестяще отглаженную «парусовку», одежду полноценную, с рукавами, воротником и карманом на груди. На ноги при этом надевались голубые носки и «спортсменки», а на голову — золотая тюбетейка[1]. В этом костюме пацаны имели вид великолепный.

Ваня быстро входил в колонистскую жизнь, все ему нравилось в ней и было ему по плечу. Он отказался от своего законного права погулять два дня и на второй день после приема пошел работать в литейный цех шишельником. Литейный цех помещался в старом каменном сарае. В одном углу здесь стоял литейный барабан, в другом — работали шишельники. Литейный цех отливал из меди масленки. Ване нравилось, что они важно назывались «масленки Штауфера». Нравилось Ване и то, что масленки Штауфера были очень нужны для разных заводов — без них ни один станок не мог работать: так, по крайней мере, утверждала вся четвертая бригада. Ваня нарочно выбегал смотреть, как полная подвода, нагруженная небольшими ящиками, отправлялась на вокзал. В ящиках лежали масленки, никелированные, совсем готовые, завернутые в бумагу.

Масленки были разных размеров, от двадцати до восьмидесяти миллиметров в диаметре, таких же размеров делались и шишки. С первого же дня Ваня стал входить в работу. Конечно, техника ему давалась не сразу. Бывало, что шишка развалится у него в руках, когда, проткнув ее песчаное тело тонкой проволокой, он укладывал шишки на фанерный лист, чтобы отправить их в сушилку. Но уже через неделю он научился деревянным молотком придавать шишке определенную плотность в форме, научился сообщать песку необходимую влажность, осторожно вынимать шишку из формы и протыкать проволокой и если еще не умел делать ста шишек за четыре часа, то шестьдесят выходило у него свободно. Соломон Давидович платил ребятам по копейке за каждую шишку: Филька, Кирюшка и Петька говорили, что это очень мало[2].

Но не одни шишки владели Ваниной душой. Каждый день приносил что-либо новое. Перед каждым днем он останавливался, чуть-чуть задыхаясь от силы новых впечатлений, оглядывался на новых друзей и требовал от них разъяснений.

Например, оркестр. Все пацаны четвертой бригады преклонялись перед оркестром, многое о нем рассказывали, умели напевать «Марш милитэр» и марш из «Кармен», а «Смену караула» напевали на такие слова:

Папа римский вот-вот-вот

Собирается в подход.

Видно, шляпа – этот папа, -

Ожидаем третий год.

А после этого следовало тарараканье, очень сложное и красивое. Но в настоящих тайнах оркестра разбирались немногие: Володя Бегунок, Петька Кравчук и Филька. Шарий, потому что Володя играл на второй трубе, Петька на пиколке[3], а Филька был самый высокий класс — первый корнет. Ване тоже захотелось играть на чем-нибудь, но приходилось ожидать, пока он получит звание колониста: воспитанников в оркестр не принимали. А пока наступит этот счастливый момент, Ваня не пропускал ни одной сыгровки. Услышав сигнал «сбор оркестра», он первым приходил в тот класс, где оркестр обыкновенно собирался. В первые дни дежурные по оркестру старались его «выставить», но потом к нему привыкли, так уже и считали, что Ваня Гальченко — будущий музыкант.

В оркестре Ване все нравилось: и блестящий белый хор инструментов — с серебром, как уверял Володя Бегунок, — целых тридцать штук, и восемь черных кларнетов, и хитрые завитки тромбонов, и пульты, и строгость полного, веселого старика-дирижера Виктора Денисовича, его язвительные замечания.

- Ты был в цирке? — обращается Виктор Денисович[4] к «эсному басу», Данилу Горовому, после очередного недоразумения с си-бемоль.

- Был,— отвечает Горовой и краснеет.

- Был? Видел — морской лев на трубе играет?

Данило Горовой, массивный, с могучей шеей, славный кузнец колонии, молча облизывает огромный мундштук своего баса. Виктор Денисович сердито смотрит на Горового; подняв лица от своих мундштуков, смотрят на Горового и все сорок музыкантов. Виктор Денисович продолжает:

- Так это же морской лев! Морской лев, а как играет!

Горовой подымает недовольный взгляд на дирижера. Известно всей колонии, что он не отличается остроумием, но не может он молчать сейчас, не может оставить без возражения обидного намека на морского льва. Морской лев — у него даже ног нету, а голова собачья. И Горовой с пренебрежением отводит глаза от дирижера и говорит тихо:

- Как он там играет!

После этого радостно заливаются смехом и музыканты, и Виктор Денисович, и Ваня Гальченко, и сам Данило Горовой. Чей-то голос прибавляет к смеху одинокую реплику:

- Морской лев си-бемоль тоже не возьмет, Виктор Денисович!

Но Виктор Денисович уже серьезен. Он холодно смотрит через головы оркестра, стучит тоненькой палочкой по пульту:

- Четвертый номер. Тромбоны, не кричите! Раз... два!

Ваня замирает рядом с малым барабаном, в его уши вливается прекрасная сложная музыка. Но оркестр притягивает его не только музыкой. В колонии говорили, что оркестр, существуя пять лет, ни разу не отдувался на общем собрании. Старшиной оркестра ходил Жан Гриф[5], высокий, черноглазый юноша из девятой бригады. Ваня и смотреть на него остерегался, а не то что разговаривать... Если же смотрел, так только тогда, когда Жан выделывал какое-нибудь соло на своем коротеньком корнете, и ничего, кроме нот и палочки дирижера, не видел.

Но и оркестр не поглощал целиком душу Вани Гальченко. Замирала его душа и на физкультурной площадке. С таким же почтением смотрел он на Перлова, у которого голова всегда победоносно забинтована: о нем гремит слава отчаянного форварда. Затаив дыхание, Ваня слушал рассказы о величественных матчах волейболистов. Славились и городошники. Их капитан Круксов говорил:

- В нашей команде «письмо» выбивают с одного удара.

- Ну, это врешь, положим, «письмо» не выбьют.

- Выбиваем. Как «не выбьют»? А про «аэроплан» и говорить нечего. У наших пацанов хоть и не сильный удар, а зато как повернет, каждым концом зацепит.

А в коридоре главного здания висел еще и ребусник[6]. Ваня подолгу останавливался перед ним, прочитывал сотни его потрясающих вопросов, картин, загадок, чертежей, труднейших математических формул. Нарисовано окно, в окно смотрит девочка, а внизу вопрос:

- Сколько этой девочке лет?

Потом еще вопрос: где можно построить такую избу, чтобы все ее четыре стены смотрели на юг? И тут же нарисована симпатичная избушка, а на ней флаг.

За спиной Вани стоит Семен Гайдовский; он человек серьезный:

- Это пятая серия, она теперь так висит — для красоты; уже решили и уже премии получили. А когда будет осень, Петр Васильевич повесит новую. Я в прошлую зиму четыре тысячи очков заработал на ребуснике.

Познакомился Ваня и с Петром Васильевичем, фамилия у которого была странная: Маленький[7]. А на самом деле он был страшно большой, самый высокий человек в колонии и худой-худой. У него были и ноги худые, и шея худая, и нос худой, а все-таки это был веселый, неутомимый человек. Самое же главное — он был какой-то «не такой», как говорили пацаны. Они рассказывали о нем много смешных историй, но в то же время стаями, обуреваемые сложнейшими планами, проектами и начинаниями, ходили за ним. Видно, у Маленького был приметливый глаз. Уже на второй день он увидел Ваню, пробегавшего через двор, и закричал:

- Эй, пацан! Паца-ан!

Ваня задержался.

- А иди сюда!

- А чего?

У Маленького были такие длинные ноги, что он сделал только три шага и очутился возле Вани:

- Новенький?

С высоты, с неба, смотрело на Ваню носатое, худое лицо. Под носом что-то такое растет - не то усы, не то как будто нарочно; глаза ярко-голубые, напористые.

- Новенький? Зовут как? Ваня Гальченко? Ты перемет умеешь делать?

- Перемет?

- Перемет — рыбу ловить? Не умеешь? А радиоприемник? Тоже не умеешь? А может, ты стихи пишешь? А что же ты умеешь делать?

Ваня был смущен многими вопросами, но ему захотелось не ударить лицом в грязь, и он сказал, подняв лицо и прищурив один глаз:

- А я сделал ящик.

- Какой ящик?

- Ботинки чистить...

- Сам делал?

- Сам.

- И чистил?

- Чистил.

- Щеткой намазывал?

- Ага, маленькой такой, а потом большой.

- А! Видишь? Значит, мы с тобой завернем.

- Кого?

- Не кого, а дело завернем. Гребной автомобиль! Ваня Гальченко? Кажется, ты человек деловой.

И, больше не сказав ни слова, Маленький сделал в сторону несколько шагов и исчез между двумя зданиями. Через цветник он, кажется, просто перешагнул.

Это было интересно. Гребной автомобиль! Ваня расспросил всю четвертую бригаду, но никто не знал, что такое гребной автомобиль. Слух о том, что Петр

Васильевич Маленький собирается с Ваней делать гребной автомобиль, сильно взбудоражил четвертую бригаду. Оказалось, что у колонистов четвертой бригады были свои планы на Маленького: с теми в воскресенье он идет рыбу ловить в каком-то таинственном озере в десяти километрах, с другими затевает сложную игру, с третьими отвоевал у совета бригадиров комнату и в ней устраивает что-то.

- А кто он такой? — спросил Ваня.

- Петр Васильевич? А... он... он — никто.

- Почему никто?

- Он считается учитель, так это он учит по черчению в старших группах, а так он никто, просто себе...

Через неделю Ваня встретил Маленького в лесу. Он ходил между деревьями, заглядывал на их вершины, но Ваню сразу узнал:

- Ага! Ваня! Гребной автомобиль — замечательная вещь. Мы с тобой завтра сядем и поговорим.

Но завтра Петр Васильевич заболел, и говорили, что он заболел туберкулезом. Известие об этом с большой печалью повторялось в четвертой бригаде. И не столько таинственный гребной автомобиль, сколько сам Петр Васильевич запомнился Ване: такой большой, быстрый и занимательный и так печально заболевший туберкулезом, тоже таинственной и, кажется, смертельной болезнью...

Но, по совести говоря, больше всего нравилась Ване сама жизнь в четвертой бригаде. Было здесь по-дружески тепло, интересны были все ребята, и в такой строгости держал всех Алеша Зырянский. Каждый день хотелось Ване поскорее закончить работу и вернуться в чистую, уютную спальню, слушать, говорить, смеяться, жить. Хотелось, чтобы, Алеша что-нибудь приказал, даже самое трудное, и чтоб салютнуть и сказать ему:

- Есть!..

4. ***Дружба на всю жизнь***

Ваня заметил Володю Бегунка на другом конце двора и побежал рассказать ему о своем несчастье. Прибытие Рыжикова как будто закрыло солнце, светившее над колонией. Мрачные тени легли теперь на все эти здания, и на лес, и на пруд, и даже на четвертую бригаду. Рыжиков в колонии — это было оскорбительно!

Володя нахмурил брови, напружинил глаза, расставив босые ноги, терпеливо выслушал взволнованный Ванин рассказ:

- Так это тот самый, который тебя обокрал? Так чего ты сдрейфил?

- Так он же теперь в колонии! Он теперь все покрадет!

- Ха! — Володя показал на Ваню пальцем. — Испугался. Обкрадет! Думаешь, так легко обокрасть? Пускай попробует! А ты думаешь, тут мало таких было? Ого! Сюда таких приводили, прямо страшно.

- А где они?

- Как где? Они здесь, только они теперь уже не такие, а совсем другие.

Они пошли в парк. Ни они, ни Игорь Чернявин не видели, как к главному зданию подкатил легковой автомобиль. Из него вышли две женщины и с ними — Ванда Стадницкая. Дежурный бригадир Илюша Руднев, выбежавший к ним навстречу, бросил быстрый взгляд на Ванду и увидел, какая она красивая. Сейчас у Ванды волосы совсем белокурые, чистые, они даже блестят, и на волосах — синий берет. И на ногах не хлюпающие калоши, а чулки и черные туфли. И лицо у Ванды сейчас оживленное, она оглядывается на своих спутниц. Официальный блеск дежурного бригадира Ванда встречает дружеской улыбкой.

К сожалению, в настоящий момент Руднев не может ответить ей такой же улыбкой. Он поднимает руку и спрашивает с приветливой, но настороженной вежливостью:

- Я дежурный бригадир колонии. Скажите, что вам нужно.

Полная, с ямочками на щеках, с пушистыми черными бровями, видно, веселая и добрая женщина, так засмотрелась на хорошенького Руднева, что не сразу даже ответила. Засмеялась.

- Ага, это вы такой дежурный. А нам начальника нужно.

- Заведующего?

- Ну, пускай заведующего.

- По какому делу?

- Ну что ты скажешь — она обернулась к другой женщине, такой же полной, но солидно, немного даже строго настроенной. — Значит, обязательно вам сказать?

- Да.

- Хорошо. Мы привезли к вам девушку... вот... Ванду Стадницкую.

А сами мы из партийного комитета завода им. Коминтерна. И письмо у нас есть.

Руднев показал дорогу:

- Пожалуйте.

Часовой у дверей, тоненький белокурый Семен Касаткин, чуть заметным движением глаз спросил Руднева и получил такой же еле ощутимый ответ[8].

Руднев открыл дверь в комнату совета бригадиров, но отступил, пропуская выходящих. Ванда подняла глаза: вдруг побледнела, слабо вскрикнула, повалилась на окно:

- Ой!

Рыжиков, нахально улыбаясь, прошел мимо. Руднев сказал ему:

- Подожди здесь, я сейчас. Пожалуйте. Витя, это к Алексею Степановичу.

Все обернулись к Ванде, предлагая ей пройти, но Ванда сказала, опустив голову:

- Я никуда не пойду.

Рыжиков стоял на отлете, руки держал в карманах, смотрел с необъяснимой насмешкой. Виктор опытным глазом оценил положение.

- Руднев, забирай его!

Руднев, ухватив за рукав, повернул Рыжикова лицом к выходу. Витя пригласил:

- Заходите.

- Никуда я не пойду. — Ванда еще ниже опустила голову, а когда Рыжиков скрылся в вестибюле, она с опозданием бросила ему вдогонку ненавидящий взгляд, потом отвернулась к открытому окну и заплакала.

Женщины растерянно переглянулись. Витя мягко подтолкнул их в комнату:

- Посидите здесь, а я с ней поговорю.

Женщины послушно вышли. Витя закрыл за ними дверь, потом осторожно взял Ванду за плечи, заглянул в лицо:

- Ты этого рыжего испугалась? Ты его знаешь?

Ванда не ответила, но плакать перестала. Платка у нее не было, она размазывала слезы рукой.

- Чудачка ты! Таких хлюстов бояться — жить на свете нельзя.

Ванда сказала в угол оконной рамы:

- Я его не боюсь, а здесь все равно не останусь.

- Хорошо. Не оставайся. Машина ваша стоит. А только можно ведь зайти в комнату?

- Куда зайти?

- Да вот к нам.

Ванда помолчала, вздохнула и молча направилась к двери. В комнате совета бригадиров она хотела задержаться, но Витя прямо, провел ее в кабинет к Захарову[9].

Алексей Степанович удивленно посмотрел на Ванду, Ванда отступила назад, вскрикнула:

- Куда вы меня ведете?

- Поговорите там, Алексей Степанович, женщины... две...

Захаров быстро вышел, Ванда испуганно глянула ему вслед, упала на широкий диван и на этот раз заплакала с разговорами:

- Куда вы меня привели? Все равно не останусь. Я не хочу здесь жить!

Она два раза бросалась к двери, но Витя молча стоял на дороге, она не решилась его толкнуть. Потом она тихо, плакала на диване. Витя видел в окно, как ушел в город автомобиль, и только тогда сказал:

- Ты зря плачешь, теперь все будет хорошо.

Она притихла, начала вытирать слезы, но вошел Захаров, и она снова зарыдала. Потом вскочила с дивана, сдернула с себя берет, швырнула его в угол и закричала:

- Советская власть! Где Советская власть?

Стоя за письменным столом, Захаров сказал:

- Я Советская власть[10].

И Ванда закричала, некрасиво вытягивая шею:

- Ты? Ты — Советская власть? Так возьми и зарежь меня! Возьми нож и зарежь, я все равно жить больше не буду.

Захаров не спеша, основательно уселся за столом, разложил перед собой принесенную бумажку, произнес так, как будто продолжал большой разговор:

- Эх, Ванда, мастера мы пустые слова говорить! И у меня вот... такое бывает... А покажи, какая у тебя беретка. Подними и дай сюда.

Ванда посмотрела на него тупо, села на диван, отвернулась.

Витя поднял берет, подал его Захарову.

- Хорошая беретка... Цвет хороший. А наши искали, искали и не нашли. Интересно, сколько она стоит?

- Четыре рубля, — сказала Ванда угрюмо.

- Четыре рубля? Недорого. Очень хорошенькая беретка.

Захаров, впрочем, не слишком увлекался беретом. Он говорил скучновато, не скрывал, что берет его заинтересовал мимоходом. Потом кивнул, Витя вышел. Ванда направила убитый взгляд куда-то в угол между столом и стеной. Поглаживая на руке берет, Захаров подошел к ней, сел на диван. Она отвернулась.

- Видишь, Ванда, умереть — это всегда можно, это в наших руках. А только нужно быть вежливой. Чего же ты от меня отворачиваешься? Я тебе зла никакого не сделал, ты меня не знаешь. А может быть, я очень хороший человек. Другие говорят, что я хороший человек.

Ванда с трудом навела на него косящий глаз, угол рта презрительно провалился:

- Сами себя хвалите...

- Да что же делать? Я и тебе советую. Иногда очень полезно самому себя похвалить. Хотя я тебе должен сказать: меня и другие одобряют.

Ванда наконец улыбнулась попроще:

- Ну так что?

- Да что? Я тебе предлагаю дружбу.

- Не хочу я никаких друзей! Я уже навидалась друзей, ну их!

- Какие там у тебя друзья! Я уже знаю. Я тебе предлагаю серьезно: большая дружба и на всю жизнь. На всю жизнь, ты понимаешь, что это значит?

Вайда пристально на него посмотрела:

- Понимаю.

- Где твои родители?

- Они... уехали... в Польшу. Они — поляки.

- А ты?

- Я потерялась... на станции, еще малая была.

- Значит, у тебя нет родителей?

- Нет.

- Ну так вот... я тебе могу быть... вместо отца. И я тебя не потеряю, будь покойна. Только имей в виду: я такой друг, что если нужно, так и выругаю. Человек я очень строгий. Такой строгий, иногда даже самому страшно. Ты не боишься? Смотреть я на тебя не буду, что ты красивая.

У Ванды вдруг покраснели глаза, она снова отвернулась, сказала очень тихо:

- Красивая! Вы еще не знаете, какая.

- Голубчик мой, во-первых, я все знаю, а во-вторых, и знать нечего. Чепуха там разная.

- Это вы нарочно так говорите, чтобы я осталась в колонии?

- А как же... Конечно, нарочно. Я не люблю говорить нечаянно, всегда нарочно говорю. И верно: хочу, чтобы ты осталась в колонии. Очень хочу. Прямо... ты себе представить не можешь.

Она подняла к нему внимательные, недоверчивые глаза, а он смотрел на нее сверху, и было видно, что он и в самом деле хочет, чтобы она осталась в колонии. Она показала рукой на диван рядом с собой.

- Вот садитесь, я вам что-то скажу.

Он молча сел.

- Знаете что?

- Возьми свою беретку.

- Знаете что?

- Ну?

- Я сама очень хотела в колонию. А меня тут... один знает... Он все расскажет.

Захаров положил руку на ее простоволосую голову, чуть-чуть провел рукой по волосам:

- Понимаю. Это, знаешь, пустяк. Пускай рассказывает.

Ванда со стоном вскрикнула:

- Нет!

Посмотрела на него с надеждой. Он улыбнулся, встряхнул головой:

- Ни за что не расскажет.

В кабинет ворвался Володя Бегунок, остолбенел перед ними, удивленно смутился:

- Алексей Степанович, Руднев спрашивает, не нужно ему новенькую девочку... тот... принимать?

- Не нужно, Клава примет. Пожалуйста: одна нога здесь, другая там, позови Клаву.

- Есть!

Володя выбежал из кабинета, а Ванда прилегла на боковинке дивана и беззвучно заплакала. Захаров ей не мешал, походил по комнате, посмотрел на картины, снова присел к ней, взял ее мокрую руку:

- Поплакала немножко. Это ничего, больше плакать не нужно. Как зовут того колониста, который тебя знает?

- Рыжиков.

- Сегодняшний!

Влетел в комнату Володя, снова быстро и с любопытством взглянул на Ванду, что не мешало ему очень деловито сообщить:

- Клава идет! Сейчас идет!

- Ну, Володя! Вот у нас новая колонистка! Видишь, какая грустная? Ванда Стадницкая.

- Ванда Стадницкая? Вот здорово! Ванда Стадницкая?

- Чего ты?

- Да как же! А Ванька собирается в город идти... искать тебя. И я тоже!

- Ваня? Гальченко? Он здесь?

- А как же! Гальченко! Вот он рад будет! Я позову его, хорошо?

Захаров подтвердил:

- Немедленно позови. И Рыжикова.

- Ну-у! Тогда и Чернявина нужно...

- Ванда, ты и Чернявина знаешь?

Ванда горько заплакала:

- Не могу я...

- Глупости. Зови всех.

В дверях Володя столкнулся с Клавой Кашириной.

- Алексей Степанович, звали?

- Слушай, Клава. Это новенькая — Ванда Стадницкая. Бери ее в бригаду и немедленно платье, баню, доктора, все и чтобы больше не плакала. Довольно.

Клава склонилась к Ванде:

- Да чего же плакать? Идем, Ванда...

Не глядя на Захарова; пошатываясь, торопясь, Ванда вышла вместе с Клавой.

Через десять минут в кабинете стояли Игорь, Ваня и Рыжиков. Торский и Бегунок присутствовали с видом официальным. Захаров говорил:

- Понимаете, что было раньше, забыть. Никаких сплетен, разговоров о Ванде. Вы это можете обещать?

Ваня ответил горячо, не понимая, впрочем, какие сплетни может сочинить он, Ваня Гальченко:

- А как же!

Игорь приложил руку к груди:

- Я ручаюсь, Алексей Степанович.

- А ты, Рыжиков?

- На что она мне нужна? — сказал Рыжиков.

- Нужна или не нужна, а языком не болтать!

- Можно, — Рыжиков согласился с таинственной снисходительностью.

На него все посмотрели. Вернее сказать — его все рассмотрели. Рыжиков недовольно пожал плечами.

Но в комнате совета бригадиров разговор на эту тему был продолжен.

Игорь Чернявин настойчиво стучал пальцем по груди Рыжикова:

- Слушай, Рыжиков! То, что Алексей говорит, — одно дело, а ты запиши, другое запиши... в блокноте: слово сболтнешь, привяжу камень на шею и утоплю в пруду![11]

5. ***Литейная лихорадка***

В спальнях, в столовой, в парке, в коридорах, в клубах — между колонистами всегда шли разговоры о производстве. В большинстве случаев они носили характер придирчивого осуждения. Все были согласны, что производство в колонии организовано плохо. На совете бригадиров и на общих собраниях въедались в заведующего производством Соломона Давидовича Блюма[12] и задавали ему вопросы, от которых он потел и надувал губы:

- Почему дым в кузнице?

- Почему лежат без обработки поползушки, заказанные заводом им. Коминтерна?

- Почему не работает полуревольверный?

- Почему не хватает резцов?

- Почему протекает нефтепровод в литейной?

- Почему перекосы в литье?

- Почему в механическом цехе полный базар? Барахла накидано, а Шариков целый день сидит в бухгалтерии, не может никак пересчитать несчастную тысячу масленок?

- Когда будут сделаны шестеренки на станок Садовничего, клинья к суппорту Поршнева, шабровка переднего подшипника у Яновского, капитальный ремонт у Редьки?

Колонисты требовали ремонта станков, ходили за ремонтными слесарями, ловили во дворе Соломона Давидовича, жаловались Захарову, но к станкам всегда относились с презрением:

- Мою соломорезку, сколько ни ремонтируй, все равно ей дорога в двери. Разве это токарный?

Соломон Давидович обещал все сделать в самом скором времени, но остановить станок и начать его ремонт — на это не был способен Соломон Давидович. Это было самоубийство — остановить станок, если он еще может работать. Станок свистел, скрипел, срывался с хода, колонисты со злостью заставляли его работать, и станок все-таки работал. Работали соломорезки, работали суппорты без клиньев, работали изношенные подшипники.

«Механический» цех ящик за ящиком отправлял в склад готовые масленки, около сборочного цеха штабелями грузили на подводы театральные кресла. Швейная мастерская выпускала исключительно трусики из синего, коричневого и зеленого сатина, но выпускала их тысячами, и на каждой паре трусиков зарабатывал завод три копейки. В колонии не было денег, но на текущем счету колонии все прибавлялись и прибавлялись деньги. Среди колонистов находились люди с инициативой, которые говорили на собраниях:

- Соломон Давидович деньги посолил, а спецовок прибавить, так у него не выпросишь.

Соломон Давидович возражал терпеливо:

- Вы думаете, если завелась там небольшая копейка, так ее обязательно нужно истратить? Так не делают хорошие хозяева. Я ни капельки не боюсь за вас, дорогие товарищи: тратить деньги вы всегда успеете научиться и можете всегда добиться очень высокой квалификации в этом отношении. А если нужно беречь деньги, так это не так легко научиться. Если ты не будешь терпеть, так ты потом будешь хуже терпеть. Я дал слово Алексею Степановичу[13] и вам, что мы соберем деньги на новый завод, так при чем здесь спецовки? Потерпите сейчас без спецовок, потом вы себе купите бархатные курточки и розовые бантики.

Колонисты и смеялись и сердились. Смеялся и Соломон Давидович. Смотрели все на Захарова, но и он смотрел на всех и улыбался молча. И трудно было понять, почему этот человек, такой напористый и строгий, так много прощает Соломону Давидовичу, — правда, и колонисты прощали ему немало.

Самым скандальным цехом был, конечно, литейный. Это был кирпичный сарай с крышей довольно-таки дырявой. В сарае стоит литейный барабан. В круглое отверстие на его боку набрасывается «сырье», винтовочные патроны, оставшиеся от ружей старых систем, измятые, покрытые зеленью и грязью. Не брезговал Соломон Давидович и всяким другим медным ломом. Из того же круглого отверстия выливается в ковши расплавленная медь. К барабану приделана форсунка, а под крышей в углу — бак с нефтью. Все это оборудование далеко не первой молодости — продырявлено и проржавлено.

Система барабана, форсунки и бака, в сущности, очень проста и не заключает в себе ничего таинственного, но мастер-литейщик Баньковский, бывший кустарь и бывший владелец барабана, имеет вид очень таинственный: ему одному известны секреты системы.

В литейной кипит работа. У столика шишельников работают малыши. Все они одеты в поношенные спецовки, очевидно, раньше принадлежавшие более

взрослому населению колонии: брюки слишком велики, они целыми гармониями укладываются на худых ногах пацанов, рукава слишком длинны.

На полу литейной расположены опоки[14], возле которых копаются формовщики — колонисты постарше: Нестеренко, Синицын, Зырянский. У одной из стен старая формовочная машина, на ней работает виднейший специалист по формовке, худой, серьезный Круксов из седьмой бригады.

Литейная полна дыму. Он все время пробивается из барабана, из литейной он может выходить только через дырки в крыше. Каждый день между мастером Баньковским и колонистами происходят такие разговоры:

- Товарищ Баньковский! Нельзя же работать!

- Почему нельзя?

- Дым! Куда это годится? Это же вредный дым — медный!

- Ничего не вредный. Я на нем всю жизнь работаю.

Через щели в крыше, через окна и двери дым расходится по всей колонии и в часы отливки желтоватым, сладким туманом гуляет между зданиями. Молодой доктор, сам бывший колонист, Колька Вершнев, лобастый и кучерявый, бегает из кабинета в кабинет, стучит кулаками по столам, потрясает томиком Брокгауза — Ефрона[15] угрожает, заикаясь:

- Я п-пойду к п-прокурору. Литейная л-лихорадка! Вы з-знаете, что это т-такое? П-прочитайте!

Этого самого доктора Алексей Степанович давно знает. Он морщит лоб, снимает и надевает пенсне:

- Призываю тебя, Николай, к порядку. Прокурор нам вентиляции не сделает. Он закроет литейную.

- И п-пускай закрывает!

- А за какие деньги я тебе зубоврачебное кресло куплю? А синий свет? Ты мне покою уже полгода не даешь. Синий свет! Ты обойдешься без синего света?

- В каждой п-паршивой амбулатории есть с-синий свет!

- Значит, не обойдешься?

- Так что? Будем т-травить п-пацанов?

- Надо вентиляцию делать. Я нажимаю, и ты нажимай. Вот сегодня комсомольское.

На комсомольском собрании Колька размахивает Брокгаузом — Ефроном и вспоминает некоторые термины, усвоенные им отнюдь не в медицинском институте:

- З-занудливое п-производство т-такое!

И другие комсомольцы «парятся», вздымают кулаки. Марк Грингауз направляет черные, печальные глаза на Соломона Давидовича:

- Разве можно допустить такой дым, когда вся страна реконструируется?

Соломон Давидович сидит в углу класса на стуле — за партой его тело поместиться не может. Он презрительно вытягивает полные, непослушные губы:

- Какой там дым?

- Отвратительный! Какой! И вообще нежелательный! И для здоровья неподходящий!

Это говорит Похожай, чудесно-темноглазый, всегда веселый и остроумный.

Соломон Давидович устанавливает локоть на колено и протягивает к собранию руку жестом, полным здравомыслия:

- Это же вам производство. Если вы хотите поправить здоровье, так нужно ехать в какой-нибудь такой Крым или, скажем, в Ялту. А это завод.

В собрании подымается общий галдеж.

- Чего вы кричите? Ну хорошо, поставим трубу.

- Надо поручить совету бригадиров взяться за вас как следует:

Теперь и Соломон Давидович рассердился. Опираясь на колени, он тяжело поднимается, шагает вперед, его лицо наливается кровью.

- Что это за такие разговоры, товарищи комсомольцы? Совет бригадиров за меня возьмется! Они из меня денег натрусят или, может, вентиляцию? Я строил этот паршивый завод или, может, проектировал?

- У вас есть деньги.

- Это разве те деньги? Это совсем другие деньги.

- Вы «стадион» проектировали!

- Проектировал, так что? Вы работаете сейчас под крышей. Вы думаете, это хорошо делают некоторые комсомольцы? Он смотрит на токарный станок и говорит: соломорезка! Он не хочет делать масленки, а ему хочется делать какой-нибудь блюминг. Он без блюминга жить не может!

- Индустриализация, Соломон Давидович!

- Ах, так я не понимаю ничего в индустриализации! Вы еще будете меня учить! Индустриализацию нужно еще заработать, к вашему сведению. Вот этим вот местом! — Соломон Давидович с трудом достал рукой до своей толстой шеи. — А вы хотите, чтобы добрая старушка принесла вам индустриализацию и вентиляцию.

- А трубу все-таки поставьте!

- И поставлю.

- И поставьте!

Расстроенный и сердитый Соломон Давидович направляется в литейный цех. Там его немедленно атакуют шишельники, и Петька Кравчук кричит:

- Это что, спецовка? Да? Эту спецовку Нестеренко носил, а теперь я ношу? Да? И здесь дырка, и здесь дырка!

Соломон Давидович брезгливо подымает ладони:

- Скажите, пожалуйста, дырочка там! Ну что ты мне тыкаешь свои рукава? Длинные — это совсем не плохо. Короткие — это плохо. А длинные — что такое? Возьми и подверни, вот так.

- Ой, и хитрый же вы, Соломон Давидович!

- Ничего я не хитрый! А ты лучше скажи, сколько ты шишек сделал?

- Вчера сто двадцать три.

- Вот видишь? По копейке — рубль двадцать три копейки.

- Это разве расценка — копейка! И набить нужно, и проволоку нарезать, и сушить.

- А ты хотел как? Чтобы я тебе платил копейку, а ты будешь в носу ковырять?

Из дальнего угла раздается голос Нестеренко:

- Когда же вентиляция будет? Соломон Давидович?

- А ты думаешь, тебе нужна вентиляция, а мне не нужна вентиляция? Волончук сделает.

- Волончук? Ну! Это будет вентиляция, воображаю!

- Ничего ты не можешь воображать. Он завтра сделает.

Вместе с Волончуком, молчаливым и угрюмым и, несмотря на это, мастером на все руки, Соломон Давидович несколько раз обошел цех, долго задирал глаза на дырявую крышу.

Волончук на крышу не смотрел:

- Трубу конечно, отчего не поставить. Только я не кровельщик.

- Товарищ Волончук. Вы не кровельщик, я не кровельщик. А трубу нужно поставить.

Ваня Гальченко работал в литейном цехе, и ему все нравилось: и таинственный барабан, и литейный дым, и борьба с этим дымом, и борьба с Соломоном Давидовичем, и сам Соломон Давидович. Не понравилось ему только, что Рыжиков был назначен тоже в литейный цех — на подноску земли…

20. ***Крейцер***

Сентябрь начался блестяще. В юношеский день — первое сентября — Ваня первый раз стал в строй колонистов. В парадных костюмах, сверкая вензелями, белыми воротниками и тюбетейками, выстроились колонисты в одну линию, а справа поместился оркестр. Ваня знал, что по строю он считается в шестом взводе[16], в котором были все малыши. Взводный командир шестого взвода, белокурый, тоненький Семен Касаткин, которого Ваня иногда видел на поверке в повязке ДЧСК[17] и привык считать обыкновенным колонистом, оказался вдруг совсем необыкновенным.

Когда проиграли сигнал, называвшийся «по взводам», и когда все сбежались к широкой площадке против цветника, у этого Семена Касаткина откуда-то взялись и строгий взгляд, и громкий голос, и боевая осанка. Он стал лицом к своему взводу и сказал с уверенной силой:

- Довольно языками работать! Гайдовский!

И стало тихо, и все смотрели на командира внимательными глазами, смотрел и Гайдовский.

- Равняйтесь!

Ваня уже знал, что после сигнала «по взводам» только власть дежурного бригадира остается в силе, все остальное исчезает, нет ни бригадиров, ни совета бригадиров, а есть строй, т. е. шесть взводов и седьмой музвзвод, а во главе их командиры, которых никто не выбирает, а назначает Захаров. И с этими командирами разговоры коротки — нужно слушать команду, и все.

Ваня стоял третьим с правого фланга, таким он пришелся по своему росту в шестом взводе. Равняясь и посматривая на строгого командира, Ваня видел, как вышел Захаров в такой же колонистской форме, с вензелем, только не в тюбетейке, а в фуражке. Он стал, прямой и строгий, перед фронтом, медленно провел глазами от оркестра до последнего пацана на левом фланге шестого взвода, и фронт замер в ожидании. Голосом непривычно резким, повелительным Захаров подал команду:

- Отряд!.. Под знамя... Смирно!

Он обернулся спиной к фронту, замер впереди него с поднятой рукой. И все колонисты вдруг выпрямились и взбросили вверх руки. В оркестре взорвалось что-то новое, торжественное и очень знакомое. Ваня не успел сообразить, что это такое играют. Он тоже держал руку у лба и смотрел туда, куда смотрели все. Из главных дверей, маршируя в такт музыке, вышла группа. Впереди с поднятой в салюте рукой дежурный бригадир Лида Таликова, за нею в ряд трое: Владимир Колос, первый колонист, несет знамя, а по сторонам два колониста с винтовками на ремнях. Знамя колонии им. Первого мая Ваня видел первый раз, но кое-что о нем знал.

Знаменщик Колос и его два ассистента не входили ни в одну из бригад колонии, а составляли особую «знаменную бригаду»[18], которая жила в отдельной комнате. Это была единственная комната в колонии, которая всегда запиралась на ключ, если из нее все уходили. В этой комнате знамя стояло на маленьком помосте у затянутой бархатом стены, а над ним был сделан такой же бархатный балдахин.

Колос нес знамя с изумительной легкостью, как будто оно ничего не весило. Золотая верхушка знамени почти не вздрагивала над головой знаменщика, тяжелая, нарядная, украшенная золотом волна алого бархата падала прямо на плечо Колоса.

Знаменная бригада прошла по всему торжественному, застывшему в салюте фронту и замерла на правом фланге. В наступившей тишине Захаров сказал:

- Колонисты Шарий, Кравчук, Новак, — пять шагов вперед!

Вот когда наступил момент возмездия за сверхурочную работу на шишках! Серьезный Виктор Торский вышел вперед с листом бумаги и прочитал, что такому и такому за нарушение дисциплины колонии объявляется выговор. Филька стоял как раз впереди Вани, и Ваня видел, как пламенели его уши. Церемония кончилась, Захаров приказал провинившимся идти на места, Филька стал в строй и устремил

глаза куда-то, вероятно, в те места, где находилась в его воображении справедливость.

Но Захаров уже подал какую-то новую очень сложную команду, и вдруг ударил марш, и что-то произошло с фронтом. В нескольких местах фронт переломился, Ваня опомнился только тогда, когда колонна по восьми в ряд[19] уже маршировала по дороге. Ваня сообразил, что он идет в первом ряду своего взвода. Перед ним одинокий командир Семен Касаткин, а дальше — море золотых тюбетеек и далеко-далеко — золотая верхушка знамени. Касаткин, не изменяя шага, оглянулся и сказал сердито:

- Гальченко, ногу!

Пока дошли до первых домиков Хорошиловки, Ваня совершенно освоился в строю. Он очень легко управлялся с «ногой» и еще легче держал равнение в длинном ряду. Все это было не только легко, но и увлекательно. На тротуарах Хорошиловки собирались люди и любовались колонистами.

А когда вышли на главную улицу города, оркестр зазвучал громче и веселее. Колонна проходила между густыми толпами публики, и теперь только Ваня понял, до чего красив строй первомайцев. А потом они вошли в нарядную линию демонстрации, встретили полк Красной Армии и отсалютовали ему, прошли мимо девушек в голубых костюмах, мимо физкультурников с голыми руками, мимо большой колонны разноцветных, оживленных школьников. На колонистов все смотрели с радостью, приветствовали их, улыбались, удивлялись богатому оркестру, а женщинам больше всего нравился шестой взвод, самый молодой и самый серьезный[20].

Вечером на общее собрание приехал Крейцер[21]. Он редко приезжал в колонию. У него широкое бритое лицо, улыбающиеся глаза и рассыпающаяся на лбу прическа. Крейцера колонисты любили. То, что он председатель облисполкома, имело большое значение, но имело значение и то, что Крейцер ничуть не задавался, разговаривал простым голосом и смеялся всегда охотно, если было действительно смешно. И сегодня он пришел на собрание, когда его никто не ожидал. Колонисты только на одну секунду, пока отдавали салют, посерьезнели, а потом заулыбались, заулыбался и Крейцер:

- У вас весело, товарищи!

- А что ж... Весело!

Он широкими шагами направился к трибуне, но не дошел, хитро прищурился, остановился на той самой середине, которая многим уже причинила столько неприятностей:

- А вы знаете, что? Я приехал вас похвалить. У вас дела пошли, говорят.

Ему ответили с разных концов «тихого» клуба:

- Дела идут!.. А вы подробно скажите!

- Могу и подробнее. Вас со сметы сняли. Вы знаете, что это значит? Это значит, что вы живете теперь не на казенный счет, а на свой собственный — сами на себя зарабатываете[22]. По-моему, это здорово.

Колонисты ответили аплодисментами.

- Поздравляю вас, поздравляю. Только этого мало!

- Мало!

- Мало! Надо идти дальше! Правда?

- Правда!

- Производство у вас плохое, сараи.

Одинокий голос подтвердил:

- Стадион!

- Вот именно, стадион, — радостно согласился Крейцер и сейчас же нашел глазами Соломона Давидовича, — слышите, слышите, Соломон Давидович?

- Я уже давно слышу.

- Вот... и станки...

- Не станки, а козы!

- Козы! Правильно!

Он уселся между пацанами на ступеньках помоста и вдруг посмотрел на собрание серьезно:

- А знаете, что? Давайте мы настоящий завод сделаем. А?

- Как же это? — спросил Торский.

Крейцер надул губы:

- Смотри ты, не понимает, как же! Построим, станки купим!

- А пети-мети?

- А у вас есть пети-мети — триста тысяч! Есть?

- Мало!

- Мало! Нужно... нужно... миллион нужно! Маловато... это верно.

Филька крикнул:

- А вы нам одолжите...

- Вам? Одолжить? Невыгодно, понимаете, вам нужно одолжить семьсот тысяч, а у вас своих только триста! А знаете что? Ребята! Стойте.

Он по-молодому вскочил на ноги:

- Дело есть! Факт! Есть дело! Слушайте! Я вам дам четыреста тысяч, а вы сами заработайте триста. Соломон Давидович, сколько нужно времени, чтобы у вас еще триста прибавилось?

Соломон Давидович выдвинулся вперед, пошевелил пальцами, пожевал губами:

- С такими колонистами, как у нас, — очень хорошие люди, я вам прямо скажу, — нужно не так много — один год!

- Всего?

- Один год, а может, и меньше.

Крейцер глянул на сдержанно улыбающегося Захарова:

- Алексей Степанович, давайте!

Захаров откровенно зачесал в затылке:

- Давно об этом думаем. Только за год не заработаем: оборудование у нас, нечего скрывать, дохлое, еле держится.

Соломон Давидович, кряхтя, поднялся со стула:

- Оно, разумеется, держится на ладане, как говорится, но, я думаю, как-нибудь протянем.

- Вот я скажу, вот я скажу.

Это вытягивал вперед руку Санчо Зорин.

- Вот я скажу: что мы заработаем триста тысяч за год, это, считайте, как дома. И все ребята скажут так.

- Заработаем, — подтвердили с дивана.

- А если вы нам поможете, — будет новый завод. Только какой завод, вот вопрос. Но это отдельно. А только я предлагаю так: если мы так заработаем, да еще вы нам поможете, так это через год будет, а потом еще строиться целый год, значит, два года пройдет, — жалко. Теперь смотрите, везде пятилетку делают за три года, а то и за два с половиной, а нам чего ж? Правда? А я предлагаю: давайте прямо сейчас начинать, сколько там у нас есть денег, начинать же можно, а чего они будут лежать. А вы тоже... знаете... как бы это сказать...

- Тоже сейчас дать?

- Ну не сейчас... а вообще!

Санчо так умильно посмотрел на Крейцера, что никто не мог уже удержаться от смеха, да и другие смотрели на Крейцера умильно, и он закричал Захарову, показывая пальцем:

- Смотрят, смотрят как! Ах, чтоб вас!.. Есть! Есть, пацаны! Сегодня даю четыреста тысяч!

Захаров вскочил, размахнулся рукой, что-то крикнул. Крейцер принял его рукопожатие с таким же молодым восторгом, кругом кричали, смеялись, все сорвались с дивана. Торский закричал:

- К порядку, товарищи!

Но Крейцер безнадежно махнул рукой:

- Какой там порядок. Завод строим, Витька!

Но Витька и сам понимал, что сегодня можно и не заботиться о слишком образцовом порядке…

23. ***В жизни все бывает***

Крейцер приехал вместе с толстым человеком, водил его по колонии, все показывал, а больше всего показывал пацанов и говорил:

- А вот этот... Вы такого видели? Кирюшка, а ну иди сюда... как живешь?

Кирюшка мог бы кое-что рассказать о своей жизни, но посмотрел на толстяка, и охота у него пропала. У толстяка было бритое, выразительное лицо, только в данный момент оно ничего не выражало, кроме брезгливости, да и то сдержанной.

- Вы еще, дорогой, ничего не понимаете, — сказал Крейцер.

Толстяк ответил стариковским басом:

- Я — инженер, Михаил Осипович, и не обязан понимать всякую романтику.

- Хэ, — коротко засмеялся Крейцер, — ты, Кирюша, оказывается, существо романтическое.

Кирюша моргнул в знак согласия и убежал. Володя трубил «совет бригадиров», а потом спросил у Кирилла:

- Чего он тебе говорил, старый?

- Непонятное что-то! Говорит — я инженер!

В комнате совета бригадиров еле-еле поместились. Каким-то ветром разнеслось по колонии, что приехавший инженер будет говорить о новом заводе. И Ваня Гальченко одним из первых занял место на диване. Было много и взрослых: пришли учителя, мастера, даже Волончук залез в угол и оттуда поглядывал скучно и недоверчиво.

Крейцер прищуренным глазом оглядел колонистов, перемигнулся с Захаровым и сказал:

- Так вот, ребята. Дело у нас начинается. Познакомьтесь — это инженер Петр Петрович Воргунов[23]. Насчет нового завода у нас с ним есть план, интересный план, очень интересный, у нас, там, в городе, этот план понравился, будем делать такой завод — завод электроинструмента. Петр Петрович, пожалуйста.

Инженер Воргунов занял весь стол Вити Торского. Он не посмотрел на колонистов, не ответил взглядом Крейцеру; вид у него был тяжеловатохмурый. Большая голова с редкими серыми волосами поворачивалась медленно. Он открыл небольшой чемоданчик и достал из него хитрую блестящую машинку, похожую на большой револьвер. С некоторым трудом он взвесил ее на руках и начал говорить голосом негромким, отчужденным, видно, что по обязанности.

- Это — электросверлилка, значит, работает электричеством. Вот шнур, включается в обыкновенный штепсель...

Он включил, сверлилка в его руках вдруг зажужжала, но движение вследствие быстроты не было видно и лишь угадывалось.

- Как видите, она работает прямо в руках, и это очень удобно, можно сверлить дырки в любом направлении. Чрезвычайно важный инструмент, в особенности при постройке аэропланов, в саперных работах, в кораблестроении. Но она может работать и как стационар, на штативе, штатива я с собой не привез. Если вы немного понимаете в электричестве, вы догадаетесь, что внутри нее должен быть

электроякорь, я потом его покажу. Бывают и другие электроинструменты, которые тоже нужно делать на будущем заводе... э... в этой колонии: электрошлифовалки, электропилы, электрорубанки. До сих пор электроинструмент у нас в Союзе не делался, приходилось покупать в Австрии или в Америке. У меня в руках австрийская.

Потом Воргунов очень легко, как будто даже без усилий, разобрал электросверлилку и показал отдельные ее части, коротко перечислил станки, на которых эти части нужно делать, и названия станков были все новые, среди них упоминались и токарные. Закончил так:

- Цехи будут: литейный, механический, сборочный и инструментальный. Если что-нибудь непонятно, задавайте вопросы.

Он опустил сверлилку на стол, на сверлилку опустил глаза и терпеливо ждал вопросов. Сделанное им сообщение было слишком ошеломительно, слишком захватило дух у присутствующих, трудно было задавать еще какие-либо вопросы. Однако Воленко спросил:

- Наша литейная не годится?

Вопрос этот имел характер совершенно неприличный, все присутствующие укоризненно посмотрели на Воленко. Воргунов, не подымая глаз, ответил:

- Нет!

Зырянского это не смутило:

- Вот вы сказали... точность... точность при обработке. Какая точность?

- Одна сотая миллиметра.

Зырянский сел на место и приложил руку к щеке:

- Ой-ой-ой!

Все засмеялись, даже Захаров, даже Волончук, не засмеялся только один Воргунов, он начал укладывать сверлилку в чемоданчик.

- А мы... сможем... это сделать?

Воргунов сжал губы, посмотрел куда-то через головы и ответил сухо:

- Не знаю.

Глаза у колонистов странно закосили, неловко было смотреть друг на друга. Но встал Захаров, сделал шаг вперед — и тоже опустил глаза: видно было, что он зол.

- А я знаю! И товарищ Крейцер знает! И вы знаете, колонисты. Эти сверлилки нужны нашей стране, нашей Красной Армии, нашему Воздушному Флоту. Товарищ Воргунов, какой выпуск запроектирован?

- Норма — пятьдесят штук в день.

- Значит, мы будем делать сто штук в день. И будем делать лучше австрийцев.

Он с вызывающим лицом повернулся к инженеру, но инженер по-прежнему холодно смотрел на свой чемоданчик. Чей-то звонкий голос раздался из самой гущи, расположившейся у дверей:

- Будем делать!

Михаил Гонтарь сделал лицо добродетельное, серьезное, какое бывает у мудро поживших стариков:

- Я читал недавно в одной книжке: люди такое придумали — по телеграфной проволоке будут портреты посылать. А сверлилку, наверное, легче все-таки сделать. Или, скажем, комбайн и то делают, я сам видел в Ростове. И я так думаю: если хорошо взяться, так почему не сделать? Конечно, чтобы литейная была хорошая.

На Воргунове все эти правильные мысли никак не отразились. Витя Торский, удивленно разглядывая его, закрыл совет.

Через несколько минут Воргунов стоял посреди кабинета Захарова, наклонив голову, точно бодаться собрался:

- Я не понимаю этих нежностей. Я не ангел и не институтка, и никакие дети меня не умиляют, раз дело идет о производстве. Нет, не умиляют. Я говорю прямо: стройте завод — дело хорошее, а только рабочих придется искать.

Крейцер удивленно округлил глаза:

- Да постойте, Петр Петрович. А эти... ребята... по-вашему...

Воргунов пожал плечами:

- Михаил Осипович! Портачей и без них довольно.

Соломон Давидович протянул возмущенные руки:

- Вы их еще не знаете! Они работают... как звери, работают!

- Ну, вот видите: как звери! Мне нужны не звери, а знающие люди.

Он надел на голову шапку, взял в руки чемодан:

- Так я воспользуюсь вашей машиной, Михаил Осипович. До свиданья. — И вышел.

Все смотрели ему вслед. Крейцер сказал с увлечением.

- Вы видите? Это же прелесть! Замечательный человек!

Но Соломон Давидович Блюм, кажется, не заметил этого восхищения:

- Как вам это нравится? Он зверей не любит. Вы видели что-нибудь подобное?

Захаров смеялся громко, как мальчик.

А в это время в спальне четвертой бригады большинство ребят уже спали. Только Зырянский читал в постели книгу да Володя и Ваня на соседних кроватях посматривали еще друг на друга. Ваня вдруг приподнялся на локте:

- Одна сотая миллиметра! Володька! Это не может быть, правда?

Володя ответил задумчиво:

- В жизни все бывает.

Зырянский повернул к ним лицо:

- Пацаны, спать!

Пацаны, балуясь, заснули.

28. ***Плакат-план***

В конце ноября выпал снег. Малыши долго отмечали это событие радостными кликами и воздеваниями рук. В парке перебрасывались снежками и строили крепость, но потом оказалось, что строительного материала для крепости еще очень мало: это был первый слабенький снежок, он мало подходил для постройки крепости. Поэтому малыши перенесли свое внимание на пруд: он должен замерзнуть, и тогда в колонии будет каток. Миша Гонтарь в эту эпоху приобрел большое значение для пацанов: он прекрасно делал пластинки для коньков. Другие слесари тоже умели делать такие пластинки, но они были завалены заказами из других бригад, а Миша Гонтарь в качестве старосты пятого класса специализировался на пацанах из четвертой бригады. Коньки были выданы по три пары на бригаду, но четвертой бригаде повезло: все маленькие номера перешли к ней другие бригады все были большеногие. Кроме этих общественных коньков были еще и собственные у отдельных старожилов, а у Фильки даже две пары.

Алеша Зырянский предложил все коньки обратить в бригадные, указывал на то обстоятельство, что ноги у пацанов растут быстро и прошлогодние коньки все равно не подходят. Таким образом, в четвертой бригаде оказалось около десятка пар коньков — такое количество с избытком покрывало потребность.

Но, к сожалению, пруд не замерзал. Берега пруда покрыты снегом, а поверхность пруда дышит свободной водой и по-летнему отражает в себе облака. Знатоки уверяли, что раньше льда должно появиться «масло», но сколько пацаны ни смотрели, «масла» никакого не появлялось.

День в колонии сделался «вечерним»: вставали, завтракали, начинали работу при электричестве, только обедали при солнце, а потом снова зажигались фонари и лампочки. Утром стало труднее просыпаться, появились охотники спать до «без пяти

минут поверка». Особенно страдали старшие, которым до завтрака нужно было еще и побриться. Гладко выбритые и пахнущие одеколоном, они приходили в столовую с виноватым видом и старались не смотреть в глаза дежурному бригадиру. Все это были ветераны колонии, и дежурные бригадиры ограничивались нахмуренными бровями. Конечно, в дежурство Алеши Зырянского приходилось бриться до поверки, но Алеша дежурил два раза в месяц, и казалось, что при таких условиях жить вообще можно.

Конец такой сносной жизни наступил неожиданно, в дежурство Илюши Руднева. Не теряя своего постоянно милого, расположенно - внимательного выражения, Руднев во время поверки произвел демонстративную атаку: приказал ДЧСК отметить в рапорте всех небритых. Это мероприятие, исключительное по своей новизне, произвело очень сильное впечатление, и, как только окончилась поверка, очень многие забегали по коридорам с мыльницами в руках. Игорь Чернявин с того дня, как получил звание колониста, также считал для себя обязательным уничтожение бороды и усов. Очень возможно, что с этим делом можно было и подождать, но, во-первых, бритва — это солидно; во-вторых, в детской колонии как-то неудобно показывать щетину; в-третьих, щетина у Игоря была рыжеватая, а после первого бритья она приобрела совершенно несимпатичный вид.

Напуганный действиями Руднева, Игорь тоже захватил бритву, полотенце и мыльницу и полетел в умывальную. Внизу играли сигнал на завтрак. В литере Б, в умывальных и в спальнях раздавался бритвенный скрип и обильно текла молодая кровь — результат неопытности и быстроты темпов. Руднев — самый молодой бригадир, и опоздать на завтрак в его дежурство, хотя бы и на пятнадцать минут, до сих пор не считалось предприятием невыполнимым. Но сегодня он показал крепкие зубы на поверке, трудно было предсказать, какие зубы он покажет во время завтрака. Успокаивало одно: не решится этот пацан оставить без завтрака около трех десятков стариков.

Действительность оказалась и печальнее, и хитрее. Руднев, правда, не решился на прямое нападение, но о чем-то быстро переговорил в кабинете Захарова. Во всяком случае, Захарову пришло в голову изучить плакат-план первого квартала, висящий в вестибюле, при самом входе в столовую. Изучение этого плаката Захаров начал ровно через пять минут после сигнала на завтрак. Он стоял перед плакатом, заложив руки за спину, и внимательно читал его цифры, которые даже пацаны четвертой бригады давно знали на память. Минут через десять по ступеням лестницы зашумели быстрые шаги ветеранов колонии, успевших к этому моменту уничтожить не только щетину, но и следы крови на лицах. Ни одной секунды замешательства или растерянности они себе не позволили. Ловкие ноги направили их не в столовую, а в выходную дверь, ловкие руки подскочили в салюте:

- Здравствуйте, Алексей Степанович!

- Здравствуйте, Алексей Степанович!

- Здравствуйте, Алексей Степанович!

Захаров поневоле должен был отвернуться от плаката, чтобы отвечать на приветствия. Игорь Чернявиц с верхней площадки еще видел, как поток колонистов уносился в выходную дверь, но, когда он сам поравнялся с Захаровым, сказал слово приветствия, ни один мускул не потянул его к столовой: было совершенно очевидно, что путь имеется только на выход и дальше — в цех. Во дворе он влетел в веселую толпу товарищей, которым теперь оставалось единственное наслаждение: встречать последних опаздывающих, наблюдать сложную игру на их лицах и хохотать вместе с ними, Потом вышел на крыльцо Захаров и сказал:

- Хороший будет день... теплый... Где это ты обрезался, Михаил?

Миша Гонтарь стрельнул глазами на толпу колонистов и ответил с достоинством:

- Бриться приходится, Алексей Степанович.

- А ты безопасную заведи. И удобнее, и скорее.

На крыльцо выходили и закончившие завтрак. Вышел и Нестеренко, Захарова не заметил:

- Мишка, а почему ты не... Здравствуйте, Алексей Степанович. А почему ты не... не того... не подождал меня?

Миша Гонтарь не умел так быстро отвечать на некоторые вопросы. Захаров поправил пенсне и ушел в здание.

Игорь Чернявин тоже стоял в толпе колонистов и сочувствовал Нестеренко, который чуть-чуть не влип со своим вопросом. Но Нестеренко уже освоился с положением:

- Вот какое дело!! Постойте, и я буду дежурить, я тоже... придумаю вам, панычи.

А когда на крыльцо вышел дежурный бригадир Илья Руднев, у него было такое выражение, как будто он в этом деле никакого участия не принимал. Удивленным голосом он спрашивал:

- Не завтракали? А почему?

В следующие дни даже самые почтенные «старики» спешили па завтрак вместе е пацанами и, проходя мимо плаката-плана, поневоле оглядывались на его цифры. Цифры были такие:

План первого квартала:

Металлисты:

Масленки……..235 000 штук
235 000 рублей

Деревообделочники:

Столы аудиторные……..1 400 штук
Столы чертежные……1 250
Стулья……...1 450
Табуретки чертежные…….1 450
180 000 рублей

Швейный цех:

Трусики…….25 000 штук
Шаровары……..8 870
Юнгштурмы……..3 350
Ковбойки……4 700
70 000 рублей
Всего 485 000 рублей

План был очень трудный, и колонисты восторгались:

- Вот это план так план!

Старики одни знали, что восторгаться можно только до первого января, а потом придется плохо. Но четвертая бригада была уверена, что и после первого января будет интересно. В комсомольской ячейке заседали по вечерам и приставали к Соломону Давидовичу с разными вопросами. Но теперь Соломон Давидович не «парился», а старался подробнее рассказать, как обеспечено выполнение плана. Это была эпоха мирных отношений. Недавно на общем собрании Соломон Давидович сказал:

- Ваше желание, товарищи первомайцы, выполнено: сегодня сданы новые опоки.

Одинокий голос спросил:

- А какое сегодня число?

И другие голоса охотно ответили:

- Третье декабря.

- Какое это имеет значение? — сказал Соломон Давидович. — Важно, что у вас есть опоки, а всякие формальности не имеют значения.

Колонисты смеялись и шумно аплодировали Соломону Давидовичу. Многие хохотали, спрятавшись за спины товарищей. Глаза четвертой бригады тревожно устремились на Алешу Зырянского: может быть, он что-нибудь скажет на тему о справедливости и святости данного слова? Но Алеша Зырянский тоже аплодировал и смеялся. Соломон Давидович был растроган аплодисментами... Он высоко поднял руку и произнес звонко:

- Видите: что можно сделать для производства, я всегда сделаю.

Эти слова вызвали новый взрыв оваций и уже совершенно откровенный общий хохот. Смеялся и Захаров, смеялся и сам Соломон Давидович. Даже Рыжиков смеялся и аплодировал. Рыжиков был доволен, что все так мирно кончается, а кроме того, он был формовщик, и опоки для него имели большое значение. Правда, в прошлом месяце было много неприятностей у Рыжикова — после случая с Левитиным даже Руслан Горохов однажды зарычал на него с глазу на глаз:

- Ты от меня отстань, слышишь? Отстань! Я и без тебя проживу.

А потом пришлось похлопать глазами на совете бригадиров после рапорта дневального Вани Гальченко. Но и это прошло. Было неприятно, что бригадиры как-то неохотно высказывались о Рыжикове, и Зырянский выразил, вероятно, общую мысль:

- Темный человек и плохой — Рыжиков. Однако подождем. И не из такого дерьма людей делали. У нас впереди завод, триста тысяч, у нас впереди большая жизнь, а он в городе водку пьет, и пьяный приходит в колонию. Какой это человек? Только и того, что говорить умеет! Так и попугая можно выучить... Только попугай водки пить не будет. Посмотрим. Но... Рыжиков, имей в виду: настанет момент — костей не соберешь!

Рыжиков вертелся на середине, прикладывая руки к груди, обещал и каялся, старался делать серьезное и убедительное лицо. И Воленко снова выступил в его защиту:

- Надо все-таки понимать: Рыжиков привык к такой жизни, сразу отвыкнуть не может. Надо подождать, товарищи. Наказывать его нет смысла, он еще ничего в наказании не понимает. А вот вы увидите, вот увидите!

В общем, совет бригадиров ничего не постановил, а так и отпустили Рыжикова со словами: «Посмотрим».

Рыжиков после этого ходил скучным шагом, ни с кем не заговаривал, но в литейном работал «как зверь». Соломон Давидович очень хвалил Рыжикова:

- Если бы все работали так, как Рыжиков, у нас было бы не триста тысяч накоплений, а по меньшей мере полмиллиона. Золотые руки!...

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 6, с. 103 – 106, 112 – 120, 171 – 175, 183 – 186, 201 – 204. Текст сверен с первоначальной публикацией (в ж. «Красная новь», № 7, 1938 г.), результаты – в комментарии.

[1] **Круглая неглубокая шапочка, с вышитыми под золото узорами.**

[2] **Далее в журнальной публикации следует: Работа на шишках была особенно приятна Ване потому, что с каждым днем он догонял Фильку, который давал за четыре часа работы 120 штук, притом шишки у него никогда не разваливались.**

[3] **Музыкальный инструмент типа малой флейты, с высокой тональностью.**

[4] **Прототип –** *В.Т. Левшаков*, **рук. оркестра коммуны, капельмейстер, изображен в «Марше 30 года» и «ФД-1», автор музыки «Марша дзержинцев», ноты см. в части 3 данного издания, с. 335.**

[5] **Прототипы коммунаров – см. ранее в этой части издания, в комментариях к первой части «Флагов на башнях».**

[6] **Другое название – «конкурс смекалки», «стензадачник». Одна из форм организации свободного времени и культурного отдыха в коммуне дзержинцев.**

Цель: развитие соображения, догадливости, практических навыков в разнообразных видах деятельности. В виде соревнования, с применением балов. См. часть 6 данного издания, с. 290.

[7] Прототип – *В.Н. Терский*, воспитатель – учитель рисования (затем и черчения), зав. клубной работой в колонии им. М. Горького с лета 1926 г., затем в коммуне им. Ф.Э. Дзержинского. В «Педагогической поэме», «Марше 30 года», «ФД-1» В.Н. Перский; в «Типах и прототипах» Н.Н. Кубанов. См.: Терский В.Н. Клубные занятия и игры в практике А.С. Макаренко. Изд. 2. – М., 1962.

[8] Далее в журнальной публикации:

Попросил:

- Будьте добры, вытрите пыль от ботинок.

- Да мы на машине…

- Пожалуйста, очень прошу.

И он проводил к месту, где вытирали ноги.

- Ну что с ними сделаешь, - воскликнула первая женщина. Ванда улыбнулась Касаткину благодарно и застенчиво. Сделав все, что нужно, они пошли по коридору.

[9] Кабинеты А.С. Макаренко и совета командиров (бригадиров) находились рядом, составляя «педагогический центр» управления коллективом коммуны (единство административного управления и самоуправления). Ранее они занимали одну комнату (см. Часть 2 данного издания, с.227-234).

[10] Заведующий педагогическим учреждением как администратор, представляющий государственную власть, - важнейший фактор социального управления в педагогике А.С. Макаренко. Администрирование исключается. Будучи «советской», это власть общего собрания; совет командиров и А.С. Макаренко – исполнительная власть, она действует при его подтверждении. Каждый орган имеет «право действия», но оно может быть ограничено другим органом. «Система взаимосвязанных полномочий» - см. часть 1 данного издания, с. 172 – 173.

Административно – правовое регулирование входит в русло моральных норм и отношений. Действуют традиции, «могущественная сила общественного мнения», убеждения, «здравый смысл».

[11] Далее в журнальной публикации:

Виктор Торский рассматривал Рыжикова с деловой строгостью:

- Правильно. Только утопить!

Рыжиков заметался взглядом по комнате, но так заметался, чтобы не встретить, ни одного взгляда присутствующих:

- Да что вы, хлопцы! Разве я…

- Знаю вас, синьор!

[12] Прототип – *Коган С.Б.*, зав. производством коммуны дзержинцев с марта 1930 г., затем нач. снабжения, работник финчасти. Под этим именем – в «Педагогической поэме». В «Марше 30 года» и «ФД-1» С.Б. Левинсон. В «Типах и прототипах» - Соломон Борисович, Б.С. Клямер.

[13] Имеется в виду заведующий коммуной.

[14] Опока – рамка для земляной литейной формы; заливается металлом.

[15] Энциклопедический словарь, выпущенный акционерным издательским обществом Брокгауза и Ефрона (дореволюционное издание).

[16] Коммунарская организация по «взводам», по возрасту – походная, военизированная, с назначением «взводных» командиров администрацией. Соответственно – «роты». Девочки – отдельно, как и «малыши».

[17] Дежурный член санитарной комиссии (отмечался белой повязкой с красным крестом).

[18] **Знаменитый отряд составлялся путем избрания в него самых заслуженных и авторитетных коммунаров. Состоял из знаменосца и ассистентов (с винтовками, и еще «запасные»). При двух знаменах коммуны – 2 знаменосца и 2 ассистента, см. часть 3 данного издания, на форзаце в начале книги.**

Знаменный отряд олицетворял честь и достоинство коммунарского коллектива, члены отряда пользовались высоким доверием, некоторыми привилегиями. Избранные в отряд оставались в нем до конца пребывания в коммуне.

[19] **Строй по восьми (или шести) в ряд – важное отличие от армейского строя (четыре в ряд). Это более строгие требования к равнению в рядах. Отличие и в более широком интервале между рядами. Это строй «физкультурного типа», с подчеркиванием свободного движения.**

Общий строй: оркестр, за ним знаменный отряд, А.С. Макаренко с дежурным командиром, командир 1 взвода, его отряд и т.д., см. часть 3 данного издания, на форзаце в конце книги.

[20] **Далее в журнальной публикации:**

Возвратились из города к вечеру, голодные, уставшие, счастливые. И за поздним обедом, и вечером в клубе, и в спальнях долго вспоминали и спорили о подробностях. (Это описание похода в город на праздничную демонстрацию – А.Ф.)

[21] **Прототип –** *Броневой А.О.*, **член правления коммуны им. Ф.Э. Дзержинского с лета 1931 г., затем предс. правления; с сент. 1932 г. предс. правления.**

[22] **Коммуна перешла на хозрасчет, самоокупаемость с июня 1930 г., при 150 воспитанников, в основном 14 – 17 лет, при работе 4 часа в день с участием квалифицированных рабочих и мастеров (примерно 30 человек, вместе с педагогами).**

[23] **Прототип –** *Горбунов Н.А.*, **главный проектировщик коммунарского завода электроинструмента, его глав. инженер с нач. 1933 г., затем глав. инженер, ведущий специалист по конструированию фотоаппарата ФЭД и освоению его производства. В пьесе «Мажор» Воргунов.**

Дополнения. *«Летом 1938 г. А.С. Макаренко обратился в Мосгороно* **с просьбой выделить школу для продолжения им и его учениками своего педагогического опыта в школьных условиях. Там, по-видимому, порекомендовали обратиться в Наркомпросс. Зам. наркома по школьным вопросам А.С. Лихачев поручил В.М. Михайлову (нач. управления средних школ), Ф.В. Гормонову (зам. нач. управления) и мне встретиться с А.С. Макренко… Состоялось в Наркомпроссе две встречи с ним.**

Он изложил свое отношение к состоянию воспитательной работы в школе (весьма критическое), считая, что разработанные и проверенные на опыте специальных педагогических учреждений основы воспитания должны быть инструментированы применительно к массовой школе… Руководство Наркомпросса (в 1937 – 1939 гг. П.А. Тюркин) не поддержало плана А.С. Макаренко)».

Воспоминания Э.И. Моносзона, тогда зам. нач. управления начальных школ Наркомпросса РСФСР. – Архив Нижегородского обл. Министерства образования, оп. 1, Личный фонд Э.И. Моносзона, лл. 118 – 202.

Об интересе Наркомпросса РСФСР, А.С. Бубнова, А.П. Шохина, Г.В. Гасилова, Э.И. Моносзона, С.М. Ривеса в 1933 – 1934 гг. к деятельности А.С. Макаренко см. часть 6 данного издания, с. 236.

Начало августа 1938 г.: *собрание писателей в поддержку советской политики на Дальнем Востоке* **(отражение вооруженного нападения японских**

милитаристов на советскую территорию в районе озера Хасан). Среди подписавших резолюцию собрания – А.С. Макаренко (публикация в «Литературной газете», 10 авг. 1938 г.).

Запись в дневнике, после 4 августа 1938 г.

По поводу «Флагов на башнях» происходят некоторые осудительные разговоры:… «в книге нет борьбы, нет перековки [людей], коллизий, конфликтов»…

Как только литература переходит к изображению собственно социалистических явлений, ей необходимо пересмотреть свое отношение к конфликту… Надо признать факт «очеловечения» конфликта. Конфликт становится более тонким, более глубоким, более нежным, он отражает более сокровенные глубины человеческой личности.

Это «очеловечивание» конфликта заметно у Чехова, и в этом отношении он гораздо более социалистический писатель, чем кто-либо другой. С той лишь разницей, что разрешение этих очеловеченных конфликтов у него пессимистическое, что вполне соответствует его эпохе.

Литература [наша] имеет задачу изображать эти более тонкие и глубокие конфликты с той же силой и художественной выразительностью, с какой раньше литература изображала более грубые конфликты. Во «Флагах на башнях» можно привести много примеров таких утонченных конфликтов…

Тут хорошо вспомнить Гете: «Внешне ограниченное – безграничное внутри». Старая борьба (классовая), грубо конфликтное общество теперь у нас совершенно исчезло. Сфера грубой борьбы страшно ограничена, а «безграничное внутри» нужно уметь изобразить.

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 237, л. 15.

А.С. Макаренко показывает: в новом обществе, где все большее значение приобретает сфера морали и нравственности, социальная конфликтность смещается в эту сферу; актуализируются задачи духовно-нравственного воспитания. Макаренковские художественные произведения остро нуждаются в рассмотрении под этим углом зрения – как и в целом все его художественно – педагогическое творчество.

Г.С. Макаренко вспоминала: «Антон Семенович говорил: «Я – писатель чеховской школы. Я – лирик» (цит.: Балабанович Е.З. А.С. Макаренко. Человек и писатель. – М., 1963, с. 421). См. также его соображения о «темах для писателей»: важнейший становится тематика о «самочувствии» человека, о «новой сущности человеческой жизни», ее проявлении «в самых интимных и таинственных глубинах человеческой психики» (часть 6 данного издания, с. 79).

Дополнения. **4 авг. 1938 г., после публикации в «Литературной газете» некролога Союза советских писателей на смерть А. Малышкина,** *А.С. Макаренко заявлял: «Почему не поставили мою подпись под некрологом Малышкина?»*

Малышкин А.Г. **– писатель, отражал перипетии русской интеллигенции в революции, мечты и надежды людей труда, богатство их духовного мира.**

Пути поколения. Список действующих лиц и общих судеб

Б. Бакурин Дмитрий Иванович. 26. Главный герой. Проходит путь от гуманистической наблюдательности к активному действию. Идея большевистского долга, бодрости, веры, человеческой полноценности и ответственности. +

К. Куперман Осип Соломонович. Совершенно беспринципен. Умен... Энергия входит в берега. 0

Р. Рязанова Елена Павловна. 24. Хороший большевик. Совершенно чистая душа. Не способна к политике. Берет чистотой восприимчивости. +

Т. Троян Петр Васильевич. 52. Старый, честный работник. Неудачи валит на кадры… Сам русский, до самой глубины. +

Х. Ходиков Иван Прокофьевич 43. Прекраснодушный пустарь, оптимист бездеятельного типа. Все и всех любит... Пропускает мимо глаз даже судьбу собственной дочери. О

Хр. Хромов Павел Иванович. Настоящий человек. Прежде всего, талант. Обижен своим падением... Хочет доказать свою человеческую ценность, но ее видят не в таланте,... а в идее долга перед людьми. Побаивается людей, очень медленно им доверяет. О

О. Орхидея Кузьма Гаврилович. 35. Ханжа. Мелкая душа и дармоед. В ханжестве видит возможность карьеры. Способен воспринимать только внешние формы директив. Чинопочитатель...

А. Арканов Виктор Андреевич. Ослеп от бывшей важности и власти. Понимает вкус в жизни... Глуп и мелок, циничен. Энергичен. Ненавидит всякую чистую идею. Самодур.

В. Векслер Марк Моисеевич. 37. Человек нежный, честный, но абсолютно верящий в действительную святость намерений и планов... Мечтатель, но не дурак. Склонный к счастью. +

М. Маньковский Семен Натанович. Сухой и холодный бюрократ, преданный своему делу... Его убивает отсутствие порядка. Объективно положителен, но развивается в форме. О

Ба. Бакурина Татьяна Валентиновна. 69. Старушка. В новом видит жизнь, но хочет, чтобы она была более покойная. +

С. Супиков Владимир Владимирович. 33. Начальник ОТК. Старается держаться в форме... О

Бу. Бунчук Осип Богданович. 4'8. Петлюровец плюс чудуша и подхалим...

П. Пономаренко Алла Петровна. 50. Опытный волк, с большой подозрительностью относится к людям и доверяет только событиям. +

Хм. Ходикова Матильда Петровна. 40. Дама, представительница семейной идеи. Наседка, старомодина, к новому относится подозрительно, но сама поневоле новеет. О

Ал. Арканов Леонид Викторович. 23. Умный, рано развившийся, попробовавший отцовских привилегий. Ударился в философию... Грязь вокруг отца вызывает отвращение. –

Ч. Чайников Константин Львович. 30. Мелкий человек, вокруг себя видит только мошенников… Доволен, что может всех ловить. –

Во второй колонке.

Ко. Короп Михаил Григорьевич. 27. Молодой врач. Горяч. Ищет правды. Без каких бы то ни было традиций... Неряшлив во всех отношениях и не замечает, что сам на каждом шагу откатывается назад. О

Н. Найдовин Сергей Данилович. 22. Очень молод. Умен. Политически грамотен. Весел... Хороший глаз. Растет от мальчика к мужественности. +

Ос. Осипова Валентина Николаевна. 24. Чрезмерно доверчивый человек. Излишний оптимизм приводит к неудачам и неряшливости. Но страшная вера в новое и большая духовная энергия. Работоспособна. В людях разбирается лучше с каждым днем. О

Ор. Орлова Наталья Антоновна. 19. Весёлая, огневая девушка. Она умна, многих видит насквозь, но никаких выводов не делает... Учится разбираться в человеческой гадости. +

Л. Лабуренко Илья Денисович. 25. Нравственно чист, но дерево. Абсолютно не способное разобраться в сущности вещей. Всегда бурлит... Его просветляет общение с молодежью... О

Е. Хромова Елена Павловна. 22. Хорошая, искренно комсомолка, сбитая немного с толку историей отца… Идет от наивности к активности и сложности. О

Ле. Лесниченко Мария Сергеевна. 36. Вредная, развратная и пакостная баба, которая, однако, научилась лавировать и прикидываться...

Нн. Никитин Николай Алексеевич. Лирик и поэт. Не злой, но ограниченный... и поэтому объективно вреден. Сдается в последний момент... О

Ма. Морочный Антон Нестерович. 47. Квалифицированный старый полировщик, любящий свое дело... Член партии. +

Г. Гусак. Дмитрий Дмитриевич. 25. Молодой, начитанный, умница, хорошо настроенный, не хочет вмешиваться - ждет, пока все назреет Философ... +

Хл. Ходикова Лидия Ивановна. 18. Девчонка, которую прозвали «Наряды». Флирт, шелк и ресторан. Стремится к шикарным приключениям… -

Тв. Троян Володя. 14. Мальчик образцово воспитанный, смотрящий по-отцовски. Здоров, весел, знает свое будущее. +

Ке. Евдокия Павловна. 20. Секретарь комсомольской ячейки. Умна, требовательна... Активна. +

Рд. Резник Давид Семенович. 21. Юноша, влюбленный в точность… Техника. В человеческих отношениях ищет такой же точности. +

Нд. Найдовин Даниил Петрович. 47. Член партии. Страшно любит работу и больше ничего... Прямодушен и чист. +

См. Сероштан Мефодий Иванович. 40. Завхоз дома отдыха. Чистейшая сволочь. Друг Арканова. Живет богато. Алиментщик... Авантюрист». +

В конце списка общий подсчет: + 14, 0-11, -8. Молодежи - 9. Первой мужественности – 6, среднего возраста - 16, пожилого - 5.

Предположительно в это же время (без даты и названия) – ***список известных лиц***, 235 человек: некоторые сотрудники колонии им М. Горького и коммуны им. Ф. Э. Дзержинского, работники НКВД Украины, бывшие колонисты и коммунары, писатели, коллеги по работе в дореволюционной школе, близкие. Иногда с пометками: V («Яркий»), +, -, 0.

В списке: Одарюк, Татаринов, Дроботова, Рива, Хлюпшева, Терский, Юдин, Шершнев, Магура, Пушников, Мира, Тепер и его жена, 2 пома, Букшпан и его жена, Тренева, Колесса, Захаржевский и его жена, Люля, Калабалин, Микитенко, Данцкер, Пинкус, Найда, Салько, Куперман, Лиля, Компанцев, Депутатова, Железное - поэт, Явич, Е. Петров, Касько, Затонский и его жена, Карлсон, Бачинский, изобретатель кассы, Крамов и его жена, Янкович, Судак, Берман, Харланова, Иорданский, Финк и его жена, Шагинян, Сейфуллина, Логинова, Колбановский, Луговской, Гладков, Добродицкий, Берман-красивый, Джуринская, Шура Сыромятникова, Ткачук, Захожай, Швед, Зайцев, Кононенко, Петров, Павленко, Караваева, Соболев, Алымов, Серг. Васильев, Никитин – из Детиздата, Борис Гроссман, Лукин и его жена Роя, Стомахин, Белинина, Дорохов - писатель, Жаров, Горбунов - редактор, Олег Кононенко, Сурков и др.

Всего: «Молодежи - 56, стариков - 17, прочих - 162. Положительных - 63, отрицательных - 32, средних - 140. Ярких - 55, неярких – 152, «в тумане» - 28. Свежих с плюсом -35, свежих с минусом -11, свежих «0» - 47. Свежих - ярких - положительных... Свежих - ярких – отрицательных.

Свежие – яркие - положительные: Дидоренко, Броневой, Горбунов, Левшаков, Шершнев, Перфильев, Глебка, Кригер, Конисевич, Тихонов, Судаков-0, Серафимович, Брегель (б. коммунарка - А. Ф.), Лева, Клюшник, Клава, Терентюк, Зырянский, Ермилов... - 26, из них молодежи – 11.

Свежие-отрицательные: Ахматов, важ. секретарь, Кочубиевский, Тепер, Вирта, Ковнатор, Иван Мих. - 7, молодых нет.

Свежих – «0»: 60». (В общем списке плюсом отмечен также Лукин)

А.А. Фролов. А.С. Макаренко: московский период творчества… - Н.Новгород, 1997, с. 60 – 63. Источник: РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 28, лл. 24 с об. и 14 – 15.

В первом списке широко используются персонажи незавершенного романа «Человек». Лица характеризуются по схеме: «Условное обозначение. Имя. Представляет развитие тематического типа». Знаки «+», «-», «0» в конце характеристики многих персонажей означают: положительный, отрицательный, нейтральный (или неопределенный).

Во втором списке, «известных лиц», всего 235 человек: шефы коммуны им. Ф.Э. Дзержинского (сотрудники НКВД Украины), некоторые сотрудники колонии им. М. Горького и коммуны дзержинцев, писатели, коллеги и друзья А.С. Макаренко по его работе в дореволюционной школе. С пометами не только «+», «-», «0», но и «v» («яркий»), в сочетании: «неяркий», «свежий», «старики», «молодые».

Перед фамилией в первом списке дается условное обозначение персонажей, в виде одной – двух букв, они автором используются в дальнейшей работе.

Материал показывает: литературно – художественное творчество А.С. Макаренко глубоко связано с его жизненным опытом, личными представлениями, с осмыслением реальной действительности. Здесь можно увидеть и черты научного метода исследования.

Тема «Человек», мера его ценности в социально – моральном отношении, фундаментальная в педагогике А.С. Макаренко, освещается в аспекте взаимодействия старшего и молодого поколений. Понятие «поколение» становится у него здесь заглавным. Обнаруживается, какое огромное внимание он уделяет в педагогике старшему поколению, его роли и судьбе в происходящих исторических событиях.

Дополнения. *5 августа: у А.С. Макаренко сердечный приступ*, **на трамвайной остановке. Назначен постельный режим.**

Из воспоминания Г.С. Макаренко: **«…Через 8 месяцев Антона Семеновича не стало. Он уже был смертельно болен… Но, как часто бывает при болезнях сердца, никак это тогда не было диагностировано… «Я совершенно здоров»… В нашей семье не было и не могло быть и тени уныния: правда и разум жизни всегда побеждают, это главное. В доме звучал смех, было много молодежи, далекой и близкой, друзей, испытанных старых и новых…**

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 237, лл. 22 – 23.

Шкляр Н. – статья «Школа и писатель» **в «Учительской газете», 9 авг. 1938 г.:**

Дневник Кости Рябцева» Н. Огнева - пройденный этап школьной жизни. «Книги А. Макаренко непосредственно школы не отражают... Они ценны, прежде всего, своей подлинной жизненностью и тем мажорным, жизнеутверждающим тоном, который делает их созвучными нашей эпохе... Воспитательной силе коллектива посвящены лучшие страницы «Книги для родителей»... Книг такого типа больше не назовешь...» Художественная литература «бездетна».

«Двойственное воспитание»; расхождение семьи и школы. Растет «бесхребетное существо», приспособленец. В «дезорганизаторы» попадают будущие прекрасные организаторы. Американская школа: учит «искусству мертвой хватки в предстоящей борьбе за существование».

Особый интерес для школы и писателя вызывает «художественное изображение школы как целого, показ школьного коллектива». Его облик, «дух»: 2 типа. Школьный коллектив как средство нивелировки и шаблона, «внутренне бездушный», игнорирующий противоречия, без развития, ориентированный на «внешний успех». Подготовка к «благополучному существованию и «добрососедским» отношениям», эгоцентризм.

Третий: коллектив школы как орудие формирования и развития цельной и всесторонне развитой личности. Его «целеустремленность, спаянность, правдивость, искренность и чуткость во взаимоотношениях, широкое развитие индивидуальных сил и способностей, подлинно живой энтузиазм».

Телеграмма, 11 августа 1938 г.

Спасибо за память. Повесть[1], конечно, не готова. Врачи работать запретили. Не огорчайтесь. Сердце будущим живет – Пушкин. Привет.

Макаренко.

Личный архив А.А. Фролова. Датировано по содержанию. На телеграмме значится: (40 – 23 – 26) 11 – 11 – 3. Адресовано, вероятно, редакции альманаха «Год XXI».

[1] Имеется в виду, вероятно, повесть «О любви».

Запись в дневнике, 12 августа 1938 г.

12 августа

Все стоит на месте. Удивительно до анекдота. Лозовскому подал заявку[1]. Он говорит, что начало читал, но «на челе его высоком не отразилось ничего». Тогда 5-го числа он обещал позвонить 7-го, но до сих пор, ни он ни Андреев не звонили.

Вчера узнал, что Ермилов снят, на его место Фадеев[2]. Что-то такое в связи с Шагинян[3].

«Известия» просили написать статью о книге Гурвича[4]. И хочется написать и чего-то не работается.

5-го на улице со мной случился обморок. Врачи толкуют о переутомлении. Работать запретили, устраивается на месяц Переделкино[5].

«Пути поколения» и все остальное застряли.

Темно, что будет завтра с литературой. Говорят, у Лозовского 400 вещей «заматрицировано», — нет бумаги. Вероятно, врут. Но, кажется, и «Честь» заматрицирована.

Уезжаю в Переделкино, и у меня такое состояние: возвращусь - будет все так же стоять на месте. Завтра иду на Верховный Совет — ССП прислал билет[6].

Вчера прислали верстку 3-ей части «Флагов на башнях».

Воспитание гражданина…/ сост. С.С. Невская, с. 838.

[1] Говорится, видимо, о заявке на отдельное издание «Флагов на башнях».

[2] *Фадеев А.А.* **– писатель, с 1934 г. член правления и президиума ССП; с 1939 г. секретарь ССП. Один из защитников А.С. Макаренко в литературе.**

[3] *Шагинян М.С.* **– писательница, художественно отражала процесс строительства социализма в СССР, возникновения новых социальных отношений.**

[4] *Гурвич А.С.* **– литературный и театральный критик, мастер социального и этического анализа изображаемых событий.**

[5] Дачный поселок в Переделкино, под Москвой.

[6] Пребывание А.С. Макаренко в Верховном Совете на каком-то заседании или мероприятии – об этом исследователям его творчества неизвестно.

К вопросу о консультации

Мне думается, основные недостатки консультационной работы у нас установлены твердо. Их можно представить в таком коротком перечислении:

1.Консультационная работа с молодым автором смешивается с редакционной работой журналов и издательств. То, что обязаны делать редакции в области переписки с авторами хотя бы и начинающими, ни в коей мере не может относиться к работе консультации.

Под консультацией можно понимать серьезно организованную литературную помощь молодому автору в том случае, если он обращается за такой помощью, и только в том случае, если эта помощь представляется необходимой и уместной по характеру дарования, обнаруженного автором. Консультация не должна превращаться в литературную учебу (или в учебу общую) для всех, выразивших желание учиться. Для этих целей у нас есть достаточно средних и специальных учебных заведений, куда и нужно направлять желающих. Таким образом, требуется определить более точно, что такое литературная консультация.

2. Требуется также более точное определение и методики консультационной помощи. До сих пор эта методика определялась соображениями, относящимися почти исключительно к форме. Разрешались вопросы: как писать, как располагать материал, как изображать пейзаж, портрет, диалог, а еще чаще даже эти вопросы не разбирались, а просто рассматривалась готовая [литературная] продукция и указывались ее недостатки, опять-таки с точки зрения формы.

Такая методика еще более приближала консультацию к обучению литературной грамотности, но ни в коем случае не могла воспитывать писателя и даже мешала такому воспитанию.

Истинная работа с начинающим писателем, мне думается, должна идти по иному направлению. Писателем может быть только тот человек, который талантливее и острее разбирается в самой жизни, у которого жизненный анализ стремится претвориться в художественной форме, в художественном синтезе, при этом претвориться сколько-нибудь по-новому, с особым стилем и особым выражением. Писателем может быть только тот, кому есть что сказать, и при этом сказать по-своему.

Работа с начинающим [писателем] может идти по линии ревизии его жизненного материала и его художественного стиля с таким расчетом, чтобы в наибольшей степени помочь ему в мобилизации материала и в выработке стиля. Я допускаю такой общий вид консультационной работы:

а) Полное, основательное, аналитическое выяснение жизненного багажа автора, его идей, выводов, живых запасов образов, устремлений, утверждений.

б) Более или менее глубокая помощь в организации и в углублении жизненного опыта при помощи более сложного и творчески ценного наблюдения жизни и участия в ней, а также при помощи чтения книг художественных и научных.

в) Выяснение и определение его творческих элементов: оптимизма, пессимизма, лиричности, юмора, сарказма, иронии, остроты глаза, характера композиции, сюжетных наклонностей, ощущения красок, метафоричности, смелости слова или осторожности. Краткости или цветистости языка.

г) На основании всех перечисленных данных прямая творческая помощь автору в работе над произведением, достаточно ценным, чтобы быть литературным явлением, т. е. над повестью или над серией рассказов, стихов, отрывков и т. д.

3. В свете вышеуказанных положений явной становится неудовлетворенность нашей предыдущей работой. Совершенно очевидно, что помощь автору должна быть обязательно помощью индивидуальной и обязательно со стороны лица достаточно сильного и способного разобраться в творческих данных автора. Такое лицо не обязательно должно быть писателем, а должно обладать литературной эрудицией, вкусом, педагогическим талантом[1]. Тем более недопустимо поручение отдельным лицам целой группы начинающих, с оплатой гонораров за число печатных листов, недопустимо обращение консультационной работы в сдельную работу с кучей рукописей.

На основании всего изложенного я предлагаю следующую систему консультационной работы:

1. Переписка с авторами, присылающими свои рукописи в редакции, должна быть выведена из системы консультации.

2. Объектами консультации должны быть авторы, желающие получить литературную помощь и в достаточной мере, обнаруживающие свои способности.

3. Консультация должна быть строго индивидуальной работой одного товарища с одним автором. Консультантами должны быть люди в совершенной степени авторитетные, талантливые и серьезно относящиеся к задаче. Их труд должен быть оплачен по самым высоким ставкам, а за качество работы они должны отвечать перед писательской общественностью.

4. В консультации не должно быть никаких постоянных штатных работников, кроме работников учета и распределения. Но во главе консультации должен быть человек, способный организовать каждому автору наилучшие формы помощи, особенно способный выбрать самого подходящего для данного автора помощника.

5. Вопросы языковой общей техники, выходящей за границы индивидуальных стилей, и вопросы теории словесности должны быть совершенно изъяты из ведения устной консультации и сосредоточены в особом журнале, который ни в коей мере не должен напоминать «Литературную учебу», а должен быть очень доступным и простым изложением основных общих положений литературной техники.

Журнал должен излагать все вопросы с определенным педагогическим устремлением, с расчетом на начинающего автора. Для такого журнала должна быть составлена на каждый год и утверждена Правлением ССП точная программа. К такому журналу и нужно отсылать всех интересующихся литературной техникой.

А. Макаренко.
14 / VIII – 1938 г.

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 8, с. 256 – 257.

Написано, вероятно, в связи с предложением высказаться по вопросу о литературной консультации. Продолжается разговор, начатый в «Беседе с начинающими писателями».

Как и в педагогике А.С. Макаренко в работе писателя выводил на первый план ее содержание; выступает против преобладающего внимания к «технике», применяемым средствам.

В содержании выделяется главное: «творчески ценное наблюдение жизни и участие в ней», «жизненный опыт», этому способствует эрудиция в «художественной и научной» литературе. Второй аспект: способность выразить «жизненный анализ», жизненную позицию в соответствующем «стиле». Третье: творческая новизна того и другого, «художественный синтез». Четвертое: яркая индивидуальность «дарования», таланта и «стиля» работы.

При этом овладение общей «техникой» дела А.С. Макаренко относит к сфере коллективной учебы, а работу с «жизненным материалом» и индивидуализацией мастерства – к углубленной индивидуальной работе. Недопустима формально – бюрократическая организация дела; оно должно направляться моральной ответственностью перед «общественностью».

Данный материал вполне может рассматриваться как постановка А.С. Макаренко методологической проблемы: фундаментальные философские категории содержания и формы в педагогике. Эта проблема присутствует в конкретных ее проявлениях всюду в его педагогическом творчестве. Приоритет содержания и активное значение формы, взаимосвязь содержания и формы – это то, что находится «на острие» полемики о макаренковской педагогике, заложено в ее «логике педагогической целесообразности».

В данном материале затрагивается и другой остро дискуссионный аспект методологии макаренковской педагогики: отражение в ней философских категорий общего, особенного и единичного, неразрывности жизненно – социального и индивидуально - личностного.

[1] А.С. Макаренко прямо говорит о немалом значении «педагогического таланта» и «педагогического устремления» (см. ниже) в работе писателя и литературного критика.

Письмо Т.В. Турчаниновой, 14 августа 1938 г.

14 августа 1938, Москва

Дорогая тов. Турчанинова!

Самое горячее спасибо Вам за внимание и за письмо. Оно поднимает столько интересных вопросов, что едва ли на все смогу ответить.

Кажется, Вы очень удивлены, что я изменил педагогике.

Во-первых, я не изменил, а во-вторых, до каких же пор мне с ней ссориться? Она оказалась очень вредной и упорной дамой, мои атаки в лоб она встретила с завидной твердокаменностью. Я решил после этого брать ее измором.

Правда, сейчас очень плохо чувствую себя без ребят, но мало ли приходится по разным причинам плохо себя чувствовать? Приходится делать то, что целесообразнее.

В течение 16 лет я создал две колонии, и каждая из них была в своем роде хороша, и каждую развалили в момент наибольшей высоты. До каких же пор можно продолжать подобную работу?

Очевидно, что опыт никому ничего доказать не может[1]. Нужно писать. Буду писать как умею, надеюсь, что рано или поздно будет моя победа.

Если заинтересуетесь моими писаниями, читайте новый роман «Флаги на башнях», который печатается в журнале «Красная новь».

Пишите о себе, буду очень благодарен. Отвечаю всегда, обижаться не будете.

Привет.

А. Макаренко

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 8, с. 82 – 83. *Т.В. Турчанинова* **– учитель школы, г. Сталино, Украина, 48 лет.**

[1] Данная мысль отражает важное в развитии педагогики как науки: необходимость осмысления педагогического опыта, разъяснения и распространения новых идей, опирающихся на убедительный творческий опыт.

Письмо А.К. Виноградову. 14 августа 1938 г.

14 августа 1938, Москва

Дорогой Александр Корнеевич!

Сейчас получил ваше письмо, отвечаю на московский адрес, а может быть, передам в Тарусу с Галей, моей женой, которая собирается поехать посмотреть Ваш рай. Простите, что печатаю на машинке, — привык и люблю.

Между нами говоря, Ваше письмо меня возмутило. Нет никаких оснований для таких горестных мыслей. Лозовский — это и есть Лозовский, не больше. И всякий человек не выше своей макушки. Даже при самом заядлом стремлении напакостить реальная пакость всегда меньше проектируемой, потому что люди сопротивляются и борются. Это и есть необходимейшее условие здоровой жизни. Всякая другая позиция неправильна. Я испытывал в своей жизни много раз правильность этой установки. И я много раз был свидетелем таких случаев, когда победа у человека сидит на носу, а он этот самый нос опускает.

Совершенно естественно во время борьбы переживать неудачи и поражения. Без поражений не может быть ни силы, ни победы. Разумеется, поражения неприятны, но и неприятность хорошая вещь, если относиться к ней философски. Неприятность — это та соль жизни, без которой вообще совершенно невозможно счастье. А у Вас и неприятностей не больше, чем у всякого другого человека.

Что особенного случилось? Ничего не случилось, а что случится завтра, Вы даже не знаете. Печатают очень много учебников, не хватает бумаги, от этого все люди, стоящие возле бумаги, «хужеют» в несколько раз. Разве это не естественный процесс? Вам господь бог дал талант и культуру в таком размере, в каком они даются не больше как 0,0001% людей. Это такая хорошая вещь, что она раз и навсегда способна покрыть любые неприятности.

Я признаю в жизни только одну неприятность, перед которой приходится пасовать, — это смерть. Все остальное весьма относительно и по желанию человека может быть навсегда переделано в какое угодно удовольствие. Этому мешает одна скверная штука — память. Как было бы хорошо, если бы все неприятные разговоры и события просто не вспоминались. Но и к этому легко можно привыкнуть.

Одним словом, дорогой товарищ, хотите — пишите о молодежи, это вовсе не кампанейская тема, а тема всегда важная и нужная. У Вас такой хороший сын, что Вам, наверно, есть что написать. У нас, например, нет ни одной порядочной книги, да и никакой книги, написанной отцом, воспитавшим хорошего сына-комсомольца. Мне кажется, стоит просто сесть за стол и написать просто о том, что было и что пережито, и получится прекрасная книга. И это вовсе не надуманная и не посторонняя тема, а тема нашей жизни, настоящей, реальной ее практики.

Нет, тут человек вспоминает, что он, видите ли, не специалист[1]. Голубе, какие там мы специалисты. Мы просто обыкновенные живые люди, и все человеческое нам близко. Я осуждаю писателей, которые воображают, что они люди узкой тематики. Если они вообще люди, они должны быть специалистами жизни, и это самое главное. Правильно сказано, что мы инженеры человеческих душ[2]. А человеческую душу можно увидеть и найти в любой области, самой как будто далекой и неожиданной.

Беда! Мешает нам наше писательское воображение. Именно благодаря нему мы начинаем мнить себя специалистами узкой темы. Ничего подобного, честное слово, ничего подобного.

Бросьте Ваши счеты и расчеты с разными фамилиями. Если Вас покусает бешеная собака, неужели нужно на нее обижаться? Простите за поучительное письмо. Педагогическая привычка.

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 8, с. 83 – 84.

Письмо примечательно как отражение «мироощущения» А.С. Макаренко, оно заложено в методологические основы его педагогики. Принципиальная особенность его оптимизма – восприятия жизни в ее развитии к лучшему, в ее противоречивости и творческом порыве, в радости и борьбе. Неприятности – «соль жизни»; поражения, победы - источник жизненной силы; таков новый образ счастья.

Активно – созидательное отношение к жизни, наиболее полная реализация потенциалов человека и его индивидуальности – это главное в содержании, целях нового воспитания, в характеристике «нового человека». Педагогика концентрирует внимание и усилия на жизненной позиции молодого человека, качестве его жизненной ориентации, «умении жить».

[1] Имеется в виду: «не специалист в педагогике». А.С. Макаренко (см. ниже) говорит: настоящий писатель как «специалист жизни» само собой является педагогом. Педагогика предстает как наука о «школе жизни». В этой педагогической концепции господствует идея нераздельности жизни и человека

в ней, в том числе и детей. «Учить жить» - таков глубинный смысл воспитания – образования.

[2] Приводятся слова И.В. Сталина, характеризующие деятельность писателя в новых условиях.

Письмо Н.Г. Шкляру, 14 августа 1938 г.

14 августа 1938, Москва

Дорогой Николай Григорьевич!

Не вполне понимаю, почему ты так погорячился. О коллективе и о детях я писал, писал и еще писать буду. Как мне нужно специально откликаться?[1].

Писал я и о значении детского коллектива в школе – два подвала в «Правде»[2], почему и в каком разрезе я должен сейчас откликнуться? Ты меня уволь от этого дела, которое в общем нужно делать, конечно, не в порядке отклика. К тому же я сейчас чрезвычайно скверно себя чувствую.

Привет.

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 8, с. 84.

[1] Говорится, видимо, о просьбе Н.Г. Шкляра откликнуться на его статью в «Учительской газете» 9 авг. 1938 г.

[2] Имеются в виду статьи «Проблемы воспитания в советской школе» и «Воспитание характера в школе».

Письмо Ф.С. Борисову, 15 августа 1938 г.

15 августа 1938, Москва

Дорогой Федор!

Письмо твое пришло, когда был в Крыму, потом ездил в другие места, потом болел, письмо все ожидало ответа — не хотелось отвечать на него как-нибудь небрежно, а ответить по-настоящему все не было времени и свободной души. Неделю тому назад я серьезно заболел, упал в обморок на улице, врачи запретили мне писать и даже читать, и именно потому я имею свободу, чтобы ответить тебе.

Письмо твое серьезное и поднимает самые страшенные вопросы, те самые вопросы, которые издавна составляют предмет философии и на которые философия не дала никаких ответов. Поэтому глупо было бы слушать, что я такой же простой и скромный человек, как и ты, могу дать более исчерпывающие ответы, чем самые значительные философы. Конечно нет.

Но для меня все эти вопросы давно решены, и давно их решение помогает мне жить. Поэтому я не буду тебя поучать вроде какого-либо проповедника, а просто расскажу тебе, как я для себя их разрешил.

Пессимизм «твоего» типа не нов. Все молодые люди, удостоенные раннего развития, обязательно переживают такой пессимизм. Его происхождение очень ясно. Человеческая жизнь идет по строгим законам. Юношеству свойственно горение и искание правды. От всяких пропастей и срывов в этом искании спасают только недостаточное знание и недостаточный анализ жизни, какие обыкновенно бывают... Но если горячность молодости и правдолюбие случайно соединяются с некоторым знанием жизни, тогда обязательно получается пессимизм.

Так случилось и у тебя, так было и в моей юности. У меня это было долго и мучительно и отразилось на всей моей жизни. Я, например, до 40 лет не женился потому, что не хотел скуки и обыденщины, не хотел теплого угла и успокоения в потомстве. У другого это бывает иначе, другой находит придирки в каких-то других вещах.

Таким образом, это все естественно, но эта естественность тебя не устраивает. Вопросы все-таки остаются, и нужно их во чтобы то ни стало разрешить.

Я для себя их разрешил, и ты разрешишь.

Конечно, вся суть в том, что требуется ответ на вопрос: в чем цель жизни? Вопрос всем кажется правильным, и всем кажется, что на него нужно отвечать. На самом деле и вопрос неправильный, и отвечать на него просто не надо. Что такое цель? Откуда взялось самое понятие цели и самый этот термин? Почему на свете все должно быть целесообразно? А если нецелесообразно, так разве это плохо? Большинство решает: да, плохо. Должна быть цель.

Понятие цели пришло от простой обыкновенной человеческой деятельности. Вся жизнь человека в том и состоит, что он борется с природой, с холодом, с голодом, с нуждой, с врагами. Его жизнь — это череда определенных мелких или крупных мероприятий, направленных к поддержанию жизни. Каждое такое мероприятие имеет цель, но все эти цели сводятся к одной: прожить как можно дольше и как можно приятнее. Цель эта разумная, и разумно ее достигать.

В старом мире эта цель достигалась каждым человеком за свой страх и риск, при помощи своей личной борьбы. Чем более росло человечество, тем все больше и больше начинало понимать, что лучше всего эта цель будет достигаться, если бороться не в одиночку, а коллективно. В социализме идея коллективности выражена в наиболее совершенных формах, но нельзя сомневаться в том, что через несколько тысяч лет будут найдены новые, еще более богатые выражения коллективности. А цель остается все такой же: человек хочет жить как можно дольше и как можно приятнее.

Такая цель ни в коем случае не есть цель абсолютная, так сказать, цель принципиальная. Она выражает только требование количественного максимума, того, что в готовом виде дано уже природой, принципиально ничего нового она не выражает. Природа сама по себе не знает цели, мир тоже цели не имеет, одним словом, в природе вовсе нет никакой цели и быть не может. Плохо это или хорошо?

Ни плохо, ни хорошо. Человек в минуты слабости и зверской трусости перед смертью начинает кричать, вопить, стонать: он не выносит смерти, он протестует, он не хочет умирать, смерть кажется ему ужасным явлением. На самом деле, конечно, ничего ужасного в смерти нет. Смерть так же естественна, как и жизнь, и, вероятно, состояние небытия нисколько не отвратительно. Оно становится отвратительным в нашем воображении, когда мы противопоставляем смерть и жизнь, на что мы вовсе не имеем права: жизнь и смерть одинаково законны и естественны, между ними нет противоречия.

Требование, чтобы в жизни была какая-то абсолютная цель, — требование, ни на чем не основанное. Я прямо спрошу: а почему? А чем будет лучше, если будет цель? А что ты будешь делать, если цель будет достигнута: может быть, ты хочешь вечно жить? Если даже представить себе вечную жизнь, она мало чем будет отличаться от настоящей нашей жизни, все равно страдание и тогда неприятно будет, а счастье и теперь хорошая вещь. Воображение, что цель, абсолютная цель жизни что-то изменит к лучшему, это воображение ни на чем не основано.

На самом деле цель не имеет такого значения. И в нашей теперешней жизни часто именно бесцельные поступки бывают самыми лучшими и благородными поступками. Самые счастливые состояния человека — это те состояния, которые не стоят ни в каком отношении к какой-нибудь цели. И наоборот, слишком реальное видение близкой цели, в особенности цели индивидуальной, делает жизнь часто прямо отвратительной.

Я так насчитаю: жизнь должна быть прекрасна, она и есть прекрасное начало, но она вовсе не должна иметь абсолютную цель. Это было бы слишком расчетливо, слишком бледно, слишком по-сволочному. Я люблю жизнь такой, как она есть. Она прекрасна именно потому, что непрактична, не рассчитана по эгоизму, что в ней есть борьба и опасности, есть страдание и мысль, есть какая-то гордость и независимость от природы. Природа придумала свои законы, придумала смерть, только один человек научился с нею бороться и научился плевать на смерть, хотя и

узнал смерть. Животные спасены от страха смерти потому, что ничего не знают о ней.

Вот и все. Я живу потому, что люблю жить, люблю дни и ночи, люблю борьбу и люблю смотреть, как растет человек, как он борется с природой, в том числе и со своей собственной природой. Мне все это нравится. Я уверен, что люди и дальше будут бороться с природой, научатся жить лучше и дольше, но все равно они всегда будут жить приблизительно так, как и я, с той же полнотой радости и горя, т. е. с полнотой ощущения.

А цель ни для чего не нужна. Цель, идеальная цель жизни испортила бы ее, сделала бы ее менее интересной.

Философия, как видишь, не очень сложная, но это самая простая и самая распространенная философия. Так люди жили всегда и так всегда будут жить. Они только все больше и больше учатся находить радости жизни в коллективе, радоваться не личным победам, а победам человечества, в этом и состоит настоящий смысл социализма.

Рассуждения о том, что мы — материя, — рассуждения лишние. Никто еще не знает, что такое материя, но можно уже предчувствовать, что материя очень сложная штука. А если даже и материя, так почему это плохо? Какое ты имеешь право презирать материю? Материя — это прямо замечательная штука, богатая возможностями и красотой. И я хочу жить в материи, которая в моем ощущении все-таки представляется богатой и великолепной моей личностью.

Самое главное, Федор, надо уметь видеть прелесть сегодняшнего и завтрашнего дня и жить этой прелестью. В этом и заключается мудрость жизни и, если хочешь, ее цель. Только один человек видит прелесть жизни в куске хлеба или водке, а другой находит более сложные и богатые прелести — в работе, красоте, борьбе, в росте человеческой материи. Уже и сейчас материя, выраженная в музыке Бетховена или Чайковского, в великих изобретениях, в технике, — очень высокая штука, такая высокая, что я не променял бы ее на вечность.

У тебя все же это непременно и скоро пройдет. То, что тебя мучит неуверенность в специальности, — тоже хорошо. Это доказывает только широту твоей натуры, ее требовательность. Потом ты ясно увидишь, что у человека должна быть единственная специальность, он должен быть большим человеком, настоящим человеком. Если ты сумеешь это требование понять, ты не будешь волноваться по поводу специальности. Ты будешь инженером, а потом станешь судьей, или писателем, или учителем, а может, и музыкантом — везде для тебя будет интересно, и везде ты сможешь быть честным, работоспособным, внимательным, вдумчивым. И каждая специальность станет в таком случае большим и важным делом.

Пиши, если с чем-нибудь со мной не согласен. А пока желаю тебе самого главного: больше здоровья, больше терпения и спокойствия. Все остальное придет.

Крепко жму руку.

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 8, с. 85 – 87.

Материал отражает направленность педагогики А.С. Макаренко на обретение человеком смысла жизни: радость и счастье социально полноценного, активного человеческого существования. Важно в плане понимания педагогической целесообразности.

Показательна также макаренковская манера разговора с воспитанником на житейко – философские темы, «по душам»: не в форме наставления, а путем объяснения его духовного роста, его ссылкой и на свой жизненный опыт.

Борисов Ф.С. **– выпускник коммуны дзержинцев 1933 г. «Самый молодой из наших студентов, ему сейчас только 17 лет, но, без сомнения, самый способный… Очень развит и абсолютно честен. Школу окончил отлично» (часть 3 данного издания, с. 112).**

Окончил Харьковский машиностроительный институт, инженер – механик, работал на одном из заводов города. Погиб в начале Великой Отечественной войны.

Письмо С.А. Калабалину, 15 августа 1938 г.

15 августа 1938, Москва

Дорогой, милый, родной Семен!

Что мне не повезло, это куда ни шло, но и ты связался с моим невезением, и тебе хлопоты и беспокойство и, может быть, даже разочарование.

Я уже собирался на днях выезжать, достал нужное разрешение (довольно длинная штука), случилась большая неприятность: среди бела дня на одной из главных улиц, без всякого предупреждения со стороны судьбы, без всякого предчувствия я грохнулся в обморок прямо на трамвайной остановке. Кто-то со мной возился, сбежались мильтоны, погрузили меня в машину и привезли домой в состоянии довольно мерзком, мерзком, главным образом потому, что оно было, прежде всего, глубоко безразлично: умирать или не умирать — все равно. Хотелось только одного, чтобы никто не говорил громко. Домашние мои, конечно, всполошились, всполошили Союз [писателей], и возле меня завертелись целых четыре врача. Это произошло 10 августа[1].

Разговоры со мной ведутся... тяжелые. Запретили писать, читать, играть в шахматы, волноваться. Сейчас пишу тебе украдкой, только потому, что на минутку остался один дома. Я, правда, не лежу, но состояние возмутительное. Через 5 дней еду лечиться здесь под Москвой. Покой, электричество и вода в разных видах. Признали у меня тяжелое переутомление мозговых сосудов — все на нервной почве, хотя, как ты знаешь, я очень редко нервничал. Хуже всего то, что пугают Галю: такие обмороки, говорят, не должны повторяться, это звучит отвратительно.

Я понимаю, голубок, что тебе неприятно и досадно: приготовился к гостю, а гость какие-то дамские обмороки закатывает. Но что я могу поделать? Мое положение еще неприятнее, я хочу, чтобы ты мне посочувствовал.

Сейчас я утверждаю дома, что после санатория я поеду все-таки к тебе, но и сам себе не верю, и никто этому не верит. Врачи требуют, чтобы я никуда далеко от врачей-специалистов не удалялся надолго. Между прочим, в глаза они утверждают, что ничего особенно опасного нет, что нужно только аккуратно подлечиться и ничего не делать, но тут же они прибавляют слова далеко не утешительные: не забывайте, что Вам уже 50 лет.

Все-таки меня больше всего беспокоит, что я подвел тебя и вместе с тобой, наверное, еще несколько человек. Моральные твои страдания... что я могу поделать, страдай, по дружбе ты мне это недоразумение простишь, но ведь ты влез в материальные расходы. Если ты хочешь хоть немного меня успокоить и порадовать, сделай дружескую милость: сообщи, сколько ты истратил денег на разные подготовки. Очень тебя прошу об этом.

Осень для меня вообще погибла, на это приходится махнуть рукой. Но весной, я уверен, даже врачи посоветуют мне поехать к тебе, ведь к тому времени все их процедуры должны вернуть мне нормальное состояние. Сейчас, между прочим, я чувствую себя очень неважно: пусто в голове, досадно и как-то неприятно легко возле сердца, и, кроме того, стал злой, страшно со мной разговаривать.

Прости, дорогой, да, собственно говоря, старость штука непростительная. Поцелуй своих и передай горячий привет и извинения. Пиши по московскому адресу, передадут.

Твой *А. Макаренко*.

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 8, с. 88 – 89.

Калабалин С.А. **– воспитанник колонии им. М. Горького с 9 марта 1921 г. После выпуска учился в сельскохозяйственном институте, затем физрук в**

колонии горьковцев и коммуне дзержинцев, работник Винницкой трудовой колонии, зав. детдомом. В «Педагогической поэме» и «Марше 30 года» С. Карабанов.

Участник Великой Отечественной войны, действовал в контрразведке и военной разведке, награжден орденом Отечественной войны II степени. Его деятельности в детских домах (вместе с Г.К. Калабалиной, в «Педагогической поэме» - «черниговка») посвящена трилогия Ф.А. Вигдоровой: «Дорога в жизнь», «Это мой дом», «Черниговка».

См. кн.: С.А. Калабалин. Педагогическое наследие и современность / сост. и ред. Мардахаев. – М., 2013.

[1] Ранее А.С. Макаренко указал другую дату: 5 августа.

Письмо С.П. Вельяминовой, 15 августа 1938 г.

15 августа 1938, Москва

Уважаемая тов. Вельяминова!

Гослитиздат переслал мне Ваше письмо с приложением материалов по женскому вопросу, который, между прочим, благополучно существует и у нас[1].

Все, что Вы говорите по этому вопросу, очень меня занимает, и притом очень давно. Почти со всеми Вашими положениями я согласен, но для меня далеко не так ясно, что нужно делать. Я не очень верю в силу агитации по этому вопросу, если агитация не поддержана какими-то более могучими средствами, главным образом экономикой[2]. В частности, я не очень верю в агитацию среди мужчин.

Во всяком случае, я очень буду рад встретиться с Вами и поговорить. Если Вам не трудно, позвоните мне по телефону В-1-78-96, лучше звонить поздно вечером, после двенадцати. В Вашем письме нет номера Вашего телефона, поэтому я не могу сейчас позвонить Вам.

Привет.

А. Макаренко.

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т, т. 8, с. 89.

[1] Материалы, видимо, о «женском вопросе» за рубежом.

[2] Показательно: решение крупных социально – педагогических проблем А.С. Макаренко неразрывно связывает с преобразованиями в области экономики.

Письмо Н.Д. Соколовой, 15 августа 1938 г.

15 августа 1938, Москва

Уважаемая Наталья Дмитриевна!

Напишите, как живете. Я за последние месяцы много работал, путешествовал, болел, лечился, совершенно выбился из переписки. Сейчас немного успокоилась обстановка, я нашел все Ваши письма, на которые отвечать поздно. Но Ваша карточка в хорошем состоянии, Вы не беспокойтесь.

И не обижайтесь. Я о Вас много думаю и хорошо помню Ваше первое письмо. Очень прошу, напишите, как у Вас дела и как с настроением. Не думайте, пожалуйста, что мне нужны жизненные материалы, я в них как раз не нуждаюсь, а по-человечески Вы меня очень интересуете, и я от самой настоящей и горячей души желаю Вам счастья.

Напишите, серьезно!

Привет.

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 8, с. 89. Адресат, видимо, - читательница «Книги для родителей».

Примечательно душевное расположение А.С. Макаренко к людям, внимание к их морально – психологическому состоянию.

Письмо А.М. Доленго, 15 августа 1938 г.

15 августа 1938, Москва

Уважаемый тов. Доленго!

На днях я получил Ваше письмо — открытку и пьесу. К сожалению, в ближайшие дни я не могу заняться Вашей работой, так как у меня много другой работы, и литературной, и консультационной, а Вы не предупредили меня о намерении прислать пьесу. Во всяком случае, к 25 числу я рассчитываю прочитать и сообщить Вам мое мнение.

Бригады имени [А. М.] Горького[1] еще нет и в скором времени, вероятно, не будет. О причинах распространяться долго.

Привет.

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 8, с. 90.

[1] Предложение создавать писательские «бригады» А.С. Макаренко высказал на собрании московских писателей в апреле 1937 г., считая, что коллективизм важен в любой деятельности, это повышает ее эффективность и качество (см. часть 5 данного издания, с. 179 – 180).

Письмо Л.Н. Разумовой, 16 августа 1938 г.

16 августа 1938, Москва

Милая Лидия Никитична!

Простите, что немного запаздываю с ответом, есть кое-какие уважительные причины. Очень благодарю Вас за две записки, из которых, прежде всего видно, что человек Вы душевный и хороший. Нужно еще, чтобы Вы были и человеком счастливым, это буквально в моих интересах — у счастливых родителей всегда хорошие дети.

Кажется, Вы и есть счастливый человек, по крайней мере, в Ваших письмах, несмотря на маленькое брюзжание, видно и хорошее настроение, и оптимистическая душа. И специальность у Вас прекрасная, ужасно люблю бухгалтеров и до сих пор мечтаю: может быть, я когда-нибудь сделаюсь бухгалтером.

Снова сомневаюсь, получите ли Вы это письмо. Очевидно, в Вашем характере есть некоторая неопределенность, она сильно отражается в письмах. Написали Вы, что с 10 по 24 августа Ваша душа будет в Крыму, а потом написано, что 24-го Вы выезжаете в Крым. Я так и постарался понять, что 24 августа выезжает в Крым Ваше тело. В известной мере я был бы удовлетворен, если бы мое письмо было получено Вашим телом, передача письма душе — дело, так сказать, техническое. Но меня смущает, почему Ваша душа будет в Крыму только с 10 августа. Душа — это такая легковесная штука, что ее можно отправить в Крым и раньше. Почему пересылка души произойдет только 10 августа? Неужели Вы умеете так точно расправляться со своей мечтой: начинаю мечтать о Крыме с 10 часов утра 10 августа? Одним словом, я боюсь, как бы Ваше тело не увязалось с душой в этот самый Крым тоже 10 августа.

Впрочем, при всяком условии я боюсь, что ни Магомет, ни гора не в состоянии будут организовать нашу встречу. Недавно я свалился в обморок, прямо на улице, в объятия милиционера. Случай сам по себе пустяковый, но он передал в руки врачей большую власть, врачи отправляют меня лечиться, здесь под Москвой, в специальном медицинском учреждении.

Приходится ехать, и уезжаю я 25 августа часа в 2 дня. Буду там до 25 сентября, а потом придется еще куда-то ездить, ибо врачи поставили себе очень

смешную цель: добиться, чтобы второго обморока у меня не было. Все это чепуха, я чрезвычайно здоров, только уморился. Но из-за них повидаться нам придется не скоро, а я очень хочу.

Страшно благодарен Вам за приглашение остановиться у Вас. Вероятно, это штука очень обременительная для хозяйки, и я постеснялся бы воспользоваться приглашением. Но побывать у Вас, познакомиться с Вашей жизнью, с Вашими наследниками — очень, очень хочу. Как только мы с Вами снова обратимся в оседлых людей, я обязательно приеду в Ленинград.

Очень Вас прошу, пишите, как у Вас и жизнь, и дела, что видно хорошего впереди. Буду очень благодарен Вам за письма. Писать можно по старому адресу, мне передадут.

Крепко жму Вашу руку и желаю счастья в Крыму.

Спасибо за подробные указания в письме. У меня теперь есть справочник по Л.Н.

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 8, сл. 90 – 91.

Письмо Ф.А. Дыбиной, 16 августа 1938 г.

16 августа 1938

Милая, замечательная Фрида, здравствуйте!

Что Вы — замечательная, я уже в этом не сомневаюсь. Правда, Вам не следовало бы об этом говорить, но, кажется, Вы не из тех, кого можно испортить.

Спасибо за письмо. Вы даже представить себе не можете, как оно поэтично. И если бы Вы спросили меня, чего я хочу, я ответил бы прямо: пишите мне длинные-предлинные письма. Я сейчас очень много читаю рукописей, главным образом начинающих писателей (бывает и старых), но только Ваше письмо доставило мне истинное художественное наслаждение. Видите, я тоже умею радоваться!

Очень хочется поехать в Ростов-Дон посмотреть на Вас, на вашу маму, на Наташу, на младшую сестру. Мне не хочется видеть только этого вашего... Михаила. Честное слово, это нехороший человек. Как он смеет говорить вам такие слова: «Ни одному твоему слову не верю». Пусть он там летчик и даже герой, а все-таки таких слов он говорить не должен.

Ведь даже из письма вашего видно, можно вам верить или нельзя. А он ведь видел Вас... живую и такое позволяет себе говорить Вам. Я убежден, что он принадлежит к людям толстокожим, досадно ужасно, что он получил на вас какие-то права.

Очень досадно! Вы должны найти себе друга нежного и мужественного. Говорить вам «Ни одному слову не верю» — это, прежде всего не мужественно. Наверное, вы хороши, и его терзает мелкая будничная ревность. Ну, хорошо, пускай себе и мучится по секрету, а зачем выбалтывать такие вещи?

Что же, приняты Вы в институт? В педагогический? Вот мне кажется почему-то, что вы для этого института не подходите. А впрочем, все равно, в каком вы будете институте. Видно, что вы поэт. Где бы вы ни учились, вы все равно будете поэтом. Только вы немножко полениваетесь. Над стихом нужно много работать, У вас в последнем стихотворении есть такие рифмы, как «чехарду» и «войну», есть слабые строчки: «как один, отказались все быть» или «солнце ярче лишь стало светить». А есть и замечательные строчки, которые радуют искренней и глубокой духовной силой.

Я думаю, однако, что из вас выйдет не поэт-поэт, а поэт-прозаик. Со временем у вас будет получаться замечательная проза, только теперь ещё рано. В 19 лет не может быть хорошая проза. Вы должны больше читать, особенно стихи, больше и смелее жить, больше смеяться и не должны позволять говорить вам такие слова, как говорит Михаил. За такие слова всякий должен получать высшую меру, т. е. изгоняться из вашего сердца навсегда.

Если это правило соблюдаться не будет, не выйдет из вас поэта, так и знайте.

Это очень важно для вас, не расплескать, не раздарить вашу хорошую, искреннюю силу. Ох, боюсь я педагогических институтов, очень боюсь, будьте, пожалуйста, осторожнее с ними. Во всяком случае, не влюбляйтесь в педагога. Это невыносимо скучно: мужчина-педагог!

Очень прошу: напишите очень подробное письмо. О себе, конечно.

На днях я еду лечиться: меня угораздило на днях свалиться на улице в обморок!!

Это врачи называют переутомлением. Враки, какое там переутомление, но лечиться все-таки нужно: не люблю обмороков.

Напишите. Только подробнее. Передайте привет Наташе и нашим друзьям. Напишите, как Михаил будет себя вести. Устройте над ним какой-нибудь... погром. И напишите, как он будет реагировать.

Привет.

А. Макаренко

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 8, с. 91 – 92. Адресат – читательница его произведений.

Письмо А.Е. Коломийченко, 16 августа 1938 г.

16 августа 1938, Москва

Уважаемая тов. Коломийченко!

Пишу в расчете, что Вы уже вернулись в Истру. В конце июля мне пришлось быть в Вашем городе. У Вас красиво и мило, страшно хорошенькая речка и вообще интересный антураж. Сейчас многие люди уговаривают меня перебраться в Истру и купить там дачу. Это отчасти хороший совет: в Москве не дают ни жить, ни работать. К последним дням я окончательно заморился: и пишу много, а еще больше разговариваю то с родителями, то с педагогами. Боюсь, что из моих разговоров толку будет мало, я вообще в разговоры не верю.

Вы человек с очень оптимистическим характером. Вам кажется, что с начала учебного года все наладится. Ох, до чего это трудная штука — педагогика! Вы правильно обмолвились, что педагогика есть бездна всяких вопросов. Именно — бездна.

Пишите больше о себе и о своей работе. До сих пор Вы даже не написали, как Вас зовут. Напишите о себе подробнее, как Вам живется, какая у Вас семья, как идет школа, вообще обо всем. Если буду в Истре, теперь уже обязательно Вас найду. Хорошо ли отдохнули в Черниговской? Там прекрасные места – по Десне.

Крепко жму руку.

А. Макаренко

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 8, с. 92 – 93.

Дополнения. **Надпись на обратной стороне фотографии А.Г. Крамова, подаренной А.С. Макаренко:**

Москва, 16 августа 1938 г.

То, что ты, дорогой Антон, не драматург и (пока!!) не директор театра и не начальник Управления искусств, дает мне возможность (иначе меня можно было бы упрекнуть в подхалимстве) прямо заявить тебе, что ты замечательная личность, мой любимый друг и обаятельнейший человек (внутренне и внешне, несмотря на гоголевский нос!), талантливый писатель и гениальный знаток детской души и всякой «человеческой психологии».

Этих качеств достаточно, чтобы тебя высоко ценить, уважать и любить. Я, очевидец твоей работы и воспитания, подлинно советского, подлинно коммунистического воспитания молодежи (коммуна им. Ф.Э.Дзержинского), крепко, крепко жму твою руку.

Саша Крамов.

А.С. Макаренко. Жизнь и творчество в документах, фотографиях, иллюстрациях / сост. П.Г. Лысенко, И.С. Убийвовк. Отв. ред. Н.П. Нежинский. - Киев, 1978, с. 178 (укр. Яз.).

Крамов А.Г. **– актер, режиссер, с 1936 г. художественный руководитель Харьковского театра русской драмы, шефствующего над коммуной им. Ф.Э. Дзержинского с осени 1933 г., Народный артист республики, проф. Харьковского театрального института.**

Письмо В.Н. Терскому, 17 августа 1938 г.

17 августа 1938, Москва

Дорогой Виктор Николаевич!

Очень приятно было получить от тебя письмо. Я все собирался тебе написать, но ждал более определенных решений в «Затейнике». У них все делается невыносимо медленно, этому помогает еще летнее время. Договоришься с одним, смотришь, он поехал на курорт, начинаешь с другим, через день его тоже нет.

Они очень хотят, чтобы ты у них работал, но люди они весьма затхлые и очень трудно разобрать, как они представляют себе твою работу. Одно время они так наперчились, что уверяли меня: «не пожалеем никаких денег, жен и детей...» А потом что-то у них лопнуло внутри, и на некоторое время они испортились.

Между нами говоря, у них очень мало затейного в самом их активе, и они не представляют себе нынешних ребят. До сих пор у них в головах торчат вообще мальчишки или те мальчики, которые в нашей литературе называются пионерами и которых в природе вообще не существует. Пионера они не могут представить себе вне модельного кружка, но даже и в модельном кружке этот пионер не стоит больше самой модели. Ну... и так далее[1].

Я еще буду с ними разговаривать. Не хочу, чтобы ты с первого дня нарвался на взаимное непонимание. Вероятнее всего, осенью (когда это будет, зависит от разных курортов) они вызовут тебя для предварительной беседы. Я тебе, конечно, напишу, если и раньше что-нибудь выяснится более или менее определенно.

Спасибо, что сообщил кое-что о наших колониях. Степан[2], значит, утихомирился в семейном очаге. При встрече, будь добр, передай ему привет.

Да! Что такое в Календаре? Это странное предприятие. Они ввели меня в свою редколлегию и очень торжественно сообщили об этом, но потом в течение 3 месяцев ни разу не вспомнили о моем существовании. Наверное, у них тоже легкий маразм. А, кроме того, до Нового года еще 5 месяцев и можно не спешить.

Передай привет твоей семье. Кланяйся Тимочке[3] и всем, кто еще меня помнит.

Пиши.

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 8, с. 93.

[1] **Отмечается характерный факт: умозрительно – декларативная педагогика далека от жизни и живых людей. Она исходит из некоторых схематических, идеализированных представлений.**

[2] **Имеется в виду** *С.А. Дидоренко*, **завхоз коммуны им. Ф.Э. Дзержинского с янв. 1932 г.; с мая 1933 г. нач. адм. – хоз. части. Во «Флагах на башнях» Степан Акимович.**

[3] **Имеется в виду** *Т.Д. Татаринов* **– воспитатель – учитель в колонии им. М. Горького с лета 1925 г., затем в коммуне им. Ф.Э. Дзержинского, зав. производственным обучением. В «Педагогической поэме» И.Д. Киргизов, в «Марше 30 года» Тимофей Денисович.**

В его характеристике (дана 2 апреля 1935 г.) готовится: «… Преподаватель химии рабфака. Лучший педагогический работник в коммуне. Старый работник с беспризорными. Пользуется авторитетом среди коммунаров и преподавателей. Принимает участие в общественной работе. Никогда не

считается со временем. Предан коммуне. Неоднократно премирован денежно и благодарностями. Награжден грамотой Харьковского облисполкома за ликвидацию беспризорности».

А.С. Макаренко. Публичные выступления 1936-1939 гг. Аутентичное издание /сост., коммент. Г. Хиллиг. – Елец, 2012, с.324.

Запись в дневнике, 18 августа 1938 г.

18 августа

Собственно говоря, движения почти никакого. Резник[1] в Гослитиздате говорит, что «Флаги на башнях» давно стоят в плане, что 15 сентября можно подписать договор. Либединский, говорят, пишет хорошую статью о романе. Кое-какие читатели, читавшие 1-ю часть, говорят, что там есть повторения «П.П.», может быть. Это все пришло от этого проклятого сценария. Большинство о первой части разговаривает сдержанно. «Детиздат» просто молчит.

Воспитание гражданина… / сост. С.С. Невская, с. 838 – 839.

[1] *Резник О.С.* **– сотрудник Гослитиздата, литературовед.**

Директору Гослитиздата, 24 августа 1938 г.

…Тема романа[1] – картина тех путей (рабочих, моральных, личных), которые стоят перед нашей молодежью и среди которых она должна выбирать. Такой выбор есть дело не простое и, во всяком случае, чрезвычайно важное, ибо в нашем обществе остаются пережитки старых общественных форм…

Я надеюсь, что в середине[2] года я напишу небольшой роман, до 10 – 12 листов… Тема этого романа старая: любовь. Я предполагаю в этой вещи просто изобразить историю любви двух молодых людей, которая является достаточно выразительной для нашей эпохи, как образец отношений этого порядка.

Балабанович Е. А.С. Макаренко. Человек и писатель. – М., 1963, с. 415.

[1] **Говорится о романе «Пути поколения».**

[2] **Имеется в виду середина будущего 1939 года.**

Письмо В.М. Роот, 24 августа 1938 г.

24 августа 1938, Москва

Вопрос главный и единственный: что называется в таком случае катастрофой? Не в области чувств? Что обозначает это ограничение? Я человек тупой в отношении катастроф. Хорошо знаю две категории катастроф: смерть и подлость.

Судя по тону Вашего письма и по очаровательным и совершенно безгрешным пейзажам, присланным Вами, ни одна из этих катастроф с Вами не произошла. Что касается так называемых обстоятельств, то эти никчемные звери, собственно говоря, не должны портить не только настроения, но даже аппетита.

Вы обращаетесь со мной высокомерно: пишете о катастрофе и не говорите, в чем дело. Знаю, сейчас Вы презрительно сгримасничали: во-первых, какое дело поэту мирному до Вас, во-вторых, катастрофы не относятся к темам переписки незнакомых людей.

Пожалуйста! Будьте высокомерны, Вам же хуже! Я ничего не могу поделать. А между тем Вы даже представить себе не можете, какой я мастер по части уничтожения катастроф!

Это место Вашего письма произвело на меня очень сильное впечатление. Все остальное потеряло вкус.

Очень хочу надеяться, что мне удастся на Вас посмотреть и поговорить с Вами без претензий. Уверен, что, невзирая ни на какие катастрофы наше свидание обязательно состоится. Это будет в конце ноября или начале декабря. Раньше не могу поехать в Ленинград.

Это потому, что я заболел самой неприличной болезнью: почувствовал приближение старости, словом, заболел и еду лечиться. Ваши письма, если они будут написаны, мне перешлют.

Крепко жму Вашу руку. Держите хвост трубой, а если он не держится, тоже держите.

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 8, с. 94.

Письмо Т.В. Турчаниновой, 28 августа 1938 г.

Москва, 28 августа, 1938.

Я раньше лучше умел выражать свои чувства, и теперь разучился, что ли? И поэтому стесняюсь. Ваше письмо от 18-24 августа совершенно необыкновенное письмо и не похоже ни какие другие, ни с кем нельзя Вас перепутать, и никто не вызывал у меня такого искреннего душевного удивления… и других чувств. Между ними есть и чувство досады: как это Вы не догадались сообщить свое имя и отчество, или хотя бы имя!

Очень тронут и благодарен Вам за «ты», и сам страшно люблю это обращение, но по простоте душевной привык переходить на «ты» только после хорошего брудершафта. Боюсь, что нам не скоро еще доведется посидеть за одним столом и «поговорить». А Вы все-таки не стесняйтесь, называйте меня, как Вам удобнее. Хорошо?

О себе Вы так ничего и не написали. Почему? Ах, Вы, педагоги! Сейчас же Вам скажи, что именно о себе, да с какой стороны подойти. Подходите прямо… в лоб. Как Вы живете, сколько Вам лет, какая у Вас семья – счастливая или несчастливая. Вообще самые обыкновенные вопросы, потому что и мы с Вами самые обыкновенные – хорошие люди. Правда?

Напишите все-таки о себе, не переломитесь! Само собой напишите и о педагогике, я даже об этом не прошу, все равно напишите, не удержитесь.

О педагогике можно много писать грустного и радостного. Радостного потому, что это замечательное, восхитительное, святое и легкое дело![1] А грустного потому, что никакое дело так не изгадили, не испортили, не загубили, как эту самую педагогику. У меня уже нет берегов для ненависти к тем, кто это сделал. И моя ненависть поэтому перестала быть творческой, - просто себе ненависть.

Чтобы привести ее в действие, нужно войти в берега, т.е. взяться снова за педагогическую работу. Тут труден первый момент – сейчас нет в моих руках ничего, кроме меня самого: ни накопленных в коллективе традиций, ни кадров, ни разгона – ни молодости.

Ах, какая прекрасная вещь молодость! Сколько Вам лет все-таки? Может быть у Вас есть лишняя фотографическая карточка? Пришлите. Честное слово, почему не прислать?

А насчет почерка Вы ошибаетесь. У меня много почерков[2] – самых разнообразных. И нервы у меня просто завидные.

Встречаться нам, пожалуй, не следует. Человек я довольно серый, некрасивый, молчаливый и плохой собеседник. Вам будет неприятно.

Напишите все-таки больше о себе. И какая у Вас комната. Есть ли в ней книги. Ходите ли Вы в гости. Есть ли у Вас хорошие друзья или интересные враги[3].

Привет.

А. Макаренко.

Долго ли будете в Харькове?

Опускула макаренкиана, № 15 / сост. Г. Хиллиг, С. Невская. – Марбург, 1995, с. 40 – 41.

[1] О том, что воспитание – легкое дело, А.С. Макаренко говорил не раз. Имеется в виду, несомненно, то, что воспитание становится легким делом, когда оно не отрывается от жизни, строится на основе жизненной практики, в соответствии с социально - педагогическими закономерностями. Это «святое

дело», оно тогда и «восхитительное», «счастливое», - как и всякое успешное дело, приносящее удовлетворение и радость.

[2] Несколько почерков А.С. Макаренко: в официальной переписке (прямой почерк, округлые буквы); скоропись (наклонный почерк, стесненный); для заметок личного пользования. Это культура письма, в ней отражается назначение письма и отношение к адресату. Письмо, отпечатанное на пишущей машинке, обычно сопровождалось извинениями и всегда сопровождалось личной подписью – автографом.

[3] В выражении «интересные враги» чувствуется уважение к каким-то примечательным и ценным качествам «врагов», мысль о возможности их воспитания и перевоспитания.

Дополнения. *С 28 августа – работа А.С. Макаренко над романом «Пути поколения» (далее, примерно от 13 сентября, - «Ньютоновы кольца»). Расчет: 190 стр., 9 ½ печ. листа, по ½ листа в день, 19 дней, до 19 сентября.*

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 30, 31.

Из записной книжки, без даты:

Сюжетные линии. Фабульные ходы. Лица. Пейзажи. Типы. Детали. Слова. Сентенции. Диалоги.

Метафоры. Фрагменты. Имена. Коллизии. Цитаты. Концовки. Заглавия. Лирические отступления. Настроения.

Балабанович Е.З. А.С. Макаренко. Человек и писатель. – М., 1963, с. 418.

«В поисках героя»

Скажу прямо: мне очень понравилась недавно вышедшая книга А. Гурвича «В поисках героя». Мне хочется выразиться сильнее: эта книга взволновала и обрадовала меня. Интересная, умная и талантливая книга.

В книге «В поисках героя» собраны статьи, сравнительно давно написанные и напечатанные в наших журналах. Статьи говорят о вещах Гусева, Афиногенова, Платонова, Олеши, Эренбурга и Погодина. И статьи эти написаны два-три года назад, и самые произведения, послужившие предметом критической работы А. Гурвича, в известной мере отцвели, во всяком случае, сегодня они не волнуют нас новизной, еще неясной, неустановленной ценностью. Мы смотрим пьесы Гусева или Погодина с чувством уравновешенной благодарности к авторам, мы знаем, что в них плохо, что хорошо, и спорить о них у нас едва ли возникнет желание.

Книга А. Гурвича хороша не тем, что она обновляет наши критические усилия, давно пережитые нами,— еще тогда, когда мы читали «Не переводя дыхания» или смотрели «Славу». Когда А. Гурвич говорит: «...если миллионы лучших людей нашей страны свободны от тщеславия и тем более от корыстолюбия, то какие же чувства являются двигателями их необычайно активной творческой жизни? На этот вопрос и должна ответить художественная литература», - то в этих словах, обращенных в свое время к В. Гусеву по поводу его «Славы», мы слышим вопрос всего советского общества, обращённый сейчас к той же советской литературе.

Нужно отдать справедливость А. Гурвичу: он умеет ставить эти вопросы, выражать их в простых, почти житейских словах, и в то же время в его формулировках всегда есть живая страсть гражданина, живая симпатия товарища и живой, хорошо отточенный ум. Поэтому его простые формулировки волнуют, заставляют задуматься, проверить себя, проверить многие свои обобщения, и, самое главное, они заставляют стремиться к лучшему, более совершенному.

Содержание книги А. Гурвича передать трудно. Она богата мыслью, тонким и осторожным анализом, призывом, выраженным в привлекательных, убедительных и мажорных словах, она богата и серьезной эрудицией не только начитанного, но и мыслящего советского человека.

Я уверен, что каждый читатель найдёт в ней для себя много нового и интересного, много неожиданных обобщений, много уместных и удачных экскурсов в жизнь, в самые богатые, самые блестящие и близкие нам советские области.

Основная мысль книги, которая подчеркивается А. Гурвичем при всякой возможности, очень близка каждому читателю, каждому писателю Советского Союза: литература должна отражать богатую нашу действительность, выраженную в живых, конкретных, одухотворенных образах, в образах полнокровных и таких же прекрасных, как прекрасна наша революция. Но в то же время А. Гурвич требует от писателя вдумчивого анализа, придирчивого и притязательного раздумья; он горячо, например, возражает против «доверчивой любви к миру», которую он нашел в пьесе Погодина «Мои друг».

Требования критика, обращенные к писателям, в то же время далеки от какой бы то ни было нормативности, от стремления загнать художника в узкие формалистические рамки. В этом смысле А. Гурвич диалектичен, его интересуют не готовые, «удобные» формы, а самая логика социалистического реализма.

Разбираясь в ней, он приходит иногда к точным формулам, так необходимым для осознания законов социалистического реализма, но его формулы заключают в себе очень просторное и всегда развивающееся движение. Он, например, говорит: «Емкость художественного произведения обратно пропорциональна его пластичности. Чем более выпуклы, яркие и осязаемы образы, тем меньшее количество материала ими может быть охвачено».

Движение мысли в этой формуле в то же время вовсе не абстрактно, она все время держится на одной параллели и с литературными явлениями и с явлениями жизни.

В книге много серьезных и свежих обобщений, отсутствует риторика. Проходя «в поисках героя» по страницам художественных произведений и пьес, А. Гурвич умеет просто, без наморщенного лба, апеллировать и к жизни и к марксизму. Поэтому он никогда, ни одной минуты не кажется сухим книжником, умеющим только повторять великие мысли великих людей.

Необходимо отметить и хороший меткий язык А. Гурвича, спокойно - дружественный тон. Он умеет требовать, не оскорбляя, умеет пошутить, не оставляя впечатления зубоскальства.

«В поисках героя» — хорошая, полезная книга. И очень жаль, что она издана таким небольшим (4000 экз.) тиражом.

А.С. Макаренко. Соч. в 7 т., т. VII, с. 277 – 279. Впервые опубликовано в газ. «Известия», 29 авг. 1938 г. Отзыв о книге А. Гурвича, сборнике его литературно-критических статей (Изд-во «Искусство», М., 1938).

В статье развиваются мысли и заключения А.С. Макаренко – писателя и литературного критика, литературоведа, высказанные им ранее в связи со статьей О. Войтинской «Стандарт и жизнь» (в «Литературной газете»), в статье «Против шаблона». Продолжается разработка проблемы «Художественная литература и жизнь», что вполне может рассматриваться в параллели с проблемой «Педагогика и жизнь».

Освещается движение литературных явлений «на одной параллели с явлениями жизни», сочетание «живой страсти писателя и его хорошо отточенного ума». Литература должна отражать «богатую нашу действительность в одухотворенных образах», в логике «просторного и развивающегося социалистического реализма», отвергая «узкие формалистические рамки» художественного творчества, не допуская просто «доверчивой любви к миру».

Письмо А. Ромицыну, 31 августа 1938 г.

Москва, 31 августа 1938 г.

Уважаемый тов. Ромицын!

Ваше письмо огорчило меня в ином плане. Я и без того точно знал, что сценарий «Флаги на башнях» принят не будет, и знал, что причины этого заключаются в отходе от тех тематических, а еще более сюжетных, а еще больше идейных стандартов, которые приняты в нашей кинематографии и от которых почему-то мы никак не можем избавиться. Я хорошо знал, что нужно писать нечто похожее на сценарий «Семиклассники» (сейчас по этому сценарию снимается фильм), где обязательно модельный кружок, благословенные пионеры и добрые дяди.

Меня огорчило другое. Что общего можно найти в моем сценарии и в «Аристократах» или в «Путевке в жизнь»? Я изображаю счастливей и активный детский коллектив в моменты наивысшего и красивого подъема его жизни, изображаю настоящий, живой уголок социализма, в котором как в фокусе отображаются все явления нашей «взрослой» жизни[1] и, прежде всего, отражается борьба с врагом.

Я рассчитывал, что такой уголок жизни, показанный детям, даст очень много живых политических и этических толчков для их духовного развития, сообщит им начала того советского благородства, которое так необходимо. Я мог ожидать письма о том, что эта художественная цель выполнена в сценарии плохо, я никак не ожидал сравнения моей работы с «Путевкой в жизнь». В моем сценарии действуют «нормальные» дети и юноши, и тема «перековки» вообще не поднимается.

Все это меня так удивляет, что я склонен даже сомневаться, прочитан ли мой сценарий с достаточным вниманием.

Впрочем, в этом случае спорить — совершенно излишнее дело. Я глубоко убежден, что после выхода из печати книги «Флаги на башнях» одна из студий по собственной инициативе предложит переделку повести в сценарий.

Что касается вопроса о новом сценарии, предлагаю следующее. У меня есть тема о советской семье и школе, намеченная для 2-го тома «Книги для родителей». В центре темы лежит политическое и моральное развитие двух мальчиков[2], затрудненное отдельными обстоятельствами. На деле именно эти затруднения диалектически вызывают мобилизацию энергии воспитателей и приводят к успеху выдающемуся. Тема развивается в остром сюжетном плане.

Сценарий могу представить к 1 декабря.

Сейчас я нездоров (был обморок на улице) и раньше как через две недели приступить к работе не могу.

О Вашем согласии прошу написать.

Привет *А. Макаренко*

Москва 17,
Лаврушинский пер., 17/19, кв. 14

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 7, с. 184. Отмечается его резкое несогласие с тематическими, сюжетными и идейными стандартами, принятыми в кинематографе для детей.

[1] Педагогическое учреждение, в котором, «как в фокусе, отображаются все явления нашей «взрослой» жизни», - это исходное положение педагогики А.С. Макаренко.

[2] Замысел художественного произведения «Два товарища» («Мальчики») относится к середине 1930-х гг.

***Дополнения.* С конца августа до конца сентября 1938 г. А.С. Макаренко в** *Переделкино, «доме отдыха», «санатории».*

Публикация третьей части «Флагов на башнях» **в «Красной нови», № 8, 1938 г.**

Флаги на башнях. Часть третья (фрагменты)

…4. Первое мая

Все шло в колонии прежним строгим порядком. В шесть часов утра играл Володя Бегунок побудку:

Ночь прошла, вставайте, братья,
Наступает новый день.
Бросьте лень,
За мотор,
За верстак и за топор!
Нам
Встать пора к трудам!

И уже при весеннем утреннем солнце просыпается колония, шумит в спальнях и коридорах, затихает на поверку, наводняет вдруг столовую и потом разбегается по цехам и классам; чуть-чуть звенит рабочая тишина дня. В обед снова слышится смех, снова жизнь кажется искристой и шумной. И так до вечера, когда в классах собираются кружки, в парке отдыхающие, пацаны носятся, долетают звуки оркестра — сыгровка. И деловые, и дружеские, и серьезные, и зубоскальные движения как будто тонкими ниточками соединяются в руках строгого, подтянутого дежурства, которое все знает, все видит, всему дает направление и размах. И, может быть, в душе дежурного бригадира всегда отражается и та глубоко спрятанная молчаливая тревога, которая у каждого возникает, когда он вспоминает ограбленный театр колонии. Может быть, потому о занавесе не говорят и не вспоминают, как не говорит о нем и дежурный, проверяя уборку в театре каждое утро.

Счастливым, душевным, ясным торжеством пролетели дни Первого мая. В городе колония прошла мимо трибуны вслед за войсками, прошла прекрасной взводной колонной с общим салютом, и оркестр играл «Военный марш» Шуберта. На трибуне радовались привету первомайцев, каждому взводу сказали отдельное приветствие, и видно было по выражению лица Крейцера, что он гордится своей колонией.

Ваня играл уже в оркестре. Второй корнет, на котором все приходится выделывать «эс-та-та», его, конечно, не удовлетворял, было завидно, что другие играют на первых корнетах и кларнетах, у них интересные, сложные «фразы», а у Вани никаких фраз, только «эс-та-та». Но такова уж судьба всех музыкантов: сначала они играют на вторых корнетах, а потом на первых.

Второго мая в колонию приехала целая группа военных — все командиры, и один даже с ромбом. Они осматривали колонию, ужинали с колонистами, а вечером были на спектакле. Перед спектаклем было общее собрание, бюст Сталина стоял на сцене, украшенный цветами. Когда оркестр проиграл на балконе три марша, Захаров подал команду, и знаменная бригада внесла знамя. Пока шло торжественное общее собрание, знамя стояло рядом с бюстом Сталина и возле знамени — два часовых с винтовками. Ваня ходил стоять к знамени вместе с Бегунком, стоять было и сладко и страшновато: а вдруг у Вани что-нибудь не так выходит.

Главный командир сделал доклад о международном положении, а в конце доклада сказал:

- Мы приветствуем вашу колонию еще и потому, что она поднимает на свои молодые плечи замечательное дело: завод электроинструмента. Красная Армия с гордостью примет вашу продукцию: она будет гордиться тем, что вашими руками сделаны эти машинки, которые мы сейчас импортируем из-за границы, конечно, в недостаточном числе, и платим за них золотом. Это прекрасно, что ваши молодые руки будут производить эти машинки, которые так нужны для обороны страны и которые избавят нас от импорта! А потом ваши руки возьмут винтовки, вы тоже будете в Красной Армии, будете стоять на защите нашей великой страны. И прямо вам скажу, думаю, что со мной согласны и все мои товарищи, присутствующие здесь: нам нравится, как вы живете, у вас счастливая дисциплина, красивая дисциплина, у вас замечательный почет красному нашему знамени, у вас все делается вовремя, с полным сознанием. Это правильно, и мы вас за это благодарим.

Ване приятно было слушать эти слова, и он воображал, как придет и его время, и он тоже будет в Красной Армии, и у него будет в руках винтовка — пусть попробует кто-нибудь подумать, что Ваня не сумеет защищать свою страну.

Он так заслушался командира, что забыл даже пораньше пройти в уборную. Дежурный бригадир шепнул ему:

- Тебя Маленький ищет.

Ваня побежал в уборную, моментально оделся, Маленький его намазал, привязал к плечам крылышки и дал в руки пальмовую ветку. Пьеса была написана Захаровым и называлась «Рэд Арми»[1], что значит по-английски — Красная Армия. Ваня играл роль Мира. У него была трудная роль. Еще труднее была роль у Фильки Шария, который доказал-таки, что никто лучше него не сможет сыграть японского генерала.

На сцене было много всяких буржуйских генералов, они увешаны были оружием с ног до головы и все ссорились, то из-за угля, то из-за денег, а бедный Мир ходил между ними и просил:

- Дядя, дайте копеечку.

Генералы издевались над Миром и морили его голодом, а только во время драк прятались за него и кричали:

- Мы за мир!

Потом Мир окончательно изнемог и решил, что нужно как-нибудь заработать себе на хлеб. У него появляются ящик для чистки обуви и щетки. Публика в зале сильно хохотала, когда Ваня начинал чистить сапоги разным генералам и спрашивал их предварительно: «Вам черной?» Ваня эту фразу вставил по собственному почину, и Захарову она очень понравилась. Все-таки и работа по чистке генеральской обуви не поправила жизни Мира. А в это время за пограничным столбом росла и росла сила Красной Армии, все прибавлялось и прибавлялось страха у фашистов. И тогда Мир, радостный, перебрался через границу. Наступила для Мира хорошая жизнь, его приодели в новую рубашку и научили стрелять из пулемета. И только тогда стало тихо на сцене, и фашисты притихли и скалили зубы на красноармейцев:

Ваня очень удачно изображал Мир. Он умел и громко плакать, и хорошо чистить ботинки, и с радостным оживлением защищать себя рядом с Красной Армией. После спектакля его познакомили со старшим командиром, тот поставил его между колен и сказал:

- Ваня Гальченко! Молодец! Это вы правильно показали: только Красная Армия защищает мир, это правильно. А эти все вояки только и думают, как бы пограбить. Знаете что? А нельзя ли так устроить, чтобы вы к нам приехали, показали вашу пьесу! А?

Ваня далее сомлел на секунду от этих слов, побежал за кулисы и рассказал всем, какое предложение сделал ему командир. А потом и Захаров пришел за кулисы,

и командиры. Было решено, что в ближайший выходной день драмкружок поставит свою пьесу в Доме Красной Армии.

И действительно, через неделю приехали автобусы и повезли оркестр и драмкружок в Дом Красной Армии. Всем зрителям очень понравилась пьеса. Оркестр играл вторую рапсодию Листа и «Фауста», и «Кармен», и «Кавказские этюды»[2] и «Гопак» Мусоргского, и еще одну вещь, которая всех развеселила — «Забастовка музыкантов». Она состояла в следующем.

Виктор Денисович, дирижер, подымает палочку, а музыканты начинают галдеть: не желаем играть, уморились, до каких пор играть! Так как действительно сыграли уже много, публика поверила искренности протеста, многие, конечно, и смутились таким поведением музыкантов, но раздались и отдельные возгласы:

- Отпустите детей, надо же им отдохнуть! В самом деле, замучили!

В первом ряду сидел тот самый командир с ромбом и улыбался. Виктор Денисович сказал публике:

- Вы не обращайте внимания! У них, действительно, плохая дисциплина, но я их хорошо держу в руках. Пожалуйста: я буду дирижировать стоя к ним спиной, а они будут играть, как тепленькие и ни одной ошибки не сделают.

Публика притихла перед таким оригинальным состязанием дирижера и оркестра. Но один голос все-таки крикнул:

- Отпустите ребят, не нужно их мучить!

- Они привыкли,— сказал Виктор Денисович.

Командир с ромбом громко захохотал. Виктор Денисович обратился к волнующемуся оркестру и сказал свирепым голосом:

- Марш «Походный»!

Музыканты, подавленные такой строгостью, заворчали, но подняли грубы. В публике даже привстали, чтобы лучше рассмотреть, как дирижер усмиряет своих музыкантов. Виктор Денисович повернулся к оркестру спиной и поднял палочку. И действительно, все замерло и в зале и на сцене. Дирижер взмахнул палочкой — и загремел веселый «Походный марш». Палочка бодро ходила над плечом дирижера, а его лицо гордо смотрело на публику. Но Филька Шарий первый встал со стула, махнул рукой, дескать, не буду больше играть, и ушел за кулисы. За ним с таким же протестующим жестом ушел Жан Гриф, потом Данило Горовой со своим басом. Музыканты уходили один за другим, но марш продолжался, и Виктор Денисович делал умильное лицо, наслаждаясь музыкой. Такое же лицо было у него и тогда, когда на сцене остались трое: Ваня, выделывающий «эс-та-та», завывающий тромбон и большой барабан.

Публика до слез хохотала над дирижером и совсем изнемогла, когда ему пришлось дирижировать одним барабаном. Только теперь все поняли, в чем состоял секрет номера. Виктор Денисович, оглянулся в панике и тоже бросился удирать.

Собственно говоря, этот номер не имел музыкального значения, но именно он окончательно сроднил публику с колонистами. Все смеялись, вызывали музыкантов, а потом со смехом повели их и актеров ужинать. Только поздней ночью были поданы автобусы, и, тепло провожаемые хозяевами, колонисты уехали домой. В эту ночь пришлось мало спать: рабочий день все равно начинался в шесть, часов…

12. ***Под знаменем***

В июле старики, окончившие десятый класс, начали готовиться к поступлению в вузы. Поэтому и Надежда Васильевна не поехала в отпуск, а осталась работать со «студентами», как их называли колонисты, несколько предупреждая события. Настоящие студенты, поступившие в прошлые годы в разные вузы, человек около тридцати, еще в июне съехались в колонию и поставили для себя три палатки, не с того края, где девочки, а с противоположного. Настоящие студенты хотели работать на производстве, чтобы помочь колонии, но Захаров и совет бригадиров не согласились на это: у студентов была большая трудная работа зимой, а теперь им

нужно отдохнуть. Захаров каждого рассмотрел, заставлял и юношей и девушек поворачиваться перед ним всеми боками, некоторым говорил:

- Никуда не годится, дохлятина какая-то, а не студент. Запиши его на усиленное питание!

Студенты возражали:

- Так никогда экономию не сделаете, Алексей Степанович.

- А вот мы тебя откормим, это и будет экономия.

Но студенты нашли для себя кое-какую работу. Иногда они дежурили по колонии, и в таких случаях находился для них и парадный костюм. Другие работали у садовника, третьи помогали Соломону Давидовичу по снабжению, а некоторые занимались с будущими студентами, потому что Надежде Васильевне было одной трудно.

Между прочими готовились в вуз и Нестеренко и Клава Каширина. Комсомольское бюро постановило освободить Нестеренко и Клаву от обязанностей бригадиров, чтобы у них оставалось время для подготовки.

На общем собрании должны были состояться выборы новых бригадиров пятой и восьмой бригад. И вот тут оказалось, что жизнь вовсе не такая скучная особа, как некоторые думают. Восьмая бригада единогласно выставила своим кандидатом Игоря Чернявина, а пятая бригада — так же единогласно Оксану Литовченко! Игорь никогда не думал, что так близко от него стоит высокий пост бригадира. Когда в восьмой бригаде Нестеренко открыл заседание и предложил называть кандидатов в бригадиры, вся бригада, как будто сговорившись, повернула лицо к Игорю, и Санчо Зорин сказал:

- У нас давно уже решено: больше некому — Игорь Чернявин!

Когда это «давно» было решено, почему об этом Игорь ничего не знал, так и не удавалось выяснить. Игорь с жаром протестовал, протестовал очень искренне, потому что испугался: бригадиру мороки по горло, а дежурить по колонии — благодарю покорно. Воленко уже додежурился, теперь мрачный ходит, и нужно за ним смотреть. Игорь указал и на Санчо Зорина, и на Всеволода Середина, и на Яновского Бориса, и на старого колониста Михаила Гонтаря, и на Савченко Харитона, и на Данилу Горового, наконец, есть помощник бригадира Александр Остапчин, ему в особенности уместно принять управление восьмой бригадой от Василия.

Нестеренко выслушал слова Игоря спокойно и так же спокойно рассмотрел предложенный им список.

- Санчо горячий очень, ему нельзя быть бригадиром восьмой, он всем нервы испортит, тай годи. Александр Остапчин хороший помощник, это верно, а если бригадиром станет, из-под ареста не вылезет, трепачом был, трепачом и остался. Данило Горовой, конечно, хороший товарищ и колонист, а только пока от него слова дождешься, там всякое дело сбежит, не поймаешь. Яновский будет добрым бригадиром, а только политической установки в нем мало, все больше о своей прическе думает. И Середин будет хорошим бригадиром со временем, пусть подождет, авторитета в колонии еще не завоевал. А что касается Миши Гонтаря, так Миша Гонтарь — шофер, оканчивает курсы завтра и сразу на машину. Его линия уже к концу приходит, и бригадирства с него как с козла молока, хотя, дай господи, царица небесная, каждому такого хорошего товарища и такого человека хорошего. Рогов — молокосос.

Нет, это правильно решила бригада — Игорь Чернявин бригадир, да и какого нам нужно рожна: и мастер хороший, и комсомолец на отлично, и общественник. Только ты, Игорь, держи бригаду спокойной рукой, любимчиков чтобы не было, на помощника не особенно полагайся. Бригадир должен быть веселый и все видеть, и не париться без толку, и не трепаться лишнее. И рука должна быть крепкая, власть — это тебе не пустяк, как там ни говори, а все равно Советская власть. Скажем,

приезжал к нам Эррио — французский министр. А я дежурил по колонии. Вот ты сообрази: я — дежурный по колонии, а за моей спиной кто? Весь Союз! Наври я что-нибудь, не так сделай, никто не скажет — Нестеренко виноват, а скажут: видишь, как у них в Союзе плохо все делается. Я и то заметил — за Эррио этим целая куча ходит, так и смотрят, так и смотрят. Нет, Игорь, власть бригадира должна быть крепкая.

А что касается дежурного бригадира, так и говорить нечего. Ты забудь, какой там у тебя природный характер: может, ты добрый, а может, мягкий, а может, ленивый или забывчивый. Нет, если повязку надел, забудь, какой ты там есть: ты отвечаешь за колонию; Воленко вон на что добрый человек, а в дежурстве у него не покуришь. На что я — старый друг Воленко, пришли в колонию вместе, полтора года спали на одной постели, когда бедно было, а смотри: один раз я подошел к нему и спросил насчет обеда что-то, а он это посмотрел на Меня так... прямо, как собака, и голос у него такой... «Товарищ Нестеренко, не умеешь говорить с дежурным бригадиром! Приставь ногу, чего ты танцуешь!» Я сначала даже не понял, а потом и одобрил: правильно, дежурный бригадир служит целой колонии, и баста![3] Эх, Воленко, Воленко! Хороший какой колонист, а пропал, ни за копейку пропал! И бригада первая — уже не бригада! Видишь, виноват тут, собственно говоря, Воленко: всем верит, все у него хорошие, всех защищает, вот и посадили бригаду. Безусловно, вор в бригаде, а думать не на кого, и сам Воленко ничего не знает.

В комсомольском бюро кандидатуру Игоря поддержали так же единодушно, как и в бригаде. А когда наступило общее собрание, так только и было ответа, что аплодисменты, взял слово один Зырянский:

- Такие бригадиры, как Нестеренко, редко, конечно, встречаются, разве вот из Руднева вырастет такой же. Но и Чернявин хороший материал для бригадира. Вопрос, как его бригада выдержит: чтобы не распустился, не зазнался, не заленился, не заснул. Но восьмая бригада — старая бригада, нужно будет — поможет, А что касается Оксаны Литовченко, так это, прямо скажу — находка. Предлагаю голосовать за Оксану и Игоря!

Ни одна рука в собрании не поднялась против предложенных бригадами кандидатур. И сейчас же после этого дежурный бригадир подал команду:

- Под знамя встать, смирно! Салют!

Игорь и не видел, что возле бюста Сталина давно уже стоят шесть трубачей и четыре малых барабана. Это они развернули над собранием торжество знаменного салюта, и Ваня Гальченко теперь уже знал, в чем настоящая его прелесть: знаменный салют — это сигнал на работу, оркестрованный старым дирижером Виктором Денисовичем.

Когда знаменная бригада выстроилась против бюста Сталина, вышел к знамени Захаров и Игорь понял, что он должен делать. Рядом с ним стояла Оксана — рядом с ним! Это было счастливое предзнаменование: под нарядным, таинственно священным красным стягом они действительно рядом начинают свой жизненный путь! И как это здорово — они начинают его с трудной и почетной службы славному коллективу первомайцев! Игорь не умел плакать, и поэтому слезы кипели у него в сердце, а у Оксаны — честное слово, у Оксаны слезы были в глазах, ах, какие все-таки эти женщины! Да что — женщины, если старый бригадир Нестеренко и тот чего-то моргает и моргает, а рапорт Захарову отдал тихо и с хрипом:

- Товарищ заведующий! Восьмую бригаду трудовой колонии им. Первого мая Игорю Чернявину сдал в полном порядке!

О, нет! Игорь Чернявин имеет больше оснований волноваться, чем Нестеренко, но он отдаст рапорт, весело и звучно, Как и полагается бригадиру. И Игорь показал всем, как нужно рапортовать заведующему. Звонко, со строгим лицом, подняв руку на уровень лба[4], сказал Игорь Чернявин под знаменем:

- Товарищ заведующий! Восьмую бригаду трудовой колонии им. Первого мая от колониста Василия Нестеренко принял в полном порядке!

Потом передавали пятую бригаду. Конечно, у этих девочек столько нежности в голосе, у Клавы столько серебра, у Оксаны — столько теплоты и волнения! И все-таки у них, у девчат, это был не настоящий рапорт, а так... разговор по душам с заведующим, уместный больше наедине, в кабинете, чем в торжественном зале под бархатным знаменем, перед двумястами строгих, замерших в салюте колонистов…

19. ***На новом заводе***

Еще раньше уехали и старые и новые студенты. Их провожали торжественно, говорили речи под знаменем, эскортировали всем строем до вокзала и на вокзале кое-кто даже поплакал, конечно не четвертая бригада.

Плакали больше девочки, которым было жалко расставаться с Клавой Кашириной, но и восьмой бригаде и другим не так легко было проводите Нестеренко, и Колоса, и Садовничего, и Гроссмана.

А на место уехавших прибыли новые. Были здесь и семейные, и «с воли», и из-под ареста, и мальчики, и девочки. В день их прибытия Игорь Чернявин был дежурным бригадиром. Вспомнил он тот день, когда Воленко принимал его, и радостно стало и грустно: где теперь Воленко?

Новеньким лафа теперь в колонии. Уже замки висят на старых цехах Соломона Давидовича, и осенняя поросль — до чего шустрая! — начала уже прикрывать старые дорожки, протоптанные колонистами. Стадиону так и не удалось сгореть. Пришли рабочие и в несколько дней разбросали это замечательное сооружение. И никто о нем не пожалел, даже Соломон Давидович вздохнул свободно и перестал ожидать пожара.

Соломон Давидович назначен сейчас начальником отдела снабжения и сбыта. В день назначения он благодарил колонистов за боевую и героическую работу на старом производстве, вспоминал, с каким напряжением, с каким страданием заработали они шестьсот тысяч на новый завод, говорил, что он никогда в жизни не забудет этот прекрасный год. И прослезился Соломон Давидович, и не стеснялся слез, и никто не упрекнул его за слезы. А потом воспрял духом и даже так сказал:

- Раньше я думал, что у меня потухающая кривая. А теперь скажу вам, товарищи колонисты, пока сердце бьется, не может быть потухающей кривой. Правильно сказал Санчо Зорин, что эту кривую оппортунисты выдумали.

Поздно вечером в кабинете Захарова Соломон Давидович уже забыл о старом производстве, а с большим энтузиазмом готовился к новому своему делу: снабжению и сбыту. И сказал Захарову:

- Со щитом или под щитом, а снабжение у нас будет неплохое, к вашему сведению.

Захаров обнял Соломона Давидовича, и только незначительное изменение предложил к его боевому кличу:

- Надо говорить «со щитом или на щите», Соломон Давидович. Так греки говорили.

- А «под щитом» — они не говорили?

- Нет, не говорили, Соломон Давидович.

- Под щитом, значит, им было без надобности?

- Совершенно верно. Так говорили греки, когда отправлялись па войну. Со щитом вернусь, — значит, с победой. На щите, — значит, принесут меня убитым. Со щитом или на щите.

Соломон Давидович внимательно прислушался к этой исторической справке и усомнился.

- Если я правильно понимаю, для нас подходит только со щитом, а на щите для нас абсолютно не подходит. Какой же смысл может быть для отдела снабжения на щите?

- Пожалуй.

- Тогда скажем так: со щитом или с двумя щитами! Это вполне приемлемо для отдела снабжения.

С таким исправленным классическим лозунгом Соломон Давидович и ринулся в новый бой. К его услугам скоро появилась легковая машина — газик, и на газике шофер — Миша Гонтарь.

Да, новеньким лафа сейчас в колонии! Они сразу пошли на новый завод, с первого же дня попали в такое место, которое иначе нельзя назвать, как земным раем!

17 сентября двести с лишком колонистов вошли в стены завода. Каждому было выбрано прекрасное место — кому в механическом цехе, кому в литейном, кому в сборочном, кому в инструментальном.

Механический цех помещался на первом этаже. Второго этажа, собственно говоря, нет, но есть балкон второго этажа, который проходит по всем четырем стенам огромного зала и не мешает этому залу освещаться с крыши. В механическом цехе стоит полсотни прекрасных станков, и советских, и заграничных: токарные, револьверные, шлифовальные, строгальные, зуборезные, фрезерные, сверлильные, долбежные. Каждый станок прекрасен, каждый по-своему наряден: у одного сияют никелированные части, другой солидно скромен в матовых отблесках стали, третий умен и изящен, как дипломат, четвертый красив в неповторимо привлекательных линиях своего черного зеркального тела. Маленький шепинг «Кейстон» еще жирно покрыт масляной желтоватой смесью. За ним ухаживают, его обмывают и наряжают Филька Шарий и Ваня Гальченко — новые его владетели.

Первыми завертелись токарные станки «Комсомольцы» и «Красный пролетарий». На них целиком перешли третья и десятая бригады. Через день начали работать револьверные — здесь Зырянский, Поршнев, Садовничий, Яновский и другие ветераны колонии. Скоро заработали тигли в литейном и в механическом цехе, появились блестящие алюминием части кожуха сверлилки: верхний щит, нижний щит, станина. Эти же блестящие детали скоро завертелись и в патронах токарных и револьверных.

На станках теперь требуется точная работа, а колонисты еще не искушены в точности, и поэтому они осторожны, как в лаборатории. Два раза в минуту берет колонист шаблон или штанген и проверяет деталь в работе. Верхний этаж — сборочный цех — почти целиком отдан девочкам и пацанам, здесь больше всего требуются их ловкие руки. До целой сверлилки еще очень далеко, но «узлы» уже начали собираться, и в девичьих руках заходили первые якори.

После школы в аудиториях и школьных кабинетах занимаются группы, организованные комсомолом для лучшего проникновения в тайны производства. Тайн этих немало, работа каждой детали представляет очень сложную задачу, разрешение которой связано и с характером станка, и е комплектом многих приспособлений. В сборке то и дело выясняется, что эту операцию нужно производить не так, а иначе, что многие детали лучше штамповать, чем точить. В электросверлилке целая система шестеренок, а с ними хлопот больше всего. Целую неделю ходил черный как уголь, угрюмый и неповоротливый инженер Беглов вокруг зуборезного «Марата». Вместе с Семеном Касаткиным они с замиранием сердца ожидали выхода очередной шестеренки, а когда шестеренка родилась — ее еще теплое тельце дрожит на ладони Беглова, — Касаткин чуть не, со слезами смотрит на ладонь инженера и говорит:

- Опять на концах съело...

- Съело.

- А давайте на модуль один попробуем!

Беглов смотрит в лицо Семена, но видит не серые большие глаза, а исписанный цифрами листок бумаги, на котором он, ночью высчитывав работу фреза модуль ноль семьдесят пять сотых.

- Нет... давай еще разок пройдемся этим чертом.

- Все равно не выйдет, — говорит Семен Касаткин, но покорно пускает свой сложный станок, и снова они стоят над станком и с замиранием сердца ожидают.

По цехам заходили контролеры: Мятникова, Санчо Зорин, Жан Гриф. В руках у них шаблоны, образцы и прочая точная механика. Между колонистами поселилось и прижилось новое слово «сотка». На втором этаже завертелся круглошлифовальный «Келенбергер», на который Александр Остапчин и Похожай распространили весь запас любви и заботы, какой только может поместиться в душе колониста. Шлифовка валиков и здесь производилась сначала с ежеминутной проверкой шаблоном. Через две недели Похожай научился слово «сотка» произносить без всякого почтения.

- Что прикажете? Снять на полсотки? Есть, товарищ инструктор...

Похожай пускает станок и чуть-чуть склоняется к нему: его глаза, его нервы, его пятые, шестые и десятые чувства — все сосредоточилось на подсчете бесконечно малых движений станка,— и вот хитрый, удирающий, неуловимый момент пойман. Похожай выключает станок и протягивает инструктору деталь!

- Есть на полсотки, товарищ инструктор! Получайте.

Завод разворачивается: уже в кладовых некоторые полки заполнены деталями, уже стружек стало выметаться из цехов полные ящики, уже и в совете бригадиров стали поругивать деревянные модели и просили молодого инженера Комарова дать объяснения. Комаров пришел с розоватым оттенком на обычно бледных ланитах и отбивался:

- Все, что можно было сделать в инструментальном цехе, сделано. Осталось еще сорок приспособлений, они будут готовы через неделю. Лимитирует сталь номер четыре, которую Соломон Давидович обещал...

Колонисты слушают Комарова, верят ему и уважают его, а все-таки спрашивают:

- Почему, когда привезли сталь номер четыре, так она два дня лежала в кладовой, а потом только догадались ее выписать?

- А почему чертежи кондуктора для детали сто тринадцатой с ошибкой?

Комаров краснеет еще больше и посматривает на Воргунова, а Петр Петрович говорит:

- Ага? Что ж вы на меня смотрите? Вы на них смотрите!

Филька Шарий сидит, как обыкновенно, на ковре и тоже высказывается:

- Это потому все, что Иван Семенович слишком много внимания... это... слишком много внимания Надежде Васильевне...

- Филька, — возмущается Торский, — что это такое, в самом деле! Всегда тебя выгонять нужно из совета!

Филька надувает губы и отворачивает лицо: он еще не помнит, чтобы к нему относились справедливо. Но и у Комарова положение после Филькиного выступления не из легких. Он быстро перебирает в руках инструментальные бумажонки и бормочет…

- Я не могу... такие разговоры... Я назначен работать, а не выслушивать...

Бригадиры дипломатически смотрят на окна, у Оксаны чуть-чуть вздрагивают губы. Захаров поправляет пенсне.

Вечером Комаров пришел к Захарову с заявлением об уходе. Захаров положил заявление перед собой и разглядывает почерк Комарова недоверчивым взглядом:

- Это не нужно, Иван Семенович!

- Как не нужно? Какое они имеют право... в личные дела…

- Да что ж тут такого? В наших личных делах нет ничего позорного. Все знают, что вы влюблены в Надежду Васильевну, все вам сочувствуют, радуются, а Филька, конечно, ничего не понимает в этих делах.

Комаров после этого случая дней десять ходил по колонии мрачный и старался не встречаться с Надеждой Васильевной. Через десять дней у него опять было столкновение с советом бригадиров, только уже по другому вопросу: совет хотел колониста Редьку перевести в механический цех. Комаров долго возражал против этого, а потом из себя вышел:

- Так и знайте: заберете у меня Редьку — ухожу с завода!

И смотрел после этих слов на бригадиров злой и бледный. Бригадиры удивились, а Филька произнес:

- А что ж? Он правильно говорит! С какой стати!

Совет бригадиров уступил, а вечером Захаров сказал Комарову:

- Видите, отстояли дело, ваш верх.

Комаров улыбнулся и прямо от Захарова пошел в гости к Надежде Васильевне.

Очень трудно в той части горизонта, где помещается сфера Соломона Давидовича, — там всегда толпятся грозовые тучи. Деньги все истрачены на строительство и оборудование, старый завод закрылся, новый еще не выпускает продукции. И Соломон Давидович «парится».

- Сколько угодно есть предложений. Дадут какой угодно аванс, только подпишите договор на сверлилки.

- Сверлилок еще нет, — отвечает Захаров.

- Но будут же, или они никогда не будут?

- Первые сверлилки будут, вероятно, плохие.

- Какое это имеет значение, плохие или хорошие, но их продать можно?

- Их продать нельзя.

- Алексей Степанович, говорите такие слова тому, у кого хорошие нервы, а у меня очень плохие нервы. Как это так: нельзя продать готовую продукцию?

Захаров молчит, и Соломон Давидович страдальчески вздыхает:

- Разве я теперь человек? Я теперь угорелая лошадь!

Новый завод, как и всякое настоящее дело, оказался трудным. Заедало то в одном месте, то в другом, таинственные секреты открывались там, где, казалось, все безоблачно и все предначертано. И не только нервы Соломона Давидовича иногда гуляли, но и в четвертой бригаде начинало дебоширить беспокойство, то самое беспокойство, которое иначе еще называется чувством ответственности. Новый завод колонисты воспринимали как небывалое и невиданное счастье, выпавшее на их долю[5]. Если они знали, что Октябрьская революция принесла людям новую жизнь, то для них эта новая счастливая жизнь была неотделима от завода электроинструмента. И поэтому так страстно хотелось, чтобы скорее выходили сверлилки, чтобы скорее приехали за ними представители Красной Армии и промышленности, чтобы как можно скорее Советское правительство издало приказ, запрещающий ввоз электросверлилок из-за границы.

Игорь Чернявин получил самый лучший станок на заводе — плоско-шлифовальный «Самсон Верке». Он стоит в углу механического цеха рядом с шепингом «Кейстон». Игорь Чернявин рассказывал товарищам:

- Этот станочек — самое симпатичное существо на свете. С ним даже разговаривать можно, такой он симпатичный.

Игорь и в самом деле разговаривал со станком, особенно когда приходил по утрам. Станок, действительно, у Игоря занятный: плоский предмет, который нужно шлифовать, ничем не прикрепляется к доске, а просто Игорь тронет выключатель сбоку, и деталь пристает к столу, как будто они из одного куска вырезаны.

- Магнитный стол, — говорит Игорь. — Магнитный стол — это вам не какой-нибудь дореволюционный патрон[6].

И все-таки Игоря постиг удар. В маленьком шкафчике, в самом станке, стоял флакон особого, дорогого машинного масла, которое с большим трудом добывал

Соломон Давидович исключительно для этого станка. И вот однажды утром пришел Игорь в цех, открыл шкафчик, а флакона не увидел. Может быть, Игорь забыл поставить его в шкафчик. Игорь обыскал станок, задумался, произнес тревожно:

- Синьор! Я вчера смазывал ваши части и поставил флакон в шкафчик! Куда вы его задевали?

Но шлифовальный молчал, и было видно по выражению его лица, что он тоже расстроен происшествием. Рядом на «Кейстоне» работал Филька. Игорь подозрительно посмотрел на Фильку и на шепинг, но у обоих выражение было самое добродетельное. Игорь целый день искал свое масло, так и не нашел. Подобные случаи перестали удивлять колонистов.

Кражи в колонии продолжались. С открытием нового завода они сосредоточились на инструментах. Не было дня, чтобы не пропадало что-нибудь возле того или другого станка: микрометр, штанген, приспособление, ключи, дорогие резцы. Захаров отдал приказ — после конца работы все сдавать в кладовую, кроме необходимых «текущих» вещей, приписанных к данному станку, а такие вещи запирать под замок в тумбочках. Это не помогло, потому что и из тумбочек, из-под замка, вещи все равно пропадали. Заведующий инструментальной кладовой, бывший литейщик Баньковский, только и делал, что составлял акты на пропавшие инструменты, приносил к Воргунову на подпись и говорил:

- Тут... в этой колонии, воров... половина. Вот увидите, они все раскрадут.

Воргунов неохотно, морщась, подписывал акты, отворачивался от Баньковского, а потом шел к Захарову:

- Что делать? Нельзя же работать! Микрометры — ведь дорогая вещь, их не так легко достать.

Захаров молча выслушивал, круто поворачивался на стуле, опирался руками на колени: на одну ногу кулаком, на другую ногу локтем, закусывал нижнюю губу. Воргунов следил за ним и спрашивал:

- Как вы думаете, сколько воришек есть в колонии?

Захаров отвечал, не меняя позы.

- Петр Петрович, воришки есть, конечно, но наши воришки — люди с чувством и сердцем, они на заводе красть не будут.

- А кто крадет? Кто? Я сплю и дрожу: если будут украдены фрезы, мы остановимся надолго. Таких фрезов во всем городе нет, они никому не нужны, кроме нас, а сделать фрез, вы знаете, что это значит?

Говорят, если у человека на лице родимое пятно, то он к этому привыкает. Кражи в колонии были тоже неприятным родимым пятном, которое искажало светлое человеческое лицо коллектива, но привыкнуть к нему колонисты все-таки не могли. Игорь несколько дней искал свое масло, другие искали свои микрометры и штангены, но думали все уже не о своих обиженных станках, а о большом всеобщем горе, о всеобщем бессилии коллектива.

Игорь еще искал свое масло, когда перед обедом в кабинет Захарова пришел дежурный бригадир Рыжиков и забыл далее стать как следует.

- Алексей Степанович, новая кража: все фрезы с зуборезных, до одного!

- Что?

- Ни одного фреза не осталось — восемнадцать штук!

Захаров снял пенсне, положил на стол, крепко прижал пальцы к глазам, потом долго натирал ладонями щеки, наконец, сказал:

- Есть!

- Обыск нужно, Алексей Степанович.

- Не нужно... обыска.

Рыжиков вздохнул, молча поднял руку и вышел…

21. ***Будем помнить***

К концу пришла эта маленькая история в маленьком детском коллективе, в скромной колонии им. Первого мая. Счастливый конец всегда отмечается торжеством, и искренно и открыто торжествовали первомайцы свою победу: действительно, к празднику 7 Ноября не осталось врагов в колонии, ни на производстве, ни в бригадах. Открытыми глазами теперь можно смотреть друг другу в глаза, и не стыдно никому видеть утром два узких флага на башнях главного здания.

В конце октября уехал в Ленинградское военно-морское инженерное училище им. Дзержинского секретарь совета бригадиров Виктор Торский. И когда стали выбирать нового секретаря, Илья Руднев сказал:

- Надо выбрать Игоря Чернявина. Он человек с далеким глазом.

Он тогда один говорил, что это Рыжиков — враг, а мы ему не поверили, Игорю. Нам нужен только такой председатель.

И, наверное, все так и раньше думали, потому что выбрали Игоря единогласно. Он сдал восьмую бригаду новому бригадиру Санчо Зорину и сел рядом с Захаровым, чтобы вместе управлять трудной работой колоний[7].

И первым делом нового секретаря было возвращение Воленко[8]. Адрес его хорошо сохранился в тайниках четвертой бригады. В Полтаву была отправлена делегация из трех колонистов, не пожалел для этого Захаров никаких денег. Делегация повезла Воленко письменное приглашение общего собрания возвратиться в колонию, деньги на дорогу и новый парадный костюм. С полным правом в эту делегацию включили и Ваню Гальченко, который тогда придумал взять у Воленко адрес.

Воленко возвратился на первый день праздника. Удивлялись, наверное, горожане, почему это первомайцы с демонстрации не домой пошли через Хорошиловку, а в противоположную сторону, к вокзалу. На широкой и красивой вокзальной площади они выстроились. Совет бригадиров и Захаров пошли к самому поезду, а когда они вышли на площадь вместе с Воленко, их встретили знаменным салютом. Двести пар глаз смотрели на Воленко, и не было ни одной пары, в которой не кипели бы слезы. И горожане смотрели на первомайцев и удивлялись: почему это такой стройный отряд мальчиков и девочек под музыку замер в салюте и почему так заметно у них по щекам сбегают слезы? А потом поняли горожане, что это им показалось: когда дал Захаров команду «вольно» и все бросились здороваться с Воленко, а многие и целоваться, поняли горожане, что у колонистов не горе, а радость сегодня. Воленко прошел по фронту колонистов, тонкие его, строгие губы улыбались и с благодарностью к товарищам, и с гордостью за свою колонию. А когда опять стали колонисты в строй, вышел вперед Игорь Чернявин и, не обращая внимания на зрителей, на праздничную и счастливую, нарядную толпу, сказал:

- Дома будем говорить подробнее. А сейчас просим Воленко принять сегодняшнее дежурство по колонии. Нам будет приятно, если в день великого праздника дежурным бригадиром будет бригадир первой.

И тут же на площади Руднев и Воленко вытянулись перед заведующим. Руднев сказал: — Товарищ заведующий! Дежурство по колонии бригадиру первой бригады Воленко сдал. И Воленко сказал:

- Товарищ заведующий! Дежурство по колонии от бригадира десятой Руднева принял.

И было так радостно всем колонистам услышать голос Воленко, и казалось многим, что все прошлое было сном, и не было никакого Рыжикова, и не было никакого горя у колонистов. И еще радостнее было возвращаться домой через торжественный город, ставить легкую танцующую ногу под счастливый серебряный марш и видеть краем глаза, как любуются люди на тротуарах колонной первомайцев, и гордиться своей удачей в прошлом и своей удачей в будущем. Вечером на собрание приехал Крейцер, поздравлял колонистов с праздником, с возвращением Воленко, а потом сказал:

- Дорогие друзья! Только не успокаивайтесь. На своей шкуре вы почувствовали, как трудно бороться с врагом. Разве у вас Рыжиков не был бригадиром первой? Разве вы не тянулись перед ним и не говорили «есть, товарищ дежурный»? А он вовсе был не товарищ, а если и был дежурным, так это был дежурный враг. Смотрите, вы теперь знаете, что такое враг и сколько он зла может принести.

Враг никогда не придет к вам сереньким и скучным. Он всегда будет в самые глаза ваши пролезать, в самую душу проникать, он всегда постарается вам понравиться, он захочет кое-что сделать для вас, чтобы вы считали его своим товарищем. А вы смотрите внимательно, вы уже многому научились. Есть у вас такой Подвесько. Слышал я, он провинился перед вами, а вы его даже не наказали. Правильно, потому что провинился по неопытности и по ошибке. Смотрите и дальше разбирайтесь в этом. И вам это нужно, и Советской стране.

Теперь колонисты за каждым словом Крейцера видели сущность вопроса. Они видели, как опасен и скрытен может быть враг, и они готовились встретить его в жизни с неприкрытой, уничтожающей ненавистью, встретить в самом начале его предательства.

Не прошло и месяца, как вместе со всем Союзом они увидели страшный смертельный взмах вражеской руки и на всю жизнь запомнили это видение.

В этот день Захаров вышел из своей квартиры поздно. Ночью он работал и, уходя спать, сказал часовому, что на поверке не будет. Правда, он слышал сигнал побудки, но не спешил. Выйдя во двор, он по привычке остановился у дверей и бросил общий взгляд на колонию. Выло еще темно, но уже краснело небо на востоке. На фоне зари он видел флаги на башнях главного корпуса и... что-то странное происходило с флагами. Один из них вдруг начал опускаться. На фоне красной зари он казался черным, спускаясь, он вздрагивал, и его узкий конец подымался. На середине флагштока он остановился, и начал спускаться второй флаг. Захаров с усилием старался вспомнить: второе декабря... нет... что-то случилось! Он побежал к главному зданию. Среди темных кустов цветников на него налетел Игорь:

- Что такое? Почему флаги?

- Киров... Алексей Степанович! Киров[9]... убит!

- Что... Откуда знаете?

- По радио сейчас только...

Захаров вбежал в здание. Растерянная толпа колонистов забила весь вестибюль. Говорили шепотом, чего-то ждали, на диване плакала девочка. Дежурный бригадир Оксана Литовченко проталкивалась к Захарову:

- Алексей Степанович, не могу дежурить.

- Как это «не могу»?

- Я не могу, Алексей Степанович!

Захаров понял, что от нее толку уже не добьешься. Она упала с рыданиями на диван, повторяя одну и ту же, ставшую уже бессмысленной, фразу: — Ой, не могу, ой не могу, Алексей Степанович!

Он стал отстегивать ее повязку. Колонисты смотрели на Оксану с молчаливым испугом, их глаза напряглись в неподатливых поворотах, они хотели быть мужчинами. Захаров отдал повязку Игорю.

- Кому дежурить? — спросил Игорь.

- Дежурить? Захаров забыл, что он хотел сказать. — Дежурить... Ты о чем меня спросил?

- Кому дежурить?

- Ага... — Захаров хотел сообразить, и что-то мешало ему. Он, наконец, нашел выход:

- Дежурь сам. Понимаешь, сам дежурь. Сейчас... Общее собрание немедленно. Оркестр. Да... Креп пошли ко мне домой... Креп на знамя.

Захаров прошел в кабинет. На всех диванах в комнате совета и в кабинете сидели малыши и молчали, заложив руки между колен. Они сидели тесно и неподвижно. При входе Захарова встали машинально и машинально подняли руки, а потом снова опустились на диван и снова заложили руки между колен. Захаров не обратил на них внимания, сел за стол и задумался. Наконец догадался:

- Расскажите... подробнее, что передавало радио.

Малыши с большим трудом, помогая друг другу, рассказали ему о том, что слышали. Донеслись сигналы общего сбора и сбора оркестра. Малыши сорвались с дивана и побежали в зал, но и на бегу они сегодня были как бы неподвижны. Общее собрание началось в подавленном, тяжелом молчании. Встретили знамя, увитое черным крепом, обернулись к Захарову:

- Товарищи! Страшное горе и страшное преступление... Оказывается, мы даже не знали, какие есть подлые враги, сколько еще злобы и ненависти против нас, против нашего государства, против наших вождей. Теперь вы понимаете, что это такое, товарищи колонисты?

- Понимаем! — ответили как один двести колонистов, ответили негромко, единодушным задумчивым ропотом. И сорок трубачей заиграли революционный траурный марш «Вы жертвою пали в борьбе роковой...», потом шопеновский марш, марш торжественной скорби. Увитое горестным крепом бархатное красное знамя склонилось. Вышел вперед секретарь совета Игорь Чернявин и сказал:

- Жизнь наша... и наше счастье, товарищи, в наших руках. И из наших рук его хотят вырвать. Стреляют! Сволочи, они убили Кирова, они думали что? Они думали: одних убить, других запугать, третьих обмануть! Они так думали! А для чего? Для того чтобы вернулась старая жизнь, которая им нравится, потому что в той жизни они будут хозяевами, а мы будем у них рабочей скотиной[10]! Мы будем рабочей скотиной?

Они не знают, гады, они не знают, что мы уже привыкли быть людьми, настоящими людьми, рабочей скотиной мы теперь не сумеем. Так мы и скажем: синьоры, мы не умеем! Колонисты! Скажите, что я правильно говорю: и сейчас, и когда вырастем, и всегда будем помнить товарища Кирова, и всегда будем помнить, кто его убил и для чего! И не простим, и не пощадим, уничтожим каждого, кто станет на нашей дороге. Только я говорю: не нужно ждать момента, не нужно ничего ждать. Каждый день, каждый час думать об этом.

Теперь мы еще лучше знаем, для чего наш завод! Наш завод — это вооружение, это борьба, это новые люди, и такие люди, которые не подкачают и ничего не простят. Нестеренко поехал в авиастроительный, Колос поехал в университет, Миша Гонтарь сел за машину — никто в рабы не пойдет. А этот день будем помнить. Я не знаю, что сказать, я хочу, чтобы этот день, как тревога, понимаете, как сигнал тревоги, мы всегда слышали. Я предлагаю: до той минуты, когда будут хоронить товарища Кирова, пусть наше знамя здесь, возле Сталина, стоит, пусть стоит склоненным, и мы станем с винтовками. Каждый колонист будет помнить, как он стоял на страже возле нашего знамени.

И двое суток стояло бархатное знамя колонии им. Первого мая, и день и ночь через каждые пятнадцать минут сменялись возле знамени парные часовые. Они стояли смирно с винтовками в руках, в парадных костюмах, только воротники белые сняли в знак траура. И до поздней ночи сидели на бесконечном диване в «тихом» клубе колонисты, а пацаны сидели на ступенях к бюсту Сталина и говорили шепотом.

А когда унесли знамя из «тихого» клуба и когда поднялись узкие красные флаги к верхушкам флагштоков и развернулись по ветру, с новой страстью, с новой настойчивостью, с новым разумом бросились колонисты к станкам, к школьным столам, к строгому порядку своего коллектива. Они продолжали идти вперед, они смотрели направо и налево и далеко, далеко видели: теряясь в туманных далях краев

и границ, шел вместе, с ними все вперед и вперед великий фронт социалистического наступления.

Жизнь продолжается, и продолжается борьба. И продолжается радость, уже отвоеванная в жизни, и продолжается любовь. Игорь Чернявин, у которого большой рот выражает теперь не только иронию, но и силу, Игорь Чернявин идет вперед, и в его руке рука Оксаны. И Ванда Стадницкая — мать и жена, ударница на заводе, идет вперед и улыбается всегда, когда вспоминает прошлые свои неудачи. И Ваня Гальченко и вся четвертая бригада — славная, непобедимая четвертая — серебряным маршем звенит по земле, и другие бригады с ними рядом, великие бригады трудящихся СССР - исторические бригады тридцатых годов[11].

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 6, с. 230 – 233, 266 – 269, 297 – 303, 309 – 312. Текст серен с первоначальной публикацией (в ж. «Красная новь», №8, 1938), результаты – в комментарии. Фрагменты третьей части см. в т. 6, с. 362.

Для понимания не только содержания «Флагов на башнях», сущности воспитательной системы коммуны им. Ф.Э. Дзержинского, но и педагогики А.С. Макаренко в целом весьма значимо сравнение с книгой: Куфаев В.И. Школа – коммуна им Ф.Э. Дзержинского. (Из опыта работы). – М., Учпедгиз, 1938. В ней говорится о фактически действующей параллельно с макаренковской коммуной дзержинцев спецшколы для «трудных» детей, открытый также в 1927 г., но в системе Наркомпроса РСФСР.

Это полная противоположность идеям и опыту А.С. Макаренко, точное отражение состояния и «кредо» советской педагогики и школы в период, когда в них в конце 1920-х гг. начала утверждаться педолого-педагогическая концепция. И это – также с обращением к имени Ф.Э. Дзержинского!

Характерные черты деятельности этой спецшколы: в основном «перевоспитание», «особый режим», отсутствие идеи коллективного хозяйствования в организации труда, нет установки на создание единого коллектива воспитанников и педагогов, превалирование идей и правил «школы учебы».

Примечательно, однако, что В.И. Куфаев (вместе с другими сотрудниками научно – практического ин-та спецшкол и детдомов НКП РСФСР) в начале 1938 г. выступил в защиту А.С. Макаренко, стал одним из авторов первых публикаций о его педагогике вскоре после его кончины.

[1] Текст этой «пьесы» А.С. Макаренко не сохранился.

[2] Имеются в виду «Кавказские эскизы» М.М. Ипполитова – Иванова, советского композитора и музыкального деятеля.

[3] Ежедневно сменяемый дежурный по коммуне командир отряда («дежурный бригадир») по существу выполнял функции помощника заведующего коммуной, был его заместителем. Распоряжение дежурного исполнялись беспрекословно и с полным доверием. В колонии им. М. Горького в такой позиции выступал дежурный воспитатель («в паре» с дежурным командиром), во время «главного дежурства» (см. часть 1 данного издания, с. 116, а также часть 4, с. 206, 212).

[4] Салют рукой «на уровне лба» - в отличие от пионерского салюта (рука поднята выше головы).

[5] Далее в журнальной публикации следует: «Только тот, кто поработал на старом производстве Соломона Борисовича, мог постигнуть величественную прелесть нового завода, а колонисты все поработали».

В конце 9 главы, с. 251 – 253 и в других главах отмечается работа инженеров коммуны. Строительство коммунарского завода и его работа производились при немалом числе взрослых, специалистов производства и мастеров, квалифицированных рабочих. Совмещение воспитанников и взрослых в едином трудовом «воспитательном» коллективе педагогического

учреждения – фундаментально новое в педагогике А.С. Макаренко. Его теория и практика «воспитания в коллективе» базируются не на обособленном «детском коллективе», а на идее практического взаимодействия старшего и младшего поколений.

В лучшее периоды деятельности колонии горьковцев и коммуны дзержинцев численность взрослых и детей в коллективе выражалась в соотношении 1:3.

[6] Далее в журнале следует:

Возле магнитного стола Игорь и уроки готовит, и отдыхает. Даже образ Оксаны чуточку потускнел в сравнении со станком.

[7] Секретарь совета командиров отрядов коммуны («бригадиров») и зав. коммуной «вместе управляли трудной работой колонии». Это важнейшее в педагогике А.С. Макаренко: единство административно – правового управления и самоуправления. В деятельности коллектива преобладающей была морально – нравственная мотивация, основанная на чувстве чести, достоинства, долга, справедливости, общего блага. Это «одухотворенный коллектив».

[8] Воленко, заслуженный коммунар, командир отряда, ранее ушел из коммуны, не стерпев подозрения его в краже (см. т. 6, с. 262 – 265, 273 – 275).

[9] *Киров С.М.* **– гос. и парт. деятель, член Политбюро ВКП (б), секретарь ЦК партии, секретарь Ленинградского обкома ВКП (б), злодейски убит 1 дек. 1934 г.**

В «Флагах на башнях» это событие смещено на более ранний период деятельности коммуны, на время освоения производства завода электроинструмента (осень 1932 г.).

[10] Деление на «хозяев и рабочей скотины» - главное в макаренковской характеристике старого общества. Новое в советской, социалистической системе – коренное изменение положения человека в системе производства. Он не подневольный работник – «батрак», а активный участник управления производством, общественной жизнью страны.

Таким образом, раскрывается главное в педагогике А.С. Макаренко: она полностью определяется целью воспитания «гражданина – хозяина», «хозяйственной позиции по отношению к окружающему миру» (часть 1 данного изд. с. 167). И прежде всего это «хозяйствования» в сфере труда как основы «человеческого существования и культуры».

[11] В последних фразах «Флагов на башнях» подчеркивается наиглавнейшее в педагогике А.С. Макаренко: нераздельность педагогического учреждения и всей жизни государства и общества, органическая включенность молодого поколения в процесс динамичного, творчески – противоречивого развития экономики, социальной политики и культуры. Это превращение молодежи в один из ведущих факторов прогресса общества и человека, развития цивилизации.

«Не может быть!» - начальная глава второй части «Флагов на башнях», написанная дополнительно к отдельному изданию этого произведения

1. ***«Не может быть!»***

Колония им. Первого мая заканчивала седьмой год своего существования, но коллектив, собравшийся в ней, был гораздо старше. Его история начиналась довольно давно, на второй день после Октября, в другом месте, в совершенно ином антураже, среди полей и хуторов старой полтавской степи[1]. «Основателями» этого коллектива были люди ярких характеров и рискованной удачи. Они принесли с собой «с воли» много беспорядочной страсти и горячего фасона, все это было у них черномазое… собственно говоря, негодное к употреблению, ибо было испорчено

орнаментами культуры, так сказать, капиталистической, с маленьким креном в уголовщину.

Небольшая группа педагогов, людей обыкновенных и добродушных, по случайной раскладке заняла этот скромный участок революционного фронта. Во главе группы был Захаров, человек тоже обыкновенный. Необыкновенным и ошеломляющим в этом зачине было одно: Октябрьская революция и новые горизонты мира. И поэтому Захарову и его друзьям задача казалась ясной: воспитать нового человека! В первые же дни выяснилось, что дело это очень трудное и длинное. Тысячи дней и ночей — без передышки, без успокоения, без радости — пришлось пережить Захарову, но и после этого до нового человека оставалось еще очень далеко.

К счастью, Захаров обладал талантом, довольно распространенным на восточной равнине Европы, — талантом оптимизма, прекрасного порыва в будущее. В сущности, это даже и не талант. Это особое, чисто интеллектуальное богатство русского человека, человека со здоровой башкой и зорким глазом, умеющего различать ценности. До Октябрьской революции этим богатством души и веры спекулировали хозяева жизни, обращая веру в доверчивость, а оптимизм в беззаботность, расценивая эти качества как особые атрибуты замечательного «русского» прекраснодушия.

И народная вера в разум, в цену ценностей, в истину и правду, в общем, была выведена за границы практической жизни, в область легенд, сказаний и анекдотов, приноровленных для развлечения. Оптимистической силе русского народа потом приделали тульской работы ярлычок и написали на нем с самоуничижительным юмором: «Авось, небось и как-нибудь». И осталось для оптимизма прилично нищенское место, над которым можно было и посмеяться с европейским высокомерием, и поплакать с русской тоской.

В порядке не то высокомерия, не то тоски поставили на этом самом месте беломраморный дворянский памятник и написали на нем вдохновенные слова поэта:

Не поймет и не заметит
Гордый взор иноплеменный,
Что сквозит и тайно светит
В наготе твоей смиренной.

Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде царь небесный
Исходил, благославляя[2].

Это и все, что осталось от великолепного русского оптимизма к началу двадцатого века: наивность и умиление. Ибо только безгранично наивный человек не мог понять, что светит в смиренной наготе. Люди более практические ухмылялись в бороды: русский человек ограблен был весьма успешно, а по оптимизму своему даже и не обижался.

И только в 1917 г. неожиданное обнаружилось, что народный оптимизм есть нечто гораздо более сильное и гораздо менее безобидное. Без всякого расчета на «авось» и «как-нибудь», чрезвычайно основательно, с настоящей деловитостью, русский народ выгнал старомодных эстетов «за Черное море», и очистилось место для новой эстетики и для нового оптимизма.

Вероятно, в Западной Европе и до сих пор еще не могут понять, откуда у нас взялись простота и уверенность действия? Советский человек показал себя не только в пафосе загоревшихся глаз, не только в усилии волевого взрыва, но и в терпеливых ежедневных напряжениях, в той черной, невидной работе, когда будущее начинает просвечивать в самых неуловимых и тонких явлениях, настолько нежных, что

заметить их может только тот, кто стоит у их источника, кто не отходит от них ни помышлением, ни физически.

После многих дней и ночей, после самых бедственных разочарований и срывов, отчаяния и слабости наступает праздник: видны уже не мелочи и детали, а целые постройки, пролеты великолепного здания, до сих пор жившие только в оптимистической мечте. На таком празднике самое радостное заключается в логическом торжестве: оказывается, что иначе и быть не могло, что все предвидения рассчитаны были точно, основаны на знании, на ощущении действительных ценностей. И был вовсе не оптимизм, а реалистическая уверенность, а оптимизмом она называлась из застенчивости.

И Захаров прошел такой тяжелый путь — путь оптимиста. Новое рождалось в густом экстракте старого: старых бедствий, зависти, озлобления — толкотни и тесноты человеческой и еще более опасных вещей: старой воли, старых привычек и старых образцов счастья. Старого обнаружилось очень много, и оно не хотело умирать мирно, оно топорщилось, становилось на пути, наряжалось в новые одежды и новые слова, лезло под руки и под ноги, говорили речи и сочиняло законы воспитания. Старое умело даже писать статьи, в которых становилось на защиту советской педагогики.

Было время, когда это старое в самых новых выражениях куражилось и издевалось над работой Захарова и тут же требовало от него чудес и подвижничества. Старое ставило перед ним сказочно глупые загадки, формулируя их в научно-нежных словах, а когда он совсем не по-сказочному изнемогал, старое показывало на него пальцами и кричало:

— Он потерпел неудачу!

Но пока происходили все эти недоразумения, протекали годы. Было уже много нового, над чем хорошо следовало задуматься. Со всех сторон, от всех событий в стране, от каждой печатной строки, от всего чудесного советского роста, от каждого живого советского человека приходили в колонию идеи, требования, нормы и измерители.

Да, все пришлось иначе назвать и определить, новой мерой измерить. Десятки и сотни мальчиков и девочек вовсе не были дикими зверенышами, не были они и биологическими индивидами. Захаров теперь знал силы и поэтому мог без страха стоять перед ними с большим политическим требованием:

— Будьте настоящими людьми!

Они с молодым, благородным талантом принимали эти требования и хорошо знали, что в этом требовании больше уважения и доверия к ним, чем в любом «педагогическом подходе». Новая педагогика рождалась не в мучительных судорогах кабинетного ума, а в живых движениях людей, в традициях и реакциях реального коллектива, в новых формах дружбы и дисциплины. Эта педагогика рождалась на всей территории Союза, но не везде нашлись терпение и настойчивость, чтобы собрать ее первые плоды.

Старое цепко держалось на Земле, и Захаров то, и дело сбрасывал с себя отжившие предрассудки. Только недавно он сам освободился от самого главного «педагогического порока»: убеждения, что дети есть только объект воспитания. Нет, дети — это живые жизни, и жизни прекрасные, и поэтому нужно относиться к ним, как к товарищам и гражданам, нужно видеть и уважать их права и обязанности, право на радость и обязанность ответственности. И тогда Захаров предъявил к ним последнее требование: никаких срывов, ни одного дня разложения, ни одного момента растерянности! Они с улыбками встречали его строгий взгляд: в их расчеты тоже не входило разложение.

Наступили годы, когда Захарову уже не нужно было нервничать и с тревогой просыпаться по утрам. Коллектив жил напряженной трудовой жизнью, но в его

жилах пульсировала новая, социалистическая кровь, имеющая способность убивать вредоносные бактерии старого в первые моменты их зарождения.

В колонии перестали бояться новеньких, и Захаров потушил в себе последние остатки уважения к эволюционной постепенности. Однажды летом он произвел опыт, в успехе которого не сомневался. В два дня он принял в колонию пятьдесят новых ребят. Собрали их прямо на вокзале, стащили с крыш вагонов, поймали между товарными составами. Сначала они протестовали и «выражались», но специально выделенный «штаб» из старых колонистов привел их в порядок и заставил спокойно ожидать событий. Это были классические фигуры в клифтах[3], все они казались брюнетами, и пахло от них всеми запахами «социальной запущенности». Ближайшее будущее представлялось им в тонах пессимистических, дело было летом, а летом они привыкли путешествовать — единственное качество, которое сближало их с английскими лордами. То, что произошло дальше, Захаров называл «методом взрыва», а колонисты определяли проще: «Пой с нами, крошка!»

Колония встретила новеньких на вокзальной площади, окруженная тысячами зрителей, встретила блестящим парадом, строгими линиями развернутого строя, шелестом знамен и громом салюта «новым товарищам». Польщенные и застенчивые, придерживая руками беспомощные полы клифтов, новенькие заняли назначенное для них место между третьим и четвертым взводами.

Колония прошла через город. На привычном фоне первомайцев новенькие и на себя и на других произвели сильное впечатление. На тротуарах роняли слезы женщины и корреспонденты газет.

Дома, после бани и стрижки, одетые в форменное платье, румяные, смущенные до глубин своей души и общим вниманием, и увлекательной придирчивостью дисциплины, новенькие подверглись еще одному взрыву. На асфальтовой площадке, среди цветников были сложены в большой куче их «костюмы для путешествий». Политое из бутылки керосином, «барахло» это горело буйным, дымным костром, а потом пришел Миша Гонтарь с веником и ведром и начисто смел жирный мохнатый пепел, подмаргивая хитро ближайшему новенькому:

— Вся твоя биография сгорела!

Старые колонисты хохотали над Мишиным неповоротливым остроумием, а новенькие оглядывались виновато: было уже неловко.

После этой огневой церемонии [4] начались будни, в которых было все что угодно, но почти не было пресловутой перековки: новенькие не затрудняли ни коллектив, ни Захарова.

Захаров понимал, что здоровая жизнь детского коллектив законно и необходимо вытекает из всей советской действительности. Но другим это не казалось таким же законным явлением. Захаров теперь мог утверждать, что воспитание нового человека — дело счастливое и посильное для педагогики. Кроме того, он утверждал, что «испорченный ребенок» — фетиш педагогов — неудачников. Вообще он теперь многое мог утверждать, и это больше всего раздражало любителей старого.

Старое — страшно живущая вещь. Старое пролезает во все щели нашей жизни и очень часто настолько осторожно, умненько выглядывает из этих щелей, что не всякий его заметит. Нет такого положения, к которому старое не сумело бы приспособиться. Казалось бы, что может быть священнее детской радости и детского роста? И все это утверждают, и все исповедуют, но…

Приезжает в колонию человек, ходит, смотрит, достает блокнот и еще не успел вопрос поставить, а глаза его уже увлажняются в предчувствии романтических переживаний.

— Ну… как?

— Что вам угодно?

— Как вы… вот… с ними… управляетесь?

— Ничего… управляемся.

— Э… э… расскажите какой-нибудь случай… такой, знаете, потруднее.

Захаров с тоской ищет портсигар:

— Да зачем вам?

— Очень важно, очень важно. Мы понимаем… перековка… конечно, они теперь исправились, но… воображаю: как вам трудно!

— Перековка…

— Да, да! Пожалуйста, какой-нибудь яркий случай. И, если можно, снимок… Как жаль, что у вас нет… до перековки.

Захаров роется в памяти. Что-то такое очень давно, действительно, было… вроде перековки. Он смотрит на любопытного романтика и про себя соображает: как легче отделаться — доказывать ли посетителю, что никакой перековки не нужно, или просто соврать и рассказать какой-нибудь анекдот. Второе, собственно говоря, гораздо легче.

В подобных недоразумениях было для Захарова много трагического. А еще трагичнее вышло, когда приехали к нему приятели из Наркомпроса.

Они видели людей, машины, цветы, рассмотрели цифры и сводки. Вежливо щурились на предметы реальные и вежливо мычали над бумагой. Захаров видел по их лицам, что они просто ничему не поверили.

— Это беспризорные?

— Нет, это колонисты.

Володя Бегунок на диване неслышно хихикнул.

— А… вот этот мальчик! Был беспризорный?

Володя встал, бросил на Захарова секретный, дружеский взгляд:

— Я колонист четвертой бригады.

— Но… раньше, раньше ты был беспризорным?

Почему-то Володе стало неудержимо смешно, он быстро посмеялся в угол дивана. Отвечать все же нужно:

— Я… забыл.

— Как это забыл? Забыл, что ты был беспризорным?

— Угу…

— Не может быть!

— Честное слово!

Володя сказал это с искренней убедительностью, но им показалось, что мальчик над ними издевается, и это было вполне возможно, если принять во внимание, что здесь все в чем-то сговорились.

Приятели уехали расстроенные. Редко им приходилось встречать такой единодушный заговор. А разве в таком случае можно установить, где правда, а где очковтирательство. Во всяком случае, у Захарова чересчур уж благополучно.

— Не может быть!

— И если даже так, где же борьба? Где же сама педагогика? И где, наконец, беспризорные? Откуда он набрал этих детей?

У этих людей никогда не было оптимизма.

А. С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т.6, с.98-102. Хотя эта глава поставлена в начало второй части произведения, она по существу венчает его. Она звучит как исповедь и завещание А. С. Макаренко, подведение итогов его борьбы в педагогике. Это концентрированное выражение существа новаторства в науке и практике воспитания, глубоко прочувствованный и полемически острый ответ критикам не только «Флагов на башнях», но всем, кто всю жизнь противодействовал его педагогическому и литературно-художественному творчеству.

Он использует прием, примененный в «Педагогической поэме»,- введение в художественное повествование «теоретических глав». Заголовком главы стал главный тезис критиков «Флагов на башнях» - «Не может быть!» А.

С. Макаренко раскрывает глубинный смысл этого «аргумента», его методологическое значение в противостоянии новой педагогике.

Становится понятно: творчество А. С. Макаренко отвергают те, кто в основу педагогики положили философию пессимизма. Это не просто неверие в то, что была такая трудовая колония. Это неверие в воспитание и боязнь его, готовность «закрыть» педагогику как науку. Неверие в будущее, в решительное изменение мира к лучшему.

Концептуальная основа макаренковской педагогики – оптимизм, вера в общественный и человеческий прогресс. Это отражение интересов и чаяний народа, передовых сил общества – «педагогика завтрашнего дня», закрепляющая достижения культуры и активно, творчески действующая в современных условиях.

Романтика, поэзия, элементы идеализации в жанре «идиллии», характерные для «Флагов на башнях», необходимые в художественной литературе для подростков,- органически свойственны всей системе педагогики А. С. Макаренко. Романтикой проникнута и «Педагогическая поэма».

«У этих людей никогда не было оптимизма» - такими словами он заканчивает главу, говоря о преследующих его деятелях «вчерашнего дня». А. С. Макаренко «прошел тяжелый путь – путь оптимиста».

[1] Здесь и далее говорится о руководимой А.С. Макаренко в 1920-1928 гг. трудовой колонии им. М. Горького, располагавшейся 9-10 километрах от Полтавы.

[2] Строки из стихотворения «Эти бедные селения…» Ф. И. Тютчева (1803-1873).

[3] Клифт – жаргонное обозначение обтрепанного пиджака, главного атрибута одежды беспризорных детей.

[4] Церемония приема в коммуну большой группы беспризорных 13 ноября 1931 г. был предусмотрен специальным приказом по коммуне (РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 388, ч. III).

На всю жизнь – глава третьей части «Флагов на башнях», не вошедшая в отдельное издание этого произведения

Игоря здорово проработали на комсомольском бюро. Сначала он топорщился и угрюмо настаивал на своем, но потом принужден был согласиться: он поступил неосмотрительно, в подобных случаях нельзя выступать партизаном, не поговоривши в бюро, не посоветовавшись с товарищами. Он согласился выступить на общем собрании и сделал это без судорог:

- Я погорячился и обидел товарища необоснованным подозрением. Прошу Рыжикова простить меня.

Рыжиков ответил с добродушной миной:

- Ничего. Я не обижаюсь.

Так этот случай разрешился более или менее благополучно. Кражи вдруг прекратились, и многие склонны были объяснить это тем, что Левитин попался и теперь уже красть не будет. Колонисты продолжали свое наступление, но все понимали, что первой бригаде нанесен чувствительный удар, от которого она так скоро оправиться не может.

Игорь Чернявин быстро оправлялся от пережитых потрясений, да и жизнь помогала: колонисты уважали его даже больше, чем раньше, фронт колонистского наступления проходил уже на линиях сентября, новый завод был накрыт крышей, и начинали устанавливать станки.

А в один из выходных дней случилось... случилось счастье! Игорь сидел в парке на диване и читал «Двенадцать стульев». О. Бендер! Еще год тому назад

Бендер мог привести его в восхищение. А сейчас Игорь рассматривал его опытным комсомольским взглядом и понимал, что Бендер человек несчастный. Он так увлекся чтением, что свободно мог бы не заметить, кто там уселся рядом с ним на диване, мог бы, конечно, не заметить, если бы это была не Оксана. А сейчас он густо обрадовался, бросил книжку на траву, протянул к ней руку. Оксана была в белом выходном платье, она... но разве можно словами описать Оксану? У нее смуглый румянец, и загар, и краска смущения, и синевато-золотой блеск в глазах, и пушистый ореол каштановых волос... Игорь задохнулся, и что-то в его душе махнуло рукой, закрыло глаза и бросилось очертя голову... нет, не в пропасть, а куда-то в глубину неба на раскаленную сковородку солнца, все равно, куда! Игорь вдруг перестал ощущать деревья, кусты и дорожки парка, за парком здания колонии и в парках, и в зданиях милые бригады колонистов — все перестало существовать в мире, потому что на скамье, на краю скамьи сидела в белом платье Оксана, — она — Джульетта, и ей нужно сейчас сказать, все сказать...

Оксана начала было:

- Игорь, я иду в город...

Но Игорь не расслышал ее слов.

Город... это что такое город?..

- Оксана! Слушай, Оксана! Ведь я тебя люблю! Я тебя страшно люблю! Всю жизнь любить буду, всю жизнь, ты слышишь, Оксана?

Он крепко сжал пальцы одной руки, своей руки, а вовсе не руки Оксаны. Он наклонился к ней и старался заглянуть в глаза. Она не испугалась и не удивилась. Она так же сидела на краю скамьи в белом платье и неслышно дышала, чуть-чуть приоткрыв губы, в ее глаза заглянуть было невозможно. Игорь до боли выгнул пальцы своей левой руки, но боли не заметил: мир колебался вокруг него и сверкал каждой своей частичкой.

Игорь так мало, так скучно сказал Оксане о своей любви, он хотел еще что-то прибавить, но Оксана вдруг поднялась со скамьи. Было видно, что она хочет бежать, но ее глаза успели еще посмотреть на Игоря. И посмотрели.

Игорь теперь понял, куда он летит: он видел мгновенный взмах ресниц, открывший синевато-золотые просторы и влажное сияние зрачка, и видел благодарную ласку и набегающую слезу, и Игорь именно в этих глазах утонул и захлебнулся счастьем. Ему на миг показалось, что счастье в том, как Оксана сказала срывающимся голосом:

- Ой, Игорь, милый, не говори так, не говори так...

Оксана закрыла руками лицо, быстро повернулась и исчезла. Убежала она или просто спряталась за соседней группой кустов — нигде не мелькало ее белое платье. Игорь стоял у скамьи и глядел на брошенную на траву книгу.

Без раздумья и без ощущений он благодарил себя за высказанные слова любви и Оксану за ласковый взгляд. Потом поднял глаза и крепко сжал губы: мир восстанавливался вокруг него. Небо было синее и далекое, а на земле в летнем могуществе стоял парк, а за парком Игорь чувствовал здания колонии, и в зданиях милые бригады колонистов.

Игорь улыбнулся и поднял книгу. Он сделал это уверенным сильным движением. Он понял, что сегодня началась жизнь и для жизни впереди цветущие дороги. По ним он пойдет вместе с Оксаной. Они будут идти и улыбаться друг другу, они будут идти, взявшись за руки. Ромео — это, извините, совсем не то...

Вечером, после рапортов, он встретил Оксану в коридоре и сказал просто:

- Ты убежала... А зачем ты убежала? Мне нужно поговорить с тобой.

Оксана улыбнулась так, как будто разговор шел о прочитанной книжке:

- Мне было чего-то стыдно. Я потому и убежала.

В коридоре никого не было. Оксана поставила локти на подоконник и лукаво посмотрела на Игоря:

- Ты все уже сказал, тебе больше нечего говорить.

Игорь и свои локти поставил рядом. Их плечи коснулись. Длинный рот Игоря сделался теперь по-настоящему ироническим. Он сказал с прежним своим насмешливым задором:

- Миледи, вы ошибаетесь. У меня хватит говорить вам... на всю жизнь.

В окно светил яркий фонарь. Лицо Оксаны сделалось серьезным:

- Знаешь что, Игорь, скажи... сейчас, еще раз...

- И скажу: я тебя люблю, Оксана.

- И еще дальше...

- Я тебя страшно люблю.

Оксана, подпирая голову рукой, повернула к нему внимательное лицо. У Игоря дрожала нижняя губа, но рот был по-прежнему иронический.

- Игорь, знаешь что? Это, может, тебе кажется так?

- Нет, Оксана, я же тебе сказал — на всю жизнь.

Кто-то пробежал сзади них по коридору, они молча смотрели друг на друга.

- Миледи, это несправедливо: я все говорю, а вы ничего не говорите.

- А ты хочешь, чтобы я тебе сказала?

- Ужасно хочу, ужасно, Оксана!

- Ой, какой ты смешной!

- Почему я такой смешной?

- Потому что... потому что... я тебя дуже люблю, и уже давно, давно.

Игорь зажмурил глаза и хотел дальше слушать. Но Оксана ничего больше не сказала, а когда Игорь открыл глаза, он увидел ее улыбающийся взгляд и руку, протянутую к нему на подоконнике. Он взял эту руку и спросил:

- Оксана, на всю жизнь?

Она кивнула головой. Они стояли и смотрели друг другу в глаза. И, не отрывая взгляда, Оксана сказала:

- Ой, какой же ты, Игорь, тебе, наверное, целоваться хочется!

- Хочется, — прошептал Игорь.

Оксана приблизила к нему плечо и зашептала горячо:

- Нельзя, Игорь, целоваться, нельзя, дорогой мой! Если будем целоваться, стыдно будет в колонии жить. Колония ж наша, родная ж, наша колония, а мы с тобой, какие мы с тобой люди будем, разве ж можно, чтобы в колонии целовались?

- Один только раз...

Теперь Оксана держала его руку:

- Ой, не надо, миленький Игорь, а кто его знает, как с одного раза будет, а может, потом еще больше захочется.

- Ну, я тебе руку поцелую.

- Поцелуй вот сюда, только один раз, смотри ж, Игорь, один раз...

При фонаре было видно, как она покраснела. Помолчали, дружно глядя в окно, и Оксана опять зашептала:

- Ты сказал: на всю жизнь, так мы еще успеем, хорошо, мой милый? Хорошо? Давай учиться, давай колонии поможем, нехай будет счастливая наша колония, хорошо? А потом поедем в Москву, хорошо? В студенты, родненький мой, в студенты поедем: я на биологический, а ты на какой? Ты, мабудь, на литературный?

На каждое ее «хорошо» Игорь отвечал счастливым, глубочайшим движением души, только слов ему не хватало.

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 6, с. 357 – 358. В отдельном издании «Флагов на башнях» А.С. Макаренко опустил эту главу, имея в виду, что на нее особенно нападали литературные критики.

***Дополнения.* 1 сентября 1938 г. А.С. Макаренко заключил договор с киностудией «Союздетфильм» о сценарии молодежного** *фильма под условным названием «Настоящий характер»*, **срок сдачи – 1 января 1939 г.**

Опускула макаренкиана, № 9, с. 16.

Принципы характеров положительной молодежи

1. Сила. Мужество. Открытая вера. Благородство. Спокойствие. Скромность. Преданность. Любовь.

2. Чтение. Знание. Придирчивость. Наблюдательность. Покой. Понимание.

3. Суровость. Требовательность. Ум. Анализ. Понимание. Придирчивость. Душа. Талантов не много.

4. Глаз. Благородство. Чутье. Сомнение. С трудом выходит. Правдивость. Прямота.

5. Счастье. Доверие. Доброта. Культура души. Любовь к людям. Улыбка. Красота. Оптимизм.

6. Красота. Нежность. Талант. Обидчивость. Неуверенность. Нервность. Жажда ласки, заботы. Благодарность.

7. Яркий талант. Блеск. Принципы коллектива. Настойчивость. Понимание своей ступени. Марш. Отбрасывание лишнего.

8. Страсть. Наблюдательность. (Одно слово неразборчиво – А.Ф.) Резкость. Негибкость. В глаза.

9. (Два слова неразборчиво – А.Ф.) Понимание. Умение. Оптимизм. Анализ. Каждый шаг вперед – благо.

10. Восторг. Простите. Все ясно. Ничего не видит. Всему верит. Никогда не падает духом.

11. Восторг телячий. Визг. Эстетика. Слепота. Видит одну точку. Слезы на пять минут.

Балабанович Е.З. А.С. Макаренко. Человек и писатель. – М., 1963, с. 396 – 397. Источник: РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 28, л. 15, с об. Выделение 11 пунктов показывает, что этот перечень составлен, видимо, по характеристике 11 человек, воспитанников А.С. Макаренко. Среди них можно предположить наиболее характерных лиц и близких ему: А. Землянский, Л. Салько, О.В. Макаренко, А. Шершнев, Ф. Борисов, С. Калабалин. О. Кононенко и др.

Материал примечателен глубиной проникновения А.С. Макаренко в общий духовный склад личности. Это обращение к «культуре души», внимание к мироощущению молодого человека, к чувственному восприятию жизни. Это важнейший аспект в макаренковском понимании новых этических ценностей и целей воспитания. Характерно, что в «положительной молодежи» он замечает и зарождение отрицательных черт: резкость, негибкость, все ясно, всему верит и др.

Видна особенность А.С. Макаренко как писателя: художественно – поэтическое начало в его творчестве органически сочетается с научной объективностью, с тщательным изучением и анализом известных ему конкретных жизненных фактов и явлений.

Письмо Н.Ф. Шершневу, 7 сентября 1938 г.

7 сентября 1938, Москва

Дорогой Николай!

Наконец-то ты объявился! Давно уже знаю, что ты уехал во Владивосток, писали ребята из Комсомольска[1], а чего уехал, надолго ли, было неизвестно.

Письмо твое интересное, по письму видно, что за последнее время ты здорово расширился и поумнел, прости за такое прямое слово, в нем не только нет

ничего обидного, а даже наоборот. Если человек может поумнеть в 30 лет, это очень хороший признак, прямо существенный признак!

Страшно приятно было узнать, что ты учишься. Это замечательно и говорит о тебе тоже прекрасно...

В твоем письме точные, ловкие высказывания о литературе. Во всем с тобой согласен. И. Катаева «Хлеб», конечно, пузырчатое явление. И вообще, никто сейчас ничего хорошего не пишет и, вероятно, не напишет. Почему? Черт его знает почему.

Думаю, что здесь не «рамки» виноваты, а виновата война. Литература — это сугубо мирное дело. Когда все более или менее отстоялось, стабилизировались мирные гнезда, есть достаток и покой, можно писать, мыслить, итожить, найти свою индивидуальность, свое слово, можно писать. Сейчас борьба, и все нужно для борьбы, писательский организм работает обязательно плохо[2].

Я и своими писаниями недоволен, и чужими. Едва ли кто-нибудь кого-нибудь лучше. Читать ничего не советую — ничего путного нет. «Честь» и «Флаги» сделаны наскоро. «Флаги» немного лучше, «Честь» немного хуже, все равно это не то, что я должен сказать и могу сказать.

В истории коммуны им. Дзержинского была своя драма, не менее острая, чем в горьковской, но об этой драме я еще не хочу писать, подожду, пока в душе уляжется[3].

Темы, конечно, есть, но у меня какая-то духовная неопределенность. Я знаю, что нужно сказать, но вопрос «как сказать?» — вопрос чрезвычайно трудный. Способ педагогической поэмы — от первого лица — уже не годится, а вот от третьего я никак не найду стиля. «Честь» сделана в одном стиле. «Флаги» в другом. Сейчас заканчиваю новый роман (для «Молодой гвардии»)[4], может быть, в нем поймаю стиль за хвост. Пока знаю только одно: штампованных, стандартных вещей делать не буду.

Живу очень напряженно, много работаю, часто впустую. Переутомился, 5 августа был обморок на улице. 10 октября еду в Кисловодск лечиться. Дома все хорошо, но уже начинается старость. Ты пишешь о «напоре», хорошая вещь, но «напор» делается годами, а на годы у меня расчета нет. Одним словом, я сделался чересчур мудрым.

Приезжали ко мне Павло[5] и Семен[6]. Павло — на Самарском гидроузле, Семен — завдетдомом на Винничине; тоже стареют. Кажется, ты моложе всех себя чувствуешь. Про твои любовные дела ничего не скажу. Женитьба тоже дело сомнительное.

Очень хочу с тобой повидаться. Но как? Зимой к тебе и не доедешь.

Привет от всех наших. Целую.

Твой *А. Макаренко*

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 8, с. 94 – 95.

[1] Имеется в виду город – новостройка Комсомольск-на-Амуре, куда ранее уехала группа выпускников коммуны им. Ф.Э. Дзержинского.

[2] Это еще один яркий пример макаренковского диалектического восприятия действительности: важно быть «в гуще борьбы» - и необходимость «отсроченного», спокойного ее осмысления.

[3] Следовательно, изображение коммуны дзержинцев в «Флагах на башнях» романтически – идеализированно (в соответствии с художественным замыслом, назначением и жанром этого произведения) – не единственный аспект макаренковского осмысления ее опыта, он диалектически включает и серьезную «драму», напряженный социальный конфликт. А.С. Макаренко стремился к все более масштабному и разностороннему познанию социально – педагогических явлений.

[4] Говорится, видимо, о «Путях поколения».

[5] *Архангельский П.П.*, **выпущен из колонии им. М. Горького на рабфак в августе 1924 г. (В списке колонистов, относящемся к кон. авг. – нач. сент. 1922 г. он не значится). Окончил инженерно-мелиоративный факультет Харьковского сельхозинститута. В 1930-х гг. на ирригационной работе в Средней Азии, затем на строительстве гидроузла в Поволжье.**

В Великую Отечественную войну – командир саперных подразделений. В 1944 г. бригадный инженер 1-й гвардейской воздушно-десантной бригады, затем дивизионный инженер, гвардии майор. Награжден двумя орденами Отечественной войны, орденом Красной Звезды, медалью «За отвагу».

Один из прототипов А. Задорова в «Педагогической поэме».

[6] **Говорится о С.А. Калабалина.**

Ньютоновы кольца. Роман. Посвящается XX – летию комсомола (в описании)

Жизненная ситуация: переоборудование завода водопроводной аппаратуры, освоение производства пленочных фотоаппаратов. Инженеры «ищут какую-то хроматическую аберрацию», устраняют явление «ньютоновых колец»[1] в оптической части фотоаппарата.

Глава первая – «В кабинете». Выделено 6 частей: 1. «Рабочий день прошумел с обычным неряшливым перестуком...» Упоминаются Бакурин, Векслер, С. Найдовский, Куперман; 2. «Подушка с голубым бантом...» Елена Павловна, Маньковский; 3. «За широким окном почернело и исчезло небо...» Троян, Куперман; 4. «Вокруг Бакурина вращались запутанные...»; 5. «На небе стояла настоящая ночь...»; 6. «И Бунчук может ошибаться...»

Глава вторая – «Микроны». 4 части. 1. «Над входом, на втором этаже...» Алла Петровна Пономаренко, Хромов, Наташа, Лабуренко, Орлова; 2. «Наташа вытащила из стола «Три мушкетера»...; 3. «Елочка спросила...»; 4. «Очень поздно вышла на крыльцо Валя Осипова...»

Глава третья - без названия (оставлено место). 1. «Дождь шел с утра...» Бакурин - из города в коммуну, через лес.

Фролов А.А. А.С. Макаренко: Московский период творчества (1937 – 1939 гг.). Хроника дел и мыслей. – Н. Новгород, 1997, с. 68 – 69. Полный текст: РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 36, авт. машинопись с правкой А.С. Макаренко, 48 с. Доработанный текст – 5 глав, отмечены даты: 28 авг. – 2 дек. 1938 г.

А.С. Макаренко отходит от наименования «Пути поколения» (далее в его дневниковых записях оно не упоминается). Он возвращается к замыслу романа в 3 – 4 частях, над которым начал работать в кон. 1928 – 1929 гг., еще не определившись в «Педагогической поэме» (см. часть 1 данного издания, с. 319 – 327). За основу берется пьеса «Ньютоновы кольца» (осень 1934 г., см. часть 3 данного издания, с. 290 – 292, 296 – 315). Затем, осенью 1935 г. возник план романа под этим названием (см. часть 4 данного издания, с. 163 – 164), где главный герой – Д.И. Бакурин (автобиографический образ). Этот материал весной 1937 г. трансформируется, оформляется как роман «Человек» (см. часть 5 данного издания, с. 220 – 227, глав. герой – Д.И. Бакурин).

В данных «Ньютоновых кольцах» вместе с Д.И. Бакуриным действуют персонажи предшествующих вариантов романа (Куперман, Бунчук), пьесы «Ньютоновы кольца» (Куперман, Елочка), «Путей поколения» (Векслер, Маньковский, Троян, Хромов, Осипова, Лабуренко, несколько новых (Найдовский и др.).

Фрагмент этого материала (глава первая, части 3 – 5, без наименования главы и без выделения частей) под заголовком «Пути поколения» опубликован: Неизвестный Макаренко. Вып. 1 / сост. С.С. Невская, А.Н. Русаков, И.В. Филин.

– М., 1993, с. 24 – 45 (текст, подготовлен Г.С. Макаренко по автографу А.С. Макаренко).

[1] Образ «ньютоновых колец» (помех в оптической части фотоаппарата) А.С. Макаренко использует в рассмотрении проблемы воспитания и перевоспитания людей всем ходом новой жизни, преодоления разного рода «заскоков», помех в индивидуально своеобразном развитии личности. Главное внимание уделяется старшему поколению, взаимодействию поколений, общности судьбы старших и молодежи. Подробно см.: часть 3 данного издания, с. 313 – 315 (о пьесе «Ньютоновы кольца»).

Запись в дневнике, 26 и 28 сентября 1938 г.

26 сентября

Месяц был в Переделкине. Главные события за этот месяц:

1. По приглашению «Детфильма» подписал договор с ними на сценарий на тему о воспитании характера[1]. Срок 1 января.

2. Получил из Одессы письмо с отказом от сценария «Флаги на башнях» по тематическим соображениям. Предлагают написать второй сценарий на другую тему.

3. Написал два первых листа «Ньютоновых колец» и сдал «Молодой гвардии » 13 сентября, благодаря их страшному нажиму, к XX-летию Комсомола. Боюсь, что печатать они не будут, до сих пор ничего не сообщали.

4. Продолжал работу над «НК », но сделал еще только один лист, много провозился над планом.

5. Написал статью о Гурвиче (напечатали в «Известиях») и вторую статью о правах и обязанностях[2], которую, кажется, не печатают. Кроме того, статью в английский журнал о путях писателя в СССР — эту статью приняли[3].

6. Резник из «Гослитиздата» сегодня говорил по телефону, что они издают «ПП» и «Флаги на башнях» и еще что-то, что об этом послано письмо.

7. Из «Детиздата» ни слуху, ни духу.

8. «Литературное агентство», кажется, таки переводит «Флаги на башнях» (для издания на иностранном языке – А.Ф.).

Вечера, 25 сентября, по радио передавали отрывки из ФНБ — «Принятие Вани в колонию» и «Получение звание колониста». Читал Залесский и я несколько слов вступления[4].

От читателей поступают кое-какие устные отзывы. Китаева разогналась, сказала, что это выше поэмы.

Впереди работы:

Ньютоновы кольца» 20 п. л. срок 1 / 1
«Настоящий характер» 3 п. л. 1 / 1
«Сценарий в Одессу » 3 п. л. 1 / 1
«Книга рассказов» 10 п. л. 1 / XII
«Книга для родителей» т. 2 — 15 п. л. 1 / 1
«Пьеса» 4 п. л. 1 / 2
Итого: 55 листов[5]

Это нужно сделать к 1 февраля, т. е. за 126 дней, т. е. в день 0,43 печ. листа, норма совсем не убийственная — это значит по 8 ½ страничек в день. Если даже отбросить работу правки и перепечатки, то и то значит, что к 1 – 15 марта весь план может быть выполнен. Таблица в конце книги ведется по еще меньшей норме, по учету только чернового текста, по норме 0,40 - 8 страничек в день до 11 февраля включительно, на 55 печ. листов.

28 сентября

План выполняется: на вчерашний вечер было перевыполнение — вместо 1,2 листа — 1 лист, 35.

Какой-то стихоплет в № 8 «Совр. лит.» напечатал глупейшее четверостишие. (Видимо, с намеком на «Флаги на башнях» - А.Ф.).

Воспитание гражданина… / сост. С.С. Невская, с. 839.

[1] «Воспитание характера», установка на единство волевых и нравственных качеств личности – ключевой элемент в макаренковской системе ценностей личности и целей нового воспитания. См. ранее: «Воспитание характера в школе» - в начале данной книги.

[2] Эта статья, несомненно, очень важная, еще не известна исследователям. Она может быть обнаружена в архиве «Известий».

[3] Статья «Полнота советской жизни рождает красочные новеллы» опубликована в газ. «Moscow News» (Московские новости»), см. далее в этой книге.

[4] Текст этого вступления исследователям еще неизвестен.

[5] Этот перечень в основном заказанных А.С. Макаренко произведений показывает огромную социальную востребованность его творчества в это время.

Общие замечания к типам первых 10 глав романа «Ньютоновы кольца»

Б. - Развивается обильно и правильно. Отношения почти со всеми установлены...

К. -... Намечаются и правильные черты гниения под влиянием сумбурной атмосферы... В 12 главе истерика с ширпотребом, в 13 главе кража пятисот рублей... В 14 главе… то, что потом называется сумасшедшим домом...

Р. - ... К 10 главе должна хорошо выразиться любовь Р… В момент обмена партдокументов... Помощь комсомольцев... Действие происходит во время летнего процесса Тухачевского[1]…

Т. -... Намечен и пункт перелома, протеста против отношения А. к людям... Увидит находку в стахановском устремлении молодежи...

Х. -... Внутренне он страдает от хамства А. и марафета... Огромную роль играет судьба его дочери...

Хр. -... Уже с 15 главы намечается перелом, но это момент и самого тяжелого положения Хр., ...его оскорбляет А....

О. -... Он слеп, глух и ленив и таким должен остаться до катастрофы с А....

А. -... Отношение к Хл. - рядом с влюбленностью сына, ширпотреб и отношение к Нд. и Ос, а также разврат с Ле.

Ко. -... Самое громадное требование к жизни[2]… Ему нужно передать роль Абашидзе в «Ньютоновых кольцах»[3]…

И. - ... Как бы он не получился голубым... Левкина натура должна быть сохранена[4]…

Ос. -... Может проявиться ее сила именно в борьбе с натурой Ко.

Ор. -... В дальнейшем стахановский путь...

Л. -... Линии развития еще темны...

Нн. -... Его личная линия требует выяснения...

В. -... Нужно постараться, чтобы душа эта получилась действительно хорошая...

М. -... На столкновении с А. проявляется положительная сущность его бюрократизма, который перерастает у него в простое выполнение долга...

Ба. - Это отголосок старого стремления трудящегося человека к правде.

Бу ... Бедная душа... Придумать линию его просветления…

П. - ... Не нужно о ней забывать.

Хм. - ... Боюсь впасть в шаблон... Ей нравится близость к начальству и советский аристократизм семьи А.... Найти форму комического просветления.

Ал. -... Студент... без правды и души, поздно отравленный самомнением и оригинальным протестом в форме поисков религии и смысла, «цели» жизни... В оставленной записке винит только отца.

Ч. - Худший тип паразитического бюрократа. Зазнавшийся…

Ма. -... О нем нужно еще думать... Очень способный и остроумным человек...

Г. -... Чрезвычайно интеллигентная и философически радостно-спокойно настроенная натура...

Хл. - Внешне очень очаровательное существо, но совершенно изможденное какой-то дикой школой и диким воспитанием дома... Попадает в руки А. Только под влиянием катастрофы Ал. начинает приходить в себя...

Тв. - Роль мальчика еще не определилась…

Ке. -... Фабульно совершенно темно... Сдержана, многое начинает понимать...

Рд. -... В жизни неудачник, страстно предан своему делу…

Нд. -... Что делать с ним после увольнения, не знаю...

См. -... Пропадает вместе с А.

Что в романе усилить:

1. Отражение общих политических, в том числе и внешних событий.

2. Линии Ос., Н, Е.

Фролов А.А. А.С. Макаренко: московский период творчества…, с. 69 – 71. Дается в сокращении (см. отточия). Полный текст: РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 28, лл. 21 – 23, с об., машинопись.

Развитие персонажей – по «Списку действующих лиц и общих судеб» (к «Путям поколения», затем «Ньютоновы кольца»), см. по списку, данному ранее в этой книге. Там же см. расшифровку условных обозначений (одна – две буквы) фамилий персонажей.

У представителей старшего и молодого поколений отмечаются и положительные, и отрицательные черты: «стахановское устремление молодежи», «стремление трудящегося человека к правде», «самомнение и оригинальный протест» студента, «страстная преданность делу», «интеллигентная и философски радостная натура», «черты гниения», «паразитический бюрократизм», «хамство и марафет», «дикая школа», «советский аристократизм семьи», «близость к начальству» и др.

Сфера нравственности, духа, «культура души» рассматриваются по макаренковскому принципу: «в старом есть хорошее и плохое, в новом тоже есть хорошее и плохое», т.е. в диалектически – противоречивой связи преемственности и новаторства. Отмечается значение «общих политических, в том числе и внешних событий».

Раскрывается макаренковская «педагогика жизни», общества, действует главный воспитательный фактор – единый трудовой коллектив старших и молодежи.

Как и в семейном воспитании: проблема семьи как единого трудового коллектива, где ведущей является роль родителей. «Книга для родителей» (см. часть 5 данного издания) – это по существу книга о родителях. И не просто о семейном воспитании, а о семье как таковой, о ее положении в обществе и социально-педагогических функциях.

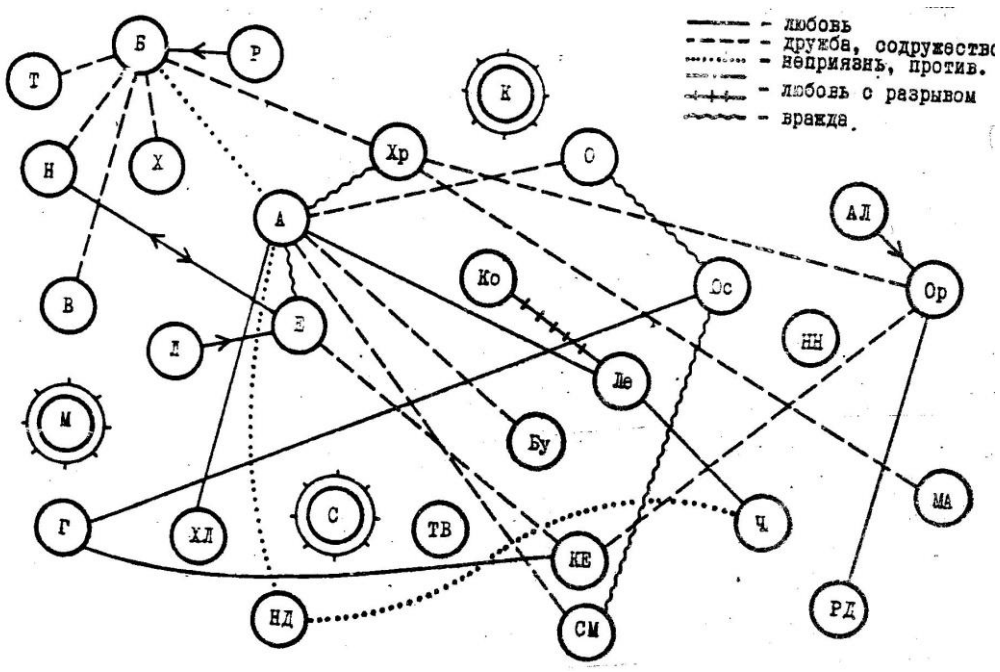
[1] Говорится о закрытых судебных процессах против крупных советских военачальников, видных деятелей партии и государства в 1938 г.

[2] Личностный уровень «требований к жизни» - важный компонент макаренковского этико-педагогического принципа «требования – уважения».

[3] **Имеется в виду пьеса «Ньютоновы кольца» (см. часть 3 данного издания).**

[4] **Имеется в виду Л.М. Салько.**

Схема персональных отношений заключительных (в «Ньютоновых кольцах»)



Неизвестный Макаренко. Выпуск 1 / сост. Невская С.С. и др. – М., 2003, с. 59. Источник: РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 28, л. 19.

Буквы в кружках – обозначение персонажей (см. ранее в этой книге: Список действующих лиц и их судеб). Кружки с двойной окружностью: Куперман, Маньковский, Супиков («нейтральные»). Группа слева вверху: Бакурин и др., на него действует Рязанова. Группа ниже – во главе с Аркановым (отец, «ослеп от бывшей важности и власти»). ОС – Осипова, ОР – Орлова, Ал – Арканов (сын), Е – Хромова, АЛ – Ходикова и др. – молодежь, 14 – 27 лет.

Некоторые линии связи со стрелкой: обозначается направление связи. В красном цвете. К, М, С – без связей, синим цветом, в двойных окружностях, красным и синим цветом. Тв, Нн – без связей, красным цветом.

Похоже на «социограмму» *Я.Д. Морено*, американского социального психолога и психиатра, основателя «социометрии» (1892 – 1974). Он считал, что душевная гармония человека является производной от его положения в группе, в системе межиндивидуальных влечений, симпатий и антипатий. В методах «социометрии» видел средство смягчения конфликтов, нормализации

морально-психологического климата общества, повышения производительности труда.

Над чем работает писатель А.С. Макаренко (по интервью)

А. С. Макаренко работает **над 2-м томом «Книги для родителей»**, собирается закончить его в этом году. Это будет «законченное художественное произведение», состоящее из 10 повестей, посвященных разным темам: дисциплине, дружбе, другим проблемам социалистической морали. Общая тема – «политическое и этическое воспитание молодежи». В конце – «выводы, публицистическая часть книги». Ряд новых тем, выдвинутых читателями 1-го тома, на него получил несколько сот отзывов.

3-й том будет посвящен трудовому воспитанию, теме выбора жизненного пути. 4-й – «вопросам счастья, советской эстетики», 4 тома - закончить в 1940 г.

Параллельно с этим - работа над **романом «Ньютоновы кольца»**, его начало уже передано в ж. «Молодая гвардия». Посвящается нашей молодежи. «Действие романа происходит в 1937 году на оптическом заводе, коллектив завода состоит из разных людей, имеющих свои достоинства, недостатки, свою личную жизнь…»

Фролов А.А. А.С. Макаренко. Московский период творчества…, с. 71. По корреспонденции «Над чем работают писатели» в газ. «Вечерняя Москва», 28 сент. 1938 г.

Стиль детской литературы

Мы привыкли к мысли, что понятие художественной литературы есть нечто совершенно определенное. Во всяком случае, с представлением о художественной литературе у нас связывается мысль о настоящем, высоком искусстве.

Когда мы говорим о литературе для детей, мы одновременно чувствуем два определения: во-первых, мы утверждаем, что эта литература тоже должна быть художественной, во-вторых, мы утверждаем, что она обладает какими-то особенностями, которые делают ее именно литературой для детей.

Что это за особенности, которые заключаются в художественной литературе для детей, и не заключаются ли эти особенности в изменении самого понятия «художественный»?

Этот вопрос становится особенно острым, когда мы вспоминаем, что слова «детская литература» объединяют целый ряд возрастных критериев: одно дело литература для детей 8 лет, другое дело — для детей 16 лет.

С первого взгляда может показаться, что и возрастные разделы в самой детской литературе и отличие художественной детской литературы от литературы для взрослых заключаются главным образом в тематике, в номенклатуре идей, в содержании. Однако трудно представить себе такую тему, которая не могла бы быть предложена детям. Даже любовь, обыкновенная половая любовь, не может быть исключена из сферы «детской» тематики, во всяком случае, можно представить себе книгу для детей, в которой будет написано: «Он женился на ней, и они любили друг друга».

Если бы кто-нибудь указал такую тему, которая возможна в литературе для взрослых и кажется противопоказанной в литературе для детей, то это значило бы только, что проблема такой детской тематики еще не разрешена и следует над этой проблемой потрудиться.

В самом деле, возьмем наши сегодняшние темы, наиболее для нас важные и захватывающие: защита страны, подготовка кадров, патриотизм, социалистическое строительство, дружба народов, счастье трудящихся, бдительность и борьба с врагами, стахановское движение, советская демократия. Все эти темы не только могут быть, но и должны быть предложены нашему молодому читателю. Сколько-нибудь серьезных и принципиальных ограничений «детской» тематики указать нельзя.

Интересно рассмотреть тематический вопрос с другой стороны: нет ли таких комплектов тем, которые уместны только в детской литературе и для взрослого читателя не годятся? Если бы такие темы нашлись, они могли бы в известной мере характеризовать особенности детской литературы и ее отличия от литературы для взрослых.

Однако при самых тщательных поисках ультрадетских тем нет никаких оснований утверждать, что такие темы могут быть найдены. Даже такие до конца беззубые новеллы, в которых рассказывается о том, как птичка прыгает на ветке, или изображается безмятежная вневременная и внепространственная идиллия:

А у нас над рекой
Тишина и покой,
И налима со дна
Я достану рукой
(«Дружные ребята», № 6).

Даже такие «детские» идеи свободно могут быть предложены и взрослым, среди которых есть немало охотников достать налима рукой и вообще насладиться природой без каких бы то ни было дополнительных приспособлений или соображений. Может быть, трудно найти в литературе для взрослых целые книги, посвященные подобным наслаждениям, но отдельные страницы и вставки попадаются часто.

Особенности, которые отличают «детскую» литературу от «взрослой», заключаются не в том, о чем рассказывается, а в том, как рассказывается.

Писателям, работающим в большой литературе, мы предоставляем обычно полную свободу стиля. Больше того, мы требуем, чтобы у каждого писателя был свой стиль, отличающий его от всех остальных писателей. Мы не требуем от писателя, чтобы у него обязательно был разработанный пейзаж, чтобы у него практиковались лирические отступления. Мы не обязываем его непременно показывать диалог, и можно назвать много авторов, у которых диалог почти отсутствует. Мы предоставляем писателю полную свободу в выборе метафор и не возражаем, если у него метафоры просто отсутствуют. Собственно говоря, очень трудно назвать или перечислить те стилевые каноны, которые считались бы общепринятыми и могли бы составить какой-нибудь свод художественных правил. Проза Пушкина и проза Л. Леонова стоят на разных концах стилевой линейки, оставаясь каждая в отдельности высокохудожественной прозой.

То, что мы требуем от писателя в обязательном порядке, лежит за пределами стиля как такового: реалистическая наполненность темы, яркость и выразительность образов и характеров; эмоциональная взволнованность текста или подтекста — вот то, чего мы, во всяком случае, ожидаем от художественного произведения, предоставляя автору какими угодно средствами идти навстречу нашим ожиданиям.

И если писатель беден в самой своей реалистической правде, невыразителен и неразборчив в образах, сер и скуп в своих явных или скрытых эмоциях, мы осудим его произведение, независимо от того, какие им употреблены художественные

приемы и средства, лаконичен он или многословен, употребляет метафоры или избегает их, живописует природу или обходится без природы.

Художественный минимум, невыполнение которого выбрасывает произведение из художественной литературы, обязателен и для произведений, предназначенных для молодого читателя. И в этом случае мы должны требовать реалистической полнокровной правды, яркости, впечатляемости образа и эмоционального подъема. При наличии всех этих качеств мы признаем художественную ценность произведения достаточной.

Но теперь мы уже не можем предоставить художнику такую же свободу в выборе изобразительных средств, иначе говоря, мы ограничиваем его в стилевом отношении. Если такое ограничение не выполняется, мы угрожаем автору... в лучшем случае мы угрожаем ему тем, что отнесем его произведение к разряду «взрослых». Фактически такая угроза никогда не существует, ибо дело обстоит хуже: удовлетворяя нашим стилевым требованиям в одном приеме, автор не выполняет их в другом. Произведение останавливается где-то посредине, между детским и взрослым читателем.

По отношению к детской литературе можно, стало быть, говорить о некотором своде стилевых ограничений или правил. В своей сущности они представляют педагогические акты, вполне естественные всегда, когда дело касается ребенка или подростка. Их происхождение заключается в самой природе ребенка, описывать которую в настоящей статье нет надобности отчасти потому, что она более или менее синтетически известна, отчасти потому, что эта природа отражается и в самых законах наших стилевых требований.

Размеры настоящей статьи не позволяют развернуть широкую логическую картину, не позволяют связать стилевые особенности детской книги с тем или другим признаком детства. В большинстве случаев бывает полезно выводить эту связь не из педагогической логики, а из прямого опыта, достаточно у нас известного и широкого.

Вообще в области детского чтения наиболее уместной остается индуктивная логика. В нашей советской действительности она должна направляться марксистским представлением о личности и коллективе, диалектическими законами развития. Именно поэтому мы, прежде всего, должны отказаться от какой бы то ни было идеи «остановившегося детства» (обычный порок педагогической дедукции).

Ребенок растет с каждым своим днем. Книга, прочитанная им сегодня, и та же книга, прочитанная им через несколько дней, встречает, в сущности, разных читателей и разный читательский прием. Наша книга не должна поэтому строго следовать за возрастным комплексом психики, она должна быть всегда впереди этого комплекса, должна вести ребенка вперед, к тем пунктам, на которых он еще не был. Поэтому в нашей детской литературе важны не стилевые законы формы, а стилевые законы движения. Нужно говорить не о канонах стиля, а о тенденциях стиля, принимающих самые разнообразные выражения в зависимости от того, какой ребенок, с какой подготовкой, с какими устремлениями берет в руки нашу книгу.

Наше детство настолько многообразно, что, в сущности, становятся совершенно условными наши возрастные представления. Одну и ту же книгу читают с одинаковым интересом и ребята 11 лет, и юноши 17 лет, и даже многие взрослые. Таких книг много, и это самые лучшие книги. Та книга, которая интересна только для определенного, точного возраста, — всегда слабая книга: в ней слишком ограничен комплекс идей и представлений.

Переходя непосредственно к описанию стилевых требований к детской литературе, мы должны еще раз об этом напомнить: речь идет не о правилах формы, а о тенденциях стиля.

Нам представляется удобным вести разговор о стилевых особенностях детской книги по определенным разделам:

Сюжет и фабула

Мы находим возможным по отношению к сюжету и фабуле предложить такую формулу: сюжет должен по возможности стремиться к простоте, фабула — к сложности. Сюжет — это схема развития идей и отношений. В детском возрасте опыт идейной жизни и опыт человеческих отношений еще весьма незначителен, почти не знает синтеза и обобщения, не знаком с исключениями и искривлениями. Сюжет «Преступления и наказания» или «Анны Карениной» — сюжеты, слишком сложные для молодого опыта. Эти сюжеты предполагают большее знание у читателя в области духовной жизни.

Для молодого читателя необходимы простые (более или менее простые), совершенно доступные пониманию и воображению схемы духовной борьбы. Какого бы то ни было «психологического» расцвечивания сюжета не должно быть в детской книге. Дети должны иметь перед собой совершенно ясные и совершенно здоровые картины отношений. Даже тематика внутренних конфликтов, колебаний, соблазнов, то, что в литературе для взрослых может послужить основанием для очень сложных драматических сюжетов, в детской книге должна выражаться в виде простых и коротких моментов. Тем более неуместны для молодого читателя сложные и изощренные сюжетные ходы по линиям духовного разложения, духовного страдания или наслаждения.

Фабула, то есть схема событий, внешних столкновений и борьбы, наоборот, может быть как угодно сложна и действенна. Ребенок любит движение, любит события, он горячими глазами ищет в жизни перемен и происшествий, его воля требует движения и перемены мест, и поэтому в детской книге не нужно бояться самой сложной фабулы, самой изощренной сетки событий. Если сюжет прост, книга не боится в таком случае никаких фабульных ходов, никакой таинственности, прерванных движений, таинственных остановок. Нужно с сожалением констатировать, что в нашей (русской) литературе мало мастеров фабулы, и поэтому до сих пир остаются у нас на первом плане такие авторы, как Марк Твен, Жюль Верн, Вальтер Скотт, привлекающие читателей напряженным и многообразным действием.

Из этого требования к фабуле вытекает, между прочим, и еще одно требование, которое может показаться на первый взгляд даже странным. Дети не любят коротких книг. В небольшой книге трудно развернуться действию. Не успев начаться, действие в них заканчивается. Даже при самой драматической и сложной завязке действие это количественно незначительно, оно не может втянуть в себя достаточное количество лиц, оно все-таки не сложно, оно не способно впитать значительную территорию.

Детское требование к сложности фабулы очень настойчиво: это не только любовь к сильным движениям, это и любовь к многообразию лиц, мест, времен, обстановок, напряжений. Именно поэтому дети больше любят «Детей капитана Гранта», чем «Таинственный остров». Остающийся на одном месте Робинзон, несмотря на свою старую славу, на самом деле не пользуется особенной любовью ребят. Робинзон относится к тем книгам, относительно которых взрослые самостоятельно решили, что они обязательно должны нравиться детям.

Точно так же дети не особенно любят читать «Дон Кихота», особенно в полном издании. Сюжет этой книги, та настоящая поэзия человеческого духа, которая так привлекает взрослых, детьми почти не воспринимается, фабула же этой книги, при всей ее действенности, очень однообразна.

Характер

Законы изображения характера в детской книге вытекают из соображений, высказанных выше. Простой сюжет и сложная фабула возможны только при очень экономной подаче характера. Психологический анализ обязательно усложнит сюжет и остановит движение действия. Поэтому нужно требовать, чтобы в детской книге действовали ясные, определившиеся и прямые люди. Описывать какое-либо

становление образа, его постепенное формирование довольно безнадежно в книге для детей. Айртон Жюля Верна[1] проходит путь от пирата и разбойника до, в общем, хорошего человека в очень скрытых формах, дети готовы принять на веру, что в душе он что-то, может быть, и длительно переживал.

Такое расположение духовных сил человека имеет и свое педагогическое оправдание. Наши дети должны вырастать цельными личностями, не нужно очень рано знакомить их с неясностью и неопределенностью человеческого типа. Герои детской книги должны быть цельными людьми, и между ними должна идти такая же цельная и напряженная борьба. Симпатии читателя должны без всяких колебаний становиться на сторону положительного героя.

Все это вовсе не значит, что все люди в детской книге не должны иметь характерных особенностей или характерного языка. Читатель должен различать своих героев и узнавать их с первого взгляда. Эти герои должны вызывать положительное или отрицательное чувство, но обязательно с разными оттенками. Одни должны вызывать преклонение, другие — уважение, третьи — любование, четвертые — радостную улыбку; пятые — заботу и нежность и т. д. Но все эти характерные извилины чувства должны быть только типичными извилинами и никогда не индивидуалистическими.

Только очень квалифицированный читатель способен наслаждаться редкими индивидуальными особенностями, усложняющими картину личности и делающими ее неповторимой. Дети еще не способны не такое эстетическое наслаждение. Личность героя для них важна не сама по себе, не в своей личной неповторимости, а исключительно как носитель действия, как участник борьбы. Какой бы занятной ни представлялась та или другая фигура в книге, ребенок принимает ее только по измерителям действия. Все личные особенности для него пропадают и мешают чтению, если они статичны, если они не отражаются на действии. Молодой читатель с радостью принимает юмор, насмешку, иронию, сарказм, если все эти выражения относятся к действию, а не назначены только живописать красоту личности.

Для автора в этом вопросе очень много и трудного и интересного. Он должен организовать в книге большое сложное действие, для этого необходимо как можно больше действующих, активных лиц. Они должны резко отличаться друг от друга, их лица должны быть разнообразны. И в то же время эти отличия не должны закрывать действие, не должны существовать сами для себя, и поэтому они должны быть по возможности ясны и действенны.

Живопись

Пейзаж, портрет, натюрморт, многие другие отделы живописи в детской книге должны иметь свое место, но в особом выражении. Безнадежно было бы рекомендовать для детского чтения пейзаж Бунина или портреты Чехова. Изощренность письма всегда соответствует изощренности сюжета. Пейзаж всегда отражает простую или гурманскую подачу героя. В простом сюжете детской книги неуместны никакие нюансировки пейзажа и невозможен никакой, даже самый слабый импрессионизм. «Стеклышко разбитой бутылки»[2] в детской книге не сделает лунной ночи. Должна быть названа луна, и должно быть сказано, что она освещает.

Это вовсе не значит, что в детской книге не должно быть описания красивого вида, но в таком случае кто-нибудь должен этим видом обязательно любоваться. В портрете необходимы только такие черты, которые позволяют представить себе внешность человека и которые прямо вызывают к нему симпатию или антипатию.

Вот приблизительно все, что хотелось сказать о стиле детской книги. Было бы очень печально, если бы мои слова были приняты как призыв к опрощению. Выше я уже сказал, что детская книга способна выдержать любую тематику, и я поддерживаю эту мысль настойчиво. Понятие действия вовсе не ограничено темой приключения и войны, то есть прямых схваток на поле.

Детский интерес очень многообразен. Даже научные открытия, самые сложные детали техники, самые глубокие проблемы морали могут быть предложены детскому вниманию. И это внимание всегда встретит писатель, если он расскажет обо всем этом в простом по сюжету и сложном по действию произведении, если у него будут действовать яркие и ясные герои, привлекающие любовь читателя и стремление следовать за собой.

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 7, с. 185 – 190. Впервые опубликовано в ж. «Детская литература», 1938, № 17 Ежемесячный литературно-критический и библиографический журнал ЦК ВЛКСМ; (отв. ред. И.В. Слепнев, сторонник секретаря ЦК ВЛКСМ *А.С. Косарева*, **арестованного осенью 1938 г.). Номер 17 вышел в сентябре, с примечанием: «Редакция приглашает тт. писателей, критиков, работников детской книги высказаться по вопросам, затронутым в статье т. Макаренко». Возможно, что инициатива в таком обсуждении (по профилю журнала) принадлежит А.С. Макаренко.**

В этой статье он продолжает возбуждать полемику по проблеме детской литературы, важнейшей в его социальной педагогике. См. его предыдущие выступления: «Детство и литература» (часть 5 дан. издания), «Воспитательное значение детской литературы» (ранее в данной части 7).

Как разработчик социально-педагогической концепции, «педагогики жизни», он настаивает на том, что детская литература может и должна отражать жизнь по всем ее направлениям, без каких-либо исключений. Но при обязательном условии: учитывать ограниченность жизненного опыта детей, особенность их восприятия жизни на данном возрастном этапе. Необходимо следовать «индуктивной» педагогической логике, содействовать развитию «духовных сил человека» на основе деятельного восприятия жизни.

Необходимо выходить за пределы имеющегося «возрастного комплекса личности», как это установлено в педагогической психологии *Л.С. Выготским* **и его последователями (использование «зоны ближайшего развития», определение психологических особенностей личности в их действии и в динамике; следование идее: воспитание – обучение «ведет за собой развитие».**

Нужно преодолеть в литературе для детей концепцию «остановившегося детства», характерную для «дедуктивной» педагогической логики, опирающейся на разного рода шаблонные предписания о детстве и воспитании. Это означает и преодоление педологической концепции педагогики, стремящейся лишь фиксировать «статус кво», дифференцировать детство и строить воспитание на основе имеющегося данных, игнорируя их качественное изменение на основе развивающегося жизненного опыта детей.

Так А.С. Макаренко в определении содержания и художественного стиля детской литературы применяет главное в его педагогике: прогрессивно – опережающая функция нового воспитания, практическая система «перспективных линий». Успех его педагогической теории и практики основан на глубоком понимании природы, психологии детства, потребностей возрастного развития и их наиболее полном удовлетворении в ходе воспитания.

Мысль А.С. Макаренко о «стилевых ограничениях» в художественных особенностях литературы для детей окажется в центре острой дискуссии.

[1] Персонаж книги «Таинственный остров».

[2] На примере пьесы А.П. Чехова «Чайка» (действие IV) говорится о роли художественной детали в воссоздании целостной картины изображаемого.

Запись в дневнике, 3 октября 1938 г.

3 октября

План работы выполняется почти точно. Но из «Молодой гвардии» не звонят, и я подозреваю, что они начало «НК» не печатают.

За эти дни ничего существенного. Понемногу нагружают меня по линии Союза[1]. Приглашен в Ленинград на 12-18 октября. Кажется, поеду. Думаю и там писать.

Ничего не слышу о «Чести». Выходит ли она отдельным изданием? Что- то откладывают с подписанием договоров в «Гослитиздате». «Детиздат» просто молчит гробовым образом. Интересно, как с «ФНБ» в «Гослитиздате».

Воспитание гражданина… Сост. С.С. Невская, с. 840.

[1] Говорится о Союзе советских писателей.

Дополнения. **До 6 октября 1938 г. –** *командировка А.С. Макаренко в Киев* **(см. ниже письмо Ф.А. Дыбиной), о ней исследователям неизвестно.**

В связи с «мюнхенским сговором» западных государств о расчленении Чехословакии газеты «Правда», «Известия» и другие печатают *«Ответ советских писателей писателям Чехословакии»***. Среди подписавших обращение - А.С. Макаренко. (Ответ на «Воззвание чехословацких писателей»).**

Письмо Л.В. Конисевичу, 6 октября 1938 г.

6 октября 1938, Москва

Дорогой Леонид!

Очень милое и интересное твое письмо, но... какого черта, в самом деле, писать его карандашом, да еще плохим! Что у вас там, в Баку—Баилове чернил нету, что ли? Насилу дочитал без врачебной помощи.

В письме вижу твои литературные таланты, да и умница ты, а почему же среди всяких планов ты совершенно не упоминаешь о литературной деятельности? Наверное, ты слышал о большом литературном успехе вашего бакинца Ю. Крымова, который написал «Танкер «Дербент» — читай «Красную новь» за этот год. Я уверен, что если бы ты захотел, ты мог бы написать лучшую повесть.

Вот если рассматривать тебя с этой стороны, то мне твой мореходный пессимизм совсем не нравится. Конечно, трудно на море, и неудобств пропасть, и жену редко видишь, и время рассчитываешь от порта до порта. Но зато там и жизни много, и людей, и пейзажей. Думаю, что тебе не миновать литературной карьеры, а в таком случае хорошо было бы, чтобы ты не прыгал из одной деятельности в другую, а хорошо знал бы что-нибудь одно, чтобы потом сделать это одно основанием для литературной работы. Вообще ты как-то потерялся для меня с этой стороны. Читаешь ли ты книги? Записываешь ли что-нибудь?

Очень досадно, что я тебя так давно не видел, наверное, при встрече было бы за что тебя поругать, а меня хлебом не корми, а дай поругать пацана.

Будешь ли ты третьим механиком или береговым бюрократом, меня, собственно говоря, интересует мало, а вот зароешь или не зароешь свой литературный талант, меня это в особенности интересует. Я знаю, ты сейчас же запищишь: у меня никакого таланта нет и ничего у меня не выходит. Чепуха, у тебя обязательно выйдет, но дело это трудное и само в рот не лезет.

У тебя есть много о чем писать, в ближайшем письме ты сообщи мне, как обстоит дело с этой стороны.

Очень я счастлив, что рядом с тобой нашла свою жизнь и дорогу Нина. Это один из твоих хороших подвигов, и за это одно можно тебя уважать как человека сильного.

Я много работаю и в августе доработался до обморока на улице. Милиционеры подхватили меня в объятия и прислали домой. На ноябрь еду лечиться в Кисловодск.

Сейчас тоже много работаю, недавно сдал в печать «Флаги на башнях», нечто навеянное коммуной имени Дзержинского, вечная ей память. У меня бывает много коммунаров. Вася Клюшник[1] бывает у нас почти ежедневно. Были

харьковские актеры во главе с Клавой Борискиной[2], заходят и другие. Народ все правильный, и моя совесть не страдает.

Левка[3] уже окончил институт и работает в ЦАГИ.[4] Просит меня передать тебе привет.

Пиши, пожалуйста, только, если можно, чернилами. Привет, кланяйся Нине Константиновне. Когда же ты будешь в Москве? И когда перебираешься в Одессу? Может быть, я и в самом деле к тебе приеду?

А. Макаренко.

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 8, с. 95 – 96. В этом и других письмах выпускникам коммуны дзержинцев он деятельно участвует в определении их жизненных судеб.

Конисевич Л.З. **выпущен из коммуны им. Ф.Э. Дзержинского летом 1933 г., см. его характеристику в Части 3 данного издания, с. 114. Его книги о коммуне дзержинцев: Большая семья (М., 1980), Нас воспитал Макаренко (Челябинск, 1993) – содержат много фактов, существенно дополняющих представление о воспитании в этой коммуне. См. также его воспоминания, относящиеся к 1940-м гг.: По страницам лет (РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 477, автограф, 126 лл. и машинопись, 148 лл.).**

Награжден орденом «Знак почета», в составе экипажа теплохода «Курск», участвующего в эвакуации в СССР испанских детей (во время гражданской войны в Испании, 1936 г.).

[1] *Клюшник В.И.* **– в коммуне им. Ф.Э. Дзержинского в 1929 – 1933 гг. В 1937-1939 гг. в Москве, в Академии бронетанковых и механизированных войск. Затем преподаватель танкового училища, зам. командира полка по технической части. Участвовал в боях на Калининском направлении, награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны 2-й степени. В 1965 г. инженер – подполковник. Его характеристику при выпуске из коммуны см.: часть 3 данного издания, с. 112. В «ФД-1» и «Флагах на башнях» В. Клюшнев. Прототип В. Кулешова в киносценарии «Настоящий характер» (см. далее в этой книге).**

[2] *Борискина К.Т.* **– воспитывалась в коммуне им. Ф.Э. Дзержинского, занималась в драматическом кружке – студии. Затем артистка Харьковского театра русской драмы. В произведениях А.С. Макаренко – К. Каширина.**

[3] **Говорится о Л.М. Салько.**

[4] **Центральный аэрогидродинамический институт, исследовательский (Москва).**

Письмо С.А. и Г.К. Калабалиным, 6 октября 1938 г.

6 октября 1938, Москва

Милые, славные Калабалины!

Я не ленив писать, но обтяжен семейством и писательской черной работой. Все откладываю на завтра солидное какое-то письмо, все хочется написать Вам по-настоящему. И приходит день, и меня с утра втаскивают в какие-нибудь срочные и, безусловно никому не нужные работы, и к вечеру я снова ни к черту не годен. А сейчас меня нагрузили в нескольких направлениях так, что и обедать не всегда удается.

Хочется очень знать, как идет воспитание долгожданного тезки[1], как идет прибавление в весе и какие черты Калабалиных уже можно наблюдать в этом молодом гражданине СССР. Я думаю, что в общем ему можно позавидовать. К тому времени, когда он вырастет, в нашей стране будет на каждом квартале университет, а шелковые галстуки будут прямо сваливаться с неба. Рассчитываю также, что и с Гитлером мы к тому времени покончим начисто, вообще Антону Семеновичу останется не так много забот, а будет он жить да поживать и кормить родителей, к тому времени основательно постаревших. Очень прошу Вас, передайте ему на каком-

нибудь Вашем языке мой привет и поздравление с благополучным открытием жизненного плавания.

Всегда страшно жалею, что не удалось погостить у Вас, и мечтаю, что весной или летом это мне обязательно удастся. Сейчас решил солидно заняться починкой своей старости: с 1 ноября буду лечиться в Кисловодске, доктора говорят, что меня очень легко вылечить. Сентябрь провел здесь, под Москвой, в одном медицинском застенке, но доктора недовольны: нужны ванны — углекислые!

Несмотря на все это, много приходится работать, сейчас особенно нагружен работой с так называемыми молодыми[2] (писателями – А.Ф.). Народ этот вооружен волей и решимостью, долготерпелив и напорист, к сожалению, не хватает только, талантов — чрезвычайно существенное обстоятельство. Поэтому боюсь, что моя работа пропадет даром.

Начал роман, который называется «Ньютоновы кольца». Роман о человеческих недостатках и о человеческом достоинстве. Пишется хорошо, особенно потому, что не спешу и никому его не обещал, никто не стоит над душой, поэтому работаю как душа хочет. Галя[2] здорова и возится с Левкой, который тоже только что родился, уже в качестве инженера ЦАГИ. Первые инженерские шаги, наверное, не слишком отличаются от первых жизненных шагов твоего Антона.

На днях выезжаю в Ленинград — там уготовано несколько собраний с педагогами и родителями, работа тяжелая, но отказываться невозможно. Разговоры с педагогами в особенности надоели, все без толку и без пользы, только Наркомпрос дразнить, но и это уже надоело, главным образом по причине полной бесполезности.

Получили ли вы нашу поздравительную телеграмму? И вообще, как дела, как работа, настроение, жизнь? Не обижайтесь на мою неаккуратность в письмах, пишите чаще...

Целую вас, пишите.

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 8, с. 96 – 97. *Калабалина Г.К.*: **в колонии им. М. Горького с лета 1926 г., затем жена С.А. Калабалина, его соратница по работе в детдомах. В начале Великой Отечественной войны зав. детдомом, эвакуированным на Урал. С 1972 г. директор Клеменовского детдома, под Москвой (после кончины С.А. Калабалина). Заслуженный учитель РСФСР, награждена орденом Трудового Красного Знамени. Работе Е.А. и Г.К. Калабалиным посвящена трилогия Ф.А. Вигдоровой, художественный фильм «Вчера, сегодня, завтра». Калабалины – одни из главных героев научно-популярного фильма «Четыреста биографий» (Украинская киностудия им. А. Довженко). В «Педагогической поэме – Черниговка.**

[1] Говорится об А.С. Калабалине, сыне С.А. и Г.К. Калабалиных.

[2] Говорится о Г.С. Макаренко.

Письмо В.Г. Зайцеву, 6 октября 1938 г.

6 октября 1938, Москва

Дорогой Василь!

Долго собирался тебе ответить, да все откладывал на завтра, страшно был занят, разъезжал, болел и занимался другими, такими же будничными делами. За это время получил письмо Шершнева из Владивостока и ответил ему. Он, оказывается, там временно и скоро собирается возвратиться к Вам.

Твой «сон» мне очень понравился, я уже и сам начинаю подумывать о съезде дзержинцев, но сейчас у меня даже нет времени, чтобы составить адресный список всех моих друзей, а это нужно обязательно сделать, а то всех растеряем. Однако со съездом придется подождать до более спокойного времени.

Кстати, к тому времени все судьбы наши определятся, все успеют закончить разные курсы и вузы, женятся, народят детей, будет что рассказывать. К сожалению, едва ли такой съезд можно будет устроить в коммуне. Я так слышал, что с 1 января

коммуна как воспитательное учреждение закрывается[1], значит, съезд придется устраивать где-нибудь в другом месте.

За поздравление с введением меня в редакционный совет издательства «Советский писатель» не благодарю. Это очень тяжелая работа, главным образом с начинающими писателями, а между ними очень мало будущих писателей и много так называемых графоманов. Приходится читать целые горы написанной бумаги, и на 99% все это мура. Много приходится времени тратить и на заседания.

Вот Вас есть с чем поздравить. Прежде всего, передай мое поздравление Панову[2] и Яновскому[3] со вступлением в партию. Передай поздравление и Мельнику[4] и Ковалевскому[5] и все тому же Яновскому с..., надо полагать, сыновьями.

К сожалению, не могу исполнить твою просьбу о заказе моих книг для Вас. Ни в магазинах, ни в складах издательства, ни у меня на полках моих книг нет. Недавно у меня просили «Книгу для родителей» для перевода на какой-то язык, и то пришлось отказать. В 1939 г. должна выйти «ПП»[5] и «Флаги на башнях», тогда только и смогу Вам прислать.

Пиши чаще, на меня не обижайся. Передай горячий привет ребятам, всем, кто меня помнит. Может быть, летом соберусь к Вам: у меня предстоит командировка в Иркутск, а там уже и к Вам недалеко.

Крепко жму руку.

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 8, с. 97 – 98. *В.Г. Зайцев* **– выпускник коммуны им. Ф.Э. Дзержинского, занимался в литературном кружке, которым руководил А.С. Макаренко, затем журналист. Его книга «Рассказы о Макаренко» дважды издана в СССР в сер. 1970-х гг., издана в ГДР в 1984 г.**

[1] **30 декабря 1938 г. коммуна им. Ф.Э. Дзержинского в составе завода электроинструмента и завода фотоаппаратов ФЭД преобразована в промышленный комбинат им. Ф.Э. Дзержинского № 296 (оборонное предприятие).**

[2] *Панов И.И.* **в коммуне дзержинцев в 1929 – 1933 гг., его характеристику см. в Части 3 дан. издания, с. 112. Получил квалификацию токаря 5 разряда, работал технологом на заводе ФЭД, окончил Харьковский электроинститут. В 1937 – 1959 гг. в Комсомольске-на-Амуре, мастер, нач. производством, зам. директора авиационного завода. С 1959 г. в Воронеже, нач. управления совнархоза Черноземного экономического района, директор завода «Электроприбор». Награжден орденами Красной Звезды, Трудового Красного Знамени, медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».**

[3] *Яновский И.Б.* **– коммунар-дзержинец, получил высшее образование в Комсомольске-на-Амуре, инженер-конструктор на авиационном заводе. Награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».**

[4] *Мельник А.М.* **– выпускник колонии им. М. Горького, с 1932 г. работал на коммунарском заводе ФЭД. С 1936 г. в Комсомольске-на-Амуре, контрольный мастер авиационного завода; с 1939 г. на Тихоокеанском и Северном флотах, артиллерист. Награжден орденом Отечественной войны, медалью «За оборону Советского Заполярья».**

[5] **Может быть,** *Коваль П.Т.***: в коммуне дзержинцев с 1932 г., фрезеровщик, занимался в кружке танцев. С 1939 г. в хореографическом ансамбле, затем в танцевальной группе фронтовой культбригады, преимущественно на Украинском фронте. Награжден орденом Красной Звезды, медалью «За освобождение Варшавы». Впоследствии в Киевском театре оперы и балета.**

[6] **Имеется в виду «Педагогическая поэма».**

Письмо Ф.А. Дыбиной, 6 октября 1938 г.

6 октября 1938, Москва

Милая Фрида, здравствуйте!

Вместо лечения мне пришлось поехать в командировку, а возвратившись, я нашел Ваше письмо. ...Не нахожу слов, чтобы поблагодарить Вас по-настоящему. За то, что написали подробно, и теперь я могу Вас представить так ясно, как будто мы вместе с Вами сделали хорошее дело.

Насчет Михаила, видно, придется мне уступить, но при одном условии: не давайте ему много воли. И правильно, сделайтесь парашютисткой и докажите ему, что небо отнюдь не его вотчина.

Понравились мне и Ваши стихи о Пушкине и о жене. Я страшно люблю Пушкина, и вся моя квартира украшена его портретами, и Ваш Пушкин именно такой и есть — любимый.

К сожалению, нужно исправить несколько стихов, главным образом в размере, и тогда можно было бы их печатать. Но я не поэт и боюсь исправлять, да еще без Вашего разрешения. Буду ожидать терпеливо, пока Вы пришлете мне такие стихи, которые исправлять не нужно. Кстати; напишите стихи о тех девушках, которые полетели к Владивостоку. У Вас должно это очень хорошо выйти, только пишите искренне и ни к кому и ни к чему не подделывайтесь.

Я искренне вместе с Вами погрустил по случаю болезней и в Вашей семье. Мне кажется, ни Вам, ни Вашим друзьям как-то не идет болеть, и поэтому я уверен, что все у Вас будет хорошо и Ваша Татьяна наберется сил и забудет о болезни. Кроме того, я подозреваю, что врачи что-то там напутали. Вы пишите мне, в каком положении у Вас дела. И вообще, очень ходатайствую: пишите мне чаще, даже если я иногда задержусь с ответом, все-таки меня гоняют по СССР по разным делам.

На ноябрь еду лечиться в Кисловодск и буду проезжать Ростов ночью, я не сообщу Вам точного числа, а то Вы человек горячий, в самом деле ночью будете беспокоиться.

В Ростове я бывал несколько раз и видел Ваш Дон. Конечно, Вы преувеличиваете его красоту и ширину, а также и быстроту Ваших донских пароходов. Воображаю, как это все там получается на самом деле.

Очень большое Вам спасибо за то, что обещаете не влюбляться в педагога. Это было бы для меня настоящей драмой.

Напишите, как Вам нравится учеба на литфаке. Напишите, что Вы читаете. Вышлите Вашу карточку и, если можно, карточку Михаила. И пишите о себе подробнее, и обязательно присылайте больше стихов.

Не обижайтесь, пожалуйста, на меня за такой заказной тон, ничего не поделаешь, я человек жадный и страшно люблю людей, а таких, как Вы, люблю до глупости. Напишите, какие у Вас недостатки, все-таки мне будет легче. Прыгали уже с парашютом или еще не прыгали?

Будьте счастливы.

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 8, с. 98 – 99. В письме отражается характерное в педагогике А.С. Макаренко: его горячее, заинтересованное и любовное отношение к молодежи, внимание к ее развитию, зрелости.

Письмо Л.Н. Разумовой, 6 октября 1938 г.

6 октября 1938, Москва

Милая Лидия Никитична!

Редко человек получает такие удовольствия: возвращаюсь из медицинского застенка и получаю целую кучу Ваших писем. Теперь Вы очень важно называетесь... производственно - калькуку..лю..ционного.., а на самом деле Вы поэт и психолог. Ваше письмо из Крыма — лучшее тому доказательство. Правда, по старой бухгалтерской привычке, Вы называете меня растратчиком, но я думаю, что это пройдет. Жаль только, что о себе Вы пишете очень мало: никак Вас не представишь.

Зато мой портрет Вы разделали шикарно, даже черные блестящие глаза приделали и чуть-чуть не приделали шевелюры.

Вы — молодец, честное слово, молодец. Ваши слова о том, что мужчины (надеюсь, только на курорте) ищут женщину, а женщины ищут человека, очень хорошо сказанные слова, хотя и не вполне отражают действительность. Я надеюсь скоро Вас повидать и тогда докажу, чти Вы ошибаетесь. А сейчас хочется Вас кое в чем упрекнуть, во всяком случае, кое-что в своем письме Вы недописали.

Интересно, например, услышать Ваше мнение о развитии Вашей основной мысли: если мужчина ищет женщину, хотя бы и неумело и некрасиво, то все же он знает, чего он хочет. А вот если женщина «ищет человека», то, как Вы думаете, чего ей на самом деле нужно? Проще говоря, что она хочет сделать с искомым человеком? И, кроме того, Вы еще не написали, нашли Вы что-нибудь там... в Крыму, ну... человека, что ли? Судя по поэтическому антуражу Вашего письма, нашли. Вот Вы мне обо всем дадите отчет в самое ближайшее время.

Теперь о себе. Кажется, я здоров, и, кажется, что и не был болен. Сейчас приступил к работе и работаю как собака.

12 октября приезжаю в Ленинград. Мечтаю, что мы с Вами сядем где-нибудь в хорошем ресторане и ознаменуем наше знакомство рюмкой водки и психологическими разговорами. Честное слово, до чего это прекрасный народ бухгалтеры, насколько они живее и симпатичнее нашего брата - педагога. Педагог — это такая прирожденная зверушка, которой и согрешить хочется, и [дурной] славы она боится и районо. А бухгалтер, всегда точно знает, кто чего ищет и в чью пользу получается сальдо. Бухгалтер не может нагрешить, он может только потерять в каком-нибудь балансе одну копейку, просидит ночь и копейку эту все-таки найдет, а если нагрешит, то сам черт не найдет, куда он свой грех списал.

Судя по Вашим письмам, Вы живой и умный человек, и я буду очень Вам благодарен, если Вы не откажетесь со мной встретиться в Ленинграде. У меня есть Ваш служебный телефон Е71613, может быть, теперь у Вас другой телефон? Если я Вам не дозвонюсь, Вы всегда сможете узнать мой адрес в Союзе писателей. Буду я в Ленинграде до 18 октября!

Среди других достопримечательностей Ленинграда хочу посмотреть и Вашего сына.

Крепко жму Вашу руку и благодарю за интересные и душевные, настоящие письма.

Привет.

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 8, с. 99 – 100.

Глубоко индивидуализированный стиль и тон писем А.С. Макаренко, яркое «чувство адресата», личная расположенность к нему и открытость, - несомненно, кровно связаны с тем, на каком высоком уровне решается в его педагогике проблема личности и индивидуальности. Как педагог – писатель он всесторонне обогащает педагогику даром художественно – поэтического восприятия и осмысления педагогических явлений, их морально-психологической характеристики.

Письмо М. Непорожней, 6 октября 1938 г.

6 октября 1938, Москва

Уважаемая товарищ Непорожняя!

Только что возвратился из дома отдыха и нашел Ваше письмо. Очень благодарен за внимание. Если у Вас есть готовая рукопись, пожалуйста, пришлите ее мне. Все, что будет в моих силах, я сделаю, чтобы ее опубликовать. Конечно, каждый новый материал о [Довженко] сейчас, да и всегда, очень важен.

Пишите мне по адресу: Москва, 17, Лаврушинский, 17/19, кв. 14, Антону Семеновичу Макаренко.

Привет.

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 8, с. 100.

Письмо Т.В. Турчаниновой, 6 октября 1938 г.

6 октября 1938, Москва

Дорогая Татьяна Васильевна!

Возвратился из командировки и нашел целую серию Ваших изумительных писем. Не знаю, за что ухватиться, на что отвечать? И так досадно, как и полагается женщинам, Вы уже запутали меня в самом главном вопросе: куда Вам писать? Это, с другой стороны, и приятно, свидетельствует о Вашей женственности, а я, признаюсь, терпеть не могу неженственных женщин. Рискую на один глаз и предполагаю, что у Вас женственности так много, что Вы обязательно не сможете управиться в Харькове с делами за месяц и задержитесь там, поэтому пишу в Харьков.

Все-таки: на что отвечать? Лаврушинский или Лаврушенский? Вот еще беда, и на это нужно отвечать. Честное коммунарское слово, у нас на улице буквально рядом висят две таблички, и на одной написано Лаврушенский, а на другой — Лаврушинский. Если от слова «Лавруха», то нужно «е», а если от слова «Лаврушин», то нужно «и». И Донбасс пишется через два «с» — правильно, это я просто распустился и забыл, что имею дело с педагогом, который не может читать писем без красного карандаша.

Очень хочу Вас видеть, Вы себе представить не можете, как это досадно, что даже понятия не имею, когда все-таки мы можем увидеться. Вы скоро уедете в Сталино, а когда я поеду в Сталино? Нужно будет непременно придумать дело и поехать в Сталино, ибо, согласитесь, в нашем возрасте как-то неприлично просто поехать для того, чтобы повидаться с незнакомым другом.

Чтобы не забыть: 29 октября в полдень буду проезжать через Харьков в Кисловодск. Поезд в Харькове стоит 15 минут. Наверное, Вы из Харькова еще не уедете. Вы сейчас же будете протестовать: что это за свидание — 15 минут? Не нужно протестовать: никто никогда не может сказать, сколько минут нужно для счастливого события.

Я очень хочу Вас видеть, и хочу видеть Вас долго, с разговором, с выпивкой, с душевной близостью. Никаких условий для этого я не объявляю, даже и ресторан у меня не вызывает отвращения. Я не часто бываю в ресторанах, почти не бываю, может, поэтому люблю хороший ресторан, с чистой скатертью, с холодной водкой. Пожалуйста, не презирайте меня за это, ибо я далеко не такой холостяк, как Вам кажется.

Теперь насчет машинки. Чем машинка хуже почерка? Лучше: разборчивее, удобнее, и все равно, вкусы таких ретроградов, как Вы, не будут приняты во внимание, и через 100 лет новорожденным будут дарить не пеленки, а маленькие, портативные машинки, а перья останутся только в музеях, да и то ржавые.

Еще один немаловажный вопрос: кто я? Давайте отложим его обсуждение до нашей встречи, которая непременно произойдет рано или поздно, но могу сказать одно: я — обыкновенный человек в том смысле, что ничего загадочного во мне нет и никогда не было. С внешней стороны я вам во многом уступаю: страшно некрасив, о ямочках на щеках, конечно, не может быть и речи, длинный нос и выцветшие, когда-то голубые глаза. В зеркало стараюсь не смотреть. Кроме того, моя физиономия несколько перекошена. Прибавьте к этому еще 50 лет, и получится картина довольно неприятная. Правда, чувствую себя очень молодо, но это ведь обычный фасон в нашем возрасте. И еще есть один недостаток: я никогда не был хорошим человеком, а всегда отличался вздорным характером, и женщины никогда меня не любили по-настоящему, а только начинали любить.

Детей у меня, разумеется, нет, потому что я женился в 40 лет, женился по дружбе и по благодарности[1]. Но зато есть сын жены — красавец 23 лет, мой

воспитанник по коммуне им. Дзержинского, я очень его люблю. И, кроме того, есть еще несколько сот человек, которые относятся ко мне по-сыновнему, приезжают навестить меня.

«Книга для родителей» не изъята, но наркомпросовцы написали статью в своем журнале под заглавием «Вредная книга»[2], чем меня по-настоящему сильно обрадовали. Теперь пишу второй том, а потом будут еще третий и четвертый, так или иначе нервы наркомпроссовских профессоров (смотрите, через два «с» написал) в опасности.

Очень хочу с Вами увидеться, и сейчас больше всего хочется об этом говорить. Вы мне очень понравились, знаю великолепно, что Вы живой и интересный человек, веселый и прямой, знаю также, что Вы не синий чулок, а интересная женщина.

Зимой, в декабре, январе я наверняка приеду в Харьков, но в Харькове Вас не будет. Если Вы разрешите, могу приехать и в Сталино, только в Сталино всегда переполнены гостиницы (честное слово, забыл, два «н» или одно?). Я знаю, что Вы будете разочарованы после встречи со мной, все равно, рискую, все в жизни люблю, даже разочарования[3]. Зато я разочарован не буду, в этом я не сомневаюсь.

Если будете писать, обязательно напишите по этому вопросу: как мне Вас увидеть? Не собираетесь ли Вы в Кисловодск на ноябрь месяц? Что Вам стоит после всяких зачетов потребовать путевку в Кисловодск? Я там буду от чего-то лечиться, а больше писать, потому что в Москве не дают, буду вести добродетельный образ жизни, и, если Вы туда приедете, Ваша педагогическая совесть ничем не будет оскорблена.

Страшно благодарен Вам за письма и за то, что есть такие интересные люди, как Вы.

Будьте здоровы и веселы. Разрешите по-старомодному поцеловать Вашу руку.

Привет.

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 тт., т. 8, с. 101 – 102. Опущенные места восстановлены по изданию: Опускула макаренкиана, № 15 / сост. Г. Хиллиг, С. Невская. – Марбург, 1995, с. 48 – 50. Письмо Т.В. Турчаниновой А.С. Макаренко от 10 сент. 1938 г. см. там же, с. 45 – 48 (с обр. адресом: Харьков, ул. К. Либкнехта, 33. Педагог. институт. Заочнику Турчаниновой Т.В.). Письмо, действительно, «восхитительное». Письма Т.В. Турчаниновой А.С. Макаренко от 18, 24 авг., 7 сент., 10 сент. и далее – 24 окт., 29 и 30 ноября 1938 г., 5 февр. 1939 г. – см. там же.

[1] Говорится о неофициальной дате: весна 1928 г. Официально брак с Г.С. Салько был зарегистрирован в сент. 1935 г. С ней А.С. Макаренко связывала не только благодарность, товарищеская дружба в тяжелейший период его деятельности (драматическое окончание работы в колонии им. М. Горького), но и глубокое чувство, см. часть 1 данного издания, с. 253 – 280. Можно понять так: это брак «не по одной любви». А.С. Макаренко считал, что одной любви недостаточно для достойной жизни человека.

[2] Имеется в виду статья: *Стороженко Н.П.* **Вредные советы родителям о воспитании детей // Советская педагогика, 1938, № 3.**

[3] Это макаренковское оптимистическое восприятие жизни во всей ее противоречивости и полноте лежит в основе всей его педагогики, социально действенной и творческой (включающей и «педагогический риск»). Это воспитание человека, способного к преодолению трудностей, к борьбе, при достижении высоких целей. Воля, характер ставятся в центр формирования личности.

«Ветер встречать лицом», «Быть там, где трудно» - жизненные девизы воспитанников А.С. Макаренко, связанные с новым представлением о счастье.

Письмо А.Е. Коломийченко, 6 октября 1938 г.

6 октября 1938, Москва

Здравствуйте, Александра Елисеевна!

Очень приятно, возвратившись из дома отдыха, получить два Ваших письма. Жаль только, что о себе Вы пишете мало, а больше об Украине, обо мне и о родителях. А я влюбился в Вашу Истру и до сих пор мечтаю пожить там хотя бы одно лето. Весной буду Вас просить по знакомству посоветовать какую-нибудь хату. Украину я тоже люблю, но на Истре как-то светлее и чудеснее воздух, нежнее краски. В прошлом году я провел один месяц на Десне, в Великой Дубечне, и вспоминаю этот месяц как очень большое счастье. Но Украина далеко, и ездить туда с семьей и хлопот много, и просто физически трудно.

Почему Вы так мало пишете о себе и все, что пишете, выходит у Вас с гримасой, и имя Ваше Вам не нравится, а между тем даже имя у Вас замечательное, я страшно люблю такие имена, наши скромные, восхитительные имена, даже кажется, что иметь отчество Елисеевна — значит быть счастливым человеком.

Напишите о себе подробнее, как Вы живете, какая у Вас семья, счастливая или не очень счастливая у вас жизнь. С родителями дело очень трудное. Я сейчас почти каждую шестидневку с ними встречаюсь в том или другом собрании, рассказываю им о разных педагогических тонкостях, но разве можно в нашем деле что-нибудь рассказать в один вечер.

Лично я всегда думаю, что не родителей нужно учить, а нужно детей в школе воспитывать так, чтобы они вносили нечто здоровое в семью. Я глубоко убежден, что государственная, да еще советская, школа и может уметь и должна уметь воздействовать на семью через ученика[1]. Для этого, конечно, нужно, чтобы школа была хорошая, чтобы был в ней сильный коллектив, чтобы ученики вели себя так, как хочет воспитатель. В таком случае и родители сами собой начинают идти в ногу со школой. Наверное, у Вас, в Вашей школе так и делается, правда?

В конце октября я еду лечиться в Кисловодск, и мое сердце требует поддержки. Надеюсь до отъезда получить от Вас письмо, только очень прошу Вас: напишите о себе больше. По Вашим письмам вижу, что Вы хороший, душевный человек. Напишите о разных мелочах вашей жизни, ни в чем так не заметна жизнь, как в мелочах. Сколько Вам лет, какое у Вас здоровье, какая у Вас квартира, какие дети, товарищи, друзья?

Пожалуйста, не подумайте, что я просто любопытствую. Раз мы уже с Вами переписываемся, хочется знать о Вас больше. Может быть, летом я и в самом деле поселюсь на Истре, тогда познакомимся с Вами ближе. Может быть, Вы не уедете на Украину — проведем с Вами лето. Поговорим, посудачим о наших педагогических делах.

Привет.

Пишите.

А. Макаренко

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 8, с. 102 – 103.

[1] **Связь школы и семьи через ученика, путем ученических и родительских объединений по месту жительства – важнейший новаторский принцип социальной педагогики А.С. Макаренко. Значительно расширяется «поле» организации воспитательного процесса. См. также часть 4 данного издания, с. 159 – 161 (окт. 1935 г.).**

Письмо В.М. Роот, 6 октября 1938 г.

6 октября 1938, Москва

Дорогая Вера Михайловна!

За машинку не сердитесь, я привык, — лучше пишется и лучше думается. И, кроме того, все равно через сто лет люди совсем забудут, как писать пером, а перья останутся только в музеях, да и то ржавые.

Возвратился из санатория и нашел у себя Ваши письма. Спасибо и за письма, и за снимки, и за ласковый тон.

Что у Вас произошло? Почему седеют виски и почему такой лирически-грустный тон?

12 октября я приезжаю в Ленинград, там буду до 18 октября, целая куча всяких встреч и обсуждений. Имеется ли у Вас телефон? В Ваших письмах не нашел. Очень Вас прошу, давайте повидаемся. Где я остановлюсь, можно будет узнать в Союзе писателей, а еще лучше напишите мне сюда, - успеете? Как Вам позвонить? Иначе я не решусь беспокоить Вас дома.

Скорее всего, меня остановят в гостинице «Интуриста». Не знаю, как она называется, помню, что возле Исакия.

Очень хочу Вас увидеть.

Привет.

А. Макаренко.

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 8, с. 103.

Советские летчицы

Перелет В.С. Гризодубовой, П.Д. Осипенко и М.Т. Расковой, как событие авиационной истории, как еще один шаг вперед в деле завоевания власти человека над природой, сам по себе отличается той величественной красотой, которая присуща человеческому подвигу. В нашей стране подвиг сделался необходимым признаком этической нормы советского гражданина, и мы встречаем каждый подвиг не только благодарной мыслью о герое, но и уверенностью, что всякий гражданин СССР не обнаружит малодушия, если наша советская жизнь, если наша борьба с природой и врагами призовут его к подвигу.

Гордясь каждым подвигом, каждым проявлением героизма в нашей стране, мы возвращаемся мыслью к основным причинам нашего нового социального самочувствия — к Октябрьской революции. Только в социалистических условиях общественной жизни у человека вырастают настоящие крылья, и вырастают они у всего народа, обрадованного возможностью развернуть и расправить плечи.

Но в подвиге В. С. Гризодубовой, П. Д. Осипенко и М. М. Расковой есть еще и особенная высота чрезвычайно большого, мирового значения — это высота освобождения женщины.

В нашей стране с первого дня революции женщина реально стала рядом с мужчиной, она получила право и полную возможность быть человеком и гражданином. Эта возможность заключалась и заключается не только в общественной уверенности в человеческой высоте женщины, но и в настойчивой, повседневной заботе Советского правительства о путях женщины. Советская действительность предоставила женщине не только права, но и обязанности, она предоставила ей все арены деятельности и все формы почина и ответственности. И только благодаря этому мы начинаем уже забывать о том, что между мужчиной и женщиной когда-то лежала непроходимая грань.

Подвиг В. С. Гризодубовой, П. Д. Осипенко и М. М. Расковой не простое усилие личности, не каприз богатых спортсменок[1]. Это результат большой, терпеливой и высококвалифицированной работы целого коллектива, в котором женские и мужские роли уже не разграничены. Мы читаем в дневнике капитана П. Д. Осипенко[2]:

«Со мной занялся инженер Воскресенский. Он предложил схему доски приборов. Мне важно было сконцентрировать приборы для слепого полета так, чтобы их расположение не обременяло моего внимания в полете. Приборы,

контролирующие работу моторов, собрали в одно место, электроприборы также вместе. Валентина размещала приборы по- своему».

Таково творческое вмешательство советского человека в область техники и его уверенность в своем праве на такое вмешательство. Никто не способен точно подсчитать, когда и в каких деталях родилось и воспиталось у нас это творческое свободное самочувствие, — оно родилось в порядке большого и счастливого общего для мужчины и женщины человеческого опыта нашей двадцатилетней жизни.

И самый полет — это не только сверхмерное, выпирающее из жизни явление, это уже порядок большого человеческого и гражданского значения, и это порядок, находящийся в глубокой и органической связи со всей советской жизнью. В этом порядке и высота души, и женская судьба, и техника, и человеческая защищенность — все это как следствие строгих законов нового общества, как естественный результат великого нашего роста.

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 7, с. 190 – 191. Впервые статья опубликована в «Литературной газете», 10 окт. 1938 г. См. также в журнале «Revue de Moscou», (Москва, 1938, № 45) и в газ. «Le journal de Moscou» (11 окт. 1938 г. статью под заголовком «Советская женщина»), на франц. яз.

Говорится о Героях Советского Союза, совершивших беспосадочный полет из Москвы на Дальний Восток в сентябре 1938 г.: Гризодубовой В.С. (в годы Великой Отечественной войны командовала авиационным полком), Осипенко П.Д. (погибла при исполнении служебных обязанностей, похоронена у Кремлевской стены), Расковой М.М. (была командиром женского бомбардировочного полка, похоронена у Кремлевской стены).

В их подвиге А.С. Макаренко видит этику и педагогику новой общественной жизни: героизм становится «этической нормой»; достигается «высота освобождения женщины»; соединяются права и обязанности, «почин и ответственность»; происходит «творческое вмешательство человека в область техники».

[1] Имеются в виду факты рекордных авиаперелетов в западном мире в это время, с участием женщин, обычно без необходимой материальной и моральной поддержки, с трагическими последствиями. См. также: «Из истории героизма» - в Части 5 данного издания, с. 237 – 239 и в Части 6, с. 52 – 56.

[2] Цитируется: «Как мы готовились» (Правда, 25 сент. 1938 г.).

14 октября 1938 г.: вечер, посвященный творчеству писателя А.С. Макаренко в Выборгском Доме Культуры **(Ломанский пер. 1 б, концертный зал; доклад Вольпе, выступления: А.С. Макаренко и читателей. О содержании этого его выступления исследователям еще неизвестно.**

Некоторые выводы из моего педагогического опыта

Дорогие товарищи и коллеги!

Я немножко боюсь вас. (С м е х .) Боюсь не за «Книгу для родителей». Там, я думаю, нет таких моментов, где бы мы с вами слишком категорически расходились. Например, по вопросу об алиментщиках. Я получал очень много писем от этих алиментщиков, и очень ругательных, где так и пишут: «Вы идете против любви». (С м е х .) Я оправдываюсь в некоторых случаях, если вижу, что алиментщиков много. Но всем известно, что среди педагогов наименьший процент алиментщиков. (С м е х .)

Так что с этой стороны я не боюсь вас.

А, во-вторых, я рассчитываю, что в случае нужды вы будете на моей стороне. Ибо, почему у нас, педагогов, меньше алиментщиков? Да потому, что мы привыкли относиться к детям с определенным уважением, а если мы с определенным

уважением относимся к чужим детям, то с тем большим уважением мы относимся к своим.

Что касается единственного ребенка, то у педагогов это тоже редкое явление (смех), и если даже он единственный, то опасность плохого воспитания не так велика, ибо отец и мать — педагоги.

Значит, со стороны «Книги для родителей» я если и боюсь вас, то не очень, а вот со стороны «Педагогической поэмы» и других моих писаний я боюсь, что вы будете меня ругать. А потому, чтобы предупредить товарищей, которые на меня нападут (смех), я бы предпочел сам подставить свой лоб под нападение, и поэтому думаю, что мы будем сегодня вести разговор не о литературных достоинствах «Педагогической поэмы», а только по вопросам педагогической тематики.

Если вы на это согласны, то я не буду ничего читать и позволю себе в очень кратком слове сделать некоторое чисто педагогические выводы из моего опыта и предложить его вашему вниманию моих коллег.

Согласны вы на это? (С мест: Пожалуйста.)

В течение всей своей жизни и работы я прежде всего был всегда убежден, что я вовсе никакой не педагогический талант, что я не белая ворона и что со мной вместе более или менее одинаково думает все наше советское учительство. В этом я продолжаю быть убежденным и на сегодня. И поэтому я никогда не считал себя ни новатором в педагогической области, ни реформатором, ни чудаком, ни тем более еретиком. Сколько мне ни приходилось встречаться с учителями, я не помню, чтобы между мною и ими были какие-нибудь принципиальные расхождения. Бывали учителя ленивые, и были неленивые. И ленивые со мной иногда ссорились, но не принципиально. Точно так же, встречаясь очень часто и на Украине, и в Москве с учительским обществом, я не помню еще ни одного случая какого-нибудь категорического расхождения с моими взглядами, высказанными в «Педагогической поэме».

Однако до сих пор мне не приходилось видеть такой школы, десятилетки или семилетки, где бы мои педагогические убеждения были претворены и понимались так же глубоко, как они претворены в детских колониях и в коммунах, в особенности в тех коммунах, которыми мне приходилось руководить[1].

Очень возможно, что методика работы с бывшими безнадзорными чем-то должна отличаться от работы с нормальными детьми. Но это только возможно, в этом я до сих пор не убежден, и у меня самого есть такая задирка — попробовать, а может быть, можно применить те методы, которые я применял к правонарушителям, и к нормальным детям.

Почему мне в этом хочется быть убежденным? Потому что в самой логике моей работы я никогда не исходил из элемента правонарушения или беспризорности и считал, что если бы я вырабатывал свои методы по логике, где большой посылкой являлось бы преступление или, более того, преступный характер, то тем самым я уходил бы от нашей советской идеологии и приближался бы к ломброзовской идеологии[2]. И поэтому такого соблазна решить, что благодаря совершенному преступлению происходит искривление детского характера в сторону преступления, исходя из чего и надо было бы вывести метод, у меня никогда не было. Это проистекает из моей доверчивости к человеку или, скорее, из любви к нему.

Меня некоторые критики упрекают, заявляя: «Почему у вас все молодые люди и девушки и все люди вообще красивые?» А я такие упреки встречаю с широко раскрытыми глазами, в свою очередь спрашивая: «А разве вообще все люди не красивы?» Действительно, по крайней мере, молодежь мне всегда кажется красивой. Трудно представить себе юношу или девушку, чтобы они казались безобразными. Ну, в нашем возрасте всякие случаи бывают (смех), а молодежь всегда красива, если она правильно воспитывается, правильно живет, правильно работает, правильно радуется.

И вот, может быть, мой оптимизм и подвинул меня на то, что с самого первого дня, с самого несчастного дня, когда я ударил Задорова[3], я считал, что Задоров прекрасный человек и должен поступать, как всякий человек, настолько должен, что считал себя вправе требовать от него правильного поступка, а не готовить его к правильному поступку.

Вот в этой формуле, если хотите, может быть, и заключается ересь. Но какая же?

Я считаю, что каждый советский педагог, каждый советский человек от каждого советского нормального гражданина и ребенка должен требовать нормального поступка, а ненормальными мы считаем только тех, которые физически или психически ущемлены.

В своей практике я такое вполне развернутое, без всяких скидок, требование и предъявил к моим воспитанникам и считаю, что это должно быть законом правильной советской педагогики: непреклонное, ясное, прямое, категорическое требование.

Мне кажется при этом, что в этом требовании иногда (а может быть, и всегда) мерещится риск[4], и поэтому страшновато предъявить такое категорическое требование: а вдруг личность «побежит вешаться»? И вот именно на фоне этого страха у нас и развернулись педология и педологические тенденции.

В чем они заключаются? В том, чтобы никакого рискованного требования не предъявлять, а приспособить такую серию средств, чтобы сам черт не разобрал, к чему эти средства ведут, и чтобы потом нельзя было установить, а кто же в случившемся виноват. Воспитывал человека, учил-учил, а вышло не то. Можно предъявить требование к профессору педагогики, создавшему такую систему? Нельзя. А к учителю? Тоже нельзя, потому что нет никакого действия, а есть только рассуждения о действиях и аргументация.

Так вот, раз мы откажемся от логики, вытекающей из каких-то наших гражданских требований, мы тем самым откажемся и от воспитательной работы.

Моим основным принципом (а я считал, что это принцип не только мой, но и всех советских педагогов) всегда было: как можно больше требования к человеку, но вместе с тем и как можно больше уважения я к нему. В нашей диалектике это, собственно говоря, одно и то же: нельзя требовать большего от человека, которого мы не уважаем. Когда мы от человека много требуем, то в этом самом и заключается наше уважение, именно потому, что мы требуем, именно потому, что это требование выполняется, мы и уважаем человека.

Если это положение провести по всем линиям воспитательной работы, то мы увидим, как воспитательная работа начнет принимать строгие и четкие организационные формы. Еще раз повторяю — всегда при этом будет присутствовать некоторый страх риска.

Вы обратили, вероятно, внимание на то, что недавно в «Правде» появилось несколько статей о производственном риске[5]. Нужно сказать, что у педагогов эта проблема выглядит, конечно, страшнее.

Можно рисковать материальными ценностями, можно рисковать продукцией, хотя преступно рисковать и там, где дело касается материальных ценностей (разве можно рисковать, когда мы делаем самолеты или танки?). Но мы признаем риск, если в нем заложено стремление к правильной, советской цели.

Возможен ли такой риск в педагогическом процессе?

Если мы спросим об этом человека, сидящего в кабинете за книжками, то он скажет: «Рисковать человеком в педагогической работе нельзя». А если вы спросите меня, человека, работающего практически, у которого несколько десятков этих живых людей, то я скажу: «Обязательно, потому что отказаться от риска – значит отказаться от творчества». А мы имеем право отказаться от творчества в нашей воспитательной работе? Нет. Поэтому я утверждаю, что в педагогической работе

педагог имеет такое же право на смелость и даже на риск, как и всякий другой работник.

Возьмем простой обыкновенный средний случай. Да, пожалуй, даже не нужно брать никакого случая: возьмем одну из консультаций, которая была напечатана (правда, года три назад) в педагогическом журнале. Педагог задает вопрос: «Каким тоном нужно разговаривать с учеником, который нарушил дисциплину?» И консультант «всем, всем, всем», на весь Союз отвечает: «Надо разговаривать с ним ровным голосом, чтобы ученик понял, что вы делаете ему замечание не потому, что вы на него гневаетесь или сердитесь, а потому, что вы так должны поступить».

Конечно, при таком способе, применяемом в отношении ученика, нарушившего дисциплину, нет никакого риска. Какой же тут риск? Что бы ни случилось (если ученик потом опять будет нарушать дисциплину: бить стекла, оскорблять учителя, товарищей, бросит школу, станет хулиганом), спросим этого учителя, который последует совету консультанта: «Почему у тебя вышел такой хулиган?» И он ответит: «Не знаю, я применял правильные приемы: я с ним разговаривал ровным голосом, я ему показывал, что у меня нет гнева, что я сделал все, что я обязан делать». А если бы он разгневался (потому что бывают такие поступки учеников, которые должны вызвать негодование), показал бы ученику, что негодует и не может быть ровного голоса, раз есть нарушение дисциплины и интересов коллектива, это остановило бы ученика и дурное поведение больше не повторилось бы риск. Какой риск? Риск, вызванный отсутствием так называемого педагогического такта. Вот вы разгневались, показали ученику, что вы гневаетесь, а у него произошли какие-то такие трансформации, что-то у него в душе начало переворачиваться, и – пропал человек.

Но, по моему глубокому убеждению, ни вопрос о риске, ни вопрос о такте не может быть разрешен на одной паре, на одном примере, когда, с одной стороны, стоит воспитатель, а с другой — воспитанник. Все споры, которые были у меня с педологами[6] и со старыми наркомпросовскими работниками, и проистекали из такого представления о паре — учитель плюс ученик.

Повторяю, такой пары нет. А что есть? Есть школа, организация, коллектив, общий стиль всей работы. И если у вас в школе будет правильный стиль, правильный тон, правильный коллектив, то никакой риск не делается страшным, и всякий риск необходим и возможен.

Это второе положение моей теории: никакой метод не может быть выведен из представления о паре: учитель плюс ученик, а может быть выведен только из общего представления об организации школы и коллектива.

В таком случае вопросы воспитательной работы никогда не могут быть разрешены порядком рекомендации метода каждому отдельному учителю по отношению к отдельному ученику, а могут быть разрешены рекомендацией формы, стиля и тона для всей организации.

И первой такой формой, необходимой у нас, в советском воспитании, является коллектив [школы]. Задача нашего воспитания сводится к тому, чтобы воспитать коллективиста. Какие мы отсюда сделали выводы? До сих пор многими делаются только такие выводы, что с учеником нужно говорить о коллективе, воспитывать его в смысле политических представлений и идей. Но они будут правильно усвоены только тогда, когда и на практике вы будете следовать этим идеям и принципам. А для того, чтобы наше политическое воспитание и на практике немедленно претворялось в жизнь наших учеников и учителей, нельзя обойтись без коллектива. Наша советская педагогическая логика не сможет выдержать никакой критики, если мы вычеркнем в логическом построении коллектив.

Тогда мы поставим вопрос: а что такое коллектив? Нельзя представить себе коллектив, если взять попросту сумму отдельных лиц. Коллектив - это социальный

живой организм, который потому и организм, что он имеет органы, что там есть полномочия, ответственность, соотношение частей, взаимозависимость, а если ничего этого нет, то нет и коллектива, а есть просто толпа или сборище. И вот я все свои 16 лет советской педагогической работы главные свои силы потратил на решение вопроса о строении коллектива, его органов, о системе полномочий и о системе ответственности.

При этом я сделал еще один вывод — я не представлял и не представляю себе, можно ли воспитать коллектив или, по крайней мере, детский коллектив, если не будет коллектива педагогов. Совершенно несомненно, что нельзя воспитать коллектива, если 15 педагогов будут каждый воспитывать, кто как умеет и как кто хочет. Понятно поэтому, что должен быть и коллектив педагогов.

А что у нас написано о коллективе педагогов?[7] Что мы, я и вы, знаем о нем? Если нас спросить с научной точки зрения о коллективе педагогов, то мы не знаем ни одного слова, хотя нам прекрасно известно, что там, где есть коллектив, там работа идет успешнее, там и вопрос о дисциплине не ставится, пожалуй.

Я иду еще дальше: я готов разобрать и такие вопросы как вопрос о длительности педагогического коллектива, как вопрос о стаже педагогической работы отдельных членов коллектива, потому что если вы построите весь коллектив из педагогов с одногодичным стажем работы, то, несомненно, это будет слабый коллектив. И вопрос о соответствии, о том, сколько должно быть старых и новых педагогов, — тоже научно-педагогический вопрос.

Я очень часто переживал в своей работе напряжения, следующего порядка: вот у меня имеется одно вакантное место педагога. Кого пригласить? И очень часто организации, от которых это зависело, мне рекомендовали: «Используйте человека, которого мы вам прислали». Я спрашивал: «А почему именно этого человека вы прислали?» — «Да подвернулся под руку». Этот случайный принцип комплектования педагогического коллектива бывает иногда удачен, иногда нет.

Я помню – иногда я знал, что мне обязательно нужно пригласить молодого человека (стариков у меня достаточно), а иногда я втайне грешил (это я побоялся написать, даже в «Педагогической поэме») — я считал, что мне нужна хорошая девушка в коллективе. Почему? Да потому, что собрались все такие вот вроде меня и у учеников глазам отдохнуть не на чем. (Общий смех.) Эта хорошенькая девушка внесет и молодость, и свежесть, и известный задор. Пусть даже пойдут разговоры, что в нее вот такой-то педагог влюбился. Это только оживит общий тонус коллектива. А кто подсчитал — какое значение имеет общий тонус? У нас еще не успели этого подсчитать за двадцать лет, в Западной Европе тоже ничего в этой части не имеется.

Надо, чтобы в коллективе был и сердитый, строгий дед, который никому ничего не прощает, который никому не делает никаких уступок.

Нужно, чтобы была и «мягкая душа» — человек несколько слабовольный, который всех любит, всем все прощает, всем ставит пятерки. (Смех.) Такой, честное слово, нужен. Теперь это смешно, а я не смеялся и искал такого старика. Я знал, что такой человек уменьшит трения, возникающие иногда в коллективе.

Я говорю с вами, товарищи, как с коллегами, потому что обо всех этих вещах нужно долго и писать, и говорить, и подсчитывать, но в практической работе полезно иногда, положившись на собственную интуицию, не взять опытного педагога, а взять молодую девушку, и всякий ответственный директор это прекрасно знает.

Так вот, коллектив учителей и коллектив детей — это не два коллектива, а один коллектив, и, кроме того, коллектив педагогический. Причем я не считаю, что нужно воспитывать отдельного человека [изолированно], я считаю, что нужно воспитывать целый коллектив. Это единственный путь правильного воспитания.

Я сам стал учителем с семнадцати лет и сам долго думал, что лучше организовать одного ученика, воспитать его, воспитать второго, третьего, десятого, и

когда все будут воспитаны, то будет хороший коллектив. А потом я пришел к выводу, что нужно иногда не говорить с отдельным учеником, а сказать всем, построить такие формы, чтобы каждый был вынужден находиться в общем движении. Вот при этом мы воспитываем коллектив, сбиваем его, придаем ему крепость, после чего он сам становится большой воспитательной силой. В этом я глубоко убежден.

И меня убедила в этом не колония им. Горького ...а коммуна им. Дзержинского. В коммуне я добился того, что коллектив сам стал замечательной творящей, строгой, точной и знающей силой. Этого нельзя сделать приказом, такой коллектив нельзя создать и за два, и за три года, такой коллектив создается за несколько лет. Это дорогая, исключительно дорогая вещь. Но когда такой коллектив создан, тогда нужно его беречь, и тогда весь воспитательный процесс проходит очень легко.

Но тут встает вопрос, наш педагогический вопрос: а как же беречь коллектив? Представьте себе, что вы, группа учителей, воспитали коллектив, создали традиции, создали законы, которым все верят, добились того, что каждый в каждую минуту своей жизни физически чувствует, что за ним стоит коллектив. И вот перед вами задача — как это не потерять. Коллектив — чрезвычайно нежная, чрезвычайно сильная вещь. А развалить его, испортить, перемешать части может первый попавшийся самодур. Как спасти коллектив от самодура? А ведь он может выскочить из-за любого угла, предъявить вам мандат и сказать: «Делайте так, делайте так, делайте так». И вот тут-то необходимы наши общие формы, наши общие советские традиции, и у нас они нарастают. Сейчас это еще во многих случаях принимает форму болезненного явления, но я убежден, что через самый короткий промежуток времени у нас будут такие традиции воспитательной работы, которые, не скоро поломаешь. Их немного, но у нас они уже есть, и они делают свое дело.

Вот то, что я хотел сказать о коллективе. Отсюда вытекает и вопрос о дисциплине, самый больной вопрос нашего педагогического сегодня.

Как раз по вопросу о дисциплине я переболел больше вас всех и раньше вас начал болеть. Я начал с преступления. Если вы читали «Педагогическую поэму» — вы знаете. Это был удар, это было избиение воспитанника. Это было очень тяжелое переживание, тяжелое во всех отношениях. Я уже не говорю о том, что это было уголовное преступление против нашего советского уголовного закона и что я имел все шансы на то, что меня могут на три года посадить. Не это меня мучило, а другое — я испугался самой мысли, что, может быть, это — педагогический закон: не ударишь - не поедешь. Причем я находился в таком положении, когда я не мог мучиться, заперевшись в комнате, я должен был работать. Таким образом, для меня стояла ясная проблема — быть дальше или, испугавшись, отступить? Что делать?

Вот такой вид приняла для меня проблема дисциплины - вид отчаяния, позора и преступления. И я, дав слово Алексею Максимовичу писать только правду, написал: без всяких утаек, как было дело; я написал: да, ударил и все-таки махнул рукой и сказал — пойдем дальше! И я только через три или четыре года понял, что и мой удар, и моя растерянность, и все мои мучения проистекали оттого, что у меня в руках ничего не было: ни знания, ни навыков, ни привычек, ни мастерства.

Вот рядом с коллективом и нужно поставить мастерство. Даю вам честное слово, я себя не считал и не считаю сколько-нибудь талантливым педагогом. Говорю вам это попросту. Но я много работал, считал себя и считаю работоспособным, я добивался освоения этого мастерства, сначала даже не верил, да есть ли такое мастерство, или нужно говорить о так называемом педагогическом таланте. Но разве мы можем положиться на случайное распределение талантов? Сколько у нас таких особенно талантливых воспитателей? И почему должен страдать ребенок, который попал неталантливому педагогу? И можем ли мы строить воспитание всего нашего советского детства и юношества в расчете на талант? Нет. Нужно говорить только о

мастерстве, т. е. о действительном знании воспитательного процесса, о воспитательном умении. Я на опыте пришел к убеждению, что решает вопрос мастерство, основанное на умении, на квалификации.

Но и здесь я пришел к некоторым, если хотите, новым убеждениям.

Я считаю, что наших педагогов в вузах, где они учатся, нужно по-иному воспитывать. Для меня в моей практике, как и для вас, многих опытных учителей, такие «пустяки» стали решающими: как стоять, как сидеть, как подняться со стула из-за стола, как повысить голос, улыбнуться, как посмотреть. Нас этому никто не учил, а этому можно и нужно учить, и в этом есть и должно быть большое мастерство. Здесь мы сталкиваемся с той областью, которая всем известна в драматическом или даже в балетном искусстве: это искусство постановки голоса, искусство тона, взгляда, поворота. Все это нужно, и без этого не может быть хорошего воспитателя. И есть много таких признаков мастерства, прямых привычек, средств, которые каждый педагог, каждый воспитатель должен знать.

У нас в школах — вы сами знаете — иногда у одного учителя хорошо сидят на уроках, а у другого — плохо. И это вовсе не потому, что один талантлив, а другой нет, а просто потому, что один мастер, а другой нет.

И нужно воспитывать педагогов, а не только образовывать. Какое бы образование мы ни давали педагогу, но если мы его не воспитаем, то, естественно, мы можем рассчитывать только на его талант.

Кроме мастерства здесь требуется еще и большое знание самой организации. Поднимается ли у нас в нашей педагогической теории вопрос о таком «пустяке», как школьный центр? Нет, а между тем функционирование школьного центра, зависимость отдельных элементов этого центра во многом решают вопрос о дисциплине.

Я не знаю, как это можно сделать в школе, но у меня в коммуне был центр, во-первых, на определенном, самом лучшем месте, во-вторых, он никогда не оставался без ответственного лица. Каждый коммунар знал, что в мое отсутствие на моем месте сидит лицо, которое отвечает за учреждение, все мои коммунары знали, что есть центр, который не прекращает работу, и что всегда есть кого позвать, к кому обратиться.

А от этого центра идут уполномоченные лица. Таким уполномоченным лицом у меня в коммуне был дежурный командир. Это мальчик, самый обыкновенный, который дежурит два раза в месяц. Вообще он не имеет никаких прав, но, когда он надевает повязку, он получает очень большие права. И если у вас в коллективе создана традиция, утверждающая, что эта «магистратура» нужна и что эти права идут на пользу коллективу, если вы воспитали в коллективе уважение к своему уполномоченному, тогда ваш дежурный командир делает очень большое дело. Это лицо, отвечающее за рабочий день, за каждый случай в течение рабочего дня. И уже одно то, что среди воспитанников или школьников этот мальчик умеет провести свою власть как власть коллектива, не поступившись этой властью, не оскорбивши ее, не позволив ее никому оскорбить, — уже одно это делает колоссальные повороты.

Этот мальчик в коммуне имел права приказа, и приказа безапелляционного. Мы не побоялись на это пойти. Вот такой пятнадцатилетний дежурный командир может приказать старшему комсомольцу: «Убери тряпку». Потом его могли «проветрить» в комсомольском бюро, но отказаться выполнить приказ было нельзя.

Мы пошли дальше. Полномочия этого мальчика были настолько почетными, что общее собрание постановило: рапорт дежурного командира проверять нельзя, полное доверие его рапорту. Если ко мне дежурный командир или бригадир придет и за столом скажет что-нибудь, я могу проверить, но, если он мне рапортует в определенной торжественной обстановке, подчеркивающей, что он говорит не просто как живая личность, а как уполномоченный коллектива, считалось, что в этом

случае командир соврать не может, и, правильно, не может, как бы он ни хотел соврать. И вот эта идея уполномоченного с большими функциями и строгой ответственностью - разве это не то, на чем дальше сбивается коллектив?! Это все относится к вопросу организации центра.

Я не стану вас затруднять такими моментами, которые, может быть, для школы не подойдут. Я обращаю ваше внимание на то, что вопрос о том, кто у вас в центре и в какой зависимости эти уполномоченные стоят, вовсе не простой вопрос

Имейте в виду, что функции этого центра затрагивают другую очень важную область педагогики, которую мы все давно признаем и уважаем, но в серьезной государственной школьной организации не всегда применяем, — это наши взгляды на детскую игру. Мы считаем, что ребенок должен поиграть, и игрушек у нас сколько угодно, но в то же время мы почему-то убеждены, что для игры должно быть какое-то отдельное место, и этим все участие игры в воспитании ограничивается.

А я утверждаю, что детская организация должна быть пропитана игрой. Учтите, что речь идет о детском возрасте, у него есть потребность в игре и ее нужно удовлетворить, и не потому, что делу время, потехе час, а потому, что как ребенок играет, так он будет и работать. И я был сторонником того, что вся организация детского коллектива должна быть проникнута этой игрой, а мы, педагоги, должны в этой игре принимать участие.

Когда ко мне приезжали наркомпросовские комиссии, наблюдали систему моих рапортов, конечно, в душе я увядал, потому что прекрасно представлял себе, что они смотрели на меня и думали: «Как будто бы и взрослый человек, как будто бы и не дурак, а посмотрите, что он выделывает!» (Смех.) А я говорил: «Есть! Есть! Есть! Есть! Есть!» И так я «играл» шестнадцать лет, и не только в этом случае, а во многих случаях, в ту самую пресловутую военизацию, за которую меня в свое время «ели», — в командиров, в салюты и т. д. Настоящая военизация была в стрелковых кружках, а это была игра, в которой я принимал участие, принимал участие потому, что я пришел к убеждению, что без такой игры труднее создать настоящий, веселый и бодрый коллектив.

Причем я с удовлетворением отмечаю, что эта «игра» постепенно внедряется. Возьмите, например, школы подготовки артиллеристов[8]. Там уже ввели немножко эту игру. Это не специальные учебные упражнения, это специальная эстетика, которая в детском коллективе необходима.

А вы думаете, что мы с вами не играем? Играем! Возьмите все эти галстучки, булавочки, кошечки, собачки! Это тоже игра. Как будто бы это принято, а на самом деле мы играем — иногда играем в важность в своем кабинете, иногда играем в книжность, когда мы обставимся книжками и думаем — у нас есть библиотека. Ведь играем же мы в библиотеку? Играем. Разложим книжки, а очередной номер журнала держим под подушкой. А в гостиную разве мы не играем? Играем. И в столовый прибор, и в ножички для разрезания лимона и апельсина играем, хотя никогда никакого лимона и апельсина этим ножом не разрежешь! (Смех.) А почему, как только дети — так сплошная серьезность, сплошная мораль, мораль, учеба и учеба? А поиграть? «Он на перемене поиграет», — говорит педагог. «Пойди побегай, но только смотри, чтобы стекло не разбил, грязи не нанес, чтобы нос не разбил!» (Смех.)

И вот я считаю, что это привлечение игры в детский коллектив совершенно необходимо… Я дошел бы еще до больших чертиков в этом отношении, но, во-первых, мне не позволяли, а во-вторых, я чувствую, что я буду играть один, потому что никто больше играть не хочет. (Смех.) Между прочим, когда меня спросили в НКВД, какую форму для коммунаров выдумать, то я постеснялся сказать, но вам скажу по доверию, в расчете, что вы никому не расскажете. Я считал, почему женщины носят страусовые перья, почему только им это можно? А, по-моему, нужно отобрать у них страусовые перья и оставить их для школьников. Во всяком случае, в

костюме, может быть, не в перьях, но в какой-то пуговице, в какой-то выпушке, в каком-то покрое должна быть игра.

Мы знаем, что в нее играют не только маленькие, но и взрослые: многие носят форму, а многие мечтают, что будут когда-нибудь носить. В этом есть что-то приятное. Скажем, человек одет в форму железнодорожника. А для ученика это еще важнее. И совсем не нужно для этого никаких дорогих материй, и разговоры о том, что у нас нет сукна, совершенно излишни.

Но вот, наконец, еще два важных обстоятельства, на которых я хотел остановиться, — это наказание и труд[9].

Если вы помните, я написал для «Правды» о наказании две статьи. Одна из них первоначально так и называлась «Наказание». Но как-то так случилось, что, пока эта статья писалась и оформлялась, вопрос о наказании из нее понемногу исчезал. Я не скажу, насколько это нужно в школе, и, пожалуйста, прошу не принимать моего слова как рекомендацию какого-то наказания. Я скажу, какие наказания я применял и какая от этого была польза, а по секрету вам скажу: я лично убежден, что это было бы полезно и в школе.

Я применял два вида наказаний.

Все мои коммунары делились на два отдела: огромное, подавляющее большинство — коммунары, а те, кто [еще] не получил такого звания, - воспитанник[10]. («Мы тебя воспитываем, а коммунары уже воспитаны»). И вот воспитанника я имел право наказывать — «греть», как у нас говорили: я мог дать ему вне очереди наряд.

Что такое «наряд»? Наряд — это самая разнообразная работа, которая от меня даже не зависела. Я имел право назначить наряд. Дежурные командиры всегда записывали: такой-то имеет, скажем, два наряда, такой-то — один наряд. Причем никто никогда не гонялся за имеющим наряды, а было так: нет работы — «нарядные» находятся в запасе, а пошел, скажем, дождь, нужно поставить бочки — пожалуйста, ставь бочки; или нужно поехать в город получить деньги — отправляйся в город; или уборка на кухне — помогай на кухне.

Воспитанника я мог оставить без отпуска, в выходной день он не мог никуда уйти; я мог удержать воспитаннику выдачу карманных денег, т. е. не дать ему денег на руки из его заработка, а положить в сберкассу, откуда он без моей подписи ничего получить не мог.

Накладывать такие наказания на коммунаров я не мог, не имел права. Для коммунаров было одно наказание - арест, а на воспитанника я не мог наложить арест, он еще до этого не дорос. (С м е х .) Коммунар мог ходить в отпуск без разрешения, доложив только, до какого часа; он мог быть избран уполномоченным, а воспитанник — нет.

И еще одним правом пользовались коммунары: коммунару я обязан верить на слово: если он сказал, что он дал слово, то неудобно, неприлично не верить на слово.

Значит, коммунар мог быть наказан только арестом. Что такое арест?

Так же как и в случае с нарядами, я мог только наложить арест, причем считалось законом, что я должен в это время встать, т. е. не мог сидя, развалившись в кресле, сказать: «Два часа ареста!», а коммунар должен был мне ответить обязательно салютом: «Есть, два часа ареста!» Если коммунар не сказал, значит, он не принял моего наказания, значит он не согласен, и тогда я имею право передать вопрос на общее собрание[11].

Но должен вам сказать, что я не помню такого случая. Наказывать нужно очень редко.

Получив арест, коммунар уходил, и никто никогда это не записывал: наряды дежурный командир записывал и следил, чтобы они были выполнены, а арест — нет. Сам коммунар должен помнить, сам должен выбрать для себя удобное время, чтобы

отбыть наказание. Вот тогда он приходил и говорил: «Прибыл под арест!» Арест заключался в том, что он приходил и должен был сидеть положенное время в моем кабинете[12]. Арест — это внешняя инструментовка, а главное — это то, что кабинет — центр, где протекает вся жизнь колонии: где звонит телефон, куда приходят заказчики и т. д. И вот сидящий следит, как проходит жизнь.

Причем мне заказывается очень важная методика: я все разговоры веду так, что то и дело вверну что-нибудь специально для отбывающего арест коммунара. Если он, скажем, разбил стекло, то я в разговоре с кем-нибудь скажу: «Если будете ехать в город, купите, пожалуйста, ящик стекла, а то вот у нас стекла стали бить. (С м е х .) Вы говорите, денег нет? Как же так, что же мы будем делать?» и т. д. Если он девочку затронул или оскорбил, то на эту тему нужно несколько раз пройтись. Но я никогда не позволял себе допекать провинившегося прямо в глаза: вот, ты сделал то-то и то-то, как это нехорошо!

В коммуне было такое правило: раз наказан и сказано: «Есть!» — больше о проступке говорить нельзя, это считалось неприличным. Пока наказание не наложено, тут мы и собрания устраиваем, и чего только ни говорим, но как только есть постановление, как только наложено определенное наказание, — кончено, считалось совершенно неприличным, неэтикетным говорить о там проступке, за который уже наложено наказание. Это весьма важная традиция, она спасает наказанного от каких бы то ни было издевательств над ним.

Это то, что касается наказания.

Но тут я бы внес такой корректив. Я считаю совершенно неправильной такую постановку вопроса: «Наказывать, конечно, надо, но…» Эти «но» сводятся к тому, что, во-первых, надо стараться не наказывать, а, во-вторых, хороший учитель никогда не будет наказывать. Старайтесь сделать без наказания, «педагогическим тактом», а, в крайнем случае (значит, в скобках, - если вы никуда не годный учитель) — наказывайте. Дело обстоит совсем не так. Во-первых, плохой учитель не должен наказывать ни в коем случае.

Право наказания у меня в колонии имел только один человек[13], право наказания должно быть сосредоточено в одном геометрическом центре, чтобы было какое-то единство, а во-вторых, наказывать необходимо всегда, когда нужно наказывать, ни в коем случае нельзя заменять наказание простым разговором.

Логика такая: если нужно наказание, если наказание в данном случае полезно, значит, оно и должно быть применено. Ибо, что такое «педагогический такт» в том понимании, в каком это у нас часто употребляется, т. е. в кавычках? Педагогический такт часто — это особый способ увильнуть от воспитательной работы и от ответственности, и только. А учитель не имеет права отворачиваться ни от работы, ни от ответственности.

Я лично, тем не менее, считаю, что много наказаний быть не должно, но по другой логике: наказания не должны оглушать весь коллектив и делаться бытом в коллективе, наказания должны быть настолько редки, чтобы весь коллектив обратил на наложенное наказание внимание. Только поэтому наказания необходимо применять не часто. Если же у нас случался такой отрезок времени, когда что-то в коллективе расстроилось, - я бил наказанием просто без остановки, пока не наступало изменение[14].

Наказание накладывал, как правило, я как старший уполномоченный коллектива. Но самое строгое и жестокое наказание, такое наказание, как исключение из коллектива, я всегда считал необходимым проводить через общее собрание.

Тут мы подошли к очень интересному вопросу – общее собрание. Я не знаю, насколько это в школе возможно. На практике я этого не испробовал и сомневаюсь, потому что в школе слишком большая разница в возрастах, кроме того, там слишком недостаточное общение между старшими и младшими возрастами, и не знаю, какой

вид могло бы иметь общее собрание в школе, но я уверен, что если бы в школе был единый сплоченный коллектив, то это было бы возможно.

Я имел право в колонии исключить воспитанника, но я никогда этим без общего собрания не воспользовался. Конечно, вы понимаете, что на общем собрании вы должны добиться такого постановления, какое вы считаете необходимым, а если коллектив вас уважает и понимает вас, то общее собрание всегда будет на вашей стороне. Для чего же тогда нужно общее собрание?

Я считаю, что общее собрание нужно не столько для того, чтобы наложить правильное наказание, сколько для того, чтобы каждый член общего собрания считал себя ответственным за решение. Вот это переживание ответственности воспитывается в коллективе с наибольшим трудом, но зато, когда оно воспитано, оно творит чудеса. А это переживание ответственности вырабатывается очень большой точностью работы и четкостью.

В коммуне на общих собраниях был установлен такой регламент: речь могла продолжаться одну-две минуты. И вот даже в этом пустяке воспитывалась ответственность.

Ее можно воспитывать еще при помощи главным образом персональных поручений. В школе мне не приходилось наблюдать такие персональные поручения, а я их практиковал очень часто. Это значит – в каждом случае поручается кому-нибудь что-нибудь сделать с обязательным отчетом на общем собрании и с обязательной проверкой; не сделал — получай взыскание. Не стану затруднять вас слишком детальным описанием таких поручений — я уверен, что каждый директор школы и каждый коллектив педагогов всегда найдет, что поручить.

Наконец, я хочу обратить ваше внимание еще на один момент — на значение единоличного центра. Я лично убежден в том, что во главе школьного педагогического коллектива должен стоять полномочный педагог - директор. В своей практике (а я 16 лет работал в больших колониях с большим хозяйством) я имел право пригласить заведующего педагогической частью, и никогда его не приглашал, и считаю, что всю воспитательскую и хозяйственную власть необходимо объединить в одних руках, как бы трудно, как бы тяжело это ни было. Через год такой работы директору станет гораздо легче: он все держит в своих руках, он все знает.

Вообще в педагогическом детском и учительском коллективе я не могу понять логики, по которой центр разбивают на несколько ответственных лиц. Я считаю, что и воспитателем и хозяйственником должно быть одно лицо[15]. Это нелегко, я тоже вставал в 6 часов утра и ложился в 1 час ночи и не имел выходных дней (я думаю, что такая доля готовится и директору школы), - но… Но как это ни трудно, все-таки лучше истратить, это предельное время, а сохранить качество детского коллектива, оно дороже даже здоровья.

Вот, товарищи, все, что я хотел сказать по основным, главным вопросам…

Прошу вас, ни в какой мере не смотрите на то, что я сказал, как на какие-то советы или как на какую-то рекомендацию. Это то, что делал я в исключительных условиях и в исключительном коллективе, воспитывая правонарушителей, беспризорных или детей, выбывших из семьи.

Кроме того, учтите одно важное примечание: для того чтобы создать все эти формы, нужно несколько лет. Ни в коем случае нельзя думать, что можно прийти, изобрести и осуществить это в течение нескольких дней.

Но если бы меня спросили, с чего бы я начал в нормальной школе, я сказал бы: я начал бы не с формы и не с создания традиций, а начал бы с хорошего общего собрания, где так, от души, в лоб сказал бы ребятам: во-первых, чего я от них хочу, во-вторых, чего я от них требую, и, в-третьих, я предсказал бы им, что [новое] у них будет через два года.

Я убежден, что хорошо сказанное детям деловое, крепкое слово имеет громадное значение[16] и, может быть, у нас так много еще ошибок в организационных

формах, потому, что мы еще и говорить часто с ребятами по-настоящему не умеем. А нужно уметь сказать так, чтобы они в вашем слове почувствовали вашу волю, вашу культуру, вашу личность. Этому нужно учиться.

Заканчивая, я от души желаю вам в вашей работе успеха. Уверен, что у вас не меньше всяких мыслей и изобретений, чем, скажем, у меня, только я отличаюсь многословием — пишу книги, а вы, может быть, помалкиваете, хотя у каждого из вас есть очень интересные новеллы. (Продолжительные аплодисменты.)[17]

Заключительное слово

Я думаю, что не нужно никакого заключительного слова, а я просто отвечу на вопросы и записки.

Вот одна записка, касающаяся очень важного вопроса, вопроса о риске: *«В Ленинграде был случай, когда ученик, получив плохую отметку, покончил жизнь самоубийством - выбросился из окна класса. Как быть в таких случаях?»*

Совершенно правильно поставленный вопрос. Но в самом вопросе заключается ответ. Какой риск был в том, что ученику была поставлена плохая отметка? Это совершенно узаконенная, нормальная, средняя мера.

Никто же не думает, что как только ставишь отметку, так и отнимай у ученика нож или смотри, чтобы он не выбросился из окна. Это самая нерискованная мера, а все-таки ученик ненормально реагировал на эту отметку.

Что это значит? Это именно и значит, что какие-то другие меры, еще менее рискованные, в общей сумме привели к тому, что маленькая плохая отметка оказалась только лишь последней каплей. Вот это есть самый безобразный риск, который часто имеет место. Мы накапливаем в своей работе мелкие, совершенно нерискованные влияния, будучи уверены, что в каждом из них нет риска. Мы гладим мальчика по голове, мы портим ему нервы хотя бы тем, что в школе содом и визг. Может быть, мы своим «ровным» голосом вызываем у него отвращение к жизни, и потом ко всему этому прибавляется еще совершенно нерискованная мера — плохая отметка, — и мальчик бросается из окна. Я и думаю, что гораздо больший риск, по сути дела, часто заключается в нашем непротивленчестве, чем в прямой, искренней открытой борьбе с некоторыми тенденциями в развитии ребенка.

У меня тоже были самоубийцы[18], но они были именно тогда, когда я думал, что нет никакого риска. И ошибался я чаще всего тогда, когда я был мягкотелым, неискренним, неправдивым.

Учтите следующее важнейшее обстоятельство: если ваши ученики знают, что вы, директор, и все ваши помощники, учителя, весь педагогический коллектив — люди с открытой душой, люди справедливые, прямые, то в таком школьном коллективе не может возникнуть мысль о самоубийстве. Как бы вы ни поступали, у учеников всегда будет ясное представление, что это сделали вы — человек, известный каждому ученику как открытая личность, и всегда у него возникает мысль о том, что вы правы, и именно к вам он пойдет за советом, поговорить, подумать о том, что ему делать. А вот когда вы прячетесь от ученика за ровным голосом, он никогда к вам не пойдет, он самое тайное, самое опасное переживание обязательно от вас спрячет. Да и кого же потянет к человеку с ровным голосом!

Я в своей жизни из коммуны им. Дзержинского за 8 лет выгнал безжалостно на все четыре стороны[19], наверное, человек 10, причем выгнал, не замазывая ничем. Им было сказано: «Выгоняем на все четыре стороны, потому что ты негоден, ты оскорбляешь и обижаешь нас своим существованием. Мы прямо говорим, что ты низко стоишь как человек». И что вы думаете, я не дрожал несколько ночей, думая, чем все это кончится? Дрожал, но я чувствовал внутреннюю потребность так поступить, мой поступок был поддержан моей совестью. И вы знаете, что все эти выгнанные, потом, через 5—6—7 лет, присылали мне письма.

Совсем недавно, например, перед отъездом сюда получаю письмо. Пытаюсь вспомнить, кто же это. Вспоминаю: я его выгнал несколько лет тому назад. Он пишет: я участвовал в боях на озере Хасан и поэтому должен сейчас написать письмо. Спасибо вам, что вы меня тогда выгнали. Если бы вы меня не выгнали, я бы так и остался никуда не годным человеком. А когда вы меня выгнали, я понял, как я низко пал, и решил доказать, что я могу быть человеком. Через 8 лет я потерял из виду этого человека, и вот он написал, когда он оказался победителем у озера Хасан; именно в этот момент он вспомнил обо мне как об одной из причин его сегодняшнего блеска.

Попробуйте поэтому предсказать — куда ведет каждый поступок!

Конечно, если коллектив слаб, то каждый нарывчик мешает, и в таком коллективе приходится выгонять с ласковой физиономией, но без достаточных поводов, а из сильного коллектива вы выгоните тогда, когда человек действительно пошел против коллектива, и тогда ваш поступок и на того, кого вы выгоняете, подействует в высокой степени отрезвляюще.

Кроме того, говоря о риске, я сказал с самого начала, что чем сильнее коллектив, чем правильнее он организован, тем сильней вы можете его поворачивать и тем меньше будет риска, а в слабом, плохо организованном коллективе я сказал бы так: каждое ваше движение рискованно. Вы не можете отвечать ни за что, если нет общей системы, вы не можете сказать, где у вас риск и где у вас его нет.

Затем одно мое возражение. Я не говорил, что у меня нет мастерства. Я говорил, что у меня нет таланта, а мастерства я добился. Мастерство — это то, чего можно добиться, и как может быть известный мастер-токарь, прекрасный мастер-врач, так должен и может быть прекрасным мастером педагог.

А что такое педагогический талант? Чего стоит педагогический талант, если нет мастерства? Ничего не стоит. Я, конечно, говорю о воспитательном таланте, в отличие, скажем, от талантов преподавательских. А мастерство это очень достижимая вещь.

У меня был такой помощник — Тимофей Денисович Татаринов. Он со мной долго работал. Это было нежнейшее существо, иначе он ни к кому не обращался, как «хлопятки» (хлопцы), «дивчатки». Это была полная мне противоположность. Хороший учитель. Я взял его из сельской школы. Причем человек замечательной работоспособности, исключительной ловкости, многое умеющий изготовить, над многим умеющий подумать. Его многие любили, но в его мягкости видели какое-то противоречие. Потом он постепенно вырос и стал моим заместителем.

И вот что удивительно. Я часто уезжал по делам, а он был на моем месте. По нашим законам и традициям — пока я в колонии, я имею все права, а я уезжаю — все права переходят к нему. И вот Тимофей Денисович научился у меня целому ряду приемов. Я имел, надо сказать, грешные не педагогические приемы, любил иногда сказать — черт бы вас забрал! Так что же вы думаете? И он стал так говорить, но он говорил так: «Черт бы вас забрал» (тихим, мягким, добрым тоном). (Общий смех.) И что удивительно - это производило свое действие. В его характере это было негодование, и все понимали, что он «годует». (Смех.) Это было мастерство. Я потом его спрашиваю — тут вот говорят, ты кулаком стучал по столу, и кричать не кричал, а «черные» слова говорил. А он мне отвечает: «Да, я цэ нарочно робив». То есть человек по своей натуре приспособил к себе внешние формы гнева. (Смех.) И все говорили: «Он сердитый, Тимофей Денисович!» А это значит нехорошо.

Так что я уверен, что все мы с вами – люди одинаковые. Я проработал 32 года, и всякий учитель, который проработал более или менее длительно, - мастер, если он не лентяй. И каждый из вас, молодых педагогов, будет обязательно мастером, если не бросит нашего дела, а насколько он овладевает мастерством – зависит от собственного напора.

Теперь о педагогическом гневе. Не подумайте, пожалуйста, что я вас призываю вместо ровного голоса к грозному стуку кулаками по столу, крику и т.д. Это не может произвести полезного действия.

А то, что я ударил Задорова и это произвело полезное действие, произошло потому, что Задоров был большой человек. Вы в «Педагогической поэме» не обратили на это внимания. Задоров был человек большой души, он сумел понять очень многое, а это бывает редко. Он и теперь такой. А если бы я нарвался не на него, а на такого, который бы мне сдачи дал, то было бы совершенно другое. Но именно потому, что это был Задоров, он ко мне пришел немедленно после удара на помощь, он понял, что я его ударил, а сам погибаю от этого.

Так что в том случае это было полезно, а вообще – это преступление. Почему? Конечно, иногда ударить человека полезно, в особенности взрослого. Есть такие люди, что каждый из вас набил бы ему морду и считал бы себя правым. (Смех.) А все-таки никто такого права не имеет. И если бы представить право физического наказания, то, поверьте мне, самые худшие представители стали пользоваться этим правом больше всех. Так что о физическом наказании разговаривать нельзя.

Точно так же: Что такое гнев? Все надо понимать диалектически. При мастерстве гнев звучит иначе. Если вы мастер, то вы будете переживать негодование, но у вас это не примет никаких антипедагогических форм. Это будет искреннее проявление вашего настоящего человеческого чувства, но не вообще человека, а мастера-педагога.

Я хочу несколько развернуть эту тему. Не только гнев противополагается ровному голосу, а вообще живое переживание человека. Надо представить себе всю лестницу: от простого недовольства до гнева. Я должен сказать, что я тут научился поневоле, и я знал, что значит сказать: «Здравствуй» — сухим, сдержанным тоном и «Здравствуй» — спокойным, добрым тоном; или: «Все. Можешь идти» — суровым, холодным тоном; или: «Все. Можешь идти» — сдержанным, но мягким тоном. Все это практика. И если вы поставите перед собой несколько таких интересных задач и поупражняетесь, то это будет очень неплохо. Я неоднократно заставлял упражняться своих сотрудников в подобного рода вещах. Я говорил иногда:

- Я — директор, ты — ученик, ты украл 3 рубля. Вот я буду с тобой разговаривать, а остальные слушайте, как я с ним разговариваю.

Вот представьте что я ученик, украл 3 рубля. Попробуйте со мной разговаривать. Задавайте мне вопросы. Как вы будете спрашивать: «Скажи, ты это сделал?» Или: «Это ты сделал. Я знаю!» (Смех.) Вот попробуйте. Ведь пустяковая задача, а встречается на каждом шагу. И без постановки голоса, без мимики здесь ничего не выйдет.

Это разворачивание вашего мастерского тона проявляется не только в крайних категориях гнева или радости.

Вот вам иллюстрация. Рыжиков спрашивает Ножика:

- Чего ты стараешься?

- А мне понравилось...

- И Захаров понравился?

- О! Захаров очень понравился!

- За что ж он тебе так понравился?

- А за то... за одно дело.

Хитрые большие глаза Ножика обратились в щелочки, когда он рассказывал, чуть-чуть поматывая круглой головой:

- Одно такое было дело, прямо чудо, а не дело. Он мне тогда и понравился. У нас свет потух, во всей колонии потух, во всем городе даже, там что-то такое на станции случилось. А мы пришли в кабинет и сидим — много пацанов, на всех

диванах и на полу сидели. И все рассказывали про войну. Захаров рассказывал, и еще был тот... Маленький, тоже рассказывал. А потом Алексей Степанович и говорит:

- До чего это надоело! Работать нужно, а тут света нет! Что это за такое безобразие!

А потом посидел, посидел и говорит:

- Мне нужен свет, черт побери!

А мы смеемся. А он взял и сказал, громко так:

- Сейчас будет свет! Ну! Раз, два, три!

И как только сказал «три», так сразу свет! Кругом засветилось! Ой, мы тогда и смеялись, и хлопали, и Захаров смеялся и говорил:

- Это нужно уметь, а вы, пацаны, не умеете!

Ножик это рассказал с хитрым выражением, а потом прибавил, открыв глаза во всю ширь:

- Видишь?

- Что ж тут видеть? — спросил пренебрежительно Рыжиков. — Что ж, по-твоему, он может светом командовать?

- Нет, — протянул весело Ножик... — Зачем командовать? Это просто так сошлось. А только... другой бы так не сделал.

- И другой бы так сделал.

- Нет, не сделал. Другой бы побоялся. Он так подумал бы: я скажу — раз, два, три, а света не будет. Что тогда? И пацаны будут смеяться. А видишь, он сказал. И еще... как тебе сказать: он везучий! Ему повезло — и свет сразу. А я люблю, если человеку везет.

Рыжиков с удивлением прислушивался к этому хитрому лепетанию и не мог разобрать, шутит Ножик или серьезно говорит, И Рыжиков остался недоволен этой беседой:

- Подумаешь, везет! А тебе какое дело?

- А мне такое дело: ему везет, и мне с ним тоже везет. Хорошо! Это я люблю.

В чем тут дело? Дело в простом совпадении: нет света, человек говорит: «Сейчас будет свет», и вдруг свет появляется. И вот такой случайный пустяк создает вам авторитет на многие годы. Прошло уже три года, а об этом факте продолжают рассказывать. В чем аргумент? В тоне, в этом сильном напряжении вашей энергии.

Вот почему не нужно ровного голоса[20]. А негодование, если вы мастер, вы знаете, когда потушить, а когда дать ему ход. И, когда нужно, негодование может делать больше, чем даже ласка, потому что в негодовании вы проявляете себя как гражданин, как человек и представитель учреждения, как представитель идеи, как представитель права, вы отстаиваете что-то большое. А что вы представляете собой, когда вы гладите по головке? «Педагогическую идею», и притом вам не известную! (Смех.)

Теперь вопрос: коллектив и семья — чрезвычайно важный вопрос, который задал последний из выступающих товарищей.

Тут я вам скажу, что тоже прошу не следовать моему совету, потому что это вам покажется, откровенно скажу, парадоксом.

У меня было тоже много детей из семьи. И вот я придумал теорему, которую не я вам предложу, а сама жизнь.

Какие у меня были дети? Приходят родители – отец и мать, похожие даже на ответственных работников, приходят такие нежные и ласковые. «Нельзя ли как-нибудь нашего сына взять?» - «Почему вы хотите его к нам поместить?» - «Да, знаете, не ночует дома, матери грубит, украл радиоаппарат, продал облигации…» и т.д. И вот, когда я беру ребенка, я говорю: «Я возьму, но чтобы вас и близко не было, и машины вашей чтобы не было и чтобы бензина вашего не было слышно». (Смех.) Я считаю так: Раз вы мальчика довели до того, что он вас обокрал

дочиста, то вы больше уже не участвуете в воспитании. Давайте так и условимся: я воспитываю, а вы дожидаетесь продукции». (С м е х .)

Мне дают мальчика, доведенного до известной степени «совершенства». И вот, я подводил его к такой идее: он должен был нести в семью мою государственную идею. Таким образом, я не ожидал, что мне семья принесет какую-то свою идею, а был уверен, что мой воспитанник, мой мальчик понесет государственную идею в семью.

Когда он уходил в отпуск, я говорил ему: «Отцу — полное уважение, матери - полное уважение, ручку целуй! (А п л о д и с м е н т ы .) Помогай! Завтра встанешь, спросишь: «Может быть, что-нибудь сделать? Говорю: «Ты должен произвести на своих родителей сильное впечатление, понимаешь?» — «Понимаю». И вот мальчик приходит к родителям и спрашивает: «Ну, что вам тут сделать? Может, помыть что-нибудь?» (А п л о д и с м е н т ы , с м е х .) И вот тогда родители понимают, что будущего своего сына, если он у них родится, нужно воспитывать иначе.

И я пришел к такому убеждению, что мы, учителя, представляем государственное социалистическое учреждение, социалистический сектор, и естественно, что наши воспитанники — тоже члены этого сектора, и они должны вносить в семью нашу правильную культурную и моральную идею. Если семья достаточно культурна, она всегда пойдет навстречу и у нас будет одна идея; если семья малокультурна, она подчинится влиянию не своего ребенка, а влиянию вашего коллектива, вашей организации.

Теперь вопрос о том, а как же так устроить, чтобы ребенок нес эти государственные идеи в семью? А это дело вашего мастерства и всех остальных методов и приемов. Но иногда для этого бывает достаточно просто сказать детям: вы должны вести себя так-то и так-то, потому, что я не представляю себе, что может серьезно стоять вопрос о детях-дезорганизаторах. Нет, дезорганизаторов не может быть!

Я говорю об этом вот в связи с каким фактом. Я был недавно в детском суде[21]. Сидят пятеро из пятых классов. Говорят, магазин ограбили, апельсины где-то рассыпали, украли и съели, и вот попали на скамью подсудимых. Приходит завуч. Судья спрашивает его: Можете характеризовать вот этого?» Завуч говорит: «Ужасный мальчик, дезорганизатор! Он опаздывает на занятия, курит и других учит. Веревки какие-то в класс приносит».

Вот «веревки» меня сразу заставили насторожиться: что за «изверг» такой, с веревками в класс ходит. (С м е х .) И вот судья вызывает: «Семенов». Он встает. Судья — женщина, прекрасного стиля большевичка — спрашивает:

- Отчего у тебя уши покраснели?
- Неловко как-то, — говорит он со слезами.
- А ты пионер?
- Пионер. (Ж м е т с я .)
- А галстук где?
- В кармане.
- Почему?
- Стыдно...
- Садись...
- Все понятно! — говорит она.

А вот завучу не было понятно, что у мальчика уши от стыда краснеют, что он жмется, что у него на глазах выступают слезы. Какой же он дезорганизатор? Такому «дезорганизатору» вы, учитель, можете сказать: «Чтобы этого больше не было! Понял?» Можете быть уверены, что этого не будет. А, конечно, когда вы веревку увидели у него в руках и — руки вверх, то он папиросу после этого закурит и вам дым в глаза пустит! (С м е х .) Вот такие «дезорганизаторы» — очень удобный материал, чтобы вносить в семью ваши правильные моральные идеи: вы позовите его

и скажите: «Ты ученик такой-то нашей славной школы, семья — это твоя близкая родня, так вот покажи ей, как нужно себя вести!» Это очень нетрудно.

Но опять при двух условиях — когда есть коллектив и когда есть мастерство.

«Что я предлагаю применять в школе?»

Я ничего не предлагаю и не имею права предлагать. Но если бы я был в школе, я и аресты применял бы, но у меня в кабинете, и арестовывал бы только лучших (с м е х) . Да, товарищи, наказывать вообще нужно не худших, а лучших, а худших нужно прощать, но чтобы все знали, что такой-то самый лучший, и я ему пустяка не простил. Попробуйте наказывать не за самые тяжелые проступки, а за самые мелкие…

Вот тех, на кого возложена ответственность, и нужно «греть». Конечно, такая система наказания с первого раза не пойдет; нужно, чтобы коллектив знал, что в наказании тоже проявляется уважение. Это, безусловно, трудная и сложная философия, и ее не стоило бы даже сегодня затрагивать.

Затем мне задан такой вопрос: *«Какая у вас связь с десятилеткой?»*

У нас была собственная десятилетка, и я был директором.

Следующий вопрос: *«Детская колония есть, на мой взгляд, эксперимент».*

Какой же эксперимент? Там были живые люди. И рисковать мы можем, но эксперименты производить — едва ли.

«Как сохранить созданный коллектив?»

Очень просто: во-первых, сохраняйте его живое ядро, следите, чтобы всегда поколение сменялось при наличии подготовленного поколения, т. е. чтобы всегда было несколько слоев все повышающихся членов коллектива, а во-вторых, сберегайте правила, традиции.

Вы знаете, у нас когда-то было в приказе написано: «С утра по нарядам командиров на работу». Давно уже стали ходить на работу без нарядов, а в приказе все писалось: «С утра по нарядам командиров на работу».

Другая традиция: приказ читается — встать. Может быть, никакой пользы нет, а сохраняется по традиции. И это сохранение традиции - очень важная логика.

Затем кто-то спрашивает: *«Знаете ли, где находится М. Терентюк?»* Спрашивает В. Терентюк.

М. Терентюк – артист Благовещенского театра на Дальнем Востоке.

Следующий вопрос: «Какие у вас творческие планы?»

Само слово «творческие» мне не нравится. Творческие планы могут быть, если мы с ребятами, а сейчас у меня — писанина. Я думаю кончить II и III том «Книги для родителей» и потом заняться большим трудом, на который мне дадут, кажется, средства[22]. Года три я думаю писать большую книгу о коммунистическом воспитании, уже не художественную книгу, а самую настоящую учительскую. (А п л о д и с м е н т ы .)

«Как поступить в том случае, если уполномоченные, или, как вы называете, командиры, нарушают порядок?»

Также в первую очередь «греть», а самое главное — ответственность перед общим собранием и еще более главное — у них должна быть честь, гордость.

Затем один товарищ упрекает меня в том, что мои мысли часто прячутся за устаревшими терминами. Это правильно. Действительно, наказание — это старый, опороченный термин. Но что же делать, не могу же я выдумывать термины.

«Как быть с семьей, с друзьями, мамашами и папашами?»

На этот вопрос я ответил бы так. Очень многие учителя присылали мне свои произведения — рассказы, повести, причем, иногда даже неплохие. И вот что удивительно — откуда у них такой тон: никто не пишет «отец», «мать», а все пишут «папаша», «мамаша». Чувствуется какое-то отчуждение в этих словах. Я думаю, что с отцами и матерями нужно разговаривать очень много и хорошо, но главное — это действовать на них через детей.

На целый ряд вопросов, связанных с семьей, я конечно не отвечу. Очень вам, товарищи, благодарен за внимание. Простите, если у меня плохо формулировались некоторые положения. Это потому, что в один вечер всего, конечно, не скажешь. Хорошо бы еще и вас послушать, потому, что у вас, я уверен, есть что рассказать, и я бы поучился, ибо в опыте у каждого столько ценного, что если бы каждый из вас был бы так же упрям, как я, и сел бы писать книгу, то получилась бы прекрасная, интересная книга.

Желаю вам успеха, товарищи. (Продолжительные аплодисменты.)

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 4, с. 230 – 248. Стенограмма: «Областной дом учителя, Мойка, 94. Встреча А.С. Макаренко – автора «Педагогической поэмы» - с учителями начальных и средних школ Ленинграда и Ленинградской области. 16 октября 1938 г.» При жизни А.С. Макаренко не публиковалась. Печатается с восстановлением некоторых пропущенных мест по изданию: А.С. Макаренко. Публичное выступление (1936 – 1939 гг… - Елец, 2012, с. 292 – 322.

Выступлению А.С. Макаренко предшествовало «вступительное слово писателя», *Вольпе* **(видимо, литературоведа, он «охарактеризовал литературный смысл» произведений А.С. Макаренко). О «Книге для родителей» сказано: спорные вопросы о единственном ребенке, «уходе отца из семьи» и др.; о книге «Честь»: развитие действия не связано с темой; «Флаги на башнях» - действия «на основе уже сложившегося опыта». «Педагогическая поэма» - в ряду с книгами «Чапаев» и «Как закалялась сталь». Необычно умение А.С. Макаренко «видеть человека насквозь» и в неповторимой индивидуальности. Его книги – результат огромного, удивительного дела.**

А.С. Макаренко в своем выступлении в основном развивает и конкретизирует выводы и мысли, данные ранее в статьях «Проблемы воспитания в советской школе» и «Воспитание характера в школе», - применительно к существующей тогда «школе учебы». См. также ранее (окт. 1935 г.) «Некоторые соображения о школе и наших детях» (часть 4 данного издания, с. 157 – 161).

В этих материалах не затрагивается проблема практической связи школьного воспитания с общественной жизнью, с производительным трудом. Отход от этой основы макаренковской педагогики, внимание лишь к «внутренней стороне» уклада жизни школы, отрыв организации воспитательного процесса от его методологии – это то, что в дальнейшем в освоении макаренковского наследия вело к его упрощению, искажению и отрицанию.

«Некоторые выводы из своего опыта», более глубокие, касающиеся методологии воспитания, А.С. Макаренко ранее представил в лекциях для работников Наркомпроса РСФСР: «Проблемы школьного советского воспитания» (см. часть 5 данного издания, особенно лекцию первую).

Но и здесь он не акцентировал внимание на значении труда и производства как материальной, объективной основы жизнедеятельности коллектива и всей новой системы воспитания, соответствующей характеру советского общества как общества трудящихся. Он ограничивался (как и в последующих выступлениях) лишь в основном рассказом о том, что конкретно было в его колонии – коммуне.

Вместе с тем здесь А.С. Макаренко впервые делает очень важное (не оцененное до сих пор макаренковедами) обобщение. Он выделяет в своей педагогике, системе воспитания два фундаментальных и взаимосвязанных фактора: коллектив («воспитательный» коллектив педагогического учреждения, всех его сотрудников и детей) – и педагог, воспитатель, его

«мастерство». Первый фактор – это по существу главный воспитатель, основа формирования новых и общих для всех, типичных качеств личности. Второй фактор – корректирующий, он позволяет социально всеобщее в личности индивидуализировать «в руках педагога – мастера».

Таким образом, сочетается «механическое» влияние жизни коллектива, всей его «конструкции» - и влияние «живое», идущее от личности педагога и его профессиональной выучки. О «типах влияния» см.: часть 1 данного издания, с. 146 – 147 и 159: часть 5, с. 99; часть 3, с. 217; о работе воспитателя – часть 1, с. 168 и часть 4, с. 206 – 212.

Все это четко располагается в русле макаренковской установки: необходим «общий и единый» метод воспитания, который «в то же время дает каждой отдельной личности возможность сохранять свою индивидуальность, идти по линии своих наклонностей» (часть 3, с. 45).

Такое решение тесно связано с этико – педагогическим принципом «требования – уважения» к человеку. Это новое социально – гуманитарное отношение к нему, основанное на «доверчивости к человеку или, скорее, любви к нему» А.С. Макаренко стремится последовательно реализовать в «педагогической логике», во всех «деталях» воспитательной системы.

Утвердившийся в макаренковедении отрыв «педагогического мастерства» от влияния «воспитательного коллектива» педагогического учреждения ведет к подмене макаренковской социальной педагогики противостоящей ей «парной педагогикой», ограниченной пространством «учитель плюс ученик» (см. ниже по тексту). Это происходит на фоне другой крайности: коллектив как социальное явление отрывается от действий личности, умаляется роль «человеческого фактора» (действий не только педагогов, взрослых, но и детей, в особенности их «октива»).

[1] А.С. Макаренко констатирует глубокое расхождение своих воззрений и опыта с общепринятой теорией и практикой советского школьного воспитания, с «парной педагогикой».

[2] А.С. Макаренко методологически аргументирует единство его «специфического» опыта с общепедагогическими принципами», что не отрицает (как видно из других его высказываний) какого-то периода (от 1 до 2 – 4 месяцев) первоначальной особой работы с ними, содержащей иногда элементы перевоспитания.

Ломброзо Ч. **– итальянский психиатр, родоначальник антропологического направления в криминологии, основатель теории «прирожденной преступности», повлиявшей на разработку в педагогике идеи «моральной дефективности». Ее изначально отвергал А.С. Макаренко (то же – Н.К. Крупская). Концепция Ч. Ломброзо, утверждающая природное несовершенство одних и превосходство других, оправдывает расслоение общества на «быдло» и правящую «элиту».**

[3] Имеется в виду персонаж «Педагогической поэмы» - не реальное лицо, а собирательный образ, с чертами нескольких воспитанников колонии им. М. Горького.

Эпизод с применением физической силы А.С. Макаренко объясняет не педагогически, а в «человеческом» плане, а также (как видно в одной из его записей) в плане художественном, как средство усиления конфликтности в содержании этого произведения.

[4] *Педагогический риск* **– понятие, впервые введенное А.С. Макаренко в педагогику. Оно ярко характеризует созидательно – творческую сущность его педагогики. Она ориентирована на высочайший, акмеологический уровень воспитания и развития личности, на формирование характера, воли, способности человека ставить новые цели, преодолевать трудности, находить**

радость и счастье в полноте реализации человеческих способностей. Исключается постановка непосильных задач, не подготовленных предшествующей работе, не соответствующих природным свойствам отдельной личности и возрастным особенностям.

[5] В газ. «Правда» в августе – сентябре 1938 г. была напечатана серия статей о производственном риске, проблемах развития промышленности, об ответственности за принимаемые решения, имеющие результаты. А.С. Макаренко как социальный педагог тесно связывает явления педагогические с производственными.

[6] О педологии и «педологическом уклоне в педагогике» см. часть 5 данного издания, с. 93, п. 3.

Ниже А.С. Макаренко говорит о 16 годах своей советской педагогической работы – с учетом работы в ОТК НКВД УССР в 1936 г., когда он «курировал» и коммуну им. Ф.Э. Дзержинского.

[7] Коллектив педагогов, как и детский коллектив (две относительно самостоятельные части «воспитательного коллектива» школы) А.С. Макаренко рассматривает, прежде всего, в аспекте его структуры, различных элементов и их функций, т.е. в его диффенцированности, в отличии от объединения конформистского типа и «толпы».

[8] Говорится о возникновении общеобразовательных средних школ с уклоном на военную специальность.

[9] Тему труда, следовательно, А.С. Макаренко и здесь не обходил, но не имел возможности ее осветить.

[10] Это деление – еще одно проявление дифференциации в коллективе, т.е. индивидуализации воспитания.

[11] Этот факт (как и многие ниже и выше) показывает огромную роль морального фактора в макаренковской педагогике, даже в отношении с администрацией и в деловых отношениях.

[12] Используется форма наказания привилегированного типа, принятая в Армии, в отношении офицерского состава – «домашний арест» (для рядового состава - гаупвахта).

[13] Обычно это была реакция, А.С. Макаренко на отмеченные в ежедневных вечерних рапортах командиров отрядов нарушениях порядка и дисциплины; она применялась индивидуально – выборочно, не «механически».

Вторая инстанция в наказании – общее собрание, к нему А.С. Макаренко апеллировал в особо трудных случаях.

[14] Говорится о применении педагогического «взрыва».

[15] Объединение педагогических и хозяйственных функций в управлении педагогическим учреждением – принципиальный элемент макаренковской «школы жизни», коллективного трудового «хозяйствования» при наличии «заведующего производством».

[16] Подчеркивается «громадное значение» слова, непосредственного общения в педагогике А.С. Макаренко (что обычно умаляется в макаренковедении, при акценте на коллективе, жизненном опыте воспитанников).

[17] Далее в стенограмме отражается «Обмен мнениями». Выступление *Клячко* **(директриса школы – новостройки): это «необычная близость к ученику», решаются «коренные вопросы жизни школы»; желательно более конкретно освещать вопросы требовательности в школьном коллективе.** *Герцкович:* **в коммуне им. Ф.Э. Дзержинского с 1930 г., курсант военно – морского училища; «из коммуны вышли люди разных профессий, они в разных уголках страны… Нас учили быть примером во всем, заботиться о товарищах, быть ответственными в труде в коллективе».**

Завитаева **(работник Дома просвещения): ранее работала в «карантинном пункте» для беспризорных, где требовался «ровный тон» в отношениях с ними, и это пагубно воспринималось как пренебрежение к ним (говорится в оправдание «случая с Задоровым»).** *Мартьянов* **(«комсорг школ Ленинграда): ценность «Педагогической поэмы» как «руководящей книги»; трудности в работе коллектива школы при связи с семьей.**

[18] См. факт самоубийства Чобота в «Педагогической поэме» (Пед. соч. в 8 т., т. 3, с. 208 – 270).

[19] Изгнание «на все четыре стороны» - так представлялось «в глазах воспитанников»; фактически же это в тайне от них сопровождалось переводом в другую колонию, устройством на работу и т.д. (в логике «параллельного педагогического действия»). Число «10» приводится, несомненно, «в среднем», с учетом 15 – 16 лет работы в советское время.

[20] Макаренковское выступление против «ровного голоса», «тона» - это выступление против искусственности воспитания, за его максимальную близость к сложностям жизни (при ее педагогической трансформации).

[21] Говорится о присутствии А.С. Макаренко на судебном заседании 23 февраля 1938 г., см. часть 6 данного издания, с. 325: о мелком воровстве несовершеннолетних. Полный текст его записи: РГАЛИ, ф. 332, в подготовительных материалах к «Книге для родителей».

[22] Об этой возможности написать (в течение трех лет) «большую книгу о коммунистическом воспитании» (с предоставлением средств для этого) исследователи творчества А.С. Макаренко сведениями не располагают. Аналогичная попытка им была предпринята в нач. 1935 г. см. часть 4 данного издания, с. 52 (с расчетом на два года).

Из записной книжки, п. 1230

1230. Важно. По поводу «Флагов на башнях» происходят некоторые осудительные разговоры, сводящиеся, в сущности, к одному положению: «В книге нет борьбы, нет перековки, коллизий, конфликтов».

По этому поводу вспоминаю рассказа одного сценариста, которому поручили написать сценарий о работе полкового комиссара… Для сценария, как известно, нужен конфликт. Ему потом объяснили: если ты хочешь изобразить хорошего комиссара, то, как же ты ищешь большой конфликт. Большой конфликт будет доказывать, что комиссар плохой.

Как только литература переходит к изображению собственно социалистических явлений, ей необходимо пересмотреть свое отношение к конфликту. Какие же могут быть убийства, подлости, злопыхательства, падания в социалистическом обществе? Это все чересчур примитивно и грубо.

Надо в таком случае признать факт «очеловечивания» конфликта. Конфликт становится более тонким, более глубоким, более нежным, он отражает более сокровенные глубины человеческой личности.

Это «очеловечивание» конфликта заметно у Чехова, и в этом отношении он гораздо более социалистический писатель, чем кто-либо другой, с той только разницей, что разрешение этих очеловеческих конфликтов у него пессимистическое, что вполне соответствует его эпохе.

Литература же имеет перед собой задачу – изображать эти более тонкие и глубокие конфликты с той же силой и художественной выразительностью, с какой раньше литература изображала более грубые конфликты.

Во «Флагах на башнях» можно привести много примеров таких утонченных конфликтов. Например, «Филька, нарушивший приказ», или «Володя на выборах бригадира первой», или «Выход замуж Ванды Стадницкой», или «Кража масла».

А для литературного успеха решающим является вопрос: читает ли читатель и с интересом ли читает.

Тут хорошо вспомнить слова Гете: «Внешне ограниченное безгранично внутри». Старая борьба (классовая), черты грубо конфликтного общества теперь у нас исчезли. Сфера грубой борьбы страшно ограничена, а «безграничное внутри» нужно уметь изображать.

Личный архив А.А. Фролова, выписка, источник не обозначен.

Цифра в начале текста – это №, которым А.С. Макаренко обозначал свою заметку в записных книжках. Нумерация использовалась при подборке заметок по той или иной теме. О роли записной книжки в его творчестве см. в «Беседе с начинающими писателями», ранее в данной книге. См. также часть 5 данного издания, с. 164 – 169.

О повести «Флагах на башнях»

Вступительное слово

Товарищи, я полагаю, что все или почти все присутствующие здесь товарищи прочли «Педагогическую поэму». Но другое мое произведение «Флаги на башнях», которое является продолжением «Педагогической поэмы», многие из вас, вероятно, не читали, поэтому о «Педагогической поэме» говорить не буду, а о последней книге дам некоторое объяснение.

В «Педагогической поэме» меня занимал вопрос, как изобразить человека в коллективе, как изобразить борьбу человека с собой, борьбу коллектива за свою ценность, за свое лицо, борьбу более или менее напряженную. Во «Флагах на башнях» я задался совсем другими целями. Я хотел изобразить тот замечательный коллектив, в котором мне посчастливилось работать, изобразить его внутренние движения, его судьбу, его окружение.

Это счастливый коллектив в счастливом обществе. И я хотел показать, что счастье этого коллектива, выражающееся очень часто в глубоко поэтических формах, заключается тоже в борьбе, но не в такой напряженной борьбе с явными препятствиями, с явными врагами, как было в колонии, а в борьбе тонкой, в движении внутренних человеческих сил, часто выражаемых внутренними, еле заметными тонами. Все это очень важные и сложные вопросы. Только в коммуне им. Дзержинского я особенно остро понял, почувствовал, что недостаточно охватил еще всю сложность процесса воспитания нового человека.

Это процесс, происходящий не только внутри самого коллектива, это процесс, происходящий во всем нашем социалистическое обществе[1]. Это процесс труда, и процессы внутренних отношений, и процессы образования, знания, и роста самого человека, и, наконец, многочисленные чрезвычайно тонкие внутренние междумальчишеские и междуколонистские отношения. Все это я и стремился показать.

Может быть, с такой задачей в произведении «Флаги на башнях» я и не справился. Решения этой задачи, вероятно, хватит не одному поколению. Но я обратил внимание, что мальчики и девочки в таком коллективе — это, прежде всего граждане[2]. И в этом заключается отличие наших детей от детей, какого угодно общества, они всегда граждане. Чем больше гражданский долг связывается с их ростом и воспитанием, тем более полноценные воспитываются из них люди.

Эти социальные движения, имеющие характер важнейших движений, и в то же время явно детские движения. Они тоже движения в нашем обществе, в нашей борьбе и сопровождаются тем же удовлетворением, теми же правами, той же степенью благородства, и деликатности, и смелости и другими лучшими человеческими качествами.

Вот это я стремился показать, а как удалось, как вышло — судите вы, ибо очень часто бывает, что хочется написать и рассказать многое, но не всегда это удается. Только читатель может судить о том, насколько удачно получилось.

Каковы действующие лица этого произведения? Захаров, заведующий колонией, несколько старших колонистов-комсомольцев и бригада малышей, четвертая бригада. Это бригада мальчиков 10, 11, 12 лет… *(не слышно).*

В то же время они умели находить прекрасную середину, умели находить слушателей и не поддаваться давлению старших. Очень сложная конъюнктура. «Вечером 7-го Захаров с дежурным бригадиром... *(читает)*… проходили мимо…»

Председатель: «Товарищи, теперь мы приступим к разговорам. Слово имеет т. Коваленко…»[3]

Заключительное слово

Хвалиться мне неудобно, но могу прямо сказать, что мы со своей коммуной шагнули значительно дальше, чем вам кажется.

Я действительно не считал и не считаю своих воспитанников «дефективными», и они не были «дефективными» ни одного дня.

Нашим читателям сплошь и рядом хочется, чтобы воспитатели мучились, перековывая беспризорников в новых людей. Но я не мучился и не перековывал. Я достиг больших успехов в своей коммуне, достиг такого положения, что мог практиковать брать группы по 50 человек прямо с вокзала. Мы брали только тех, кто путешествует в поездах, самых настоящих. Я брал, скажем, сегодня вечером, а завтра я не беспокоился, и никто не беспокоился, как ведут себя вновь принятые дети в коммуне.

Вы скажете, что это чудо? Нет, это не чудо, это наша советская действительность.

Совершеннейшая правда написана во «Флагах на башнях»[4], даже с сохранением фамилий, с сохранением событий и разговоров. Мы принимали много делегаций — советских и иностранных[5]. Иностранные делегации удивлялись и не верили. Но наши советские люди не могли не верить, и те советские делегации, которые приезжали, никогда этого не говорили.

Это был, товарищи счастливый коллектив. За все 8 лет не было ни одного черного дня, не было ни одного несчастья. Я не хочу сказать, что это чудо. Это норма. И именно потому, что я в этой жизни жил, видел, ощущал каждый нерв, именно поэтому считаю себя вправе настаивать на этом. Я ни к какой фантастике не прибегаю.

Я считаю, что при нормальной организации детского коллектива он всегда будет похож на чудо. У нас в советской школе часто «хулиганят» в V—VI классах, в X классе учатся, а потом делаются студентами и летчиками. А сколько хулиганов? Ни одного. А сколько кричали, что в школе хулиганы!

Если имеется настоящая организация детского коллектива, то можно сделать настоящие чудеса.

Нам указывают на кинокартину «Путевка в жизнь», что вот, мол, какие ребята вредные, испорченные. Я бы сказал так: попал в нормальные человеческие условия и на другой день стал нормальным. Какое еще счастье нужно? Это и есть счастье! И так бывает всегда в хорошо построенном детском коллективе. Все дети любят дисциплину[6].

Что касается «Чести», то я не совсем согласен с оценкой, хотя это, может быть, самое бездарное мое произведение.

К сожалению, выступление т. Тихомирова сводится только к одной критике; своих мыслей он не дал. Повторяю, я не совсем согласен с плохой оценкой романа «Честь». Критика была построена на цитатах. А к чему это приводит?

Т. Тихомиров процитировал мои слова: «Вы меня все знаете», моя фамилия Макаренко». Эта цитата может быть приведена с некоторым изменением. Я тогда только что приехал в Москву из Киева и на собрании сказал: «Вы меня не знаете, моя фамилия Макаренко». Это записано в стенографическом отчете данного собрания[7].

Теперь несколько ответов по существу.

Товарищ, читавший «Флаги на башнях», ставит некоторые вопросы, характеризующие его как читателя вдумчивого, но все-таки вопросы недоуменные. К сожалению, ответить на них развернуто я не в состоянии за неимением времени.

Почему я не удерживал Воленко, когда он решил уйти из колонии?

Да, по традиционной педагогике я должен был его удерживать. По нашей, [нынешней] советской педагогике его надо было удерживать. Я не боюсь риска и знаю, что иногда перемена обстановки бывает очень полезна, иногда полезна, иногда полезно пережить то или иное потрясение. Вот поэтому-то я не захотел удерживать Воленко. Он считал себя ответственным за то, что в его бригаде происходит кража. Колония считала его ответственным. Это, совершенно необычное в старой педагогике совершенно непедагогическое явление, чтобы в детском коллективе считали товарища, бригадира ответственным за кражи. Но в бригаде Воленко были воры, и Воленко — мягкий человек, всепрощающий человек. Он не мог оставаться в колонии со спокойной совестью. Он должен был уйти.

Это было требование, его собственное требование к себе. Я понимал, что уход из колонии был для него тягостным, но я хотел, чтобы он пережил это. Очень хорошо, когда человек предъявляет к себе большие требования, это воспитывает человека. У многих наших педагогов есть такое ошибочное желание не слишком много наваливать на человека или вообще не наваливать, а все расписать, как и что нужно сделать. Я с этим не согласен и поэтому не удерживал Воленко в колонии.

Кто такой Рыжиков? Это не сознательный вредитель, но по натуре враг.

Почему я не применил никаких методов? Главнейший метод — это была вся колония, все общество, весь коллектив[8]. Ни я, ни другой педагог никакими разговорами, никакими взглядами не можем сделать того, что может дать правильно организованный гордый коллектив. Так как Рыжиков ничего не смог взять в этом коллективе, то я не мог противопоставить своего влияния и не хотел. К сожалению, сейчас об этом распространяться я не могу и в романе не распространяюсь. Об этом я напишу в той большой серьезной книге, которую задумал написать о методике коммунистического воспитания.

Относительно перековки. Товарищ спрашивает, почему я не показал перековки Игоря? Трудно показать, когда не было этой перековки, не было у меня «дефективных» людей; приходили люди несчастные, им трудно жилось в тех условиях, в которых они жили раньше. Я не верю в то, чтобы были морально дефективные люди. Стоит только человека поставить в нормальные условия жизни, предъявить ему определенные требования, дать возможность выполнить эти требования, и он станет обычным человеком, полноценным человеком, человеком нормы.

Мы это хорошо понимали, и, когда мы брали с вокзала 30—35 человек новых воспитанников, мы выходили на вокзал всей колонией в 400 человек, в парадной форме, с оркестром. Мы их встречали салютами, знаменами и маршем. Они этого не ожидали. И это внимание, эта любовь уничтожали немедленно всю «дефективность». Ну, какая тут может быть дефективность? Я считаю, товарищи, что бывают только дефективные методы, а дефективных людей не бывает.

Я получил интересную записку: расскажите в своем заключительном слове *об отношении к педагогической общественности*. Если под общественностью понимать учительское общество, то я не предполагал бы, что у нас могли быть плохие отношения. Я любил учителей.

А если под педагогической общественностью понимать тех людей, которые по разным причинам почему-либо оказывались «мудрецами» педагогики, то наши отношения известны.

Я стою за общественность в педагогике. Когда я воспитываю человека, то должен знать, что именно выйдет из моих рук. Я хочу отвечать за свою «продукцию», за воспитанников моих и моих сотрудников, за будущих инженеров и

мастеров, за всю эту советскую организацию, за летчиков, студентов, инженеров, педагогов. За эту «продукцию» я несу ответственность.

Но для того чтобы можно было отвечать за свою «продукцию», нужно в каждый момент своей педагогической жизни знать, чего я хочу и чего добиваюсь[9].

Среди наших педагогических руководителей в значительной степени оказались враги народа, которых была логика: такое-то средство якобы обязательно приводит к таким-то результатам и поэтому это хорошее средство. А какие будут результаты - неважно.

Я повторяю, что если ребенок становится хулиганом, то в этом виноват не он, а виноваты педагогические методы.

В «Педагогической поэме», изданной в 1933 г., сказано, как я относился к педологам. Я педологов всегда ненавидел, никогда этого не скрывал, и они боялись со мной встречаться. Когда однажды они хотели, чтобы я принял какую-то комиссию для проведения обследования, они пришли в класс и сказали: «Мы хотим проверить самый организованный коллектив» и начали задавать ребятам такие вопросы: «Представьте, у вас есть лодка, она затонула. Что вы будете делать?» Ребята на это ответили: «Никакой у нас лодки нет, и ничего мы делать не будем». (С м е х .)

Следовательно, коллектив наш прекрасно знал, что такое педология. Ребята очень хорошо знали, что это такое. Детский коллектив может знать и о педологии, и о педологах и может отвечать за свое к ним отношение.

Интересный вопрос относительно Задорова. «Неужели вы думаете, что этот метод принес пользу?» — спрашивает меня автор записки. Конечно, никогда я этого не думал. Это было полное отчаяние, полное бессилие.

Если бы на месте Задорова был кто-нибудь другой, может быть, это привело бы к катастрофе, но Задоров был благородным человеком, он понял, до какого я дошел отчаяния, он нашел в себе силу протянуть руку и сказать: «Все будет хорошо». Разве этого не видно? Если бы я ударил того же Волохова, то я мог быть им избит. Я был действующим лицом, а победителем был Задоров, и только благодаря нему я мог сохранить авторитет, он поддержал меня. Вот в чем заключается успех, а не в том, что я ударил. Разве удар — метод? Это только отчаяние.

Меня спрашивают: *«Преподавателем какой дисциплины я был раньше?»* — До колонии я в школе преподавал историю[10]

Где я сейчас работаю? — По состоянию здоровья и по другим причинам сейчас нигде не работаю, только пишу.

Где бы я хотел — Я бы хотел работать в так называемой нормальной школе. Но будьте уверены семейные дети в тысячу раз труднее беспризорных. У беспризорников никого не было, только я один, а у семейных есть мама и папа в запасе. И вот с этими-то нормальными детьми я бы очень хотел поработать.

Автор записки спрашивает, *за какие я стою наказания*? – Я ни за какие наказания не стою, но на практике в своей работе с колонистами я применял наказания. Вот тот же самый Клюшник был командиром первого комсомольского взвода, и ему попадало гораздо чаще, чем кому-нибудь другому. Почему? Да потому, что он был командиром и на него возлагалось больше ответственности, с него больше спрашивалось, чем с кого-либо другого.

Такие наказания, которые выражают одновременно и уважение к человеку, и требование к нему, я считаю возможными, когда они применяются умело, а вообще наказания в большом масштабе мне не приходилось применять. У меня был хороший коллектив[11].

Говорят, что недостаточно уделено внимания отношениям между девочками и мальчиками. Верно, это трудный вопрос. Я всегда был уверен, что не отдельное личное влияние определяет отношения, а организация. Я постарался, чтобы у меня не было половины девочек и половины мальчиков, так как я знал, что тут я уже ничего

не сделаю. У меня было 25% девочек. На одну девочку приходилось по три мальчика. В таком положении особых «любвей» быть не могло.

В первое время существования коллектива комсомольской организации не было. Если я видел, что молодой человек слишком увивался за какой-нибудь воспитанницей, судьба которой мне дорога, то я вызывал его и говорил: «Брось, понимаешь, брось». Он говорил: «Понимаю».

Это я вам говорю по секрету, и вы никому не рассказывайте. Это ни в какой мере не педагогично, но это приносило большую пользу. Меня боялись.

Одно время я начал либеральничать и прозевал. Вижу такие парочки, которых не разгонишь. «Влюблен, не могу». Я очень испугался. Восемнадцатилетний мальчик, шестнадцатилетняя девочка — ну какая тут может быть любовь? Какая любовь в 16 лет!

Комсомольская организация встала на мою сторону. Мы стали агитировать, уговаривать, собирать и говорить: «Рано, подождите, тебе кажется, что это любовь». Кое-кого уговорили, а кое-кого и не уговорили.

Тогда мы нашли блестящий метод: влюблен — женись! Что же получается?

Беззаботная юность, а тут нужно пойти и на базар, и в очередь за галошами. Сразу обнаружилось, что характеры как-то не подходят.

Начнет какой-нибудь парень увиваться за девочкой. Ты влюблен? Женись!

- Нет, нет, — говорит, — не влюбился.

Мы пришли к норме. Гриша влюблен в Валю. Влюблен, ну и хорошо. Гуляет, разговаривает. И очень многие парочки потом ушли в вуз и только на V курсе поженились. Такая духовная любовь хорошо действует на характер и на самоопределение человека. Это я считаю нормой.

Какое я принимал участие в составлении учебника педагогики? — Меня пригласили видные профессора помочь им написать учебник. Я ответил согласием, но при условии, если они ответят на один вопрос: будем мы писать педагогику сегодняшнего дня или завтрашнего? Они сказали, что не могут писать педагогику завтрашнего дня. Тогда я сказал — пока вы будете писать педагогику сегодняшнего дня, жизнь вас перегонит, и в результате вы напишете педагогику не сегодняшнего, а вчерашнего дня[12].

Что касается замечания, будто «Книга для родителей» не нужна, то оно не совсем правильно. Хотя родители и взрослые люди, но не всегда знают, что им делать со своими детьми. Неправильно считать, что взрослому человеку нечему учиться.

Также неправильно мнение, что взрослая девушка не может поцеловать человека, который ей помог. Почему не может, что же тут предосудительного?

Об Игоре, что он сейчас делает? — Игорь учится, любит отца, уважает его, любит Оксану, и они, наверное, поженятся.

Останавливаться на очень больших проблемах я сейчас не могу, но должен сказать: ваше внимание, указания и замечания очень помогают мне в моей работе, и я всегда эти указания в своей работе использую.

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 7, с. 191 – 197. Стенограмма: «Дворец культуры имени С.М. Кирова В.О. просп. Пролетарской победы, 72. Встреча с писателем А.С. Макаренко. 18 октября 1938 г.» При жизни А.С. Макаренко не публиковалась. Печатается с восстановлением некоторых опущенных в т. 7 мест по изданию: А.С. Макаренко. Публичные выступления (1936 – 1939 гг…. – Елец, 2012, с. 325 – 332 (по источнику: РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 179, лл. 1 – 15). На этой «встрече с писателем» присутствовали, очевидно, в основном не педагоги.

[1] Тезис о том, что в коллективе педагогического учреждения действуют процессы, происходящие во всем обществе, - является в педагогике А.С. Макаренко ключевым. В педагогическом учреждении эти общественные

отношения должны вполне соответствовать тенденциям их развития, отражаясь в перспективных целях воспоминания.

[2] Отношение к воспитанникам как к полноценным гражданам (что выражалось и в использовании слова «товарищ» в официальных отношениях, как в царской гимназии слова «господин») осуществлялось в логике «параллельного действия» педагогической сущности и явления. См. также часть 2 данного издания, с. 371 (1932 г.).

[3] Далее *Коваленко:* **в библиотеке Дворца культуры «Педагогическую поэму» прочитали «не так много, человек 200». Из разговора со студентами Ленинградского университета и с одной из выпускниц Ленинградского пединститута им. А.И. Герцена выясняется, что эту книгу они не читали. Такие книги «надо продвигать, они стоят значительно большего внимания».**

[4] А.С. Макаренко в данном случае возражает тем, кто увидел во «Флагах на башнях» «фальшь, мечту». Впоследствии в ответ на это он напишет главу «Не может быть!», включит ее в отдельное издание этого произведения.

[5] К концу деятельности А.С. Макаренко в коммуне им. Ф.Э. Дзержинского ее посетили 300 делегаций разных стран и континентов.

[6] Это важное макаренковское заключение, основанное на многолетнем наблюдении, в официальной педагогике до сих пор серьезно не воспринимается.

[7] См. часть 5, с. 178.

[8] Соответственно в 1934 г. А.С. Макаренко говорил, что в коммуне дзержинцев главным педагогическими факторами являются: «организующее влияние коллектива, а еще более – организующее влияние всей советской жизни и самое главное – влияние собственных активных действий, упражнений и переживаний коммунара» (часть 3 данного издания, с. 217).

[9] Ответственность в воспитании А.С. Макаренко связывает, прежде всего, с четкой постановкой целей, конкретных задач воспитания данного молодого поколения. Это существенный элемент его «логики педагогической целесообразности».

[10] Говорится, видимо, в основном о его преподавании в «трудовой школе» № 10 г. Полтавы в 1919 – 1920 учебном году. В дореволюционной школе и в период Гражданской войны А.С. Макаренко был учителем «общеобразовательных предметов и дополнительных – черчения и рисования» (Пед. соч. в 8 т., т. 8, с. 120). В его преподавательской работе сказывался фундаментальный интерес к истории, отечественной и зарубежной (См. часть 1 данного издания, с. 40).

[11] В 1923 г., когда уже вполне определился педагогический успех колонии им. М. Горького, А.С. Макаренко констатировал: «Наказания почти забыты в колонии, даже выговоры и замечания стали редкостью» (часть 1 данного издания, с. 100).

[12] Имеются в виду встречи и беседы А.С. Макаренко с *И.А. Каировым*, **тогда зав. кафедрой педагогики Московского университета. См.: Каиров И.А. Незабываемое // Учительская газета, 1978, 28 марта. Отказ А.С. Макаренко был обусловлен, несомненно, его установкой на необходимость усиления связи школы с жизнью, введения производительного труда в систему воспитания – образования. (С марта 1937 г. действовал приказ Наркомпроса РСФСР «Об отмене преподавания труда в школе», были ликвидированы школьные мастерские).**

Работа над учебником педагогики тогда практически уже была закончена, он вышел в 1939 г., под ред. И.А. Каирова, авторы Е.Н. Медынский, Н.К. Гончаров и др. Позднее, став президентом Академии педагогических наук РСФСР, И.А. Каиров инициировал образование в 1944 г. в АПН «Лаборатории по изучению наследства А.С. Макаренко».

Первоначально ее возглавляла Галина Стахиевна Макаренко – его жена с весны 1928 г., официально брак – зарегистрирован в сент. 1935 г. (см. его переписку с ней: часть 1 данного издания, с. 223, 257 – 259 и далее, а также далее во всех частях издания).

Запись в дневнике, 19 октября 1938 г.

19 октября

Сегодня возвратился из Ленинграда, в котором провел 7 вечеров[1] с 12 по 18 октября. О «Флагах на башнях» говорят хорошо, о «Чести» немного повторяют Зелинского.

«Новый ТЮЗ[2]» предлагает договор на пьесу. В общем согласился.

В «Гослитиздате» готовы подписать договор на «ФНБ», но, кажется, у них нет денег. «Пути поколения» в плане у них не стоят. «Детиздат» молчит. «Молодая гвардия» молчит.

С «НК[3]» зашился: с 5 октября не написал ничего – и скоро, кажется, не начну. 28 выезжаю в Кисловодск.

Воспитание гражданина…/ Сост. С.С. Невская, с. 140.

[1] Из этого следует, что в это время у А.С. Макаренко в Ленинграде было еще несколько деловых встреч; о них исследователям неизвестно (можно обнаружить по ленинградской печати).

Он дважды встретился с Л.Н. Разумовой, см. ее письмо А.С. Макаренко 20 октября 1938 г.: Опускула макаренкиана, № 15, с. 18 – 21. «Ну, расстались, хорошо расстались, тепло… - и в то же время во всем этом, встречах и даже прощанье, мелькнули суровые деловые нотки» (с. 18).

[2] Ленинградский Театр юного зрителя.

[3] Говорится о романе «Ньютоновы кольца».

Телеграмма Г.С. Макаренко, 19 октября 1938 г.

Дома благополучно, квартира. Лиле 300 выплачено. Работы много. Стекло вставлено. Когда приедешь? Не нужно ли денег? Целуем всех. Макаренко

Ты научила меня плакать… / сост. Г. Хиллиг, С. С. Невская, т. 2, с. 228. Адресовано: Киев, Ворошилова, кв 9. Езерницкому.

Езерницкие О. и М. **– родственники Г.С. Макаренко.**

О моем опыте

Я думаю, что едва ли в том, что я могу вам сказать, я сообщу какие-нибудь ценные для вас вещи. Я думаю, что и у вас есть чему учиться, так же как и у меня и у всех других товарищей… У вас самих имеется прекрасный опыт работы, имеются прекрасные учреждения.

Я очень стесняюсь и боюсь, что, может быть, позволю себе нечаянно что-нибудь рекомендовать, в то время как вы и «сами с усами».

Я думаю, что из того, что я вам расскажу, вы можете получить пользу исключительно в порядке толчка, отталкивания, даже, может быть, отталкивания сопротивления, так как мой опыт довольно своеобразен и, пожалуй, имеет мало общего с вашим. Может быть, мне больше посчастливилось, чем вам.

Поэтому я прошу мои слова считать не рецептом, не законом, не выводами. Несмотря на то, что мне пришлось 16 лет подряд проработать исключительно в детском доме, я не могу сказать, что я пришел к каким-то окончательным выводам. Я нахожусь еще в процессе становления, так же, вероятно, как и вы.

При решении многих вопросов мне надо прибегать, может быть, к вашей помощи или к помощи других товарищей.

Поэтому то, что я вам скажу, — это не выводы; выводы могут быть сделаны в большом труде, в монографии, в трудах, подкрепленных марксистским анализом. У меня нет выводов в отношении воспитания, и поэтому позвольте мне говорить с вами, как товарища с товарищами, о тех гипотезах-предчувствиях, которые у меня есть, ибо то, что я скажу, — это скорее предчувствие, чем выводы.

Я прекрасно понимаю, что мои мысли определяются моим педагогическим опытом, понимаю, что возможен другой опыт, и, если бы я его испытал, может быть, я думал бы иначе.

Мой опыт очень узок. Я 8 лет заведовал колонией для правонарушителей им. Горького и 8 лет трудовой коммуной им. Дзержинского. Коммуна им. Дзержинского уже не была учреждением для правонарушителей. В первые годы я получал обыкновенных беспризорных детей, а в последние 4 года я получал почти исключительно детей из семьи, большей частью из семей ответственных работников, где неблагополучие выражалось не в материальной обстановке, а исключительно в обстановке педагогической, бытовой.

Кто труднее из этих трех категорий: правонарушители, беспризорные или дети из семьи, — сказать трудно, но я думаю, что труднее всего дети из семьи. По крайней мере, по извилистости характеров, по их яркости и сопротивляемости эти дети кажутся мне в моем опыте наиболее трудными.

Но я к этому времени был лучше вооружен техникой своего мастерства, а самое главное — у меня был коллектив ребят, имеющий шестнадцатилетние традиции и шестнадцатилетнюю историю.

Только поэтому работа с детьми из семьи для меня была более легкой, чем работа, с моими первыми воспитанниками –правонарушителями, с которыми я еще работать не умел.

На основании работы со всеми этими тремя категориям я в последние годы своей работы пришел к следующему выводу, для меня самому важному. Этот вывод даже в настоящее время звучит для меня несколько парадоксально. Он утверждает, что «трудных детей» совершенно нет. Причем это утверждение вовсе не имеет у меня характера простого отрицания.

Вообще мне хочется сказать, что расстояние между моральной социальной нормой и моральными социальными искривлениями очень незначительно, почти ничтожно.

Отсюда мне представляется еще один вывод, в котором я не уверен, что так называемая «перековка», выправление характера, не должна происходить эволюционно, на протяжении некоторого длительного времени.

Я прихожу к такому убеждению, что, так как это расстояние между антисоциальными привычками, между каким-то опытом, имеющим неприемлемый для нашего общества характер, и нормальным опытом очень незначительно, то это расстояние надо пройти как можно быстрее[1].

Я это говорю, будучи очень слабо уверен, что этот вывод надо формулировать именно в таких словах. Я не очень уверен, что такая теория возможна, но я уверен в своем опыте.

За последние 5 лет, работая в коммуне им. Дзержинского, где было много ярких и трудных характеров, я не наблюдал уже процессов эволюции характера. Я наблюдал эволюцию в том обычном смысле, в каком мы всегда понимаем рост, развитие: мальчик учится в III, IV классе, потом переходит в V класс. Его кругозор расширяется, знаний и навыков у него больше. Он работает на заводе, повышает свою квалификацию, приобретает навыки общественного характера.

Но это обыкновенный рост, а не какая-то эволюция от испорченного, искривленного характера к норме.

Это вовсе не значит, что нет никакого различия между искривленным характером и нормой, но это значит, что выправление характера гораздо лучше производить методом, если хотите, «взрыва».

Под взрывом я вовсе не понимаю такого положения, чтобы под человека подложить динамит, поджечь и самому удирать, не дожидаясь, пока человек взорвется.

Я имею в виду мгновенное воздействие, переворачивающее все желания человека, все его стремления.

Я так был изумлен внешним видом этих изменений, что впоследствии занялся вопросом методологии этих взрывов и эволюции в области искривленного характера и постепенно приходил все к большему убеждению, что метод «взрывов» — я не нахожу другого слова – может быть учтен педагогами как один из удачных. Может быть, найдут более удачное педагогическое слово для определения этого метода, я искал, но не нашел.

Я расскажу вам о некоторых своих впечатлениях, которые заставили меня не только думать так, как я думаю, но и продолжать дальше свою работу этим методом.

Еще в 1931 г. я должен был пополнить свою коммуну, где было 150 человек, новыми 150 ребятами, которых я должен был принять в течение двух недель.

У меня уже была очень хорошая организация коммунаров. Из 150 человек 90 человек были комсомольцами в возрасте от 14 до 18 лет, остальные были пионерами.

Все были крепко связаны, были очень дружны, обладали очень красивой, точной, бодрой дисциплиной, прекрасно умели работать, гордились своей коммуной и своей дисциплиной. Им можно было поручать довольно ответственные задания, даже физически трудные, даже трудные психологически.

Вот какой метод я применял для того, чтобы произвести наиболее сильное впечатление на мое новое пополнение.

Конечно, этот прием был многообразен, он заключался и в самой подготовке помещения: спальни, рабочих мест, класса, в подготовке внешней обстановки, в виде цветов, зеркал.

Коммуна жила очень богато, потому, что была на хозрасчете.

Мы так принимали детей. Мы их собирали всегда в скорых поездах. Это было в Харькове. Ребята, ехавшие в скорых поездах, - это был наш контингент; мы имели право на этот контингент. Скорые поезда Москва — Минеральные Воды, Москва — Сочи, Москва – Кисловодск перевозили кандидатов в мою коммуну.

Все эти скорые поезда проходят через Харьков ночью, и мы этих ребят тоже собирали ночью.

Семь-восемь коммунаров, один из которых назначался временным командиром на одну ночь, отправлялись для того, чтобы собрать этих ребят. Этот временный командир всегда отвечал за работу отряда и всегда сдавал рапорт после окончания задания.

Временный отряд в течение 2—3 часов собирал беспризорных с крыш вагонов, из уборных, вытаскивал из-под вагонов. Они умели собирать этих «пассажиров». Я никогда не сумел бы их найти.

Сотрудники НКВД, стрелки отводили мне комнату на вокзале. В этой комнате происходил первый митинг.

Этот митинг заключался не в уговаривании ребят идти в коммуну, а носил такую форму. Наши коммунары обращались к ребятам с такими словами: «Дорогие товарищи, наша коммуна испытывает сильные затруднения в рабочей силе. Мы строим новый завод, мы пришли к вам с просьбой помочь нам»[2].

И беспризорные были уверены, что это так.

Им говорили: «Кто не хочет, — может ехать дальше скорым поездом»[3].

И дальше начинался тот метод удивления, который я хочу назвать методом «взрыва».

Обычно ребята всегда соглашались помочь нам в нашем строительстве. В этой комнате они оставались ночевать. А на другой день в 12 часов вся коммуна с оркестром — у нас был очень хороший большой оркестр, 60 белых труб, — со знаменем, в парадных костюмах с белыми воротниками, с наивысшим шиком, с вензелями и т. д. выстраивалась в шеренгу у вокзала, и, когда этот отряд, запахивая свои «кафтаны», семеня босыми ногами, выходил на площадь, сразу раздавалась музыка, и они видели перед собой фронт. Мы их встречали звуками оркестра, салютом как наших лучших товарищей.

Потом впереди выстраивались наши комсомольцы, девочки, следом за ними шли эти беспризорные ребята, а потом еще шел взвод с барабанным боем.

И вся эта группа шествовала очень торжественно по восемь человек в ряд[4].

Граждане плакали от умиления, но мы видели, что это только педагогическая техника и ничего сентиментального.

Когда их приводили в коммуну, они отправлялись в баню и выходили оттуда подстриженные, вымытые, одетые в такие же парадные костюмы с белыми воротниками.

Затем на тачке привозилась их прежняя одежда, поливалась бензином и торжественно сжигалась. Затем приходили двое дежурных по двору с метлами и сметали весь пепел в ведро.

Многим моим сотрудникам это казалось шуткой, но на самом деле это производило потрясающее материальное, если не символическое впечатление[5].

Из этих беспризорных, которых я собирал с поездов, я мог бы назвать только двух-трех человек, которые не стали на надлежащие рельсы. Но и эти ребята никогда не забудут их приема на вокзале, этого костра, новые спальни, новое обращение, новую дисциплину, и навсегда у них останутся сильные впечатления.

Я привел один из примеров того метода, который я называю методом «взрыва».

Этот метод продолжается и развертывается дальше во всей моей системе.

Эта система, прежде всего, заключалась в коллективе.

К сожалению, у нас ни в каких книгах не описано, что такое коллектив и, особенно, что такое детский воспитательный коллектив.

Об этом надо кому-то писать и надо производить большие исследования такого коллектива.

Первым признаком коллектива является то, что это не толпа, а целесообразно устроенный, действующий орган, орган, способный действовать.

Организация коллектива была такой, что коллектив обращался в социальный организм; он всегда оставался коллективом, никогда не превращался в толпу.

Это, пожалуй, самое трудное дело в нашей педагогической работе, и я не видал больше таких коллективов, какой был у меня.

Я это говорю не в похвальбу себе, а просто констатирую факт[6].

И я не один создавал этот коллектив. Об этом можно говорить очень долго, и я едва ли все сумею сказать.

Но сама организация коллектива должна начинаться с решения вопроса о первичном коллективе. Я над этим вопросом много думал, много возникало у меня разных способов организации коллектива, и я пришел к следующим выводам.

Первичный коллектив, т. е. коллектив, который уже не должен делиться дальше на более мелкие коллективы, образования, не может быть меньше 7 и больше 15 человек. Я не знаю, почему это так, я этого не учитывал. Я только знаю, что если первичный коллектив меньше 7 человек, он начинает обращаться в дружеский коллектив, в замкнутую группу друзей и приятелей.

Первичный коллектив больше 15 человек всегда стремится к разделению на два коллектива, всегда есть линия разделения.

Я считаю идеальным первичным коллективом только такой коллектив, который одновременно ощущает и свое единство, спаянность, крепость и в то же время ощущает, что это не компания друзей, которые договорились, а это явление социального порядка, коллектив, организация, имеющая какие-то обязанности, какой-то долг, какую-то ответственность. Все это можно изложить на бумаге. В коротких словах трудно изложить.

Особенно меня занимала фигура того лица, которое должно руководить этим первичным коллективом и отвечать за него.

Я все 16 лет своей работы употребил на решение этого труднейшего вопроса и пришел к такому убеждению, что во главе первичного коллектива должен быть обязательно единоначальник, одно лицо, которое по типу своей власти как единоначальник все-таки не является диктатором, но которое в то же время является уполномоченным этого коллектива.

Для меня потом стало важным еще одно обстоятельство - длительность такого первичного коллектива[8].

Мне удалось сохранить такой первичный коллектив без изменения в течение 7 – 8 лет. Десять — пятнадцать мальчиков или девочек сохраняли качество первичного коллектива в течение 7 —8 лет, причем производились изменения не больше, как в размере 25%: из двенадцати человек в течение 8 лет переменились трое: трое ушли и трое пришли.

Я заранее предчувствовал и видел на деле, что получается очень интересный коллектив, интересный в том смысле, что его можно было рассматривать как чудо по характеру движения, по характеру развития этого коллектива, по характеру тона, тона уверенности, бодрости, тенденции к сохранению первичного коллектива. Этот коллектив имел у себя единоначальную власть командира и потом бригадира.

Сначала была тенденция выдвигать во главу такого первичного коллектива наиболее способного, наиболее «блатного», наиболее волевого мальчика или девочку, атамана, способного держать всех в руках: командовать, настаивать, нажимать.

И вот в течение 16 лет я наблюдал, как эта тенденция выбора в качестве командира наиболее сильной личности, способной командовать, постепенно изменялась и как под конец во главе такого первичного коллектива, отряда (у меня обычно этот коллектив назывался отрядом) становился очередной старший, ничем не отличающийся от всякого другого.

В течение этих 16 лет, почти незаметно для меня и почти независимо от моих целей воспитания, такое изменение произошло, когда во главе отряда становился очередной старший.

В последние годы я достиг такого педагогического счастья, что мог любого коммунара в любом коллективе назначать старшим и мог быть уверен, что он будет блестяще руководить.

Я не имею сейчас возможности рассказывать вам подробно о характере этой интересной детской магистратуры, детского выборного лица, которое не только способно играть в старшего, но на самом деле руководить, вести за собой коллектив, не будучи для этого ни самым сильным, ни самым талантливым, ни самым волевым, а имея только одно отличие от всех остальных — полномочие и ответственность, как будто чисто формальное отличие.

Мне пришлось в 1933 г. выделить около 100 коммунаров на очень тяжелую, трудную, нервную, специальную работу по поручению правительства Украины, когда мои коммунары работали в течение нескольких месяцев в труднейших условиях вне коммуны[9].

Я не мог взять из коллектива самых лучших коммунаров, так как они обычно были в IX—X классе и, кроме того, это были наиболее квалифицированные мастера,

а я жил на хозрасчете и был заинтересован в рабочей силе. Эти квалифицированные мастера были начальниками цехов этого завода.

Я выделил середняков, выделил из них командиров, разбил людей на отряды. Я рискнул: сам с ними не поехал и никого старшего не послал, кроме одного завхоза, который их кормил.

И надо сказать, что они прекрасно справились со своей работой, и особенно вновь выделенные командиры, выделенные буквально по алфавиту. Они прекрасно поняли, до какой границы доходят их полномочия и до какой границы доходит их ответственность.

Для того чтобы воспитать это чувство границы, до которой доходят полномочия и серьезная ответственность, требуется, конечно, долгое время. Я думаю, что в течение года или двух ни в каком коллективе нельзя этого воспитать.

Потребуются 4—5 лет, чтобы воспитать эту интересную, нормальную магистратуру в детском коллективе.

Здесь требуется большая работа, большое напряжение.

В той же логической связи стоит не только организация первичных коллективов, но и организация общественных зависимостей внутри большого коллектива.

У меня первичным коллективом был отряд.

Сначала я организовывал отряды по такому принципу: кто с кем учится, кто с кем работает, тех я объединяю в один отряд.

Потом я решил, что нужно младших отделять от старших. Затем пришел к выводу, что это вредно, и потом уже в каждом таком отряде были и малыши, и взрослые юноши 17 —18 лет.

Я решил, что такой коллектив, наиболее напоминающий семью, будет самым выгодным в воспитательном отношении. Там создается забота о младших, уважение к старшим, самые нежные нюансы товарищеских отношений.

Там малыши не будут замкнуты в отдельную группу, которая варится в собственном соку, а старшие никогда не будут рассказывать скабрезные анекдоты, так как у них есть забота о младших.

Очень важным вопросом являлся вопрос о временных уполномоченных. Казалось бы, пустячный вопрос, но я на этой теме, на постоянном, неуклонном ежедневном подборе поручений, на разбрасывании этих поручений по отдельным лицам, на строгих отчетах о коротких заданиях подготовил очень много интересных кадров своих коммунаров.

Наконец, в порядке той же коллективной логики, для меня было особенно интересно общее самоуправление большого коллектива.

У меня всегда, все 16 лет, были выделенные командиры, которые несли ответственность за отряд. Был совет командиров.

Этот мой орган управления всегда вызывал возражение со стороны не только педагогов, профессуры, но и со стороны мыслителей и писателей. Все считали, что это нечто казарменное, что это муштровка.

К сожалению, мало кто вникал в сущность этого явления.

Совет командиров как орган управления чрезвычайно выгоден вот в каком отношении.

В колонии у меня было 28 отрядов, надо было иметь 28 командиров.

Потом мы пришли к такому обычаю: совет командиров собирался только по сигналу.

Даже если совет командиров был назначен по расписанию, обязательно давался сигнал сбора. Обычно мы собирали командиров без расписания.

Я был против составления плана работы совета командиров. И как на меня ни нажимали вышестоящие организации, я никогда не представил ни одного плана работы совета командиров. Совет командиров - это был орган оперативного

управления, который должен был работать по тем задачам и темам, которые возникают каждый день, которые нельзя предусмотреть в плане.

В последние 8—10 лет это было очень подвижное учреждение.

По любому вопросу, возникшему у меня, я мог собрать совет командиров в течение двух минут.

Давался трубный сигнал для сбора совета командиров, очень коротких три звука. Трубный сигнал давался только один раз, запрещалось давать его второй раз, чтобы никто из командиров не приучался волынить, чтобы немедленно шли на совет. Мы всегда молниеносно собирали совет командиров.

Услышав трубный звук, командир, где бы он ни находился: в классе, на работе, в бане, — все равно, должен был привести себя в порядок и спешить на совет командиров. Мы всегда молниеносно собирали совет командиров.

Сначала было трудно это сделать, а потом это стало привычкой, настоящим коллективным рефлексом.

И если кто-нибудь из моих заместителей созывал совет командиров, я, услышав сигнал, бежал, как конь.

Это был условный рефлекс. Я должен был спешить к исполнению своих обязанностей.

Был у нас один интересный закон: говорить можно было только одну минуту. Говоривший больше одной минуты считался трепачом, и его не хотели слушать.

Мы должны были иногда провести сбор в течение перемены: 5 — 10 минут.

Один остроумный председатель совета командиров где-то достал песочные минутные часы, причем он уверял, что пока падает одна песчинка, ты можешь сказать одно слово, а тут 2000 песчинок, - значит, ты можешь в одну минуту сказать 2000 слов. Что, тебе нужно больше 2000 слов в минуту? И это было необходимо.

У нас была полная десятилетка со всеми качествами десятилетки[10].

Кроме того, у нас был завод, где каждый работал по 4 часа в день. Надо было 4 часа поработать на заводе, 5 часов поработать в десятилетке. Итого 9 часов.

Кроме того, мы никогда не имели уборщицы, а каждое утро натирали паркетные полы. У нас не могло быть пыли; бывали дни, когда к нам являлись 3—4 делегации. Все должно было блестеть.

При этом проходили производственные совещания, комсомольские собрания, пионерские собрания, физкультурные мероприятия и др. Мы не могли тратить ни одной лишней минуты. Может быть, другие будут в лучших условиях и им не нужен будет такой минутный регламент.

Когда мы собирали совет командиров, то часть командиров могла быть в отсутствии или не могла бросить работу у какого-нибудь важного станка. Поэтому вошло в обычай — и это стало даже законом: если нет командира, идет помощник, а если нет помощника, идет любой член отряда.

Обычно в каждом отряде знали, что, если сегодня будут играть сбор, пойдет такой-то. Постепенно создалось такое положение, что когда собирался совет командиров, мы не спрашивали, есть ли Иванов или Петров, а спрашивали: представлен ли 1-й отряд, 2, 3, 4-й.

Важно, чтобы был представлен отряд.

Постепенно совет командиров сделался советом отрядов. Нам было не важно, кто пришел из отряда, важно было, что это был человек, имеющий звание коммунара.

Если на совете разрешался важный вопрос, мы требовали, чтобы обязательно был командир, так как сам командир выбирался у нас не отрядом, а общим собранием коммуны.

Мы пришли к такой формуле именно для того, чтобы совет командиров не только в коммуне, но и в каждом отряде имел вид совета уполномоченных, чтобы это

были не только уполномоченные данного отряда, но уполномоченные всей коммуны. Этот совет стоял над отрядом.

Совет командиров помогал мне работать в течение 16 лет, и я теперь чувствую благодарность и испытываю серьезное и большое уважение к этому органу, который постепенно изменялся, но всегда оставался только с каким-то одним тоном, одним лицом, одним движением.

Я хочу обратить ваше внимание на следующее.

Мы, взрослые, чувствуем себя страшно умными, всегда много знаем, всегда во всем разбираемся и все понимаем, и когда приходим в новое учреждение, когда нам дают новое дело, мы всегда пытаемся все поломать и сделать все по-новому.

Мы считаем, что наше молодое советское педагогические дело, которому мы не можем насчитать даже 20 лет, страдает быстрой текучестью форм, страшной изменчивостью, отсутствием традиций.

Я только к концу 16-го года своей работы понял, в чем дело. Традиции, т. е. опыт взрослых поколений, ушедших 4 – 5 – 6 лет назад, что-то сделавших, что-то решивших, надо настолько уважать, чтобы этот опыт предшествующих поколений не так легко можно было бы менять.

В конце концов, в той же коммуне было так много интересных, оригинальных, точных правил, что какому-нибудь дежурному ничего не стоило вести коммуну за собой.

Казалось бы, некоторые из этих правил даже потеряли свой смысл. И я помню, что любой педагогический реформатор, в особенности из таких «революционных» педагогов, мог сломать любую традицию.

Когда-то, когда мы были окружены в колонии им. Горького ворами и бандитами, у нас стоял в дверях часовой с винтовкой. Он так и остался стоять в 1936 г. Это была традиция. Я не хотел ее ломать, и мне было трудно ее поломать, так как все были убеждены, что это нужно.

Когда я анализировал это явление, я пришел к выводу, что это нужно, во-первых, потому что когда ночью 600 человек спят и мальчик 13—14 лет стоит с винтовкой у незапертой двери на охране своей коммуны, ему и страшновато и жутко немного, он испытывает по сути этот страх и жуть, но это заставляет его поверить в себя.

Стояли на часах и девочки. Если стояла маленькая девочка, то я сверху поглядывал на нее одним глазом, но девочка об этом не знала.

И винтовка была не простая винтовка, из которой можно было бы выстрелить, винтовка была без патронов, это была символическая винтовка. И держать ее — значило чувствовать к себе уважение, особенно когда винтовка почищена.

В 1929 г. я перевел из моего кабинета денежный ящик поближе к часовому. Это было сделано по предложению коллектива. Говорили, что не стоит держать денежный ящик в кабинете. Лучше его поставить там, где стоит часовой. А что может сделать 13-летний мальчик с винтовкой в руках, об этом не рассуждали. Денежный ящик стоял около часового, и мы были спокойны, потому что тринадцатилетний мальчик в случае нападения, принял бы все меры, чтобы отстоять этот ящик[11].

Здесь мы подходим к целому ряду тем, которые, казалось бы, не входят в тему коллектива.

Только стройный, хорошо организованный коллектив может почувствовать свои мускулы, а плохо организованный коллектив никогда этих мускулов не почувствует.

Перехожу к вопросу о дисциплине.

Если вы читали мою книгу «Педагогическая поэма», то вы помните, что я начал с вопроса о дисциплине. Я начал с того, что несколько раз ударил по лицу своего воспитанника, [дал пощечину].

В «Педагогической поэме» все это описано более или менее пространно, и я был очень удивлен, когда на меня посыпались обвинения, что я рекомендую мордобой.

Как раз в «Педагогической поэме» этого не видно. Наоборот, это событие носило для меня печальный характер не в том смысле, что я дошел до такого отчаяния, а в том смысле, что выход нашел не я, а тот мальчик, которого я ударил, — Задоров.

Он нашел в себе страшную силу и мудрость понять, до какого отчаяния я дошел, и протянул мне руку.

Успех этого случая проистекал не из моего метода, а находился в зависимости от случайного человеческого объекта моего физического воздействия. Не всякому удастся натолкнуться на такого человека, которого ударишь, а он протянет тебе руку и скажет: я тебе помогу — и действительно поможет. А мне посчастливилось, и я тогда это понял.

В своей практике я не мог основываться на такой дисциплине, на мордобое. Я пришел к той дисциплине, истинную форму которой и хотел показать в моем последнем романе «Флаги на башнях».

В этом романе говорится о железной, строгой, крепкой дисциплине, которая способна привести к идиллии. Это возможно только в Советской стране. Создать такую дисциплину очень трудно. Для того чтобы ее создать, требуется большое творчество, требуется душа, личность. В это дело надо вложить вашу собственную личность.

Это трудное дело еще и потому, что здесь успехи достигаются очень медленно, постепенно, почти невозможно заметить движения вперед. Здесь нужно уметь больше видеть впереди, надо уметь видеть больше того, что есть сегодня[12].

Цель такой дисциплины мы прекрасно понимаем. Это полное соединение глубокой сознательности с очень строгой и как будто даже механической нормой[13].

Я не представляю себе хорошей дисциплины, если в ней будет одно сознание. Такой дисциплины быть не может, и такая дисциплина всегда будет иметь склонность обратиться в ригоризм. Она будет рассудочной, постоянно будет ставиться вопрос в отношении того или другого поступка, будет постоянное раздвоение, как поступить: так или не так.

Дисциплина, которая хочет опираться только на одно сознание, всегда сделается рассудочной. Она изменит нормы в любом коллективе и всегда, в конечном счете, будет представлять цепочку споров, проблем и нажимов.

Но, с другой стороны, дисциплина, основанная на технической норме, догме, приказе, всегда имеет склонность обратиться в слепое повиновение, механическое подчинение одному управляющему лицу.

Это не наша дисциплина. Наша дисциплина — это соединение полной сознательности, ясности, полного понимания, общего для всех понимания, как надо поступать, с ясной, совершенно точной внешней формой, которая не допускает споров, разногласий, возражений, проволочек, болтовни. Эта гармония двух идей в дисциплине — самая трудная вещь.

Этой гармонии удалось добиться моему коллективу благодаря не только мне, а многим счастливым обстоятельствам и многим лицам.

Каким же образом произошло объединение этой сознательности с точной дисциплинарной формой?[13]

Здесь было очень много способов. В конце концов, все способы, все методы вели именно к этому. Дисциплина в этом случае не являлась условием благополучной работы. У нас обычно думают, что для хорошей работы в качестве

необходимого условия нужна подобная дисциплина, а я не так давно понял, что настоящая дисциплина не может быть условием работы, она может быть только результатом всей работы и всех методов.

Дисциплина не есть метод и не может быть методом. Как только дисциплину начинают рассматривать как метод, она обязательно обращается в проклятие. Она может быть только последним итогом всей работы.

Дисциплина — это лицо коллектива, его голос, его красота, его подвижность, его мимика, его убежденность. Все, что есть в коллективе, в конечном счете, принимает форму дисциплины.

Дисциплина — это глубоко политическое явление, это то, что можно назвать самочувствием гражданина Советского Союза. Я сейчас это очень хорошо понимаю.

Уверяю вас, что в течение всех 16 лет я никак не мог понять, где поймать этот хвостик, где найти эту формулу, чтобы все разобрать и понять.

Поэтому нельзя говорить о дисциплине как средстве воспитания. Я могу говорить о дисциплине как о результате воспитания. Этот результат воспитания проявляется не только в том, чтобы кто-то что-то предписал, и кто-то что-то выслушал. Этот результат проявляется даже тогда, когда человек, оставаясь наедине, должен знать, как поступить.

Мои коммунары говорили: мы будем судить о твоей дисциплине не по тому, как ты поступил на виду у других, и не по тому, как ты исполнил приказание или выполнил работу, а по тому, как ты поступил, не зная, что другим известно, как ты поступил.

Например, ты проходишь по паркетному полу и видишь, что на полу грязная бумажка. Никто тебя не видит, и ты никого не видишь, и тут важно: поднимешь ты эту бумажку или нет! Если ты поднимешь и выбросишь эту бумажку, и никто этого не увидит, — значит, у тебя есть дисциплина.

Последняя форма дисциплины особенно проявлялась в фигуре дежурного бригадира или дежурного командира.

Это один из бригадиров, мальчиков или девочек, обычно даже не самый старший, так как самые старшие комсомольцы, наиболее заслуженные члены бюро, несли уже более ответственную работу: то редактора газеты, то начальника цеха, то начальника конструкторского бюро (это были ученики 10-х классов), то комсорга или секретаря комсомольского коллектива бригады или командир отряда — это был мальчик 15 – 16 – 17 лет или девушка.

Они обычно не имели права наказывать, не имели других особых прав в коммуне, но дежурный бригадир в течение дня ведет коммуну.

Воспитателей у нас в коммуне уже не было. Я всех их снял еще в 1930 г. Они просто перешли в школу как учителя, а от воспитателей мы отказались. Семь лет коллектив жил без единого воспитателя[14].

Такой дежурный бригадир с 6 часов утра до 12 часов ночи или с ночи до утра должен был отвечать за все, что происходит в коммуне, за точность и порядок в расписании, порядок в уборке, должен был отчитаться за прием гостей, за хороший обед, если был поход — то за поход, если была какая-нибудь дополнительная работа — за работу. Ночью он имел право спать.

Ему одному общее собрание дало право приказа. Постепенно это право развилось в очень сложную традицию, которой все очень гордились и которой неуклонно следовали.

Такой пятнадцатилетний мальчик мог потом, не оглядываясь, сказать самому старшему комсомольцу, самому заслуженному члену коммуны: возьми тряпку и вытри эту лужу здесь на полу.

Он не имел права, обычно, повторять приказания, но кто бы ни услышал его приказание, должен был сказать: «Есть, товарищ бригадир».

Если он даже вытер лужу, но не сказал: «Есть, товарищ бригадир», - считалось, что он не выполнил приказания.

С этим дежурным нельзя было разговаривать сидя, а надо было разговаривать вытянувшись.

Нельзя было ему возражать. Можно было спорить со мной, с любым командиром, с бригадиром, а с дежурным нельзя было спорить, так как говорили, что у него очень много дела и если каждый будет с ним спорить, то ему, бедному, и не выжить.

Если даже дежурный бригадир неправильно решал тот или другой вопрос, то тебе предлагалось: выполни и забудь, что это неправильно.

Рапорт дежурного бригадира я не имел права проверять.

Он говорит, что в таком-то отряде сегодня случилось то-то и то-то. Свой рапорт он отдает в присутствии всех, с салютом. Все должны стоять.

И если я в чем-нибудь сомневался, я не мог сказать: позови мне этого коммунара, я у него спрошу.

Это было бы сильнейшим оскорблением.

Создалась такая традиция: потом, на другой день, тот, о ком он докладывал, может сказать, что дежурный «набрехал», но так, чтобы я не услышал, ибо за такие разговоры я отправлял под арест. Если даже «набрехал», не смей говорить. Это наш уполномоченный, мы ему подчиняемся, его слушаемся.

Завтра ты можешь сказать, что он слаб, и мы его снимем, а в момент рапорта нельзя было ничего говорить. Этим мы избавились от бесконечных склок.

Особенно важным было то, что рапорт дежурного не проверяется. Дежурный бригадир докладывал мне вечером решительно обо всех, и я не помню, чтобы мне кто-нибудь соврал. Он не мог соврать.

Если бы этот дежурный встретил меня на прогулке и что-нибудь о ком-нибудь мне сказал бы, то это можно было бы проверять на сборе, но если он говорил в присутствии всех, проверять было нельзя. Коммунары заявляли: «Ведь он Антону Семеновичу не на ухо сказал, ведь они не в саду сидели, он сказал в присутствии всех, с рапортом, с салютом, как он мог соврать. Человек не может соврать в таком положении».

Коммунары были убеждены, что вся обстановка, все положение дежурного не дают ему возможности соврать.

Это был моральный закон, и проверять было не нужно.

Вот общая результативная картина, которую можно назвать дисциплиной.

Какие методы должны вести к такой результативной картине? Устройство коллектива как определенной организации и педагогическое мастерство.

Педагогическое мастерство — совсем не пустое дело. В педагогических вузах этим педагогическим мастерством и не пахнет. Там и не знают, что такое педагогическое мастерство. Мы имеем такое положение, когда это мастерство каждый имеет право назвать кустарным, и правильно.

Я тоже много мучился с этим вопросом, и тем более мучился, что никогда не считал себя талантливым воспитателем и, по совести говорю, что не считаю сейчас, так как иначе мне не пришлось бы так много работать, ошибаться и страдать.

Я и теперь глубоко убежден, что я скорее обыкновенный, средний педагог. Это очень похоже на правду. Но я добился педагогического мастерства, а это важная вещь.

Мастерство воспитателя не является каким-то особым искусством, требующим таланта, но это специальность, которой надо учить, как надо учить врача его мастерству, как надо учить музыканта. Каждый человек, если он не урод, может быть врачом и лечить людей, и каждый человек, если он не урод, может быть музыкантом. Один — лучше, другой — хуже. Это будет зависеть от качества инструмента, учебы и т. п. А у педагога такой учебы нет.

Что такое мастерство? Я имею склонность отделять процесс воспитания от процесса образования. Я знаю, что против этого возразит каждый специалист-педагог. Но я считаю, что процесс воспитания может быть логически выделен и может быть выделено мастерство воспитателя.

Можно и нужно развивать зрение, просто физическое зрение. Это необходимо для воспитателя. Нужно уметь читать на человеческом лице, на лице ребенка, и это чтение может быть даже описано в специальном курсе. Ничего хитрого, ничего мистического нет в том, чтобы по лицу узнавать о некоторых признаках душевных движений.

Педагогическое мастерство заключается и в постановке голоса воспитателя, и в управлении своим лицом.

Сегодня ваш уважаемый директор в моем присутствии разговаривал с одним мальчиком. Не каждый сможет так разговаривать. Я не буду льстить и говорить, что здесь большой талант, но здесь имело место мастерство. Он сердито разговаривал с мальчиком, и мальчик видел гнев, негодование, именно то, что было нужно в данном случае. А для меня это было мастерство. Я видел, что директор великолепно играет.

Педагог не может не играть. Не может быть педагога, который не умел бы играть. Нельзя же допустить, чтобы наши нервы были педагогическим инструментом, нельзя допустить, что мы можем воспитывать детей при помощи наших сердечных мучений, мучений нашей души. Ведь мы же люди. И если во всякой другой специальности можно обойтись без душевных страданий, то надо и у нас это сделать.

Но ученику надо иногда продемонстрировать мучение души, а для этого нужно уметь играть.

Но нельзя просто играть сценически, внешне. Есть какой-то приводной ремень, который должен соединять с этой игрой вашу прекрасную личность. Это не мертвая игра, техника, а настоящее отражение тех процессов, которые имеются в нашей душе. А для ученика эти душевные процессы передаются как гнев, негодование и т. д.[15].

Я сделался настоящим мастером только тогда, когда научился говорить «иди сюда» с 15 — 20 оттенками, когда научился давать 20 нюансов в постановке лица, фигуры, голоса. И тогда я не боялся, что кто-то ко мне не пойдет или не почувствует того, что нужно.

А у воспитателя это мастерство проявляется на каждом шагу. И оно проявляется вовсе не в па́рном положении, когда я — воспитатель и ты - мой ученик. Парное положение не так важно, как то, что вас окружает.

Ваше воспитательское отношение имеет значение даже в том случае, когда на вас никто не смотрит. И это не мистика.

Я сижу в кабинете один. Все коммунары на работе и в школе. Я на кого-то рассердился, мне что-то нужно сделать. Я принимаю определенное выражение лица, и это на всех отразится. Забежит один, посмотрит на меня, шепнет другому, даже между делом, и что-то станет на свое место.

Это не значит, что от настроения одного лица зависит настроение всех детей, но надо уметь управлять своим настроением.

Если вы будете в этом же кабинете плакать и рыдать, это тоже будет всем известно и произведет известное впечатление.

Это сказывается во всех мелочах. Бреетесь вы каждый день или нет. Чистите вы ботинки каждый день или нет.

Воспитатель, который вытаскивает из кармана черный скомканный платок, — это уже не воспитатель. Лучше пусть он пойдет в уголок и высморкается там, чтобы никто не видел.

Но это мастерство имеет значение для организации каких-то специальных методических движений.

Например, я очень часто практиковал такие вещи. Я мог бы призвать к себе того, кто согрешил, и сделать ему выговор. Но я так не делал.

Я пишу ему записку с просьбой прийти обязательно вечером, обязательно в 11 часов. Я даже ничего особенного не буду ему говорить, но до 11 часов вечера он будет ходить в ожидании моего разговора. Он сам себе многое скажет, ему скажут товарищи, и он придет ко мне уже готовый. Мне ничего уже не нужно с ним делать. Я ему только скажу: «Хорошо, иди». И у этого мальчика или девочки будет происходить обязательно какой-то внутренний процесс.

Я представляю себе, что в педагогическом учебном заведении нужно проделывать кое-какие упражнения. Мы — студенты: вы, вы и т.д.

Мне говорят: «Вы, т. Макаренко, будете сейчас проводить практику. Предположим, мальчик украл три рубля, разговаривайте с ним. Мы будем слушать, как вы будете разговаривать, а потом мы обсудим, как вы разговариваете: хорошо или плохо».

У нас такие упражнения не производятся, а ведь это очень трудное дело - говорить с мальчиком, который подозревается в том, что он украл, и неизвестно еще, украл он или нет. Тут, конечно, нужно мастерство не только в постановке взгляда или голоса, а даже в постановке логики. А мы, воспитатели, знаем географию, историю, литературу, но мы не знаем, что такое детское воровство. Кто знает, что это такое: случай, преступление или необходимость?

Если бы мы все были очень искренни, то сказали бы, что у многих в детстве был, хоть один случай воровства. У меня, например, был. Когда мне было 8 лет, я украл, спер самым настоящим образом. А я совсем не был вором.

Очевидно, нам нужно подумать, что такое детское воровство и как на него реагировать.

Я узнал сегодня, что ваш директор товарищ Данюшевский поймал мальчика, который украл мыло, чтобы передать домой. Товарищ Данюшевский взял мыло, передал этому же мальчику и оказал: вот тебе мыло уже не краденое, а настоящее. Зачем было красть, когда можно и так тебе дать? Он даже премировал вора.

В таком же положении был и я как педагог, и мои коммунары, дзержинцы, иногда крали.

Во время рапорта дежурный говорит: Грищенко украл кошелечек у товарища.

- Грищенко, выходи на середину.

Грищенко выходит. Все на него смотрят. Он краснеет. Ему говорят: ты еще новенький, ты привык воровать, у тебя такая привычка. Ты еще один-два раза украдешь.

- Как это я украду? Я больше не украду.

- Нет, увидишь, что еще раз-два украдешь.

Проходят две недели. Опять Грищенко стоит.

- Опять украл?

- Да, украл у товарища.

- А ты задавался, говорил, не украдешь, мы же тебе говорили. А вот теперь ты больше не украдешь, у тебя есть опыт.

Мальчик уверен, что все «предсказания» сбываются, и действительно больше не крадет.

За воровство мы перестали наказывать. Новенький что-нибудь возьмет, и все на него смотрят и говорят: это у тебя не уголовщина, а привычка, которая пройдет. Но вот приходит старший, который пробыл два года в коммуне. Он докладывает, что такой-то не заплатил в трамвае за проезд.

- Как?!

Все вытягивают шеи.

- И что же, ты говорил, что ты беспризорный? Таких надо выгонять из коммуны.

- Может быть, ты снимешь свое предложение?

- Нет, я своего предложения не снимаю.

- Кто за это предложение?

Подымается рук двадцать.

Конечно, его не выгонят; он сидит и «парится»

Знаем ли мы, что такое детское воровство? То, что мы знаем из опыта, мало. Надо, чтобы это было написано в книге. Надо, чтобы люди прочитали, проверили, тогда, они будут знать.

А что такое детское хулиганство?

Есть такой педагогический «закон», что детям надо больше драться и кричать. В результате во время перемены наши коридоры превращаются в отделения ада. И все это потому, что ребенок должен бегать, кричать. Что кричать? Просто открыть рот и кричать? Должен или не должен так кричать?

В некоторых книгах написано, что должен, а я в своем педагогическом опыте считал, что ребенок не должен ни бегать, ни кричать без толку. Я думал, что совершаю педагогическое преступление, так как педагогический закон утверждает, что он должен кричать и бегать, но все-таки поступал по-своему.

У меня только что окрашены стены. Я из последних средств пригласил мастеров, и они произвели хороший ремонт. Я не могу допустить, чтобы ребенок проявлял здесь свои способности в области рисования.

Я как педагог и как хозяйственник поступаю правильно.

А потом я убедился, что педагог и хозяйственник не должны расходиться. Я добьюсь того, что ученик будет так же заботиться о чистоте стен, как и хозяйственник. И он ничего не потерял от того, что не нарисовал на стене. Он ничего не потеряет от того, что не покричал и что-то у него там не развилось.

Мы должны приучать воспитанников к упорядоченным, целесообразным движениям. Извольте двигаться целесообразно. Вы идете по коридору, чтобы выйти на улицу. Никакой скидки на ваши какие-то детские особые аппетиты к движению. Проходи спокойно по коридору, спокойно выходи на улицу, а когда выйдешь во двор, там можешь удовлетворить свои аппетиты.

И оказалось, что никаких особых аппетитов у ребят нет. И потом, может быть, торможение этих аппетитов даже полезнее, чем их удовлетворение.

Мы мало об этом знаем, а все это нужно знать, чтобы быть мастером-педагогом. Такое мастерство совершенно необходимо, его надо воспитывать.

Я с моими коллегами, товарищами, сотрудниками всегда работал над этим мастерством. Мы собирались, обсуждали этот вопрос, но ничего не записывали.

Есть еще один важный метод — игра. Я думаю, что несколько ошибочно считать игру одним из занятий ребенка. В детском возрасте игра – это норма, и ребенок должен всегда играть, даже когда делает серьезное дело. У нас, взрослых, тоже бывает эта склонность к игре. Почему одной нравится кружевной воротничок, а другой не кружевной? Почему надо вдруг надевать крепдешиновое платье, а не ситцевое? Почему хочется надеть форму? Я думаю, что каждый из нас с удовольствием надел бы форму полковника. Почему привлекает форма? Потому что в этом есть какая-то игра.

Почему мы ставим у себя в книжном шкафу красивые книги с золотыми корешками наверх, а другие, похуже — вниз? Мы играем в людей интеллигентных, культурных, имеющих библиотеку.

А возьмите влюбленных, как они играют.

У ребенка есть страсть к игре, и надо ее удовлетворять.

Надо не только дать ему время поиграть, но надо пропитать этой игрой всю его жизнь. Вся его жизнь — это игра.

У нас был завод с первоклассным оборудованием. Делали фотоаппараты «Лейка» с точностью до одного микрона, и все-таки это была игра.

На меня многие педагоги смотрели, как на чудака, что я занимаюсь игрой в рапорт.

Надо играть с ребятами, надо стоять во фронт, а потом можно рычать на них. Тот командир, который минута в минуту является ко мне сдавать рапорт, прекрасно играет, и я с ним играю. Я отвечаю за них за всех, а они думают, что они отвечают[15].

Когда Эррио был у нас, он спросил у коммунаров: кто же это делает?

- Мы.

- А заведующий?

- Мы все делаем вместе. Мы ему помогаем.

В некоторых случаях надо эту игру поддерживать.

Мы ездили на экскурсию, причем нужно было решить: ехать ли в Ленинград или в Крым. Большинство было за Крым, я тоже был за Крым. Но я начинаю бешено с ними спорить. Я им говорю: «Что вы увидите в Крыму? Только солнышко, и будете валяться на песке, а в Ленинграде — Путиловский завод, Зимний дворец». Они бешено со мною спорят. Потом все поднимают руки и смотрят на меня. Я хорошо с ними играл. Они играют победителей, а я — побежденного.

Через три дня они говорят друг другу: «А ведь Антон Семенович заливал, он тоже за Крым». А тогда они играли и прекрасно это понимали.

Дальше вопрос о педагогическом риске. Тоже в вопрос неразрешенный. Можно рисковать или нет?

Года два назад в одном педагогическом журнале была напечатана консультация. Один педагог поставил вопрос: как быть с ребенком, который хулиганит в школе?

Ответ: надо с таким ребенком поговорить. Педагог должен говорить ровным голосом, не повышая тона, чтобы ученик понял, что учитель говорит с ним не потому, что он раздражен, а потому, что в этом его долг.

Тут, конечно, нет никакого риска, а вот в таком тоне, каким разговаривал тов. Данюшевский, есть риск: «Что же это такое? Мы были с тобой друзьями, а теперь что скажешь?» Это не ровный голос.

Как идеальный педагог, вы должны говорить ровным голосом, и тогда у вас ничего не получится. Он уйдет таким же хулиганом, каким и пришел.

Я позволял себе риск и видел, что как только я позволял себе рискнуть, вокруг меня собирались все макбетовские ведьмы: а ну, как ты рискнешь, а ну, как ты рискнешь?

Я говорил: «Ну, что это такое?!» (ударяет по столу кулаком). И у нас получалось.

В Ленинграде, когда я говорил о риске, я получи такую записку: вы говорите о риске, а у нас в школе был такой случай: мальчику поставили плохой балл, а он повесился. Так вот, по-вашему, нужно допустить необходимые издержки?»

Я был очень удивлен. Это же не против меня, а против вас. Мальчик повесился не в результате какого-нибудь рискованного действия педагога, а в результате самого обыкновенного действия педагога. Если и это риск, то не ставьте плохих отметок, а то все перевешаются. Можно бояться поставить плохой балл, так как и здесь есть какой-то риск, а ведь это же пустяк.

Плохой балл — не рискованное действие. Погладить по головке – нет никакого риска.

Говорить ровным голосом — тоже нет никакого риска.

А может быть, мальчик, избалованный постоянно такими нерискованными действиями, и получил склонность к самоубийству. И всякий человек, если с ним несколько лет подряд говорить ровным голосом, возымеет желание повеситься. Если

бы все педагоги говорили с ребенком ровным голосом, я не знаю, до какого состояния они могли бы довести ребенка.

Но, к счастью, не все говорят ровным голосом. Некоторые рискуют, требуют, ставят плохие баллы, а главное — требуют. И только поэтому получается живое настроение в жизни.

Эта тема риска должна быть рассмотрена в педагогической практике.

Я как педагог открыто смеюсь, радуюсь, шучу, сержусь.

Хочется мне шутить — я шучу. Хочется мне потихоньку уколоть человека — я это делаю.

Такой риск не страшен. Мне приходилось рисковать больше, чем другим педагогам.

Например, иногда общее собрание выносило постановление: выгнать из коммуны. И как я ни боролся, как я ни грозил, они смотрят на меня, смотрят, а потом опять поднимают руки: выгнать. И я выгонял. За восемь лет я выгнал человек десять. Открываю дверь: иди на все четь ре стороны, куда хочешь, иди в белый свет[16].

Страшный риск, но благодаря этому риску я добился постоянного искреннего, требовательного тона, и каждый знал, что такой тон встретит его в первый же день, и ни для кого это не было неожиданностью.

Но особенно удивительно, что все эти выгнанные писали мне письма.

Недавно я получил письмо от человека, которого выгнал шесть лет назад и потерял его из виду.

Он пишет: я, старший лейтенант такой-то, отличился в боях у озера Хасан и по этому случаю решил написать вам письмо. Если бы вы знали, как я вам благодарен за то, что вы тогда меня выгнали. Как я куражился над вами, над всем коллективом. А когда меня выгнали, я задумался: неужели же я такой плохой, что 500 человек не согласились со мною жить? Я хотел к вам идти проситься обратно, а потом решил, что надо самому пробивать дорогу. И вот я теперь лейтенант, я отличился и считаю долгом вам об этом сообщить, чтобы вы не беспокоились, что выгнали меня тогда.

Это – чтобы я не беспокоился через 6 лет.

Надо поставить вопрос о риске, ибо так называемый такт начинает сидеть в печенках не только у педагога, но и у воспитанников.

В то время как мне еще приходилось спорить с украинским Наркомпросом, где тогда сидели чудаки и враги, меня спросили на педагогической конференции: вы знаете, что такое такт?

- Знаю.

- А что это такое?

- Предположим, вы обедаете с каким-нибудь человеком, и он плюнул вам в тарелку, и вы можете ему сказать: что вы делаете, это нетактично.

А можно поступить и так: взять тарелку и разбить у него на голове. И никакого риска не будет.

Иногда нужно разбивать тарелку на голове, доводить человеческий поступок до логического предела, а не замазывать его.

Разве такт иногда не является уклонением от ответственности?

Передо мной мальчик или девочка, с которыми надо что-то сделать, а я не хочу ничего делать, боюсь риска и начинаю тактично поступать. Тактично отъезжать от данного случая в какой-то закоулок.

Может быть, я и ошибаюсь, но результаты были у меня хорошие.

Я у себя не знаю случаев рецидивов, за исключением одного, когда девушка, выданная мною замуж, опять сделалась проституткой.

Я уверен, что я в своем опыте подошел к какой-то правде так же, как и вы.

Я настаиваю на том, что основным принципом в нашей педагогической работе, школьной, внешкольной, дошкольной, является: как можно большее уважение к человеку.

Я даже восьмилетнего человека называл товарищ Комаров. Так он — Петька, Васька и т. д., а когда я прихожу в коллектив, я называю его товарищ Комаров.

Как можно больше уважения и настойчивого, ясного, открытого требования: веди себя так-то и так-то.

Эти чудеса доступны каждому.

Меня одолевали родители, говорили, что я совершаю чудеса. Приезжают на автомобиле отец и мать и говорят: «Мы больше не можем с ним жить: патефон украл – продал, мамину шелковую кофту украл – продал, папины часы украл – продал. Возвращается в 2 часа ночи, грубит, требует: давай деньги, давай билеты, не хочет за собой убрать и т. д. Возьмите его ради бога!»

Посмотришь на мальчика: вполне нормальное лицо, никакой умственной отсталости нет, здоровый мальчик, учится в VIII классе, что же над ним работать?

«Хорошо, пусть остается, но чтобы вашего духа здесь не было два года, чтобы бензином вашим здесь не пахло. И не ходите, не пишите, не звоните по телефону».

Главные жалобы, что не хочет почистить себе костюм, не хочет постелить себе постель, не хочет в магазин пойти за покупками. А здесь его командиры немного протрут с песочком, и он начинает меняться.

Через полгода отпускаешь его первый раз в отпуск. И говоришь: смотри, Сергей, ты идешь в первый раз, посмотри, как на тебе все одето. Когда придешь домой, смотри, чтобы ты отдал салют, и смотри, чтобы ты нашел себе дома работу, чтобы все время провел в работе.

- Слушаю.

Приходит домой: что прикажете сделать, за водой сходить или пол помыть?

Родители думают, что сделали чудеса. Никаких чудес и никаких чудотворцев нет. А так надо потребовать, чтобы мальчик не сомневался. И мальчик находит в этом удовольствие. Он доволен тем, что может показать родителям, что он тоже способен работать. От педагога требуется уверенность в своей правоте. Если вы уверены, что можете требовать до конца, ребенок всегда сделает все, что нужно.

Я еще раз прошу меня извинить, если в моем рассказе было что-нибудь назидательное. Это было случайно. Я ни в чем не убежден, я ни на какую назидательность не претендую, а просто рассказываю то, чему я в жизни был свидетелем. (Аплодисменты.)[17]

Раньше чем отвечать на вопросы я остановлюсь на нескольких общих замечаниях, имеющих большое значение.

Прежде всего – о моем отношении к педагогике.

Нападение на педагогику имеется у меня в первой части «Педагогической поэмы». Это было нападение на самого себя, это был результат несчастного случая.

Но это происходило еще от того, что педагогика повернулась ко мне провинциальным боком педологии. Вы не представляете себе, что за ужас – провинциальная педология, да еще украшенная комплексным методом[18], да еще никчемность представителей методики педологии.

Я в течение нескольких лет находился в состоянии кровожадности в отношении педологов. Я не пускал их к себе в колонию и говорил ребятам: «Не пускать их без моего специального разрешения». А они боялись со мной встречаться даже в коридорах Наркомпроса, они боялись, что я могу на них наброситься, кусаться и драться.

Один только раз, по требованию НКВД, я пропустил их в колонию. Они захотели узнать, насколько организован мой коллектив. Они не думали, что у меня есть такой организованный коллектив.

Они прибыли с товарищами из НКВД и сказали деревянным голосом: покажите ваш организованный коллектив.

Я решил, что они хотят подложить мне свинью и доказать, что мой организованный коллектив является неорганизованным. Когда мои ребята пришли в класс, эти педологи обратились к ним и сказали: дети, представьте себе, что у вас есть лодка.

Вдруг один спрашивает: а это для чего?

- Нет, вы представьте себе. Представьте себе, что вы будете в ней кататься.

Тогда ребята заявили, что им некогда, что у них сейчас консультация и они ничего не хотят себе представлять. Они заявили: реки у нас в Харькове нет, моря нет, лодок у нас нет. Мы не хотим даже представлять себе.

Тогда педологи заявили: больше вопросов у нас нет. Мы только хотели поговорить относительно лодки.

- Очень рад.

Мы распрощались, и они уехали

Потом мои воспитанники мне говорили: мы думали, что они по серьезному делу приехали, а они говорят с нами, как с маленькими детьми.

После этого случая моя ненависть к педологам обратилась в болезнь. Это было в тот период, когда я писал первую часть «Педагогической поэмы».

В частности, мои чувства были направлены против Руссо. Сейчас Руссо уже не имеет педагогического значения. Он положил начало большому гуманистическому движению. Он оказал влияние не только на педагогику. Такую педагогику нельзя применить к воспитательному процессу[19].

У нас нет воспитательной педагогики.

У нас есть методики, которые можно приложить к основному образовательному процессу. У нас должна быть теория педагогики, конечно, не с неба взятая, а основанная на практической работе. Но здесь надо учесть поведение нового человека в новой обстановке.

Попробуйте взять любой вопрос, например воспитание воли. То, что раньше было основано на интересе, теперь основывается на долге.

Сегодня я шел по Мясницкой, висит объявление: «Спешите видеть выставку Левитана. Сегодня последний день». Раньше вывесили бы такое объявление, чтобы побольше заработать денег, а теперь — по чувству долга, чтобы больше людей посмотрели эту выставку.

Нам необходима такая теория педагогики.

Теперь еще два замечания.

Во-первых, я считаю, что наша советская государственная школа должна занимать более важное, более блестящее и более величественное место в нашей жизни. В этом я глубоко убежден и всегда буду об этом говорить.

Наша школа представляет собой заброшенное учреждение. Никто о ней не знает. Висит только вывеска.

И не нравится мне, что наши школы называются школами, что наших учеников называют школьниками, что наши школы пронумерованы какими-то страшными астрономическими номерами: 667-я школа, что это мне говорит?

В нашей стране школа должна быть важнейшим моментом в жизни не только детской, но и всего общества. Мне удалось этого добиться для моего учреждения. И я хочу, чтобы вы этого добились.

Я требую внимания к коллективу, себе — и мне это удавалось. В коммуне им. Ф. Э. Дзержинского мы имели духовой оркестр. Это было важно не только в смысле воспитания. Когда шла коммуна им. Ф. Э. Дзержинского, был гром на весь

Харьков. У нас было несколько барабанов, тромбоны, причем мы не признавали никаких пианиссимо, играли как можно громче. Дети идут — смотрите!

Я употребил на это дело много энергии, и не только в смысле парадном (мы не встречали другой, равной нам, колонии). Мы не имели ни одного плаката, но имели знамя. Когда ребята со знаменем шли стройной колонной до 8 человек в ряд — это было очень красиво.

Мы строили свое производство так, чтобы к нам ездили, просили, кланялись: продайте, пожалуйста, 10 «Леек»[20]. А мы не желаем, не продадим, не продаем такому-то.

Все это очень важно. В глазах каждого ученика все это должно иметь огромный общественный вес. Каждый день мы имели во всех театрах 31 место[21]. Надо было, чтобы мои франты для этого умели входить в театр. Они входили в театр с носовым платочком в кармане, с запахом одеколона.

Мы добились права для моих коммунаров ходить потом в театр без билета, так их там любили. Они бывали в артистических уборных, открывали занавес, могли стоять около каждого музыканта, были настоящими хозяевами.

Такой шикарный размах должно иметь каждое детское учреждение, и этого можно добиться красивой дисциплиной, красивой, интересной, большой работой.

Наша школа должна иметь какое-то шефское имя, должна чем-то отличаться от другой школы, должна иметь свое лицо.

Я недавно был в X классе школы им. К. Е. Ворошилова. Спрашиваю учеников:

- Скажите, пожалуйста, Ворошилов был у вас в школе?

- Нет.

- Почему?

- Не приехал.

- А куда смотрела администрация, почему не пригласила?

Когда я стал расспрашивать, то узнал, что Ворошилов не играет для них какой-либо особой роли.

Я спросил:

- Вы себя называете ворошиловцами?

- Нет.

Тогда надо отнять имя К. Е. Ворошилова у этой школы.

Ученики этой школы должны быть ворошиловцами.

В Харькове предметом гордости коммунаров служило то, что они были горьковцы, и их гордость в этом отношении превосходила все нормы.

Мои коммунары гордились тем, что они дзержинцы. У нас все было пропитано памятью Ф. Э. Дзержинского. И это давало особый тон, особую гордость коллектива. И «Лейка» называлась «ФД», и на груди их был значок: «ФД».

Это дает большой размах школе. Я провел 8 походов. Правда, мне пришлось много поработать с ребятами. Работали в течение двух месяцев по 4—5 ч. Это антипедагогическое действие, но зато мы могли заказать себе отдельный пароход и мы плавали, как хотели.

Это сообщает коллективу уважение к самому себе и дает мне такое средство в руки, какого не может иметь учреждение, заброшенное в переулке.

Мы должны были совершить экскурсию на Кавказ, причем должны были пройти пешком по Военно-Грузинской дороге. Мы начали подготовку за несколько месяцев. Выбрали маршрут, свою комиссию, шили костюмы.

Но у меня есть общее собрание, которое имеет право предложить не брать в поход какого-нибудь пацана. И вот к июню наберется таких человек 5. Просишь у общего собрания дать амнистию. — Нет. Для меня это было очень тяжело. Общее собрание не хочет прощать, а для них надо специально оставлять кухарку и т. д.

День отъезда, в 4 часа кончили работать, в 5 строимся, чтобы идти на вокзал. Все уже готово, обоз готов, а в это время какой-нибудь малыш дергает тебя и говорит: неужели мы останемся?

Жалко их, у них слезы текут.

- Антон Семенович, возьмите.

- Да ведь не я, а общее собрание!

Они в тех же костюмах, в каких стоит строй.

Обращаюсь уже к строю: что же теперь их оставить?

- Да как же их брать, у них в обозе ничего нет, [походных] корзинок нет, куда же их брать?

А ребята кричат: все есть в обозе, есть наши корзины, только примите нас.

Их не могли простить в течение всей зимы, но в такой радостный момент, в момент отпуска, в момент начала похода, как их не простить?

И только потом, во время похода, когда воспитанник что-нибудь не так сделает, говорят: ведь мы же говорили, что нельзя тебя брать в поход.

Если бы мне дали такую школу, как у вас, я обязательно наладил бы там производство, вы не представляете себе, как это прекрасно, когда ребята делают нужные вещи.

Работая 4 часа в день на производстве, воспитанники коммуны им. Ф. Э. Дзержинского окупали содержание свое, учителей, театры, походы, костюмы и еще дали чистой прибыли государству 5 млн. рублей[22]. Это, конечно, выгодное дело. Никаких налогов государству мы не платили. Но там был технический интерес, там была ответственность, там был сложный процесс. Приближение коллектива к жизни дает новые основания для размаха, и это вызывает сильное движение души.

Например, приезжает Эррио. Его надо принять. Ты должен чувствовать, что за нами стоит СССР, и каждый это понимает. Ребята чувствовали себя дипломатическими представителями СССР, а перед ними Франция - буржуазный мир. Нужно вести себя деликатно, вежливо, не сдавая ни на копейку уважения к себе.

Я не могу вам советовать делать такие же вещи на следующий же день после организации вашего учреждения, но добейтесь солидности вашего учреждения, добейтесь красоты, добейтесь того, чтобы это было крупное государственное учреждение. И тогда много можно выиграть на нашем советском гоноре. А этого достигнуть не трудно. Для этого нужно 2 – 3 года хорошей работы и хорошей борьбы.

Теперь отдельные замечания.

Очень трудно добиться, чтобы перестали плевать на пол, но это дело необходимой организации и мастерства. У нас везде поставили плевательницы. Коммуну НКВД еще не открыли, а пришли уже жены чекистов и в каждый уголок поставили плевательницы. Ребята ходили и плевали в каждом углу и вместо плевательниц попадали на пол.

Я, в конце концов, обратился к общему собранию, и общее собрание постановило: человек не верблюд и плевать не должен, а если тебе все-таки хочется плевать - обратись к доктору. Постановили все плевательницы перенести в больницу. У нас не осталось ни одной плевательницы. Эти «верблюды» мучились два дня. Кое-кто плевал, их хорошенько взгрели. И плевать перестали.

Старшим ребятам мы выдавали папиросы, разрешали курить. Это с точки зрения педагогической незаконно, но я с курением «не боролся». Ребята говорили: какой это курильщик, который после каждой затяжки плюет? Я с курением не боролся, но многого добился.

У меня был доктор — Колька Вершнев, бывший беспризорный. Он заявил: курить можно с 16 лет. Если в отряде курили более молодые, то старшие курильщики за них отвечали. Если более молодые продолжали курить, доктор вызывал и говорил:

дай я тебя послушаю. Потом качал головой: посмотри-ка, что у тебя в легких делается. Ты, знаешь, лучше брось курить.

И смотришь, бросил курить. А старшим выдавали казенные папиросы. Самый верный способ — действовать с помощью доктора и разрешать курить[23].

Что касается термина «игра», то вы не так меня поняли. Не педагог играет, а ученики главным образом играют, педагог только участвует в этой игре. И тут можно многому подражать из старой школы.

Как ни ругают старую школу, а у нее были прекрасные примеры классовой последовательности. Я присматривался к работе кадетского корпуса. С их дворянской точки зрения и классовой целесообразности это была очень остроумно организованная классовая дворянская игра.

А мы немного очиновничили быт школы. На каждом шагу слышишь официальный термин «учащийся». Что это за учащийся? Что это за название: неполная средняя школа?

Ведь не боялись же дворяне называть свои школы гимназиями, кадетскими корпусами. Это был своего рода дворянский шик. Почему у нас не может быть своего шика?

Я окончил высшее начальное училище, и я этим очень гордился, все-таки высшее, а тут: неполная средняя школа.

И здесь должна быть игра. Не я играю, а дети играют в жизнь, в ответственность, в работу. Тут должно быть как можно больше серьезности. Этого не надо забывать.

О дисциплине сказано все, но о режиме не говорили. Это само собой понятно.

Об искренности в игре, о том, что я против ровного голоса.

Я вовсе не противополагаю ровному голосу обязательный крик. Я имею в виду эмоциональность. Я либо кричу, либо говорю язвительно, либо с намеком.

Моя обычная фраза: «Все, можешь идти». Так я обычно кончал разговор. Тут можно показать и одобрение, и удовольствие, и насмешку, и холодность, и негодование, и гнев. Но этих слов никогда не скажешь ровно. Это уже не игра, а глубина жизни, которая должна быть всегда видна вашим воспитанникам. А для того, чтобы это была жизнь, у вас должна быть культура личности.

Главный метод педагогического воздействия — это повышение культуры личности. Тогда вы будете иметь разнообразные эмоции, личные переживания.

Относительно часового. Я не настаиваю, чтобы везде был часовой. Но у меня школа носила военизированный характер. И я являюсь сторонником военизации школы.

Недавно я нашел в 16-м томе сочинений Энгельса указание на то, что Энгельс требует военизации средней школы[24]. Это имеет значение не только в смысле военной подготовки, но и в смысле воспитания характера.

Я допускаю, что кто не испытал прелести военизации, может со мной спорить, но я должен сказать, что это богатая, очень красивая по содержанию вещь. В армии не только салютуют, но и поворачиваются, строй, «смирно» - в этом есть какая-то эстетика, есть какой-то большой смысл.

Такую военизацию хорошо проводить, когда она проводится серьезно, а не как-нибудь. Если дается сигнал, он должен играться идеально, с идеальным стаккато, с высшей формой музыкальной выразительности, а не так, как гуси кричат.

Если знамя стоит в одной комнате и надо перенести его ввиду ремонта в другую комнату, то вся коммуна одевается в парадные костюмы и в строю переносит знамя.

Это не только символизирует любовь к нашей стране, но и чуткость работы коллектива.

Это красиво также потому, что я могу с каким-нибудь коммунаром разговаривать по-товарищески, даже выпить рюмку вина (я и от этого не отказывался). А когда он приходит [по делу], я должен встать, вот как (п о к а з ы в а е т). Я не позволю ему иначе стоять, и сам я не разваливаюсь.

Когда я вызывал его к себе, я вставал и говорил: товарищ, получите 5 часов ареста.

Здесь важна не только внешняя форма, но четкость, красота, уважение к коллективу и к себе. Это и есть тот фермент, которой связывает отдельные части коллектива.

Приказ — вещь хорошая, если вы можете дать приказ о том, что сегодня форма одежды № 3, отделка такая-то, и вы знаете, что они могут эту форму надеть. Военизация требует логической последовательности.

Если все встали в строй и кто-нибудь не пришел, его место остается свободным. После переклички спрашивается: где такой-то?

- Там-то.

- Сомкнись.

И строй смыкается.

Таких приемов, увлекающих мальчиков и девочек, можно рекомендовать много.

Возьмите школы, где сейчас готовят артиллеристов. Положение там улучшилось не только потому, что туда пришли военные и надели форму, но там ввели вежливость. Этот вытянутый позвоночный столб ввел известную культуру. Управлять своим позвоночным столбом - это прекрасный способ торможения.

У меня в коммуне не разрешалось сходить с лестницы, держась за перила, и никому в голову не приходило держаться за перила. Это не только правило красивого движения, но и правило свободного управления позвоночным столбом. Никакой коммунар не мог опираться о стенку и здесь было не только оберегание стенки, но и гимнастика[25]. Если представить себе в таком разрезе часового, то это красиво, а если представить часового, который не может прижать к себе винтовку, то незачем его ставить.

Здесь должна быть красота, шик.

Насчет педагогического коллектива я не считаю, что я обошел педагогов в своей книге, что я только писал о себе. Если посмотреть те места, где изображены мои личные условия, то их очень немного, но, поскольку я наблюдал, я становился в центре как первое лицо, как лицо описывающее.

Но я считаю, что я говорю от имени всего педагогического коллектива, и описывал отдельные моменты и отдельных педагогов так, как мы все работали вместе.

Я не представляю себе вообще хорошей работы, если нет единого педагогического коллектива, идущего за одним своим главой, верящего ему. Как вам будет угодно, но я думаю так.

За 16 лет не имел у себя в штате заведующего учебной частью. Я считаю, что нельзя делить центр в детском учреждении. Здесь должен быть единый центр для педагогов и детей, и все дети и педагоги должны идти за главой коллектива по чувству веры, дружбы, по единству взглядов.

Если хоть один педагог не разделяет взглядов руководителя коллектива, он должен уйти по чести, по совести. Это ни для кого не обидно. Более молодой педагог будет сначала по дружбе идти с руководителем коллектива, а потом сам будет руководить другим учреждением. Я не допускал никакого разнобоя между собой и педагогами. Мы действовали единым фронтом.

У меня работал Татаринов, талантливый учитель, но очень мягкий, воск, который не мог иначе разговаривать: «девчатка», «хлопятка». Я не мог добиться от

него жесткого тона. Когда я уезжал, он становился на капитанский мостик и получал право наказывать. Когда я приезжал, я спрашивал: ну, как, ребята, у вас хорошо?

- Ничего, хорошо, но только вы так кричите: черт вас побери! А он тихо: черт вас побери, ребята. Но хотя он и тихо говорит, но все-таки страшно становится.

Может быть различие между характерами, манерами, темпераментами, но я на этом не останавливался только потому, что мы действовали совершенно одинаково. Это необходимое условие, и я очень боюсь, когда у нас в школах есть директор и завуч, который не только заведует программой, но и воспитательной частью.

Я не могу понять: как можно разделить такой важный процесс между двумя лицами. В моей колонии никто не мог накладывать наказания, кроме меня одного, и не потому, что я такой мастер, но тут особая политика.

Разрешите перейти к ответам на вопросы.

1. Я написал в «Правде» статью о наказаниях[26]. Но там мне предложили переделать, и в результате статья получила такой вид: наказывайте, а потом не наказывайте, давайте выговор и т. д. Я не знаю, что можно применять в школе.

Если бы я получил школу, я на другой день применил бы наказание, но это не значит, что это такой уж важный участок работы.

Вы обязаны наказывать детей, вы не имеете права не наказывать, если это нужно. Вы не должны считать наказание хуже другого метода, не должны никого прощать. Если вы так будете поступать, вам не придется никого наказывать. Тут есть диалектика. Я у себя такой диалектики придерживался, и это было хорошо известно не только моим коммунарам, но и всем беспризорным УССР. Они хорошо меня знали в лицо, и я их знал по моей прежней работе. И они знали, что если попадешься, то без наказания не обойдешься. Наказание не было экстравагантным случаем, а было обычным делом.

При этом надо наказывать не самых плохих, а самых хороших. Надо наказывать не того, кто не понял, что делает. Что его наказывать? Надо наказывать того, кто знает, что нельзя этого делать, и делает.

Я приехал в Ленинград и выступил на одном большом собрании учителей в Доме учителя. Там один педагог говорил мне: что-то не так у Макаренко. Уж слишком у него все благополучно. Не может так быть в действительности. У вас были дефективные дети, как это у вас было так хорошо?

Вдруг слово берет Вася Клюшник. Откуда, думаю, взялся мой коммунар? Оказывается, он кончает военную академию механизации и моторизации, уже инженер, приехал на практику.

Он выходит и спрашивает: какие это дефективные, кто это был дефективным? Откуда вы взяли, что я был дефективным? Я, правда, 8 лет был на улице, но ни на улице, ни в колонии я не был дефективным.

А другой педагог говорит: так раз у вас все-таки были наказания, значит, не все благополучно.

Опять Вася Клюшник выступает: откуда вы это взяли? Я три года командовал первым комсомольским взводом и не вылетал из-под ареста. Кто чего не сделает, не выполнит наряда и т. д. — меня моментально под арест как командира взвода. Я из-под ареста не выходил.

А между тем Вася Клюшник был мой личный друг. Я доверял ему многое из своей личной жизни. Он бывал у меня в гостях и сейчас, когда бывает в Москве, всегда приходит ко мне.

И этому моему личному другу я не прощал ничего. И все это знали. Этот закон я применял настойчиво.

От всех комсомольцев я требовал идеального поведения. Ни одного проступка не оставлял без наказания, новеньких не наказывал. И новенькие тянулись, мечтали о том, когда они достигнут совершенства, чтоб их тоже наказывали, а

признаком такого совершенства было получения звания коммунара. Это звание получали через 4—5 мес., получали его очень торжественно, на собрании, при этом получали значок «ФД»[27], вылитый зеленым цветом. Его могли носить только коммунары.

Я по закону коммуны мог оставлять коммунара без отпуска, без денег и т.д., но я старался этого не делать.

Коммунары имели некоторые привилегии. Им должны были верить на слово. Если коммунар говорил, я даю слово, то проверять его было неудобно и неприлично. Вторая привилегия коммунаров заключалась в том, что их можно было наказать только арестом, и больше никак. Простого воспитанника я не могу арестовывать.

В самых тяжелых случаях наказание накладывало общее собрание. Здесь самым важным было осуждение проступков. Я не знаю, насколько это возможно в школах. Там вообще общие собрания не практикуются, а у нас общие собрания бывали через день.

Общее собрание могло вынести выговор перед строем и даже занести на черную доску. У нас висела черная доска. Это было в лучших случаях, а то могли наказывать, оставляя без отпуска, отправляя под арест и т. д. Но часто наказывать, не приходилось.

2. Пишете книгу о чудаках и дураках? Скоро ли она выйдет?

Я эту книгу заканчиваю, и скоро она выйдет из печати. Это тоже педагогическая книга. Я считаю, что и те и другие люди хорошие, но надо уметь направлять их на правильный путь[28].

3. Находились ли все три категории [дзержинцев] вместе?

Да.

4. Как бороться с ребенком, который лжет?

Коллектив реагировал на ложь так, что лгать становилось невозможным. Коммунар требовал, чтобы ему верили на слово. Что бы вы ни сказали, вам обязательно должны были верить. Значит, и лгать было нельзя. К этому вела вся инструментовка хорошего коллектива.

5. Будут ли существовать дальше коммуны?

Сейчас все коммуны свертываются, так как беспризорных стало меньше. Мои коммунары почти все вышли из коммуны. Они вышли главным образом в вузы, человек 70 — в летчики. Многие коммунары в разных частях Красной Армии. Более молодые тоже постепенно выходят, и коммуна свертывается, поскольку в ней нет сейчас постоянной нужды.

6. Расскажите о случае риска с вами, о попытке самоубийства.

Я рассказываю об этом в своей книге. Это был не риск, а было отчаяние. Я был тогда плохим мастером.

7. Вы говорите, что приказание не должно повторяться, но как быть, если приказание не выполняется?

Записка без подписи, вероятно, кто-нибудь из молодежи.

Это вопрос диалектический. Я не представляю себе, чтобы в хорошем коллективе, с хорошей дисциплиной не выполнялись приказания. Если это случается, то это же мировой скандал. Вы должны немедленно трубить общее собрание, доводить дело до крайнего скандала. Мне это не приходилось делать. Я мог отдавать приказание, буквально не оглядываясь, и никто не мог себе представить, что оно не выполняется.

Другое дело, что иногда мог быть не выполнен бумажный приказ по ошибке, по недоразумению, но всегда такие вещи разбирались на общем собрании.

Я сторонник доводить всякий случай до абсурда, если он к нему направляется. Я не позволю никому опоздать к завтраку или опоздать на работу. Если у меня запоздал завтрак по чьей-либо вине, то я не позволю всем сидеть за завтраком и опаздывать на работу. Дается сигнал — уходи из-за стола. Если ты опаздывал — твоя

вина. Если опаздывал завтрак — давайте позднее сигнал на работу, позднее с работы и т. д. И тогда я «грею» всех. Если получился скандал, надо доводить дело до конца и всех «греть».

8. Не думаете ли написать научную работу?

Писать научную работу страшно, пока еще не думаю.

Вот, товарищи, все вопросы, (А п л о д и с м е н т ы) .

Председатель. Разрешите на этом нашу работу закончить.

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 4, с. 248 – 268 и т. 8, с. 179 – 187. Стенограмма: «Научно-практический институт. Стенограмма доклада тов. Макаренко и прений по докладу. От 20 октября 1938 г.» Полное наименование: Научно-практический институт специальных школ и детских домов Наркомпросса РСФСР. Специальные школы для «трудных» детей появились по постановлению СНК СССР и ЦК ВКП (б) «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» - май 1935 г.

Печатается с восстановлением некоторых опущенных в т. 4 мест по стенограмме: РГАЛИ, ф.332, оп.4, ед.хр.180.

А.С. Макаренко в своем докладе и заключительном слове выделил и осветил три проблемы. Первая: «трудные» дети, их воспитание (не «перевоспитание»). Вторая, главная – коллектив: его структура, органы, полномочия, т.е. система управления, основополагающая роль «первичного коллектива», его представительства в самоуправлении; дисциплина, главенство духовно-нравственных принципов и норм в управлении коллективом. Примечательно рассмотрение этого в развитии, в приближении к совершенству. Третье - разрабатывается далее проблема двух факторов: «коллектив и мастерство педагога».

Все это объясняется в аспекте «собственно воспитания», естественной социализации личности на ее жизненном опыте, без абсолютизации вербальных педагогических средств. Здесь впервые констатируется: «У нас нет воспитательной педагогики». Пространное заключительное слово А.С. Макаренко с этим заявлением не публиковалось, оно вошло в 8-томник (в порядке дополнения) лишь в 1986 г., во время «перестройки».

«Воспитательный коллектив» как единый коллектив педагогического учреждения в целом здесь трактуется по существу лишь как «детский коллектив», вне его связи с административным управлением, с действием педагогов, всех сотрудников учреждения. Это, несомненно, связано с опасностью вторжения в существующую в 1930-х годах общественно-политическую систему управления, область «советской демократии». Сведение «воспитательного» коллектива к «детскому» (и соответственно самоуправления к «ученическому») в ходе освоения и использования макаренковского наследия стало одной из главных причин его восприятия в ограниченном и искаженном виде.

А.С. Макаренко и здесь не касается вопроса о производственно-хозяйственной основе коллектива и воспитания. Но в заключительном слове дает ясно понять: «Если бы мне дали такую школу, как у вас, я обязательно наладил бы там производство».

«Прения» по докладу А.С. показывают, что до слушателей многое «не дошло», т.к. довлело иное, ограниченное понимание самой сущности воспитания, действовала примитивная система представлений и понятий. В выступлениях слушателей слово «коллектив» не активизировалось. Воспитание представлялось в аспекте лишь как деятельность воспитателя, в его отношении к детям.

Не принято во внимание то, что речь идет о воспитательно-образовательных учреждениях разного типа. У А.С. Макаренко это открытое

учреждение, а коммуна им. Ф.Э. Дзержинского еще и общественно-государственное учреждение (подшефное ГПУ – НКВД УССР). Спецшколы тогда – закрытые учреждения, действующие в духе «школы учебы», без опоры на «труд-хозяйство», с установкой на «перевоспитание».

Имеющиеся повторы мыслей, эпизодов в выступлениях А.С. Макаренко ранее и в последующих во многом дополняют их и показывают их принципиальное значение.

[1] Далее (и ранее) это конкретизируется: необходимый элемент «взрыва» сочетается с работой эволюционного характера, индивидуально различной по содержанию и длительности.

[2] Это характерный пример «параллельного действия»: педагогическая сущность представляется в жизненной необходимости.

[3] Это одно из проявлений главного принципа воспитательного коллектива - принципа свободы, добровольного пребывания в коллективе и добровольного принятия в коллектив.

[4] Строй по 8 в ряд (иногда по 6), с большими интервалами между рядами (с ощущением «свободного движения») – существенно отличается от военного построения (по 4 чел. в ряду, сомкнутый строй), см. фото № 6 в Части 3 данного издания, на форзаце в конце книги.

[5] Яркий пример применения ритуального действия в макаренковской педагогике. Глубоко чувственное переживание жизненных событий – необходимый элемент воспитания характера как основы личности.

[6] Это заключение усиливает представление о макаренковском опыте как уникальном социально-педагогическом явлении, хотя оно кровно связано с историей советского общества.

[7] Действенность элементарной трудовой единицы в пределах 7 – 15 человек подтверждается современной социологией, может рассматриваться как важное социально-педагогическое открытие А.С. Макаренко.

[8] См. также: «Длительность педагогического коллектива» - часть 2 данного издания, с. 128 – 138 – макаренковское исследование фактора времени в педагогику, введение в нее понятий: «время педагогическое» (как и «пространство педагогическое», проблема «поля» педагогического процесса).

[9] Говорится об участии в преодолении голода в некоторых районах УССР (как и РСФСР), последствий засухи и социальной политики. Коммунары участвовали в спасении голодающих детей, их устраивали в детские учреждения.

[10] В коммуне действовал «школьный комбинат», включающий школу (обычно IV – VII классы) и рабфак (готовящий к поступлению в вузы технического профиля), затем преобразованный в электромеханический техникум; действовали также группы по подготовке в вуз и «технические курсы» (см. часть 3 данного издания, с. 246 – 247).

Фактически это был «учебно-производственный комбинат» (а не одна 10 – летка), что позволяло в едином коллективе коммуны индивидуализировать образование по «способностям и склонностям». Общее образование продолжало вплоть до 1935 – 1936 гг. осуществляться при связи с производством, вопреки действующей в СССР с начала 1930-х гг. «школы учебы», отстраненной от жизни общества, производительного труда. Не произошло и начавшегося в стране в конце 1920-х гг. разделения образования на 2 потока: привилегированная 10-летка, готовящая к поступлению в вуз – и среднее профессиональное образование, подготовка «рабочих кадров» (ФЗС, ФЗУ, ШКМ).

[11] **Вестибюль, где был «часовой» («дневальный»), находился вблизи от спален мальчиков. По образцу воинской части: денежный ящик там был на «посту №1», вместе со знаменем воинской части (в чехле).**

[12] **Говорится о** *«проектировании» личности и коллектива*, **т.е. обращении к ним так, как будто они уже обладают необходимым качеством (тогда оно появится, хотя имеется и «риск ошибиться»).**

[13] **Говорится о возникновении и формировании принципиально новой дисциплины, диалектически – гармонически сочетающей «сознательное» и «механическое» (привычное). Это проблема, относящаяся к морально-этической перестройке всей жизнедеятельности человека и общества.**

Ниже говоря: дисциплина не средство, а результат воспитания, - А.С. Макаренко выступает против применения особых средств дисциплинирования, указывает на необходимость целесообразного упорядочивания, мотивационной насыщенности всего уклада жизни педагогического учреждения.

[14] **Факт 5-летнего (при руководстве А.С. Макаренко) успешного функционирования без штатных воспитателей большого коллектива (от 150 до 500 воспитанников) в условиях интерната, с производственной базой и частичной самообеспеченности, при сложной системе самоуправления и быта, школьной и культурно-массовой работы - убедительное доказательство макаренковской педагогики «воспитательного коллектива», единого для взрослых и детей.**

В роли воспитателей у А.С. Макаренко по существу стали выступать командиры отрядов, весь коллектив, его органы самоуправления. Но при этом он видел необходимость усиления педагогического влияния взрослых, уделял все больше внимания проблеме «мастерства воспитателя», особенно в деле индивидуализации воспитания.

[15] **Это еще один факт диалектически противоречивой, двойственной сущности макаренковского воспитания, реализации методологии «параллельного педагогического действия», применения «игры» и «военизации» в воспитании.**

[16] **См. п. 19 в комментариях к «Некоторым выводам из моего педагогического опыта» - ранее в этом томе.**

[17] **Далее в стенограмме даются** *«Прения». Харенков*, **«курсант» этого науч.–практ. Ин-та, руководитель 83 детдомов: «В постановлениях партии и правительства дается целый ряд указаний относительно методов коммунистического воспитания»; из 83-х детдомов «только в 5 – 6 правильно поставлена организация детской среды»; доклад Макаренко «дает нам очень многое».**

Куфаев В.И. **проф. этого ин-та, автор 3-х книг о работе с несовершеннолетними правонарушителями и беспризорными (1924 – 1927 гг.; автор книги** *«Школа – коммуна им. Ф.Э. Дзержинского. Из опыта работы – 1938 г.):* **Макаренко «обострил очень интересные вопросы, но не все, например, вопрос об авторитете воспитателя», он раскрыт в «Книге для родителей». Хорошо раскрыт вопрос дисциплины, о «внутренней дисциплинированности». «Нельзя всю воспитательную работу свести к «игре во взрослого». Книги Макаренко – это «педагогика в художественной форме». Эту педагогику можно представить как «систему методов и приемов воспитания».**

Пономарева: **о «ровном тоне» и педагогическом такте сказано «немного примитивно». Согласна, что «еще нет советской науки о воспитании». Нельзя «механически применять методы и приемы». Соколов, хороший педагог, сказал мальчику 8 лет (при его непослушании): «Уходи!» - и получил 2 года тюрьмы. Главное у Макаренко – не методы и приемы, а «глубокая любовь к детям, глубокое уважение».**

Председатель на встрече, *Данюшевский И.Д.*, **директор этого института, его основатель (на базе этого ин-та в 1944 г. создан институт дефектологии АПН РСФСР): по докладу Макаренко можно делать обобщения. Это – опора на положительное даже у «трудновоспитуемого», педагогический оптимизм (надо отказаться от понятия «трудные» дети), но это не значит закрыть «учреждения с особым режимом», они для «перевоспитания». Об «игре»: в ней нужно быть искренним, а это уже не игра. Говорить ребенку «Вы» - неестественно. Ровный, спокойный тон – «другого быть не может», при всей эмоциональности.**

«Риск» хорош, когда есть коллектив и индивидуальный подход. Дисциплина: она «должна быть в какой-то мере первичной»; это «и условие, и следствие». Неправы те, кто считают: «Дисциплины нет, потому что нет работы». Нужно, чтобы дети «осознавали необходимость и имели иллюзию какой-то свободы». «Есть, конечно, педагогика рафинированная, догматическая, оторванная от живой действительности». Макаренко «дополняет и обогащает педагогику».

Громов: **в докладе А.С. Макаренко – «великое педагогическое мастерство». Начало начал – «определенная организация», в которую нужно ввести ребенка», он должен ей подчиняться. «На фронте педагогики все меняется» и «все преподносится как догма», разрушается, а не развивается предыдущее. О «родительских детях»: трудная связь с родителями. Педагогический коллектив и «ученическая среда» - резко не различать. Порядок, традиции, длительность воспитания. Слабая линия школы: учебные занятия и работа в классе, «малая занятость в школе».**

Данюшевский И.Д.: **Вас, Антон Семенович, упрекали в недооценке роли педагога, большое значение придаете коллективу. Ваша мысль: надо быть руководителем и «детям дать почувствовать, что они как будто сами являются руководителями». Прошу на этом остановиться.**

[18] Комплексная система обучения, направленная на связь общего образования с жизнью и трудом, применялась в советской школе в 1923 – 1931 гг.; в колонии им. М. Горького – с декабря 1922 г., с дополнением: курсы подготовки для поступления на рабфак (с лета 1923 г.). Применялась в колонии все время работы там А.С. Макаренко, затем в первые годы работы коммуны им. Ф.Э. Дзержинского.

Первая публикация А.С. Макаренко в педагогической печати – «Опыт образовательной работы в Полтавской трудовой колонии им. М. горького» (см. часть 1 данного издания, с. 65 – 73).

[19] Современные отечественные и зарубежные исследования показывают, что макаренковское творчество соответствует созданному Ж.Ж. Руссо направлению «свободного», «естественного» (определяемого жизнью) воспитания. А.С. Макаренко выступает против вульгаризированного представления идей *Ж.Ж. Руссо*, **в духе крайнего индивидуализма и своеволия.**

[20] Фотоаппараты типа «ФЭД».

[21] Места в театре распределялись по отрядам с учетом их места в соревновании преимущественно по бытовым, дисциплинированным показателям.

[22] Эта прибыль достигалась при годичном промфинплане 15 – 20 миллионов рублей (стоимость произведенной продукции, 1934 г., см. часть 3 данного издания, с. 230, 253). Это данные по трудовому коллективу коммуны им. Ф.Э. Дзержинского, единому для воспитанников и всех ее сотрудников ИТР, мастеров и взрослых рабочих.

Обычное в коммуне соотношение воспитанников и взрослых 3:1 в 1934 г. превратилось в соотношение 1:3, что постепенно вело к ослаблению специфики педагогического учреждения.

[23] **Необходимо было подать заявление в совет командиров и получить разрешение, при достижении 16 лет и справки от врача. При этом принималось моральное обязательство: препятствовать курению детям до 16 лет и самовольному курению.**

[24] **См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 396 – 398. В предыдущем издании – том XVI, 1936 г.**

[25] **В старых привилегированных образовательных учреждениях: гимназия, кадетский корпус, институт благородных девиц и др. – формированию осанки придавалось большое значение. Имелась в виду и социально-нравственная направленность воспитания.**

[26] **См. статью «Проблемы воспитания в советской школе» – в нач. данной книги.**

[27] **Говорится о нагрудном и нарукавном знаке, см. часть 2 данного издания, с. 6, фото № 1.**

[28] **Замысел этой книги относится к октябрю 1935 г., см. часть 4 данного издания, с. 163 – 164. Тема «чудаков», «авантюристов», «дураков», выпадающих из этой жизни людей характерна для творчества А.М. Горького. Говорится о романе «Ньютоновы кольца». До этого – пьеса «Ньютоновы кольца» (часть 3 данного издания, с. 290 – 292, 296 – 315).**

Пьеса А.М. Горького «Чудаки» (комедия, 1910 г.) ставилась несколько раз, но потерпела неудачу. Либо он не смог справиться с этой трудной темой, либо не справились постановщики пьесы, либо еще не созрел зритель, который мог бы ее воспринять.

В 1946 г. *И.В. Сталин* **обратился к известному театральному критику** *П.П. Юзовскому (автор книги «Вопросы социалистической драматургии», 1934 г.):* **«Перед тобой все театры СССР. Собери конференцию и объясни, что это за пьеса». После этого «Чудаки» ставились несколько раз, но без особого успеха.**

Осенью 2013 г. артисты Московского академического театра имени Маяковского (режиссер *И. Иоффе***) поставили эту пьесу в Нижегородском театре драмы; спектакль получил хорошую оценку зрителей и критиков. (Дается по публикации: Российская газета. Неделя. № 41, с. 20).**

Фототелеграмма О. и М. Езерницким, 21 октября 1938 г.

Родненькая Ли! Я думаю, оснований для беспокойства и для операции с ключом нет. Паспорт взял, но прописка завтра. Я здоров, кашель еще есть.

Если ты не переменила билет, ничего – 24 – го я буду в Серпухове у учителей и не смогу тебя встретить, а 25-го я свободен, твой поезд приходит в 7 час. вечера.

Удивляюсь, как ты ухитрилась так много накупить – прямо гениально.

Билет в Кисловодск я уже заказал – выеду 28-го. Значит, видеться только 3 дня – это грустно.

У Левы все хорошо, по-прежнему приходит поздно.

Привет Езерам, пожелай им всякого счастья.

Целую, будь здорова – в поезде не простудись.

Твой А.

Ты научила меня плакать…, т. 2, с. 228 – 229. Адресовано в Киев, Езерницким, «для Гали».

Письмо А. Ромицыну, 21 октября 1938 г.

Москва, 21 октября 1938 г.

Уважаемый тов. Ромицын!

Я поехал в Ленинград и заболел, поэтому отвечаю с опозданием, прошу прощения.

Сценарий могу представить Вам не раньше, как к 1 февраля.

Как и раньше просил, так и теперь прошу избавить меня от представления либретто. Что касается так называемой тематической завязки, то не выберете ли Вы одну из следующих программ:

1. **Тема семьи и школы.** Сюжет выражается на фоне трех коллективов: не вполне благополучная семья, не вполне благополучная школа и школа вполне благополучная.

В семье намечается разлад, причины которого лежат в неравновесии характеров, в прямой, бестактной придирчивости и суровости отца и в неряшливой доброте матери. Центральный герой — мальчик 14 лет. В семье он проявляет себя хмурым и слепым эгоистом, хотя на самом деле он хочет любить и отца, и мать. В школе он выступает как дезорганизатор. Другие дети проявляют в семье оттенки того же характера, а в школе они намечают линии приспособляемости, на самом деле их развитие для зрителя идет совершенно нездоровым путем. Школа пытается воздействовать на мальчика при помощи обращения к родителям, этот путь только усиливает конфликт.

Дело кончается исключением мальчика из школы, усилением драмы в семье. Мальчик переходит в другую школу, в которой уже учится его старшая сестра.

Вторая школа отличается от первой явной бодростью и требовательностью школьного коллектива и целеустремленной линией педагогов. Директор школы, посетив семью, понимает, что нельзя от этой семьи ждать помощи, а, напротив, школа сама должна помочь семье и главным проводником помощи должен быть сын. Несмотря на то, что мальчик и в этой школе начинает с протеста и нарушения дисциплины, директор школы и педагоги, а также старшие ученики с большим доверием встречают его и этим способом вскрывают у него и большие личные силы, и большие запасы настоящего характера. Они подготавливают перелом в общих представлениях мальчика. Мальчик в один прекрасный день начинает помогать матери, и это производит сильное впечатление на всю семью. Отец начинает видеть в сыне личность. Перестройка семейных отношений получается настолько убедительная, что отец сам отправляется в школу, чтобы окончательно выяснить для себя некоторые детали своего семейного быта.

2. **Тема настойчивости и уступчивости.** Основанием для развития темы являются два характера, выраженные в четырех лицах друзей: два мальчика 15 лет и две девочки приблизительно того же возраста или несколько моложе. Сюжет несколько приближающийся к комедии. Приключения героев происходят в школе, семье и на улице. Общий вывод, что никакие достоинства настойчивости и уступчивости не решают вопроса без принципиальных отношений к действительности. Эта принципиальность рождается только как результат расширения политического и нравственного кругозора.

Прошу сообщить, какую тему Вы предпочитаете. 28 уезжаю в Кисловодск и там думаю писать. Мой адрес в Кисловодске: санаторий КСУ им. М. Горького.

Очень прошу срочно возвратить в Москву сценарий «Флаги на башнях» — он мне нужен до зарезу.

Привет. *А. Макаренко.*

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 7, с. 197 – 198. Предложенные темы для сценария отражают работу А.С. Макаренко над 2-м томом «Книги для родителей» (см. далее в этой книге). Оба сценария – это художественное воплощение его новаторских педагогических идей и решений, введение их в систему педагогического просвещения средствами искусства.

В первом сценарии отвергается существующая практика прямой помощи школы родителям в работе с «трудными». Организованный школьный

коллектив может и должен производить «перестройку семейных отношений». Главным действующим лицом в этом деле становится школьник, «трудность» которого преодолевается новым, уважительно-требовательным отношением к нему в школьном коллективе.

Таким образом А.С. Макаренко разрабатывает далее главное в его концепции педагогики: тезис о решительном повышении роли школы в социально-экономических преобразованиях, путем широкого включения детей и молодежи в решение задач общественного развития. Такой методологический принцип изначально свойственен советской педагогике и школе, он проводился в деятельности Н.К. Крупской, С.Т. Шацкого, В.Н. Шульгина и др., но без последовательной установки на коллектив школы.

Во втором сценарии реализуется другое методологическое положение: «принципиальное отношение к действительности». Оно рассматривается в широком социально-педагогическом пространстве: «школа - семья и улица». Эта, вероятно, продолжение замысла киносценария о колонии горьковцев и коммуны дзержинцев «Четыре товарища» (или «Мальчики»), над которым А.С. Макаренко размышлял осенью 1936 г.

Письмо М.Н. Меклер, 25 октября 1938 г.

25 октября 1938, Москва

Дорогая Мина Николаевна!

Нехорошо, грустно пишете, падаете духом, а оснований, честное слово, для этого мало. Нельзя в настроении исходить из обстоятельств, не от Вас зависящих. Мало ли чего хочется людям, которых Вы не уважаете, мало ли какие эмоции могут возникнуть у ребенка по самым случайным поводам. И приезд отца к Вашей дочери тоже повод мелкий и случайный. Ваше настроение должно исходить из Ваших стремлений, из Ваших настоящих, справедливых чувств и идей, только в этом случае они ценны и о них можно думать и говорить.

Под влиянием одной минуты, в сущности, пустякового значения Вы плачете. Куда это годится? Ведь в Вашей личности, в каждом Вашем движении так много силы и благородства, и все это почему-то оказывается в стороне, обо всем этом Вы забываете. И самое худшее, в этой своей слабости Вы ищете основание для слабости завтрашней, Вы себя обижаете и тормозите.

Очень хорошо, что Вам охотно пишется, что в этой работе Вы находите радость и содержание. Это лучший признак Вашего будущего успеха. Держитесь по этой линии и не сдавайтесь.

А с мужем Вы управитесь, я в этом не сомневаюсь. Просто пришла пора начать расправу с этими многочисленными мелкими тварями, не способными принести радость ни себе, ни жене, ни детям. В большой общественной справедливости Вы должны найти и силы[1]. Вы всегда должны помнить, что Вы защищаете, нельзя допускать небрежения [к] женской доле, издевательства над лучшими чувствами и стремлениями женщины, нельзя разрешать никому испытывать материнские жертвы. Вы всегда должны об этом помнить.

И конечно, Вы должны положить самый решительный и немногословный предел домогательствам Вашего бывшего супруга, домогательствам в сущности дешевым и дешево-сентиментальным. Разумеется, Вы должны его прогнать как можно скорее и как можно решительнее.

И самое главное, пишите. Я хорошо чувствую Вашу будущую книгу. Только больше правды, больше чувства и больше подробностей. Не жалейте ни себя, ни тем более мужа.

Простите меня, что пишу на машинке. Образовалась привычка к этому способу письма, пером писать сейчас для меня мучительно.

Очень хочется Вас видеть. Проще говоря, немного скучаю по Вас. Пишите мне в Кисловодск, каждой Вашей строчке буду несказанно благодарен. Мой адрес: санаторий КСУ имени М. Горького.

Крепко жму Вашу милую руку, от души желаю Вам бодрости, суровости и последовательности. А для того чтобы Вам было легче, чаще улыбайтесь.

Я о Вас каждый день подолгу думаю и уверен, что все будет прекрасно. Во что бы то ни стало, постараюсь в декабре Вас повидать.

Будьте веселы.

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 8, с. 104 – 105. Адресовано в Ленинград, где А.С. Макаренко познакомился с М.Н. Меклер, видимо, при встречах с читателями в Ленинграде, в Областном доме учителя и Дворце культуры им. С.М. Кирова.

[1] **Данное высказывание свидетельствует об огромном значение социально-нравственной мотивации в педагогике А.С. Макаренко.**

Письмо П.П. Архангельскому, 25 октября 1938 г.

25 октября 1938, Москва

Дорогой Павлуша!

Спасибо тебе за письма и за то, что подождал с моим ответом.

И еще большое спасибо за подарок. Это замечательно мило у тебя вышло, прислать мне законы эндшпиля.

Послезавтра я уезжаю в Кисловодск, не гулять, лечиться. Все меня уверяют, что оттуда я возвращусь совершенно здоровым человеком, хотя сейчас я и так чувствую себя неплохо.

Семен[1] часто пишет, хвастается своим сыном, и, мне кажется, в нем никаких изменений не произошло. Это больше всего мне не нравится. При всей своей богатой натуре он все-таки засох на скучном детдомовском подвиге. Очень явно ощущается в нем, что он не получил высшего образования, сам не растет. Поэтому получается очень однообразное впечатление. Это было бы не так плохо, если бы у него беднее была натура. В общем, из него вышел довольно сентиментальный человек, он чересчур часто умиляется. А все же он замечательный, благородный и сильный человек.

О нем я сейчас пишу вот по какому поводу. Не устроить ли нам съезд у Семена приблизительно в мае—июне месяце. У него там природа и украинские запахи, я думаю, что не так трудно будет списаться с Колькой[2] и с Супруном[3]. Семен нанял бы там соколовскую хату и кормил бы нас варениками, конечно, за наш счет.

От Кольки я недавно получил письмо из Владивостока, он на каких-то курсах переквалификации. Колька молодец, умнеет не по дням, а по часам и пишет философские письма. Он участвовал в медпомощи на о. Хасан, и это здорово его расшевелило.

Я живу по-прежнему: не скучаю, но бестолково, много даром растрачиваю энергии, как и большинство москвичей. Заканчиваю роман « Ньютоновы кольца», пишу так много, что на меня уже начинают коситься братья-писатели.

Ты мало пишешь о своей жизни, почему? Пиши подробнее. Для меня милы самые пустяшные детали, например: ходишь ли ты в баню?

От Гали и от Левки горячий привет.

Крепко жму руку. Спасибо, что не забываешь.

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 8, с. 105 – 106.

[1] **Говорится о** *С.А. Калабалине*. **Пример того, как проницательно видел А.С. Макаренко воспитанников, в их достоинствах и недостатках, имея в виду прежде всего постоянное развитие личности к лучшему, а также последующую роль социальной среды.**

[2] **Говорится о** *Н.Ф. Шершневе*.

[3] *Супрун Г.И.* **– один из первых колонистов – горьковцев, в колонии им. М. Горького с апреля 1921 г. Затем студент Харьковского технологического института, переведен в Академию бронетанковых и механизированных войск (Ленинград). Участвовал в Сталинградской битве, в боях на Курской дуге и за Кенинсберг. Инженер – подполковник, награжден двумя орденами Отечественной войны, орденом Красной Звезды.**

Дополнение. *26 октября: решение Президиума Союза советских писателей* **о создании комиссий в помощь писателям, живущим в различных областях СССР. Комиссия по Иркутску: А. Макаренко (предс.), М. Эгарт, В. Гусев.**

Письмо Г.С. Макаренко, 29 октября 1938 г.

Галочка! Как там в столице? Здесь – в провинции – Лозовая – неуютно – дождь, грязь и дрязги. В моем купе хорошая мужская компания – шахматисты и читатели. Сейчас 8 часов, но все встали, а я даже побрился. По вагону разносят мороженое. Это придает экзотический характер нашему путешествию.

Очень далеко до Москвы, но это вовсе не значит, что можем переходить улицу как попало. Береги себя и будь здорова – самое главное. Целую.

А.

Ты научила меня плакать…, т. 2, с. 229. Написано на станции Лозовая, под Харьковом.

Ответные письма Г.С. Макаренко 29 октября – 21 ноября см. там же, с. 229 – 266.

Телеграмма Г.С. Макаренко, 30 октября 1938 г.

Спасибо, родные, и за внимание, и за путевку. Здесь прекрасно. Жарко. Буду работать. Целую, будьте радостны. Антон

Ты научила меня плакать…, т. 2, с. 230. Телеграмма из Кисловодска, в Москву. Санаторий КСУ (Курортно-санитарного управления).

Письма Г.С. Макаренко, 30 октября 1938 г.

Кисловодск 30-Х-З 8

Моя родная Галенька!

Пишу карандашом потому, что мне еще не налили чернил. Сегодня «прибыл» сюда и с первой минуты обрадовался лету, Лето здесь постоянное — тихое, солнечное, жаркое. Ходят в белых платьях под зонтиками — от солнца. Я думал, что Кисловодск другой, с внешней стороны он меня разочаровал — просто котловина, а кругом рыжие горы. И просто улицы, и обыкновенный асфальт, и по улицам бродят отдыхающие с добродетельными физиономиями. Но, между прочим, чувствуется, в отличие от Сочи и Ялты, что сюда приезжают больше лечиться, чем флиртовать, много разговоров о ваннах процедурах и прочее.

Ваша телеграмма меня уже ожидала. Первый, кого я встретил, был, конечно, Чуковский[1]. Он заорал на весь вестибюль, что это замечательно, это очаровательно, что хотя и трудно, и мест никаких нет, но он все устроит.

Ничего устраивать ему не пришлось. Оказывается, здешняя администрация обо мне наслышана, и даже не пришлось ни о чем заикаться — дали мне отдельную комнату. Комната «крошная», обставлена бедненько, никакого сравнения с писательскими домами: нет ни шкафов, ни дивана, ни кресел, Собственно стоят только

кровать и дамский письменный столик. Но я рад, что отдельная. Чуковский на днях уезжает, и мне никто мешать не будет. Никаких ученых здесь нет — ни одного — много военных, если не половина, моряков, летчиков, очень много рабочих стахановцев, со мной приехал один ленинградский повар.

Администрация дома в восторге от своей работы и от своего дома. Правда, здесь много гостиных, биллиардов, каких-то коридорчиков с цветами, в длиннющих проходах лежат бархатные дорожки, но умывальники грязные, а уборные тоже не первой свежести.

Только что пообедал — кормят гораздо хуже и Ялты, и Малеевки, и Переделкино — типичная нарпитовская стряпня: холодная отбивная на миниатюрной тарелке, обложенная стандартной простывшей и просохшей картошкой и прошлогодней кислой капустой, тебе этот набор хорошо известен.

Но это все пустяки. Я все-таки уверен, что подлечусь основательно и вернусь домой героем. И хочется работать. Кажется, мешать никто не будет — людей видно мало, и все они почему-то бродят по городу и группой — развиваются.

В 5 часов назначено мне идти к врачу — напишу, чего он мне наговорит.

30/X Вечер

Только что от врача. Как и следовало ожидать, никаких болезней у меня нет, кроме большого переутомления и маленькой неврастении. Придется побыть еще на некоторых исследованиях, но пока, кроме нарзанных ванн через день, ничего мне не назначено, да отправляют меня к горловику — уху-горлу-носу, ну — это не для здоровья, а для красоты — голоса.

Народу здесь все-таки около 200 человек, и поэтому все построено на номерах,— я уже запутался: комната, вешалка, прибор, режим, диета, история болезни, черт его знает, не человек я, а санаторный справочник.

Между нами говоря, дома лучше, веселее, роднее, если бы к дому прибавить нарзанные ванны, был бы земной рай, а доктор тоже свой и процедуры какие угодно проделываем своими мягкими лапками. Что касается погоды, то и у нас бывают замечательные погоды, а здесь, говорят, и так случается, что с сентября, как ляжет зима, так и лежит до апреля.

Завтра начинаю писать, приступаю к этому делу почему-то с трепетом,— хочется написать хороший роман, а кто его знает, как пойдет дело без тебя.

Но я каждую минутку о тебе думаю, может быть это поможет.

Как там у нас дома? Наверное, ты по-прежнему целый день хлопочешь и думаешь о ремонте и совсем не отдыхаешь. Честное слово, Галя, не нужно делать большого ремонта, как-нибудь проживем до лета, с клопами как-будто стало благополучнее, я просто боюсь, что ты себя изведешь в этом ремонтном беспорядке. Не затевай ничего сложного, а то меня совсем замучают угрызения совести.

Читал сегодня, что конструктор самолета «Родина» получил премию 100 000 рублей и автомобиль «Зис». Передай Левке, что это лучший способ достать автомобиль, От души желаю ему воспользоваться таким методом. Если Левка получит 100 000, я два года ничего не буду писать, а буду читать книги и ходить с тобой в театры. Кстати, Крамов[2] со своими еще здесь, но я с ними еще не связался.

Целую лапки. Левку обнимаю,— персоналу нашего санатория — Мариям[3]— привет.

Ты научила меня плакать…, т. 2, с. 230 – 232.

[1] *Чуковский К.И.* **– писатель, критик, литературовед, переводчик, автор популярных сказок и стихов для детей. А.С. Макаренко высказывался о его книге «От двух до пяти»: нужно иметь в виду целенаправленную педагогическую работу.**

[2] **Говорится о** *Крамове А.Г.*, **худ. рук. Театра русской драмы (Харьков), гастролирующего тогда в Кисловодске.**

[3] **«Марии» - домработницы в семье А.С. Макаренко, одна проживающая, другая приходящая. Далее: «Маруся и Мария», «Мариенбад».**

Письмо Г.С. Макаренко, 2 ноября 1938 г.

Кисловодск, 2-XI-38

Лисичечка милая!

Получил твоих два письма,— от 29 и 30-го числа, спасибо, родная, и за любовь, и за хорошее слово. У меня все идет нормально, уже принял две ванны, — мне назначили через день. Нарзан — наслаждение, но отдыхать после каждой ванны 25 минут — буквально мучение. Рентгеном никак не могу просветиться - сижу от 5 до 7 и жду... энергии, а энергии (электрической, конечно), все нету и нету.

Сегодня иду в ларингологу. Работаю, продолжаю «НК», вчера написал рассказ для «Медицинской газеты», они и в Москве приставали и сюда прислали телеграмму — послал им сегодня авиапочтой. Вообще здесь немного скучно: публика все сборная, наш санаторий теперь уже не КСУ, а обыкновенный Наркомздравовский.

Публика страшно разнообразная, много милиционеров, во всяком случае в шахматы поиграть не с кем, до сих пор не найду партнера. По вечерам в гостиной заводится патефон, и дамы жадно оглядываются, но из мужчин нет НИ ОДНОГО танцующего,— Левка сделал бы здесь катастрофическую карьеру. Женщин очень мало, да и то все с мужьями, поэтому флиртом совершенно не пахнет.

Из наших здесь Чуковский с женой, Войтинская из «Литгазеты», Перовская из «Колхозных ребят» — эта почему-то приехала сюда с горловой чахоткой, лежит пластом и волнует администрацию. Все они разъезжаются 8 числа. Вчера прибыл Ляшко[1] из нашего дома, у нас с ним общий балкон, но человек он больной и скучный.

Врач рекомендовал мне больше гулять, но я не люблю ходить без цели, да еще по горам. Поэтому по вечерам читаю Шекспира и Брандеса[2]. Погода портится, вчера был дождь, сегодня тепло, но пасмурно.

Думаю, что тебе ехать сюда не нужно. Без нарзанных ванн здесь мало интересного, Нет самого главного — моря, а ползать по парку, пропитанному военными душками и мильтонами, — мало занимательного.

Говорят, легко достать путевку в гостиницу «Интурист», но это далеко от меня, и мы тогда все силы потратим на пешее хождение. Вообще по всем данным, здесь сейчас не сезон, нужно приезжать в мае или в сентябре и, конечно, не в наш санаторий, У меня в этом санатории проснулись все атавизмы ненависти, помнишь, мы переживали их по курсовке в Ялте. В такой санаторий я больше не поеду,— не люблю массовых и казенных сцен.

Я не пищу, ты, пожалуйста, ничего не подумай. Здесь я, во-первых, подлечусь, во-вторых — напишу роман,— это все важно. В следующем письме напиши мне, на какой месяц ты хочешь поехать в Переделкино, в Малеевку или в Ялту (Гагры — мы там еще не были), я немедленно пошлю заявление в Литфонд. С дачей мы теперь устроимся умнее, наймем ее заранее.

«НК» как будто идут хорошо. Спасибо Леве за приписку, очень благодарен ему за внимание и заботу. Кашель у меня еще немного остался, но проходит.

В санатории обаранили меня несколько матерей, есть очень горячие мои поклонники, все показывают карточки детей и страшно перепуганы, что дети у них единственные. Вообще «Книга для родителей» стоит высоко.

Милое Солнышко, спасибо за ласковые письма. Ты, знаешь, как я Тебя нежно люблю. Ты отдыхай, самое главное - отдыхай. Пусть Левка водит тебя в театр.

Целую лапки.

Привет Леве. Привет Мариям.

Еще два слова, Солнышко. Только что возвратился от ларинголога. Он назначил мне две какие-то мудреные ингаляции. Бросать курить — ничего не говорил. Таким образом, и здесь сравнительно благополучно. Иду пить чай.

Сейчас я сижу один за столиком. Мои соседи уже уехали. Вечером будет лекция профессора-геолога о кисловодских источниках. Завтра вечером иду смотреть спектакль в Харьковском театре. Крамов присох - театр посещается плохо. Сегодня еще успею написать ответ Калабалину.

Еще целую Твои руки. Будь здорова и весела. Скучно без тебя, но месяц за работой и процедурами пробежит скоро.

Береги себя.

Твой А

Ты научила меня плакать…, т. 2, с. 233 – 235.

[1] *Ляшко Н.Н.* **– писатель. Писал о восстановлении разрушенного в Гражданскую войну народного хозяйства, о положении рабочих и их борьбе до Октябрьской революции.**

[2] *Брандес* **– вероятно, Брандес Г., датский литературный критик, публицист, боролся с политической и религиозной реакцией.**

Дополнение. **Результат** *рентгенобследования* **А.С. Макаренко: «Сердце незначительно увеличено» (РГАЛИ, ф. 332, оп. 1, ед. хр. 50, л. 3).**

Из письма С.А. Калабалину, 2 ноября 1938 г.

Кисловодск. 2.11.38

Дорогой Семен!..

Спасибо, дорогой, за память и за любовь, я тебя крепко люблю и горжусь твоей человеческой силой…

Напиши, как дела в детском доме. Я думаю здесь написать рассказ о Карабанове…

Калабалин С.А. Педагогическое наследие и современность / сост. – ред. Л.В. Мардахаев. – М., 2013, с. 65.

Письмо Г.С. Макаренко, 5 ноября 1938 г.

Кисловодск
5 ноября 38

Милое Солнышко!

Здравствуй! Какие ты замечательные пишешь письма, какая ты прекрасная, и как это по-свински я сделал, что послушался тебя и уехал сюда один.

Сейчас идет дождь, какой-то такой черный — не столько сверху сколько сбоку — просто тучи гуляют над городом.

Только что возвратились с Чуковским из 12 школы. Были там на уроках, разговаривали с ребятами. С Чуковским это можно делать спокойно, он человек, веселый и дурашливый.

Шел с Чуковским по городу и думал: почему мы обязаны жить в Москве? А почему мы не можем жить где угодно, хотя бы и в Кисловодске или в другом месте, где много лета, хороший воздух, где ни дыма, ни бензина, ни телефона, а в то же время сколько угодно культуры, магазинов, а знакомые сюда могут съезжаться со всего Союза. Не подумать ли над этим вопросом, Солнышко? Серьезно стоит подумать. Особенно для тебя было бы здесь замечательно. Говорят, даже в июле здесь не бывает душных ночей и вечеров, а зимой снег выпадает на полчаса.

Вообще Кисловодск мне больше нравится как место постоянного жительства. Санаторий все-таки есть санаторий, и, в общем, место малоприятное.

Вчера меня навестили мои спутники по поезду. Они остановились в гостинице «Интурист» — плачут горько. Заплатили по 1350 рублей. Отдельных комнат там никому не дают, кормят так плохо, что третьего дня «больные» устроили нечто вроде бунта. Говорят: нет никакого режима, кричат везде радио и патефоны, а тон задается ночным рестораном.

У нас зато настоящий монастырь, до сих пор не найду шахматиста, а дамы до сих пор не дождались танцоров. Это, конечно, хорошо.

Ты не бойся, что я здесь переработаюсь. Когда никто не мешает, я свою пайку в десять страниц кончаю до обеда, а остальное время читаю, процедуры и ем. Есть нужно пять раз в сутки, это тоже нагрузка. Кормят здесь средне, но выбрать кое-что можно, я налегаю на разные капусты, горошки и прочее. Гулял мало, потому что дожди, да я и не люблю гулять. Составляется компания в Пятигорск — мешают дожди. Кино бывает иногда в столовой, но я, ни разу не был.

Шекспира том прочитал, сейчас взялся за Достоевского. Вот писатель, которого до сих пор не разобрали по-настоящему и которого нужно разобрать, во что бы то ни стало. Когда мы с тобой сделаемся старичками, а это будет еще очень не скоро, мы напишем работу о Достоевском, хорошо?

Слушай, Солнышко: меня мучает совесть. Я здесь наслаждаюсь отдыхом, теплом, работой, а ты, бедненькая, скучаешь одна дома, и кругом тебя туманы, дожди, грязь, отравленный воздух. Нехорошо это получилось, честное слово. А ты, наверное, еще и ремонт затеяла, За что это? Больше так никогда не нужно делать.

Завтра уже праздник. Я тебе пошлю телеграмму, но и сегодня поздравляю вас и думаю только о твоей радости и твоей прелести. Поцелуй нашего милого, очаровательного сына.

Твой, твой А

Привет Мариям.

Ты научила меня плакать…, т. 2, с. 237 – 238.

***Дополнение.* 5 ноября 1938 г.: письмо Одесской студии художественных фильмов о согласии с постановкой кинофильма по «Флагам на башнях» (РГАЛИ, ф. 332, оп. 1, ед. хр. 39).**

Телеграмма Г.С. Макаренко, 6 ноября 1938 г.

Всем сердцем, всем существом с вами. И поздравляю с великим праздником. Хочу быть с вами счастливым и всегда будем. Целую, люблю. Антон.

Ты научила меня плакать…, т. 2, с. 239. Говорится о празднике Великой Октябрьской социалистической революции, 7 ноября.

Дополнения. *Из письма Галины С. Макаренко 6 ноября:*

Виктор Николаевич[1] звонил, спрашивал меня о здоровьи моем и твоем, приглашал в гости. Он нагружен, как верблюд всяческой работой и заботами. Говорил, что напишет тебе письмо. Есть тебе письма, две телеграммы. Телеграммы я распечатала, в них поздравления и благодарности от Воздвиженской, и от некой Веры из Ленинграда. Писем не очень много, по-видимому от читателей…

Звонила Эсфирь, поздравляла с праздником, просила передать тебе привет и поздравления».

[1] *В.Н. Терский.*

Полнота советской жизни рождает красочные новеллы.

Статья опубликована 7 ноября 1938 г. в газете «Moscow news» (Московские новости), издаваемой в Москве. При жизни А.С. Макаренко на рус. яз. не публиковалась.

Текст см. в части 6 данного издания, с. 153 – 156 (ошибочно датирована 1937 г.).

Письмо Г.С. Макаренко, 8 ноября 1938 г.

Кисловодск 8 ноября 38

Солнышко, Солнышко!

Вчера получил две твоих телеграммы. Это роскошь, которую я не только не заслужил, но никогда не заслужу. И спасибо сказать будет ничтожно. За такие ценности, как Ты, и все, что вокруг тебя образуется, за твои письма и телеграммы, ничем отплатить нельзя. Даже любовью, даже нежностью. Единственный выход — объявить себя несостоятельным и отдать жизнь — это выйдет все равно жалко — по копейке за рубль. Третьего дня я мучился бы угрызениями совести: почему я здесь один «наслаждаюсь». Сегодня этой мучительной прибавки нет: это хорошо, что ты сюда не приехала. Здесь кругом только будни, и они гораздо хуже наших домашних.

Вчера же я получил твое письмо от 4-го. Очень странно, что ты до сих пор не получила ни одного письма. Начиная с 31-го, я послал три письма и все авиапочтой. Аэропланы отходят каждый день — где же письма? Твое письмо, как и те, что были получены раньше, замечательные, нежные, трогают душу до самого фундамента.

6-го у нас было торжественное заседание (я, разумеется, в президиуме), потом нечто вроде торжественного ужина, за которым под один и тот же полустакан плохого портвейна было произнесено не менее 20 тостов. А в 10 часов начался бал. Бал был такой увлекательный, что в четверть одиннадцатого я ушел в свою комнату, и с чистым сердцем читал мемуары Бюлова[1], германского рейхсканцлера 1900 – 1910 года.

Вчера были на демонстрации: сделали по узким булыжным улицам километров 20 и прошли мимо фанерной трибуны, на которой битком набито людей, ручаться за которых, вероятно, гораздо труднее, чем за давленный помидор. Устали так, что я после обеда завалился спать.

Вечером меня пригласили на бал в соседний санаторий имени Дзержинского, Единственным основанием для этого было — читательская влюбленность директорши санатория. Бал был, конечно, такой же, как и у нас, но после бала директорша устроила у себя ужин, на котором блистала знанием моей «Поэмы» наизусть. В этом смысле она феномен — она цитировала десятка три мест, и я поражался — насколько я забыл поэму. У директорши зато есть и недостаток: с ней живет четырехлетний внук, и она его показывает с таким же увлечением, как и «ПП». Все это страшно скучно и утомительно.

Сегодня будет еще хуже: не удалось отказаться от приглашения 12-ой школы, они за мной приедут — я с ужасом думаю о вечере.

Знаешь что интересно, Солнышко? Я здесь не пью водки. Хуже: я купил четвертинку, и — она стоит нераспечатанной!! Видишь, какой прогресс! Мой сын, Лева, может торжествовать!

Целую твои замечательные ласковые лапки. Спасибо, родная, за все. Поцелуй Левку.

От Лили[2] получил поздравительную телеграмму. Сегодня уезжает Чуковский, другие наши. Станет еще скучнее.

Твой А

Марусе и Марии горячий привет!

Солнышко, Солнышко!

Сейчас уезжают Чуковские. Они согласились передать тебе письмо. Это гораздо скорее, чем авиапочтой — послезавтра ты получишь. Корней Иванович расскажет тебе о нашей жизни. Только он будет тебе говорить, что я много работаю,— не верь ему. Я действительно много сижу в комнате, но я не только пишу, а и читаю. Гулять не хочется: в общем, прохладно, кроме того, я люблю гулять только с тобой. Очень часто вспоминаю нашу прогулку на Козью Гору в Ялте,

помнишь, когда вышли на какую-то новую улицу и попали не [в] д. о., а в город. А ходить с чужими,— значит только мучиться.

У Корнея Ивановича симпатичная жена — умница, Мария Борисовна. Может быть, ты с ней познакомишься?

Почему ты ничего не пишешь о ремонте. Было бы хорошо, если бы обойтись без него.

Еще просьба: с 1 ноября будет получаться «Лит. газета». Очень прошу пришли мне простой бандеролью №№ от 5-10, 15-20 ноября. Лишний раз поцелую за это лапки.

Низко кланяюсь и люблю.

Твой А

Ты научила меня плакать…, т. 2, с. 244 – 245.

[1] *Бюлов Б.* **– германский гос. деятель первой пол. XX в. Его книги: «Германская политика» (Петербург, 1917 г.; «Воспоминания» - М. – Л., 1935 г.**

[2] **Говорится об** *О.В. Макаренко***.**

Дополнение. **Из письма Галины С. Макаренко, 8 ноября:**

«Как всегда, прислал тебе телеграмму Швед[1]. Ответь ему, это очень трогательно с его стороны всегда помнить тебя и посылать телеграммы. Мне это очень нравится, каждый праздник он не забывает поздравить тебя…

А о Достоевском и Салтыкове[2] непременно напишем. Это прекрасная мысль иметь про запас эти темы, а лучше нас никто не напишет о них».

[1] *Швед А.Н.* **– в коммуне им. Ф.Э. Дзержинского с 1929 г., выпускник 1933 г.; его характеристику см.: часть 3 данного издания, с. 116. Секретарь совета командиров коммуны с окт. 1931 г. по май 1932 г.; секретарь комсомольской организации с сент. 1932 г. Окончил педагогический институт, был начальником Новосибирского детприемника, методистом Новосибирского ин-та усовершенствования учителей. За участие в Великой Отечественной войне награжден орденом Красной Звезды. «Отличник народного просвещения РСФСР».**

[2] **Имеется в виду, видимо,** *М.Е. Салтыков – Щедрин,* **русский писатель-сатирик.**

Из письма М.А. Барской, 8 ноября 1938 г.

…Не могу не рычать и не ругаться. Не хочу вдаваться в частности, но возмущаюсь вообще искажениям перспективы. В своих педагогических докладах я всегда настаиваю на необходимости воспитания способности ориентировки. Как же обидно у своих друзей вместо этой способности наблюдать зияющий провал. Да еще у каких друзей? У таких умных, талантливых, широких, как Вы.

Для ориентировки нужен, прежде всего, вкус, и у Вас его до черта, почему же все-таки Вы пишите: «…и не очень безобразная смерть». Какая чушь, простите! Разве о смерти можно что-нибудь думать в порядке плана? Мы, люди, имеем неумеренный аппетит к пошлости: нам хочется всегда счастья, благополучия, тишины, душевного покоя, нам не нравится, когда болит зуб или болит душа. Только в литературе мы наслаждаемся настоящими человеческими ценностями. А если такая ценность свалится на нашу живую голову, мы начинаем скулить…

От всего сердца, старого, опытного, мудрого сердца, желаю Вам хорошего, святого беспокойства и насильственной улыбки. И пусть Вас никто никогда не жалеет, - признак большого к Вам уважения…

Цит.: Балабанович Е.З. А.С. Макаренко. Человек и писатель – М., 1963, с. 343 – 344. Ответ А.С. Макаренко на письмо А.М. Барской с ее мыслью о самоубийстве. А.С. Макаренко встречался с ней летом 1938 г. в Ялте. Сценарист и режиссер популярного фильма «Рваные башмаки», о детях в фашистской

Германии. В 1936 г. ею почти закончен кинофильм «Отец и сын». Работа прервана в связи с арестом ее друга, К.Радека, как «врага народа».

Письма Г.С. Макаренко, 11 – 12 ноября 1938 г.

Кисловодск 11 ноября 38

Мое Солнышко!

Наконец, получил сразу два письма — от 6-го и от 8-гг. ноября. Спасибо, спасибо, голубка. В этих письмах самое несомненное то, что я их не заслуживаю, главным образом потому, что и никто их не может заслужить. Может быть, так и надо: самые прекрасные вещи на земле - это именно незаслуженные.

Очень хорошо, прямо восхитительно, что ты отдыхаешь и поправляешься. Я вспомнил, теперь ты совершенно не дышишь табаком — одно из моих самых паскудных качеств. И я рад, что не делаешь ремонта: меньше у меня одним угрызением совести.

Как я живу? Во всяком случае, странно. Целый день и вечер сижу один в комнате и больше читаю, чем пишу. Какой-то у меня начался пассивный период — ничего не хочется делать, хочется читать. Писать нужно при тебе — это уже совершенно ясно, без тебя как-то не так пишется, роман идет как будто правильно, но почему-то не увлекает.

Читаю очень много, а гулять ходить не хочется, да и компании нет никакой, буквально ни одного человека. Знаком только со своим столом - два человека: Перовская из «Колхозных ребят» и Викторов, какой [то] маленький человек из МХАТа. Перовская температурит, кашляет и вообще «диезит», а Викторов,— он еврей,- может говорить только о процедурах. С остальными раскланиваюсь. С отъездом Чуковских и других «литераторов» стало очень скучно, но я почему-то и не скучаю. Среди мильтонов есть один, который недавно спросил:

- А кто это такой Горький?

Из этого можешь заключить, что для героев… нет невозможного. У Перовской (кстати, она внучка Софьи Перовской) здесь есть местный друг, «домовладелец» и специалист по разведению какой-то кабардинской породы лошадей. Человек моего возраста, красномордый. Он настойчиво уговаривает меня переехать на постоянное жительство в Кисловодск, предлагает в обмен дачу с ванной, канализацией, электричеством, только с местным отоплением. Если бы рядом был авиазавод, куда мог бы перейти Левка, я давно согласился бы.

Самое приятное — нарзанные ванны. Я уже чувствую, как здоровею с каждым днем — начинаю ощущать некоторый фундамент здоровья. С 17-го буду получать ванны ежедневно, так решил врач, вторично меня осмотревший. Каждое утро хожу на две ингаляции. Ларинголог говорит, что на полгода нужно сократить всякие ораторские выступления. Это хорошо!

Милое Солнышко! Осталось 18 дней до встречи — пустяк. А больше я никуда в санаторий один не поеду. Эго похоже на концлагерь.

Целую все четыре лапки, и глазки, и хвостик. Кланяйся твоей милой демисезонной шкурке. Я страшно рад, что она доставляет тебе радость — лишнее доказательство, какой мудрый этот старый Макаренко!

От Колбанского получил письмо, лень отвечать, но отвечу.

Телеграмма от Веры[1], вероятно, той самой, которую обуяла грибная нежность, между прочим, я ее в глаза не видел, но кажется она — человек несчастный.

Я чего-то разленился. Прочитал огромных два тома дневника цензора Никитенко[2] — подумать только!

Получила ли ты письмо от Чуковских — мое?

Еще раз целую лапки. Левку обнимаю и люблю. Левка — это вообще класс!

Твой Антон

Всему Мариенбаду салют.

Холодно. Срывается снег, ветер. Тучи. И пускай себе. На свете все-таки живет мое нежное Солнышко!

Приеду, вероятно, 30-го в 5 часов вечера.

Кисловодск
12 ноября 38

Ли, Здравствуй!

Пишу записку, самую короткую: расписался с романом и так хорошо оторваться на минутку и поговорить с тобой.

Послезавтра уже заказываю билеты. Видишь?

В доме пусто. Сегодня солнечный день, и все ушли бродить. У меня открыта дверь на балкон, и все равно воздух свежий. Написал письмо Колбановскому.

По вечерам у нас третий день нет света, а таких рассказчиков, как Бергельсон[3], тоже нет, приходится читать при свече.

Целую лапки — четыре. Будь здорова, весела, радостна, — тебе идет. На улице смотри сначала налево, а потом направо,— это когда переходишь.

Твой, твой А

Ты научила меня плакать…, т. 2, с. 247 – 248 и 250 – 251.

[1] **Говорится, видимо, о** *В.М. Роот* **(см. ранее письмо ей).**

[2] *Никитенко А.В.* **– литературный критик, историк литературы, проф. рус. литературной словесности, член Главного управления цензуры в 1860 – 65 гг., один из предшественников академической школы в литературоведении.**

[3] *Бергельсон Д.Р.* **– еврейский писатель. Художественно изображал время Октябрьской революции и Гражданской войны, деятельность профессиональных революционеров, жизнь и борьбу народных масс в нач. 1920-х гг.**

Дополнения. **Из письма** *Галины С. Макаренко* **11 ноября:**

«Чуковский и по телефону говорил мне, что ты много пишешь, что он по этому поводу хочет со мной поговорить. Он говорит, что — «я старая литературная крыса и знаю, что больше одного романа в год серьезному, как Макаренко, писателю писать не надо …» и проч. Так сказать, примелькаешься в глазах, так я его поняла. Я ему ответила, что ты, собственно, заканчиваешь вещи, которые у тебя давно разработаны и начаты».

Письмо В.Н. Колбановскому, 12 ноября 1938 г.

12 ноября 1938, Кисловодск

Дорогой, милый Виктор Николаевич!

Спасибо за память и на добром слове. Мне никто не пишет, кроме Гали, и поэтому так значительно для меня, что Вы обо мне вспомнили.

Живу в непривычной для меня санаторной обстановке. Очень скучно, но я сейчас и скуку принимаю как медицинскую процедуру и не жалуюсь. Обнаружил у себя большую тупость в деле «схождения» с людьми. Все они хотят со мной разговаривать о воспитании детей, а мне эта тема здорово уже надоела, да и до каких пор разговаривать? Здесь находятся и большие поклонники «Флагов на башнях» («Лучше «Педагогической поэмы»), и хулители («Не может быть!»). В общем, я доволен, что эта книга вызывает такие разноречивые отзывы, это значит, что книга живая.

Но интересно, что наша читающая публика иногда не способна верить идиллии. Эта неспособность воспитана, конечно, наркомпросовской практикой. Поэтому возможно, что этот мой выстрел не всегда попадает в цель: нарисовать идиллию, основанную не на добром сердце, а на дисциплине и организации[1]. Ну и пусть!

«Флаги на башнях», к сожалению, испорчены в одном отношении. Я писал их по заказу Детиздата для старшего возраста. Это определило очень простой тон и почти полное отсутствие словесного орнамента. Потом обнаружилось, что Детиздат — это филиальное отделение Наркомпроса, во всяком случае, там я встретил такую ненависть к себе, какой не встречал и в Наркомпросе. Еще не прочитав книжки, они уже смотрели на нее с презрением. Эти люди, конечно, не могут пропагандировать дисциплинирование. Дисциплину они представляют себе исключительно как результат добрых намерений. В общем, я с ними не помирился, а «инфантильность» книги все-таки осталась, это меня немножко удручает.

Впрочем, по старой привычке, не люблю ретроспективных настроений, а поэтому живу больше в будущем романе, а не в прошлом. Пишу много — больше нечего делать. Выходит иногда хорошо, но я не верю авторской критике. Так или иначе, а делаю вторую попытку сдвинуться с педагогической тематики[2].

Хорошо было бы с Вами, дорогой друг, погулять по окрестностям. Я еще не гулял — одному не хочется, а с здешними людьми не хочется разговаривать — не о чем. Я всегда со страшным наслаждением вспоминаю наше путешествие в Тарусу. Куда бы нам еще поехать? В Загорск? В Истру? Кстати, в Истре учителя обещали мне дачу на лето. Давайте заранее планировать лето. Да! Не собираетесь ли Вы в Малеевку? Например, в феврале или в марте? Может быть, там теперь не будет больного ребенка?

Нарзанные ванны для нас, стариков, приятная вещь!

Крепко жму руку и обнимаю.

Привет супруге.

Ваш *А. Макаренко*

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 8, с. 106 – 107.

[1] Противопоставление «доброты» и «дисциплины, организации», - несомненно, идет от старых представлений о том и другом, без понимания тенденций их коренного изменения в новых общественных условиях и в новой педагогике.

[2] Первая попытка такого рода – повесть «Честь» (см. часть 6 данного издания). Далее – роман «Ньютоновы кольца». Говорится, видимо, о стремлении отойти от чисто «детской» тематики. В том и другом произведении ставится проблема связи старшего поколения и молодежи, рассматривается социально-педагогическая проблема.

Телеграмма Г.С. Макаренко 14 ноября и письмо 15 ноября 1938 г.

Низко кланяясь за ласку. Все прекрасно. Будь здорова, радостна. Хочу домой. Целую. Антон.

Кисловодск.
15 ноября 38 г.

Получил сегодня и большое письмо от 11 ноября и открытку. Спасибо, спасибо. Уже осталось меньше, чем прошло, сегодня была восьмая ванна, и еще осталось 8. Чувствую себя прекрасно: потолстел — не потолстел, но больше бодрости и уверенности в своих силах. Вчера меня-таки потащили в экскурсию на «Малое седло». Никакого седла там, конечно, нет, просто рыжие и лысые горы, довольно густо усеянные окурками. Но воздух замечательный, воздух исключительно для лисичек.

Я все больше и больше думаю о том, что нам нужно жить в таком месте. Ты не смейся надо мной: в таком месте ты проживешь лишних 15 лет, а, значит, и я проживу лишних 15 лет, без тебя все равно жить нельзя. Значит, выходит так, что я думаю о себе. Об этом мы еще поговорим.

Чуковский прав, нельзя примелькаться перед читателем. Я это и без него знаю. Так что ты ж поделаешь с нашими гонорарами. Все-таки лучше примелькаться перед читателями, чем перед Литфондом. Конечно, лучше написать роман в год, ну... «Сам бы ів, та гроші нужні». Во всяком случае, я не хочу очутиться в положении Ляшко, который живет рядом со мной. Приехал он сюда за счет Литфонда, а здесь сидит в нарзанной ванне и поет. А, кроме того: один примелькается, а другой нет. Достоевский писал очень много и все-таки не примелькался.

«Ньютоновы кольца» выходят, как будто, и хорошо и значительно. Сейчас убийственно развертывается фигура Ахматова[1], получается очень синтетично и зло. Но до конца романа еще очень далеко, и роман получается большой. При перепечатке буду безжалостно сокращать, но это такой роман, который нельзя сдавать в печать, не написав конца. Придется сопротивляться «Молодой гвардии».

Солнышко мое! Спасибо тебе, родненькая, что отправила меня полечиться. Когда голова будет хорошо работать, не страшно и примелькаться. Напишу еще «Книгу для родителей»[2], а там можно будет и отдохнуть.

Бумагу бери какую хочешь. Бумага что, не в бумаге счастье.

Спасибо тебе за ласковые письма. Твои письма — это уже достаточное основание, чтобы жить на свете. А сколько миллионов людей не имеет таких писем.

Крепко люблю и целую.

Обними сына, моего, конечно.

Мариям салют.

Твой Ант.

Ты научила меня плакать…, т. 2, с. 254 – 255.

[1] *Ахматов Л.С.* **– в кон. 1935 – авг. 1936 гг. нач. отдела трудовых колоний для несовершеннолетних НКВД УССР; А.С. Макаренко был его помощником. Обвинен в причастности к «троцкизму». Давал обвинительные показания в отношении А.С. Макаренко.**

[2] **Говорится о 2-м томе «Книги для родителей».**

Письма Г.С. Макаренко, 16 и 18 ноября 1938 г.

Кисловодск
16 ноября 38

Мое милое Солнышко!
Моя ласковая Лисичка!

Как восхитительно быстро летит время. Уже осталось только 12 дней. У меня хорошее, ладное настроение, всякая лень прошла, хорошо работаю и мечтаю о доме. Санаторные люди расположились где-то на периферии внимания, и мне никто не мешает. На дворе светит солнце, я очень рад тому, что оно тоже работает добросовестно и никому не мешает.

Вчера осмотрел одну дачу, которую готовы обменять на московскую квартиру. Дача замечательная, в пять комнат, с большим садом, но об этом после. Все-таки в Кисловодске совершенно нет топлива — это тоже проблема.

Сейчас полюбил скуку и тишину своей комнаты. Нашлись, наконец, шахматисты, но у меня уже пропала охота играть. Хочется пребывать в какой-то молчаливой мудрости, чтобы больше думать о нас, о тебе, о Левке. Я думаю о нас со страшной нежностью, имей это в виду.

Завтра я выступаю среди местных учителей, это ничего, даже приятно.

Солнышко, здесь тоже много уходит денег, так что ты не огорчайся, что у тебя много. И куда уходят, спроси. Все-таки я привезу домой деньги, а ты не огорчайся, Даст бог и день, даст бог и деньги.

Пишу тебе коротко. Сегодня думаю еще много работать над романом, — берегу руки. Иногда они все-таки устают.

Крепко, крепко целую лапки, глазки, бровки.

Твой А

Левку поцелуй.
Мариям привет.

Кисловодск
18 ноября 38 г.

Ли!

Родная, спасибо за твои письма. Вчера вечером получил от 12-го. Письма все-таки долго идут. Живу по-прежнему, скучно и мирно, не пью, и не хочется.

Роман идет так себе, - не разберу, без тебя пишется средне. Да и времени как-то не хватает. Увлекаюсь Достоевским, много времени трачу на разные дела.

Ванны сейчас получаю ежедневно, это значит два с половиной часа. Пять раз в день в столовую, ингаляция, на прием к горловику, к врачу.

Вчера было устроено собрание местных учителей, и я давил их добродетельные души педагогическими парадоксами, Сегодня «литературный вечер», на котором придется выступать. Но все-таки пишу, и когда пишу, никто не мешает. Наш санаторий очень мирный. Днем он совершенно пуст, все шляются по горам - впрочем, мешать здесь и некому — народ на половину из КНМ.

А в общем и среднем мне уже надоело и довольно солидно. Больше всего надоело одиночество — хочу с тобой, ты не представляешь себе, какое это добро.

Билет на днях получу, еще не знаю, на какой поезд. Приеду либо 30-го в 6 часов вечера, либо первого в шесть часов утра. Конечно, телеграфирую, но если приеду утром, меня встречать нельзя, здорово буду сердиться, прямо такой разгон устрою — ужас.

Если есть возможность, запасись, Солнышко, билетами, на декабрь в Большой театр, страшно хочу, здесь ходят на какие-то концерты, я ни разу не был.

Очень хотел привезти тебе и Леве подарки, но сколько ни хожу — просто ничего нет, не привозить же палку с надписью «Кавказ». Есть какие-то камеи, я не знаю, хорошие они или плохие. Пояса кавказские есть, но очень дрянные, есть платки белые, но у тебя они есть. 28-го будет базар, еще поищу. А хочется тебе что-нибудь подарить, только такое, чтобы тебя действительно обрадовало.

Левка начинает замечательно, не только в деловом смысле, но и в человеческом. У него прекрасный глаз и вкус, удивительное чутье к ценностям и страшно сильные нервы. Это настоящий богатырь, в лучшем, современном смысле слова. А в итоге получается то, что я больше всего уважаю, - ум, который не сам из себя варит и сам из себя плетет, а настоящий, букетный, синтетический, обладающий глазами, тормозами, уважением к себе и скромностью[1]. Это очень прекрасно, но это вовсе не я воспитал, это от тебя и только от тебя и ни от кого другого, только у Левки это в мужской транскрипции.

Вообще Левка - это картина очень сложная и довольно трудная для анализа, хотя с виду и кажется очень просто. Его также же трудно анализировать, как, скажем, анализировать хорошее утро: черта с два проанализируешь какой-нибудь такой фиолетовый оттенок на серой воде, с розовато-синеватым уклоном. Получается куча красок, а там на самом деле нет никакой кучи, и все просто и прекрасно, а, главное, сильно и свежо, и на тебя, на зрителя, вообще наплевать, и это вовсе не оттенок, а глубина, да еще и бездонная. А пока ты раздумываешь и рассматриваешь, уже что-то новое, чем-то отличное, даже с некоторой улыбкой.

Вообще это все очень шикарно. Пусть будет и дальше так. Сейчас нужно идти обедать. Господи, до чего это скучно! Что пишет Лиля?

Сегодня пасмурный и прохладный день. Горы совсем рыжие, Нет, дачу нужно доставать не здесь.

Давай, знаешь куда поедем весною,— в мае? В Гагры. А перед тем заимеем дачу в Загорске или в Истре. Хорошо? Или в мае поедем в Ленинград и будем шляться, Остановимся назло у Петровых[2]. Или поедем в Иркутск, куда меня давно ожидает командировка.

Сегодня, наверное, получу от тебя письмо, потому что прошлое просто долго шло.

Целую четыре лапки. Будь здорова, полней, гуляй, радуйся, тебя все любят, и ты счастливый, и счастье демонический зверь — Лисичка!

Обними Леву!

Твой А

Привет Мариям.

Ты научила меня плакать…, т. 2, с. 265, 258 – 260.

[1] **Очень важное в макаренковской педагогике понимание ума, мышления, знания, сознания – на самом высоком его уровне: не в форме лишь размышлений, абстракций, проектов, а на уровне действия мысли в реальной жизненной практике.**

Это фундаментальное положение об «уме созидательном» (а не созерцательном, потребительском) роднит А.С. Макаренко с педагогикой *Дж. Дьюи.* **Оно является «камнем преткновения» в освоении всей макаренковской педагогики в целом. Эта глубокая причина ее непонимания, критики и отторжения (обвинения в «муштре»).**

[2] **Говорится о семье** *Н.В. Петрова.*

Телеграмма и письма Г.С. Макаренко, 20 и 21 ноября 1938 г.

Двадцатое лучше восемнадцатого. То ли дело, братцы, дома – Пушкин. На аквариум привезу деньги. Обнимаю, люблю, скучаю. Да здравствует Левка! Антон.

Кисловодск
20 ноября 38

Спасибо, Лисичка, за песенку «очень, очень». И спасибо за телеграмму. Все прекрасно, но больше писем не пиши, они тебя утомляют, я знаю, да, кстати, уже и не нужно писать: отпуск мой кончился. Я так и считаю, что я еду домой. Настроение у меня сложное, страшно хочется домой, но не хочется работать.

В романе застрял на трудной седьмой главе, и настроение творческое испортилось, да и с тобой посоветоваться нужно, как дальше продолжать. Все-таки пишу понемногу, а больше читаю. Сейчас в столовой идет кино, а я, знаешь, чем занимаюсь? Это в честь тебя, учу Пушкина. Выучил уже несколько стихотворений, а над «Вакхической песнью» плакал. А, смотри, еще какой:

То ли дело рюмка рома!
Ночью сон, поутру чай,
Толи дело, братцы, дома!
Ну, пошел же, погоняй!

Поклонись от меня Александру Сергеевичу, миленькому.

Вчера был здесь литературный вечер. Должны были выступить Ляшко, Перовская и я. Но Перовская, по обыкновению, затемпературила и слегла. Ляшко прочитал невыносимо скучный рассказ о двух влюбленных комсомольцах, пришлось вывозить мне. Достали «Флаги на башнях», прочитал им отрывок о любви Ванды. Понравилось. Сегодня ко мне особое почтение. За нашим столом появился новый человека — прокурор из Ташкента, очень веселая и остроумная натура.

Вчера кончил «Идиота» Достоевского. Знаешь что? У Достоевского все-таки страшно много муры, совершенно детской и дешевой. Прочитал «Записки Пиквикского клуба» — все-таки как трудно мне читать Диккенса! Отчего это? Ты ведь на всякий вопрос умеешь ответить.

Лисичка! Это же замечательно, что ты толстеешь! Ты себе представить не можешь, как я всегда рад твоему потолстению. Когда ты худенькая, я страшно за тебя боюсь. А что тяжело ходить, это ты просто врешь, «брехаешь» из уважения к моде. И толстей, пожалуйста, толстей, как можно больше, шире.

Нехорошо пишешь: «главное в жизни — это уменье терпеть и ждать». Ничего подобного! И ты так не думаешь. Это совсем не главное!

Зима у Вас кончилась, а у нас началась. Лежит снег, и довольно упорно. Холодно. Ветер. Хорошо, что я взял шинель.

У каких знакомых вы будете ночевать во время дезинфекции? Почему не написала?

Радуюсь левкиным успехам. Он молодец!

Целую лапки, глазки и т. п. Кланяйся пальмочке[1]. Да здравствует аквариум! Надо его купить в первой декаде декабря.

Обними сына и салютуй Марусе и Марии Ивановне.

Твой, твой Ант.

Кисловодск
21 ноября 38 года

Мое Солнышко!
Мое родненькое!

Сегодня получил твое письмо и газеты. Спасибо, спасибо! И особенное спасибо за подробности о твоей жизни, подробности для меня - самое святое. Спасибо Левке, который хоть немножко ругает тебя и призывает к дисциплине: в самом деле, придумала засесть за шитье рубахи на два дня!

О себе уже нечего писать. Все и все мне здесь надоели до чертиков. Не хочу никого видеть, в столовой стараюсь отделаться в 10 минут и удираю к себе в комнату. Полдесятка писателей и журналистов, которые здесь есть, иногда забегают ко мне и тащат гулять. И я ходил бы с ними, если бы не нужно было разговаривать и улыбаться их беспардонному остроумию. Надоело. Перовская и ее кисловодский друг, влюбившийся в меня из-за Антона Братченко[2], долго уговаривали меня ехать верхом куда-то на кабардинский лошадиный праздник, километров за 50. Но, во-первых, какой я кавалерист, а, во-вторых, я прочитал в их глазах, что им без меня будет лучше, а, в-третьих, мне ничего не хочется, кроме как быть дома, и пускай с меня шкуру сдерут, если я куда-нибудь без тебя поеду.

Пишу, но писать без тебя тоже не большая радость. Одним словом, здесь осталось 7 дней, как-нибудь пройдут. Я не уезжаю раньше времени, это вы рассчитали неправильно. Заказал билет в международный вагон, чтобы не ехать со знакомыми, все едут поездом № 28, а я 31-м. Впрочем, об этом дам еще телеграмму, билет я получу только 25-го.

Хочу с тобой ходить по театрам, гулять (обязательно будем гулять), глазеть и болтать, и молчать. Вообще с тобой! Это очень важно. И без тебя я вообще говно! Аминь.

Целую четыре лапки, и глазки, и хвостик.

И еще ушки. И носик. И всю компанию.

Твой Ант.

Позвони В.В.[3] и передай горячее мое желание здоровья Дине Львовне.

Левке горячий любящий поцелуй.

Привет нашим друзьям Мариям.

Ванны принимаю каждый день. Все говорят, что я здорово посвежел. Ну, что же, значит, недаром деньги плочены.

Как я мог на тебя сердиться? Моя печень лопнула бы от этого. Это физически невероятно. Я тебя люблю гораздо могучее, чем тебе кажется.

Бедненькие, вы сегодня занимаетесь газификацией![4] Я душой с вами.

Ты научила меня плакать…, т. 2, с. 260 – 263.

[1] Говорится о комнатном растении, пальме, недавно приобретенной.

[2] Персонаж «Педагогической поэмы», подросток, конюх колонии им. М. Горького. Прототип – *Браткевич А.,* **в колонии с мая 1921 г. Окончил военную кавалерийскую школу, затем командир эскадрона, воевал на Закавказском направлении, участник рейдов в тыл немецко-фашистских войск, погиб в 1942 г.**

[3] *В.В. Ермилов* **– литературный критик и литературовед, тогда член редколлегии ж. «Красная Новь», активный сторонник А.С. Макаренко как писателя и социального педагога (вместе с А.А. Фадеевым и др.). Дина Львовна – его жена, заболевшая.**

[4] Газовая дезинфекция жилого помещения.

Дополнение. **Из письма** *Галины С. Макаренко* **21 ноября: «…Мы оба [с Левой] скромные и обыкновенные люди… Наше основное достоинство в том и заключается, что мы можем любить такого исключительного человека, как ты, умеем ценить и понимать твой огромный талант жить, творить и создавать вокруг себя жизнь счастливую…**

Да я очень люблю, когда пахнет хорошим или плохим, но твоим табаком… Я против того, чтобы много курил…

Про аквариум я только пошутила так, приласкалась к тебе. А мне гораздо лучше мечтать об аквариуме,… еще рыбки станут дохнуть, а мне будет их жаль…

Тратить мало денег в санатории, когда жена транжирка, - это, честное слово, не по-джентельменски…

Целую, спокойной ночи. Твоя Галя».

Письма и телеграммы Г.С. Макаренко, 23 – 26 ноября 1938 г.

Кисловодск 23-XI-38

Мое ласковое Солнышко!

Душой весь дома, жду не дождусь дня отъезда. Поэтому писать больше не о чем, обо всем будем скоро говорить. Страшно, изуверски по тебе соскучился — вперед урок.

Настроение поэтому скверное. С романом тоже в последнее время неважно: либо я забрал куда-то в сторону, либо тема слишком велика. Растягивается невероятно и получается скучно. А, может быть, и не это — чувствую, что такой роман будет встречен в штыки. Но это меня не удручает, даже лучше ощущаю свою нравственную чистоту, и от этого приятно. В этом вопросе без твоей консультации обойтись невозможно. Страшное спасибо за «Литерат. газету».

Огорчен в «Правде» статьей о «Закономерности» Вирты[1]. И самый роман, и Вирта объявляются «высокоталантливыми». Дичь, дальше которой идти нельзя, такая дичь может положить конец всякой охоте писать и всякой литературе.

Светит солнце, очень тепло и все равно — Московское Солнышко ничем не заменишь.

Последние дни не знаю, что с собой делать. Роман уже три дня не пишу, не хочу никуда залезать без совета с тобой. Написано всего около 14 листов, а, собственно говоря, дело только начато. Ничего путного делать не хочу. Это все ничего. Приеду к тебе, и все наладится.

Больше писать не буду, день приезда сообщу. Но решительно запрещаю встречать меня кому бы то ни было. Поезд приходит в 5 часов утра и очень часто опаздывает на несколько часов — не хочу, чтобы ты сидела на грязном вокзале. У меня один чемодан, доберусь легко.

Целую милые мои лапки, которые так шикарно умеют танцевать и «спешить».

Левку обнимаю.

М. И. привет, для Маруси привезу новую палочку.

Твой Ант.

Низко кланяюсь за письма. Домой хочу, буду рано утром тридцать первого. Встречать категорически возражаю. Аквариум – ближайшая цель жизни. Мечтать умею только реально. Целую весь квартет. Антон.

Приеду не тридцать первого, а первого. Виноват Юлий Цезарь, но на душе хорошо. Люблю, целую, письма все получил. Антон.

Ты научила меня плакать…, т. 2, с. 266 – 268.

[1] Говорится о публикации *Л. Ровинского* **об изданном отдельной книгой романе Н.Вирты «Закономерность» («Правда», 21 ноября 1938 г.). В ней содержится критика в адрес А.С. Макаренко (без упоминания его фамилии, имени). Говорится о «разносе» журнальной публикации этого романа «в печальной памяти РАППовском духе неким горе - критиком» (в «Литературной газете, 10 авг. 1937 г., см. часть 6 данного издания, с. 45 – 49, а также часть 5, с. 230).**

Вирта Н.Е. **– писатель. Его роман «Одиночество» (1935 г., об обреченности кулацкого мятежа на Тамбовщине в ходе Гражданской войны) удостоен Сталинской премии в 1941 г.**

РАПП - **Российская ассоциация пролетарских писателей: оформилась в нач. 1925 г. как основной отряд Всесоюзной ассоциации пролетарских писателей (ВАПП) – массовой литературной организации 2-й пол. 1920-х гг. В руководстве ею активное участие принимали Д. Фурманов, Ю. Либединский, В. Киршон, А. Фадеев, В. Ставский, критики А. Авербах, В. Ермилов и др. Действовала как одно из средств «культурной революции». Подвергалась в 1925 г. партийной критике за нигилистическое отношение к культурному наследию, вульгарный социологизм и догматизм. РАПП и ВАПП постановлением ЦК ВКП (б) 23 апр. 1932 г. ликвидированы. Создан Союз писателей СССР.**

Дополнение. *Врачебное предписание для А.С. Макаренко* **после санаторно-курортного лечения:**

Избегать волнений, нервных напряжений. Хроническое воспаление гортани и трахеи. Противопоказаны публичные выступления в течение года.

Дается по ст. В.И. Малинина в «Советской педагогике», 1989, № 9.

Ньютоновы кольца, роман, Главы третья – пятая (в описании)

Глава третья: 1. С самого утра Бакурин... 2. Через 15 минут Бакурин... 3. Автомобиль подпрыгнул... 4. В этот день... 5. Матильда Петровна...6. Вечер продолжался.. 7. Валя не могла сообразить...[1]

Глава четвертая: 1. Утром Бакурин... 2. К заводу подъехали... 3. План, предложенный Хромовым... 4. Бакурин поднялся... 5. Человек - существо общественное... 6. Валя Осипова... 7. Но Валя ошибалась... 8. Было уже около 2 часа дня... 9. После 4-х часов события... 10. После 4-х часов многочисленные... 11. Девушка радостно... 12. Интересно... 13. Совещание... 14. Несмотря на то…[2]

Глава пятая: 1. На востоке происходили... 2. Пароходик назывался «Надежда»... 3. Обвинение в карамазовщине... 4. Доктор Короп...

Тема главы пятой – «внимание к человеку», в двух формах: массовой (больницы, отпуска, жилье, дороги и т. д.) и индивидуальной. Внимание бюрократа «без души» — и внимание «милосердного самарянина». «Пустосвяты, кислоплюи». Идеалы и быт.[3]

Фролов А.А. А.С. Макаренко. Московский период творчества… М., 1997, с. 85. Глава четвертая, лл. 9 и 10 и главы пятая полностью опубликованы: Неизвестный Макаренко. Вып. 1/ сост. С.С. Невская, А.Н. Русаков, И.В. Филин.

– М., 1993, с. 37 – 45. Текст подготовлен Г.С. Макаренко по автографу А.С. Макаренко, без наименования глав и без выделения частей в главе четвертой. Опубликовано ошибочно под названием «Пути поколения» (так обозначено рукой не А.С. Макаренко, а, видимо, Г.С. Макаренко).

[1] Запись Г.С. Макаренко при чтении главы третьей, п. 4 (19 окт. 1958 г.): «…В этой сложности нет никакой двойственности… От сложнейшего Бакурина (Антонушки) до Вали…В таком богатом диапазоне…И чем сложнее, богаче человек, тем неожиданнее противоречия, диалектика его чувств… Все это – простая житейская правда…»

[2] В пунктах 13 и 14 четвертой главы использован материал романа «Человек» (см. часть 5 данного издания, с. 220 – 226).

[3] По обозначенной теме главы пятой можно предположить об основном содержании всего произведения: расхождения между гуманистической сущностью советского коллективистского жизнеустройства и человеческой неупорядоченностью в быту, повседневной жизни. Это происходит при развитии бюрократизма, с одной стороны, и «милосердия» - с другой.

Так А.С. Макаренко отмечает социально-педагогическую тенденцию, подрывающую основы советского общества, что в дальнейшем стало одним из главных внутренних факторов его разложения и разрушения. Отсюда предчувствие: «роман будет встречен в штыки», не будет понята авторская установка «нравственной чистоты». Изображаемое негативное явление художественно воплощается в образе «ньютоновых колец»: это серьезная помеха в конструкции нового общества и становлении нового человека.

Доктор

Давно-давно, еще в начале нэпа, его, Ваську Корнеева[1], привел в колонию милиционер. Васька шествовал рядом с милиционером, засунув руки в карманы, с пренебрежением оглядывался на придорожные бурьяны. С таким же пренебрежением он потом стоял перед моим столом и руки все держал в карманах. Я в то время был еще неопытен и в глубине души побаивался Васькиного хмурого недружелюбия. Начал с формального вопроса:

- Сколько тебе лет?

Васька прохрипел в сторону:

- Шишнадцать...

Все же меня обижало его обращение, и я спросил:

- Чего ты задаешься, Корнеев? Чего ты куражишься?

Васька повел плечом, но его голубой глаз осторожно наладился, чтобы рассмотреть меня. Рассмотрел и снова в сторону:

- Ничего я не задаюсь...

- Ты знаешь, куда пришел?

- Пришел! Не пришел, а привели. Ну и пусть!

- А ты куда хочешь?

- Хочешь? Я три года с Красной Армией ходил...

- Врешь!

Он вдруг подарил меня настоящим активным вниманием, даже одну руку из кармана вынул:

- Не вру! Врешь! Ну не три года, а все равно... На Перекопе был. Били буржуев...

- А ты, выходит, трудящийся?

- А чего я буду трудящийся? С какой такой стати? Досадно... конечно...

- Ты это... с досады в магазин залез?

Васька не ответил на вопрос, последний раз махнул пренебрежительно рукой и засунул ее в карман. Я из последних сил зарядил себя «педагогическим подходом»:

- Оставайся у нас в колонии. Сделаешься настоящим трудящимся… образование получишь.

- Слышал, — перебил меня Васька. В его речи было не столько голоса, сколько блатного профессионального ларингита. — Слышал. Все уговаривают: трудися, трудися. А почему буржуев никто не уговаривает?

Он отворачивался, надувался, вообще «обмануть» его было трудно. Я тоже «надулся»:

- Тоже — философ! Посидишь в допре несколько раз, опомнишься. Никто тебе не позволит по магазинам...

Он неожиданно размяк, грустно задумался.

- Это, конечно, в допре не мед, и на воле не мед, а только зло берет, товарищ заведующий: не успел, понимаешь, родиться, на тебе - несчастная судьба!

Васька жалостливо морщил лицо и колотил грязным кулаком по груди, прикрытой полуистлевшей, некогда розовой тканью. Я смотрел на него без особенного восхищения: привык уже к таким романтическим декламациям. Все-таки я повторил приглашение:

- Оставайся в колонии, Корнеев.

- Оставайся! А чего я здесь буду оставаться? До чего вы меня доведете, товарищ заведующий? Вы меня доведете: буду я сапожником. Или, к примеру, кузнецом... Это тоже не мед, товарищ заведующий!

Собственно говоря, этот Корнеев попадал не в бровь, а прямо в глаз. В колонии действительно не было никакого меда, это обстоятельство меня самого давно удручало.

И, кроме того, совершенно верно: я мог предложить только сапожную мастерскую и кузницу. Но неприлично было уступить первому философу с улицы:

- Советская власть буржуям ходу не даст. А до чего я тебя доведу? Образование получишь.

- И что с того, товарищ заведующий? Что с того образования? Бумажки переписывать?

Я ответил несмело, отражая в словах мою легкомысленную педагогическую мечту:

- Доктором будешь!

Васька доверчиво захохотал, размахивая руками, вообще веселился.

- Доктором! Эх, и сказанули, товарищ заведующие! Вы еще скажете: ученым будешь! Думаете: он дурак, поверит, красть перестанет.

Он ушел от меня с веселым, оживленным лицом, высокомерно посмеиваясь над моей простодушной наивностью.

* * *

Прожил в колонии недолго, всего около двух месяцев. Работал плохо, лениво. Лопата или топор в его руках казались сиротливыми, оскорбленными вещами, и с началом рабочего усилия всегда рождалось в его лице скучное отвращение. К воспитателям он относился с холодным презрением, а ко мне — с презрением веселым:

- Здравствуйте, товарищ заведующий. Вот смотрите: на доктора выхожу! А, чтоб вас...

А потом наступило утро, когда он исчез, и вместе с ним исчезло почти все инструментальное оборудование кузницы: молотки, гладилки, метчики, клуппы. Так обидно нам было за нашу и без того бедную кузницу, что не оставалось у нас свободной души пожалеть о пропавшем человеке Ваське Корнееве. Старший инструктор пришел ко мне серый и похудевший, дергал закопченный ус:

- Увольнения прошу. Если бы он знал, подлец, как эти метчики добываются...

Это было в июле. А в августе снова привели Ваську Корнеева. Когда ушел милиционер, Васька стал перед столом и уже приготовил обиженно пренебрежительную рожу, но он ошибся: теперь в моей душе и капельки не осталось «педагогического подхода» и не боялся я Васькиной хмурости.

- Можешь уходить на все четыре стороны. Пожалуйста!

Я широко открыл дверь кабинета, выводящую прямо во двор.

Его голубые глаза трепетно ожили, он глянул на меня с испуганным удивлением.

- Уходи, — повторил я, — уходи!

Он протянул вперед подставленную ковшиком просительную руку:

- Товарищ заведующий! Куда же я пойду?

- Куда хочешь!

На его лице, как и тогда, заиграли блатняцкие жалобные мускулы, кулак приблизился к груди.

- Как же это можно... человека... на все четыре стороны? Пропадать, значит? Да? Пропадать?

У меня не было к нему никакой жалости:

- Пропадай! Какой ты человек? Распелся тогда: буржуи его обидели! А потом взял и обокрал товарищей! Какой ты человек? Ничего жалобную рожу корчить, иди к чертям! На волю! Пожалуйста![2]

Он вышел на высокое крылечко, но не спустился вниз по ступеням, а прислонился к перилам, задумался. Я закрыл дверь. Через полчаса она потихоньку открылась, и Васька влез в кабинет. Так же тихо Васька прикрыл ее и остался там, у двери. Я спросил его минут через десять:

- Чего тебе нужно?

Он решительно шагнул к столу:

- Товарищ заведующий! Помните, говорили: «доктором будешь»? Помните?

- Нет.

- Товарищ заведующий! Будь я гад, на части разорвусь... что хотите! Я понимаю: вам, конечно, не мед, если вот такие, как я... с кузницей! А только... землю буду есть, а доктором буду! Вот увидите!

Я прислушался. В его голосе ничего не было блатного, никакой романтики. На меня смотрели страстные и жадные человеческие глаза.

- Ступай в спальню, — сказал я. И он поспешно, с деловой озабоченностью метнулся к дверям.

* * *

С тех пор прошло много лет. Васька Корнеев давно окончил медицинский институт и... исчез из моего поля зрения. В то время когда другие колонисты, уйдя из колонии, совершая и первые, и вторые, и последующие свои жизненные марши – то в вузах, то в Красной Армии, то на фабриках и заводах, — всегда вспоминали и меня, и колонию, писали письма, приезжали на свидания, Корнеев просто потерялся в просторных границах СССР, и даже слухов о нем доходило мало. Глухо, с промежутками в два-три года, из десятых уст доносились неясные отрывки Васькиной биографии, назывались города, поезда, пароходы, где Ваську встречали, — это все.

Я имел право обижаться на него, но в то же время всегда помнил, что и в колонии Васька не отличался нежностью. Свое обещание сделаться доктором он выполнял с великим, совершенно героическим напряжением. И в грамотности и в развитии он далеко отстал от сверстников, каждый абзац каждого учебника он брал медленной, непосильной осадой - в поте лица, в бесконечном повторе, на границе изнеможения. И улица, и бродяжничество, и «воля», и недоверие к людям, рецидив дикого, хмурого одиночества всегда тянули Ваську куда-то назад. Я видел, с каким отчаянным, молчаливым упорством Васька совершал работу преодоления.

И, за исключением только одного случая, он никогда «не пищал», не просил снисхождения, не склонялся на чей-нибудь жилет. Но очень вероятно, что он ненавидел меня втихомолку, ненавидел за тяжесть собственного обязательства, выданного на мое имя. И, может быть, поэтому он никогда не приближался ко мне душевно, никогда дружески не захотел раскрыться, да и к товарищам относился с хмурой сдержанностью, точно обозначая межу между дисциплиной и дружбой. И только один раз он откровенно упал духом, когда уже был на первом курсе медицинского института. Он пришел ко мне подавленный и смущенный и сказал, не глядя в глаза:

- Не могу. Не хватает силы. Все равно не выдержу. Придется бросить.

Я молча смотрел на него. Он слабо улыбнулся и произнес со стесненным юмором:

- Это... учеба эта... не мед— кожа болит, так тяжело. Это совсем не мед.

Я долго молчал, раздумывая. А потом ответил ему коротко:

- Нет. Институт ты закончишь.

Он ушел от меня грустный и подавленный, и я не был уверен в том, что не совершил преступления.

А закончив институт, он исчез. Профессора института отзывались о нем горячо: очень талантливый врач, будет хорошим хирургом, человек мыслящий, совсем не ремесленник. И я успокоился. А что забыл меня и товарищей — тоже бывает, у всякого своя ухватка.

Да я и сам начал о нем забывать, и вдруг после многолетнего отчуждения я получил от него письмо:

«Я не писал Вам никогда, не знаю почему, а сейчас душа просит. Это потому, что я — победитель. Вот когда и мне довелось одержать настоящую победу. Ничего, что я врач, трудно у нас разграничить, кто сделал больше, кто меньше. Я участвовал в защите Хасана как хирург, но все равно — я участвовал в этой великолепной организации, и я сейчас торжествую - я победитель. Когда они полезли на нас, япошки, я, понимаете, как-то так оглянулся и увидел, что это они лезут на весь наш двадцатилетний путь, на мой тяжелый путь освобождения. Признаюсь Вам, одному Вам: мне показалось, если они нас побьют, они отнимут у меня мое человеческое достоинство. Они лезли на нас пьяные, и у них неплохая артиллерия.

Но что мы с ними сделали! С каким прахом мы их смешали! И так это прекрасно: у нас был не только энтузиазм, у нас был хороший расчет. В общем, это далеко не мед — встретиться с нашей Красной Армией на боевом поле!

Я торжествую, дорогой, и я должен Вам об этом написать. И конечно, я так благодарен Вам за то, что Вы дали первый толчок. А теперь я победитель, и мне очень весело, хочется много жить, хорошо жить. И говорят, знаете что? Говорят, что я хороший хирург. Крепко жму Вашу руку и поздравляю с победой.

Ваш Василий[3]

А.С. Макаренко. Пед. соч. в 8 т., т. 6, с. 340 – 344. Впервые опубликовано: Медицинский работник, 29 ноября 1938 г. Этот и другие рассказы А.С. Макаренко московского периода показывают, что он в них придерживается педагогической тематики, остается педагогом-писателем.

[1] **В этом персонаже отразились некоторые черты воспитанника макаренковской колонии и коммуны** *Н.Ф. Шершнева.*

[2] **Добровольность, свобода воли, самостоятельный нравственный выбор - принципиальная установка в макаренковском формировании духовно-нравственной основы личности, человека нового типа. Здесь она выступает в форме «взрыва» и в сочетании с реальной жизненной перспективой.**

[3] **Данный текст – художественное воспроизведение письма одного из воспитанников А.С. Макаренко, участника боев с японскими захватчиками на Дальнем Востоке, у озера Хасан.**

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

лиц, причастных к педагогической, литературно-художественной и общественной деятельности А.С. Макаренко в 1938 г. (март-ноябрь)

Авдеенко А.А.67
Авдеенко А.О. 68,157
Авербах А.343
Аксов Т.69
Архангельский П.П. 248, 327
Астахова Н.65
Ахматов Л.С. 177,338
Баньковский 61
Барская М.А. 50,99,334
Бегунок 57
Бергельсон Д.Р.336
Блащик Л. 71
Блюм 57
Борискина К.Т. 260
Борисов Ф.С. 210,212
Броневой А.О.200
Вельяминова С.П.214
Вершнев 61,79
Виноградов А.К.208
Вирта Н.Е. 343
Войтинская О.С.106, 110, 131,157,222
Воргунов 61,177
Гвоздова Л. 69
Гончаров Н.К.55
Горбунов Н.93,177,200
Горохов И. 57
Гоффеншефер В.131
Григорьев 61
Гринько Г.Ф. 56
Гурвич А.С.205,221
Гусев В.328
Данюшевский И.Д.323
Дидоренко С.А.218
Доленго А.М.215
Дыбина Ф.А. 216,259,263
Езерницкая О. 296,324
Езерницкий М.296,324
Ермилов В.В. 58, 132, 144, 157, 342,343
Жданов Н.56
Завитаева 289
Зайцев В.Г.261
Заречная С. 65
Зелинский К. 65
Зуев А.131
Ильин В.69,71
Ипполитов М.М.237
Каиров И.А.295
Калабалина Г.К.260,261
Калабалин 50,213,248, 260, 261, 328, 331
Каминский Г.П.67
Караваева А.131
Катаев В.П.132,158
Киршон В.343
Клюшник В.И. 260
Клячко 288
Коваль П.Т.262
Коган С.Б.177,199
Колбановский В.Н. 58, 131, 336
Коломийченко А.Е.217,267
Комаров 61
Конисевич Л.В. 177, 259, 260
Кононенко К.С.94,138
Крамов А.Г. 217,218,329
Крейцер61,192
Крымов Ю.158
Крючков П.П. 56
Куфаев В.И. 56,237,322
Левин Б.106,131
Левшаков В.Т.93,198
Лежнев И.Г. 60
Либединский Ю.Н. 157, 158, 343
Литовченко О.57
Лозовский А.157,158
Лукин Ю.Б. 58
Любимова170-173
Ляшко Н.Н. 331
Макаренко(Салько) Г.С. 50, 58, 86, 201 ,204, 296, 328, 330-338, 342, 344
Макаренко О.В. 86, 176, 177, 334
Малахов К.94,100,132
Малышкин А.Г.201
Меклер М.Н.326
Мельник А.М. 262
Непорожней М.264
Никитенко А.В. 336
Павленко П.130
Панов И.И. 262
Панферов Ф.И. 57,58
Перовская О.131
Перцов В.131
Петров Н.В.145
Погодин Н.131,178
Пономарева 322
Пфляумер Н.65
Разумова Л.Н. 99, 100, 215, 296
Резник О.С. 219
Ровинский Л.343
Ройтенберг Е.О. 50,60
Ромицын А.100, 101, 223, 325
Роот В.М.219,268,336
Салько Л.М. 50, 58, 60, 68, 86, 177,252,260
Сейфуллина Л.131
Серебрянский М.И.158
Силаков П.93
Слезкин Ю.Л.60
Советов С.56
Соколова Н.Д214.
Ставский В.343
Стадницкая В.57,61
Стороженко Н.П. 55,58
Супрун Г.И.328
Сурков А.131
Таликова 57
Татаринов Т.Д.218
Терский В.Н.93,199,218,332
Тимохин 72
Торский57
Тренев К.131
Турчанинова Т.В.208,220,265
Фадеев А.А.178,343
Федин К.131
Фурманов Д.157,343
Чернявин И.51,121,128
Чуковский К.И. 329
Шагинян М.С. 205
Швед А.Н. 50,334
Шенгели Г.131
Шершнев Н.Ф.86,328,347
Шкляр Н.Г.57,89,204,210
Штевель 57
Эгарт М.328
Яновский И.Б. 262

Общие положения

Этот учебно-методический материал рассчитан на работу с текстами данной книги. Дополнительные источники указываются в комментариях к авторским материалам А.С. Макаренко, а также в прилагаемом ниже списке литературы. Обращение к макаренковедческим публикациям 1940-х–сер.1970-х гг. не рекомендуется (за редким исключением). Эта литература устарела, может мешать современному пониманию макаренковского наследия.

Изучение работ самого А.С. Макаренко, осмысление его идей и практики в их единстве и развитии, на основе совокупности неизвестных ранее, малоизвестных и выявленных в последние десятилетия его авторских материалов, в свете многих новых, выдвинутых им проблем (не свойственных традиционной и современной педагогике), – таково общее направление учебно-методической работы над этим изданием.

Поэтому на первый план в учебно-методическом материале выдвигается основанная на современных макаренковедческих отечественных и зарубежных исследованиях тематика учебных и исследовательских работ. Они могут выполняться на разных уровнях: реферат, доклад, выполнение проектного задания, статья, курсовая работа, дипломная, магистерская и кандидатская диссертации, монографическое исследование. Указанные темы могут объединяться в некоторые новые, более широкие, и подразделяться на более конкретные и детальные.

Очень важно при этом не ограничиваться принятой в современной педагогике проблематикой, смело выходить за пределы используемых ею привычных понятий, идей и решений. Нужно вводить в научный и практический оборот выдвинутые и обоснованные А.С. Макаренко новые проблемы, положения и термины, выявлять и показывать их огромный потенциал в творческом развитии педагогики, школы, общественно-педагогических явлений и процессов.

Комментарии, помещенные в книге необычно, сразу после каждого из авторских материалов А.С. Макаренко, – это органическая часть данного учебно-методического материала. Комментарии не только вносят необходимые разъяснения и дополнения, но и указывают на работу А.С. Макаренко в том или ином направлении в прошлом, в дальнейшем, в 1938–1939 гг.

Обширное вступление «От составителей» в начале книги – другая органическая часть учебно-методического материала. Она содержит разработки методологического характера. Направляющее значение имеют эпиграфы-цитаты из трудов А.С. Макаренко, данные на первых страницах книги.

Пользоваться 7-томным изданием макаренковских произведений (1951–1952 и 1957–1958 гг.) и сборниками, составленными на его основе, не рекомендуется.

Разработку предлагаемых тем целесообразно производить по литературе, вышедшей в последние десятилетия, с середины 70-х гг., когда определился качественно новый этап развития макаренковедения (см. данный ниже список литературы).

Ведущее направление практического применения макаренковской концепции педагогики в современных условиях отражено в публикациях, посвященных I–X Конкурсам им. А.С. Макаренко школ разного типа, широко использующих в педагогических целях главное: хозяйственно-трудовую, производственную деятельность («школ-хозяйств», 2003–2013 гг., см. список).

Перспективным является также утверждение в современной педагогической теории и практике идеи «уклада жизни» школы, семьи, детско-взрослой и молодежной организации как главного фактора воспитания, в его отличии от

обучения (см. список).

Тематика учебных и исследовательских работ

Специфические особенности макаренковской концепции педагшогики, сущность его творческого вклада в педагогику как науку о воспитании – по работам 1938 г.

Общая характеристика творчества А.С. Макаренко как социального педагога-реформатора в 1938 г. (в единстве проблем педагогики, художественной литературы, публицистики и общественной деятельности)

Продолжение полемики о «Книге для родителей»: социально-гуманитарные, этические и эстетические основы новой педагогики

Продолжение полемики о повести «Честь»: развитие духовно-нравственных основ жизни трудового народа в ходе революционных социально-экономических преобразований, пробуждение чувства чести, достоинства, социального действия и ответственности

«Флаги на башнях» как исповедь и педагогическое завещание А.С. Макаренко, объяснение сути его борьбы за нового, счастливого человека в новом обществе

Существо расхождений А.С. Макаренко с критиками «Флагов на башнях»: отражение разных позиций в сфере политики, этики, эстетики, педагогики

Материалы «Путей поколения», «Ньютоновых колец»: социальная педагогика взаимодействия старшего и молодого поколений

Художественная литература: о единстве ее познавательной, педагогической и эстетической функций

Жизненная позиция, мировосприятие писателя и его литературно-художественное мастерство

Полемика о содержании и особенностях литературы для детей, подростков

Социальная педагогика в рассказах А.С. Макаренко

Его деятельность в Союзе советских писателей, литературно-критические работы и выступления

Продолжение обобщения и конкретизации опыта трудовой колонии им.М.Горького и трудовой коммуны им. Ф.Э. Дзержинского

Новые социально-педагогические проблемы, обобщения и понятия, термины в «Некоторых выводах из моего педагогического опыта» и «О моем опыте»

Критика педолого-педагогического направления, дидактической и умозрительно-декларативной педагогики – в противоречии с социально-творческой, «целеустремленной», экспериментально-опытной педагогикой

Критическая оценка советской общеобразовательной школы 1930-х гг. – в контексте противостояния «школы учебы» и «школы жизни», труда, воспитания

Предложения по реформированию школы, усилению ее социально-воспитательной функции

Суть разногласий о киносценарии, посвященном современной (1930-х гг.) школе

Педагогическое содержание переписки А.С. Макаренко с выпускниками колонии им. М. Горького и коммуны им. Ф.Э. Дзержинского

Жизненные судьбы выпускников этих учреждений

Черты личности А.С. Макаренко, его мировосприятие в переписке с Г.С. Макаренко, читателями его произведений и соратниками, друзьями

Письма А.С. Макаренко и дневниковые записи: новое для его жизненной и научной биографии

Общий биографический очерк: А.С. Макаренко в окружении его сторонников и противников (1938 г., по Именному указателю)

МАКАРЕНКОВЕДЧЕСКИЕ ОТДЕЛЬНЫЕ ИЗДАНИЯ, ПУБЛИКАЦИИ, СДЕЛАННЫЕ ВО 2-ОЙ ПОЛ. 2012 Г., В 2013 Г. И НАЧАЛЕ 2014 Г. -

с включением публикаций предшествующих лет, ранее не учтенных и выявленных позднее

Макаренковедческие публикации, вышедшие во 2-ой пол. 2007 г. и далее см. в данном издании: Часть 2, с. 399-349; Часть 3, с.347-357; Часть 4, с.289-301; Часть 5, с.282-296, Часть 6, с.333-349..

Отдельные издания

Макаренко А.С. Педагогическая поэма. – С.Петербург, 2014

А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания. Учебная книга по истории, теории и практике воспитания. Часть 5. 1936-1937 гг. / сост., коммент. А.А. Фролов, Е.Ю. Илалтдинова, С.И. Аксенов. – Н.Новгород, 2011.

А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания. Учебная книга по истории, теории и практике воспитания. Часть 6. 1937-1938 гг. / сост., коммент. А.А. Фролов, Е.Ю. Илалтдинова, С.И. Аксенов. – Н.Новгород, 2012.

А.С. Макаренко. Публичные выступления 1936-1939 гг. Аутентичное издание /сост., коммент. Г.Хиллиг. – Елец, 2012.

19 стенограмм. С «От издателя», авт. В.Кузовлев: издание способствует «очищению Макаренко от фальсификаций». Неправильное употребление слова «фальсификация» (подмена настоящего ложным): для такого определения предыдущих изданий нет основания. Таким же безапелляционным является и сказанное в аннотации издания соч. А.С. Макаренко в 1950 и 1980-х гг. «не соответствуют источниковедческим нормам и требованиям текстологии». В комментариях немало мест, требующих редакции.

Макаренко Антон Семенович. Правильно воспитывать детей. Как? /ред. и сост. Е. Монусова. – М., 2014. Дается как «уникальное практическое руководство для родителей».

Фрагменты различных работ А.С. Макаренко по темам: Организация семьи и «мелочи», Дисциплина как «сознательное послушание», Семейное хозяйство, «Коллектив как воспитатель личности», Игра и труд, Авторитет, «Культурная эволюция, Любовь, Воспитывать счастливого человека».

Фролов А.А. Педагогика А.С. Макаренко: основы методологии (в сравнении с другими концепциями педагогики) – Н.Новгород, 2013.

Фонотов М. Времена Антона. Судьба и педагогика А.С. Макаренко. Свободные размышления. – Челябинск, 2013. *Работа талантливого и вдумчивого журналиста. Сделана любовно, документально.*

О коренном различии: К. Чуковский – А. Макаренко. О С.А. Калабалине, чекистах, А.М. Горьком. Главы: Воспитание, Коллектив, Система. «Шхуна педагогики и «корабль» производства. Воспитание «на автопилоте». Неразрывная связь А.С. Макаренко с социализмом.

Воспитанники А.С. Макаренко. Иван Токарев /В.М. Опалихин. – Челябинск, 2013. Руководитель проекта А.И. Кузнецов, автор-сост. В.М. Опалихин, авт. Интервью и очерка М.С. Фонотов; «опыт методологического исследования» - автор В.М. Опалихин.

Богуславский В.М. История педагогики: методология, теория. М., 2012: глава VI – А.С. Макаренко: социально-личностная педагогика; глава VII – М.С. Погребинский и А.С. Макаренко: сплетение судеб.

Беляев В.И. Методология педагогического исследования. – М., 2013

Близко к А.С. Макаренко – главы: Социализация и воспитание; Социальная педагогика; Историко-педагогический подход; Принципы – объективности, детерминизма, дополнительности; единства исторического и логического, теории и практики, воспитания и жизни, педагогического оптимизма, воспитания в коллективе; Диалектический метод.

Беляев В.И., Савченко Т.А. История социальной педагогики. Учеб. пос. – Магадан, 2011

XII разделов. Русская и зарубежная история – в общей хронологии. Темы: «Система перевоспитания несовершеннолетних правонарушителей А.С. Макаренко». Обстоятельно: «Социально-педагогическая концепция П.Наторпа». Не представлены: Г. Кершенштейнер, реформаторская педагогика, социалистическое направление, Н.К. Крупская и др. Об А.С. Макаренко: он не характеризовал свою деятельность как «перевоспитание», она выходит далеко за рамки работы с несовершеннолетними правонарушителями, являются выдающимся вкладом в общую, социально ориентированную педагогику. Тема А.С. Макаренко конкретно раскрывается с устаревших позиций.

Капранова В.А. История педагогики. Учеб. пос., 4-е издание, испр, - Минск, 2014.

Главное у А.С. Макаренко – «теория и практика коллективного воспитания».

Никитина Л.Е., Майорова-Щеглова Е.Н. Технологический подход в прогнозировании и развитии воспитания. – М., 2008

Мосолов В.А. Всеобщая педагогика. Об универсализме субъектов воспитания человека. – С.Петербург, 2011. *Главы: Идея о Боге и природе как субъектах воспитания человека; Субъекты социального воспитания и проблема определения особенностей национального менталитета; Субъекты самовоспитания и факторы судьбы человека.*

Новикова Л.И. Педагогика воспитания. Избр. пед. труды /под ред. Н.Л. Селивановой, А.В. Мудрика. – М., 2010

Продолжающиеся издания:

Макаренко. Альманах. – М.

2010, №1. Очерки истории и методологии советского и постсоветского макаренковедения. К 70-летию со дня смерти А.С. Макаренко и 70-летию со дня рождения макаренковедения / глав. ред. А. Кушнир, сост. М.Б. Зыков:

Введение. Вместо предисловия. *Глава 1 – Предшественники А.С. Макаренко: Я.А. Коменский, И.И. Бецкой, А.Н. Радищев, К. Маркс, Н.И. Пирогов, К.Д. Ушинский, Н.Г. Чернышевский, «школа учебы» и «школа жизни», Г. Винекен, Г. Кершенштейнер, С.Т. Шацкий, З. Фрейд, Педология, П. Блонский, Л.С. Выпотский.*

Глава 2. А.С. Макаренко и его окружение (1888 – 1939 гг.). *(По существу - биографический очерк).*

Глава 3. После А.С. Макаренко: макаренковеды, исследователи творчества А.С. Макаренко, его последователи (1940 – 2009 гг.) – *(очень поверхностно, все и в «общей куче», Щетинин как последователь Макаренко! Нет А.М. Кушнира; вывод: «филос. – мировоззр. система А.С. Макаренко – это социально-педагогическая антропология» - с. 149 – 150; по существу А.С. Макаренко механически подгоняется, как всегда, под модные научные веянья, погружается в бездну «бесплодных кабинетных рассуждений»; игнорируется необходимая в исследовании хоть какая-то доказательная база. Не отмечается огромная макаренковедческая работа в зарубежных странах!)*

Глава 3. Социально-культурная атмосфера вокруг творческого наследия А.С. Макаренко (1940 – 2009 гг.). *(В действительности это лишь информация о разных*

советских изданиях трудов А.С. Макаренко и о некоторых отечественных макаренковедческих конференциях).

Вместо заключения. *(Весь материал альманаха методологически направляется в русло «человеческого и социального капитала» - западных экономических концепций, всецело подчиняющих человека запросам рыночной и частнособственнической экономики, что далеко от Макаренко как небо от земли. Весь альманах построен на компьютерных выборках типа компиляции. Тексты в основном по Г.А. Гасымовой, С.С. Невской; по А.А. Фролову иногда без ссылок).*

Литература – 95 наименований книг и статей. *Отсутствует важный для проблематики этого альманаха труд А.А. Фролова: А.С. Макаренко в СССР, России и мире. (1939 – 2005 гг., критический анализ). – Н.Новгород, 2006).*

Объявление о VIII международном конкурсе им. А.С. Макаренко и об очередных макаренковских чтениях: 1 – 5 апреля 2010 г.

2011, № 1. Выдающиеся педагоги отечества / глав. ред. А.М. Кушнир, сост. С.С. Невская:

Невская С.С. Педагог и писатель А.С. Макаренко – учитель учителей. *(По аналогии с А. Дистервегом, одним из главных представителей «школы учебы»? Макаренко как последователь К.Д. Ушинского). Коллектив единомышленников. (О некоторых сотрудниках – педагогах колонии им. М. Горького и коммуны им. Ф.Э. Дзержинского.)*

Любимый мастер – В.Н. Терский. «Флаги на башнях». *(Полемика об этом произведении. Тут же – о «Педагогической поэме»). Наследие А.С. Макаренко и проблема детской преступности и беспризорности в России сего дня. Социальное самоопределение личности в процессе производственного воспитания в педагогической практике А.С. Макаренко. Диалог об Антоне Семеновиче Макаренко – беседа С.С. Невской с И.В. Филиным о книге: «А.С. Макаренко» (его труды), в серии «Антология гуманистической педагогики, школы жизни» - М., 1998 г., впечатления о ней старшеклассников и студентов.*

Горшкова Е.А. Воспитание нового человека, от Руссо до Макаренко: возникновение «филантропинов» (И.Б. Базедов, К.Г. Зальцман), И.И. Бецкой, Смольный институт.

Положение о Международном конкурсе им. А.С. Макаренко 2011,

2010, № 2. Триумфы и трагедии в жизни педагога – писателя А.С. Макаренко / гл. ред. А. Кушнир, сост. С.С. Невская:

Невская С.С. Неизвестные страницы жизни А.С. Макаренко: трудная дорога в Москву».

1.Письма разного рода, конкретизирующие историю подготовки и публикации «Педагогической поэмы», «Марша 30 года», период работы А.С. Макаренко в Киеве, переписка с Горьким и встречи с ним;

2.Москва: дружба с А.О. Авдеенко. И другие материалы.

3.Фотоочерк: Из семейного альбома А.С. Макаренко.

Хиллиг Г. Москва contra Ленинград. Возвращаясь к теме: Антон Макаренко и Наталья Гирей. *Материалы в связи со статьей А.С. Макаренко (Литературная газета, 15 июля 1937 г.) о повести Н. Гирей «Шестьдесят восьмая параллель».*

Хиллиг Г. Странные выдумки об А.С. Макаренко. *О публикации online версии сумской общественно-политической газеты «Панорама», 2003, № 40: Дедулин Г.: «Макаренко. Новые факты из жизни известного педагога». Автор – зав. каф. педагогического мастерства Сумского пед. ун-та. «Шесть неизвестных историй» - это «букет недостоверных сведений». Некоторые факты биографии А.С. Макаренко, искаженные по незнанию даже общеизвестного.*

Гетманец И.О. Феномен А.С. Макаренко. *О широте его научных познаний, духовного мира, «общечеловеческой культуре». Полно – о его библиотеке, в Кременчугском музее.*

2012, № 1 Макаренко. Альманах, / гл. ред. А.М. Кушнир, под ред. С.С. Невской. – М.

Невская С.С. Формирование самосознания воспитанников в процессе стимулирования трудовой деятельности *(Материалы ее кандидатской диссертации, 1970-е гг.).*

Воспоминая о Макаренко:

Кислова Н.Е. Им нужна материнская ласка. Некоторое время работала фельдшером в колонии им. М. Горького.

Иваненко О. Настоящая жизнь. Была в колонии им. М. Горького летом 1925 – 1926 гг. клубным работником, воспитателем.

«- Люблю, когда строят, - сказал Антон Семенович, - мы всегда должны строить, сооружать – ни минуты застоя. Это настоящая жизнь, и это должно быть главным!...

Колония всегда должна расти, строиться, ставить какие-то большие хозяйственные цели, быть всегда на дрожжах… Надо всегда мечтать и приводить мечты в действительность!» Мечты о расширении колонии – на 1 тысячу человек.

Шапошников В., народный судья. Путевка в жизнь. Дроздюк П. О моем друге. Памяти Александра Чопа. О пребывании А. Барбюса в горьковской колонии, встречах с А.М. Горьким и др.

Конисевич Л.В. Страницы повести «Нас воспитывал Макаренко: О летнем лагере в Сочи.

Невская С.С. А.С. Макаренко о воспитании детей в семье. О семье А.С. Макаренко, «Книге для родителей» и др.

Хиллиг Г. На пути к научной биографии А.С. Макаренко. – *По его различным докладам, выступлениям 1936 – 1939 гг., комментарии.*

Хиллиг Г. Работа А.С. Макаренко над текстом «Педагогической поэмы», части 3. *Анализируется машинописный экземпляр с правкой А.М. Горького и А.С. Макаренко, а также редактора Е.М. Коростелевой – в сравнении с последующими изданиями произведения.*

Сборники материалов конференций

Первые Макаренковские чтения в Канской воспитательной колонии, Красноярский край, март 2006 г. / сост. А.Ю. Варюшин, В.А. Карапчук и др. – Красноярск, 2007. *Доклады, сообщения Н.В. Кожуховой, Г.А. Рогова, А. Самусеевой, Н. Тарасенко, С. Шишкиной, О. Семенковой, Е.С. Пугачева, Н.П. Васильевой, Н.Х. Файзулиной, Е.Н. Соколовой, В.А. Карапчук, учителей школы колонии.*

Доклад В.А. Карапчук, В.Н. Хлыстовой: «Создание благоприятной ресоциализирующей среды при эффективном учебно-воспитательном процессе».

Минова М.В.: «О системе обучения и воспитания в воспитательной колонии»

Резолюция первых региональных педагогических чтений «Живое наследие А.С. Макаренко».

Сборник докладов на республиканских макаренковских педагогических чтениях. – Абакан, 2007

Вторые макаренковские чтения в Канской воспитательной колонии. Сб. статей по материалам чтений, посвящены 120-летию со дня рождения А.С. Макаренко, март 2008 г. *22 доклада и сообщения, среди них:*

Стойко Н.Г. Колония как детский воспитательно-реабилитационный центр; Карапчук В.А. Практическое применение наследия А.С. Макаренко; Бибикова В.В. Педагогика А.С. Макаренко – педагогика завтрашнего дня; Минова М.В. Методология Макаренко; Яковлева Н.Ф. Актуальные проблемы образования в

воспитательных колониях; Трушина А. С. Индивидуальное развитие личности и коллективная творческая деятельность в работе с несовершеннолетними осужденными; Макарова Т.С. Добрые традиции школы – путь к успеху; Геросьянова Г.Н. Право на творчество; Шупилина Т.В. Методы А.С. Макаренко, используемые в ПУ №27 в работе с учащимися, находящимися на учете в правоохранительных органах.

Использование инновационных технологий в воспитательной работе с несовершеннолетними и молодыми правонарушителями. Сб. статей. Материалы третьих Макаренковских чтений в Канской воспитательной колонии, март 2010 г. / под ред. М.В. Миновой, А.Д. Назарова, В.А. Карапчук. – Красноярск, Сибирский федеральный ун-т, 2010.

Разделы: Идеи Макаренко в современном образовании; Воспитание и образование осужденных; Профилактика девиантного поведения несовершеннолетних.

Доклады, сообщения – выборка:

Харламова Н.М. А.С. Макаренко: наследие и современные преобразования в педагогической теории и практике; Кожухова Н.В. Значение системы перспектив в системе А.С. Макаренко; Мартыничева Е.В. Чтение А.С. Макаренко на Макаренковских чтениях; Бибикова В.В. Коллектив и личность; Карапчук В.А. Организационно-педагогические условия и средства воспитания и ресоциализация несовершеннолетних осужденных; Геросьянова Г.Н. Идеи А.С. Макаренко в воспитательной работе классного руководителя.

Воспитание по А.С. Макаренко. Сб. матер. област. пед. чтений, посв. 120-летию со дня рожд. А.С. Макаренко. 27 марта 2008 г. / под ред. А.И. Григорьевой, сост. Л.В. Заика. – Тула, 2010

Неомакаренковская педагогика в условиях реформирования уголовно-исполнительной системы и становления ювенальной юстиции: Международный и российский опыт. Материалы IV международных Макаренковских чтений. Март 2012 г. / ред. колл.: М.В. Минова, А.Д. Назаров, Н.Ф. Яковлева, В.А. Карапчук. – Красноярск – Канск, Красноярский гос. пед. ун-т, 2012.

Разделы: Эффективные методы обучения несовершеннолетних осужденных; обеспечение оптимальных условий их социальной поддержки и психолого-педагогического сопровождения; Профилактика девиантного поведения подростков и молодежи.

Ведущие доклады: Бибикова В.В. Диалектический подход к идеям и практике А.С. Макаренко *(«идея эгоцентризма, пришедшая на смену коллективизма, - провалилась»)*; Яковлева Н.Ф. Методологические основания неомакаренковской педагогики *(«социодинамическая концепция воспитания характера» - в русле основ педагогики А.С. Макаренко)*; Тепляшин П.В. Перспективы развития исправительно-воспитательного воздействия в условиях реформирования уголовно-исполнительной системы; Шмидт К.И. (Германия). Исполнение наказаний в Баварии; Гутник С.И. Обеспечение права несовершеннолетних, отбывающих наказание; Майнен Г. (Германия). Наказание для несовершеннолетних преступников и его исполнение в Германии; Старосветская Н.А. Ювенальные технологии во Франции.

Итоговый документ: Методические рекомендации IV Макаренковских чтений.

Педагогика А.С. Макаренко: воспитание и жизнь (достижения и проблема). Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 125-

летию со дня рождения А.С. Макаренко (28 – 29 марта 2013 г.) / сост. Е.Ю. Илалтдинова, С.И. Аксенов. Под ред. А.А. Фролова. – Н.Новгород, 213. Выборка:

Аксенов С.И. Слово памяти Антона Семеновича, его соратников и последователей

Николина В.В. 10-летие исследовательской лаборатории НГПУ «Воспитательная педагогика А.С. Макаренко»

Фролов А.А. Педагогика А.С. Макаренко: основы методологии

Богуславский М.В. А.С. Макаренко и М.С. Погребинский

Райт Р. (США). Переосмысление наследия А.С. Макаренко: мудрость, диалектика, практика

Гриценко Л.И. Эмоциональный потенциал воспитания в коллективе А.С. Макаренко

Меттини Э. (Италия). Аксиология и акмеология в педагогике А.С. Макаренко.

Орлов Е.В. Педагогическая деятельность А.С. Макаренко как социальное управление

Демидова С.Б. Педагогическое наследие А.С. Макаренко: педагогика будущего

Гюнтер-Шелльхаймер Э. (Германия). Некоторые выводы из опыта применения теории коллектива А.С. Макаренко в школах ГДР

Невская С.С. Леонхард Фрезе – организатор лаборатории «Макаренко-реферат» (Марбург, Германия)

Хиллиг Г. (Германия). А.С. Макаренко в Горьком

Гликман И.З. О макаренковском подходе к основным понятиям педагогики

Егорова О.Л. Социально-педагогические технологии в наследии А.С. Макаренко

Илалтдинова Е.Ю. История освоения и разработки наследия А.С. Макаренко в 1939 – 2013 гг.

Егоров Л.В. Исторический аспект разработки наследия А.С. Макаренко

Сицилиано Де Кумис (Италия). Личный архив семьи Де Кумис о Макаренко

Кузьмич В.К. Гуманистические идеи педагогики А.С. Макаренко

Тищенко Е.Г. Изучение наследия А.С. Макаренко студентами: четыре учебно-методических модуля

Елдынова Н.Д. Педагогические ценности творчества А.С. Макаренко в контексте современной педагогики

Наумов Б.Н. (Украина). Ценность методологии педагогики А.С. Макаренко.

Курмишева Н.И. Менеджмент образования сквозь призму идей А.С. Макаренко

Гончар Д.Р. О целесообразности математического моделирования в макаренковедении

Соколов Р.В. Звенья одной цепи: Шацкий, Макаренко, Иванов, Соколов

Мануйлов Ю.С. А.С. Макаренко или Н.Н. Норданский?

Голованова Н.Ф. Успешная деятельность как цель воспитания: А.С. Макаренко в постиндустриальном обществе

Аксенов С.И. Производственно-хозяйственная деятельность школьников в контексте Федерального гос. образовательного стандарта и наследия А.С. Макаренко

Сидорова И.В. Воспитательный потенциал современного детско-взрослого производства

Боровская Е.В. Актуализация уклада и образа жизни в современной практике воспитания

Татаринов С.К., Бондарцов Д.М. (Украина). Антиох Луцкевич и «бахмутские потешные» *(к истории макаренковской «военизации» воспитания)*

Бурнашев В.Н. Созидательный труд как средство социализации школьников

Архарова Л.И. Реализация идей А.С. Макаренко в современной школе *(в системе коллективных творческих дел)*

Мосолов Б.А. От педагогики социальной к всеобщей педагогике

Рогова А.В. Эстетическое воспитание в духовно-нравственном формировании личности (концепция А.С. Макаренко)

Ткаченко А.В. Профессиональные перспективы выпускников Харьковской трудовой колонии им. М. Горького

Шилова Г.А. Идеи А.С. Макаренко в духовно-нравственном воспитании современного человека как личности

Санникова Н.Г. Нравственное формирование личности в педагогике А.С. Макаренко

Евланова Е.А. Использование опыта А.С. Макаренко в школах социальной реабилитации

Ноговицына Н.М., Николаева М.А., Реализация идей А.С. Макаренко в школьной службе примирения

Итоговый документ конференции (проект)

Воспитание человека – дело счастливое и посильное. Материалы международных социально-педагогических чтений, посвященных 125-летию Антона Семеновича Макаренко (22 марта 2013 г.) / под ред. Л.В. Мардахаева. – М., 2013. Выборка:

Мардахаев Л.В. Когда воспитание человека – дело счастливое и посильное.

Собственное понимание воспитания, развития, самоуправления и среды представляется как трактовка концепции А.С. Макаренко. «Детская среда», «Детский воспитательный коллектив».

Кораблева Т.Ф. Экспертиза времени: гуманистический вопрос воспитания и этико-педагогические позиции А.С. Макаренко.

Отражается материал книги А.А. Фролова «А.С. Макаренко в СССР, России и мире…»

Меттини Э. (Италия). Контекстуально-целостный подход А.С. Макаренко в воспитании

Веджетти М.С. (Италия). А.С. Макаренко и Л.С. Выготский: два великана в сфере воспитательных наук

Слободчиков В.И. Прикладная антропология в педагогике А.С. Макаренко.

Объясняется его «контекстуально-целостный подход».

Егорычев А.М. Восхождение к гражданственности в педагогике А.С. Макаренко

Шумская Л.И. (Беларусь). А.С. Макаренко о воспитании в условиях новой социальной реальности. *Говорится о возможности «успешно решать задачи подготовки прослойки предпринимателей», в условиях «рынка труда».*

Анкиндинов В.А. Методика педагогического воздействия А.С. Макаренко и ее современное видение

Бондаренко Ю.Я. (Казахстан). Мысли А.С. Макаренко в глобализирующемся мире.

Гончарук Ю.А. Взаимодействие современных социальных институтов воспитания в контексте педагогической системы А.С. Макаренко

Демидова С.Б. Феномен А.С. Макаренко в современной педагогике

Леденев В.В. Социокультурный анализ педагогической деятельности и воспитательная система А.С. Макаренко. *Коллективная деятельность детей должна «вырастать из потребностей жизни данного коллектива», а дети – быть «хозяевами и организаторами этой жизни». Но «воспитание в коллективе, для коллектива» - не по Макаренко.*

Никитенко В.Н. Уроки А.С.Макаренко для современности

Скубаев В.В. Новые ракурсы изучения наследия А.С. Макаренко *(Весь текст – это положения А.А. Фролова, без отражения этого даже в списке литературы).*

Черкасова М.А. Педагогика А. С. Макаренко – как наука о воспитании *(в отличии от педагогики дидактической).*

Гриценко Л.И. Воспитание подростков с девиантным поведением (из опыта А.С. Макаренко)

Полякова О.М. (Украина). Социально-педагогическая работа А.С. Макаренко с несовершеннолетними правонарушителями

Архарова Л.И. Использование идей А.С. Макаренко в частном лицее *(практики коллективно-творческих дел)*

Иванова Т.В., Артемьева Т.В., Шестакова Е.А. Организация индивидуальной профилактической работы как условие предупреждения девиантного поведения.

Ахмедов Г.М. (Азербайджан). А.С. Макаренко в Азербайджане (история)

Наумов Б.Н. (Украина). А.С. Макаренко как методолог педагогики (по материалам Нижегородской исследовательской лаборатории «Педагогика А.С. Макаренко»)

Образцова Л.В. Значение наследия А.С. Макаренко для мировой теории и практики реформаторской педагогики (история)

Санникова Н.Г., Зубкова Т.И. Программно-целевое управление процессом социального воспитания в теории и практике А.С. Макаренко

Ткаченко А.В. Фотозавод коммуны им. Ф.Э. Дзержинского: новые материалы

Ткаченко Е.Ю. (Казахстан). Соратники А.С. Макаренко о подготовке воспитанников к жизни

Шаин Е.Г. А.С. Макаренко: двадцать пят лет спустя

Золотовская Л.А. Педагогические идеи А.С. Макаренко: воинский коллектив

Колесниченко Т.С. Человек как наивысшая ценность в педагогической системе А.С. Макаренко

Ромащенко И.В. (Украина). Значение наследия А.С. Макаренко для отечественной теории и практики *(о коллективе, труде, самоуправлении)*

Социальное воспитание и свобода личности: проблемы и перспективы. Материалы международной научной конференции, 24 – 25 апреля 2013 г. Макаренковские педагогические чтения. Выпуск 11 / под общ. ред. Л.И. Гриценко. – Волгоград, 2013. *Из 83 текстов непосредственно А.С. Макаренко посвящены 10, в том числе:*

Гриценко Л.И. Национальные основы педагогики А.С. Макаренко. *(В связи с идеями К.Д. Ушинского).*

Фролов А.А. Труд и «хозяйствование» - основы социальной педагогики А.С. Макаренко (в ее значении для современности)

Меттини Э. (Италия). Возвращение к социальному воспитанию: по пути опыта А.С. Макаренко

Дичек Н.П. (Украина). Педагогическое новаторство А.С. Макаренко (Полтавский период) и проблема «морально дефективного детства». *(И в аспекте истории этой проблемы).*

Ткаченко А.В. (Украина). Некоторые обстоятельства формирования профессионально-образовательной системы трудовой коммуны им. Ф.Э. Дзержинского.

Илалтдинова Е.Ю. Проблема личности в отечественной разработке наследия А.С. Макаренко

Аксенов С.И. Развитие взглядов А.С. Макаренко на социальное воспитание в процессе расширения его педагогического опыта в 1925 – 1935 гг.

Калабалин С.А. Педагогическое наследие и современность. Первые калабалинские чтения / сост. и ред. Л.В. Мардахаев. – М., 2013.

Главы: Семен Афанасьевич и Галина Константиновна: страницы жизни; Педагогический талант С.А. Калабалина. Событийная педагогика С.А. Калабалина – В.И. Слободчиков; Принцип открытости воспитательной среды – Л.В. Мардахаев и др.

«Всамделешние Папа и мама – таковыми были калабалины для воспитанников; и др.

Конференция по наследию А.С. Макаренко прошла в Воронежском гос. ун-те, март 2014 г.

Статьи в периодической печати

«Педагогика». – М.

2012 г.

№ 7: Бондаревская Е.В. Гуманитарная методология науки о воспитании. *Основа – «онтологический подход». «Классическая методология обращается к точному знанию», при «механической картине мира». «Неоклассическая наука» предусматривает знание, «зависящее от изменяющихся условий». «Постклассический» период: «человек в его целостности», в его «саморазвитии» и «осмысленной жизни». Отмена «должного» в воспитании, приоритет «духовной жизни». По существу – обоснование индивидуалистического вектора: от личности – к обществу.*

№8: Филонов Г.Н. Активно-созидательная миссия социальной педагогики в сельских поселениях – отзыв о кн. Гурьянова М.П. (Курган, 2011).

Илькевич Б.В., Усманова Л.Т. Этико-педагогическое наследие И. Канта в современной педагогике.

2013 г.

№ 4: Григорьев С.И. Политическая история российского образования последнего 25-летия его «деидеологизации» и «деполитизации». – *Рецензия на книгу Днепрова Э.Д.: Новейшая политическая история российского образования – 2011. Крайности либерал-реформаторства», образование по «вульгарно-рыночной модели»*

№ 5: Савотина Н.А. Стратегия развития технологий воспитания. *Технология – как то, что делает пед. процесс «более эффективным, воспроизводимым и гарантирующим результаты в соответствии с диагностически поставленными целями».*

Внимание к этому – с нач. 1960-х гг. – в США и мире. У нас «технология воспитания» - с нач. 1990-х гг. Ведущее значение цели. В методике воспитания – акцент на содержании. С положительным отношением к А.С. Макаренко.

Но все это – лишь в системе «учитель-ученик».

Романова Е.Г. Мистицизм интернета и социализация молодежи. *Это – как «реакция на усложнение социальной среды и условий вхождения молодежи во «взрослую жизнь».*

№ 6: Коршунова Н.Л. Понятие методологии педагогики в прошлом и настоящем. *Осталось неразвернутым гуманитарное содержание методологии*

педагогики (человековедческий аспект в его сопряженности с развитием мировой культуры).

№ 7: Белозерцев Е.П., Варавва В.В. «Должное» как вектор преодоления кризиса современного российского образования

Левитес Д.Г. Педагогика здравого смысла

Слепенкова Е.А. Роль А.С. Макаренко в развитии технологии воспитания как научного направления педагогики

№ 9: Марчукова С.М. Идеи пансофийности в педагогических трудах Я.А. Коменского: перспективы нового осмысления пансофии. Латинское издание «Всеобщего совета по исправлению дел человеческих (1966 г.); издание совместного советско-чехословацкого 2-томника, в том числе «Всеобщего совета по исправлению дел человеческих» на рус. яз. с обширными комментариями (1982 г.)

2014 г.

№1: Фельдштейн Д.И. Проблемы психолого-педагогических наук в XVI в.

Говорится об «образовании». Психология и педагогика не дифференцируются. Новое «пространство-время существования человека». Без анализа соврем. состояния психологии, педагогики.

Беляев В.И. Социальная педагогика. Перспективы развития. (*С обращением к А.С. Макаренко).*

Беляев А.В. Роль педагогической науки в развитии опыта трудового воспитания сельских школьников. *Об истории и современном состоянии ученических производственных бригад Ставрополья*

Мельников Д.А. Радикальные и критические концепции социальной работы

№ 2: К 125-летию А.С. Макаренко

Фролов А.А. Идеи свободы и целесообразности в методологии педагогики А.С. Макаренко

Гриценко Л.И. Социальное воспитание и свобода личности в педагогике А.С. Макаренко

Беляев В.И. Социально-педагогическая система А.С. Макаренко

Годник С.М. Педагогический подвиг А.С. Макаренко. *Без учета новых, современных макаренковедческих источников и исследований.*

№3: Степанова Г.С. Проблемы социализации современной молодежи. О «межпоколенной преемственности».

Сычева И.С. Принцип единства рационального и иррационального в этнопедагогике. На примере воспитательных традиций Мозырского Полесья»

<u>Народное образование. – М.</u>

2012 г.

№10: Кушнир А.М., Лобок А.М. От логики учебного знания – к логике человеческого капитала. *Содержание образования в детско-взрослых образовательных производствах. Связь качества жизни с качеством образования.*

Нелюбов С.А. Сельская школа живет и надеется на лучшую долю. Вклад учителя в подготовку кадров для экономики страны.

Вифлеемский А.Б. Как создается школьный мини-парк

Шумилина Т.О. Финансово-хозяйственная деятельность образовательного учреждения

Щуркова Н.Е. Как воспитать жизнеспособность школьника?

2013 г.

№1: Вифлеемский А.Б., Кушнир А.М. Педагогическая проза: возможна ли деятельность А.С. Макаренко в современной России?

«Современная правовая регламентация деятельности образовательных учреждений не позволяет сегодня легально осуществлять деятельность А.С. Макаренко. Возможно, лишь весьма ограниченно использовать отдельные

элементы, скорректированные с учетом требований современного законодательства» - особенно в сфере производительного труда и управления, самоуправления».

Положение о XI Международном конкурсе им. А.С. Макаренко. Очередные Макаренковские чтения.

Гликман И.З. О судьбе школьного воспитания. *«Детский коллектив», «педагогическое общение», «стимулирование», «методика воспитания», «отношения» - на уровне 1950 – 1970-х гг.*

Хайкин В.Л., Григорьев Д.В. Педагогика как практика порождения и воспитания ответственности.

№2: Илалтдинова Е.Ю. Методология менеджмента И. Адизаса и А. Макаренко. Преемственность и развитие.

№3: Мануйлов Ю.С. Возвратить детям труд и радость социального творчества: А.С. Макаренко или Н.Н. Иорданский? *2 подхода к воспитанию: развитие или формирование? «Настало время вспомнить Макаренко».*

№4: Соревнуются трудовые школы России. В Подмосковье прошел XI международный конкурс им. А.С. Макаренко

Фролов А.А. Труд и хозяйствование – основа социальной педагогики А.С. Макаренко.

Щуркова Н.Е. Драма классного часа: разрушение ключевого элемента воспитания. *Значит: это совсем не «ключевой элемент», а нечто искусственное, поэтому его «драма» вполне закономерна.*

№6: Меттини Э. Этика менеджмента в творчестве А.С. Макаренко: путь к эффективной социализации

Санникова Н.Г. Мотивация воспитанников к производственной деятельности в теории и практике А.С. Макаренко

№7: Хагурова Н.Е. Современная семья и воспитание: феноменология кризиса.

№8: Созонов В.П. «Нет ничего выше и могущественнее, чем человеческий коллектив». К чему призывают новые стандарты и что уже было в нашей жизни.

Куркин Е.Б. Школа и ученическое самоуправление: пока только игра…

№9: Козлова Г.Н., Кушнир А.М. Уроки истории: социальное воспитание подростков и производительный труд в 20-е годы XX века

№10: Козлова Г.Н., Кушнир А.М. Феномен политехнического воспитания в педагогической истории советского периода

Статьи в других печатных изданиях

Соколов Р. А.С. Макаренко: «Я – советская власть» // «Альтернатива. Ежекварт. теоретич. и общ-полит. журнал / глав. ред. А.В. Бузгалин. – М., 2012, №1.

Фролов А.А. Джон Дьюи и Антон Макаренко: преемственность и новаторство // Историко-педагогическое знание в начале III тысячелетия… Матер. IX междунар. науч. конф. / ред. – сост. Г.Б. Корнетов. – М., 2013.

Комсомольская правда, 22 янв. 2013: *о «детской деревне» в подмосковной деревне Томилино, действует уже 17 лет, 70 детей, 35 сотрудников. «Мама» вместе с детьми расходует получаемые средства, организует питание и быт. 70 % средств – от международного благотворительного фонда; 20% от правительства Москвы; остальное – от благотворителей. В России 6 таких деревень.*

(В детдомах – на 70 детей 70 сотрудников. Привлечение воспитателей и детей к организации питания и быта запрещается).

Сморчкова В.П. Коммуникативная педагогика А.С. Макаренко // Социальная работа и социальная педагогика, 2013, № 3, электронная версия. *О «Педагогическом взаимодействии с воспитанниками», «педагогической коммуникации»;*

педагогические ситуации, конфликты – в русле «детского коллектива» и лишь персональных взаимоотношений.

Беляев В.И. Педагогика А.С. Макаренко и современность // там же. *Его педагогика «стала исторически перспективной не только для современной эпохи»; разрешение противоречия между общим и частным; ведущее значение педагогических целей. Это «бесценное национальное и мировое достижение», никем еще не превзойденное.*

Степанова Л.А. О методологии исследований педагогического наследия А.С. Макаренко (к 125-летию со дня его рождения) // там же. *Главное у него – «социальный оптимизм». И не просто труд.*

Духовный диалог «А.М. Горький – А.С. Макаренко» в контексте современности // XXI век: Будущее России в философском измерении. Матер. филос. конгресса, 7 – 11 июня 1999 г., т. 4. Екатеринбург. 1999.

Коган М.С. Формирование личности как синергетический процесс // Синергетическая парадигма: человек и общество в условиях нестабильности. – М., 2003.

Кузьминов Я.И., Фрумин И.Д., Захаров А.Б. Российская школа: альтернатива модернизации сверху // Вопросы образования, 2011, №3. *О «двух советских подходах к воспитанию»: 1) идеологические догмы, специальные мероприятия, пропаганда; 2) «подход, идущий от А.С. Макаренко: опора на «позитивный социальный опыт». «Во всем мире растет интерес к активным воспитательным практикам». Их нужно «институционалировать», поддержать «потенциал традиций коллективного социального действия», выработку «компетенций социальных, экономических, правовых, организационных». Это надо сделать «обязательной частью финансового норматива». Развернуть «сеть экспериментальных школ и внешкольных программ».*

Телепередачи, встречи с зарубежными исследователями творчества А.С. Макаренко

Портрет педагога. Наследие А.С. Макаренко: прямая трансляция, Пед. студия // Эффективная педагогика (Тула) – 2010, №1.

28 января – 1 февраля 2014 г. В исследовательской лаборатории «Педагогика А.С. Макаренко» Нижегородского пед. ун-та прошло несколько встреч – собеседований сотрудников лаборатории с доктором, профессором Т. Халворсеном (университет Нордланда, Норвегия) по широкому кругу вопросов истории наследия А.С. Макаренко, его современного понимания, проблем и перспектив освоения и разработки этого наследия.

20 – 26 февраля 2014 г. в исследовательской лаборатории «Педагогика А.С. Макаренко» НГПУ им. К.Минина прошло несколько встреч-собеседований сотрудников лаборатории с доктором педагогики, профессором К. Кувабара (Хоккайдский педагогический университете, Саппоро) по социально-гуманитарным основам педагогического творчества А.С. Макаренко, о его позитивной связи с деятелями образования, педагогики и общественностью своего времени, конфликт с «педолого – педагогическим уклоном», столкновении «школы учебы» и «школы жизни, труда, воспитания», о современной педагогической работе с несовершеннолетними правонарушителями.

23 февраля 2014 г. по одному из каналов российского телевидения показан опыт сельской школы Липецкой области: на базе школьной теплицы создан сельскохозяйственный кооператив (выращивание огурцов, рассады, семеноводческая работа), с выпуском продукции на рынок. Директор школы стал главой администрации села и зав. производственного сельского кооператива (с привлечением работников из соседних деревень).

11 марта 2014 г. по каналу «Культура» Российского телевидения показан материал об А.С. Макаренко: «В коммуне остановка»; участники: Кушнир, Ямбург, Гезамов (историк), Максимов (ведущий).

Публикация в Украине

Гетманец М.Ф. О Харькове и не только. Публицистика, история, письма, сатира. – Харьков, 2012, рус. яз. *Некоторые из рубрик: Кто такой Макаренко?; Сомнительное краеведение; Досадные ошибки; В редакцию газеты «Время»; Письмо мэру г. Харькова (о перемещении памятника – бюста А.С. Макаренко).*

Наумов Б.Н. А.С. Макаренко и Харьковщина: 125-летию со дня рождения А.С. Макаренко посвящается. – Харьков, 2012, укр. яз. *(Сборник сделанных ранее автором публикаций, в основном газетных, 1989 – 2011 гг.): Не навешивать ярлыки, Цели-идеалы в когтях «бумажных тигров», Макаренковская логика целеполагания в педагогической деятельности и современность, выдающийся гуманист XX столетия и др.*

Творческое наследие А.С. Макаренко: осмысление исторического опыта и инновационного потенциала. Коллективная монография. Посвящается 125-летнему юбилею А.С. Макаренко (под общ. ред. проф. А.А. Сбруевой. – Сумы, 2013 (укр. яз., Сумской гос. пед. ун-т им. А.С. Макаренко):

Раздел 1. Творческое наследие А.С. Макаренко в контексте современных методологических подходов: *7 статей. Тематика: новаторство А.С. Макаренко в работе с «морально дефективными», производственная база коммуны им. Ф.Э. Дзержинского, контекст реформаторского движения первой трети XX столетия, предпринимательская деятельность в колонии им. М. Горького, управленческая деятельность в этой колонии, литературно - публицистический аспект макаренковского наследия.*

Раздел 2. Идеи А.С. Макаренко как методологический ориентир инновационного развития современного образования, *7 статей. Тематика: личностно-ориентированная система воспитания, разновозрастное общение детей в неформальной среде, современные педагогические технологии, культурологический подход, современная педагогическая инноватика, здоровосбережение.*

Приложение: *письма, воспоминания воспитанников и соратников А.С. Макаренко – 10 материалов.*

Гетманец М.Ф., Гетманец И.О. Статьи о Макаренко – педагоге и писателе. - Харьков, 2013 (публикации в журналах, сборниках 1974 – 2012 гг., *иногда без указания на издание, год; без указания на личное авторство). Выборка:*

А.С. Макаренко – писатель: взгляд с исторической дистанции; Гетц Хиллиг - исследователь Макаренко; Педагогика А.С. Макаренко; общечеловеческое и национальное; Духовный мир Макаренко; С установкой на историзм; К вопросу о макаренковской «военизации» (участие Долинского училища в военизированном лагерном сборе на ст. Лозовая Харьковской губернии, 3 июня 1911 г.); Макаренко и театр; Макаренко и Украина; А.С. Макаренко и Н.А. Скрипник; Макаренко о «Республика ШКИД»; Макаренко о романе А.Н. Толстого «Петр Первый»; Макаренко о «Чапаеве» Д. Фурманова и рецензия на это произведение М. Серебрянского; Макаренко о коллективе как эстетической категории; Новое издание сочинений А.С. Макаренко (о 8-томнике, 1983 – 86 гг. изд.); Кто такой Макаренко?; Актуальные проблемы макаренковедения.

Материалы международной научно-практической конференции и Всеукраинских научно-практических семинаров по проблемам управления в сфере образования и науки, 13 – 14 марта 2012 г., посвященных памяти А.С. Макаренко. – Полтава, 2012 (укр. яз.).

163 текста; из непосредственно по А.С. Макаренко:

Куторжевская Л.И. «Воспитание детей - важнейшая область нашей жизни» - А.С. Макаренко.

Мандрыко Т.В. (г. Сумы). Музей наследия А.С. Макаренко как важный компонент подготовки современного учителя.

Ткаченко А.В. Индивидуальные и профессиональные характеристики педагогов трудовой коммуны им. Ф.Э. Дзержинского.

Бровченко Ю.О. А.С. Макаренко о профессионально-педагогических требованиях к современным учителям.

Муха Т.В. А.С. Макаренко и В.А. Сухомлинский об управлении развитием коллектива.

Педагогична спадщина А.С. Макаренко і сучасність / коллективна монограія / за зач. Ред. М.К. Подберезського. – Харьков, 2013. *Выборка в пер. на рус. яз.:*

Гетманец М.Ф. А.С. Макаренко и Украина.

Подберезский Н.К. А.С. Макаренко и НКВД.

Хиллиг Г. Семь смертей А.С. Макаренко. Домыслы и факты.

Гетманец М.Ф. А.С. Макаренко и Н.А. Скрытник.

Наумов Б.Н. Основные центры макаренковедения (история и современность); Фролов А.А. Педагогика А.С. Макаренко: основы методологии; Култаева М.Д. А.С. Макаренко как философ просвещения (в параллели с К. Ясперсом, Х. Гезека и др.); Васильева М.П., Рыбалко Л.С. Идеи самореализации и саморазвития в наследии А.С. Макаренко;

Меринов В.В. Теория коллектива А.С. Макаренко в проекции на современную школу; Прубавина И.М. Развитие идей А.С. Макаренко о просвещении родителей в современных условиях; Шпак В.П., Шадрина А.В. Влияние творческого наследия А.С. Макаренко на становление и развитие реабилитационной педагогики (в контексте отечественных и зарубежных реабилитационных учреждений XIX – XX вв.); Костикова И.И. Интерпретация педагогического наследия А.С. Макаренко в США (история и современность); Тарасевич Н.М. А.С. Макаренко и Рон Кларк (США); И.О. Гетманец. Об одной из многих (о Н.Н. Досичевой. бывш. воспитаннице коммуны им. Ф.Э. Дзержинского): Ткаченко А.В. Педагоги – учителя коммуны им. Ф.Э. Дзержинского; Силаев А.С. М.Ф. Гетманец – исследователь А.С. Макаренко.

Творческое наследия А.С. Макаренко, а контексте инновационного развития образования XXI столетия. Материалы Всеукраинской научно-практической конференции с международным участием, 11 – 12 марта 2013 г. / ред. колл.: О.Г. Козлова и др., 8 чел. Посвящается 125 – летию со дня рожд. А.С. Макаренко. – Сумы, 2013 (укр. яз., Сумской гос. пед. ун-т им. А.С. Макаренко)

Раздел 1. Макаренковедческие аспекты современной педагогической инноватики. *17 материалов. Тематика: о познавательной активности студентов, их педагогической практике, современный инновационный пед. опыт, технологии, педагогическое проектирование, управление, опыт Лебедянского пед. училища им. А.С. Макаренко и др.*

Раздел 2. Идеи А.С. Макаренко в современном креативном образовании. *17 материалов. О народной педагогике, личностно-ориентированном воспитании, подготовке учителя, студенческом самоуправлении и др.*

Раздел 3. Педагогическое наследие А.С. Макаренко в решении проблем детства. *16 материалов. О консультировании семьи, «завтрашней радости», воспитание в специальной школе, детской литературе, трудовом воспитании, семейном и др.*

Раздел 4. Идеи А.С. Макаренко и проблемы становления личности в современных психолого-педагогических исследованиях. *27 материалов. Тематика: воспитательный коллектив, прогностический компонент деятельности педагога, деятельность «христианских лагерей», профориентация и социальная справедливость, морально-ценностное воспитание, психолого-педагогические*

характеристики, личность и коллектив, коллектив как «центральная идея», развитие оптимизма и др.

Раздел 5. Макаренковедение и философия превентивного образования. *4 материала. о соц. пед. рекламе, «превентивном воспитании и др.*

Раздел 6. Проблемы социализации и инкультурации в контексте наследия А.С. Макаренко. *12 материалов Темы: ресоциализация, професс. -ценностные ориентации, ученическое самоуправление, пенитенциарные учреждения и др.*

Раздел 7. Наследие А.С. Макаренко в аспекте управления учебно-воспитательным учреждением. *6 материалов. Тематика: пед. менеджмент и др.*

Раздел 8. Международный контекст макаренковедения. *7 материалов: «расширенные школы Великобритании», США – о 50 – 80 –х гг., Австрия – о «детских деревнях Г. Гмайнера, Польша – о 50 – 80-х гг. и 1993, 1998; о периодизации макаренковедения в СССР – России.*

Детские годы А.С. Макаренко. К 125-летию со дня его рождения. – Белополье, Украина, укр. Яз. брошюра, по материалам В.Г. Хроленко, краеведа. О детских годах А.С. Макаренко: 1888 – 1901. С иллюстрациями, фото бюста А.С. Макаренко в Белополье, укр. яз.

Музей Антона Семенович Макаренко, г. Белополье, путеводитель. – Белополье, 2013. С фотоиллюстрациями. Укр. яз.

Музей-заповедник А.С. Макаренко, в с. Ковалевка, Полтавской обл., путеводитель. Посвящается 125-летию со дня рождения А.С. Макаренко. – 2013. С фотоиллюстрациями. Укр. яз.

Программа празднования 125-й годовщины со дня рождения А.С. Макаренко. 11 марта 2013 г. – Белополье, 2013. На базе Музея А.С. Макаренко. Укр. яз. *В программе: возложение цветов к бюсту А.С. Макаренко, открытие мемориальной доски на доме, где проживала семья С.Г. и Т.М. Макаренко. «Форум: педагогическое наследие А.С. Макаренко в контексте современной школы, с участием пед. общественности Украины, Сумщины и Белопольшины»*

Научно-методическое издание

А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания. Учебная книга по истории, теории и практике воспитания. Часть 7. Статьи о школе и художественной литературе, «Флаги на башнях», подготовительные материалы к «Путям поколения» и «Ньютоновым кольцам», рассказы, встречи с читателями, «Некоторые выводы из моего опыта», «О моем опыте», статьи, письма, дневниковые записи – 1938 г.

Составители:
Фролов Анатолий Аркадьевич
Илалтдинова Елена Юрьевна
Аксёнов Сергей Иванович

Технический редактор

Технический редактор Л.М. Бывшева

Подписано в печать 26.09.2014 Формат 60/84х16 Усл. печ. л.21,7
Тираж 300 экз. Заказ 237
Издательство НГПУ, 603004 Н.Новгород, ул. Челюскинцев, 9
Отпечатано в РИЦ «Полиграф» НГПУ им. К. Минина
603004, Нижний Новгород, ул. Челюскинцев, 9